НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО В ОДНОМ ТОМЕ

Николай Карамзин

Полная история государства Российского в одном томе

«Public Domain»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Карамзин Н. М.

Полная история государства Российского в одном томе / Н. М. Карамзин — «Public Domain»,

ISBN 978-5-17-096662-2

«Карамзин есть первый наш историк и последний летописец…» – эти слова А.С. Пушкина адресованы великому писателю, историку и просветителю Николаю Михайловичу Карамзину.Выход в свет знаменитой «История государства Российского» стал крупнейшим событием общественной жизни страны. Впервые для изложения истории России было использовано большое количество исторических документов, включая Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, Судебники и др. В произведении также проявился и писательский талант Карамзина. Автор подает события прошлого, используя всю красоту русского языка, не ограничиваясь сухим перечислением исторических сюжетов.В этой книге собрана вся «Истории государства Российского». Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-096662-2

© Карамзин Н. М.
© Public Domain

Содержание

Предисловие 8
Об источниках российской истории до XVII века 13
Том I 15
Глава I 16
Глава II 25
Глава III 33
Глава IV 52
Глава V 56
Глава VI 64
Глава VII 69
Глава VIII 82
Глава IX 85
Глава X 96
Том II 104
Глава I 105
Глава II 111
Глава III 121
Глава IV 129
Глава V 138
Глава VI 143
Глава VII 157
Глава VIII 165
Глава IX 169
Глава X 173
Глава XI 178
Глава XII 180
Глава XIII 198
Глава XIV 200
Глава XV 203
Глава XVI 208
Глава XVII 214
Том III 218
Глава I 219
Глава II 229
Глава III 233
Глава IV 265
Глава V 271
Глава VI 275
Глава VII 284
Глава VIII 296
Том IV 315
Глава I 316
Конец ознакомительного фрагмента. 334

Николай Михайлович Карамзин
История государства Российского

Николай Михайлович Карамзин
Портрет работы Н.И. Уткина

**ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ**

Всемилостивейший Государь!

С благоговением представляю *Вашему Императорскому Величеству* плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалюся ревностию и постоянством: ободренный *Вами*, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я *Вам*, Государь, некоторые главы сей Истории – об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя Димитрия Донского – в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. *Вы* слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давноминувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею – но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава *Александрова* сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! Если счастие *Вашего* добродетельного сердца равно *Вашей* славе, то *Вы* счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, наук, искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего *Вы*, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой *Вам* и законом природы, и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предает деяния великодушных царей и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Приимите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

Всемилостивейший Государь!
Вашего Императорского Величества
верноподданный
Николай Карамзин.
Декабря 8, 181

Предисловие

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастие.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят Историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деописанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностию внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая Царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы – красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях

образования? Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию, злополучный, истинно мужественный, Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра – и между сими двумя Самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастия и несчастия, странный Лжедимитрий, и за сонмом доблественных Патриотов, Бояр и граждан, наставник трона, Первосвятитель Филарет с Державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и Царь Алексий, мудрый отец Императора, коего назвала Великим Европа. Или вся Новая История должна безмолвствовать, или Российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца; но История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о Дееписаниях Древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии Греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы Трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи Легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых Римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой Некролог Римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее Половецких набегов. – Одним словом, чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе Государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в

искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих – тогда знаем Историю. Хвастливость Авторского красноречия и нега Читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали, и своими бедствиями изготовили наше величие, а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней Истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?… Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней Летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо *живых, целых* образов представлял единственно *тени, в отрывках*, то не моя вина: я не мог дополнять Летописи!

Есть *три* рода Истории: *первая* современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века. (Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слыхали от своих отцев и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете многое, чего нет в книгах. (Здесь и далее помечены примечания Н. М. Карамзина.)) В *первой* и *второй* блистает ум, воображение Дееписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* – и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали – или справедливая Критика заградит уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению Аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус уставил неизмененные правила и навсегда отлучил Дееписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зерцалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе Писателя, не удовольствию Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже Критика; тем непозволительнее Историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство;

открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы Искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе Древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех Прав на свете, ученость Немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавелево в Историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, Немцы Иоанном Мюллером, и справедливо (Говорю единственно о тех, которые писали целую Историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с сими двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (Историка Швейцарии), знатоки не хвалят его Вступления, которое можно назвать Геологическою Поэмою): оба суть достойные совместники Древних, – не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю. "Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоем месте!" есть правило Гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апоффегмы*, уподобиться Тациту? Не знаю; но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апоффегмы бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в Истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль – *дар*: читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из Новых, если бы он не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше* оживляет повествование – и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в Историке, так любовь к отечеству даст его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках: искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то Князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно – мимо всего близкого, ясного – к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врозь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы Древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая!

Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены Критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено – надобно вооружиться терпением. В воле Читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер, сказал, что наша История имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до Моголов *разделенною* (Divisa), от Батыя до Иоанна *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не рождения. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время Великого Князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастием, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *среднюю* от Иоанна до Петра, и *новую* от Петра до Александра. Система Уделов была характером *первой эпохи*, единовластие – *второй*, изменение гражданских обычаев – *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть, сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия… по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815.

Об источниках российской истории до XVII века

СИИ ИСТОЧНИКИ СУТЬ:

I. *Летописи.* Нестор, инок Монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* Российской Истории, жил в XI веке: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы Князей; беседовал с Вельможами, старцами Киевскими, путешественниками, жителями иных областей Российских; читал Византийские Хроники, записки церковные и сделался *первым* летописцем нашего отечества. *Второй*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный Владимирским Князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушие последнею и другие современные деяния юго-западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новегороде, Иерей, посвященный Епископом Нифонтом в 1144 году; другой в Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Волынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастию, не вымышляли, и достовернейшие из Летописцев иноземных согласны с ними. Сия почти непрерывная цепь Хроник идет до государствования Алексея Михайловича. Некоторые доныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, Пушкинский и Троицкий, XIV и XV века. Достойны также замечания *Ипатьевский, Хлебниковский, Кенигсбергский, Ростовский, Воскресенский, Львовский, Архивский*. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском Княжении, далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, – например, *Архивскому*.

II. *Степенная книга*, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению Митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

III. Так называемые *Хронографы*, или Всеобщая История по Византийским Летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях.

IV. *Жития святых*, в патерике, в прологах, в минеях, в особенных рукописях. Многие из сих Биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке.

V. *Особенные деописания*: например, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о Митрополите Филиппе, и проч.

VI. *Разряды*, или распределение Воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII. Письменные *Каталоги митрополитов и епископов*. – Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания святителей* к князьям, духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть Послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного.

X. Древние *монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI. *Грамоты*. Древнейшая из подлинных писана около 1125 года. Архивские Новогородские грамоты и *Душевные записи* князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII. Собрание так называемых *Статейных списков*, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной Коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают Читателю право требовать уже большей удовлетворительности от Историка. – К сей нашей собственности присовокупляются.

XIII. *Иностранные современные летописи*: Византийские, Скандинавские, Немецкие, Венгерские, Польские, вместе с известиями путешественников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных Архивов*: всего более пользовался я выписками из Кенигсбергского.

Вот материалы Истории и предмет Исторической Критики!

Том I

Глава I
О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще

Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествованиях греков и римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. Первые весьма рано открыли путь чрез Геллеспонт и Воспор Фракийский в Черное море, если верить славному путешествию Аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оного, веков за XII до Рождества Христова. В сем любопытном стихотворении, основанном, по крайней мере, на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометея), река Фазис (ныне Рион), Меотисское или Азовское море, Воспор, народ каспийский, тавры и киммериане, обитатели южной России. Певец Одиссеи также именует последних. "Есть народ Киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь". Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы; но басня о *мраках Киммерийских* обратилась в пословицу веков, и *Черное* море, как вероятно, получило оттого свое название. Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на Север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими, в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росою, блаженствуют несколько веков и, насытясь жизнию, бросаются в волны морские.

Наконец, сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям. Веков за пять или более до Рождества Христова греки завели селения на берегах Черноморских. Ольвия, в 40 верстах от устья днепровского, построена выходцами Милетскими еще в славные времена Мидийской Империи, называлась *счастливою* от своего богатства и существовала до падения Рима; в благословенный век Траянов образованные граждане ее любили читать Платона и, зная наизусть Илиаду, пели в битвах стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагория были столицами знаменитого царства Воспорского, основанного азиатскими греками в окрестностях Киммерийского Пролива. Город Танаис, где ныне Азов, принадлежал к сему царству; но Херсон Таврический (коего начало неизвестно) хранил вольность свою до времен Митридатовых. Сии пришельцы, имея торговлю и тесную связь с своими единоземцами, сообщили им верные географические сведения о России южной, и Геродот, писавший за 445 лет до Рождества Христова, предал нам оные в своем любопытном творении.

Киммериане, древнейшие обитатели нынешних губерний Херсонской и Екатеринославской – вероятно, единоплеменные с Германскими Цимбрами, за 100 лет до времен Кировых были изгнаны из своего отечества скифами или сколотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но, вытесненные оттуда Массагетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть южной Азии и, наконец, утвердились между Истром и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный царь персидский, Дарий, напрасно хотел отмстить им за опустошение Мидии и где, гоняясь за ними в степях обширных, едва не погибло все его многочисленное войско. Скифы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно киргизам или калмыкам; более всего любили свободу; не знали никаких искусств, кроме одного: "везде настигать неприятелей и везде от них скрываться"; однако ж терпели греческих поселенцев в стране своей, заимствовали от них первые начала гражданского образования, и царь скифский построил себе в Ольвии огромный дом, украшенный резными изображениями сфинк-

сов и грифов. – Каллипиды, смесь диких скифов и греков, жили близ Ольвии к Западу; алазоны в окрестностях Гипаниса, или Буга; так называемые *скифы-земледельцы* далее к Северу, на обоих берегах Днепра. Сии три народа уже сеяли хлеб и торговали им. На левой стороне Днепра, в 14 днях пути от его устья (вероятно, близ Киева), между *скифами-земледельцами* и кочующими было их Царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов. Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на восток до самого Азовского моря, Дона и Крыма, где жили тавры, может быть единоплеменники древних киммериан: убивая иностранцев, они приносили их в жертву своей *богине-девице* τη Παρθένω, и мыс Севастопольский, где существовал храм ее, долго назывался Παρθένιον. Геродот пишет еще о многих других народах *не скифского* племени: агафирсах в Седмиградской области или Трансильвании, неврах в Польше, андрофагах и меланхленах в России: жилища последних находились в 4000 стадиях, или в 800 верстах, от Черного моря к Северу, в ближнем соседстве с андрофагами; те и другие питались человеческим мясом. Меланхлены назывались так от черной одежды своей. Невры "обращались ежегодно на несколько месяцев в волков": то есть зимою покрывались волчьими кожами. – За Доном, на степях Астраханских, обитали сарматы, или савроматы; далее, среди густых лесов, будины, гелоны (народ греческого происхождения, имевший деревянную крепость), – ирки, фиссагеты (славные звероловством), а на восток от них – скифские беглецы *орды Царской*. Тут, по сказанию Геродота, начинались каменистые горы (Уральские) и страна агриппеев, людей *плосконосых* (вероятно, калмыков). Доселе ходили обыкновенно торговые караваны из городов черноморских: следственно, места были известны, также и народы, которые говорили *семью* разными языками. О дальнейших *полунощных* землях носился единственно темный слух. Агриппеи уверяли, что за ними обитают люди, которые спят в году шесть месяцев: чему не верил Геродот, но что для нас понятно: долговременные ночи хладных климатов, озаряемые в течение нескольких месяцев одними северными сияниями, служили основанием сей молвы. – На восток от агриппеев (в Великой Татарии) жили исседоны, которые сказывали, что недалеко от них *грифы стрегут золото*, сии баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною и заставляют думать, что драгоценные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Север вообще славился тогда своим богатством или множеством золота. Упомянув о разных ордах, кочевавших на восток от моря Каспийского, Геродот пишет о главном народе нынешних киргизских степей, сильных массагетах, победивших Кира, и сказывает, что они, сходствуя одеждою и нравами с племенами скифскими, украшали *золотом* шлемы, поясы, конские приборы и, не зная железа, ни серебра, делали палицы и копья из меди.

Что касается собственно до Скифии российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлесною; только между Тавридою и днепровским устьем находились леса. Он за чудо сказывает своим единоземцам, что зима продолжается там 8 месяцев, и воздух в сие время, по словам Скифов, бывает наполнен летающими перьями, то есть снегом; что море Азовское замерзает, жители ездят на санях чрез неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на воде, густеющей от холода; что гром гремит и молния блистает у них единственно летом. – Кроме Днепра, Буга и Дона, вытекающего из озера, сей Историк именует еще реку Днестр (Τύρης, при устье коего жили греки, называемые тиритами), Прут (Πορά́τα), Серет (Ορδησσός), и говорит, что Скифия вообще может славиться большими судоходными реками; что Днепр, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступает в величине одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, приятна для вкуса и здорова; что источник сей реки скрывается в отдалении и неизвестен скифам. Таким образом Север восточной Европы, огражденный пустынями и свирепостию варваров, которые на них скитались, оставался еще землею таинственною для истории. Хотя скифы занимали единственно южные страны нашего отечества; хотя андрофаги, меланхлены и прочие народы северные, как пишет сам Геродот, были совсем иного племени: но греки назвали всю нынешнюю азиатскую и европейскую Россию, или все полунощные земли, Скифиею, так же как они без разбора име-

новали полуденную часть мира Эфиопиею, западную Кельтикою, восточную Индиею, ссылаясь на Историка Эфора, жившего за 350 лет до Рождества Христова.

Несмотря на долговременное сообщение с образованными греками, скифы еще гордились дикими нравами своих предков, и славный единоземец их, Философ Анахарсис, ученик Солонов, напрасно хотев дать им законы афинские, был жертвою сего несчастного опыта. В надежде на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитых неприятелей, выделанную кожу их употребляли вместо одежды, а черепы вместо сосудов, и в образе меча поклонялись богу войны, как главе других мнимых богов.

Территории, занимаемые скифами и славянами. VII–III вв. до н. э.

Могущество скифов начало ослабевать со времен Филиппа Македонского, который, по словам одного древнего историка, одержал над ними решительную победу не превосходством мужества, а хитростию воинскою, и не нашел в стане у врагов своих ни серебра, ни золота, но только жен, детей и старцев. Митридат Эвпатор, господствуя на южных берегах Черного моря и завладев Воспорским Царством, утеснил и скифов: последние их силы были истощены в жестоких его войнах с Римом, коего орлы приближались тогда к нынешним кавказским странам России. Геты, народ фракийский, побежденный Александром Великим на Дунае, но страшный для Рима во время Царя своего, Беребиста Храброго, за несколько лет до Рождества Христова отнял у скифов всю землю между Истром и Борисфеном, т. е. Дунаем и Днепром. Наконец сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и, по известию Диодора Сицилийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так что *особенное бытие* скифов исчезло для истории; осталось только их славное имя, коим несведущие греки и римляне долго еще называли все народы мало известные и живущие в странах отдаленных.

Сарматы (или савроматы Геродотовы) делаются знамениты в начале христианского летосчисления, когда римляне, заняв Фракию и страны Дунайские своими легионами, приобрели для себя несчастное соседство варваров. С того времени историки римские беспрестанно говорят о сем народе, который господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из двух главных племен, роксолан и язигов; но географы, весьма некстати назвав Сарматиею всю обширную страну Азии и Европы, от Черного моря и Каспийского с одной стороны до Германии, а с другой до самой глубины севера, обратили имя сарматов (подобно как прежде скифское) в общее для всех народов полунощных. Роксолане утвердились в окрестностях Азовского и Черного моря, а язиги скоро перешли в Дакию, на берега Тисы и Дуная. Дерзнув

первые тревожить римские владения с сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикого варварства с гражданским просвещением, которая заключилась наконец гибелию последнего. Роксолане одержали верх над когортами римскими в Дакии; язиги опустошали Мизию. Еще военное искусство, следствие непрестанных побед в течение осьми веков, обуздывало варваров и часто наказывало их дерзость; но Рим, изнеженный роскошию, вместе с гражданскою свободою утратив и гордость великодушную, не стыдился золотом покупать дружбу сарматов. Тацит именует язигов союзниками своего народа, и сенат, решив прежде судьбу великих государей и мира, с уважением встречал послов народа кочующего. – Хотя война Маркоманнская, в коей сарматы присоединились к германцам, имела несчастные для них следствия; хотя, побежденные Марком Аврелием, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однако ж, кочуя в южной России и на берегах Тибиска, или Тисы, долго еще беспокоили набегами римские владения.

Почти в одно время с язигами и роксоланами узнаем мы и других – вероятно, единоплеменных с ними – обитателей юго-восточной России, алан, которые, по известию Аммиана Марцеллина, были древние массагеты и жили тогда между Каспийским и Черным морем. Они, равно как и все азиатские дикие народы, не обрабатывали земли, не имели домов, возили жен и детей на колесницах, скитались по степям Азии даже до самой Индии северной, грабили Армению, Мидию, а в Европе берега Азовского и Черного моря; отважно искали смерти в битвах и славились отменною храбростию. К сему народу многочисленному принадлежали, вероятно, аорсы и сираки, о коих в первом веке Христианского летосчисления упоминают разные историки и кои, обитая между Кавказом и Доном, были и врагами и союзниками римлян. Алане, вытеснив сарматов из юго-восточной России, отчасти заняли и Тавриду.

В третьем веке приближились от Балтийского к Черному морю готфы и другие народы германские, овладели Дакиею, римскою провинциею со времен Траяновых, и сделались самыми опасными врагами империи. Переплыв на судах в Азию, готфы обратили в пепел многие города цветущие в Вифинии, Галатии, Каппадокии и славный храм Дианы в Ефесе, а в Европе опустошили Фракию, Македонию и Грецию до Мореи. Они хотели, взяв Афины, истребить огнем все книги греческие, там найденные; но приняли совет одного умного единоземца, который сказал им: "Оставьте грекам книги, чтобы они, читая их, забывали военное искусство и тем легче были побеждаемы нами". Ужасные свирепостию и мужеством, готфы основали сильную Империю, которая разделялась на восточную и западную, и в IV столетии, при Царе их Эрманарихе, заключала в себе не малую часть России европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского.

Готфский историк VI века Иорнанд пишет, что Эрманарих в числе многих иных народов победил и венедов, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов Балтийских, славились более своею многочисленностию, нежели искусством воинским. Сие известие для нас любопытно и важно, ибо *венеды*, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники *славян*, предков народа российского. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Рождества Христова, было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный океан и где живут венеды. Вероятно, что финикияне, смелые мореходцы, которые открыли Европу для образованных народов древности, не имевших о ней сведения, доплывали до самых берегов нынешней Пруссии, богатых янтарем, и там покупали его у Венедов. Во время Плиния и Тацита, или в первом столетии, венеды жили близ Вислы и граничили к югу с Дакиею. Птолемей, астроном и географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Балтийского, сказывая, что оно издревле называлось *Венедским*. Следственно; ежели славяне и венеды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юге от моря Балтийского. Из Азии ли они пришли туда и в какое время, не знаем. Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо, согласно с преданиями священными, и все языки европейские,

несмотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними азиатскими; однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими *действительно историческими* свидетельствами и считаем венедов европейцами, когда история находит их в Европе. Сверх того они самыми обыкновениями и нравами отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или *колесницах* и только на конях сражались: Тацитовы же венеды имели домы, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега.

Конец четвертого века ознаменовался важными происшествиями. Гунны, народ кочующий, от полунощных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают – около 377 года – на алан, готфов, владения римские; истребляя все огнем и мечем. Современные историки не находят слов для описания лютой свирепости и самого безобразия гуннов. Ужас был их предтечею, и столетний герой Эрманарих не дерзнул даже вступить с ними в сражение, но произвольною смертию спешил избавиться от рабства. Восточные готфы должны были покориться, а западные искали убежища во Фракии, где римляне, к несчастию своему, дозволили им поселиться: ибо готфы, соединясь с другими мужественными германцами, скоро овладели большею частию империи.

История сего времени упоминает об *антах*, которые, по известию Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Винитар, наследник Эрманариха, Царя Готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря (следственно, в России), и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семьюдесятью знатнейшими боярами. Царь гуннский, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига готфов. – Нет сомнения, что анты и венеды признавали над собою власть гуннов: ибо сии завоеватели во время Аттилы, грозного царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до островов Балтийского моря. Истребив бесчисленное множество людей, разрушив города и крепости дунайские, предав огню селения, окружив себя пустынями обширными, Аттила царствовал в Дакии под наметом шатра, брал дань с Константинополя, но славился презрением золота и роскоши, ужасал мир и гордился именем *бича Небесного*. – С жизнью сего варвара, но великого человека, умершего в 454 году, прекратилось и владычество гуннов. Народы, порабощенные Аттилою, свергнули с себя иго несогласных сыновей его. Изгнанные немцами-гепидами из Паннонии или Венгрии, гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их называлась Гунниваром; другие рассеялись по дунайским областям империи – и скоро изгладились следы ужасного бытия гуннов. Таким образом сии варвары отдаленной Азии явились в Европе, свирепствовали и, как грозное привидение, исчезли!

В то время южная Россия могла представлять обширную пустыню, где скитались одни бедные остатки народов. Восточные готфы большею частию удалились в Паннонию; о роксоланах не находим уже ни слова в летописях: вероятно, что они смешались с гуннами или, под общим названием сарматов, вместе с язигами были расселены императором Маркианом в Иллирике и в других римских провинциях, где, составив один народ с готфами, утратили имя свое: ибо в конце V века история уже молчит о сарматах. Множество алан, соединясь с немецкими вандалами и свевами, перешло за Рейн, за горы Пиренейские, в Испанию и Португалию. – Но скоро угры и болгары, по сказанию греков единоплеменные с гуннами и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного моря и Тавридою (где еще обитали некоторые готфы, принявшие Веру Христианскую) и в 474 году начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия константинопольские.

С другой стороны выходят на феатр истории *славяне*, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от *славы,* – и народ, коего бытие мы

едва знали, с VI века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Вероятно, что некоторые из славян, подвластных Эрманариху и Аттиле, служили в их войске; вероятно, что они, испытав под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятность добычи в богатых областях империи, возбудили в соотечественниках желание приближиться к Греции и вообще распространить их владение. Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела; ее народы воинственные удалились к югу и западу искать счастия. На берегах Черноморских, между устьями Днепра и Дуная, кочевали, может быть, одни дикие малолюдные орды, которые сопутствовали гуннам в Европу и рассеялись после их гибели. От Дуная и Алуты до реки Моравы жили немцы лонгобарды и гепиды; от Днепра к морю Каспийскому угры и болгары; за ними, к северу от Понта Эвксинского и Дуная, явились анты и славяне; другие же племена их вступили в Моравию, Богемию, Саксонию, а некоторые остались на берегах моря Балтийского. Тогда начинают говорить об них историки византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы славян, отличные от характера немецких и сарматских племен: доказательство, что сей народ был прежде мало известен грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства.

Уже в конце пятого века летописи Византийские упоминают о славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили чрез свои земли немцев-герулов, разбитых лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Балтийскому; но только со времен Юстиниановых, с 527 года, утвердясь в Северной Дакии, начинают они действовать против империи, вместе с угорскими племенами и братьями своими антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с болгарами. Ни сарматы, ни готфы, ни самые гунны не были для империи ужаснее славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес – все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою; только Хильвуд, смелый Вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так южные берега Дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни легионы римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева, сооруженная для защиты Царяграда от варваров, не могли удерживать славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, совет верховный и знатнейшие вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа славян и болгаров ко вратам ее. Один Велисарий, поседевший в доблести, осмелился выйти к ним навстречу, но более казною императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя. Они спокойно жительствовали в империи, как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо гепиды, владевшие большею частию северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности. Между тем Юстиниан с гордостию величал себя *Антическим*, или *Славянским*, хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его оружия против наших диких предков, которые беспрестанно опустошали империю или, заключая иногда дружественные с нею союзы, нанимались служить в ее войсках и способствовали их победам. Так во второе лето славной войны Готфской (в 536 году) Валериан привел в Италию 1600 конных славян, и римский полководец Туллиан вверил антам защиту Лукании, где они в 547 году разбили готфского короля Тотилу.

Уже лет 30 славяне свирепствовали в Европе, когда новый азиатский народ победами и завоеваниями открыл себе путь к Черному морю. Весь известный мир был тогда феатром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. Авары славились могуществом в степях Татарии, но в VI веке, побежденные турками, ушли из земли своей. Сии турки, по свидетельству историков китайских, были остатками гуннов, древних полунощных соседей Китайской империи; в течение времени соединились с другими Ордами единоплеменными и завое-

вали всю южную Сибирь. Хан их, называемый в византийских летописях Дизавулом, как новый Аттила покорив многие народы, жил среди гор Алтайских в шатре, украшенном коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатом троне, принимал византийских послов и дары от Юстиниана; заключал с ним союзы и счастливо воевал с персами. Известно, что россияне, овладев в новейшие времена полуденною частию Сибири, находили в тамошних могилах великое количество вещей драгоценных: вероятно, что они принадлежали сим алтайским туркам, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему с Китаем, Персиею и греками.

Вместе с другими ордами зависели от Дизавула киргизы и гунны-Огоры. Быв прежде данниками аваров и тогда угнетаемые турками, огоры перешли на западные берега Волги, назвались славным именем аваров, некогда могущественных, и предложили союз императору византийскому. Народ греческий с любопытством и с ужасом смотрел на их послов: одежда сих людей напоминала ему страшных гуннов Аттилы, от коих мнимые авары отличались единственно тем, что не брили головы и заплетали волосы в длинные косы, украшенные лентами. Главный посол сказал Юстиниану, что авары, мужественные и непобедимые, хотят его дружбы, требуя даров, жалованья и выгодных мест для поселения. Император не дерзнул ни в чем отказать сему народу, который, бежав из Азии, со вступлением в Европу приобрел силу и храбрость. Угры, болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Хан аварский, свирепый Баян, разбил их войско, умертвил посла, знаменитого князя Мезамира; ограбил землю, пленил жителей; скоро завоевал Моравию, Богемию, где обитали чехи и другие славяне; победил Сигеберта, короля франков, и возвратился на Дунай, где Лонгобарды вели кровопролитную войну с гепидами. Баян соединился с первыми, разрушил державу гепидов, овладел большею частию Дакии, а скоро и Паннониею, или Венгриею, которую лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваний в Италии. Область аваров в 568 году простиралась от Волги до Эльбы. В начале седьмого века завладели они и Далмациею, кроме приморских городов ее. Хотя турки, господствуя на берегах Иртыша, Урала, – тревожа набегами Китай и Персию – около 580 года распространили было свои завоевания до самой Тавриды – взяли Воспор, осаждали Херсон; но скоро исчезли в Европе, оставив земли черноморские в подданстве аваров.

Уже анты, богемские чехи, моравы служили хану; но собственно так называемые дунайские славяне хранили свою независимость, и еще в 581 году многочисленное войско их снова опустошило Фракию и другие владения имперские до самой Эллады, или Греции. Тиверий царствовал в Константинополе: озабоченный войною Персидскою, он не мог отразить славян и склонил хана отмстить им впадением в страну их. Баян назывался другом Тиверия и хотел даже быть римским патрицием: он исполнил желание императора тем охотнее, что давно уже ненавидел славян за их гордость. Сию причину злобы его описывают византийские историки следующим образом. Смирив антов, хан требовал от славян подданства; но Лавритас и другие вожди их ответствовали: "Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете". Посол ханский раздражил их своими надменными речами и заплатил за то жизнию. Баян помнил сие жестокое оскорбление и надеялся собрать великое богатство в земле славян, которые, более пятидесяти лет громив империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с шестьюдесятью тысячами отборных конных латников, начал грабить *селения*, жечь поля, истреблять жителей, которые только в бегстве и в густоте лесов искали спасения. – С того времени ослабело могущество славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро хан аварский совершенно овладел Дакиею. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы их тирана; долженствовали первые гибнуть в битвах, и когда хан, нарушив мир с Грециею, в 626 году осадил Константинополь, славяне были жертвою сего дерзкого предприятия. Они взяли бы столицу империи, если бы измена не открыла их тайного

намерения грекам: окруженные неприятелем, бились отчаянно; немногие спаслися и в знак благодарности были казнены ханом.

Между тем не все народы славянские повиновались сему хану: обитавшие за Вислою и далее к северу спаслись от рабства. Так, в исходе VI века на берегах моря Балтийского жили мирные и счастливые славяне, коих он напрасно хотел вооружить против греков и которые отказались помогать ему войском. Сей случай, описанный византийскими историками, достоин любопытства и примечания. "Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев, имевших, вместо оружия, кифары, или гусли. Император спросил, кто они? Мы – славяне, ответствовали чужеземцы, и живем на отдаленнейшем конце Западного океана (моря Балтийского). Хан аварский, прислав дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к хану с извинением, что не могут за великою отдаленностию дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, невзирая на святость посольского звания, не отпускал нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в стране нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную. – Император дивился тихому нраву сих людей, великому росту и крепости их: угостил послов и доставил им способ возвратиться в отечество". Такое миролюбивое свойство балтийских славян, во времена ужасов варварства, представляет мыслям картину счастия, которого мы обыкли искать единственно в воображении. Согласие византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами севера, где славяне могли наслаждаться тишиною, когда германские народы удалились к югу и когда разрушилось владычество гуннов.

Наконец *богемские* славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить меч, смирили гордость аваров и возвратили древнюю свою независимость. Летописцы повествуют, что некто, именем Само, был тогда смелым Вождем их: благодарные и вольные славяне избрали его в цари. Он сражался с Дагобертом, королем франков, и разбил его многочисленное войско.

Скоро владения славян умножились новыми приобретениями: еще в VI веке, как вероятно, многие из них поселились в Венгрии; другие в начале VII столетия, заключив союз с Константинополем, вошли в Иллирию, изгнали оттуда аваров и основали новые области, под именем Кроации, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации. Императоры охотно дозволяли им селиться в греческих владениях, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею их защитою от нападения других варваров, – и в VII веке находим славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники и в Мизии, или в нынешней Болгарии. Даже весь Пелопоннес был несколько времени в их власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирепствовала в Греции, и завоевали древнее отечество наук и славы. – Многие их них поселились в Вифинии, Фригии, Дардании, Сирии.

Но между тем, когда чехи и другие славяне пользовались уже совершенною вольностию отчасти в прежних, отчасти в новых своих владениях, дунайские находились еще, кажется, под игом аваров, хотя могущество сего достопамятного азиатского народа ослабело в VII веке. Куврат, князь болгарский, данник хана, в 635 году свергнул с себя иго аваров. Разделив силы свои на девять обширных укрепленных станов, они еще долгое время властвовали в Дакии и в Паннонии, вели жестокие войны с баварцами и славянами в Каринтии, в Богемии; наконец утратили в летописях имя свое. Куврат, союзник и друг римлян, господствовал в окрестностях Азовского моря; но сыновья его, в противность мудрому совету умирающего отца, разделились: старший, именем Ватвай, остался на берегах Дона; второй сын, Котраг, перешел на другую сторону сей реки; четвертый в Паннонию, или Венгрию, к Аварам, пятый в Италию; а третий, Аспарух, утвердился сперва между Днестром и Дунаем, но в 679 году, завоевав и всю Мизию, где жили многие Славяне, основал там сильное государство Болгарское.

Представив читателю расселение народов славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются Властителям чужеземным; а некоторые забыли и самый язык отечественный.

Теперь обратимся к истории государства Российского, основанной на преданиях нашего собственного, древнейшего летописца.

Глава II
О славянах и других народах, составивших Государство Российское

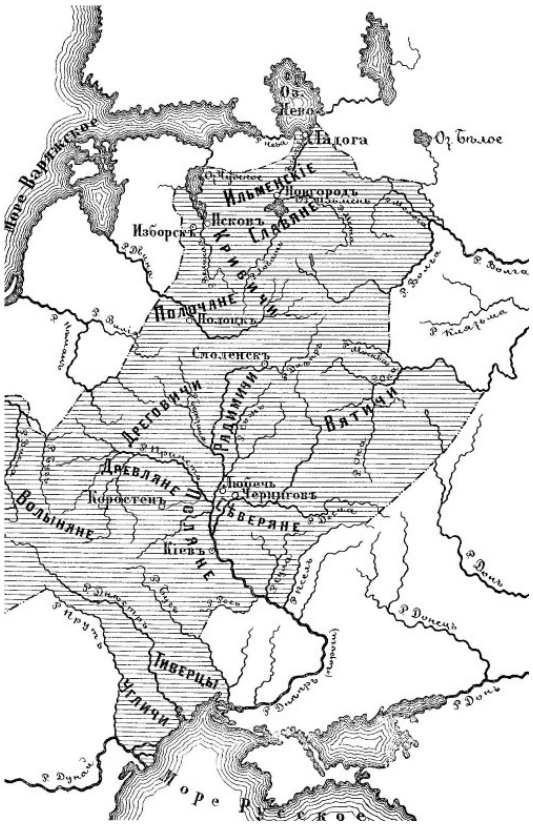
Нестор пишет, что Славяне *издревле обитали* в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии Болгарами, а из Паннонии Волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из Византийских Летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей – проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах Киевских, еще не населенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы – доходил до Ильменя и нашел там Славян: следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились в Мизии. Но вероятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единоземцам; вероятно и то, что Волохи, потомки древних Гетов и Римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю Готфам, Гуннам и другим народам, искали убежища в горах и, видя наконец слабость Аваров, овладели Трансильваниею и частью Венгрии, где Славяне долженствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России; может быть Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в Русских сказках XII столетия упоминается о счастливых воинах Траяновых в Дакии, и что Славяне Российские начинали, кажется, свое летосчисление от времени сего мужественного Императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов Славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем Гетов. Но Историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: "Откуда и когда Славяне пришли в Россию?", опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше Государство.

Приход апостола Андрея с учениками к месту основания Киева; благословение Андреем этого места и воздвижение креста на высоком берегу Днепра. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Многие Славяне, единоплеменные с Ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались *Полянами* от чистых *полей* своих. Имя сие исчезло

в древней России, но сделалось общим именем Ляхов, основателей Государства Польского. От сего же племени Славян были два брата, Радим и Вятко, главами Радимичей и Вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской Губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской Губернии; Дулебы и Бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; Лутичи и Тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; Белые Хорваты в окрестностях гор Карпатских; Северяне, соседи Полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской Губернии; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, Дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, Кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними Полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые Славяне, которые *после* Рождества Христова основали Новгород.



Расселение славян в IX в.

К тому же времени Летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: "Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трех горах, из коих две слывут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) *Зборичев взвоз*. Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. *Киевом*. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь и приял великую честь от Царя Греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители Дунайские не дали ему там утвердиться, и доныне именуют сие место *городищем Киевцом*. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою". Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описан-

ных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях* Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего происшедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы – ныне Скавицы – Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой Киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в Греческих и Северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые Истории и Биографии. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что Славяне Киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию. Дулебы, Поляне Днепровские, Лутичи и Тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах Славян Дунайских, столь ужасных для Империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие Славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны Кривичами и были уже в IX веке, а последние в самом начале X; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области Северян.

Кроме народов Славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *Меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; *Мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *Черемиса, Мещера, Мордва* на юго-восток от Мери; *Ливь* в Ливонии; *Чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *Нарова* там, где Нарва; *Ямь* или *Емь* в Финляндии; *Весь* на Белеозере; *Пермь* в Губернии сего имени; *Югра* или нынешние Березовские Остяки на Оби и Сосве; *Печора* на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и Лапландцев, Зырян, Остяков Обских, Чуваш, Вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *Финскими*. Уже Тацит в первом столетии говорит о соседственных с Венедами Финнах, которые жили издревле в полунощной Европе. Лейбниц и новейшие Шведские Историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими – даже самая Дания, по мнению Греция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины Европейского Севера на Восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена Финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел Историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии Готфам, а в России, может быть, Славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности: "не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия; питаясь травами, одеваясь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями". В Тацитовом описании древних Финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же Лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. "Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов (пишет сей красноречивый Историк), они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!"

Но Финны Российские, по сказанию нашего Летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их Римский Историк: имели не только постоянные жилища, но и города: Весь – Белоозеро, Меря – Ростов, Мурома – Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены. – Древняя История Скандинавов (Датчан, Норвежцев, Шведов) часто говорит о двух особенных странах Финских, вольных и независимых: Кириаландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архан-

гельской губернии; граничила на Восток с Биармиею, а на Северо-запад – с Квенландиею или Каяниею. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. *Биармиею* называли Скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губернии. *Исландские повести* наполнены сказаниями о сей великой Финской области, но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии Норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Норд-Кап, доплывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ Биармский многочислен и говорит почти одним языком с Финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (в Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Пруссами составляют народ Латышский. В языке его находится множество Славянских, довольно Готфских и Финских слов: из чего основательно заключают Историки, что Латыши происходят от сих народов. С великою вероятностию можно определить даже и начало бытия их. Когда Готфы удалились к пределам Империи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского; смешались там с остатками первобытных жителей, т. е. с Готфами; начали истреблять леса для хлебопашества и прозвались Латышами, или *обитателями земель расчищенных,* ибо *лата* знаменует на языке Литовском *расчищение*. Их, кажется, называет Иорнанд Видивариями, которые в половине шестого века жили около Данцига и состояли из разных народов: с чем согласно и древнее предание Латышей, уверяющих, что их первый Государь, именем Видвут, Царствовал на берегах Вислы и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию и Летландню, где он и доныне находится и где, до самого введения Христианской Веры, управлял им северный Далай-Лама, главный судия и Священник Криве, живший в Прусском местечке Ромове.

Многие из сих Финских и Латышских народов, по словам Нестора, были данниками россиян: должно разуметь, что Летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею Европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении Древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных Славян на тихих Полян Киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Люди грубые, полудикие не знают духа народного и хотят лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало Славян Российских в жертву внешним неприятелям. Обры или Авары в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и Дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен Славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею в земле Русской. – Скоро явились другие завоеватели: на юге – Козары, Варяги на Севере.

Козары или Хазары, единоплеменные с Турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в Географиях Восточных. Еще с третьего столетия они известны по Арменским летописям: Европа же узнала их в IV веке вместе с Гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях Астраханских. Аттила властвовал над ними: Болгары также, в исходе V века; но Козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, Царь Персидский, должен был заградить от них свои области огром-

ною стеною, славною в летописях под именем Кавказской и доныне еще удивительною в своих развалинах. В VII веке они являются в Истории Византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь Императору (который из благодарности надел диадему Царскую на их Кагана или Хакана, именуя его сыном своим); два раза входят с ним в Персию, нападают на Угров, Болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков *Козариею*. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее Цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с Каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою Козарскою и стражу свою составили из сих храбрых Азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные войны с Аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых Калифов.

Рассеянные племена Славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители Киевские, Северяне, Радимичи и Вятичи признали над собой власть Каганову. "Киевляне, – пишет Нестор, – дали своим завоевателям по *мечу с дыма* и мудрые старцы Козарские в горестном предчувствии сказали: *Мы будем данниками сих людей: ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие".* Басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия Российского, в X или XI веке! По крайней мере завоеватели *не удовольствовались мечами*, но обложили Славян иною данию и брали, как говорит сам Летописец, "по белке с дома": налог весьма естественный в землях Северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека и где промышленность людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго грабив за Дунаем владения Греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от Императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями натуры, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало Славян: по крайней мере Летописец наш, изобразив бедствия, претерпенные народом его от жестокости Обров, не говорит ничего подобного о Козарах. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Ханы их жили издавна в Балангиаре, или Ателе (богатой и многолюдной столице, основанной близ Волжского устья Хозроем, Царем Персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие Азиатские варвары любили только разрушать города: но Козары требовали искусных зодчих от Греческого Императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле Козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что *Кагановo городище* близ Харькова и другие, называемые *Козарскими,* близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли Веру Иудейскую, а в 858 [году] Христианскую… Ужасая Монархов Персидских, самых грозных Калифов и покровительствуя Императоров Греческих, Козары не могли предвидеть, что Славяне, порабощенные ими без всякого кровопролития, испровергнут их сильную Державу.

Но могущество наших предков на Юге долженствовало быть следствием подданства их на Севере. Козары не властвовали в России далее Оки: новогородцы, Кривичи были свободны до 850 года. Тогда – заметим сие *первое хронологическое* показание в Несторе – какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях Варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на Чудь, Славян Ильменских, Кривичей, Мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев Варяжских, от *племени Русского,* которые сделались первыми Властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться *Русью*. – Сие происшествие

важное, служащее основанием Истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор Варягами? Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России *Варяжским*: кто же в сие время – то есть в IX веке – господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех Королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с Готфами. Они, под общим именем Норманов или *Северных людей,* громили тогда Европу. Еще Тацит упоминает о мореходстве Свеонов или Шведов; еще в шестом веке Датчане приплывали к берегам Галлии: в конце осьмого слава их уже везде гремела, и флаги Скандинавские, развеваясь пред глазами Карла Великого, смиряли гордость сего Монарха, который с досадою видел, что Норманы презирают власть и силу его. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии и построили там города, которые доныне существуют; в 911 году овладели Нормандиею; наконец, основали Королевство Неаполитанское и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Мы уже говорили о древнем их плавании вокруг Норд-Капа, или Северного мыса: нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманы оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя, конечно, верить Датскому Историку Саксону Грамматику, именующему Государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде Рождества Христова и вступали в родственные союзы с Королями Скандинавскими: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников для описания сей глубокой древности и заменял оные вымыслами своего воображения; нельзя также верить и баснословным *Исландским повестям,* сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиею, Гольмгардом и Грециею: но Рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие Христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется Girkia, Grikia или Россия), что Норманы давно имели с нею сообщение. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, Варяги овладели странами Чуди, Славян, Кривичей и Мери, не было на Севере другого народа, кроме Скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова (жилища Мери), то мы уже с великою вероятностию заключить можем, что Летописец наш разумеет их под именем Варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства:

1. Имена трех Князей Варяжских – Рюрика, Синеуса, Трувора – призванных Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманские: так, в летописях Франкских около 850 года – что достойно за- мечания – упоминается о трех *Рориках:* один назван Вождем Датчан, другой Королем (Rex) Норманским, третий просто Норманом; они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксоне Грамматике, в Стурлезоне и в *Исландских повестях,* между именами Князей и Витязей Скандинавских, находим *Рурика, Рерика, Трувара, Трувра, Снио, Синия.* – II. Русские Славяне, будучи под владением Князей Варяжских, назывались в Европе *Норманами,* что утверждено свидетельством Лиутпранда, Кремонского Епископа, бывшего в десятом веке два раза Послом в Константинополе. "Руссов, говорит он, именуем и Норманами". – III. Цари Греческие имели в первом-надесять веке особенных телохранителей, которые назывались *Варягами,* ’±Б±іїї№, а по-своему Waringar, и состояли большею частию из Норманов. Слово Vaere, Vara есть древнее Готфское и значит *союз*: толпы Скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастия, могли именовать себя Варягами в смысле *союзников* или товарищей. Сие нарицательное имя обратилось в собственное, – IV. Константин Багрянородный, царствовавший в X веке, описывая соседственные с Империею земли, говорит о порогах Днепровских и сообщает имена их на *Славянском* и *Русском* языке. Русские имена кажутся Скан-

динавскими: по крайней мере не могут быть изъяснены иначе. – V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны с Норманскими. Слова *Тиун, Вира* и прочие, которые находятся в *Русской Правде,* суть древние Скандинавские или Немецкие (о чем будем говорить в своем месте). – VI. Сам Нестор повествует, что Варяги живут на море Балтийском к западу, и что они разных народов: Урмяне, Свис, Англяне, Готы. Первое имя в особенности означает Норвежцев, второе – Шведов, а под Готами Нестор разумеет жителей Шведской Готии. Англяне же причислены им к Варягам для того, что они вместе с Норманами составляли Варяжскую дружину в Константинополе. Итак, сказание нашего собственного Летописца подтверждает истину, что Варяги его были Скандинавы.

Но сие общее имя Датчан, Норвежцев, Шведов не удовлетворяет любопытству Историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь *Русью,* дал отечеству нашему и первых Государей и само имя, уже в конце девятого века страшное для Империи Греческой? Напрасно в древних летописях Скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над Славянами; однако ж Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою,* Ros-lagen. Жители ее могли в VII, VIII или IX веке быть известны в землях соседственных под особенным названием так же, как и Готландцы, коих Нестор всегда отличает от Шведов. Финны, имея некогда с *Рос*-лагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доныне именуют *всех* ее жителей *Россами, Ротсами, Руотсами.* – Сие мнение основывается еще на любопытном свидетельстве историческом.

В Бертинских Летописях, изданных Дюшеном, между случаями 839 года описывается следующее происшествие: "Греческий Император Феофил прислал Послов к Императору Франков, Людовику *Благонравному,* и с ними людей, которые называли себя *Россами* (Rhos), а Короля своего Хаканом (или Гаканом), и приезжали в Константинополь для заключения дружественного союза с Империею. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в их отечество: ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов: для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, расспрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *Шведскому*". – Гакан был, конечно, одним из Владетелей Швеции, разделенной тогда на маленькие области, и, сведав о славе Императора Греческого, вздумал отправить к нему Послов.

Сообщим и *другое* мнение с его доказательствами. В *Степенной Книге* XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел *из Пруссии,* где издавна назывались Курский залив *Русною,* северный рукав Немана, или Мемеля, *Руссою,* окрестности же их *Порусьем*. Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известиям древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между Латышами, они могли разуметь язык Славянский и тем удобнее примениться к обычаям Славян Новогородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новегороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою. Заметим также свидетельство Географа Равенского: он жил в VII веке, и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество *Роксолан,* думают, наших Россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы. – Вероятность остается вероятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ *Шведский* в 839 году, следственно, еще до пришествия Князей Варяжских в землю Новогородскую и Чудскую, именовался в Константинополе и в Германии *Россами*.

Предложив ответ на вопросы: *кто были Варяги* вообще и В*аряги-Русь* в особенности? – скажем мнение свое о Несторовой хронологии. Не скоро Варяги могли овладеть всею обшир-

ною страною от Балтийского моря до Ростова, где обитал народ Меря; не скоро могли в ней утвердиться, так, чтобы обложить всех жителей данию; не вдруг могли Чудь и Славяне соединиться для изгнания завоевателей, и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, *немедленно* захотели снова отдаться во власть чужеземцев: но Летописец объявляет, что Варяги пришли от Балтийского моря в 859 году и что в 862 [году] Варяг Рюрик и братья его уже княжили в России полунощной!.. Междоусобие и внутренние беспорядки открыли Славянам опасность и вред народного правления; но не знав иного в течение многих столетий, ужели в *несколько месяцев* они возненавидели его и единодушно уверились в пользе Самодержавия? Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаям и нравам; надлежало бы иметь опытность долговременную в несчастиях: но обычаи и нравы не могли перемениться в два года Варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоваться древними законами отцев своих. Что вооружило их против Норманских завоевателей? Любовь к независимости – и вдруг сей народ требует уже властителей?… Историк должен по крайней мере изъявить сомнение и признать вероятною мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что Норманы ранее 859 года брали дань с Чуди и Славян. Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно, он не имел никаких письменных памятников для нашей *древней* Истории и счисляет годы со времен Императора Михаила, как сам говорит, для того, что Греческие Летописцы относят первое нашествие россиян на Константинополь к Михаилову Царствованию. Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями Византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего Летописца в рассуждении главных случаев: ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летосчисление делается сомнительным. При Дворе Великих Князей, в их дружине отборной и в самом народе долженствовала храниться память Варяжского завоевания и первых Государей России: но вероятно ли, чтобы старцы и Бояре Княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие Славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную хронологию: одно ее соображение с хронологиею Византийскою, принятою ими вместе с Христианством, не могло ли ввести нашего первого Летописца в ошибку? – Впрочем, мы не можем заменить летосчисление Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть; ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем Историю Государства Российского с 862 года.

Но прежде всего должно иметь понятие о *древнем* характере народа Славянского *вообще,* чтобы История Славян Российских была для нас и яснее и любопытнее. Воспользуемся известиями современных Византийских и других, не менее достоверных Летописцев, прибавив к ним сказания Несторовы о нравах предков наших *в особенности*.

Глава III
О физическом и нравственном характере славян древних

Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и способности ума, но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший Писатель XVIII века, Вольтер, не хотел верить их общему происхождению от единого корня или племени. Другие, конечно, справедливее и сообразнее с нашими священными преданиями, изъясняют сие несходство действием разных климатов и естественных, невольных привычек, которые от оного рождаются в людях. Если два народа, обитающие под влиянием одного неба, представляют нам великое различие в своей наружности и в физических свойствах, то можем смело заключить, что они не всегда жили сопредельно. Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствует долголетию, как замечают Медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного Пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, – слабеет в неге и в праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха и терпением укрепляется. Таковы были древние Славяне по описанию современных Историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Греков своею быстротою; с чрезвычайною легкостию всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки. Думая, без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, Славяне мало пеклися о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые, подобно другим коренным Европейцам. – Сие изображение Славян и Антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке.

Известие Иорнанда о Венедах, без великого труда покоренных в IV веке Готфским Царем Эрманарихом, показывает, что они еще не славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных Славян Бальтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым; но Славяне Дунайские, оставив свое древнее отечество на Севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностию торжествует над искусством долголетным. Несколько времени Славяне убегали сражений в открытых полях и боялись крепостей; но узнав, как ряды Легионов Римских могут быть разрываемы нападением быстрым и смелым, уже нигде не отказывались от битвы и скоро научились брать места укрепленные. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем Полководце Славян; они имели Вождей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность Славян была столь известна, что Хан Аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска, и сии люди неустрашимые, видя иногда измену хитрых Аваров, гибли с отчаянием. – Византийские Историки пишут, что Славяне сверх их обыкновенной храбрости имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать их в плен. Так, знаменитый Велисарий при осаде Авксима избрал в войске своем Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Готфа живого. Они умели еще долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды. – Древ-

нее оружие Славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах.

Храбрость всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолюбии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие Государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, чрез некоторое время долженствовали открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость; но что могло сначала вооружить их против Римлян? Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались Готфы, Гунны и другие народы; ей жертвовали Славяне своею жизнию, и никаким другим варварам не уступали в хищности. Поселяне Римские, слыша о переходе войска их за Дунай, оставляли домы и спасались бегством в Константинополь со всем имением; туда же спешили и Священники с драгоценною утварию церковною. Иногда, гонимые сильнейшими Легионами Империи и не имея надежды спасти добычу, Славяне бросали ее в пламя и врагам своим оставляли на пути одни кучи пепла. Многие из них, не боясь поиска Римлян, жили на полуденных берегах Дуная в пустых замках или пещерах, грабили селения, ужасали земледельцев и путешественников. – Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость Славян в рассуждении Греков; но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали Славян, которые попадались им в руки и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостию, без вопля и стона; умирали в муках и не ответствовали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их. – Таким образом Славяне свирепствовали в Империи и не щадили собственной крови для приобретения драгоценностей, им ненужных: ибо они – вместо того, чтобы пользоваться ими, – обыкновенно зарывали их в землю.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в Греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Современный Историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравов, не известную тогдашним Грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и доныне весьма обыкновенное во всех Славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков, и самое отдаленное потомство наследует нравы своих предков. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостию, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин ответствовал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление как за собственное. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников; но бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление. Нельзя видеть без удивления сию кроткую добродетель – можно сказать – *обожаемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были Дунайские Славяне. Но если и добродетели и пороки *народные* всегда происходят от некоторых особенных обстоятельств и случаев, то не можно ли заключить, что Славяне были некогда облаготворены иностранцами; что признательность вселила в них любовь к гостеприимству, а время обратило его в обыкновение и закон священный?… Здесь представляются мыслям нашим славные Финикияне, которые за несколько веков

до Рождества Христова могли торговать с Бальтийскими Венедами и быть их наставниками в счастливых изобретениях ума гражданского.

Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей Славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением Христианской Веры, введено было Славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею! Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не дозволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их: обычай, доныне соблюдаемый в Иллирии. Удаленные от дел народных, Славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так, при осаде Константинополя в 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многие женские трупы. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних: ибо Славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неумолимой мести отвращал иногда злодеяния: в случае убийства не только сам преступник, но и весь род его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь.

Говоря о жестоких обычаях Славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам. Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и Веры истинной, с спокойною совестию могут ужасать природу своими делами и превосходить зверей в лютости! Сии дети, следуя общему примеру, как закону древнему, не считали себя извергами: они, напротив того, славились почтением к родителям и всегда пеклись об их благосостоянии.

К описанию общего характера Славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах Славян Российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностию между ними; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга: не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. – Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении.

Сии три народа, подобно Древлянам, обитали во глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. То же самое говорит История VI века о Славянах Дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было в случае нападения тем скорее спастися бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии и в окрестностях ее, истинное богатство людей: тучные луга для

скотоводства и земли плодоносные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись и которое вывело их – может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова – из дикого, кочевого состояния: ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к отечеству. – Думают, что Славяне узнали скотоводство только в Дакии: ибо слово *пастырь* есть Латинское, следственно, заимствованное ими от жителей сей земли, где язык Римлян был в употреблении; но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северном своем отечестве соседями народов Германских, Скифских и Сарматских, богатых скотоводством, Венеды, или Славяне, долженствовали издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства, едва ли не везде предупредившее науку земледелия. – Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. В VI веке Славяне питались просом, гречихою и молоком; а после выучились готовить разные вкусные яства, не жалея ничего для веселого угощения друзей и доказывая в таком случае свое радушие изобильною трапезою: обыкновение, еще и ныне наблюдаемое потомством Славянским. Мед был их любимым питьем: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а наконец и сами разводили их. – Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от Германских народов, т. е. закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцев иностранных.

В.М. Васнецов. Бой скифов со славянами

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностию в землях Славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу. – В VIII веке Славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в Немецких городах особенному надзиранию своих чиновников. В средних веках цвели уже некоторые торговые города Славянские: Виннета, или Юлин, при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в Померании и другие. Первую описывает Гельмольд следующим образом: "Там, где река Одер впадает в море Бальтийское, славилась некогда Виннета, лучшая пристань для народов соседственных. О сем городе рассказывают много удивительного; уверяют, что он превосходил величием все иные города Европейские… Саксонцы могли обитать в нем, но долженствовали таить Христианскую Веру свою: ибо граждане Виннеты усердно следовали обрядам язычества; впрочем не уступали никакому народу в честности, добронравии и ласковом гостеприимстве. Обогащенная товарами разных земель, Виннета изобиловала всем приятным и редким. Повествуют, что Король Датский, пришедший с флотом сильным, разру-

шил ее до основания; но и ныне, т. е. в XII веке, существуют остатки сего древнего города". Впрочем, торговля Славян до введения Христианства в их землях состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар.

Торг у древних славян

Быв в Империи и видев собственными глазами изящные творения Греческих художеств, наконец строя города и занимаясь торговлею, Славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах Вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов и покрытые лаком; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою. Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием и в Герцогстве Мекленбургском, на южной стороне Толлензского озера, в Прильвице, найдены в XVII веке медные истуканы богов Славянских, работы их собственных художников, которые, впрочем, не имели понятия о красоте металлических изображений, отливая голову, стан и ноги в разные формы и весьма грубо. Так было и в Греции, где во времена Гомеровы художники уже славились ваянием, но еще долго не умели отливать статуй в одну форму. Памятником каменосечного искусства древних Славян остались большие, гладко обделанные плиты, на которых выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали в зодчестве, требующем времени, досуга, терпения, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города Славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом. Там возвышались храмы идолов, не такие великолепные здания, какими гордились Египет, Греция и Рим, но большие деревянные кровы. Венеды называли их *Гонтинами,* от слова *гонт,* доныне означающего на Русском языке особенный род тесниц, употребляемых для кровли домов.

Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние Славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых искусств изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая – удовольствие, и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные Венеды в шестом веке сказывали Греческому Императору, что главное услаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими

выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим: ибо все народы Славянские доныне любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, Славяне веселились, пели и забывали опасность. Так, Прокопий, описывая в 592 году ночное нападение Греческого Вождя на их войско, говорит, что они усыпили себя песнями и не взяли никаких мер осторожности. Некоторые народные песни Славянские в Лаузице, в Люнебурге, в Далмации кажутся древними: также и старинные припевы Русских, в коих величаются имена богов языческих и реки Дуная, любезного нашим предкам, ибо на берегах его искусились они некогда в воинском счастии. Вероятно, что сии песни, мирные в первобытном отечестве Венедов, еще не знавших славы и победы, обратились в воинские, когда народ их приближился к Империи и вступил в Дакию; вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею Историею Славянскою. Так везде рождалось стихотворство, изображая главные склонности народные; так песни самых нынешних Кроатов более всего славят мужество и память великих предков; но другие, любимые Немецкими Вендами, возбуждают только к веселью и к счастливому забвению житейских горестей; иные же совсем не имеют смысла, подобно некоторым Русским; нравятся одним согласием звуков и мягких слов, действуя только на слух и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствие, производимое музыкою, заставляет людей изъявлять оное разными телодвижениями: рождается *пляска,* любимая забава самых диких народов. По нынешней Русской, Богемской, Далматской можем судить о древней пляске Славян, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи: она состоит в том, чтобы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топать ногами, и соответствует характеру людей крепких, деятельных, неутомимых. – Народные игры и потехи, доныне единообразные в землях Славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски – остались также памятником их древних забав, представляющих нам образ войны и силы.

В дополнение к сим известиям заметим, что Славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в Арифметике, в Хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя *тма,* знаменующее 10000, есть древнее Славянское. Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из них дали название согласно с временными явлениями или действиями природы: январю *Просинец* (вероятно, от *синеты* неба), февралю *Сечень*, марту *Сухий,* Апрелю *Березозол* (думаю, от золы березовой), Маию *Травный,* июню *Изок* (так называлась у Славян какая-то певчая птица), июлю *Червен* (не от красных ли плодов или ягод?), августу *Зарев* (от зари или зарницы), сентябрю *Рюен* (или *Ревун*, как толкуют: от *рева* зверей), октябрю *Листопад,* ноябрю *Груден* (от *груд* снега или мерзлой грязи?), Декабрю *Студеный*. Столетие называлось *веком,* то есть жизнию человеческою, во свидетельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крепким сложением и здравые физическою деятельностию.

Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Лес, ручей, поле составляли его область, в которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою; но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связию. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия для народов диких; вместе также, предпринимая воинские походы, избирали Вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их и часто

не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине.

В течение времен сия дикая простота нравов должна была измениться. Славяне, грабя Империю, где Царствовала роскошь, узнали новые удовольствия и потребности, которые, ограничив их независимость, укрепили между ими связь гражданскую. Они почувствовали более нужды друг в друге, сблизились жилищами и завели селения; другие, видя в чужих землях грады великолепные и веси цветущие, разлюбили мрачные леса свои, некогда украшаемые для них одною свободою; перешли в Греческие владения и согласились зависеть от Императоров. Жребий войны и могущество Карла Великого подчинили ему и наследникам его большую часть Славян Немецких; но своевольство неукротимое было всегда их характером: как скоро обстоятельства им благоприятствовали, они свергали с себя иго и жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощение, так, что одна Вера Христианская могла наконец смирить их.

Многочисленные области Славянские всегда имели сообщение одна с другою, и кто говорил их языком, тот во всякой находил друзей и сограждан. Баян, Хан Аваров, зная сей тесный союз племен Славянских и покорив многие из них в Дакии, в Паннонии, в Богемии, думал, что и самые отдаленные должны служить ему, и для того в 590 году требовал войска от Славян Бальтийских. Некоторые знаменитые храмы еще более утверждали связь между ими в средних веках: там сходились они из разных земель вопрошать богов, и жрец, ответствуя устами идола, нередко убеждал их действовать согласно с общею или особенною пользою своего народа; там оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменным, заклиная их быть мстителями отечества и Веры; там, в определенное время, собирались чиновники и старейшины для Сейма, на коем благоразумие и справедливость часто уступали дерзости и насилию. Храм города Ретры в Мекленбурге, на реке Толлензе, славился более всех других такими собраниями.

Народное правление Славян чрез несколько веков обратилось в Аристократическое. Вожди, избираемые общею доверенностию, отличные искусством и мужеством, были первыми властелинами в своем отечестве. Дела славы требовали благодарности от народа; к тому же, будучи ослеплен счастием Героев, он искал в них и разума отменного. Богемцы, еще не имея ни законов общественных, ни судей избранных, в личных распрях своих отдавались на суд знаменитым гражданам; а сия знаменитость основывалась на изведанной храбрости в битвах и на богатстве, ее награде, ибо оно приобреталось тогда войною. Наконец обыкновение сделалось для одних правом начальствовать, а для иных обязанностию повиноваться. Если сын Героя, славного и богатого, имел великие свойства отца, то он еще более утверждал власть своего рода.

Сия власть означалась у Славян именами боярина, *Воеводы*, Князя, *Пана, Жупана, Короля* или *Краля* и другими. Первое без сомнения происходит от *боя* и в начале своем могло знаменовать воина отличной храбрости, а после обратилось в народное достоинство. Византийские летописи в 764 году упоминают о Боярах, Вельможах, или главных чиновниках Славян Болгарских. – Воеводами назывались прежде одни воинские начальники; но как они и в мирное время умели присвоить себе господство над согражданами, то сие имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемских и Саксонских Вендов, в Крайне Государя, в Польше не только воинского предводителя, но и судию. – Слово Князь родилось едва ли не от *коня*, хотя многие ученые производят его от Восточного имени *Каган* и Немецкого Konig. В Славянских землях кони были драгоценнейшею собственностию: у Поморян в средних веках 30 лошадей составляли великое богатство, и всякий хозяин коня назывался Князем, nobilis capitaneus et Princeps. В Кроации и Сервии именовались так братья Королей; в Далмации главный судья имел титло *Великого Князя*. – *Пан* Славянский, по известию Константина Багрянородного, управлял в Кроации тремя большими округами и председательствовал на Сеймах,

когда народ собирался в поле для совета. Имя Панов, долго могущественных в Венгрии, до самого XIII века означало в Богемии владельцев богатых, а на Польском языке и ныне значит *Господина*. – Округи в Славянских землях назывались Жупан*ствами*, а Правители их Жупан*ами*, или *Старейшинами*, по толкованию Константина Багрянородного; древнее слово *Жупа* означало *селение*. Главною должностию сих чиновников было правосудие: в Верхней Саксонии и в Австрии Славянские поселяне доныне называют так судей своих; но в средних веках достоинство Жупанов уважалось более Княжеского. В разборе тяжебных дел помогали им *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновение сохранилось в некоторых Славянских деревнях Лаузица и Бранденбурга: земледельцы тайно избирают между собою Короля и платят ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанам. – Наконец, в Сервии, в Далмации, в Богемии Владетели стали именоваться Кралями или Королями, то есть, по мнению некоторых, *наказателями* преступников, от слова *кара* или *наказание*.

Итак, первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, независимых предков, была воинская. Сражения требуют одного намерения и согласного действия частных сил: для того избрали Полководцев. В теснейших связях общежития Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданского корыстолюбия: для того назначили судей, но первые из них были знаменитейшие Герои. Одни люди пользовались общею доверенностию в делах войны и мира. – История Славян подобна Истории всех народов, выходящих из дикого состояния. Только мудрая, долговременная опытность научает людей благодетельному разделению властей воинских и гражданских.

Но древнейшие Бояре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянские во многих отношениях зависели от произвола граждан, которые нередко, единодушно избрав начальника, вдруг лишали его своей доверенности, иногда без всякой вины, единственно по легкомыслию, клевете или в несчастиях: ибо народ всегда склонен обвинять Правителей, если они не умеют отвратить бедствий от Государства. Сих примеров довольно в Истории языческих, даже и Христианских Славян. Они вообще не любили наследственной власти и более принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершего Воеводы или Князя. – Избрание Герцога, то есть Воеводы, в Славянской Каринтии соединено было с обрядом весьма любопытным. Избираемый в самой бедной одежде являлся среди народного собрания, где земледелец сидел на престоле или на большом диком камне. Новый Властитель клялся быть защитником Веры, сирот, вдов, справедливости: тогда земледелец уступал ему камень, и все граждане присягали в верности. Между тем *два рода* знаменитейшие имели право везде косить хлеб и жечь селения, в знак и в память того, что древние Славяне выбрали первого Властелина для защиты их от насилия и злодейства.

Однако ж многие Князья, владея счастливо и долгое время, умели сообщать право наследственности детям. В западной Сервии был пример, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. – Государи Славянские, достигнув самовластия, подобно другим ослабляли свое могущество Уделами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сии примеры бывали редки во времена язычества: Князья, по большей части избираемые, думали, что не имеют права располагать судьбою людей, которые *только им* поддалися.

Главный начальник или Правитель судил народные дела торжественно, в собрании старейшин, и часто во мраке леса: ибо Славяне воображали, что бог суда, *Прове*, живет в тени древних, густых дубов. Сии места и домы Княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король был главою ратных сил, но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир (при заключении коего Славяне бросали камень в море, клали оружие и золото к ногам идола или, простирая десницу к бывшим неприятелям, вручали им клок волос своих вместе с горстию травы). Народ платил властителям дань, однако ж произвольную.

Так Славяне в разные века и в разных землях управлялись гражданскою властию. О Славянах Российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали единовластия, наблюдая закон отцов своих, древние обычаи и предания, о коих еще в VI веке упоминает Греческий Историк и которые имели для них силу законов писаных: ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости. Но как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми и законом. Хотя Летописец наш не говорит о том, но Российские Славяне, конечно, имели Властителей с правами, ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. В договоре Олега с Греками, в 911 году, упоминается уже *о Великих Боярах Русских*: сие достоинство, знак воинской славы, конечно, не Варягами было введено в России, ибо оно есть древнее Славянское. Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский.

Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в Истории не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, не отвратимых никакою мудростию человеческою, – хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того Вера производит еще теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцев семейства.

Славяне в VI веке поклонялись *Творцу молнии*, Богу вселенныя. Величественное зрелище грозы, когда небо пылает и невидимая рука бросает, кажется, с его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить ум человека естественного, живо представить ему образ Существа вышнего и вселить в его сердце благоговение или ужас священный, который был главным чувством Вер языческих. – Анты и Славяне, как замечает Прокопий, не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались Его умилостивить обетами, приносили Ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою; обожали еще реки, Нимф, Демонов и гадали будущее. – В новейшие времена Славяне поклонялись разным идолам, думая, что многочисленность кумиров утверждает безопасность смертного и что мудрость человеческая состоит в знании имен и свойства сих мнимых покровителей. Истуканы считались не *образом,* но *телом* богов, ими одушевляемым, и народ падал ниц пред куском дерева или слитком руды, ожидая от них спасения и благоденствия.

Однако ж Славяне в самом безрассудном суеверии имели еще понятие о Боге единственном и вышнем, Коему, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом и Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Белым Богом* и не строили Ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным, помогающим всякому, кто добр в мире и мужествен на войне, с удовольствием отворяет хижину для странников и с радушием питает гладных.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благостию сих Мироправителей, Славяне Бальтийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогом, старались умилостивить жертвами и в собраниях народных пили из чаши, посвященной ему и добрым богам. Он изображался в виде льва, и

для того некоторые думают, что Славяне заимствовали мысль о Чернобоге от Христиан, уподоблявших Диавола также сему зверю; но вероятно, что ненависть к Саксонцам, которые были самыми опасными врагами северных Вендов и на знаменах своих представляли льва, подала им мысль к такому изображению существа злобного. Славяне думали, что оно ужасает людей грозными привидениями или *страшилами*, и что гнев его могут укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за их мнимую науку. Сии волхвы, о коих и Нестор говорит в своей летописи, подобно Сибирским Шаманам старались музыкою действовать на воображение легковерных, играли на гуслях, а для того именовались в некоторых землях Славянских *Гуслярами*.

Между богами добрыми славился более прочих Святовид, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене, и которому не только все другие Венды, но и Короли Датские, исповедуя уже Христианскую Веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева; имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук; подле идола висела узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою. – Гельмольд рассказывает, что жители острова Рюгена обожали в сем идоле Христианского Святого, именем Вита, слышав о великих чудесах его от Корбейских Монахов, которые хотели некогда обратить их в истинную Веру. Достойно замечания, что Иллирические Славяне доныне празднуют день Св. Вита с разными языческими обрядами. Впрочем, Гельмольдово предание, утверждаемое и Саксоном Грамматиком, не есть ли одна догадка, основанная на сходстве имен? Для того, по известию Мавро-Урбина, один из Христианских Князей в Богемии выписал мощи Св. Вита, желая обратить к ним усердие народа своего, который не преставал обожать Святовида. Привязанность не только Бальтийских, но и других Славян к сему идолослужению доказывает, кажется, древность оного.

Народ Рюгенский поклонялся еще трем идолам: *первому* – Рюгевиту, или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах на бедре, и с осьмым обнаженным в руке (дубовый кумир его был весь загажен ласточками, которые вили на нем свои гнезда); *второму* – Поревиту, коего значение неизвестно и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия; *третьему* – Поренуту о четырех лицах и с пятым лицем на груди: он держал его правою рукою за бороду, а левою за лоб, и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался *Радегаст*, бог странноприимства, как некоторые думают: ибо Славяне были всегда *рады гостям*. Но сие толкование кажется несправедливым: он изображался более страшным, нежели дружелюбным: с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди; иногда одетый, иногда нагой, и держал в руке большую секиру. Надписи Ретрского истукана его доказывают, что сей бог хотя и принадлежал к числу добрых, однако ж в некоторых случаях мог и вредить человеку. Адам Бременский пишет о *золотом* кумире и *пурпуровом* ложе Радегаста; но мы должны сомневаться в истине его сказания: в другом месте сей Историк уверяет нас, что храм Упсальский *весь был сделан из золота*.

Сива – может быть, *Жива* – считалась богинею жизни и доброю советницею. Главный храм ее находился в Рацебурге. Она представлялась одетою; держала на голове нагого мальчика, а в руке виноградную кисть. Далматские Славяне поклонялись доброй *Фрихии*, богине Германских народов; но как в Исландских древностях Фрихия или *прекрасная Фрея* называется *Ванадис* или Венедскою, то вероятно, что Готфы заимствовали от Славян понятие о сей богине и что она же именовалась Сивою.

Между Ретрскими истуканами нашлись Германские, Прусские, т. е. Латышские, и даже Греческие идолы. Бальтийские Славяне поклонялись Водану, или Скандинавскому Одину, узнав об нем от Германских народов, с которыми они жили в Дакии и которые были еще

издревле их соседями. Венды Мекленбургские доныне сохранили некоторые обряды веры Одиновой. – Прусские надписи на истуканах Перкуна, бога молнии, и Парстуков или Берстуков, доказывают, что они были Латышские идолы; но Славяне молились им в Ретрском храме, так же как и Греческим статуям Любви, брачного Гения и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в Греции. – Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры *Числобога, Ипабога, Зибога* или *Зембога,* и *Немизы*. Первый изображался в виде женщины с луною и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось *исчисление* времени. Имя второго непонятно; но ему надлежало быть покровителем звериной ловли, которая представлялась на его одежде. Третьего обожали в Богемии как сильного *Духа земли*. Немиза повелевал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видевшие языческих Вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юлине, или в Виннете, главный именовался *Триглав*. Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, *Припекала*, означал, кажется, любострастие: ибо Христианские Писатели сравнивали его с Приапом; а третий *Геровит* или Яровид, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте и подле которого висел на стене золотой щит. – Жители Вагрии особенно чтили *Прова*, бога правосудия, и *Падагу*, бога звероловства. *Первому* служили храмом самые древнейшие дубы, окруженные деревянною оградою с двумя вратами. В сей заповедной дубраве и в ее святилище жил Великий жрец, совершались торжественные жертвоприношения, судился народ, и люди, угрожаемые смертию, находили безопасное убежище. Он изображался старцем, в одежде со многими складками, с цепями на груди, и держал в руке нож. *Второй* считается покровителем звероловства, для того, что на одежде и жертвенной чаше его кумира о *двух лицах,* найденного в числе Ретрских древностей, представлены стрелок, олень и кабан; в руках своих он держит также какого-то зверя. Другие признают в нем бога ясных дней, который у Сербов назывался Погодою: ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырезанные на сем истукане, значат ясность и вёдро. – Мерзебургские Венды обожали идола Гениля, покровителя их собственности, и в некоторое время года пастухи разносили по домам символ его: кулак с перстнем, укрепленный на шесте.

О Вере Славян Иллирических не имеем никаких известий; но как Морлахи на свадебных пиршествах своих доныне славят *Давора, Дамора, Добрую Фрихию, Яра* и *Пика*, то с вероятностию заключить можно, что языческие боги их назывались сими именами. – Сказание Польских Историков о древнем богослужении в их отечестве основывается единственно на предании и догадках. В Гнезне, пишут они, был знаменитый храм *Ниш*, Славянского Плутона, которого молили о счастливом успокоении мертвых; обожали еще *Марзану* или Цереру, обрекая в жертву ей десятую часть плодов земных; *Ясса* или *Ясна*, Римского Юпитера; *Ладона* или *Ляда*, Марса; *Дзидзилию*, богиню любви и деторождения, *Зивонию* или *Зиванну*, Диану; *Зиваго* или бога жизни; *Леля* и *Полеля*, или Греческих близнецов Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясных дней и сильного ветра. "Слыша вой бури (пишет Стриковский), сии язычники с благоговением преклоняли колена".

В России, до введения Христианской Веры, первую степень между идолами занимали *Перун*, бог молнии, которому Славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного *Мироправителя*. Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, и в Новегороде над рекою Волховом: был деревянный, с серебряною головою и с золотыми устами. Летописец именует еще идолов *Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла* и *Мокоша*, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с Греками упоминается еще о *Волосе*, которого именем и Перуновым клялись россияне в верности, имев к нему особенное уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства. – Сии известия Несторовы можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском Синопсисе. Хотя они

выбраны отчасти из Польских ненадежных Историков, но, будучи согласны с древними обыкновениями народа Русского, кажутся вероятными, по крайней мере достойными замечания.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России *Ладо*: ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах. Стриковский называет сего бога Латышским: в Литве и Самогитии народ праздновал ему от 25 мая до 25 июня, отцы и мужья в гостиницах, а жены и дочери на улицах и на лугах; взявшись за руки, они плясали и пели: *Ладо, Ладо, дидис Ладо,* то есть *великий Ладо*. Такое же обыкновение доныне существует в деревнях наших: молодые женщины весной собираются играть и петь в хороводах: *"Лада, диди Лада"*. Мы уже заметили, что Славяне охотно умножали число идолов своих и принимали чужеземных. Русские язычники, как пишет Адам Бременский, ездили в Курляндию и в Самогитию для поклонения кумирам; следственно, имели одних богов с Латышами, ежели не все, то хотя некоторые Славянские племена в России – вероятно, Кривичи: ибо название их свидетельствует, кажется, что они признавали Латышского Первосвященника *Криве* Главою Веры своей. Впрочем, *Ладо* мог быть и древним Славянским божеством: жители Молдавии и Валахии в некоторых суеверных обрядах доныне твердят имя Лада.

К.В. Лебедев. Языческий праздник Ивана Купалы

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 июня, в день Св. Агриппины, которая для того прозвана в народе Купальницею. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали *Купала*. Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идолу языческому. В Архангельской Губернии многие поселяне 23 июня топят бани, настилают в них траву *купальницу* (лютик, ranunculus acris) и после купаются в реке. Сербы накануне или в самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая *Ивановские венки*, вешают их на кровли домов и на хлевах, чтобы удалить злых духов от своего жилища.

24 Декабря язычники Русские славили *Коляду*, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются *колядовать* под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя *Коляды* и просят денег. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа Русского открываем также некоторые следы древнего Славянского богопочитания: доныне простые люди говорят у нас о *Леших*, которые видом

подобны Сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути; о *Русалках*, или Нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами, особенно перед Троицыным днем), о благодетельных и злых *Домовых*, о ночных *Кикимрах* и проч.

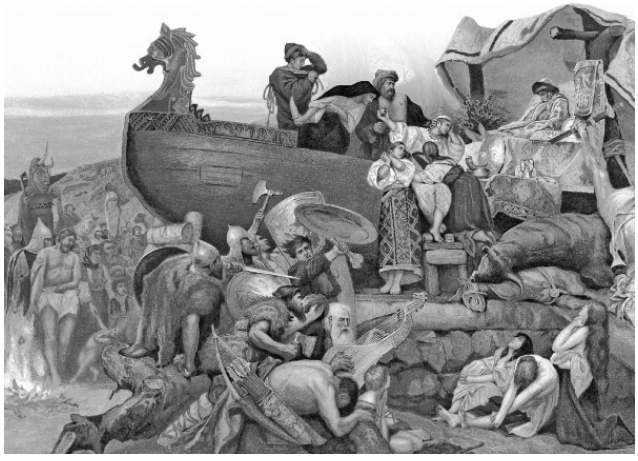
Таким образом грубый ум людей непросвященных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснять действия Природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь! – Желая выразить могущество и грозность богов, Славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческой стройности), а Славяне только бояться; первые обожали красоту и приятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц и проч. Кроме идолов, Немецкие Славяне, подобно Дунайским, обожали еще реки, озера, источники, леса и приносили жертвы невидимым их Гениям, которые, по мнению суеверных, иногда говорили, и в важных случаях являлись людям. Так, Гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу Славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах. Мы знаем, что и Российские Славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость. В глазной болезни они умывались водою мнимо-целебных источников и бросали в них серебряные монеты. Народное обыкновение купать или обливать водою людей, проспавших Заутреню в день Пасхи, будто бы для омовения их от греха, происходит, может быть, от такого же языческого суеверия. – У многих народов Славянских были заповедные рощи, где никогда стук секиры не раздавался и где самые злейшие враги не дерзали вступить в бой между собою. Лес города Ретры считался священным. Жители Штетинские поклонялись ореховому дереву, при коем находился особенный жрец, и дубу, а Юлинские – богу, обитавшему в дереве обсеченном, и весною плясали вокруг него с некоторыми торжественными обрядами. Славяне в России также молились деревам, особенно же *дупловатым*, обвязывая их ветви убрусами или платами. Константин Багрянородный пишет, что они, путешествуя в Царьград, на острове Св. Григория приносили жертву большому дубу, окружали его стрелами и гадали, заколоть ли обреченных ему живых птиц или пустить на волю. Празднование Семика и народный обычай завивать в сей день венки в рощах суть также остаток древнего суеверия, коего обряды наблюдались в Богемии и по введении Христианства, так что Герцог Брячислав в 1093 году решился предать огню все мнимо-святые дубравы своего народа.

Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя Бальтийских Вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богинею, которая воинам, идущим с ней, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский Король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город. – В числе Ретрских любопытных памятников нашлось также священное знамя: медный дракон, украшенный изображением женских голов и вооруженных рук. В Дитмаровой летописи упоминается о двух Славянских знаменах, которые считались богинями. Хитрость Полководцев ввела, без сомнения, сию веру, чтобы воспламенять дух храбрости в воинах или обуздывать их неповиновение святостию знамен своих.

Древние Славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву Богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения олтарей камни в несколько саженей мерою. Сии каменные здания равнялись с высокими скалами, невредимо стояли целые века и могли казаться народу творением рук божественных. В самом деле трудно понять, каким образом Славяне, не зная изобретенных механикою способов, воздвигали такие громады. Жрецы в присутствии и в глазах народа совершали обряды Веры на сих величественных олтарях; но в течение времен, желая еще сильней действовать на воображе-

ние людей, вздумали, подобно Друидам, удалиться во тьму заповедных лесов и соорудили там жертвенники. По введении идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание было первым храмом. Мысль сделать его достойным жилищем богов требовала величия, но Славяне не умели подражать Грекам и Римлянам в гордой высоте зданий и старались заменить оную резьбою, пестротою, богатством украшений. Современные Историки описали некоторые из сих храмов с любопытною подробностию. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говорит о Штетинском следующее: "Там было четыре храма, и главный из них отличался своим художеством, украшенный внутри и снаружи выпуклым изображением людей, птиц, зверей, так сходных с Природою, что они казались живыми; краски же на внешности храма не смывались дождем, не бледнели и не тускли. – Следуя древнему обычаю предков, Штетинцы отдавали в храм десятую часть воинской своей добычи и всякое оружие побежденных неприятелей. В его святилище хранились серебряные и золотые чаши (из коих при торжественных случаях люди знатнейшие пили и ели), также рога буйволовы, оправленные золотом: они служили и стаканами и трубами. Ножи и прочие драгоценности, там собранные, удивляли своим художеством и богатством. В трех иных *гонтинах*, или храмах, не столь украшенных и менее священных, представлялись глазам одни лавки, сделанные амфитеатром, и столы для народных сходбищ: ибо Славяне в некоторые часы и дни веселились, пили и важными делами отечества занимались в сих *гонтинах*". – Деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешанными между четырьмя столбами, и находился под одною с ним кровлею. В святилище стоял идол, а конь его – в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности. – Храм в Ретре, также деревянный, славился изображениями богов и богинь, вырезанных на внешних его стенах; внутри стояли кумиры, в шлемах и латах; а в мирное время хранились там знамена. Дремучий лес окружал сие место: сквозь просеку, вдали, представлялось глазам море в виде грозном и величественном. Достойно примечания, что Славяне Бальтийские вообще имели великое уважение к святыне храмов и в самой неприятельской земле боялись осквернить их.

О капищах Славян Российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтение к святыне кумиров требовали защиты и крова, особенно же в странах северных, где холод и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нет сомнения, что на холме киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно не огромные и не великолепные, но сообразные с простотою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом.



Г.И. Семирадский. Погребение знатного руса

Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная Вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость, действительную или мнимую. По крайней мере, все другие народы Славянские имели жрецов, блюстителей Веры, посредников между совестию людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных в маленьких хижинах и питались жертвою, приносимою их божествам. Они пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать себе длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воин, совершив какое-нибудь счастливое предприятие и желая изъявить благодарность идолам, разделял свою добычу с их служителями. Правители народа без сомнения утверждали его в почтении к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своевольство людей грубых, новых в гражданской связи и еще не смиренных действием власти постоянной. Некоторые жрецы, обязанные своим могуществом или собственной хитрости, или отменной славе их капищ, употребляли его во зло и присвоивали себе гражданскую власть. Так, Первосвященник Рюгенский, уважаемый более самого Короля, правил многими Славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться; налагал подати на граждан и купцев чужеземных, содержал 300 конных воинов и рассылал их всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, более ему, нежели идолу принадлежавшие. Сей главный жрец отличался от всех людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Древнейшие гражданские и военные костюмы славян

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена Славяне закалали, в честь Богу невидимому, одних волов и других животных; но после, омраченные суеверием идолопоклонства, обагряли свои требища кровию Христиан, выбранных по жребию из пленников или купленных у морских разбойников. Жрецы думали, что идол увеселяется Христианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества. – В России также приносили людей в жертву, по крайней мере

во времена Владимировы. Бальтийские Славяне дарили идолам головы убиенных опаснейших неприятелей.

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святовид ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили его чрез копья: если он шагал сперва не левою, а правою ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копий. В Ретре гадатели садились на землю, шептали некоторые слова, рылись в ее недрах и по веществам, в ней находимым, судили о будущем. Сверх того, в Арконе и в Штетине жрецы бросали на землю три маленькие дощечки, у коих одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверх белою, то обещали хорошее; черная означала бедствие. Самые женщины Рюгенские славились гаданием; они, сидя близ разложенного огня, проводили многие черты на пепле, которых равное число знаменовало успех дела.

Любя народные торжества, языческие Славяне уставили в году разные праздники. Главный из них был по собрании хлеба и совершался в Арконе таким образом: Первосвященник накануне должен был вымести святилище, неприступное для всех, кроме его; в день торжества, взяв из руки Святовида рог, смотрел, наполнен ли он вином, и по тому угадывал будущий урожай; выпив вино, снова наполнял им сосуд и вручал Святовиду; приносил богу своему медовый пирог длиною в рост человеческий; спрашивал у народа, видит ли его? и желал, чтобы в следующий год сей пирог был уже съеден идолом, в знак счастия для острова; наконец объявлял всем благословение Святовида, обещая воинам победу и добычу. Другие Славяне, торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам и пивом, освященным на жертвеннике, обливали скот, чтобы предохранить его от болезней. В Богемии славился Майский *праздник источников*. – Дни народного суда в Вагрии, когда старейшины, осененные священными дубами, в мнимом присутствии своего бога Прова решали судьбу граждан, были также днями общего веселия. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах Славян Российских, которых потомки доныне празднуют весну, любовь и бога *Лада* в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни *Купалу* и зимою воспевают имя *Коляды*. – Во многих землях Славянских сохранились также следы *праздника в честь мертвых*: в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ 1 марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим. – В сей день немецкие Славяне выносят из деревни соломенную чучелу, образ смерти; сожигают ее или бросают в реку и славят лето песнями. – В Богемии строили еще какие-то феатры на распутиях *для успокоения душ* и представляли на них, в личинах, тени мертвых, сими играми торжествуя память их. Такие обыкновения не доказывают ли, что Славяне имели некоторое понятие о бессмертии души, хотя Дитмар, Историк XI века, утверждает противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение тела, считали совершенным концом бытия человеческого?

Погребение мертвых было также действием священным между языческими Славянами. Историки Немецкие – более догадкою, основанною на древних обычаях и преданиях, нежели по известиям современных Авторов – описывают оное следующим образом: старейшина деревни объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины в белой одежде лили слезы в маленькие сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его женою, конем, оружием; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось *Стравою* и было еще в VI веке причиною

великого бедствия для Славян: ибо Греки воспользовались временем сего *пиршества в честь мертвых* и наголову побили их войско.

Славяне Российские – Кривичи, Северяне, Вятичи, Радимичи – *творили* над умершими *тризну*: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Сей обряд, сохраненный Вятичами и Кривичами до времен Нестора, изъявляет воинственный дух народа, который праздновал смерть, чтобы не страшиться ее в битвах, и печальными урнами окружал дороги, чтобы приучить глаза и мысли свои к сим знакам человеческой тленности. Но Славяне Киевские и Волынские издревле погребали мертвых; некоторые имели обыкновение вместе с трупом зарывать в землю *сплетенные из ремней лестницы*, ближние умершего язвили лица свои и закапали на могиле любимого коня его.

Все народы любят Веру отцев своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и веками утвержденные, кажутся им святынею. Так и Славяне языческие, закоренелые в идолопоклонстве, с великою упорностию в течение многих столетий отвергали благодать Христову. Св. Колумбан, в 613 году обратив многих Немецких язычников в Веру истинную, хотел проповедовать ее святое учение и в землях Славян; но, устрашенный их дикостию, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христианство противно заблуждениям язычества и как оно в средних веках более и более распространялось по Европе, Славяне отлично ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Бальтийские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних Христиан, брали их корабли в добычу, а Священников приносили в жертву идолам. Немецкие завоеватели, покорив Вендов в Германии, долго терпели их суеверие; но озлобленные наконец упорством сих язычников в идолопоклонстве и в древних обычаях вольности, разрушили их храмы, сожгли заповедные рощи и самых жрецов истребили, что случилось уже гораздо после того времени, как Владимир просветил Россию учением Христианским.

Собрав исторические достопамятности Славян древних, скажем нечто о языке их. Греки в шестом веке находили его весьма грубым. Выражая первые мысли и потребности людей необразованных, рожденных в климате суровом, он должен был казаться диким в сравнении с языком Греческим, смягченным долговременною жизнию в порядке гражданском, удовольствиями роскоши и нежным слухом людей, искони любивших искусства приятные. Не имея никаких памятников сего первобытного языка Славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке Св. Кириллом, Мефодием и помощниками их. Но Славяне, приняв Христианскую Веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова, выражения, и язык их в средних веках без сомнения так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами и нередко ими покоряемые, Славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия, из коих главные суть:

1) *Русское*, более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами. Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа Российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом Писателя умного, может равняться ныне в силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен. Будущая судьба его зависит от судьбы Государства…

2) *Польское*, смешанное со многими Латинскими и Немецкими словами: им говорят не только в бывшем Королевстве Польском, но и в некоторых местах Пруссии, Дворяне в Литве и народ в Силезии, по сю сторону Одера.

3) *Чешское*, в Богемии, в Моравии и Венгрии, по утверждению Иорданову ближайшее к нашему древнему переводу Библии, а по мнению других Богемских ученых среднее между Кроатским и Польским. Венгерское наречие именуется *Славакским*, но разнится от Чешского

большею частию только в выговоре, хотя Авторы *МногоязычногоСловаря* признают его *особенным*. Впрочем, и другие Славянские наречия употребляются в Венгрии.

4) *Иллирическое*, то есть Болгарское, самое грубое из всех Славянских – Боснийское, Сербское – самое приятнейшее для слуха, как многие находят, – Славонское и Далматское.

5) *Кроатское*, сходное с Виндским в Стирии, Каринтии, Крайне, также с Лаузицским, Котбузским, Кашубским и Люховским. В Мейсене, Бранденбурге, Померании, Мекленбурге и почти во всем Люнебурге, где некогда Славянский язык был народным, он уже заменен Немецким.

Однако ж сии перемены не могли совершенно истребить в языке нашем его, так сказать, первобытного образа, и любопытство Историков хотело открыть в нем следы малоизвестного происхождения Славян. Некоторые утверждали, что он весьма близок к древним языкам Азиатским; но вернейшее исследование доказало, что сие мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которые находятся и в других языках Европейских, свидетельствуя единственно их общее Азиатское происхождение; и что Славянский имеет с Греческим, Латинским, Немецким гораздо более связи, нежели с Еврейским и с другими Восточными. Сие великое, явное сходство встречается не только в словах единозвучных с действиями, которые означаются ими – ибо названия *грома, журчания* вод, *крика* птиц, *рева* зверей могут на всех языках сходствовать между собою от подражания Естеству – но и в выражении самых первых мыслей человека, в ознаменовании главных нужд жизни домашней, в именах и глаголах совершенно произвольных. Мы знаем, что Венеды издревле жили в соседстве с Немцами и долгое время в Дакии (где язык Латинский со времен Траяновых был в общем употреблении) воевали в Империи и служили Императорам Греческим; но сии обстоятельства могли бы ввести в язык Славянский только некоторые особенные Немецкие, Латинские или Греческие слова, и не принудили бы их забыть собственные, коренные, необходимые в самом древнейшем обществе людей, то есть в семейственном. Из чего вероятным образом заключают, что предки сих народов говорили некогда одним языком: каким? неизвестно, но без сомнения древнейшим в Европе, *где история находит их*, ибо Греция, а после и часть Италии, населена *Пеласгами, Фракийскими* жителями, которые прежде Эллинов утвердились в Морее и могли быть единоплеменны с Германцами и Славянами. В течение времен удаленные друг от друга, они приобретали новые гражданские понятия, выдумывали новые слова или присваивали чужие и долженствовали чрез несколько веков говорить уже языком различным. Самые общие, коренные слова легко могли измениться в произношении, когда люди еще не знали букв и письма, верно определяющего выговор.

Сие важное искусство – немногими чертами изображать для глаз бесчисленные звуки – сведала Европа, как надобно думать, уже в позднейшие времена и без сомнения от Финикиян, или непосредственно, или через Пеласгов и Эллинов. Нельзя вообразить, что древние обитатели Пелопоннеса, Лациума, Испании, едва вышедши из дикого состояния, могли сами выдумать письмена, требующие удивительного разума и столь непонятного для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение оных: в Египте Фойту, в Греции Меркурию, в Италии богине Карменте; а некоторые из Христианских Философов считали десять Моисеевых заповедей, рукою Всевышнего начертанных на горе Синайской, первым письмом в мире. К тому же все буквы народов Европейских: Греческие, Мальтийские, так называемые Пеласгские в Италии, Этрурийские (доныне видимые на монументах сего народа), Гальские, изображенные на памятнике мученика Гордиана, Улфиловы или Готфские, Кельтиберские, Бетские, Турдетанские в Испании, Руны Скандинавов и Германцев более или менее сходствуют с Финикийскими и доказывают, что все они произошли от одного корня. Пеласги и Аркадцы принесли их с собою в Италию, а наконец и в Марселию к тамошним Галлам. Испанцы могли научиться письму от самих Финикиян, основавших Тартесс и Гадес за 1100 лет до Рождества Христова. Турдетане во время Страбоново имели письменные законы, историю и стихотво-

рения. Каким образом Европейский Север получил буквы, мы не знаем: от Финикийских ли мореплавателей, торговавших оловом Британским и янтарем Прусским или от народов Южной Европы? Второе кажется вероятнее: ибо Руническое и Готфское письмо сходнее с Греческим и Латинским, нежели с Финикийским. Оно могло в течение веков чрез Германию или Паннонию дойти от Средиземного моря до Бальтийского с некоторыми переменами знаков.

Как бы то ни было, но Венеды или Славяне языческие, обитавшие в странах Бальтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов Славянских: Ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в Рунах, заимствованных Венедами от Готфских народов. Сии Руны, числом 16, подобно древним Финикийским, весьма недостаточны для языка Славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его, и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов. Славяне же Богемские, Иллирические и Российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда Философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены Греческим Императором Михаилом в Моравию к тамошним Христианским Князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу для перевода церковных книг с Греческого языка, изобрели Славянский особенный алфавит, образованный по греческому, с прибавлением новых букв: **Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ѣ. Ю. Я. Ѧ**. Сия азбука, называемая *Кирилловскою*, доныне употребляется с некоторыми переменами в России, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сервии и проч. Славяне Далматские имеют другую, известную под именем *Глагольской*, или *Буквицы*, которая считается изобретением Св. Иеронима, но ложно, ибо в IV и в V веке, когда жил Иероним, еще не было Славян в Римских владениях. Самый древнейший ее памятник, нам известный, есть харатейная Псалтирь XIII века; но мы имеем церковные Кирилловские рукописи 1056 года; надпись Десятинной церкви в Киеве принадлежит еще ко временам Св. Владимира. Сия Глагольская азбука явно составлена по нашей, отличается кудрявостию знаков и весьма неудобна для употребления. Моравские Христиане, пристав к Римскому исповеданию, вместе с Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнув Кирилловы, торжественно запрещенные Папою Иоанном XIII. Епископы Салонские в XI веке объявили даже Мефодия еретиком, а письмена Славянские – изобретением Арианских Готфов. Вероятно, что сие самое гонение побудило какого-нибудь Далматского Монаха выдумать новые, то есть Глагольские буквы и защитить их от нападения Римских суеверов именем Св. Иеронима. – Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии употребляются Немецкие; в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше Латинские. Славяне, которые с VIII века утвердились в Пелопоннесе, приняли там Греческую азбуку.

Итак, предки наши были обязаны Христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею без сомнения нравственностию, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей – изобретения, которое, подобно утренней заре, в веках мрачных предвестило уже Науки и просвещение.

Глава IV
Рюрик, Синеус и Трувор. 862-879

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец – и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки, с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.

Князь Рюрик. Гравюра 1805 г.

Желая некоторым образом изъяснить сие важное происшествие, мы думаем, что Варяги, овладевшие странами Чуди и Славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с Югом и Западом Европы, где на развалинах колосса Римского основались новые Государства и где кровавые следы варварства, обузданного человеколюбивым духом Христианства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской – варяги или Норманы долженствовали быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах Севера; могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа. Бояре Славянские, недовольные властию завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости, вооружили против Норманов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастие, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении Норманском: нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народ-

ную гордость, и Славяне, *убежденные* – так говорит предание – *советом Новогородского старейшины Гостомысла*, потребовали Властителей от Варягов. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном *советнике*, но ежели предание истинно, то Гостомысл достоин бессмертия и славы в нашей Истории.

Новгородцы и Кривичи были тогда, кажется, союзниками Финских племен, вместе с ними плативших дань Варягам: имев несколько лет одну долю, и повинуясь законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружественную связь между собою. Нестор пишет, что Славяне Новогородские, Кривичи, *Весь* и *Чудь* отправили Посольство за море, к Варягам-Руси, сказать им: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами*. Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечем права избранных Государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область Финского народа Веси, а Трувор в Изборск, город Кривичей. Смоленск, населенный также Кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании Варягов. Следственно, держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белаозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С. Петербургской, Эстляндской, новогородской и Псковской Губерний была названа тогда *Русью*, но имени Князей Варяго-Русских. Более не знаем никаких достоверных подробностей; не знаем, благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? Насладился ли счастливою тишиною, редко известною в обществах народных? Или пожалел ли о древней вольности? Хотя новейшие Летописцы говорят, что Славяне скоро вознегодовали на рабство и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым*, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новегороде – случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать Властителей, но могли и раскаяться, *ежели* Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их – однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом.

Чрез два года [в 864 г.], по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему Княжеству, основал Монархию Российскую. Уже пределы ее достигали на Восток до нынешней Ярославской и Нижегородской Губернии, а на Юг до Западной Двины; уже Меря, Мурома и Полочане зависели от Рюрика: ибо он, приняв единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белаозера, Полоцк, Ростов и Муром, им или братьями его завоеванные, как надобно думать. Таким образом, вместе с верховною Княжескою властию утвердилась в России, кажется, и система *Феодальная, Поместная,* или *Удельная*, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали Вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как Государи в своих Уделах: система, сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность Государей к верности Вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные.

В.М. Васнецов. Варяги

К сему времени Летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоземцев Рюриковых, именем Аскольд и Дир, может быть, недовольные сим Князем, отправились с товарищами из Новагорода в Константинополь искать счастия; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок и спросили: "Чей он?" Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платят дань Козарам. Сей городок был Киев: Аскольд и Дир завладели им; присоединили к себе многих Варягов из Новагорода, начали под именем россиян властвовать как Государи в Киеве и помышлять о важнейшем предприятии, достойном Норманской смелости. Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить Императору: тогда ободренные своим успехом и многочисленностию войска, дерзнули объявить себя врагами Греции. Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи Севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечем берега его и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной Империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей; в первый раз с ужасом произнесла имя россиян, ЎЙВ. Молва народная возвестила их Скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных. Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с Агарянами. Узнав от Эпарха, или Наместника Цареградского о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностию пробрался сквозь суда Российские и, не смея отразить их силою, ожидал спасение от чуда. Оно совершилось, по сказанию Византийских Летописцев. В славной церкви Влахернской, построенной Императором Маркианом на берегу залива, между нынешнею Перою и Царемградом, хранилась так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря; рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев.

Нестор согласно с Византийскими Историками описывает сей случай, но некоторые из них прибавляют, что язычники Российские, устрашенные Небесным гневом, немедленно отправили Послов в Константинополь и требовали святого крещения. Окружная грамота Патриарха Фотия, писанная в исходе 866 года к Восточным Епископам, служит достоверным подтверждением сего любопытного для нас известия. "Россы, говорит он, славные жестокостию, победители народов соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще *недавно* злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и Священника, имея живое усердие к бого-

служению Христианскому". Константин Багрянородный и другие Греческие Историки пишут, что Россы крестились во время царя Василия Македонского и Патриарха Игнатия, то есть не ранее 867 года. "Император (говорят они), не имея возможности победить Россов, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шелковых одеждах. Он прислал к ним Епископа, посвященного Игнатием, который обратил их в Христианство". – Сии два известия не противоречат одно другому. Фотий в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев: Игнатий также; они насадили там первые семена Веры истинной: ибо Несторова летопись свидетельствует, что в Игорево время было уже много Христиан в Киеве. Вероятно, что проповедники, для лучшего успеха в деле своем, тогда же ввели в употребление между Киевскими Христианами и новые письмена Славянские, изобретенные Кириллом в Моравии за несколько лет до того времени. Обстоятельства благоприятствовали сему успеху: Славяне исповедовали одну Веру, а Варяги другую; впоследствии увидим, что древние Государи Киевские наблюдали священные обряды первой, следуя внушению весьма естественного благоразумия; но усердие их к чужеземным идолам, коих обожали они единственно в угождение главному своему народу, не могло быть искренним, и самая государственная польза заставляла Князей не препятствовать успехам новой Веры, соединявшей их подданных, Славян, и надежных товарищей, Варягов, узами духовного братства. Но еще не наступило время совершенного торжества ее.

Таким образом, Варяги основали две Самодержавные области в России: Рюрик на Севере, Аскольд и Дир на Юге. Невероятно, чтобы Козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его Варягам, хотя Летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах Днепровских: оружие без сомнения решило, кому начальствовать над миролюбивыми Полянами; и ежели Варяги действительно, претерпев урон на Черном море, возвратились от Константинополя с неудачею, то им надлежало быть счастливее на сухом пути, ибо они удержали за собою Киев.

Нестор молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новегороде, за недостатком современных известий, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовав отечеством властолюбию, провел остаток жизни в бездействии: *действовать* же значило тогда *воевать*, и Государи Скандинавские, единоземцы Рюриковы, принимая власть от народа, обыкновенно клялися именем Одиновым быть завоевателями. Спокойствие Государства, мудрое законодательство и правосудие составляют ныне славу Царей; но Князья Русские в IX и X веке еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный к Западу, Северу и Востоку народами Финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних соседей, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вероятно, что окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его, неописанных и забвенных. – Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новегороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого Самодержца Российского, осталась бессмертною в нашей Истории и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых Финских племен к народу Славянскому в России, так что Весь, Меря, Мурома наконец обратились в Славян, приняв их обычаи, язык и Веру.

Глава V
Олег Правитель. 879-912

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностию, победами, благоразумием, любовию подданных.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих Варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолюбием Героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число Новогородцев, Кривичей, Веси, Чуди, Мери и в 882 году пошел к странам Днепровским. Смоленск, город вольных Кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый Князь, поручив Смоленск своему Боярину, вступил в область Северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой Державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единоземцами, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев; скрыл вооруженных ратников в ладиях и велел объявить Государям Киевским, что Варяжские купцы, отправленные Князем Новогородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег: воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: *Вы не Князья и не знаменитого роду, но я Князь,* – и показав Игоря, примолвил: – *Вот сын Рюриков!* Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым… Простота, свойственная нравам IX века, дозволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом Владетелей Киевских; но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного. – Тела несчастных Князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор; кости Дировы покоились за храмом Св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Киевские доныне указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где врастает в землю малая, ветхая церковь.

Князь Олег. Гравюра 1805 г.

Олег, обагренный кровию невинных Князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, устрашенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами – с Греческим Херсоном, с Козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем – пленили Олега, и сей Князь сказал: *Да будет Киев материю городов Российских!* Монархи народов образованных желают иметь столицу среди Государства, во-первых, для того, чтобы лучше надзирать над общим его правлением, а во-вторых, и для своей безопасности: Олег, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли; мыслил ужасать соседей, а не бояться их. – Он поручил дальние области Вельможам; велел строить города или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внешних неприятелей и внутренних мятежников; уставил также налоги общие. Славяне, Кривичи и другие народы должны были платить дань Варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашнею ходячею монетою Российскою: что представляло цену ста пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали Варяги, как говорит Нестор, до кончины Ярославовой: с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России.

Обширные владения Российские еще не имели твердой связи. Ильменские Славяне граничили с Весью, Весь с Мерею, Меря с Муромою и с Кривичами; но сильные, от россиян независимые народы обитали между Новымгородом и Киевом. Храбрый Князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припяти: там, среди лесов мрачных Древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием, но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. В следующие два года Князь Российский овладел землею Днепровских Северян и соседственных с ними Радимичей. Он победил первых, освободил их от власти Козаров, и сказав: *я враг им, а не вам!* – удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение Северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей Российских с северными. Радимичи, жители берегов Сожских, добровольно согласились давать россиянам то же, что Козарам: по *щлягу* или мелкой монете с каждой сохи. Таким образом, соединив цепию завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство Хана Козарского в Витебской и Черниговской Губернии. Сей Хан дремал, кажется, в приятностях Восточной роскоши и неги: изобилие Тавриды, дол-

говременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в Козарах, и могущество их уже клонилось к падению.

Покорив Север, Князь Российский обратил счастливое оружие свое к Югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от Российской Державы Славяне, единоплеменные с Черниговцами: он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую Губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо Летописец в числе его подданных именует Дулебов, Тивирцев и Хорватов, там обитавших.

К. В. Лебедев. Убиение Аскольда и Дира Олегом

Но между тем, как победоносные знамена сего Героя развевались на берегах Днестра и Буга, новая столица его увидела пред стенами своими многочисленные *вежи*, или шатры, Угров (Маджаров или нынешних Венгерцев), которые обитали некогда близ Урала, а в IX веке на Восток от Киева, в стране *Лебедии*, может быть в Харьковской Губернии, где город Лебедин напоминает сие имя. Вытесненные Печенегами, они искали тогда жилищ новых; некоторые перешли за Дон, на границу Персии; другие же устремились на Запад: место, где они стояли под Киевом, называлось еще в Несторово время *Угорским*. Олег пропустил ли их дружелюбно или отразил силою, неизвестно. Сии беглецы переправились через Днепр и завладели Молдавиею, Бессарабиею, землею Волошскою.

Далее не находим никаких известий о предприятиях деятельного Олега до самого 906 года; знаем только, что он правил еще Государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от Правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить Государство. В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравием. Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была Варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, дозволяли Князю искать для себя супругу в самом низком состоянии людей, ибо красота уважалась более знаменитого рода; но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему Летописцу, иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной Княгине или в знак Игоревой к нему любви.

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира; вероятно, что Цари и Патриархи Греческие старались умножать число Христиан в Киеве и вывести самого Князя из тьмы идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, Священников и Патриарха и дары от Императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с Греками и терпимостию Христианства. Мы знаем по Византийским известиям, что около сего времени Россия считалась *шестидесятым Архиепископством* в списке Епархий, зависевших от Главы Константинопольского Духовенства; знаем также, что в 902 году 700 Россов, или Киевских Варягов служили во флоте Греческом и что им платили из казны 100 литр золота. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе Императоров: Греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикою храбростию своею ужасали не Константинополь, а врагов его. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею. Все народы, ему подвластные: новогородцы, Финские жители Белаозера, Ростовская Меря, Кривичи, Северяне, Поляне Киевские, Радимичи, Дулебы, Хорваты и Тивирцы соединились с Варягами под его знаменами. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов: на всяком было сорок воинов; *конница* шла берегом. Игорь остался в Киеве: Правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало победить не только врагов, но и природу, такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы устрашить самую дерзкую предприимчивость нашего времени и кажутся едва вероятными. Днепровские пороги и ныне мешают судоходству, хотя стремление воды в течение столетний, наконец, искусство людей разрушили некоторые из сих преград каменных: в IX и X веке они долженствовали быть несравненно опаснее. Первые Варяги Киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов: Олег со флотом в десять раз сильнейшим. Константин Багрянородный описал нам, как россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля. Доплыв благополучно до лимана, они исправляли мачты, паруса, рули; входили в море и, держась западных берегов его, достигали Греции. Но Олег вел с собою еще сухопутное конное войско: жители Бессарабии и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег приближился наконец к Греческой столице, где суеверный Император Леон, прозванный Философом, думал о вычетах Астрологии более, нежели о безопасности Государства. Он велел только заградить цепию гавань и дал волю Олегу разорять Византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома, Вельмож Греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали Гунны и народы Германские в областях Империи; так, в сие же самое время, Норманы, единоземцы Олеговы, свирепствовали в Западной Европе. Война дает ныне право убивать неприятелей вооруженных: тогда была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями… Сии Греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но Князь Российский привел в трепет и самый город. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное. Греки, устрашенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино:

Князь отвергнул то и другое, боясь отравы, ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегво, как говорит Нестор, было справедливо: то не россиян, а Греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на каждого человека во флоте своем, и Греки согласились с тем условием, чтобы он, прекратив неприятельские действия, мирно возвратился в отечество. Войско Российское отступило далее от города, и Князь отправил Послов к Императору. Летопись сохранила Норманские имена сих вельмож: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида. Они заключили с Константинополем следующий договор [в 907 г.]:

1. "Греки дают по 12 гривен на человека, сверх того *уклады* на города Киев, Чернигов, *Переяславль*, Полтеск, Ростов, Любеч и другие, где властвуют Князья, Олеговы подданные". Война была в сии времена народным промыслом: Олег, соблюдая обычай Скандинавов и всех народов Германских, долженствовал разделить свою добычу с воинами и Полководцами, не забывая и тех, которые оставались в России.

II. "Послы, отправляемые Князем Русским в Царьград, будут там всем довольствованы из казны Императорской. Русским гостям или торговым людям, которые приедут в Грецию, Император обязан на шесть месяцев давать хлеба, вина, мяса, рыбы и плодов; они имеют также свободный вход в народные бани и получают на возвратный путь съестные припасы, якоря, снасти, паруса и все нужное".

Греки с своей стороны предложили такие условия: "1. россияне, которые будут в Константинополе не для торговли, не имеют права требовать месячного содержания. – II. Да запретит Князь Послам своим делать жителям обиду в областях и в селах Греческих. – III. россияне могут жить только у Св. Мамы, и должны уведомлять о своем прибытии городское начальство, которое запишет их имена и выдаст им месячное содержание: Киевским, Черниговским, Переяславским и другим гражданам. Они будут входить только в одни ворота городские с Императорским приставом, безоружные и не более пятидесяти человек вдруг; могут торговать свободно в Константинополе и не платя никакой пошлины".

Сей мир, выгодный для россиян, был утвержден священными обрядами Веры: Император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа Славянского, Перуном и Волосом. В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим*, то есть мудрым или волхвом.

Так Нестор описывает счастливый и славный поход, коим Олег увенчал свои дела воинские. Греческие Историки молчат о сем важном случае; но когда Летописец наш не позволял действовать своему воображению и в описании древних, отдаленных времен: то мог ли он, живучи в XI веке, выдумать происшествие десятого столетия, еще свежего в народной памяти? Мог ли с дерзостию уверять современников в истине оного, если бы общее предание не служило ей порукою? Согласимся, что некоторые обстоятельства могут быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали их в рассказах, которые с новыми прибавлениями, чрез несколько времени обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования; но главное обстоятельство, что *Олег ходил к Царьграду и возвратился с успехом*, кажется достоверным.

Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора; но желая утвердить мир с Греками, Олег вздумал отправить в Царьград Послов, которые заключили с Империю договор *письменный*, драгоценный и древнейший памятник Истории Российской, сохраненный в нашей летописи. Мы изъясним единственно смысл темных речений, оставляя в целости, где можно, любопытную древность слога.

ДОГОВОР РУССКИХ С ГРЕКАМИ

"Мы от роду Русского, Карл, Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидулфост, Стемид, посланные Олегом, *Великим* Князем Русским и *всеми сущими под рукою* его Светлыми Боярами к вам, Льву, Александру и Константину" (брату и сыну первого) "Великим Царям Греческим, на *удержание* и на *извещение* от многих лет бывшие любви между Христианами и Русью, по воле наших Князей и всех сущих под рукою Олега, следующими *главами* уже не *словесно, как прежде*, но письменно утвердили сию любовь и клялися в том по закону Русскому своим оружием.

1. Первым словом да *умиримся* с вами, Греки! Да любим друг друга от всей души и не дадим никому из сущих под рукою наших Светлых Князей обижать вас; но потщимся, сколь можем, всегда и непреложно соблюдать сию дружбу! Так же и вы, Греки, да храните всегда любовь *неподвижную* к нашим Светлым Князьям Русским и всем сущим под рукою Светлого Олега. В случае же преступления и вины да поступаем тако:

II. Вина доказывается свидетельствами; а когда нет свидетелей, то не истец, но ответчик присягает – и *каждый да клянется* по Вере своей". Взаимные обиды и ссоры Греков с россиянами в Константинополе заставили, как надобно думать, Императоров и Князя Олега включить статьи уголовных законов в мирный государственный договор.

III. "Русин ли убиет Христианина или Христианин Русина, да умрет на месте злодеяния. Когда убийца *домовит* и скроется, то его имение отдать ближнему родственнику убитого; но жена убийцы не лишается своей законной части. Когда же преступник уйдет, не оставив имения, то считается под судом, доколе найдут его и казнят смертию.

IV. Кто ударит другого мечем или каким сосудом, да заплатит пять литр серебра по закону Русскому; неимовитый же да заплатит, что может; да снимет с себя и самую одежду, в которой ходит, и да клянется по Вере своей, что ни ближние, ни друзья не хотят его выкупить из вины: тогда увольняется от дальнейшего взыскания.

V. Когда Русин украдет что-либо у Христианина или Христианин у Русина, и пойманный на воровстве захочет сопротивляться, то хозяин украденной вещи может убить его, не подвергаясь взысканию, и возьмет свое обратно; но должен только связать вора, который без сопротивления отдается ему в руки. Если Русин или Христианин, под видом обыска, войдет в чей дом и силою возьмет там чужое вместо своего, да заплатит втрое.

VI. Когда ветром выкинет Греческую ладию на землю чуждую, где случимся мы, Русь, то будем охранять оную вместе с ее грузом, отправим в землю Греческую и проводим сквозь всякое *страшное* место до *бесстрашного*. Когда же ей нельзя возвратиться в отечество за бурею или другими препятствиями, то поможем гребцам и доведем ладию до ближней пристани Русской. Товары, и все, что будет в спасенной нами ладии, да продается свободно; и когда пойдут в Грецию наши Послы к Царю или гости для купли, они с честию приведут туда ладию и в целости отдадут, что выручено за ее товары. Если же кто из Русских убьет человека на сей ладии, или что-нибудь украдет, да приимет виновный казнь вышеозначенную.

VII. Ежели найдутся в Греции между купленными невольниками россияне или в Руси Греки, то их освободить и взять за них, чего они купцам стоили, или настоящую, известную цену невольников: пленные также да будут

возвращены в отечество, и за каждого да внесется окупу 20 *златых*. Но Русские воины, которые из чести придут служить Царю, могут, буде захотят сами, остаться в земле Греческой.

VIII. Ежели невольник Русский уйдет, будет украден, или отнят под видом купли, то хозяин может везде искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновным.

IX. Когда Русин, служащий Царю Христианскому, умрет в Греции, не распорядив своего наследства, и родных с ним не будет: то прислать его имение в Русь к *милым ближним*; а когда сделает распоряжение, то отдать имение наследнику, означенному в духовной.

X. Ежели между купцами и другими людьми Русскими в Греции будут виновные и ежели потребуют их в отечество для наказания, то Царь Христианский должен отправить сих преступников в Русь, хотя бы они и не хотели туда возвратиться.

Да поступают так и Русские в отношении к Грекам!

Для верного исполнения сих условий между нами, Русью и Греками, велели мы написать оные киноварью на двух хартиях. Царь Греческий скрепил их своею рукою, клялся святым крестом, Нераздельною Животворящею Троицею единого Бога, и дал хартию нашей Светлости; а мы, Послы Русские, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всех Русских, исполнять утвержденные главы мира и любви между нами, Русью и Греками. сентября во 2 неделю, в 15 лето (то есть Индикта) от создания мира… [2 сентября 911 г.]"

Договор мог быть писан на Греческом и Славянском языке. Уже Варяги около пятидесяти лет господствовали в Киеве: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между Славянами, без сомнения, говорили языком их лучше, нежели Скандинавским. Дети Варягов, принявших Христианство во время Аскольда и Дира, имели способ выучиться и Славянской грамоте, изобретенной Кириллом в Моравии. С другой стороны, при Дворе и в войске Греческом находились издавна многие Славяне, обитавшие во Фракии, в Пелопоннесе и в других владениях Императорских. В осьмом веке один из них управлял, в сане Патриарха, Церковию; и в самое то время, когда Император Александр подписывал мир с Олегом, первыми любимцами его были два Славянина, именем Гаврилопул и Василич: последнего хотел он сделать даже своим наследником. Условия мирные надлежало разуметь и Грекам и Варягам: первые не знали языка Норманов, но Славянский был известен и тем и другим.

Сей договор представляет нам россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Седьмая и осьмая статья его доказывают – и Константин Багрянородный то же свидетельствует, – что купцы Российские торговали невольниками: или пленными, взятыми на войне, или рабами, купленными у народов соседственных, или собственными преступниками, законным образом лишенными свободы. – Надобно также приметить, что между именами четырнадцати Вельмож, употребленных Великим Князем для заключения мирных условий с Греками, нет ни одного Славянского. Только Варяги, кажется, окружали наших первых Государей и пользовались их доверенностию, участвуя в делах правления.

Император, одарив Послов золотом, драгоценными одеждами и тканями, велел показать им красоту и богатство храмов (которые сильнее умственных доказательств могли представить воображению грубых людей величие Бога Христианского) и с честию отпустил их в Киев, где они дали отчет Князю в успехе посольства.

Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный знаками побед и славы, Государь народов многочисленных, повелитель войска храброго мог казаться грозным и в самом усыплении старости. Он совершил на земле дело свое – и смерть его казалась потомству чудесною. "Волхвы, – так говорит Летописец, – предсказали Князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила Князя, и Герой скончался"… Уважение к памяти великих мужей и любопытство знать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам и сообщают их отдаленным потомкам. Можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его, но мнимое пророчество волхвов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности.

Гораздо важнее и достовернее то, что Летописец повествует о следствиях кончины Олеговой: *народ стенал и проливал слезы*. Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу Государя умершего? Итак, Олег не только ужасал врагов, он был еще любим своими подданными. Воины могли оплакивать в нем смелого, искусного предводителя, а народ защитника. – Присоединив к Державе своей лучшие, богатейшие страны нынешней России, сей Князь был истинным основателем ее величия. Рюрик владел от Эстонии, Славянских Ключей и Волхова до Белаозера, устья Оки и города Ростова: Олег завоевал все от Смоленска до реки Сулы, Днестра и, кажется, самых гор Карпатских. Мудростию Правителя цветут Государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие Империи и служит им надежною опорою в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним героем: никто из них не мог сравняться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное. История признает ли его незаконным Властелином с того времени, как возмужал наследник Рюриков? Великие дела и польза государственная не извиняют ли властолюбия Олегова? И права наследственные, еще не утвержденные в России обыкновением, могли ли ему казаться священными?… Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы.

Олег, княжив 33 года, умер в глубокой старости, ежели он хотя юношею пришел в Новгород с Рюриком. Тело его погребено на горе Щековице, и жители Киевские, современники Нестора, звали сие место *Ольговою могилою*.

Глава VI
Князь Игорь. 912-945

Игорь в зрелом возрасте мужа приял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников Государя великого или презирают недостойных.

[914 г.] Смерть победителя ободрила побежденных, и Древляне отложились от Киева. Игорь спешил доказать, что в его руке меч Олегов; смирил их и наказал прибавлением дани. – Но скоро новые враги, сильные числом, страшные дерзостию и грабительством, явились в пределах России. Они под именем *Печенегов* так славны в летописях наших, Византийских и Венгерских от X до XII века, что мы должны, при вступлении их на феатр Истории, сказать несколько слов о свойстве и древнем отечестве сего народа.

Восточная страна нынешней Российской Монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжение многих столетий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных, различные, может быть, языком, но сходные характером, образом жизни и свирепостию. Все были кочующие; все питались скотоводством и звериною ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки – и все они исчезли в Европе, кроме Угров и Турков. К сим народам принадлежали Узы и Печенеги, единоплеменники Туркоманов: первые, обитая между Волгою и Доном в соседстве с Печенегами, вытеснили их из степей Саратовских: изгнанники устремились к западу; овладели Лебедиею; чрез несколько лет опустошили Бессарабию, Молдавию, Валахию; принудили Угров переселиться оттуда в Паннонию и начали господствовать от реки Дона до самой Алуты, составив 8 разных областей, из коих 4 были на Восток от Днепра, между россиянами и Козарами; а другие – на западной стороне его, в Молдавии, Трансильвании, на Буге и близ Галиции, в соседстве с народами Славянскими, подвластными Киевским Государям. Не зная земледелия, обитая в шатрах, кибитках, или вежах, Печенеги искали единственно тучных лугов для стад; искали также богатых соседей для грабительства; славились быстротою коней своих; вооруженные копьями, луком, стрелами, мгновенно окружали неприятеля и мгновенно скрывались от глаз его; бросались на лошадях в самые глубокие реки или вместо лодок употребляли большие кожи. Они носили персидскую одежду, и лица их изображали свирепость.

Печенеги думали, может быть, ограбить Киев; но встреченные сильным войском, не захотели отведать счастия в битве и мирно удалились в Бессарабию или Молдавию, где уже господствовали тогда их единоземцы. Там народ сей сделался ужасом и бичом соседей; служил орудием взаимной их ненависти и за деньги помогал им истреблять друг друга. Греки давали ему золото для обуздания Угров и Болгаров, особенно же россиян, которые также искали дружбы его, чтобы иметь безопасную торговлю с Константинополем: ибо Днепровские пороги и Дунайское устье были заняты Печенегами. Сверх того они могли всегда, с правой и левой стороны Днепра, опустошать Россию, жечь селения, увозить жен и детей, или, в случае союза, подкреплять Государей Киевских наемным войском своим. Сия несчастная Политика дозволяла разбойникам более двух веков свободно отправлять их гибельное ремесло.

Печенеги, заключив союз с Игорем, пять лет не тревожили России: по крайней мере Нестор говорит о первой действительной войне с ними уже в 920 году. Предание не сообщило ему известия об ее следствиях. Княжение Игоря вообще не ознаменовалось в памяти народной никаким великим происшествием до самого 941 года, когда Нестор, согласно с Византийскими Историками, описывает войну Игореву с Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотел прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с Империею: ибо в 935 году корабли и воины его ходили с Греческим флотом в Италию. Если верить Летописцам, то Игорь с 10000 судов вошел в Черное море. Болгары, тогда союзники Императора, уведомили его о сем неприятеле; но Игорь успел, пристав к берегу, опустошить Воспорские окрестности. Здесь Нестор,

следуя Византийским Историкам, с новым ужасом говорит о свирепости россиян: о храмах, монастырях и селениях, обращенных ими в пепел; о пленниках, бесчеловечно убиенных, и проч. Роман Лакапин, воин знаменитый, но Государь слабый, выслал наконец флот под начальством Феофана Протовестиария. Корабли Игоревы стояли на якорях близ Фара или маяка, готовые к сражению. Игорь столь был уверен в победе, что велел воинам своим щадить неприятелей и брать их живых в плен; но успех не соответствовал его чаянию. россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым *огнем Греческим*, которым Феофан зажег многие суда их и который показался им небесною молниею в руках озлобленного врага, удалились к берегам Малой Азии. Там Патрикий Варда с отборною пехотою, конницею, и Доместик Иоанн, славный победами, одержанными им в Сирии, с опытным Азиатским войском напали на толпы россиян, грабивших цветущую Вифинию, и принудили их бежать на суда. Угрожаемые вместе и войском Греческим, и победоносным флотом, и голодом, они снялись с якорей, ночью отплыли к берегам Фракийским, сразились еще с Греками на море и с великим уроном возвратились в отечество. Но бедствия, претерпенные от них Империею в течение трех месяцев, остались надолго незабвенными в ее Азиатских и Европейских областях.

Князь Игорь. Гравюра 1805 г.

О сем несчастном Игоревом походе говорят не только Византийские, но и другие Историки: Арабский Эльмакин и Кремонский Епископ Лиутпранд; последний рассказывает слышанное им от своего отчима, который, будучи Послом в Цареграде, собственными глазами видел казнь многих Игоревых воинов, взятых тогда в плен Греками: варварство ужасное! Греки, изнеженные роскошию, боялись опасностей, а не злодейства.

Игорь не уныл, но хотел отмстить Грекам; собрал другое многочисленное войско, призвал Варягов из-за моря, нанял Печенегов – которые дали ему аманатов в доказательство верности своей – и чрез два года снова пошел в Грецию со флотом и с конницею. Херсонцы и Болгары вторично дали знать Императору, что море покрылось кораблями Российскими. Лакапин, не уверенный в победе и желая спасти Империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным, немедленно отправил послов к Игорю. Встретив его близ Дунайского устья, они предложили ему дань, какую некогда взял храбрый Олег с Греции; обещали и более, ежели Князь благоразумно согласится на мир; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивых Печенегов. Игорь остановился и, созвав дружину свою, объявил ей желание Греков. "Когда

Царь, – ответствовали верные товарищи Князя Российского, – без войны дает нам серебро и золото, то чего более можем требовать? Известно ли, кто одолеет? мы ли? они ли? и с морем кто *советен?* Под нами не земля, а глубина морская: в ней общая смерть людям". Игорь принял их совет, взял дары у Греков на всех воинов своих, велел наемным Печенегам разорять соседственную Болгарию и возвратился в Киев.

В следующий год [944 г.] Лакапин отправил Пслов к Игорю, а Князь Российский в Царьград, где заключен был ими торжественный мир на таких условиях:

I. Начало, подобное Олегову договору: "Мы от рода Русского, Послы и гости Игоревы", и проч. Следует около пятидесяти Норманских имен, кроме двух или трех Славянских. Но достойно замечания, что здесь в особенности говорится о Послах и чиновниках Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двух *нетиев* Игоревых, то есть племянников или детей сестриных, Улеба, Акуна, и супруги Улебовой, Передславы. Далее: "Мы, посланные от Игоря, Великого Князя Русского, от всякого княжения, от всех людей Русския земли, обновить *ветхий* мир с Великими Царями Греческими, Романом, Константином, Стефаном, со всем *Боярством* и со всеми людьми Греческими, вопреки Диаволу, ненавистнику добра и *враждолюбцу*, на все лета, доколе сияет солнце и стоит мир. Да не дерзают Русские, *крещеные* и некрещеные, нарушать союза с Греками, или первых да осудит Бог Вседержитель на гибель вечную и временную, а вторые да не имут помощи от Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падут от *собственных* мечей, стрел и другого оружия; да будут рабами в сей век и будущий!

II. Великий Князь Русский и Бояре его да отправляют свободно в Грецию корабли с гостьми и Послами. Гости, как *было уставлено*, носили печати серебряные, а Послы золотые: отныне же да приходят с грамотою от Князя Русского, в которой будет засвидетельствовано их мирное намерение, также число людей и кораблей отправленных. Если же придут без грамоты, да содержатся под стражею, доколе известим о них Князя Русского. Если станут противиться, да лишатся жизни, и смерть их да не взыщется от Князя Русского. Если уйдут в Русь, то мы, Греки, уведомим Князя об их бегстве, да поступит он с ними, как ему угодно".

III. Начало статьи есть повторение условий, заключенных Олегом под стенами Константинополя, о том, как вести себя Послам и гостям Русским в Греции, где жить, чего требовать и проч. – Далее: "Гости Русские будут охраняемы Царским чиновником, который разбирает ссоры их с Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, ценою выше 50 *золотников* (или червонцев), должна быть ему показана, чтобы он приложил к ней печать свою. Отправляясь из Царяграда, да берут они съестные припасы и все нужное для кораблей, согласно с договором. Да не имеют права зимовать у Св. Мамы и да возвращаются с охранением.

IV. Когда уйдет невольник из Руси в Грецию, или от гостей, живущих у Св. Мамы, Русские да ищут и возьмут его. Если он не будет сыскан, да клянутся в бегстве его по Вере своей, Христиане и язычники. Тогда Греки дадут им, *как прежде уставлено*, по две ткани за невольника. Если раб Греческий бежит к россиянам с покражею, то они должны возвратить его и снесенное им в целости: за что получают в награждение два золотника.

V. Ежели Русин украдет что-нибудь у Грека или Грек у Русина, да будет строго наказан по закону Русскому и Греческому; да возвратит украденную вещь и заплатит цену ее вдвое.

VI. Когда Русские приведут в Царьград пленников Греческих, то им за каждого брать по десяти золотников, если будет юноша или девица *добрая*, за середовича восемь, за старца и младенца пять. Когда же Русские найдутся в неволе у Греков, то за всякого пленного давать выкупа десять золотников, а за купленного цену его, которую хозяин объявит *под крестом* (или присягою).

VII. Князь Русский да не присвоивает себе власти над страною Херсонскою и городами ее. Когда же он, воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, Греков: мы дадим ему, сколько будет надобно.

VIII. Ежели Русские найдут у берега ладию Греческую, да не обидят ее; а кто возьмет что-нибудь из ладии, или убиет, или поработит находящихся в ней людей, да будет наказан по закону Русскому и Греческому.

IX. Русские да не творят никакого зла Херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье, ни у *Св. Еферия*, но при наступлении осени да идут в домы свои, в Русскую землю.

X. Князь Русский да не пускает *Черных* Болгаров воевать в стране Херсонской". – *Черною* называлась Болгария Дунайская, в отношении к древнему отечеству Болгаров.

XI. "Ежели Греки, находясь в земле Русской, окажутся преступниками, да не имеет Князь власти наказывать их; но да приимут они сию казнь в Царстве Греческом.

XII. Когда Христианин умертвит Русина или Русин Христианина, ближние убиенного, задержав убийцу, да умертвят его". – Далее то же, что в III статье прежнего договора.

XIII. Сия статья о побоях есть повторение IV статьи Олегова условия.

XIV. "Ежели Цари Греческие потребуют войска от Русского Князя, да исполнит Князь их требование, и да увидят чрез то все иные страны, в какой любви живут Греки с Русью.

Сии условия написаны на двух хартиях: одна будет у Царей Греческих; другую, ими подписанную, доставят Великому Князю Русскому Игорю и людям его, которые, приняв оную, да клянутся *хранить истину* союза: Христиане в Соборной церкви Св. Илии *предлежащим честным крестом* и сею хартиею, а некрещеные полагая на землю щиты свои, *обручи* и мечи обнаженные".

Историк должен в целости сохранить сии дипломатические памятники России, в коих изображается ум предков наших и самые их обычаи. Государственные договоры X века, столь подробные, весьма редки в летописях: они любопытны не только для ученого Дипломатика, но и для всех внимательных читателей истории, которые желают иметь ясное понятие о тогдашнем гражданском состоянии народов. Хотя Византийские Летописцы не упоминают о сем договоре, ни о прежнем, заключенном в Олегово время, но содержание оных так верно представляет нам взаимные отношения Греков и россиян X века, так сообразно с обстоятельствами времени, что мы не можем усомниться в их истине…

Клятвенно утвердив союз, Император отправил новых Послов в Киев, чтобы вручить Князю Русскому *хартию мира*. Игорь в присутствии их на священном холме, где стоял Перун, торжественно обязался хранить дружбу с Империею; воины его также, в знак клятвы полагая к ногам идола оружие, щиты и золото. Обряд достопамятный: оружие и золото было всего святее и драгоценнее для Русских язычников. Христиане Варяжские присягали в Соборной церкви Св. Илии, может быть, древнейшей в Киеве. Летописец именно говорит, что многие Варяги были тогда уже Христианами.

Игорь, одарив Послов Греческих мехами драгоценными, воском и пленниками, отпустил их к Императору с дружественными увериями. Он действительно хотел мира для своей старости; но корыстолюбие собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствием. "Мы босы и наги, – говорили воины Игорю, – а Свенельдовы Отроки богаты оружием и всякою одеждою. *Поди в дань* с нами, да и мы, вместе с тобою, будем довольны".

Ходить в дань значило тогда объезжать Россию и собирать налоги. Древние Государи наши, по известию Константина Багрянородного, всякий год в ноябре месяце отправлялись с войском из Киева для объезда городов своих и возвращались в столицу не прежде апреля. Целию сих путешествий, как вероятно, было и то, чтобы укреплять общую государственную связь между разными областями или содержать народ и чиновников в зависимости от Великих Князей. Игорь, отдыхая в старости, вместо себя посылал, кажется, Вельмож и Бояр, особенно Свенельда, знаменитого Воеводу, который, собирая государственную дань, мог и сам обогащаться вместе с *Отроками* своими, или отборными молодыми воинами, его окружавшими. Им завидовала дружина Игорева, и Князь, при наступлении осени, исполнил ее желание; отпра-

вился в землю Древлян и, забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом. Дружина его – пользуясь, может быть, слабостию Князя престарелого – тоже хотела богатства и грабила несчастных данников, усмиренных только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоразумия. Еще недовольный взятою им данию, он вздумал отпустить войско в Киев и с частию своей дружины возвратиться к Древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути и сказали ему: "Князь! Мы все заплатили тебе: для чего же опять идешь к нам?" Ослепленный корыстолюбием, Игорь шел далее. Тогда отчаянные Древляне, видя – по словам Летописца – что *надобно умертвить хищного волка, или все стадо будет его жертвою*, вооружились под начальством Князя своего, именем Мала; вышли из Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византийский Историк повествует, что они, привязав сего несчастного Князя к двум деревам, разорвали надвое.

Игорь в войне с Греками не имел успехов Олега; не имел, кажется, и великих свойств его: но сохранил целость Российской Державы, устроенной Олегом; сохранил честь и выгоды ее в договорах с Империею; был язычником, но позволял новообращенным россиянам славить торжественно Бога Христианского и вместе с Олегом оставил наследникам своим пример благоразумной терпимости, достойный самых просвещенных времен. Два случая остались укоризною для его памяти: он дал опасным Печенегам утвердиться в соседстве с Россиею и, не довольствуясь справедливой, то есть умеренною данию народа, ему подвластного, обирал его, как хищный завоеватель. Игорь мстил Древлянам за прежний их мятеж; но Государь унижается местию долговременною: он наказывает преступника только однажды. – Историк, за недостатком преданий, не может сказать ничего более в похвалу или в обвинение Игоря, княжившего 32 года.

К сему княжению относится любопытное известие современного Арабского Историка Массуди. Он пишет, что россияне идолопоклонники, вместе с Славянами, обитали тогда в Козарской столице Ателе и служили Кагану; что с его дозволения, около 912 года, войско их, приплыв на судах в Каспийское море, разорило Дагестан, Ширван, но было наконец истреблено Магометанами. Другой Арабский Повествователь, Абульфеда, сказывает, что россияне в 944 году взяли Барду, столицу Арранскую (верстах в семидесяти от Ганджи) и возвратились в свою землю рекою Куром и морем Каспийским. Третий Историк Восточный, Абульфарач, приписывает сие нападение Аланам, Лезгам и Славянам, бывшим Кагановым данникам в южных странах нашего древнего отечества. россияне могли прийти в Ширван Днепром, морями Черным, Азовским, реками Доном, Волгою (чрез малую переволоку в нынешней Качалинской Станице) – путем дальним, многотрудным; но прелесть добычи давала им смелость, мужество и терпение, которые в самом начале государственного бытия России ославили имя ее в Европе и в Азии.

Глава VII
Князь Святослав. 945-972

Святослав, сын Игорев, первый Князь Славянского имени, был еще отроком. Бедственный конец родителя, новость Державы, только мечем основанной и хранимой; бунт Древлян; беспокойный дух войска, приученного к деятельности, завоеваниям и грабежу; честолюбие Полководцев Варяжских, смелых и гордых; уважавших одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и России опасностями. Но Провидение сохранило и целость Державы и власть Государя, одарив его мать свойствами души необыкновенной.

Юный Князь воспитывался Боярином Асмудом: Свенельд повелевал войском. Ольга – вероятно, с помощию сих двух знаменитых мужей – овладела кормилом Государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых. Здесь Летописец сообщает нам *многие подробности,* отчасти не согласные ни с вероятностями рассудка, ни с важностию истории и взятые, без всякого сомнения, из народной *сказки*, но как истинное происшествие должно быть их *основанием*, и самые басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычаи и дух времени: то мы повторим Несторовы простые сказания о *мести и хитростях Ольгиных*.

"Гордясь убийством как победою и презирая малолетство Святослава, Древляне вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их Князь Мал женился на вдове Игоря, ибо они, платя дань Государям Киевским, имели еще Князей собственных. Двадцать знаменитых Послов Древлянских приплыли в ладии к Киеву и сказали Ольге: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князья Древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего Князя Мала*. Ольга с ласкою ответствовала: *Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладию свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках…* Между тем Ольга приказала на *дворе теремном* ископать глубокую яму и на другой день звать Послов. Исполняя волю ее, они сказали: *Не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии!* Киевляне ответствовали: *Что делать! Мы невольники; Игоря нет, а Княгиня наша хочет быть супругою вашего Князя* – и понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как Древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Мстительная Княгиня спросила у них, довольны ли они сею *честию?* Несчастные изъявили воплем раскаяние в убиении Игоря, но поздно: Ольга велела их засыпать живых землею и чрез гонца объявила Древлянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей: ибо народ Киевский нс отпустит ее без их торжественного и многочисленного Посольства. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан и начальников земли своей. Там, по древнему обычаю Славянскому, для гостей изготовили баню и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать Древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже едет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга действительно пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою – доныне видимый, как уверяют, близ сего места – и в честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. *Отроки* Княгинины угощали знаменитейших Древлян, которые вздумали наконец спросить о своих Послах; но удовольствовались ответом, что они будут вместе с *Игоревою* дружиною. – Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим – и 5000 Древлян, ими убитых, легло вокруг Игоревой могилы.

Княгиня Ольга. Гравюра 1805 г.

[946 г.] Ольга, возвратясь в Киев, собрала многочисленное войско и выступила с ним против Древлян, уже наказанных хитростию, но еще не покоренных силою. Оно встретилось с ними, и младый Святослав сам начал сражение. Копие, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но Полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного Героя и с восклицанием: *Друзья! Станем за Князя!* – устремились в битву. Древляне бежали с поля и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. *Для чего вы упорствуете?* велела она сказать Древлянам: *Все иные города ваши сдались мне, и жители их мирно обрабатывают нивы свои: а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщения: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего. Древля*не предложили ей в дань мед и кожи зверей; но Княгиня, будто бы из великодушия, отреклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радостию исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все домы их… Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе. Устрашенные жители хотели спастися бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая Княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данию".

Так рассказывает Летописец… Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вера и самые гражданские законы язычников оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о Героях Истории по обычаям и нравам их времени. Но вероятна ли оплошность Древлян? Вероятно ли, чтобы Ольга взяла Коростен посредством воробьев и голубей, хотя сия выдумка могла делать честь народному остроумию Русских в X веке? Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве Послов Древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена, и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Великая Княгиня, провождаемая воинскою дружиною, вместе с юным Святославом объехала всю Древлянскую область, уставляя налоги в пользу казны государственной; но жители Коростена долженствовали третью часть дани своей посылать к самой Ольге в ее *собственный*

Удел, в Вышегород, основанный, может быть, героем Олегом и данный ей в вено, как невесте или супруге Великого Князя: чему увидим и другие примеры в нашей древней Истории. Сей город, известный Константину Багрянородному и знаменитый в X веке, уже давно обратился в село, которое находится в 7 верстах от Киева, на высоком берегу Днепра, и замечательно красотою своего местоположения. – Ольга, кажется, утешила Древлян благодеяниями мудрого правления; по крайней мере все ее памятники – ночлеги и места, где она, следуя обыкновению тогдашних Героев, забавлялась ловлею зверей – долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства.

Князь Святослав. Гравюра 1805 г.

В следующий год, оставив Святослава в Киеве, она поехала в северную Россию, в область Новогородскую; учредила по Луге и Мсте государственные дани; разделила землю на *погосты*, или волости; сделала без сомнения все нужнейшее для государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию России и везде оставила знаки своей попечительной мудрости. Через 150 лет народ с признательностию воспоминал о сем благодетельном путешествии Ольги, и в Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ее, как вещь драгоценную. Вероятно, что сия Княгиня, рожденная во Пскове, какими-нибудь особенными выгодами, данными его гражданам, способствовала тому цветущему состоянию и даже силе, которою он после, вместе с Новымгородом, славился в России, затмив соседственный, древнейший Изборск и сделавшись столицею области знаменитой.

Утвердив внутренний порядок Государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии, наслаждаясь любовию своего признательного сына и не менее признательного народа. – Здесь, по сказанию Нестора, оканчиваются дела ее государственного правления; но здесь начинается эпоха славы ее в нашей Церковной Истории.

Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной деятельности, видит близкий конец ее перед собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная Вера, более нежели когда-нибудь, служит ему опорой или утешением в печальных размышлениях о тленности человека. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов Христианства; могла из любопытства беседовать с Церковными Пастырями и, будучи одарена умом необыкновен-

ным, увериться в святости их учения. Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть Христианкою и сама отправилась в столицу Империи и Веры Греческой, чтобы почерпнуть его в самом источнике. Там Патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный – восприемником от купели. Император старался достойным образом угостить Княгиню народа знаменитого и сам описал для нас все любопытные обстоятельства ее представления. Когда Ольга прибыла во. дворец, за нею шли *особы Княжеские*, ее свойственницы, многие знатные госпожи, Послы Российские и купцы, обыкновенно жившие в Царьграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и Вельможами, встретили Ольгу: после чего Император на свободе беседовал с нею в тех комнатах, где жила Царица. В сей первый день, 9 сентября [955 г.], был великолепный обед в огромной так называемой *храмине Юстиниановой*, где Императрица сидела на троне и где Княгиня Российская, в знак почтения к супруге великого Царя, стояла до самого того времени, как ей указали место за одним столом с придворными госпожами. В час обеда играла музыка, певцы славили величие Царского Дому и плясуны оказывали свое искусство в приятных телодвижениях. Послы Российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом дарили гостей деньгами: *племяннику* Княгини дали 30 *милиаризий* – или 2 1/2 червонца, – каждому из осьми ее приближенных 20, каждому из двадцати Послов 12, каждому из сорока трех купцев то же, Священнику или Духовнику Ольгину именем Григорий 8, двум переводчикам 24, Святославовым людям 5 на человека, посольским 3, собственному переводчику Княгини 15 милиаризий. На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с Императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 милиаризий, шести ее родственницам каждой 20 и осьмнадцати служительницам каждой 8. 18 октября Княгиня вторично обедала во дворце и сидела за одним столом с Императрицею, ее невесткою, Романовой супругою, и с детьми его; сам Император обедал в другой зале со всеми россиянами. Угощение заключилось также дарами, еще умереннейшими первых: Ольга получила 200 милиаризий, а другие менее по соразмерности. Хотя тогдашние Государи Российские не могли еще быть весьма богаты металлами драгоценными; но *одна учтивость*, без сомнения, заставила Великую Княгиню принять в дар шестнадцать червонцев.

К сим достоверным известиям о бытии Ольгином в Константинополе народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку, что Император, плененный ее разумом и красотою, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга – нареченная в святом крещении Еленою – отвергнула его предложение, напомнив восприемнику своему о духовном союзе с нею, который, по закону Христианскому, служил препятствием для союза брачного между ими. Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою.

Наставленная в святых правилах Христианства самим Патриархом, Ольга возвратилась в Киев. Император, по словам Летописца, отпустил ее с богатыми дарами и с именем дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его приемом: следующее служит тому доказательством. Скоро приехали в Киев Греческие Послы требовать, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обещание и прислала в Грецию войско вспомогательное; хотели также даров: невольников, мехов драгоценных и воску. Ольга сказала им: "Когда Царь ваш постоит у меня на Почайне столько же времени, сколько я стояла у него в *Суде* (гавани Константинопольской): тогда пришлю ему дары и войско" – с чем Послы и возвратились к Императору. Из сего ответа должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу в город и что обыкновенная надменность Двора Византийского оставила в ее сердце неприятные впечатления.

Однако ж россияне, во все царствование Константина Багрянородного, сына его и Никифора Фоки, соблюдали мир и дружбу с Грециею: служили при Дворе Императоров, в их флоте, войсках, и в 964 году, по сказанию Арабского Историка Новайри, сражались в Сицилии, как наемники Греков, с Аль-Гассаном, Вождем Сарацинским. Константин нередко посылал так

называемые *златые буллы*, или грамоты с золотою печатию, к Великому Князю, надписывая: *Грамота Христолюбивых Императоров Греческих, Константина и Романа, к Российскому Государю.*

Ольга, воспаленная усердием к новой Вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества; но юный, гордый Святослав не хотел внимать ее наставлениям. Напрасно сия добродетельная мать говорила о счастии быть Христианином, о мире, коим наслаждалась душа ее с того времени, как она познала Бога истинного. Святослав ответствовал ей: "Могу ли один принять новый Закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?" Напрасно Ольга представляла ему, что его пример склонил бы весь народ к Христианству. Юноша был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъявлял презрение к Христианам и с досадою отвергал все убеждения матери, которая, не преставая любить его нежно, должна была наконец умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Российского и сына.

А.И. Иванов. Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами в 968 году

[964–966 г.] Сей Князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного Героя летел в поле. Там суровою жизнию он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был Военачальник, таковы и воины. – Древняя летопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: *иду на вас!* В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно Рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первым феатром его воинских, счастливых действий. Он покорил Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хана Козарского, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного Владетеля. Жестокая битва

решила судьбу двух народов. Сам Каган предводительствовал войском: Святослав победил и взял Козарскую *Белую Вежу*, или *Саркел*, как именуют ее Византийские Историки, город на берегу Дона, укрепленный Греческим искусством. Летописец не сообщает нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказывая только, что Святослав победил еще *Ясов* и *Касогов:* первые – вероятно, нынешние Оссы или Оссетинцы – будучи Аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и близ устья Волги; вторые суть Черкесы, коих страна в X веке именовалась Касахиею: Оссетинцы и теперь называют их Касахами. – Тогда же, как надобно думать, завоевали россияне город Таматарху, или Фанагорию, и все владения Козарские на восточных берегах Азовского моря: ибо сия часть древнего Царства Воспорского, названная потом Княжеством Тмутороканским, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностию России. Завоевание столь отдаленное кажется удивительным; но бурный дух Святослава веселился опасностями и трудами. От реки Дона проложив себе путь к Воспору Киммерийскому, сей Герой мог утвердить сообщение между областию Тмутороканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра. В Тавриде оставалась уже одна тень древнего могущества Каганов.

[967 г.] Неудовольствие Императора Никифора Фоки на Болгарского Царя Петра служило для Святослава поводом к новому и еще важнейшему завоеванию. Император, желая отмстить Болгарам за то, что они не хотели препятствовать Венграм в их частых впадениях в Грецию, велел Калокиру, сыну начальника Херсонского, ехать Послом в Киев, с обещанием великих даров мужественному Князю Российскому, ежели он пойдет воевать Болгарию. Святослав исполнил желание Никифора, взяв с Греков на вооружение несколько пуд золота, и с 60000 воинов явился в ладиях на Дунае. Тщетно Болгары хотели отразить их: россияне, обнажив мечи и закрываясь щитами, устремились на берег и смяли неприятелей. Города сдалися победителю. Царь Болгарский умер от горести. Удовлетворив мести Греков, богатый добычею, гордый славою, Князь Российский начал властвовать в древней Мизии; хотел еще, в знак благодарности, даров от Императора и жил весело в Болгарском Переяславце, не думая о том, что в самое сие время отечественная столица его была в опасности.

[968 г.] Печенеги напали на Россию, зная отсутствие храброго Князя, и приступили к самому Киеву, где затворилась Ольга с детьми Святослава. На другой стороне Днепра стоял Воевода Российский, именем Претич, с малочисленною дружиною, и не мог иметь с осажденными никакого сообщения. Изнемогая от голода и жажды, Киевляне были в отчаянии. Один смелый отрок вызвался уведомить Претича о бедственном их состоянии; вышел с *уздою* из города прямо в толпу неприятелей и, говоря языком Печенежским, спрашивал, кто видел его коня? Печенеги, воображая, что он их воин, дали ему дорогу. Отрок спешил к Днепру, сбросил с себя одежду и поплыл. Тут неприятели, узнав свою ошибку, начали стрелять в него; а россияне с другого берега выехали навстречу и взяли отрока в лодку. Слыша от сего посланного, что изнуренные Киевляне хотят на другой день сдаться, и боясь гнева Святославова, Воевода решился спасти хотя семейство Княжеское – и Печенеги на рассвете увидели лодки Российские, плывущие к их берегу с трубным звуком, на который обрадованные жители Киевские ответствовали громкими восклицаниями. Думая, что сам грозный Святослав идет на помощь к осажденным, неприятели рассеялись в ужасе, и Великая Княгиня Ольга могла, вместе со внуками, безопасно встретить своих избавителей за стенами города. Князь Печенежский увидел их малое число, но все еще не смел сразиться: требовал дружелюбного свидания с предводителем Российским и спросил у него, Князь ли он? Хитрый Воевода объявил себя начальником передовой дружины Святославовой, уверяя, что сей Герой со многочисленным войском идет вслед за ним. Обманутый Печенег предложил мир: они подали руку один другому и в знак союза обменялись оружием. Князь дал Воеводе саблю, стрелы и коня: Воевода Князю щит, броню и меч. Тогда Печенеги немедленно удалились от города.

Освобожденные Киевляне отправили гонца к Святославу сказать ему, что он для завоевания чуждых земель жертвует собственною; что свирепые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствие Государя и защитника может снова подвергнуть их той же опасности, и чтобы он сжалился над бедствием отечества, престарелой матери и юных детей своих. Тронутый Князь с великою поспешностию возвратился в Киев. Шум воинский, любезный его сердцу, не заглушил в нем нежной чувствительности сына и родителя: летопись говорит, что он с горячностию лобызал мать и детей, радуясь их спасению. – Дерзость Печенегов требовала мести: Святослав отразил их от пределов России и сею победою восстановил безопасность и тишину в отечестве.

[969 г.] Но мирное пребывание в Киеве скоро наскучило деятельному Князю. Страна завоеванная всегда кажется приятною завоевателю, и сердце Героя стремилось к берегам Дунайским. Собрав Бояр, он в присутствии Ольги сказал им, что ему веселее жить в Переяславце, нежели в Киеве: "ибо в столице Болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности Искусства и Природы: Греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды; Богемцы и Венгры серебро и коней; россияне меха, воск, мед и невольников". Огорченная мать ответствовала ему, что старость и болезнь не замедлят прекратить ее жизни. "Погреби меня, – сказала она, – и тогда иди, куда хочешь". Сии слова оказались пророчеством: Ольга на четвертый день скончалась. – Она запретила отправлять по себе языческую тризну и была погребена Христианским Священником на месте, ею самою для того избранном. Сын, внуки и благодарный народ оплакали ее кончину.

Предание нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, История *Мудрою*. Отмстив Древлянам, она умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святославова; с деятельностию великого мужа учреждала порядок в Государстве обширном и новом; не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ. Великие Князья до времен Ольгиных *воевали*, она *правила* Государством. Уверенный в ее мудрости, Святослав и в мужеских летах своих оставлял ей, кажется, внутреннее правление, беспрестанно занимаясь войнами, которые удаляли его от столицы. – При Ольге Россия стала известной и в самых отдаленных странах Европы. Летописцы Немецкие говорят о Посольстве ее в Германию к Императору Оттону I. Может быть, Княгиня Российская, узнав о славе и победах Оттоновых, хотела, чтобы он также сведал о знаменитости ее народа, и предлагала ему дружественный союз чрез Послов своих. – Наконец, сделавшись ревностною Христианкою, Ольга – по выражению Нестора, *денница и луна спасения* – служила убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной Веры в нашем отечестве.

По кончине матери Святослав мог уже свободно исполнить свое безрассудное намерение: то есть перенести столицу Государства на берега Дунайские. Кроме самолюбивых мечтаний завоевателя, Болгария действительно могла нравиться ему своим теплым климатом, изобилием плодов и богатством деятельной, удобной торговли с Константинополем; вероятно также, что сие Государство, сопредельное с Империею, превосходило Россию и в гражданском образовании: но для таких выгод долженствовал ли он удалиться от своего отечества, где был, так сказать, корень его силы и могущества? По крайней мере Святославу надлежало бы овладеть прежде Бессарабиею, Молдавиею и Валахиею, то есть выгнать оттуда Печенегов, чтобы непрерывною цепию завоеваний соединить Болгарию с Российскими владениями. Но сей Князь излишно надеялся на счастие оружия и на грозное имя победителя Козаров.

[970 г.] Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю, где прежде властвовали ее собственные Князья. В то же время новогородцы, недовольные, может быть, властию Княжеских Наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в Правители, и грозились в случае отказа избрать для себя особенного Князя: Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий

сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именем Малуши, дочери Любчанина Малька: новогородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в Князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россию. – Итак, Святослав первый ввел обыкновение *давать сыновьям особенные Уделы*: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

Святослав, отпустив Владимира с Добрынею в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областию, но где народ встретил его как неприятеля. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на россиян. Долговременное кровопролитное сражение клонилось уже в пользу Болгаров; но воины Святославовы, ободренные его речью: *Братья и дружина! Умрем, но умрем с твердостию и мужеством!* – напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Переяславец, снова овладел царством Болгарским и хотел там навсегда остаться. В сем намерении еще более утвердил его знатный Грек, именем Калокир, самый тот, который от Императора Никифора был послом у Святослава. Калокир с помощию россиян надеялся свергнуть Государя своего с престола и царствовать в Константинополе: за что обещал им уступить Болгарию в вечное владение и присылать дары. – Между тем Святослав, довольствуясь властию над сею землею, позволял сыну умершего ее Царя, именем Борису, украшаться знаками Царского достоинства.

Греки, призвавшие россиян на берега Дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее Болгаров. Иоанн Цимиский, тогдашний Император, предлагая сему Князю исполнить договор, заключенный с ним в царствование Никифора, требовал, чтобы россияне вышли из Болгарии; но Святослав не хотел слушать Послов и с гордостию ответствовал, что скоро будет сам в Константинополе и выгонит Греков в Азию. Цимиский, напомнив ему о бедственной участи ненасытного Игоря, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

В описании сей кровопролитной войны Нестор и Византийские Историки не согласны: первый отдает честь и славу победы Князю Российскому, вторые Императору – и, кажется, справедливее: ибо война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у Греков, а Святослав принужден был, с горстию воинов, идти назад в Россию: следствия, весьма несообразные с счастливым успехом его оружия! К тому же Греческие Историки описывают все обстоятельства подробнее, яснее, – и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть их любопытного сказания.

Великий Князь (говорят они), к русской дружине присоединив Болгаров, новых своих подданных – Венгров и Печенегов, тогдашних его союзников, вступил во Фракию и до самого Адрианополя опустошил ее селения. Варда Склир, Полководец Империи, видя многочисленность неприятелей, заключился в сем городе и долго не мог отважиться на битву. Наконец удалось ему хитростию разбить Печенегов: тогда Греки, ободренные успехом, сразились с Князем Святославом. россияне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склир и брат его, Константин Патрикий, принудили их отступить, умертвив в единоборстве каких-то двух знаменитых богатырей *Скифских*.

Нестор описывает сию битву таким образом: "Император встретил Святослава мирными предложениями и хотел знать *число* его витязей, обещая на каждого из них заплатить ему дань. Великий Князь объявил у себя 20000 человек, едва имея и половину. Греки, искусные в коварстве, воспользовались временем и собрали 100000 воинов, которые со всех сторон окружили россиян. Великодушный Святослав, покойно осмотрев грозные ряды неприятелей, сказал дружине: *Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем здесь костями: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить Вождя смелого, единодушно ответствовали: *Наши головы лягут вместе с твоею!* Вступили в кровопролитный бой и доказали, что не множество, а храбрость побеждает. Греки не устояли: обратили тыл, рассеялись – и Святослав шел к Константинополю, означая свой путь

всеми ужасами опустошения…" Доселе можем не сомневаться в истине Несторова сказания; но дальнейшее его повествование гораздо менее вероятно. "Цимиский (пишет он) в страхе, в недоумении призвал Вельмож на совет и решился *искусить* неприятеля дарами, золотом и паволоками драгоценными; отправил их с человеком хитрым и велел ему наблюдать все движения Святославовы. Но сей Князь не хотел взглянуть на золото, положенное к его ногам, и равнодушно сказал Отрокам своим: *возмите*. Тогда Император послал к нему в дар оружие: Герой схватил оное с живейшим удовольствием, изъявляя благодарность, и Цимиский, не смея ратоборствовать с таким неприятелем, заплатил ему дань; каждый воин взял часть свою; доля убиенных была назначена для их родственников. Гордый Святослав с торжеством возвратился в Болгарию". Греки не имели нужды *искушать* Великого Князя, когда он с малыми силами уже разбил их многочисленное войско; но сия сказка достойна замечания, свидетельствуя мнение потомства о характере Святослава.

В следующий год, по известиям Византийским, сам Цимиский выступил из Константинополя с войском, отправив наперед сильный флот к Дунайскому устью, без сомнения для того, чтобы пресечь сообщение россиян водою с Киевом. Сей Император открыл себе путь ко трону злодейством, умертвив Царя Никифора, но правил Государством благоразумно и был Героем. Избирая Полководцев искусных, щедро награждая заслуги самых рядовых воинов, строго наказывая малейшее неповиновение, он умел вселить в первых древнее Римское славолюбие, а вторых приучить к древней подчиненности. Собственное его мужество было примером для тех и других. – На пути встретили Императора Послы Российские, которые хотели единственно узнать силу Греков. Иоанн, не входя с ними в переговоры, велел им осмотреть стан Греческий и возвратиться к своему Князю. Сей поступок уже доказывал Святославу, что он имеет дело с неприятелем опасным.

Оставив главное войско назади, Император с отборными ратниками, с Легионом так называемых *Бессмертных*, с 13000 конницы, с 10500 пехоты, явился нечаянно под стенами Переяславца и напал на 8000 россиян, которые спокойно занимались там воинским ученьем. Они изумились, но храбро вступили в бой с Греками. Большая часть их легла на месте, и вылазка, сделанная из города в помощь им, не имела успеха; однако ж победа весьма дорого стоила Грекам, и Цимиский с нетерпением ожидал своего остального войска. Как скоро оно пришло, Греки со всех сторон окружили город, где начальствовал Российский Полководец Сфенкал. Сам Князь с 60000 воинов стоял в укрепленном стане на берегу Дуная.

Калокир, виновник сей войны, по словам Греческих Летописцев, бежал из Переяславца уведомить его, что столица Болгарская осаждена. Но Цимиский не дал Святославу времени освободить ее: тщетно предлагав россиянам сдаться, он взял город приступом. Борис, только именем Царь Болгарский, достался Грекам в плен, со многими его знаменитыми единоземцами: Император обошелся с ними благосклонно, уверяя – как бывает в таких случаях – что он вооружился единственно для освобождения их от неволи и что признает врагами своими одних россиян.

Между тем 8000 воинов Святославовых заперлись в Царском дворце, не хотели сдаться и мужественно отражали многочисленных неприятелей. Напрасно Император ободрял Греков: он сам с оруженосцами своими пошел на приступ и должен был уступить отчаянной храбрости осажденных. Тогда Цимиский велел зажечь дворец, и россияне погибли в пламени.

Святослав, сведав о взятии Болгарской столицы, не показал воинам своим ни страха, ни огорчения и спешил только встретить Цимиския, который со всеми силами приближался к Доростолу, или нынешней Силистрии. В 12 милях оттуда сошлись оба воинства. Цимиский и Святослав – два Героя, достойные спорить друг с другом о славе и победе, – каждый ободрив своих, дали знак битвы, и при звуке труб началось кровопролитие. От первого стремительного удара Греков поколебались ряды Святославовы; но, вновь устроенные Князем, сомкнулись твердою стеною и разили неприятелей. До самого вечера счастие ласкало ту и другую

сторону; *двенадцать* раз то и другое войско думало торжествовать победу. Цимиский велел распустить священное знамя Империи; был везде, где была опасность; махом копия своего удерживал бегущих и показывал им путь в средину врагов. Наконец судьба жестокой битвы решилась: Святослав *отступил* к Доростолу и вошел в сей город.

Император осадил его. В то же самое время подоспел и флот Греческий, который пресек свободное плавание россиян по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала с опасностями. Он заключил в оковы многих Болгаров, которые хотели изменить ему; окопал стены глубоким рвом, беспрестанными вылазками тревожил стан Греков. россияне (пишут Византийские Историки) оказывали чудесное остервенение и, думая, что убитый *неприятелем* должен служить ему рабом в аде, вонзали себе мечи в сердце, когда уже не могли спастися: ибо хотели тем сохранить вольность свою в будущей жизни. Самые жены их ополчались и, как древние Амазонки, мужествовали в кровопролитных сечах. Малейший успех давал им новую силу. Однажды в счастливой вылазке, приняв Магистра Иоанна, свойственника Цимискиева, за самого Императора, они с радостными кликами изрубили сего знатного сановника и с великим торжеством выставили голову его на башне. Нередко, побеждаемые силою превосходною, обращали тыл без стыда: шли назад в крепость с гордостию, медленно, закинув за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свете луны, выходили жечь тела друзей и братьев, лежащих в поле; закалали пленников над ними и с какими-то священными обрядами погружали младенцев в струи Дуная. Пример Святослава одушевлял воинов.

Но число их уменьшалось. Главные Полководцы, Сфенкал, Икмор (не родом, по сказанию Византийцев, а доблестию Вельможа) пали в рядах неприятельских. Сверх того россияне, стесненные в Доростоле и лишенные всякого сообщения с его плодоносными окрестностями, терпели голод. Святослав хотел преодолеть и сие бедствие: в темную, бурную ночь, когда лил сильный дождь с градом и гремел ужасный гром, он с 2000 воинов сел на лодки, при блеске молнии обошел Греческий флот и собрал в деревнях запас пшена и хлеба. На возвратном пути, видя рассеянные по берегу толпы неприятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные россияне вышли из лодок, напали из лесу на Греков, множество их убили и благополучно достигли пристани. – Но сия удача была последнею. Император взял меры, чтобы в другой раз ни одна лодка Русская не могла выплыть из Доростола.

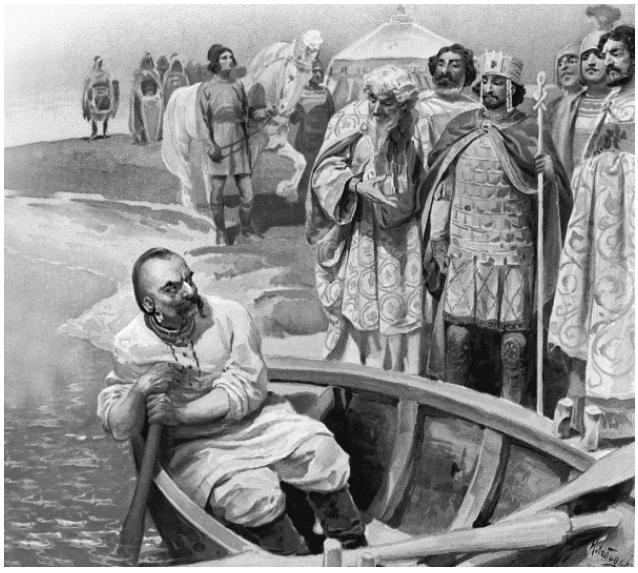
Уже более двух месяцев продолжалась осада; счастие совсем оставило россиян. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко – и, вероятно, не знало их бедствия. Народы соседственные волею и неволею держали сторону Греков, ибо страшились Цимиския. Воины Святославовы изнемогали от ран и голода. Напротив того, Греки имели во всем изобилие, и новые Легионы приходили к ним из Константинополя.

В сих трудных обстоятельствах Святослав собрал на совет дружину свою. Одни предлагали спастися бегством в ночное время; другие советовали просить мира у Греков, не видя иного способа возвратиться в отечество; наконец, все думали, что войско Российское уже не в силах бороться с неприятелем. Но Великий Князь не согласился с ними и хотел еще испытать счастие оружия. "Погибнет, – сказал он с тяжким вздохом, – погибнет слава россиян, если ныне устрашимся смерти! Приятна ли жизнь для тех, которые спасли ее бегством? И не впадем ли в презрение у народов соседственных, доселе ужасаемых именем Русским? Наследием предков своих мужественные, непобедимые, завоеватели многих стран и племен, или победим Греков, или падем с честию, совершив дела великие!" Тронутые сею речью, достойные его сподвижники громкими восклицаниями изъязвили решительность геройства – и на другой день все войско Российское с бодрым духом выступило в поле за Святославом. Он велел запереть городские ворота, чтобы никто не мог думать о бегстве и возвращении в Доростол. Сражение началося утром: в полдень Греки, утомленные зноем и жаждою, а более всего упорством неприятеля, начали отступать, и Цимиский должен был дать им время на отдохновение. Скоро битва возобновилась. Император, видя, что тесные места вокруг Доростола благоприят-

ствуют малочисленным россиянам, велел Полководцам своим заманить их на обширное поле притворным бегством; но сия хитрость не имела успеха: глубокая ночь развела воинства без всякого решительного следствия.

Цимиский, изумленный отчаянным мужеством неприятелей, вздумал прекратить утомительную войну единоборством с Князем Святославом и велел сказать ему, что лучше погибнуть одному человеку, нежели губить многих людей в напрасных битвах. Святослав ответствовал: "Я лучше врага своего знаю, что мне делать. Если жизнь ему наскучила, то много способов от нее избавиться: Цимиский да избирает любой!" За сим последовало новое сражение, равно упорное и жестокое. Греки всего более хотели смерти Героя Святослава. Один из их витязей, именем Анемас, открыл себе путь сквозь ряды неприятелей, увидел великого Князя и сильным ударом в голову сшиб его с коня; но шлем защитил Святослава, и смелый Грек пал от мечей дружины Княжеской. Долгое время победа казалась сомнительною. Наконец самая природа ополчилась на Святослава: страшный ветр поднялся с юга и, дуя прямо в лицо россиянам, ослепил их густыми облаками пыли, так что они долженствовали прекратить битву, оставив на месте 15500 мертвых и 20000 щитов. Греки назвали себя победителями. Их суеверие приписало сию удачу сверхъестественному действию: они рассказывали друг другу, будто бы Св. Феодор Стратилат явился впереди их войска и, разъезжая на белом коне, приводил в смятение полки Российские.

Святослав, видя малое число своих храбрых воинов, большею частию раненных, и сам уязвленный, решился наконец требовать мира. Цимиский, обрадованный его предложением, отправил к нему в стан богатые дары. "Возьмем их, – сказал Великий Князь дружине своей: – когда же будем недовольны Греками, то, собрав войско многочисленное, снова найдем путь к Царюграду". Так повествует наш Летописец, не сказав ни слова о счастливых успехах Греческого оружия. Византийские Историки говорят, что Цимиский, дозволяя Святославу свободно выйти из Болгарии и купцам Российским торговать в Константинополе, примолвил с великодушною гордостию: "Мы, Греки, любим побеждать своих неприятелей не столько оружием, сколько благодеяниями". Императорский Вельможа Феофан Синкел и Российский Воевода Свенельд именем Государей своих заключили следующий договор, который находится в Несторовой летописи и так же ясно доказывает, что успех войны был на стороне Греков: ибо Святослав, торжественно обязываясь на все полезное для Империи, не требует в нем никаких выгод для россиян.



К. В. Лебедев. Свидание киевского князя Святослава с византийским императором Цимисхием

"Месяца июля, Индикта XIV, в лето 6479 [971 г.], я, Святослав, Князь Русской, по данной мною клятве, хочу иметь *до конца века* мир и любовь совершенную с Цимискием, Великим Царем Греческим, с Василием и Константином, Боговдохновенными Царями, и со всеми людьми вашими, обещаясь именем всех сущих *подо мною* россиян, Бояр и прочих никогда *не помышлять на вас*, не собирать моего войска и не приводить чужеземного на Грецию, область Херсонскую и Болгарию. Когда же иные враги *помыслят на Грецию*, да буду их врагом и да борюся с ними. Если же я или *сущие подо мною* не сохранят *сих правых* условий, да *имеем клятву* от Бога, в коего веруем: Перуна и Волоса, бога скотов. Да будем *желты как золото*, и собственным нашим оружием *иссечены*. В удостоверение чего написали мы договор на сей хартии и своими печатями запечатали". Утвердив мир, Император снабдил россиян съестными припасами; а Князь Российский желал свидания с Цимискием. Сии два Героя, знакомые только по славным делам своим, имели, может быть, равное любопытство узнать друг друга лично. Они виделись на берегу Дуная. Император, окруженный *златоносными* всадниками, в блестящих латах, приехал на коне: Святослав в ладии, в простой белой одежде и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. По их сказанию, он был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня: Святослав сидел на скамье в ладии. Они говорили – и расстались друзьями.

Но сия дружба могла ли быть искреннею? Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предприял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем; а Цимиский в то же время отправил к Печенегам Послов, которые должны были, заключив с ними союз, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгарии и свободно пропустили россиян чрез свою землю. Печенеги согласились на все, кроме последнего, досадуя на россиян за то, что они примирились с Греками. Так пишут Византийские Историки; но с большею вероятностию можно думать совсем противное. Тогдашняя политика Императоров не знала великодушия: предвидя, что Святослав не оставит их надолго в покое, едва ли не сами Греки наставили Печенегов воспользоваться слабостию Российского войска. Нестор приписывает сие коварство жителям Переяславца: они, по его словам, дали знать Печенегам, что Святослав возвращается в Киев с великим богатством и с малочисленною дружиною.

[972 г.] Печенеги обступили Днепровские пороги и ждали россиян. Святослав знал о сей опасности. Свенельд, знаменитый Воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги: Князь не принял его совета и решился зимовать в Белобережье, при устье Днепра, где россияне должны были терпеть во всем недостаток и самый голод, так что они давали полгривны за лошадиную голову. Может быть, Святослав ожидал там помощи из России, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь в отечество. Несмотря на малое число изнуренных воинов, надлежало сразиться с Печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их, Куря, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу. Только немногие россияне спаслись с Воеводою Свенельдом и принесли в Киев горестную весть о погибели Святослава.

Таким образом скончал жизнь сей Александр нашей древней Истории, который столь мужественно боролся с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнию с Героями Песнопевца Гомера и, снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для неги, показал Русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей. Но Святослав, образец великих Полководцев, не есть пример Государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение Стихотворца, заслуживает укоризну Историка.

Если Святослав в 946 году – как пишет Нестор – был еще слабым отроком, то он скончал дни свои в самых цветущих летах мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы соседственные.

Глава VIII
Великий князь Ярополк. 972-980

По смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег в Древлянской земле, Владимир в Новегороде. Единодержавие пресеклось в Государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над Уделами своих братьев. Скоро открылись пагубные следствия такого раздела, и брат восстал на брата. Виновником сей вражды был славный Воевода Свенельд, знаменитый сподвижник Игорев и Святославов. Он ненавидел Олега, который умертвил сына его, именем Люта, встретясь с ним на ловле в *своем владении:* причина достаточная, по тогдашним грубым нравам, для поединка или самого злодейского убийства. Свенельд, желая отмстить ему, убедил Ярополка идти войною на Древлянского Князя и соединить область его с Киевскою.

Олег, узнав о намерении своего брата, также [в 977 г.] собрал войско и вышел к нему навстречу; но, побежденный Ярополком, должен был спасаться бегством в Древлянский город Овруч: воины его, гонимые неприятелем, теснились на мосту у городских ворот и столкнули своего Князя в глубокий ров. Ярополк вступил в город и хотел видеть брата: сей несчастный был раздавлен множеством людей и лошадьми, которые упали за ним с моста. Победитель, видя бездушный, окровавленный труп Олегов, лежащий на ковре пред его глазами, забыл свое торжество, слезами изъявил раскаяние и, с горестию указывая на мертвого, сказал Свенельду: *Того ли хотелось тебе?…* Могила Олегова в Несторово время была видима близ Овруча, где и ныне показывают оную любопытным путешественникам. Поле служило тогда кладбищем и для самых Князей Владетельных, а высокий бугор над могилою единственным Мавзолеем.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти Олеговой была предчувствием собственной его судьбы несчастной. – Владимир, Князь Новогородский, сведав о кончине брата и завоевании Древлянской области, устрашился Ярополкова властолюбия и бежал за море к Варягам. Ярополк воспользовался сим случаем: отправил в Новгород своих Наместников, или Посадников, и таким образом сделался Государем Единодержавным в России.

Но Владимир искал между тем способа возвратиться с могуществом и славою. Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле Варяжской; участвовал, может быть, в смелых предприятиях Норманов, которых флаги развевались на всех морях Европейских и храбрость ужасала все страны от Германии до Италии; наконец собрал многих Варягов под свои знамена; прибыл [в 980 г.] с сей надежною дружиною в Новгород, сменил Посадников Ярополковых и сказал им с гордостию: "Идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!"

Князь Ярополк. Гравюра 1805 г.

В области Полоцкой, в земле Кривичей, господствовал тогда Варяг Рогволод, который *пришел из-за моря*, вероятно, для того, чтобы служить Великому Князю Российскому, и получил от него в удел сию область. Он имел прелестную дочь Рогнеду, сговоренную за Ярополка. Владимир, готовясь отнять Державу у брата, хотел лишить его и невесты и чрез Послов требовал ее руки; но Рогнеда, верная Ярополку, ответствовала, что не может соединиться браком с сыном рабы: ибо мать Владимира, как нам уже известно, была ключницею при Ольге. Раздраженный Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода, двух сыновей его и женился на дочери. Совершив сию ужасную месть, он пошел к Киеву. Войско его состояло из дружины Варяжской, Славян Новогородских, *Чуди и Кривичей*: сии три народа северо-западной России уже повиновались ему, как их Государю. Ярополк не дерзнул на битву и затворился в городе. Окружив стан свой окопами, Владимир хотел взять Киев не храбрым приступом, но злодейским коварством. Зная великую доверенность Ярополкову к одному Воеводе, именем Блуду, он вошел с ним в тайные переговоры. "Желаю твоей помощи, – велел сказать ему Владимир: – ты будешь мне вторым отцем, когда не станет Ярополка. Он сам начал братоубийства: я вооружился для спасения жизни своей". Гнусный любимец не усомнился предать Государя и благодетеля; советовал Владимиру обступить город, а Ярополку удаляться от битвы. Страшася верности добрых Киевлян, он уверил Князя, будто они хотят изменить ему и тайно зовут Владимира. Слабый Ярополк, думая спастись от мнимого заговора, ушел в Родню: сей город стоял на том месте, где Рось впадает в Днепр. Киевляне, оставленные Государем, должны были покориться Владимиру, который спешил осадить брата в последнем его убежище. Ярополк с ужасом видел многочисленных врагов за стенами, а в крепости изнеможение воинов своих от голода, коего память долго хранилась в древней пословице: *беда аки в Родне*. Изменник Блуд склонял сего Князя к миру, представляя невозможность отразить неприятеля, и горестный Ярополк ответствовал наконец: "Да будет по твоему совету! Возьму, что уступит мне брат". Тогда злодей уведомил Владимира, что желание его исполнится и что Ярополк отдается ему в руки. Если во все времена, варварские и просвещенные, Государи бывали жертвою изменников: то во все же времена имели они верных добрых слуг, усердных к ним в самой крайности бедствия. Из числа сих был у Ярополка некто прозванием *Варяжко* (да сохранит История память его!), который говорил ему: "Не ходи, Государь, к брату: ты погибнешь. Оставь Россию на время и собери войско в земле Печенегов". Но Ярополк слушал только изверга Блуда и с ним отпра-

вился в Киев, где Владимир ожидал его в теремном дворце Святослава. Предатель ввел легковерного Государя своего в жилище брата, как в вертеп разбойников, и запер дверь, чтобы дружина Княжеская не могла войти за ними: там два наемника, племени Варяжского, пронзили мечами грудь Ярополкову… Верный слуга, который предсказал гибель сему несчастному, ушел к Печенегам, и Владимир едва мог возвратить его в отечество, дав клятву не мстить ему за любовь к Ярополку.

Посольство Владимира Святославича к Рогволоду Полоцкому с целью сватовства к его дочери Рогнеде; беседа Рогволода с Рогнедой, отказавшейся стать женой Владимира, но пожелавшей иметь мужем Ярополка Святославича. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Таким образом, старший сын знаменитого Святослава, быв 4 года Киевским Владетелем и 3 года Главою всей России, оставил для Истории одну память добродушного, но слабого человека. Слезы его о смерти Олеговой свидетельствуют, что он не хотел братоубийства, и желание снова присоединить к Киеву область Древлянскую казалось согласным с государственною пользою. Самая доверенность Ярополкова к чести Владимировой изъявляет доброе, всегда неподозрительное сердце; но Государь, который действует единственно по внушению любимцев, не умея ни защитить своего трона, ни умереть Героем, достоин сожаления, а не власти.

Ярополк оставил беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, пленницу Святославову. Он был женат еще при отце своем, но сватался за Рогнеду: следственно, многоженство и прежде Владимира не считалось беззаконием в России языческой.

В княжение Ярополка, в 973 году, по известию Летописца Немецкого, находились в Кведлинбурге, при Дворе Императора Оттона, *Послы Российские*, за каким делом? Неизвестно; сказано только, что они вручили Императору богатые дары.

Глава IX
Великий князь Владимир, названный в крещении Василием. 980-1014

Владимир с помощью злодеяния и храбрых Варягов овладел Государством; но скоро доказал, что он родился быть Государем великим.

Сии гордые Варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны: Владимир не хотел вдруг отказать им, а манил их обещаниями до самого того времени, как они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидели обман; но видя также, что войско Российское в Киеве было их сильнее, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились в Грецию. Владимир, с радостию отпустив сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них и роздал им многие города в управление. Между тем послы его предуведомили Императора, чтобы он не оставлял мятежных Варягов в столице, но разослал по городам и ни в каком случае не дозволял бы им возвратиться в Россию, сильную собственным войском.

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою и поставил его близ *теремного двора*, на священном холме, вместе с иными кумирами. Там, говорит Летописец, стекался народ ослепленный и земля осквернялась кровию жертв. Может быть, совесть беспокоила Владимира; может быть, хотел он сею кровию примириться с богами, раздраженными его братоубийством: ибо и самая Вера языческая не терпела таких злодеяний… Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новымгородом, также поставил на берегу Волхова богатый кумир Перунов.

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, Чехини или Богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева), и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, Летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии.

Владимир, вместе со многими Героями древних и новых времен любя жен, любил и войну. Польские Славяне, Ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно Славянам Российским, еще ранее их прибегнули к Единовластию. Мечислав, Государь знаменитый в Истории введением Христианства в земле своей, правил тогда народом Польским: Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возвратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло к Государству Польскому. Он взял города *Червен* (близ Хелма), Перемышль и другие, которые, с сего времени будучи собственностию России, назывались *Червенскими*. В следующие два года храбрый Князь смирил бунт Вятичей, не хотевших платить дани, и завоевал страну Ятвягов, дикого, но мужественного народа Латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к Северо-Западу он распространил свои владения до самого Бальтийского моря: ибо Ливония, по свидетельству Стурлезона, Летописца Исландского, принадлежала Владимиру, коего чиновники ездили собирать дань со всех жителей между Курляндиею и Финским заливом.

К. В. Лебедев. Убиение христиан-варягов

Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам и кровию человеческой обагрить олтари. Исполняя совет Бояр *и старцев*, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц Киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов – и жребий пал на юного Варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был Христианином. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастии: вдохновенный любовию к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. Киевляне терпели Христианство; но торжественное хуление Веры их произвело всеобщий мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостию сказал: "Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий". Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были таким образом первыми и последними мучениками Христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна.

Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастие. Радимичи, спокойные данники Великих Князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их. Храбрый Воевода его, прозванием *Волчий Хвост*, начальник передовой дружины Княжеской, встретился с ними на берегах реки *Пищаны* и наголову побил мятежников; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в пословицу: Радим*ичи волчья хвоста бегают*.

[985 г.] На берегах Волги и Камы издревле обитали Болгары, или, может быть, переселились туда с берегов Дона в VII веке, не хотев повиноваться Хану Козарскому. В течение времени они сделались народом гражданским и торговым; имели сообщение, посредством судоходных рек, с Севером России, а чрез море Каспийское с Персиею и другими богатыми Азиатскими странами. Владимир, желая завладеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с Новогородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные *Торки*, союзники или наемники россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с Туркоманами и Печенегами: он кочевал в степях на юго-восточных границах России, там же, где скитались Орды Печенежские. Великий Князь победил Болгаров; но мудрый Добрыня, по известию Летописца, осмотрев пленников и видя их в *сапогах*, сказал Владимиру: "Они не захотят быть нашими данниками: пойдем лучше искать *лапотников*". Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение,

заключил мир с Болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: "Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде". – Ежели не с данию, то по крайней мере с честию и с дарами Великий Князь возвратился в столицу.

К сему времени надлежит, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный в продолжении Несторовой летописи. Рогнеда, названная по ее горестям *Гориславою*, простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви: ибо Великий Князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца своего. В один день, когда Владимир, посетив ее жилище уединенное на берегу Лыбеди – близ Киева, где в Несторово время было село *Предславино,* – заснул там крепким сном, она хотела ножом умертвить его. Князь проснулся и отвел удар. Напомнив жестокому смерть ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца Изяслава. Владимир решился собственною рукою казнить преступницу; велел ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатом ложе в светлой храмине, ждать смерти. Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину… Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч обнаженный и сказал: "Ты не один, о родитель мой! Сын будет свидетелем". Владимир, бросив меч на землю, ответствовал: "Кто знал, что ты здесь!"… удалился, собрал Бояр и требовал их совета. "Государь! – сказали они: – прости виновную для сего младенца, и дай им в Удел бывшую область отца ее". Владимир согласился: построил новый город в нынешней Витебской Губернии и, назвав его *Изяславлем*, отправил туда мать и сына.

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более прославило его в истории… Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось Христианство, наконец вся и торжественно признала святость оного, почти в одно время с землями соседственными: Венгриею, Польшею, Швециею, Норвегиею и Даниею. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие для истинной Веры: ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний Летописец наш повествует, что не только Христианские проповедники, но и Магометане, вместе с Иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию Веры своей и что Великий Князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы Государь, уже славный победами в Европе и в Азии, исповедовал одного Бога с ними, и Владимир мог также – увидев наконец, подобно великой бабке своей, заблуждение язычества – искать истины в разных Верах.

Первые Послы были от Волжских или Камских Болгаров. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала Вера Магометанская, утвержденная там счастливым оружием Аравитян: Болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого Князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино – уставом безрассудным. *Вино,* сказал он, *есть веселие для Русских; не можем быть без него.* – Послы Немецких Католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь ответствовал им: *Идите обратно; отцы наши не принимали Веры от Папы*. Выслушав Иудеев, он спросил, где их отечество? "В Иерусалиме, – ответствовали проповедники: – но Бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым". *И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других?* сказал Владимир: *мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества*. – Наконец, безымянный Философ, присланный Греками, опровергнув в немногих словах другие Веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: Историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, Христианства, семи Соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда с изображением праведных, идущих в рай,

и грешных, осужденных на вечную муку. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: "Благо добродетельным и горе злым!" *Крестися,* – ответствовал Философ, – *и будешь в раю с первыми*.

Летописец наш *угадывал*, каким образом проповедники Вер долженствовали говорить с Владимиром; но ежели Греческий Философ действительно имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона Христианского. Вера Славян ужасала воображение могуществом разных богов, часто между собою несогласных, которые играли жребием людей, и нередко увеселялись их кровию. Хотя Славяне признавали также и бытие единого Существа высочайшего, но праздного, беспечного в рассуждении судьбы мира, подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву. О жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, Вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительного и разума глубокомысленного. Напротив того, Христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и правителя вселенной, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых – здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни, – удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой.

[987 г.] Владимир, отпустив Философа с дарами и с великою честию, собрал Бояр и *градских старцев*, объявил им предложения Магометан, Иудеев, Католиков, Греков и требовал их совета. "Государь! – сказали Бояре и старцы: – Всякий человек хвалит Веру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умных людей в разные земли испытать, который народ достойнее поклоняется Божеству" – и Великий Князь отправил *десять* благоразумных мужей для сего испытания. Послы видели в стране Болгаров храмы скудные, моление унылое, лица печальные; в земле Немецких Католиков богослужение с обрядами, но, по словам летописи, *без всякого величия и красоты*, наконец прибыли в Константинополь. *Да созерцают они славу Бога нашего!* сказал Император и, зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести Послов в Софийскую церковь, где сам Патриарх, облаченный в Святительские ризы, совершал Литургию. Великолепие храма, присутствие всего знаменитого Духовенства Греческого, богатые одежды служебные, убранство олтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение Клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов изумили россиян; им казалось, что сам Всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми соединяется… Возвратясь в Киев, Послы говорили Князю с презрением о богослужении Магометан, с неуважением о Католическом и с восторгом о Византийском, заключив словами: "Всякий человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав Веру Греков, не хотим иной". Владимир желал еще слышать мнение Бояр и старцев. "Когда бы Закон Греческий, – сказали они, – не был лучше других, то бабка твоя, Ольга, мудрейшая всех людей, не вздумала бы принять его". Великий Князь решился быть Христианином.

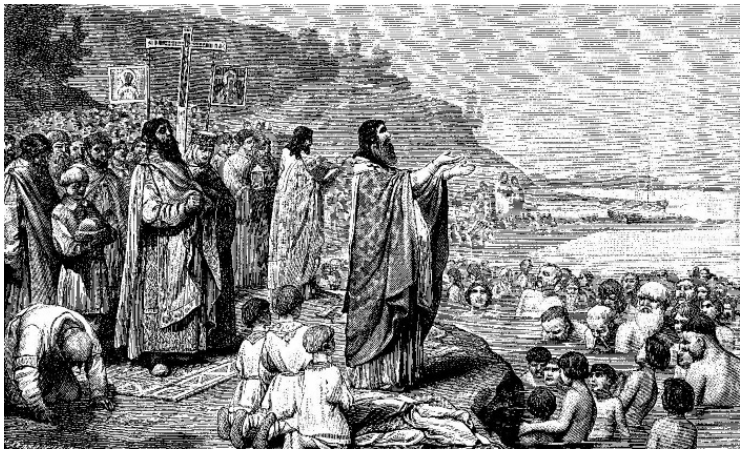
Так повествует наш Летописец, который мог еще знать современников Владимира, и потому достоверный в описании важных случаев его княжения. Истина сего Российского Посольства в страну Католиков и в Царьград, для испытания Закона Христианского, утверждается также известиями одной Греческой древней рукописи, хранимой в Парижской библиотеке: несогласие состоит единственно в прилагательном имени Василия, тогдашнего Царя Византийского, названного в ней *Македонским* вместо *Багрянородного*.

Великий князь Владимир Святославич. Титулярник 1672 г.

Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и Священники Христианские; но Князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни Цари Греческие и Патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении Греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, *завоевать* Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

[988 г.] Собрав многочисленное войско, Великий Князь пошел на судах к Греческому Херсону, которого развалины доныне видимы в Тавриде, близ Севастополя. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклейскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до Козаров и Печенегов. Он признавал над собою верховную власть Императоров Греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам Республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях, Черноморских, наслаждались изобилием. – Владимир, остановясь в гавани, или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великий Князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от Греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит Летописец, ночью уносили в город ту землю, которую россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оную валом, по древнему обыкновению военного искусства. К счастию, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к россиянам стрелу с надписью: *За вами, к Востоку, находятся колодези, дающие воду Херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее*. Великий Князь спешил воспользоваться советом и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин Херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, Российский Князь еще более возгордился своим величием и чрез Послов объявил Императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной Царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с Греческими знаменитыми Царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти Героя Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: Военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным Государям и спорили с ними о Державе. Сии обстоятельства принудили Императоров забыть обыкновенную надменность Греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощию сильного Князя Российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру Христианскую, он получит и руку Царевны и Царство небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостию изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы Императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с Князем народа, по мнению Греков, дикого и свирепого, казалось ей *жестоким пленом* и ненавистнее смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предлогом. Горестная Царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него руку. Бояре Российские, удивленные чудом, вместе с Государем приняли истинную Веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили Великий Князь и невеста его). Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак Царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великий Князь, как верный союзник Императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи.



Крещение киевлян

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь – на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город Царям Греческим в изъявление благодарности за руку сестры их. Вместо пленников он вывел из Херсона одних Иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведе-

ния древнего искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонским Митрополитом в тайнах и нравственном учении Христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приуготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр. Чтобы усердные язычники не извлекли идола из реки, воины Княжеские отталкивали его от берегов и проводили до самых порогов, за коими он был извержен волнами на берег (и сие место долго называлось Перуновым). Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди Русские, Вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься – и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда Великий Князь и Бояре предпочли ее старой Вере отцев своих. Там явился Владимир, провождаемый собором Греческих Священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; Иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда же обряд торжественный совершился; когда Священный Собор нарек всех граждан Киевских Христианами: тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: "Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного, утверди в них Веру правую. Будь мне помощию в искушениях зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!"… *В сей великий день*, говорит Летописец, *земля и небо ликовали*.

Скоро знамения Веры Христианской, принятой Государем, детьми его, Вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ. Великий Князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери, там, где в 983 году пострадал за Веру благочестивый Варяг и сын его. Между тем ревностные служители олтарей, Священники, проповедовали Христа в разных областях Государства. Многие люди крестились, рассуждая без сомнения так же, как и граждане Киевские; другие, привязанные к Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало в некоторых странах России до самого XII века. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить россиян*. Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на Славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных Киевским Христианам, Великий Князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда страшною новостию, и жены знаменитые, у коих неволей брали детей в науку, оплакивали их как мертвых, ибо считали грамоту опасным чародейством.

Владимир имел 12 сыновей, еще юных отроков. Мы уже наименовали из них 9: Станислав, Позвизд, Судислав родились, кажется, после. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил Государство на области и дал в Удел Вышеславу Новгород, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов: по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимир Волынский, Мстиславу Тмуторокань, или Греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который доныне существует в Минской Губернии и назван так от имени Варяга Тура, повелевавшего некогда сею областию. Владимир отправил малолетних Князей в назначенный для каждого Удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он, без сомнения, не думал раздробить Государства и дал сыновьям одни права

своих Наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный Князь, повинуясь отцу, самовластному Государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом: ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века.

Желая удобнее образовать народ и защитить южную Россию от грабительства Печенегов, Великий Князь основал новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне и населил их Новогородскими Славянами, Кривичами, Чудью, Вятичами. Укрепив Киевский Белгород стеною, он перевел туда многих жителей из других городов: ибо отменно любил его и часто живал в оном.

Война с Хорватами, обитавшими (как думаем) на границах Седмиградской области и Галиции, отвлекла Владимира от внутренних государственных распоряжений. Едва окончив ее, миром или победою, он сведал о набеге Печенегов, которые пришли из-за Сулы и разоряли область Киевскую. Великий Князь встретился с ними на берегах Трубежа: причем Летописец рассказывает следующую повесть:

"Войско Печенегов стояло за рекою: Князь их вызвал Владимира на берег и предложил ему решить дело поединком между двумя, с обеих сторон избранными богатырями. *Ежели Русской убьет Печенега, сказал он, то обязываемся три года не воевать с вами, а ежели наш победит, то мы вольны три года опустошать твою землю*. Владимир согласился и велел *Бирючам* или Герольдам в стане своем кликнуть охотников для поединка: не сыскалось ни одного, и Князь Российский был в горести. Тогда приходит к нему старец и говорит: *Я вышел в поле с четырьмя сынами, а меньший остался дома. С самого детства никто не мог одолеть его. Однажды, в сердце на меня, он разорвал на-двое толстую воловью кожу. Государь! Вели ему бороться с Печенегом*. Владимир немедленно послал за юношею, который для опыта в силе своей требовал быка дикого; и когда зверь, раздраженный прикосновением горячего железа, бежал мимо юноши, сей богатырь одной рукою вырвал у него из боку кусок мяса. На другой день явился Печенег, великан страшный, и, видя своего малорослого противника, засмеялся. Выбрали место: единоборцы схватились. россиянин крепкими мышцами своими давнул Печенега и мертвого ударил об землю. Тогда дружина Княжеская, воскликнув победу, бросилась на устрашенное войско Печенегов, которое едва могло спастися бегством. Радостный Владимир в память сему случаю заложил на берегу Трубежа город и назвал его *Переяславлем*: ибо юноша Русской *переял* у врагов *славу*. Великий Князь, наградив витязя и старца, отца его, саном Боярским, возвратился с торжеством в Киев". Поединок может быть истиною; но обстоятельство, что Владимир основал Переяславль, кажется сомнительным: ибо о сем городе упоминается еще в Олеговом договоре с Греками в 906 году.

[994–996 гг.] Россия года два или три наслаждалась потом тишиною. Владимир, к великому своему удовольствию, видел наконец совершение каменного храма в Киеве, посвященного Богоматери и художеством Греков украшенного. Там, исполненный Веры святой и любви к народу, он сказал пред олтарем Всевышнего: "Господи! В сем храме, мною сооруженном, да внимаешь всегда молитвам храбрых россиян!" – и в знак сердечной радости угостил во дворце Княжеском Бояр и градских старцев; не забыл и людей бедных, щедро удовлетворив их нуждам. – Владимир отдал в новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые в Херсоне; велел служить в ней Херсонским Иереям; поручил ее любимцу своему Анастасу; уставил брать ему десятую часть из собственных доходов Княжеских и, клятвенною грамотою обязав своих наследников не преступать сего закона, положил оную в храме. Следственно, Анастас был Священного сана и, вероятно, знаменитого, когда главная церковь столицы (доныне именуемая *Десятинною*) находилась под его особенным ведением. Новейшие Летописцы утвердительно повествуют о Киевских Митрополитах сего времени, но, именуя их, противоречат друг другу. Нестор совсем не упоминает о Митрополии до княжения Ярославова, говоря единственно о

Епископах, уважаемых Владимиром, без сомнения Греках или Славянах Греческих, которые, разумея язык наш, тем удобнее могли учить россиян.

Случай, опасный для Владимировой жизни, еще более утвердил сего Князя в чувствах набожности. Печенеги, снова напав на области Российские, приступили к Василеву, городу, построенному им на реке Стугне. Он вышел в поле с малою дружиною, не мог устоять против их множества и должен был скрыться под мостом. Окруженный со всех сторон врагами свирепыми, Владимир обещался, ежели Небо спасет его, соорудить в Василеве храм празднику того дня, Святому Преображению. Неприятели удалились, и Великий Князь, исполнив обет свой, созвал к себе на пир Вельмож, Посадников, старейшин из других городов. Желая изобразить его роскошь, Летописец говорит, что Владимир приказал сварить *триста варь меду* и восемь дней праздновал с Боярами в Василеве. Убогие получили 300 гривен из казны государственной. Возвратясь в Киев, он дал новый пир не только Вельможам, но и всему народу, который искренно радовался спасению доброго и любимого Государя. С того времени сей Князь всякую неделю угощал в *Гриднице*, или в прихожей дворца своего, Бояр, Гридней (меченосцев Княжеских), воинских Сотников, Десятских и всех людей именитых или *нарочитых*. Даже и в те дни, когда его не было в Киеве, они собирались во дворце и находили столы, покрытые мясами, дичиною и всеми роскошными яствами тогдашнего времени. Однажды – как рассказывает летописец – гости Владимировы, упоенные крепким медом, вздумали жаловаться, что у знаменитого Государя Русского подают им к обеду деревянные ложки. Великий Князь, узнав о том, велел сделать для них *серебряные*, говоря благоразумно: *Серебром и золотом не добудешь верной дружины; а с нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и деду*. Владимир, по словам летописи, отменно любил свою дружину и советовался с сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, как о воинских, так и гражданских делах.

Будучи другом усердных Бояр и чиновников, он был истинным отцем бедных, которые всегда могли приходить на двор Княжеский, утолять там голод свой и брать из казны деньги. Сего мало: *больные*, говорил Владимир, *не в силах дойти до палат моих* – и велел развозить по улицам хлебы, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. "Где нищие, недужные?" – спрашивали люди Княжеские и наделяли их всем потребным. Сию добродетель Владимирову приписывает Нестор действию Христианского учения. Слова Евангельские: *блажени милостиви, яко тии помиловани будут*, и Соломоновы: *дая нищему, Богу в заим даете*, вселили в душу Великого Князя редкую любовь к благотворению и вообще такое милосердие, которое выходило даже из пределов государственной пользы. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только *Вирою*, или денежною пенею: число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные Пастыри Церкви вывели набожного Князя из заблуждения. "Для чего не караешь злодейства?" – спросили они. *Боюсь гнева Небесного*, ответствовал Владимир. "Нет, – сказали Епископы: – ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением". Великий Князь, приняв их совет, отменил *Виру* и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Сим благоразумным советникам надлежало еще пробудить в нем, для государственного блага, и прежний дух воинский, усыпленный тем же человеколюбием. Владимир уже не искал славы Героев и жил в мире с соседственными Государями: Польским, Венгерским и Богемским; но хищные Печенеги, употребляя в свою пользу миролюбие его, беспрестанно опустошали Россию. Мудрые Епископы и *старцы* доказали Великому Князю, что Государь должен быть ужасом не только преступников государственных, но и внешних врагов, – и глас воинских труб снова раздался в нашем древнем отечестве.

[997 г.] Владимир, желая собрать воинство многочисленное для отражения Печенегов, сам отправился в Новгород; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приближились к столице, окружили Белгород и пресекли сообщение жителей с местами окрестными. Чрез несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на *Вече*, или совет, изъявил жела-

ние сдаться неприятелям. "Князь далеко, – говорил он: – Печенеги могут умертвить только некоторых из нас; а от голода мы все погибнем". Но хитрость умного старца, впрочем не совсем *вероятная*, спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою, другую с тестом и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу, и возвратились к своим Князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах! Печенеги сняли осаду.

Вероятно, что Владимир счастливым оружием унял наконец сих варваров: по крайней мере Летописец не упоминает более о их нападениях на Россию до самого 1015 года. Но здесь предания оставляют, кажется, Нестора и в течение *семнадцати лет* он сказывает нам только, что в 1000 году умерли Мальфрида – одна из бывших Владимировых жен, как надобно думать – и знаменитая несчастием Рогнеда, в 1001 Изяслав, а в 1003 младенец Всеслав, сын Изяславов; что в 1007 году привезли иконы в Киевский храм Богоматери из Херсона или из Греции, а в 1011 скончалась Анна, супруга Владимирова, достопамятная для потомства: ибо она была орудием Небесной благодати, извлекшей Россию из тьмы идолопоклонства.

В сии годы, скудные происшествиями по Несторовой летописи, Владимир мог иметь ту войну с Норвежским Принцем Эриком, о коей повествует Исландский Летописец Стурлезон. Гонимый судьбою, малолетний Принц Норвежский Олоф, племянник Сигурда, одного из Вельмож Владимировых, с материю, вдовствующею Королевою Астридою, нашел убежище в России; учился при Дворе, осыпаемый милостями Великой Княгини, и ревностно служил Государю; но, оклеветанный завистливыми Боярами, должен был оставить его службу. Чрез несколько лет – может быть, с помощью России – он сделался Королем Норвежским, отняв престол у Эрика, который бежал в Швецию, собрал войско, напал на северо-западные Владимировы области, осадил и взял приступом город Российский *Альдейгабург*, или, как *вероятно*, нынешнюю Старую Ладогу, где обыкновенно приставали мореплаватели Скандинавские и где, по народному преданию, Рюрик имел дворец свой. Храбрый Норвежский Принц четыре года воевал с Владимиром; наконец, уступив превосходству сил его, вышел из России.

Совет Владимира Святославича с епископами и старцами о наказании разбойников; казнь разбойников по повелению Владимира. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

Наместники Новогородские ежегодно платили две тысячи гривен Великому Князю и тысячу раздавали Гридням, или телохранителям Княжеским. Ярослав, тогдашний Правитель Новагорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря Варягов на помощь, думая, вопреки законам Божественным и человеческим, поднять меч на отца и Государя. Небо, отвратив сию войну

богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого. [1015 г.]. Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время Печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его *любимому* сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило Государства на волю рока…

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину Великого Князя, вероятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: Вельможи, народ, воины, бросились в церковь; увидели труп Государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благотворителя, Бояре отца отечества… Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного.

Сей Князь, названный церковию *Равноапостольным*, заслужил и в истории имя *Великого*. Истинное ли уверение в святыне Христианства, или, как повествует знаменитый Арабский Историк XIII века, одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с Государями Византийскими решило его креститься? Известно Богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв Веру Спасителя, освятился Ею в сердце своем и стал иным человеком. Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и – что всего ужаснее – братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах Христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил россиян на путь истинной Веры; но имя *Великого* принадлежит ему и за дела государственные. Сей Князь, похитив Единовластие, благоразумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою; выслав мятежных Варягов из России, употребил лучших из них в ее пользу; смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседей, победил сильного Мечислава и славный храбростию народ Ятвяжский; расширил пределы Государства на Западе; мужеством дружины своей утвердил венец на слабой главе Восточных Императоров; старался просветить Россию: населил пустыни, основал новые города; любил советоваться с мудрыми Боярами о полезных уставах земских; завел училища и призывал из Греции не только Иереев, но и художников; наконец, был нежным отцом народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную ошибку в Политике, за назначение особенных Уделов для сыновей.

Слава его правления раздалась в трех частях мира: древние Скандинавские, Немецкие, Византийские, Арабские летописи говорят о нем. Кроме преданий церкви и нашего первого Летописца о делах Владимировых, память сего Великого Князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новогородском, Александре *с золотою гривною*, Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвеце, грозе Печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях. Сказки не история; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и Князя Владимира достойно замечания: тот и другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами, усердием к Христианству, любовию к Наукам, живут доныне и в сказках богатырских.

Владимир, несмотря на слабое от природы здоровье, дожил до старости: ибо в 970 году уже господствовал в Новегороде, под руководством дяди, боярина Добрыни.

Прежде нежели будем говорить о наследниках сего великого Монарха, дополним Историю описанных нами времен всеми известиями, которые находятся в Несторе и в чужестранных, современных Летописцах, о гражданском и нравственном состоянии тогдашней России: чтобы не прерывать нити исторического повествования, сообщаем оные в статье особенной.

Глава X
О состоянии Древней России

В самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностию едва ли не все тогдашние Государства Европейские. Завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы распространили ее владения от Новагорода и Киева к Западу до моря Бальтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к Югу до порогов Днепровских и Киммерийского Воспора; к Северу и Востоку граничила она с Финляндиею и с Чудскими народами, обитателями нынешних Губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, также с Мордвою и с Казанскими Болгарами, за коими, к морю Каспийскому, жили Хвалисы, их единоверцы и единоплеменники (почему сие море называлось тогда Хвалынским, или Хвалисским).

Слова Новогородцев и союзных с ними народов, преданные нам Летописцем: "хотим Князя, да владеет и правит нами по закону", были основанием первого устава государственного в России, то есть Монархического.

Но Князья привели с собою многих независимых Варягов, которые считали их более своими товарищами, нежели Государями, и шли в Россию властвовать, а не повиноваться. Сии Варяги были первыми чиновниками, знаменитейшими воинами и гражданами; составляли отборную Дружину и верховный Совет, с коим Государь делился властию. Мы видели, что Послы Российские заключали договор с Грециею от имени Князя и Бояр его; что Игорь не мог один утвердить союза с Императором и что вся *дружина Княжеская* должна была вместе с ним присягать на священном холме.

Самый народ Славянский, хотя и покорился Князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности и в делах важных или в опасностях государственных сходился на общий совет. Белогородцы, теснимые Печенегами, рассуждали на Вече, что им делать. – Сии народные собрания были древним обыкновением в городах Российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в Державах строгого, неограниченного Единовластия. Так новогородцы объявили Святославу, что они требуют от него сына в Правители, или, в случае отказа, изберут себе особенного Князя.

На войне права Государя были ограничены корыстолюбием воинов: он мог брать себе только часть добычи, уступая им прочее. Так Олег, Игорь взяли дань с Греков на каждого из своих ратников; самые родственники убитых имели в ней долю. Желая один воспользоваться грабежом в земле Древлянской, Игорь удалил от себя войско: следственно, не только добычею счастливой битвы, но и данию, собираемою с народов, уже подвластных России, Князья делились с воинами.

Впрочем, вся земля Русская была, так сказать, законною собственностию Великих Князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие Варяги получили Уделы от Рюрика. Так супруга Игорева владела Вышегородом, а Рогволод, по словам летописи, *княжил* в Полоцке.

Варяги, на условиях *поместной системы* владевшие городами, имели титло Князей: о сих-то *многих* Князьях Российских упоминается в Олеговом договоре с Греческим Императором. Дети их, заслужив милость Государя, могли получать те же Уделы: Бояре Владимировы назвали Полоцк, где княжил отец Рогнедин, ее наследственным достоянием, или отчиною. Но Великий Князь как Государь располагал сими частными Княжествами: Владимир отдал детям своим Ростов, Муром и другие области, бывшие со времен Рюриковых Уделами Вельмож Норманских. Другие города и волости непосредственно зависели от Великого Князя: он управлял ими чрез своих Посадников, или Наместников. Образ сего внутреннего правления ответствовал простоте тогдашних нравов. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: Государь советовался о *земских* учреждениях с храброю дружиною. Ему принадлежала вер-

ховная законодательная и судебная власть: Владимир по воле своей отменил и снова уставил смертную казнь. – Нестор упоминает еще о *градских старейшинах*, которые летами, разумом и честию заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных.

Во времена независимости Российских Славян гражданское правосудие имело основанием совесть и древние обычаи каждого племени в особенности; но Варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию, известные нам по договорам Великих Князей с Греками и во всем согласные с древними законами Скандинавскими. Например: и в тех и других было уставлено, что родственник убиенного имел право лишить жизни убийцу; что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться ему в руки; что за каждый удар мечем, копием или другим орудием надлежало платить денежную пеню. Сии первые законы нашего отечества, еще древнейшие Ярославовых, делают честь веку и народному характеру, будучи основаны на доверенности к клятвам, следственно, к совести людей, и на справедливости: так виновный был увольняем от пени, ежели он утверждал клятвенно, что не имеет способа заплатить ее; так хищник наказывался соразмерно с виною и платил вдвое и втрое за всякое похищение; так гражданин, мирными трудами нажив богатство, мог при кончине располагать им в пользу ближних и друзей своих. – Трудно вообразить, чтобы одно словесное предание хранило сии уставы в народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мере Варяги Российские могли иметь в IX и X веке *законы писанные*: ибо в древнем отечестве их, в Скандинавии, употребление Рунических письмен было известно до времен Христианства.

Русь и Хазария в IX–X вв.

Мы имеем еще древний так называемый *Владимиров устав*, по коему, сообразно с Греческими Номоканонами, отчуждены от мирского ведомства Монахи и церковники, богадельни, гостиницы, дома странноприимства, лекари и все люди увечные. Дела их были подсудны одним

Епископам: также весы и мерила городские, распри и неверность супругов, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодейства детей в отношении к отцу и матери, тяжбы родных, осквернение храмов, церковная татьба, снятие одежды с мертвеца и проч. и проч. Нет сомнения, что Духовенство Российское в первые времена Христианства решало не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относилися к совести и нравственным правилам новой Веры (так было во всей Европе); нет сомнения, что означенные здесь суды могли принадлежать ему (некоторые из оных и ныне остаются его правом): но *сей устав* есть подложный – и вот доказательство: там Владимир пишет, что Патриарх *Фотий* дал ему *первого* Митрополита Леона; а *Фотий* умер за 90 лет до сего Великого Князя.

Варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны. россияне, предводимые своими Князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как Славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских; имели конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за коими целое войско оставалось в безопасности. Готовясь к битвам, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападению и согласным движениям, дающим победу; носили для защиты своей тяжелые латы, обручи, высокие шлемы. Мечи, с обеих сторон острые, копья и стрелы были их оружием. Укрепляя города свои стенами, хотя деревянными, но неприступными для народов варварских, тогдашних соседей России, предки наши умели брать города чуждые и знали искусство осадных земляных работ; окружали глубокими рвами не только крепости, но и полевые станы свои для безопасности.

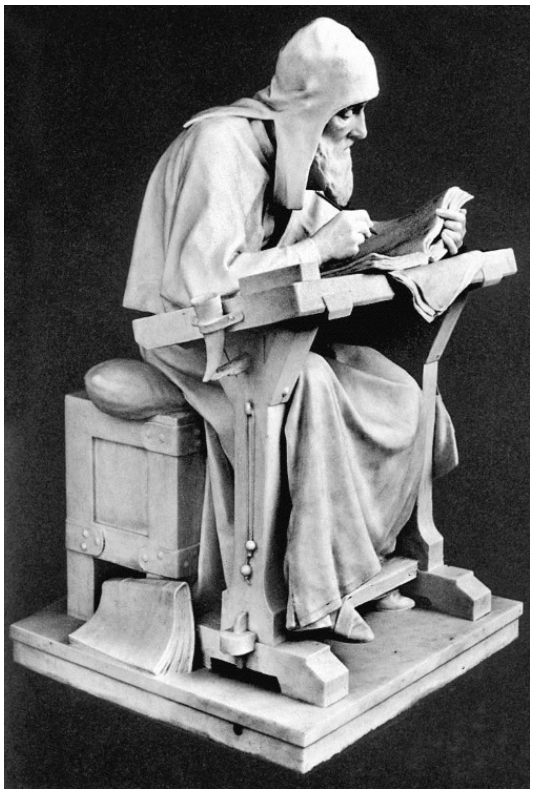
Подобно другим Славянам мужественные на суше, они заимствовали от Варягов искусство мореплавания, и только один страшный *огонь Греческий* мог спасти Царьград от флота Игорева: для того Великие Князья всегда желали узнать тайный состав сего огня; но хитрые Греки уверяли их, что Ангел Небесный вручил оный Императору Константину и что одни Христиане могут им пользоваться. Тогдашние военные корабли Российские были не что иное, как гребные, с помощию больших парусов весьма ходкие суда, на которые садилось от 40 до 60 человек.

О древнем чиноначалии и внутреннем образовании войска известно нам следующее: Князь был его главою на воде и суше; под ним начальствовали Воеводы, Тысячские, Сотники, Десятские. Дружину первого составляли опытные витязи и Бояре, которые хранили его жизнь и служили примером мужества для прочих. Мы знаем, сколь Владимир уважал и любил их. Дружина Игорева и по смерти Князя носила на себе его имя. Под сим общим названием разумелись иногда и молодые отборные воины, Отроки, Гридни, которые служили при Князе: первые считались знаменитее вторых. Главные Воеводы имели также своих Отроков, как Свенельд, Воевода Игорев. – Варяги до самых времен Ярославовых были в России особенным войском: они и Гридни, или *Мечники*, брали из казны жалованье; другие участвовали только в добыче.

Народы, из коих составилось Государство Российское, и до пришествия Варягов имели уже некоторую степень образования: ибо самые грубые Древляне жили отчасти в городах; самые Вятичи и Радимичи, варвары по описанию Несторову, издревле занимались хлебопашеством. Вероятно, что они пользовались и выгодами торговли, как внутренней, так и внешней; но мы не имеем никакого исторического об ней сведения. Первые известия о нашем древнем купечестве относятся уже ко временам Варяжских Князей: договоры их с Греками свидетельствуют, что в X веке жило множество россиян в Цареграде, которые продавали там невольников и покупали всякие ткани. Звериная ловля и пчеловодство доставляли им множество воску, меду и драгоценных мехов, бывших, вместе с невольниками, главным предметом их торговли. Константин Багрянородный пишет, что в Хазарию и в Россию шли тогда из Царяграда пурпур, богатые одежды, сукна, сафьян, перец: к сим товарам, по известию Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествие Российских купцев в Грецию описывает Константин следующим образом: "Суда их приходят в Царьград из Новагорода, Смолен-

ска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные Россам Славяне, кривичи, лучане и другие зимою рубят лес на горах своих и строят лодки, называемые jïSïsE»± ибо оне делаются *из одного дерева*. По вскрытии Днепра Славяне приплывают в Киев и продают оные россиянам, которые делают уключины и весла из старых лодок. В Апреле месяце собирается весь Российский флот в городке Витичеве, откуда идет уже к порогам. Дошедши до четвертого и самого опасного, то есть *Неясыть*, купцы выгружают товары и ведут скованных невольников около 6000 шагов берегом. Печенеги ожидают их обыкновенно за порогами, близ так называемого *Крарийского перевоза* (где Херсонцы, *возвращаясь* из Росс*ии*, переправляются чрез Днепр): отразив сих разбойников и доплыв до острова Св. Григория, россияне приносят богам своим жертву благодарности и до самой реки Селины, которая есть рукав Дуная, не встречают уже никакой опасности; но там, ежели ветром прибьет суда их к берегу, они снова должны сражаться с Печенегами и, наконец, миновав Конопу, Константию, также устье Болгарских рек, Варны и Дицины, достигают Месимврии, первого Греческого города". Сия торговля, без сомнения, весьма обогащала россиян, когда они для ее выгод отваживались на столько опасностей и трудов и когда она была предметом всякого их мирного договора с Империею. – Они ходили на судах не только в Болгарию, в Грецию, Хазарию или Тавриду, но, если верить Константину, и в самую отдаленную Сирию: Черное море, покрытое их кораблями, или, справедливее сказать, лодками, было названо *Русским*. Но Цареградские купцы едва ли ездили чрез пороги Днепровские; одни, кажется, Херсонцы торговали в Киеве.

Печенеги, всегдашние грабители нашего древнего отечества, имели с ним также и мирные торговые связи. Будучи народом кочующим и скотоводным, подобно нынешним Киргизам и Калмыкам, они продавали россиянам множество Азиатских коней, овец и быков; но Константин к сему известию прибавляет явную ложь, сказывая, что в России не было прежде ни лошадей, ни скота рогатого. – Волжские Болгары, по сказанию Эбн-Гаукаля, Арабского Географа X века, доставали от нас шкуры черных куниц или Скифских соболей; но сами не ездили в Россию, будто бы для того, что в ней убивали всех иноземцев.



М. М. Антокольский. Нестор-летописец

О торговле древних россиян с народами северными находим любопытные и достоверные известия в Скандинавских и Немецких Летописцах. Средоточием ее был Новгород, где со времен Рюриковых поселились многие Варяги, деятельные в морском грабеже и купечестве. Там Скандинавы покупали драгоценные ткани, домовые приборы, Царские одежды, шитые золотом, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственным рукоделием наших предков: вероятно, что они покупали сии богатые одежды и ткани в Цареграде, куда, по сказанию Несторову, езжали новогородцы еще в Олеговы времена. В славной Виннете и других Бальтийских городах находились купцы Российские. Мы знаем, что Ливония зависела от Владимира: там ежегодно бывали многолюдные ярмонки, собирались весною Норвежские и другие купцы, покупали невольников, меха и возвращались в отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатством на Севере, что Летописцы сего времени обыкновенно называют Россию страною, *изобильною всеми благами*, omnibus bonis aiffluentem.

Вероятно, что Великие Князья, следуя примеру Скандинавских Владетелей, сами участвовали в выгодах народной торговли для умножения своих доходов. Государственная подать в IX и X веке состояла у нас более в *вещах*, нежели в *деньгах*. Из разных областей России ходили в столицу обозы с *медом* и *шкурами*, или с оброком Княжеским, что называлось: *возить повоз*. Следственно, казна изобиловала товарами и могла отпускать их в чужие земли.

Россияне, подобно Норманам, соединяли торговлю с грабежом. Известно, что они славились морскими разбоями в окрестностях Меларского озера и что железные цепи при Стокзунде (где ныне Стокгольм) не могли их удерживать. Требование Греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходцы Российские предъявляли от своего Князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело, без сомнения, важную причину: ту, кажется, что некоторые россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить истинных купцев от разбойников.

Счастливые войны и торговля россиян, служив к обогащению народа, долженствовали, в течение ста лет и более, произвести некоторую роскошь, прежде неизвестную. Узнав пышность Двора Константинопольского, Великие Князья хотели подражать ему: не только сами они, но и супруги их, дети, родственники имели своих особенных придворных чиновников. Нередко Послы Российские именем Государя требовали в дар от Греков Царской одежды и венцев: чего Императоры, желая отличаться от *варваров* хотя украшениями драгоценными, не любили давать им, уверяя, что сии порфиры и короны сделаны руками Ангелов и должны быть всегда хранимы в Софийской церкви. Друзья Владимира, обедая у Князя, ели *серебряными* ложками. Мед, древнее любимое питие всех народов Славянских, был еще душою славных пиров его; но Киевляне в Олеговы времена уже имели вина Греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец Индейский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные пояса, сафьянные сапоги и проч.

Города сего времени ответствовали уже состоянию народа избыточного. Немецкий Летописец Дитмар, современник Владимиров, уверяет, что в Киеве, *великом граде*, находилось тогда 400 церквей, созданных усердием новообращенных Христиан, и восемь больших торговых площадей. Адам Бременский именует оный *главным украшением России* и даже *вторым Константинополем*. Сей город до XI века стоял весь на высоком берегу Днепровском: место нынешнего Подола было в Ольгино время еще залито водою. Смоленск, Чернигов, Любеч имели сообщение с Грециею. Император Константин, несправедливо называя Новгород столицею Великого Князя Святослава, дает по крайней мере знать, что сей город был уже знаменит в X веке.

Народ торговый не может обойтися без денег, или знаков, представляющих цену вещей. Но деньги не всегда бывают металлом: доныне вместо их жители Мальдивских островов употребляют раковины. Так и Славяне Российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурами

зверей, *куниц*, и белок: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить с собою целые шкуры для купли подала мысль заменить оные *мордками* и другими *лоскутками*, куньими и бельими. Надобно думать, что Правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии *лоскутки* на целые кожи. Однако ж, зная цену серебра и золота, предки наши издревле добывали их посредством внешней торговли. В Олеговых условиях с Империею сказано, что Грек, ударив мечем россиянина, или россиянин Грека, обязывался платить за вину 5 литр *серебра*. россияне брали также в Цареграде за каждого невольника Греческого 20 *золотников*, т. е. Византийских червонцев, *номисм* или *солидов*. Нет сомнения, что и внутри Государства ходило серебро в монетах: Радимичи вносили в казну *щляги*, или шиллинги, без сомнения полученные ими от Козаров. Однако ж мордки или куны долгое время оставались еще в употреблении: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всех торговых оборотов и платежей народных. Именем *гривны* означалось известное число *кун*, некогда равное ценою с полуфунтом серебра; но сии лоскутки, не имея никакого существенного достоинства, в течение времени более и более унижались в отношении к металлам, так что в XIII веке гривна серебра содержала в себе уже семь гривен Новогородскими кунами.

Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России Христианскою Верою. Волхвы славились при Олеге гаданием будущего: вот древнейшие мудрецы нашего отечества! Наука их состояла или в обманах, или в заблуждениях. Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие и назвал Олега *вещим*, ибо сей великодушный, смелый Князь возвратился с сокровищами из Константинополя. Любопытство, сродное человеку, питалось историческими сказками и преданиями, украшенными вымыслом. В сказке о хитростях Ольгиных видим некоторое остроумие. Пословицы народные: *Погибоша аки Обри – беда аки в Родне – Пищанцы волчья хвоста бегают* и, конечно, многие другие, хранили так же память важных случаев. В государственных договорах Великих Князей находим выражения, которые дают нам понятие о тогдашнем красноречии россиян; например: *Дондеже солнце сияет и мир стоит – да не защитятся щиты своими – да будем золоти аки золото* и проч. Краткая сильная речь Святославова есть достойный памятник сего Героя. Но времена Владимировы были началом истинного народного просвещения в России.

Скандинавы в IX веке знали употребление Рунических букв; однако ж мы не имеем никаких основательных причин думать, чтобы они сообщили его и россиянам. Руны, как мы выше заметили, недостаточны для выражения многих звуков языка Славянского. Хотя Кирилловские письмена могли быть известны в России еще до времен Владимировых (ибо самые первые Христиане Киевские имели нужду в книгах для церковного служения), но число грамотных людей было, конечно, не велико: Владимир умножил оное заведением народных училищ, чтобы доставить церкви Пастырей и Священников, разумеющих книжное писание, и таким образом открыл россиянам путь к науке и сведениям, которые посредством грамоты из века в век сообщаются…

Здесь должно ответствовать на вопрос любопытный: какие Священные книги были тогда употребляемы Христианами Российскими? Те ли самые, коими доныне пользуется наша Церковь, или *иного, древнейшего перевода?* Сличив рукописные харатейные Евангелия XII века и разные места Св. Писания, приводимые Нестором в летописи, с печатною Московскою или Киевскою Библиею, всякий уверится, что россияне XI и XII столетия имели тот же перевод ее. Мы знаем, что она несколько раз была исправляема при Константине, Волынском Князе, в XVI веке; при Царе Алексии Михайловиче, Петре Великом и Елисавете Петровне; однако ж, несмотря на многократное исправление, состоящее единственно в отмене некоторых слов, сей перевод сохранил, так сказать, свой начальный, особенный характер, и люди ученые справедливо признают оный древнейшим памятником языка Славянского. Библия Чешская или

Богемская переведена с Латинской Иеронимовой в XII и XIV веке; Польская, Краинская, Лаузицская еще гораздо новее.

Вид церкви, устроенной из остатков древней Десятинной митрополитом Петром Могилой. Гравюра 1847 г.

Следует другой вопрос: когда же и где переведена наша Библия? При Великом ли Князе Владимире, как сказано в любопытном предисловии Острожской печатной, или она есть бессмертный плод трудов Кирилла и Мефодия? Второе гораздо вероятнее: ибо Нестор, почти современник Владимиров, ко славе отечества не умолчал бы о новом Российском переводе ее; но сказав: *сим бо первая преложены книги* (т. е. Библия) *в Мораве, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть в Руси*, он ясно дает знать, что Российские Христиане пользовались трудом Кирилла и Мефодия. Сии два брата и помощники их основали правила книжного языка Славянского на Греческой грамматике, обогатили его новыми выражениями и словами, держась наречия своей родины, Фессалоники, то есть Иллирического, или Сербского, в коем и теперь видим сходство с нашим церковным. Впрочем, все тогдашние наречия долженствовали менее нынешнего разниться между собою, будучи гораздо ближе к своему общему источнику, и предки наши тем удобнее могли присвоить себе Моравскую Библию. Слог ее сделался образцом для новейших книг Христианских, и сам Нестор подражал ему; но Русское особенное наречие сохранилось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом изъясняется разность в языке Славянской Библии и *Русской Правды* (изданной скоро после Владимира), Несторовой летописи и *Слова о полку Игореве*, о коем будем говорить в примечаниях на Российскую словесность XII века.

Нужнейшие Искусства механические, равно как и Свободные, были известны древним россиянам. И ныне селянин Русский делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: в старину, когда люди менее сообщались друг с другом, они имели еще более нужды в сей промышленности. Муж обрабатывал землю, плотничал, строил; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло в кругу своем действие многих ремесел. Но основание городов, торговля, роскошь мало-помалу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах: богатые требовали вещей, сделанных удобнее и лучше обыкновенного. Все Немецкие Славяне торговали полотнами: Русские издревле ткали холсты и сукна; умели также выделывать кожи, и сии ремесленники назывались *усмарями*. Народ, составленный из воинов, хлебопашцев и звероловов, без сомнения, пользовался искусством ковать железо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечах, будто бы предложенных Киевлянами в дань Козарам. – Христианская Вера способствовала дальнейшим успехам зодчества в России. Владимир начал строить великолепные церкви и призвал художников Греческих; однако ж и в языческие времена были уже *каменные* здания в столице: например, Ольгин терем. Стены и башни служили для городов не только защитою, но и самым украшением. Вероятно, что и

тогдашние деревенские избы были подобны нынешним; а горожане имели высокие дома и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низ, может быть, для погребов, кладовых и проч. *Клети*, или горницы, с обеих сторон дома разделялись *помостом* или сенями; спальни назывались *одринами*. На дворах строились вышки для голубей: ибо россияне искони любили сих птиц. – Несторово описание Перунова истукана свидетельствует о резном и плавильном искусстве наших предков. Вероятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владимир украсил Греческими образами одну Десятинную церковь: иконы других храмов были, как надобно думать, писаны в Киеве. Греческие художники могли выучить Русских. – Трубы воинские, коих звук ободрял Героев Святославовых в жарких битвах, доказывают древнюю любовь россиян к искусству мусикийскому.

Что касается собственно до нравов сего времени, то они представляют нам смесь варварства с добродушием, свойственную векам невежества. россияне IX и X века славились на войне корыстолюбием и свирепостию; но Императоры Византийские верили им как честным людям в мирных договорах, позволяя себе, кажется, обманывать их при всяком удобном случае: ибо Нестор называет Греков коварными. Мы видели грабеж, убийства и злодеяния внутри Государства: еще более увидим их; но чем же иным богата история Европы в средних веках? Одно просвещение долговременное смягчает сердца людей: купель Христианская, освятив душу Владимира, не могла вдруг очистить народных нравов. Он боялся, по человеколюбию, казнить злодеев, и злодейства умножились… Государство, основанное на завоеваниях, уже доказывает необыкновенную храбрость народа: она была добродетелию наших предков, и слово любимого Вождя: *станем крепко, не посрамим земли Русской* – вселяло в них решительность победить или умереть. Самые жены их не робели смерти в битвах. – Дома и в мирное время они любили веселиться: Владимир, желая казаться другом народа своего, давал ему пиры и сказал Магометанским Болгарам: *Руси есть веселие пити*. Между достопамятными чертами древних Русских нравов заметим также отменное уважение к старцам: Владимир слушался их совета; в гражданских Вечах они имели первенство. Наконец, сей народ, еще грубый, необразованный, умел любить своих добрых Государей: плакал над телом великого Олега, мудрой Ольги, Св. Владимира и потомству своему оставил пример благодарности, который делает честь имени Русскому.

Том II

Глава I
Великий князь Святополк. 1015-1019

Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его и, кажется, предвидел в нем будущего злодея. Современный Летописец Немецкий, Дитмар, говорит, что Святополк, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польского Короля Болеслава, хотел, по наущению своего тестя, отложиться от России и что Великий Князь, узнав о том, заключил в темницу сего неблагодарного племянника, жену его и Немецкого Епископа Реинберна, который приехал с дочерью Болеслава. Владимир – может быть, при конце жизни своей – простил Святополка: обрадованный смертию дяди и благодетеля, сей недостойный Князь спешил воспользоваться ею; созвал граждан, объявил себя Государем Киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой. Граждане брали дары, но с печальным сердцем: ибо друзья и братья их находились в походе с Князем Борисом, любезным отцу и народу. Уже Борис, нигде не встретив Печенегов, возвращался с войском и стоял на берегу реки Альты: там принесли ему весть о кончине родителя, и добродетельный сын занимался единственно своею искреннею горестию. Товарищи побед Владимировых говорили ему: «Князь! С тобою дружина и воины отца твоего; поди в Киев и будь Государем России!» Борис ответствовал: «Могу ли поднять руку на брата старейшего? Он должен быть мне вторым отцем». Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием: оставив Князя мягкосердечного, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать.

Князь Святополк. Гравюра 1805 г.

Но Святополк имел только дерзость злодея. Он послал уверить Бориса в любви своей, обещая дать ему новые владения, и в то же время приехав ночью в Вышегород, собрал тамошних Бояр на совет. «Хотите ли доказать мне верность свою?» – спросил новый Государь. Бояре ответствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополк требовал от них головы Бориса, и сии недостойные взялись услужить Князю злодеянием. Юный Борис, окруженный единственно малочисленными слугами, был еще в стане на реке Альте. Убийцы ночью приблизились к шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борис, уведомленный о злом намерении брата, изливал пред Всевышним сердце свое в святых песнях

Давидовых. Он уже знал, что убийцы стоят за шатром, и с новым жаром молился… за Святополка; наконец, успокоив душу Небесною Верою, лег на одр и с твердостию ожидал смерти. Его молчание возвратило смелость злодеям: они вломились в шатер и копьями пронзили Бориса, также верного Отрока его, который хотел собственным телом защитить Государя и друга. Сей юный воин, именем Георгий, родом из Венгрии, был сердечно любим Князем своим и в знак его милости носил на шее золотую гривну: корыстолюбивые убийцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и других Княжеских Отроков, которые не хотели спасаться бегством, но все легли на месте. Тело Борисово завернули в намет и повезли к Святополку. Узнав, что брат его еще дышит, он велел двум Варягам довершить злодеяние: один из них вонзил меч в сердце умирающему… Сей несчастный юноша, стройный, величественный, пленял всех красотою и любезностию; имел взор приятный и веселый; отличался храбростию в битвах и мудростию в советах. – Летописец хотел предать будущим векам имена главных убийц и называет их: Путша, Талец, Елович, Ляшко. В Несторово время они были еще в свежей памяти и предметом общего омерзения. Святополк без сомнения наградил сих людей, ибо имел еще нужду в злодеях.

Он немедленно отправил гонца к Муромскому Князю Глебу сказать ему, что Владимир болен и желает видеть его. Глеб, обманутый сею ложною вестию, с малочисленною дружиною спешил в Киев. Дорогою он упал с лошади и повредил себе ногу; однако ж не хотел остановиться и продолжал свой путь от Смоленска водою. Близ сего города настиг его посланный от Ярослава, Князя Новогородского, с уведомлением о смерти Владимировой и гнусном коварстве Святополка; но в то самое время, когда Глеб чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивал отца и любимого брата, в усердных молитвах поверяя Небу горесть свою, явились вооруженные убийцы и схватили его ладию. Дружина Муромская оробела: Горясер, начальник злодеев, велел умертвить Князя, и собственный повар Глебов, именем Торчин, желая угодить Святополку, зарезал своего несчастного Государя. Труп его лежал несколько времени на берегу, между двумя колодами, и был наконец погребен в вышегородской церкви Св. Василия, вместе с телом Бориса.

Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский Князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всею Россиею и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию; но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни. – Братоубийца торжествовал злодеяния свои, как славные и счастливые дела: собирал граждан Киевских, дарил им деньги, одежду и надеялся щедростию приобрести любовь народную.

Князь Ярослав Мудрый. Гравюра 1805 г.

Скоро нашелся мститель: Ярослав сильнейший из Князей Удельных, восстал на изверга; но собственною безрассудною жестокостию едва не отнял у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославом в Новгород, дерзкие, неистовые, ежедневно оскорбляли мирных граждан и целомудрие жен их. Не видя защиты от Князя пристрастного к иноземцам, новогородцы вышли из терпения и побили великое число Варягов. Ярослав утаил гнев свой, выехал в загородный дворец, на Ракому, и велел, с притворною ласкою, звать к себе именитых Новогородцев, виновников сего убийства. Они явились без оружия, думая оправдаться пред своим Князем; но Князь не устыдился быть вероломным и предал их смерти. В ту же самую ночь получил он известие из Киева от сестры своей Передславы о кончине отца и злодействе брата; ужаснулся и не знал, что делать. Одно усердие Новогородцев могло спасти его от участи Борисовой; но кровь их детей и братьев еще дымилась на дворе Княжеском… Не видя лучшего средства, Ярослав прибегнул к великодушию оскорбленного им народа, собрал граждан на Вече и сказал: «Вчера умертвил я, безрассудный, верных слуг своих; теперь хотел бы купить их всем золотом казны моей…» Народ безмолвствовал. Ярослав отер слезы и продолжал: «Друзья! Отец мой скончался, Святополк овладел престолом его и хочет погубить братьев». Тогда добрые новогородцы, забыв все, единодушно ответствовали ему: «Государь! Ты убил собственных наших братьев, но мы готовы идти на врагов твоих». – Ярослав еще более воспламенил их усердие известием о новых убийствах Святополковых; набрал 40000 россиян, 1000 Варягов, и сказав: *да скончается злоба нечестивого!* выступил в поле.

[1016 г.] Святополк, узнав о том, собрал также многочисленное войско, призвал Печенегов и на берегах Днепра, у Любеча, сошелся с Ярославом. Долго стояли они друг против друга без всякого действия, не смея в виду неприятеля переправляться чрез глубокую реку, которая была между ими. Уже наступила осень… Наконец Воевода Святополков обидными и грубыми насмешками вывел Новогородцев из терпения. Он ездил берегом и кричал им: «Зачем вы пришли сюда с *хромым* Князем своим? (Ибо Ярослав имел от природы сей недостаток.) Ваше дело плотничать, а не сражаться». *Завтра*, сказали воины Новогородские, *мы будем на другой стороне Днепра; а кто не захочет идти с нами, того убьем как изменника*. Один из Вельмож Святополковых был в согласии с Ярославом и ручался ему за успех ночного быстрого нападения. Между тем как Святополк, нимало не опасаясь врагов, пил с дружиною, воины Князя Новогородского до света переехали чрез Днепр, оттолкнули лодки от берега, желая победить или уме-

реть, и напали на беспечных Киевлян, обвязав себе головы платками, чтобы различать своих и неприятелей. Святополк оборонялся храбро; но Печенеги, отделенные от его стана озером, не могли приспеть к нему вовремя. Дружина Киевская, чтобы соединиться с ними, вступила на тонкий лед сего озера и вся обрушилась. Ярослав победил, а Святополк искал спасения в бегстве. Первый вошел с торжеством в Киев; наградил щедро своих мужественных воинов – дав каждому чиновнику и Новогородцу 10 гривен, а другим по гривне – и, надеясь княжить мирно, отпустил их в домы.

Но Святополк еще не думал уступить ему престола, окровавленного тремя братоубийствами, и прибегнул к защите Болеслава. Сей Король, справедливо названный *Храбрым*, был готов отмстить за своего зятя и желал возвратить Польше города Червенские, отнятые Владимиром у Мечислава: имея тогда войну с Генриком II, Императором Немецким, он хотел кончить оную, чтобы тем свободнее действовать против России. Епископ Мерзебургский, Дитмар, лично знакомый с Генриком II, говорит в своей летописи, что Император вошел в сношение с Ярославом, убеждая его предупредить *общего* их врага, и что Князь Российский, дав ему слово быть союзником, осадил Польский город, но более не причинил никакого вреда Болеславу.

Князья Борис и Глеб. Икона середины XIV в.

Таким образом, Ярослав худо воспользовался благоприятными обстоятельствами: начал сию бедственную войну, не собрав, кажется, достаточных сил для поражения столь опасного неприятеля, и дал ему время заключить мир с Генриком. Император, теснимый с разных сторон, согласился на условия, предложенные гордым победителем, и, недовольный слабою помощию россиян, старался даже утвердить Короля в его ненависти к Великому Князю. Болеслав, усилив свое опытное войско союзниками и наемниками, Немцами, Венграми, Печенегами – вероятно, Молдавскими, – расположился станом на берегах реки Буга.

За несколько месяцев до того времени страшный пожар обратил в пепел большую часть Киева: Ярослав, озабоченный, может быть, старанием утешить жителей и загладить следы сего

несчастия, едва успел изготовиться к обороне. Польские Историки пишут, что он никак не ожидал Болеславова нападения и беспечно удил рыбу в Днепре, когда гонец привез ему весть о сей опасности; что Князь Российский в ту же минуту бросил уду на землю и сказав: *не время думать о забаве; время спасать отечество*, вышел в поле, с Варягами и россиянами. Король стоял на одной стороне Буга, Ярослав на другой; первый велел наводить мосты, а второй ожидал битвы с нетерпением – и час ее настал скорее, нежели он думал. Воевода и пестун Ярославов, *Будый*, вздумал, стоя за рекою, шутить над тучностию Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острым копьем своим. Король Польский в самом деле едва мог двигаться от необыкновенной толщины, но имел дух пылкий и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостию, он сказал воинам: «Отмстим, или я погибну!» – сел на коня и бросился в реку; за ним все воины. Изумленные таким скорым нападением, россияне были приведены в беспорядок. Ярослав уступил победу храброму неприятелю, и только с четырьмя воинами ушел в Новгород. Южные города Российские, оставленные без защиты, не смели противиться и высылали дары победителю. Один из них не сдавался: Король, взяв крепость приступом, осудил жителей на рабство или вечный плен. Лучше других укрепленный, Киев хотел обороняться: Болеслав осадил его. Наконец утесненные граждане отворили ворота – и Епископ Киевский, провождаемый духовенством в ризах служебных, с крестами встретил Болеслава и Святополка, которые 14 августа въехали торжествуя в нашу столицу, где были сестры Ярославовы. Народ снова признал Святополка Государем, а Болеслав удовольствовался именем великодушного покровителя и славою храбрости. Дитмар повествует, что Король тогда же отправил Киевского Епископа к Ярославу с предложением возвратить ему сестер, ежели он пришлет к нему дочь его, жену Святополкову (вероятно, заключенную в новогородской или другой северной области).

Ярослав, устрашенный могуществом Короля Польского и злобою брата, думал уже, подобно отцу своему, бежать за море к Варягам; но великодушие Новгородцев спасло его от сего несчастия и стыда. Посадник Коснятин, сын Добрыни славного, и граждане знаменитые, изрубив лодки, приготовленные для Князя, сказали ему: «Государь! Мы хотим и можем еще противиться Болеславу. У тебя нет казны: возьми все, что имеем». Они собрали с каждого человека по четыре куны, с Бояр по осьмнадцати гривен, с городских чиновников, или Старост, по десяти; немедленно призвали корыстолюбивых Варягов на помощь и сами вооружились.

Вероломство Святополково не допустило Новогородцев отмстить Болеславу. Покорив южную Россию зятю своему, Король отправил назад союзное войско и развел собственное по городам Киевской области для отдохновения и продовольствия. Злодеи не знают благодарности: Святополк, боясь долговременной опеки тестя и желая скорее воспользоваться независимостию, тайно велел градоначальникам умертвить всех Поляков, которые думали, что они живут с друзьями, и не брали никаких предосторожностей. Злая воля его исполнилась, к бесславию имени Русского. Вероятно, что он и самому Болеславу готовил такую же участь в Киеве; но сей Государь сведал о заговоре и вышел из столицы, взяв с собою многих Бояр Российских и сестер Ярославовых. Дитмар говорит – и наш Летописец подтверждает, – что Болеслав принудил одну из них быть своею наложницею – именно Передславу, за которую он некогда сватался и, получив отказ, хотел насладиться гнусною местию. Хитрый Анастас, быв прежде любимцем Владимировым, умел снискать и доверенность Короля Польского; сделался хранителем его казны и выехал с нею из Киева: изменив первому отечеству, изменил и второму для своей личной корысти. – Польские историки уверяют, что многочисленное войско россиян гналось за Болеславом; что он вторично разбил их на Буге и что сия река, два раза несчастная для наших предков, с того времени названа ими *Черною*… Болеслав оставил Россию, но удержал за собою города Червенские в Галиции, и великие сокровища, вывезенные им из Киева, отчасти роздал войску, отчасти употребил на строение церквей в своем Королевстве.

[1019 г.] Святополк, злодейством избавив Россию от Поляков, услужил врагу своему. Уже Ярослав шел к Киеву… Не имея сильного войска, ни любви подданных, которая спасает

Монарха во дни опасностей и бедствий, Святополк бежал из отечества к Печенегам, требовать их помощи. Сии разбойники, всегда готовые опустошать Россию, вступили в ее пределы и приближились к берегам Альты. Там увидели они полки Российские. Ярослав стоял на месте, обагренном кровию Святого Бориса. Умиленный сим печальным воспоминанием, он воздел руки на Небо, молился, и сказав: *кровь невинного брата моего вопиет ко Всевышнему,* дал знак битвы. Восходящее солнце озарило на полях Альты сражение двух многочисленных воинств, сражение упорное и жестокое: никогда, говорит Летописец, не бывало подобного в нашем отечестве. Верная дружина Новогородская хотела лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели в остервенении своем хватали друг друга за руки и секлись мечами. К вечеру Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоскою, сей изверг впал в расслабление и не мог сидеть на коне. Воины принесли его к Бресту, городу Туровского княжения; он велел им идти далее за границу. Гонимый Небесным гневом, Святополк в помрачении ума видел беспрестанно грозных неприятелей за собою и трепетал от ужаса; не дерзнул вторично прибегнуть к великодушию Болеслава; миновал Польшу и кончил гнусную жизнь свою в пустынях Богемских заслужив проклятие современников и потомства. Имя *окаянного* осталось в летописях неразлучно с именем сего несчастного Князя: ибо злодейство есть несчастие.

Глава II
Великий князь Ярослав или Георгий. 1019-1054

Ярослав вошел в Киев и, по словам летописи, *отер пот* с мужественною дружиною, трудами и победою заслужив сан Великого Князя Российского. Но бедствия войны междоусобной еще не прекратились.

В Полоцке княжил тогда Брячислав, сын Изяславов и внук Владимира. Сей юноша хотел смелым подвигом утвердить свою независимость: взял Новгород, ограбил жителей и со множеством пленных возвращался в свое Удельное Княжение. Но Ярослав, выступив из Киева, встретил и разбил его на берегах реки Судомы, в нынешней Псковской Губернии. Пленники Новогородские были освобождены, а Брячислав ушел в Полоцк и, как вероятно, примирился с Великим Князем: ибо Ярослав оставил его в покое. – О сей войне упоминают древние Исландские Саги. Варяги, или Норманы, служившие тогда нашим Князьям, рассказывали, возвратясь в отечество, следующие обстоятельства, достойные замечания, хотя, может быть, *отчасти* и баснословные: «Храбрый витязь Эймунд, сын Короля Гейдмаркского, оказал великие услуги Ярославу в продолжение трехлетней войны с Киевским Государем (Святополком); наконец, взяв сторону Брячислава, еще более удивил россиян своим мужеством и хитростию. Сей витязь засел с товарищами в одном месте, где надлежало ехать супруге Ярославовой: убил под нею коня и привез ее к Брячиславу, остыдив многочисленных воинов, окружавших Великую Княгиню. Брячислав, заключив мир с братом, наградил Эймунда целою областию». – Скоро опаснейший неприятель восстал на Ярослава.

А. И. Иванов. Единоборство Мстислава Удалого с косожским князем Ределей

Мы знаем, что Владимир отдал Воспорскую, или Тмутороканскую, область в удел сыну своему Мстиславу. Сей Князь, рожденный быть Героем, хотел войны и победы: Император Греческий предложил ему уничтожить Державу Каганову в Тавриде. Искав дружбы Козаров

идолопоклонников, но сильных, Греки искали их погибели, когда они приняли Веру Христианскую, но утратили свое могущество. Андроник, вождь Императорский, в 1016 году пристал к берегам Тавриды, соединился с войском Мстислава и в самом первом сражении пленил Кагана, именем Георгия Цула. Греки овладели Тавридою, удовольствовав Мстислава одною благодарностию или золотом. – Таким образом пала Козарская Держава в Европе; но в Азии, на берегах Каспийского моря, она существовала, кажется, до самого XII века, и в 1140 году Левит Еврейский, Равви Иегуда, писал еще похвальное слово Монарху ее, своему единоверцу. С одной стороны Аскольд, Дир, Олег, отец и сын Св. Владимира; а с другой Узы, Печенеги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сие некогда знаменитое Царство, которое от устья Волжского простиралось до Черного моря, Днепра и берегов Оки. – Чрез несколько лет Мстислав объявил войну Касогам или нынешним Черкесам, восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством. «На что губить дружину? – сказал он Мстиславу: – одолей меня и возьми все, что имею; жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив оружие на землю, схватился с великаном. Силы Князя Российского начали изнемогать: он призвал в помощь Богородицу – низвергнул врага и зарезал его ножом. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство Княжеское и наложил дань на подданных.

[1023 г.] Уверенный в своем воинском счастии, сей Князь не захотел уже довольствоваться областию Тмутороканскою, которая, будучи отдалена от России, могла казаться ему печальною ссылкою: он собрал подвластных ему Козаров, Черкесов или Касогов, и пошел к берегам Днепровским. Ярослава не было в столице. Киевские граждане затворились в стенах и не пустили брата его; но Чернигов, менее укрепленный, принял Мстислава. – Великий Князь усмирял тогда народный мятеж в Суздале. Голод свирепствовал в сей области, и суеверные, приписывая оный злому чародейству, безжалостно убивали некоторых старых жен, мнимых волшебниц. Ярослав наказал виновников мятежа, одних смертию, других ссылкою, объявив народу, что не волшебники, но Бог карает людей гладом и мором за грехи их, и что смертный в бедствиях своих должен только умолять благость Всевышнего. Между тем жители искали помощи в изобильной стране Казанских Болгаров и Волгою привезли оттуда множество хлеба. Голод миновался. Восстановив порядок в земле Суздальской, Великий Князь спешил в Новгород, чтобы взять меры против властолюбивого брата.

Знаменитый Варяг Якун пришел на помощь к Ярославу. Сей витязь Скандинавский носил на больных глазах шитую золотом луду или повязку; едва мог видеть, но еще любил войну и битвы. Великий Князь вступил в область Черниговскую. Мстислав ожидал его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовил войско к сражению; поставил Северян или Черниговцев в средине, а любимую дружину свою на правом и левом крыле. Небо покрылось густыми тучами – и в то самое время, когда ударил гром и зашумел сильный дождь, сей отважный Князь напал на Ярослава. Варяги стояли мужественно против Северян: казалось, что ужас ночи, буря, гроза тем более остервеняли воинов, при свете молнии, говорит Летописец, страшно блистало оружие. Храбрость, искусство и счастие Мстислава решили победу: Варяги, утомленные битвою с Черниговцами, смятые пылким нападением его дружины, отступили. Вождь их, Якун, бежал вместе с Ярославом в Новгород, оставив на месте сражения златую луду свою. На другой день Мстислав, осматривая убитых, сказал: «Мне ли не радоваться? Здесь лежит Северянин, там Варяг; а собственная дружина моя цела». Слово недостойное доброго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовав ему жизнию, стоили по крайней мере его сожаления.

Но Мстислав изъявил редкое великодушие в рассуждении брата, дав ему знать, чтобы он безопасно шел в Киев и господствовал, как старший сын великого Владимира, над всею правою стороною Днепра. Ярослав боялся верить ему; правил Киевом чрез своих Наместников и собирал войско. Наконец сии два брата съехались у Городца, под Киевом; заключили искренний союз и разделили Государство: Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную;

Днепр служил границею между ими, и Россия, десять лет терзаемая внутренними и внешними неприятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливония платила дань Владимиру: междоусобие детей его возвратило ей независимость. Ярослав в 1030 году снова покорил Чудь, основал город Юрьев, или нынешний Дерпт, и, собирая дань с жителей, не хотел насильно обращать их в Христианство: благоразумие достохвальное, служившее примером для всех Князей Российских! Пользуясь свободою Веры, древняя Ливония имела и собственных гражданских начальников, о коих, согласно с преданием, пишут, что они были вместе и судии и палачи, то есть, обвинив преступника, сами отсекали ему голову. – Однако ж, несмотря на умеренность россиян и на легкость ига, возлагаемого ими на данников, Чудь и Латыши, как увидим, нередко старались свергнуть оное и не щадили крови своей для приобретения вольности совершенной.

[1031–1036 гг.] В Польше царствовал тогда Мечислав, малодушный сын и наследник Великого Болеслава. Пользуясь слабостию сего Короля и внутренними неустройствами земли его, Ярослав взял Бельз: в следующий год, соединясь с мужественным братом своим, овладел снова всеми городами Червенскими; входил в самую Польшу, вывел оттуда множество пленников и, населив ими берега Роси, заложил там города или крепости.

Искреннее согласие двух Государей Российских продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалым*, не испытал превратностей воинского счастия: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостию к народу и любовию к верной дружине; веселился и пировал с нею подобно великому отцу своему, следуя его правилу, что Государь не златом наживает витязей, а с витязями злато. Он поднял меч на брата, но загладил сию жестокость, свойственную тогдашнему веку, великодушным миром с побежденным, и Россия обязана была десятилетнею внутреннею тишиною счастливому их союзу, истинно братскому. – Памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм Богоматери в Тмуторокане, созданный им в знак благодарности за одержанную над Касожским великаном победу, и церковь Спаса в Чернигове, заложенная при сем Князе: там хранились и кости его в Несторово время. Мстислав, по словам летописи, был *чермен лицом и дебел телом*, имел также необыкновенно большие глаза. Он не оставил наследников: единственный его сын, Евстафий, умер еще за три года до кончины родителя.

Ярослав сделался Монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии. Из прежних Удельных Князей оставался один Брячислав Полоцкий: вероятно, что он зависел от своего дяди как Государя самодержавного. О детях Владимировых, Всеволоде, Станиславе, Позвизде, Летописец не упоминает более, сказывая только, что Великий Князь, обманутый клеветниками, заключил в Пскове Судислава, меньшего своего брата, который, может быть, княжил в сем городе.

Но Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бедствиям Удельного Правления. Женатый на Ингигерде, или Анне, дочери Шведского Короля Олофа – которая получила от него в вено город Альдейгабург, или Старую Ладогу – он был уже отцом многочисленного семейства. Как скоро большому сыну его, Владимиру, исполнилось шестнадцать лет, Великий Князь отправился с ним в Новгород и дал ему сию область в управление. Здравая Политика, основанная на опытах и знании сердца человеческого, не могла противиться действию слепой любви родительской, которое обратилось в несчастное обыкновение.

Узнав о набеге Печенегов, он спешил из Новагорода в южную Россию и сразился с варварами под самыми стенами Киева. Варяги, всегдашние его помощники, стояли в средине; на правом крыле граждане Киевские, на левом новогородцы. Битва продолжалась целый день. Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть Печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках; немногие спаслися бегством, и Россия навсегда освобо-

дилась от их жестоких нападений. В память сего знаменитого торжества Великий Князь заложил на месте сражения великолепную церковь и, распространив Киев, обвел его *каменными* стенами; подражая Константинополю, он назвал их главные врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софиею *Митрополитскою*, украсив ее золотом, серебром, мусиею и драгоценными сосудами. Тогда был уже Митрополит в нашей древней столице, именем Феопемпт – вероятно, Грек, – который, по известию Нестора, в 1039 году вновь освятил храм Богоматери, сооруженный Владимиром, но поврежденный, как надобно думать, сильным Киевским пожаром 1017 года. Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины. Сей государь, по сказанию Летописца, весьма любил *церковные уставы,* духовных пастырей и в особенности *черноризцев*, не менее любил и книги Божественные; велел переводить их с Греческого на Славянский язык, читал оные день и ночь, многие списывал и положил в церкви Софийской для народного употребления. Определив из казны своей достаточное содержание Иереям, он умножил число их во всех городах и предписал им учить новых Христиан, образовать ум и нравственность людей грубых; видел успехи Веры и радовался, как усердный сын Церкви и добрый отец народа.

Ревностное благочестие и любовь к учению книжному не усыпляли его воинской деятельности. Ятвяги были побеждены Владимиром Великим; но сей народ, обитая в густых лесах, питаясь рыбною ловлею и пчеловодством, более всего любил дикую свободу и не хотел никому платить дани. Ярослав имел с ним войну; также с Литовцами, соседями Полоцкого или Туровского Княжения, и с Мазовшанами, тогда независимыми от Государя Польского. Сын Великого Князя, Владимир, ходил с Новогородцами на Ямь, или нынешних Финляндцев, и победил их; но в сей земле, бесплодной и каменистой, воины его оставили всех коней своих, бывших там жертвою мора.

Предприятие гораздо важнейшее ознаменовало для нашей Истории 1043 год. Дружба Великих Князей с Императорами, основанная на взаимных выгодах, утвердилась единством Веры и родственным их союзом. С помощию россиян шурин Владимиров завоевал не только Тавриду, но и Болгарию, они сражались под знаменами Империи в самых окрестностях древнего Вавилона. Летописцы Византийские рассказывают, что чрез несколько лет по кончине Св. Владимира прибыл на судах в гавань Цареградскую какой-то родственник его; объявил намерение вступить в службу Императора, но тайно ушел из пристани, разбил Греков на берегах Пропонтиды и вооруженною рукою открыл себе путь к острову Лимну, где Самский Наместник и Воевода Солунский злодейским образом умертвили его и 800 бывших с ним воинов. Сие обстоятельство не имело никаких следствий: купцы Российские, пользуясь дружественною связию народа своего с Империею, свободно торговали в Константинополе. Но сделалась ссора между ими и Греками, которые, начав драку, убили одного знаменитого россиянина. Вероятно, что Великий Князь напрасно требовал удовольствия: оскорбленный несправедливостию, он решился наказать Греков; поручил войско мужественному Полководцу, Вышате, и велел сыну своему, Владимиру, идти с ним к Царю-граду. Греция вспомнила бедствия, претерпенные некогда ею от флотов Российских – и Послы Константина Мономаха встретили Владимира. Император писал к нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что он желает мира и дает слово наказать виновников обиды, сделанной россиянам. Юный Владимир не уважил сего письма, отпустил Греческих Послов с ответом высокомерным, как говорят Византийские Историки, и шел далее. Константин Мономах, приказав взять под стражу купцов и воинов Российских, бывших в Цареграде, и заключив их в разных областях Империи, выехал сам на Царской яхте против неприятеля; за ним следовал флот и конница берегом. россияне стояли в боевом порядке близ фара. Император вторично предложил им мир. «Соглашаюсь, – сказал гордый Князь Новогородский, – ежели вы, богатые Греки, дадите по три фунта золота на каждого человека в моем войске». Тогда Мономах велел своим готовиться к битве и, желая заманить неприятелей в открытое море, послал

вперед три галеры, которые врезались в средину Владимирова флота и зажгли Греческим огнем несколько судов. россияне снялись с якорей, чтобы удалиться от пламени. Тут сделалась буря, гибельная для малых Российских лодок; одни исчезли в волнах, другие стали на мель или были извержены на берег. Корабль Владимиров пошел на дно; некто Творимирич, один из усердных чиновников, спас Князя и Воевод Ярославовых, взяв их к себе в лодку. Море утихло. На берегу собралось 6000 россиян, которые, не имея судов, решились возвратиться в отечество сухим путем. Главный Воевода Ярославов, Вышата, предвидя неминуемую для них опасность, хотел великодушно разделить оную и сошел на берег, сказав Князю: «Иду с ними; буду ли жив, или умру, но не покину достойных воинов». Между тем Император праздновал бурю как победу и возвратился в столицу, отправив вслед за россиянами флот и два Легиона. 24 Галеры Греческие обогнали Владимира и стали в заливе: Князь пошел на них. Греки, будучи со всех сторон окружены неприятельскими лодками, сцепились с ними и вступили в отчаянный бой. россияне победили, взяв или истребив суда Греческие. Адмирал Мономахов был убит, и Владимир пришел в Киев со множеством пленных… Великодушный, но несчастный Вышата сразился в Болгарии, у города Варны, с сильным Греческим войском: большая часть его дружины легла на месте. В Константинополь привели 800 окованных россиян и самого Вышату; Император велел их ослепить!

Сия война предков наших с Грециею была последнею. С того времени Константинополь не видал уже их страшных флотов в Воспоре: ибо Россия, терзаемая междоусобием, скоро утратила свое величие и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказание, неизвестно кем написанное в X или XI веке под истуканом Беллерофона (который стоял на Таврской площади в Цареграде), что «Россияне должны овладеть столицею Империи Восточной»: столь имя их ужасало Греков! – Чрез три года Великий Князь заключил мир с Империею, и пленники Российские, бесчеловечно лишенные зрения, возвратились в Киев.

Около сего времени Ярослав вошел в свойство со многими знаменитыми Государями Европы. В Польше царствовал тогда Казимир, внук Болеслава *Храброго*: изгнанный в детстве из отечества вместе с материю, он удалился (как рассказывают Историки Польские) во Францию и, не имея надежды быть Королем, сделался Монахом. Наконец Вельможи Польские, видя мятеж в Государстве, прибегнули к его великодушию: освобожденный Папою от уз духовного обета, Казимир возвратился из кельи в чертоги Царские. Желая пользоваться дружбою могущественного Ярослава, он женился на сестре его, дочери Св. Владимира. Польские Историки говорят, что брачное торжество совершилось в Кракове; что добродетельная и любезная *Мария*, названная *Доброгневою*, приняла Веру Латинскую и что Король их взял за супругою великое богатство, множество серебряных и золотых сосудов, также драгоценных конских и других украшений. Собственный Летописец наш сказывает, что Казимир дал Ярославу за *вено* – то есть за невесту свою – 800 человек: вероятно, россиян, плененных в 1018 году Болеславом. Сей союз, одобренный здравою Политикою обоих Государств, утвердил за Россиею города Червенские; а Ярослав, как искренный друг своего зятя, помог ему смирить мятежника смелого и хитрого, именем Моислава, который овладел Мазовиею и хотел быть Государем независимым. Великий Князь, разбив его многочисленное войско, покорил сию область Казимиру.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославовых; но достоверные Летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежского. В юности своей выехав из отечества, он служил Князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь; вступил в службу Императора Восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения Святым Местам и чрез несколько лет, с богатством и славою возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов геройства. Наконец он сделался Королем Норвежским.

Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, Королем Французским. Папа объявил кровосмешением супружество отца его и гнал Роберта как беззаконника за то, что он женился на родственнице в четвертом колене. Генрик, будучи свойственником Государей соседственных, боялся такой же участи и в стране отдаленной искал себе знаменитой невесты. Франция, еще бедная и слабая, могла гордиться союзом с Россиею, возвеличенною завоеваниями Олега и Великих его преемников. В 1048 году – по известию древней рукописи, найденной в С. Омерской церкви – Король отправил Послом к Ярославу Епископа Шалонского, Рогера: Анна приехала с ним в Париж и соединила кровь Рюрикову с кровию Государей Французских. – По кончине Генрика I, в 1060 году, Анна, славная благочестием, удалилась в монастырь Санлизский; но чрез два года, вопреки желанию сына, вступила в новое супружество с Графом де-Крепи. Один Французский Летописец говорит, что она, потеряв второго, любезного ей супруга, возвратилась в Россию: но сие обстоятельство кажется сомнительным. Сын ее, Филипп, царствовал во Франции, имея столь великое уважение к матери, что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала имя свое до самого 1075 года. Честолюбие, узы семейственные, привычка и Вера Католическая, ею принятая, удерживали сию Королеву во Франции.

Третья дочь Ярославова, Анастасия, вышла за Короля Венгерского, Андрея I. Вероятно, что сей брачный союз служил поводом для некоторых россиян переселиться в Венгрию, где в разных Графствах, на левой стороне Дуная, живет доныне многочисленное их потомство, утратив чистую Веру отцев своих.

Ссылаясь на Летописцев Норвежских, Торфей называет Владимира, старшего Ярославова сына, супругом Гиды, дочери Английского Короля Гаральда, побежденного Вильгельмом *Завоевателем*. Саксон Грамматик, древнейший Историк Датский, также повествует, что дети несчастного Гаральда, убитого в Гастингском сражении, искали убежища при дворе Свенона II, Короля Датского, и что Свенон выдал потом дочь Гаральдову за Российского Князя, именем Владимира; но сей Князь не мог быть *Ярославич*. Гаральд убит в 1066 году, а Владимир, сын Ярославов, скончался в 1052 (построив в Новегороде церковь Св. Софии, которая еще не разрушена временем и где погребено его тело).

Кроме Владимира, Ярослав имел пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестре Казимира Польского, несмотря на то, что его родная тетка была за сим Королем; а Всеволод, по сказанию Нестора, на *Греческой Царевне*. Новейшие Летописцы называют Константина Мономаха тестем Всеволода; но Константин не имел детей от Зои. Мы не знаем даже, по Византийским летописям, ни одной Греческой Царевны сего времени, кроме Евдокии и Феодоры, умерших в девстве. Разве положим, что Мономах, еще не быв Императором, прижил супругу Всеволодову с *первою*, неизвестною нам женою? – О супружестве других сыновей Ярославовых не можем сказать ничего *верного*. Историки Немецкие пишут, что дочь Леопольда, Графа Штадского, именем Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI века за Князей Российских, но, скоро овдовев, возвратились в Германию и сочетались браком с Немецкими Принцами. Вероятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сии меньшие сыновья Ярославовы скончались в юношестве, и первая от Российского Князя имела одного сына, воспитанного ею в Саксонии: думаю, Бориса Вячеславича, о коем Нестор говорит только с 1077 года и который мог до того времени жить в Германии. Летописцы Немецкие прибавляют, что мать его, выезжая из нашего отечества, зарыла в землю сокровище, найденное им по возвращении в Россию.

Великий князь Ярослав Владимирович. Титулярник 1672 г.

Великий Князь провел остаток жизни своей в тишине и в Христианском благочестии. Но сия усердная набожность не препятствовала ему думать о пользе государственной и в самых церковных делах. Греки, сообщив нам Веру и присылая главных духовных Пастырей, надеялись, может быть, чрез них присвоить себе и некоторую мирскую власть над Россиею: Ярослав не хотел того и еще в первый год своего Единодержавия, будучи в Новегороде, *сам* избрал в начальники для сей Епархии Луку Жидяту; а в 1051 году, собрав в Киеве Епископов, велел им поставить Митрополитом Илариона россиян*ина*, без всякого участия со стороны Константинопольского Патриарха… Иларион, муж ученый и добродетельный был Иереем в селе Берестове при церкви Святых Апостолов: Великий Князь узнал его достоинства, имея там загородный дворец и любя, подобно Владимиру, сие веселое место.

Наконец, чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете, – говорил он, – вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие Государства, основанного счастливыми трудами наших отцев и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновного». Слова достопамятные, мудрые и бесполезные! Ярослав думал, что дети могут быть рассудительнее отцев, и к несчастию ошибся.

Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышегород и там скончался [19 февраля 1054 г.], имея от роду более семидесяти лет (супруга его умерла еще в 1050 году). Из детей был с ним один Всеволод, которого он любил нежнее всех других и никогда не отпускал от себя. Горестный сын, народ и Священники в служебных ризах шли за телом из Вышегорода до Киева, где оно, заключенное в мраморную раку, было

погребено в Софийской церкви. Сей памятник, украшенный резными изображениями птиц и дерев, уцелел до наших времен.

Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудрого; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россиею в бедствиях междоусобия; не всегда побеждал, но всегда оказывал мужество; успокоил отечество и любил народ свой. Следуя в правлении благодетельным намерениям Владимира, он хотел загладить вину ослушного сына и примириться с тению огорченного им отца.

Внешняя политика Ярославова была достойна Монарха сильного: он привел Константинополь в ужас за то, что оскорбленные россияне требовали и не нашли там правосудия; но, отмстив Польше и взяв свое, великодушною помощию утвердил ее целость и благоденствие.

Ярослав наказал мятежных Новогородцев за убиение Варягов так, как Государи не должны наказывать: вероломным обманом; но, признательный к их усердию, дал им многие выгоды и права. Князья Новогородские следующих веков должны были клясться гражданам в точном соблюдении его *льготных грамот*, к сожалению, истребленных временем. Знаем только, что сей народ, ссылаясь на оные, почитал себя вольным в избрании собственных Властителей. Память Ярославова была в течение веков любезна жителям Новагорода, и место, где обыкновенно сходился народ для совета, в самые позднейшие времена именовалось *Двором Ярослава*.

Сей князь заточил брата, обнесенного клеветниками; но доказал свое добродушие, простив мятежного племянника и забыв, для счастия России, прежнюю вражду Князя Тмутороканского.

Ярослав был набожен до суеверия: он вырыл кости Владимировых братьев, умерших в язычестве – Олеговы и Ярополковы, – крестил их и положил в Киевской церкви Св. Богородицы. Ревность его к Христианству соединялась, как мы видели, с любовию к просвещению. Летописцы средних веков говорят, что сей Великий Князь завел в Новегороде первое народное училище, где 300 отроков, дети Пресвитеров и Старейшин, приобретали сведения, нужные для Священного сана и гражданских чиновников. Загладив следы Болеславовых опустошений в южной России, населив пленниками область Киевскую и будучи, подобно Олегу и Владимиру, основателем многих городов новых, он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторым Царемградом*. Ярослав любил Искусства: художники Греческие, им призванные в Россию, украсили храмы живописью и мусиею, доныне видимою в Киевской Софийской церкви. Сия мусия, составленная из четвероугольных камешков, изображает на златом поле лица и одежду Святых по рисунку весьма несовершенному, но с удивительною свежестию красок: работа более трудная, нежели изящная, однако ж любопытная для знатоков Искусства. – Благоприятный случай сохранил также для нас серебряную монету княжения Ярославова, на коей представлен воин с Греческою надписью: ο Γεοργιος, и с Русскою: *Ярославле сребро*: доказательство, что древняя Россия не только пользовалась чужестранными драгоценными монетами, но имела и собственные. – Стараясь о благолепии храмов, приятном для глаз, Великий Князь желал, чтобы и слух молящихся находил там удовольствие: пишут, что около половины XI столетия выехали к нам певцы Греческие, научившие Российских церковников согласному *Демественному* пению.

Интерьер киевского Софийского собора

Двор Ярославов, окруженный блеском величия, служил убежищем для Государей и Князей несчастных. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олоф *Святый*, Король Норвежский, лишенный трона, требовал защиты Российского Монарха. Ярослав принял его с особенным дружелюбием и хотел дать ему в управление знаменитую область в Государстве своем; но сей Король, обольщенный сновидением и надеждою победить Канута, завоевателя Норвегии, выехал из России, оставив в ней юного сына своего, Магнуса, который после царствовал в Скандинавии. Дети мужественного Короля Английского, Эдмунда, изгнанные Канутом, Эдвин и Эдвард, также Принц Венгерский, Андрей (не быв еще зятем Ярославовым), вместе с братом своим Левентою искали безопасности в нашем отечестве. – Ярослав с таким же великодушием принял Князя Варяжского Симона, который, будучи изгнан дядею, *Якуном Слепым*, со многими единоземцами вступил в Российскую службу и сделался первым Вельможею юного Всеволода.

Мы сказали, что Ярослав не принадлежит к числу завоевателей; однако ж вероятно, что в *его* княжение область Новогородская распространилась на Восток и Север. Жители Перми, окрестностей Печорских, Югра, были уже в XI веке данниками Новогородскими (Нестор знал и диких Самоедов, которые обитали к Северу от Югры): завоевание столь отдаленное не могло вдруг совершиться, и россиянам надлежало прежде овладеть всеми ближайшими местами Архангельской и Вологодской Губернии, древним отечеством народов Чудских, славным в Северных летописях под именем Биармии. Там, на берегах Двины, в начале XI века, по сказанию Исландцев, был торговый город, где съезжались летом купцы Скандинавские и где Норвежцы, отправленные в Биармию Св. Олофом, Ярославовым современником, ограбили кладбище и похитили украшение Финского идола Йомалы. Баснословие их Стихотворцев о чудесном великолепии сего храма и богатстве жителей не входит в Историю; но жители Биармии могли некоторыми произведениями земли своей, солью, железом, мехами торговать с Норвежцами, открывшими в IX веке путь к устью Двины, и даже с Камскими Болгарами, посредством рек судоходных. Занимаясь рыбною и звериною ловлею, огражденные с одной стороны морями хладными, а с другой лесами дремучими, они спокойно наслаждались независимостию, до самого того времени, как смелые и предприимчивые новогородцы сблизились

с ними чрез область Белозерскую и покорили их, в княжение Владимира или Ярослава. Сия земля, от Белаозера до реки Печоры, была названа Заволочьем и мало-помалу населена выходцами Новогородскими, которые принесли туда с собою и Веру Христианскую (по достоверным историческим свидетельствам нам известно, что в XII веке уже существовали монастыри на берегах Двины). Скоро отдаленный хребет гор Уральских, идущий от Новой Земли к Югу и бывший несколько времени предметом баснословия в нашем отечестве, сделался как бы границею России, и новогородцы нашли способ получать естественные, драгоценные произведения Сибири чрез своих Югорских данников, которые выменивали оные у тамошних обитателей на железные орудия и другие дешевые вещи.

Наконец блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого Монарха. Сему Князю приписывают древнейшее *собрание* наших гражданских уставов, известное под именем *Русской Правды*. Еще в Олегово время россияне имели законы; но Ярослав, *может быть*, отменил некоторые, исправил другие и первый издал законы *письменные* на языке Славянском. Они, конечно, были государственными или *общими*, хотя древние списки их сохранились единственно в Новегороде и заключают в себе некоторые *особенные* или местные учреждения. Сей остаток древности, подобный *двенадцати доскам* Рима, есть верное зерцало тогдашнего гражданского состояния России и драгоценен для Истории: предлагаем его здесь в извлечении.

Глава III
Правда Русская, или законы Ярославовы

Главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: устав Ярославов утверждает ту и другую следующим образом:

I. «Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертию; а когда не будет мстителей, то с убийцы взыскать деньгами в Казну: за голову боярина Княжеского, Тиуна *Огнищан*, или граждан именитых, и Тиуна *Конюшего* – 80 гривен или двойную Виру; за Княжеского Отрока или Гридня, *повара, конюха*, купца, Тиуна и Мечника Боярского, за всякого Людина, то есть свободного человека, Русского (Варяжского племени) или Славянина – 40 гривен или Виру, а за убиение жены полвиры. За раба нет Виры; но кто убил его безвинно, должен платить господину так называемый урок, или цену убитого: за Тиуна *сельского* или старосту Княжеского и Боярского, за ремесленника, дядьку или пестуна, и за кормилицу 12 гривен, за простого холопа Боярского и Людского 5 гривен, за рабу шесть гривен, и сверх того в Казну 12 гривен *продажи*», дани или пени.

Мы уже имели случай заметить, что россияне получили свои гражданские уставы от Скандинавов. Желая утвердить семейственные связи, нужные для безопасности, личной в новых обществах, все народы Германские давали родственникам убитого право лишить жизни убийцу или взять с него деньги, определяя разные пени или Виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянию убитых, ничтожные в сравнении с нынешнею ценою вещей, но тягостные по тогдашней редкости денег. Законодатели берегли жизнь людей, нужных для государственного могущества, и думали, что денежная пеня может отвращать злодеяния. Дети Ярославовы, как увидим, отменили даже и законную месть родственников.

Сия уголовная статья весьма ясно представляет нам гражданские степени древней России. Бояре и Тиуны Княжеские занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитого чиновника: второе есть Скандинавское или древнее Немецкое Thaegn, Thiangn, Diakn, *муж честный*, vir probus; так вообще назывались Дворяне Англо-Саксонские, иногда дружина Государей, Графы и проч. – Люди военные, придворные, купцы и земледельцы свободные принадлежали ко второй степени; к третьей, или нижайшей, холопы Княжеские, Боярские и монастырские, которые не имели никаких собственных прав гражданских. Древнейшими рабами в отечестве нашем, были, конечно, потомки военнопленных; но в сие время – то есть в XI веке – уже разные причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говорит, что «холопом *обельным*, или полным, бывает 1) человек, купленный при свидетелях; 2) кто не может удовольствовать своих заимодавцев; 3) кто женится на рабе без всякого условия; 4) кто без условия же пойдет в слуги или в ключники, и 5) *закуп*, то есть наемник или на время закабаленный человек, который, не выслужив срока, уйдет и не докажет, что он ходил к Князю или судьям искать управы на господина. Но служба не делает вольного рабом. Наемники могут всегда отойти от господина, возвратив ему не заработанные ими деньги. Вольный слуга, обманом проданный за холопа, совершенно освобождается от кабалы, а продавец вносит в Казну 12 гривен пени».

II. «Ежели кто убьет человека в ссоре или в пьянстве и скроется, то *Вервь*, или округа, где совершилось убийство, платит за него пеню» – которая называлась в таком случае *дикою Вирою* – «но в разные сроки, и в несколько лет, для облегчения жителей. За найденное мертвое тело человека неизвестного Вервь не ответствует. – Когда же убийца не скроется, то с округи или с волости взыскать половину Виры, а другую с самого убийцы». Закон весьма благоразумный в тогдашние времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченного вином или ссорою, он побуждал всякого быть миротворцем, чтобы в случае убийства не платить вместе с виновным. – «Ежели убийство сделается без всякой ссоры, то волость не платит за убийцу, но выдает

его *на поток*» – *или* в руки Государю – «с женою, с детьми и с имением». Устав жестокий и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дети ответствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностию.*

III. Как древние Немецкие, так и Ярославовы законы определяли особенную пеню за всякое действие насилия: «за удар мечом необнаженным, или его рукояткою, тростию, чашею, стаканом, пястию 12 гривен; за удар палицею и жердию 3 гривны, за всякой толчок и за рану легкую 3 гривны, а раненному гривну на леченье». Следственно, гораздо неизвинительнее было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканом, нежели тяжелою палицею или самым острым мечом. Угадаем ли мысль Законодателя? Когда человек в ссоре *обнажал* меч, брал палицу или жердь, тогда противник его, *видя опасность*, имел время изготовиться к обороне или удалиться. Но рукою или домашним сосудом можно было ударить *незапно*, также мечом необнаженным и тростию: ибо воин *обыкновенно* носил меч и всякий человек *обыкновенно* ходил с тростию: то и другое не заставляло остерегаться. Далее: «За повреждение ноги, руки, глаза, носа виновный платит 20 гривен в Казну, а самому изувеченному 10 гривен; за выдернутый клок бороды 12 гривен в Казну; за выбитый зуб то же, а самому битому гривну; за отрубленный палец 3 гривны в Казну, и раненному гривну. Кто погрозит мечом, с того взять гривну пени; кто же вынул его для обороны, тот не подвергается никакому взысканию, ежели и ранит своего противника. Кто самовольно, без Княжеского повеления, накажет *Огнищанина* (именитого гражданина) или *Смерда* (земледельца и простого человека), «платит за первого 12 гривен Князю, за второго 3 гривны, а битому гривну в том и в другом случае. Если холоп ударит свободного человека и скроется, а господин не выдаст его, то взыскать с господина 12 гривен. Истец же имеет право везде умертвить раба, своего обидчика». Дети Ярославовы, отменив сию казнь, дали истцу одно право бить виновного холопа или взять за бесчестье гривну. – «Если господин в пьянстве и без вины телесно накажет *закупа*, или слугу наемного, то платит ему как свободному». – Большая часть денежной пени, как видим, шла обыкновенно в Казну: ибо всякое нарушение порядка считалось оскорблением Государя, блюстителя общей безопасности.

IV. «Когда на Двор Княжеский» – где обыкновенно судились дела – «придет истец, окровавленный или в синих пятнах, то ему не нужно представлять иного свидетельства; а ежели нет знаков, то представляет очевидцев драки, и виновник ее платит 60 *кун*» (см. ниже). «Ежели истец будет окровавлен, а свидетели покажут, что он сам начал драку, то ему нет удовлетворения».

Оградив личную безопасность, Законодатель старался утвердить целость собственности в гражданской жизни.

V. «Всякий имеет право убить ночного татя на воровстве; а кто продержит его связанного *до света*, тот обязан идти с ним на Княжеский Двор. Убиение татя взятого и связанного есть преступление, и виновный платит в Казну 12 гривен. Тать *коневый* выдается головою Князю и теряет все права гражданские, вольность и собственность». Столь уважаем был конь, верный слуга человеку на войне, в земледелии и в путешествиях! Древние Саксонские законы осуждали на смерть всякого, кто уведет чужую лошадь. – Далее: «С вора *клетного*» – т. е. домашнего или горничного – «взыскивается в Казну 3 гривны, с вора *житного*, который унесет хлеб из *ямы* или с гумна, 3 гривны и 30 кун; хозяин же берет свое жито, и еще полгривны с вора. – Кто украдет скот в хлеве или в доме, платит в Казну 3 гривны и 30 кун, а кто в поле, тот 60 кун» (первое считалось важнейшим преступлением: ибо вор нарушал тогда спокойствие хозяина): «сверх чего за всякую скотину, которая не возвращена лицом, хозяин берет определенную цену: за коня *Княжего* 3 гривны, за простого 2, за кобылу 60 кун, за жеребца неезжалого гривну, за жеребенка 6 ногат, за вола гривну, за корову 40 кун, за трехлетнего быка 30 кун, за годовика полгривны, за теленка, овцу и свинью 5 кун, за барана и поросенка ногату».

Статья любопытная: ибо она показывает тогдашнюю оценку вещей. В гривне было 20 *ногат* или 50 *резаней*, а 2 резани составляли одну *куну*. Сими именами означались мелкие кожаные монеты, ходившие в России и в Ливонии.

VI. «За бобра, украденного из норы, определяется 12 гривен пени». Здесь говорится о бобрах *племянных*, с коими хозяин лишался всего возможного приплода. – «Если в чьем владении будет изрыта земля, найдутся сети или другие признаки воровской ловли, то Вервь должна сыскать виновного или заплатить пеню».

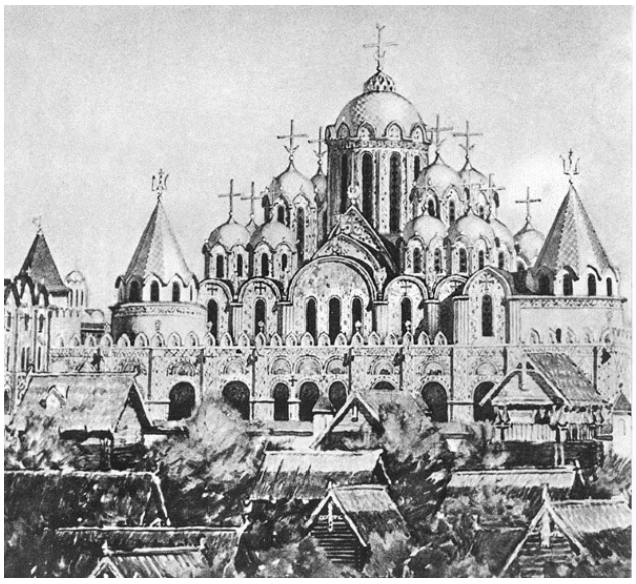
VII. «Кто умышленно зарежет чужого коня или другую скотину, платит 12 гривен в Казну, а хозяину гривну». Злоба бесчестила граждан менее, нежели воровство: тем более долженствовали законы обуздывать оную.

VIII. «Кто стешет *бортные* знаки или запашет межу полевую, или перегородит дворовую, или срубит бортную грань, или *дуб* гранный или межевый столп, с того взять в Казну 12 гривен». Следственно, всякое сельское владение имело свои пределы, утвержденные Гражданским Правительством, и знаки их были священны для народа.

IX. «За борть ссеченную виновный дает 3 гривны пени в Казну, за дерево полгривны, за выдрание пчел 3 гривны, а хозяину за мед нелаженного улья 10 кун, за лаженный 5 кун». Читателю известно, что есть *бортное* ухожье: дупла служили тогда ульями, а леса единственными пчельниками. – «Ежели тать скроется, должно искать его по следу, но с чужими людьми и свидетелями. Кто не отведет следа от своего жилища, тот виноват; но буде след кончится у гостиницы или на пустом, незастроенном месте, то взыскания нет».

X. «Кто срубит шест под сетию птицелова или отрежет ее веревки, платит 3 гривны в Казну, а птицелову гривну; за украденного сокола или ястреба 3 гривны в Казну, а птицелову гривну; за голубя 9 кун, за куропатку 9 кун, за утку 30 кун; за гуся, журавля и лебедя то же». Сею чрезмерною пенею Законодатель хотел обеспечить тогдашних многочисленных птицеловов в их промысле.

XI. «За покражу сена и дров 9 кун в Казну, а хозяину за каждый воз по две ногаты».



Панорама Верхнего Киева в конце XI в. Реконструкция

XII. «Вор за ладию платит 60 кун в Казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за *набойную* 2 гривны, за струг гривну, за челн 8 кун, если не может лицом возвратить украденного». Имя *набойная* происходит от досок, *набиваемых* сверх краев мелкого судна, для возвышения боков его.

XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается головою Князю со всем имением, из коего надобно прежде вознаградить убыток, понесенный хозяином гумна или дома».

XIV. «Если обличатся в воровстве холопи Княжеские, Бояр или простых граждан, то с них не брать в Казну пени (взыскиваемой единственно с людей свободных); но они должны платить истцу вдвое: например, взяв обратно свою украденную лошадь, истец требует еще за оную 2 гривны – разумеется, с господина, который обязан или выкупить своего холопа, или головою выдать его, вместе с другими участниками сего воровства, кроме их жен и детей. Ежели холоп, обокрав кого, уйдет, то господин платит за всякую унесенную им вещь по цене обыкновенной. – За воровство слуги наемного господин не ответствует; но если внесут за него пеню, то берет слугу в рабы или может продать».

А. Д. Кившенко. Ярослав Мудрый. Чтение народу «Русской Правды»

XV. «Утратив одежду, оружие, хозяин должен заявить на торгу; опознав вещь у *горожанина*, идет с ним *на свод*, то есть спрашивает, где он взял ее? и переходя таким образом от человека к человеку, отыскивает действительного вора, который платит за вину 3 гривны; а вещь остается в руках хозяина. Но ежели ссылка пойдет на жителей *уездных*, то истцу взять за украденное деньги с *третьего* ответчика, который идет с поличным далее, и наконец отысканный вор платит за все по закону. – Кто скажет, что краденое куплено им у человека неизвестного или жителя иной области, тому надобно представить двух свидетелей, граждан свободных, или мытника (сборщика пошлин), чтобы они клятвою утвердили истину слов его. В таком случае хозяин берет свое лицом, а купец лишается вещи, но может отыскивать продавца».

XVI. «Ежели *будет украден холоп*, то господин, опознав его, также идет с ним на свод от человека к человеку, и *третий* ответчик дает ему *своего* холопа, но с украденным идет далее. Отысканный виновник платит все убытки и 12 гривен пени Князю; а *третий* ответчик берет обратно холопа, отданного им в залог вместо сведенного».

XVII. «О *беглом* холопе господин объявляет на торгу, и ежели чрез три дни опознает его в чьем доме, то хозяин сего дому, возвратив укрытого беглеца, платит еще в Казну 3 гривны. – Кто беглецу даст хлеба или укажет путь, тот платит господину 5 гривен, а за рабу 6, или клянется, что он не слыхал об их бегстве. Кто представит ушедшего холопа, тому дает господин гривну; а кто упустит задержанного беглеца, платит господину 4 гривны, а за рабу 5 гривен: в первом случае пятая, а во втором шестая уступается ему за то, что он поймал беглых. – Кто сам найдет раба своего в городе, тот берет Посадникова Отрока и дает ему 10 кун за связание беглеца».

XVIII. «Кто возьмет чужого холопа в кабалу, тот лишается данных холопу денег или должен присягнуть, что он считал его свободным: в таком случае господин выкупает раба и берет все имение, приобретенное сим рабом».

XIX. «Кто, не спросив у хозяина, сядет на чужого коня, тот платит в наказание 3 гривны» – то есть всю цену лошади. Сей закон елово в слово есть повторение древнего Ютландского и еще более доказывает, что гражданские уставы Норманов были основанием Российских.

XX. «Ежели наемник потеряет собственную лошадь, то ему не за что ответствовать; а ежели утратит плуг и борону господскую, то обязан платить или доказать, что сии вещи украдены в его отсутствие и что он был послан со двора за господским делом». Итак, владельцы обрабатывали свои земли не одними холопами, но и людьми наемными. – «Вольный слуга не ответствует за скотину, уведенную из хлева; но когда растеряет оную в поле или не загонит на двор, то платит. – Ежели господин обидит слугу и не выдаст ему полного жалованья, то обидчик, удовольствовав истца, вносит 60 кун пени; ежели насильственно отнимет у него деньги, то, возвратив их, платит еще в Казну 3 гривны».

XXI. «Ежели кто будет требовать своих денег с должника, а должник запрется, то истец представляет свидетелей. Когда они поклянутся в справедливости его требования, заимодавец берет свои деньги и еще 3 гривны в удовлетворение. – Ежели заем не свыше трех гривен, то заимодавец один присягает; но больший иск требует свидетелей или без них уничтожается».

XXII. «Если купец поверил деньги купцу для торговли и должник начнет запираться, то свидетелей не спрашивать, но ответчик сам присягает». Законодатель хотел, кажется, изъявить в сем случае особенную доверенность к людям торговым, которых дела бывают основаны на чести и Вере.

XXIII. «Если кто многим должен, а купец *иностранный*, не зная ничего, поверит ему товар: в таком случае продать должника со всем его имением, и *первыми* вырученными деньгами удовольствовать иностранца или Казну; остальное же разделить между прочими заимодавцами: но кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег».

XXIV. «Ежели чужие товары или деньги у купца потонут, или сгорят, или будут отняты неприятелем, то купец не ответствует ни головою, ни вольностию и может разложить платеж в сроки: ибо власть Божия и несчастие не суть вина человека. Но если купец в пьянстве утратит вверенный ему товар или промотает его, или испортит от небрежения: то заимодавцы поступят с ним, как им угодно: отсрочат ли платеж, или продадут должника в неволю».

XXV. «Если холоп *обманом*, под именем вольного человека, испросит у кого деньги, то господин его должен или заплатить, или отказаться от раба; но кто поверит *известному* холопу, лишается денег. – Господин, позволив рабу торговать, обязан платить за него долги».

XXVI. «Если гражданин отдаст свои пожитки на сохранение другому, то в свидетелях нет нужды. Кто будет запираться в принятии вещей, должен утвердить клятвою, что не брал их. Тогда он прав: ибо имение поверяют единственно таким людям, коих честь известна; и кто берет его на сохранение, тот оказывает услугу».

XXVII. «Кто отдает деньги в рост или мед и жито взаймы, тому в случае спора представить свидетелей и взять все по сделанному договору. *Месячные* росты берутся единственно за малое время; а кто останется должным целый год, платит уже *третные*, а не *месячные*». Мы не знаем, в чем состояли те и другие, основанные на всеобщем обыкновении тогдашнего времени; но ясно, что последние были гораздо тягостнее и что законодатель хотел облегчить судьбу должников. – «Законы позволяют брать 10 кун с гривны на год» – то есть сорок на сто. В землях, где торговля, художества и промышленность цветут из давних времен, деньги теряют цену от своего множества. В Голландии, в Англии заимодавцы довольствуются самым малым прибытком; но в странах, подобно древней России, богатых только грубыми естественными произведениями, а не монетою, – в странах, где первобытная дикость нравов уже смягчается навыками гражданскими; где новая внутренняя и внешняя торговля знакомит людей с выгодами роскоши, – деньги имеют высокую цену, и лихоимство пользуется их редкостию.

Следуют общие постановления для улики и оправдания:

XXVIII. «Всякий уголовный донос требует свидетельства и присяги семи человек; но Варяг и чужестранец обязывается представить только двух. Когда дело идет единственно о побоях легких, то нужны вообще два свидетеля; но чужестранца никогда нельзя обвинить без семи». Итак, древние наши законы особенно покровительствовали иноземцев.

XXIX. «Свидетели должны быть всегда граждане свободные; только по нужде и в малом иске дозволено сослаться на Тиуна *Боярского* или закабаленного слугу». (Следственно, Боярские Тиуны не были свободные люди, хотя жизнь их, как означено в первой статье, ценилась равно с жизнию вольных граждан.) – «Но истец может воспользоваться свидетельством раба и требовать, чтобы ответчик оправдался *испытанием железа*. Если последний окажется виновным, то платит иск; если оправдается, то истец дает ему за муку гривну и в Казну 40 кун, Мечнику 5 кун, Княжескому Отроку полгривны (что называется *железною пошлиною*). Когда же ответчик вызван на сие испытание по неясному свидетельству людей свободных, то, оправдав себя, не берет ничего с истца, который платит единственно пошлину в Казну. – Не имея никаких свидетелей, сам истец доказывает правость свою *железом*: чем решить всякие тяжбы в убийстве, воровстве и поклепе, ежели иск стоит полугривны золота; а ежели менее, то испытывать *водою*; в двух же гривнах и менее достаточна одна истцова присяга».

Законы суть дополнения летописей: без Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древние россияне, подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников: обыкновение безрассудное и жестокое, славное в истории средних веков под именем *суда Небесного*. Обвиняемый брал в голую руку железо раскаленное или вынимал ею кольцо из кипятка: после чего судьям надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели через три дня не оставалось язвы или знака на ее коже, то невинность была доказана. Ум здравый и самая Вера истинная долго не могли истребить сего устава языческих времен, и Христианские Пастыри торжественно освящали железо и воду для испытания добродетели или злодейства не только простых граждан, но и самых Государей в случае клеветы или важного подозрения. Народ думал, что Богу легко сделать чудо для спасения невинного; но хитрость судей пристрастных могла обманывать зрителей и спасать виновных.

Древнейшие законы всех народов были уголовные; но Ярославовы определяют и важные права наследственности.

XXX. «Когда простолюдин умрет бездетен, то все его имение взять в Казну; буде остались дочери незамужние, то им дать некоторую часть оного. Но Князь не может наследовать после Бояр и мужей, составляющих воинскую дружину; если они не имеют сыновей, то наследуют дочери». Но когда не было и последних? Родственники ли брали имение или Князь?… Здесь видим законное, важное преимущество чиновников воинских.

XXXI. «Завещание умершего исполняется в точности. Буде он не изъявил воли своей, в таком случае отдать все детям, а часть в церковь для спасения его души. Двор отцевский всегда без раздела принадлежит меньшему сыну» – как юнейшему и менее других способному наживать доход.

XXXII. «Вдова берет, что назначил ей муж: впрочем она не есть наследница. – Дети первой жены наследуют ее достояние или вено, назначенное отцом для их матери. Сестра ничего не имеет, кроме добровольного приданого от своих братьев».

XXXIII. «Если жена, дав слово остаться вдовою, проживет имение и выйдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое. Но дети не могут согнать вдовствующей матери со двора или отнять, что отдано ей супругом. Она властна избрать себе одного наследника из детей или дать всем равную часть. Ежели мать умрет *без языка*, или без завещания, то сын или дочь, у коих она жила, наследуют все ее достояние».

XXXIV. «Если будут дети разных отцов, но одной матери, то каждый сын берет отцевское. Если второй муж расхитил имение первого и сам умер, то дети его возвращают оное детям первого, согласно с показанием свидетелей».

XXXV. «Если братья станут тягаться о наследии пред князем, то Отрок Княжеский, посланный для их раздела, получает гривну за труд».

XXXVI. «Ежели останутся дети малолетние, а мать выйдет замуж, то отдать их при свидетелях на руки ближнему родственнику, с имением и с домом; а что сей опекун присовокупит к оному, то возьмет себе за труд и попечение о малолетних; но приплод от рабов и скота остается детям. – За все утраченное платит опекун, коим может быть и сам вотчим».

XXXVII. «Дети, прижитые с рабою, не участвуют в наследии, но получают свободу, и с материю».

Главою правосудия вообще был Князь, а Двор Княжеский обыкновенным местом суда. Но Государь поручал сию власть Тиунам и своим Отрокам. – Чиновники, которым надлежало решить уголовные дела, назывались *Вирниками*, и каждый судья имел помощника, или Отрока, *Метельника*, или писца. Они брали запас от граждан и пошлину с каждого дела. – Вирнику и писцу его, для объезда волости, давали лошадей.

В одном из новогородских списков Ярославовой *Правды* сказано, что истец во всякой тяжбе должен идти с ответчиком *на извод перед 12 граждан* – может быть, Присяжных, которые разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и взыскивать пеню. Так было и в Скандинавии, откуда сей мудрый устав перешел в Великобританию. Англичане наблюдают его доныне в делах уголовных. Саксон Грамматик повествует, что в VIII веке Рагнар Лодброк, Король Датский, первый учредил думу двенадцати Присяжных.

Таким образом, устав Ярославов содержит в себе полную систему нашего древнего законодательства, сообразную с тогдашними нравами. В нем не упоминается о некоторых возможных злодеяниях, например: о смертной отраве (как в 12 досках Рима), о насилии женщин (и проч.): для того ли, что первое было необыкновенно в России, а второе казалось законодателю сомнительным и неясным в доказательствах? Не упоминается также о многих условиях и сделках, весьма обыкновенных в самом начале гражданских обществ; но взаимная польза быть верным в слове и честь служили вместо законов.

Приметим, что древние свободные россияне не терпели никаких *телесных* наказаний: виновный платил или жизнию, или вольностию, или деньгами – и скажем о сих законах то же, что Монтескье говорит вообще о Германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кратки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти.

Предложим еще одно замечание: Германцы, овладев Европою, не давали всех гражданских прав своих народам покоренным: так, по уставу Салическому, за убиение Франка надлежало платить 200 су, и вдвое менее за убиение Римлянина. Но законы Ярославовы не полагают никакого различия между россиянами Варяжского племени и Славянами: сим обстоятельством можно утвердить вероятность Несторова сказания, что Князья Варяжские *не завоевали* нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государством.

Ярославу же приписывают древний устав Новогородский о *мостовых*, по коему знаем, что сей город, тогда уже весьма обширный, разделялся на Части, или Концы (Словенский, Неревский, Горничьский, Людин, Плотинский), а жители на *Сотни*, означаемые именами их Старейшин; что одна улица называлась *Добрыниною* (в память сего знаменитого Воеводы и дяди Владимирова), а главный ряд *Великим* рядом; что Немцы или Варяги, Готы или Готландцы, привлеченные в Новгород торговлею, жили в особенных улицах, и проч. – Но так называемый Церковный Устав Ярославов, о коем упоминают новейшие Летописцы и коего имеем разные списки, есть без сомнения подложный, сочиненный около XIV столетия. Подобно мнимому Владимирову, он дает Епископам исключительное право судить оскорбление женского целомудрия, всякие обиды, делаемые слабому полу, развод, кровосмешение, ссоры детей с родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Устав не согласен с *Русскою Прав-*

дою и, кроме нелепостей, содержит в себе выражения и слова новейших времен; например, определяет пени *рублями*, еще не употребительными в денежном счете времен Ярославовых.

Глава IV
Великий князь Изяслав, названный в крещении Димитрием. 1054-1077

Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастие, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет. Историк чужеземный не мог бы с удовольствием писать о сих временах, скудных делами славы и богатых ничтожными распрями многочисленных Властителей, коих тени, обагренные кровию бедных подданных, мелькают пред его глазами в сумраке веков отдаленных. Но Россия нам отечество: ее судьба и в славе и в уничижении равно для нас достопамятна. Мы хотим обозреть весь путь Государства Российского от начала до нынешней степени оного. Увидим толпу Князей недостойных и слабых; но среди их увидим и Героев добродетели, сильных мышцею и душою. В темной картине междоусобия, неустройств, бедствий, являются также яркие черты ума народного, свойства, нравов, драгоценные своею древностию. Одним словом, История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество.

Князь Изяслав I. Гравюра 1805 г.

Дети Ярославовы, исполняя его завещание, разделили по себе Государство. Область Изяславова, сверх Новагорода, простиралась от Киева на Юг и Запад до гор Карпатских, Польши и Литвы. Князь Черниговский взял еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муром и страну Вятичей; Всеволод, кроме Переяславля, Ростов, Суздаль, Белоозеро и *Поволжье*, или берега Волги. Смоленская область заключала в себе нынешнюю Губернию сего имени с некоторою частию Витебской, Псковской, Калужской и Московской. Пятый сын Ярославов, Игорь, получил от старшего брата, в *частный* Удел, город Владимир. Князь Полоцкий, внук славной Рогнеды, Брячислав, умер еще в 1044 году: сын его, Всеслав, наследовал Удел отца – и Россия имела тогда шесть юных Государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лет: россияне вооружались только против внешних неприятелей. Изяслав победил Голядов, жителей, как вероятно, Прусской *Галиндии*, народ Латышский; а Всеволод Торков, восточных соседов Переяславской области, которые, услышав, что и Великий Князь, вместе с Черниговским и Полоцким, идет на них сухим путем и водою, удалились от пределов России: жестокая зима, голод и мор истребили большую часть сего народа. – Но отечество наше, избавленное от Торков, с ужасом видело приближение иных варваров, дотоле неизвестных в истории мира.

Еще в 1055 году Половцы, или Команы, входили в область Переяславскую: тогда Князь их, Болуш, заключил мир со Всеволодом. Сей народ кочующий, единоплеменный с Печенегами и, вероятно, с нынешними Киргизами, обитал в степях Азиатских, близ моря Каспийского; вытеснил Узов (именуемых, как вероятно, Торками в нашей летописи); принудил многих из них бежать к Дунаю (где они частию погибли от язвы, частию поддалися Грекам); изгнал, кажется, Печенегов из нынешней юго-восточной России и занял берега Черного моря до Молдавии, ужасая все Государства соседственные: Греческую Империю, Венгрию и другие. – О нравах его говорят Летописцы с омерзением: грабеж и кровопролитие служили ему забавою, шатры всегдашним жилищем, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животных и стерво обыкновенною пищею. – Мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием, и в 1061 году Половцы, не имея терпения дождаться лета, с Князем своим Секалом зимою ворвались в области Российские, победили Всеволода и с добычею возвратились к Дону.

С сего времени начинаются бедствия России, и Летописец сказывает, что Небо предвестило их многими ужасными чудесами; что река Волхов шла вверх пять дней; что кровавая звезда целую неделю являлась на Западе, солнце утратило свое обыкновенное сияние и восходило без лучей, подобно месяцу; что рыболовы Киевские извлекли в неводе какого-то удивительного мертвого урода, брошенного в Днепр. Сии сказки достойны некоторого замечания, изъявляя страшное впечатление, оставленное в уме современников тогдашними несчастиями Государства. «Небо правосудно! – говорит Нестор: – оно наказывает россиян за их беззакония. Мы именуемся Христианами, а живем как язычники; храмы пусты, а на игрищах толпятся люди; в храмах безмолвие, а в домах трубы, гусли и скоморохи». – Сия укоризна, без сомнения, не исправила современников, но осталась для потомства любопытным известием о тогдашних нравах.

Дети Ярославовы еще не нарушали завещания родительского и жили дружно. Изяслав считал себя более равным, нежели Государем братьев своих: так они, по смерти Вячеслава в 1057 году, с *общего согласия* отдали Смоленск Игорю (чрез два года потом умершему) и, вспомнив о заточенном дяде, Судиславе, возвратили ему свободу. Сей несчастный сын Великого Владимира, двадцать четыре года сидев в темнице, клятвенно отказался от всяких требований властолюбия, даже от самого света, постригся и кончил жизнь в Киевском монастыре Св. Георгия.

Первым поводом к междоусобию было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владимир Ярославич оставил сына, Ростислава, который, не имея никакого Удела, жил праздно в Новегороде. Будучи отважен и славолюбив, он подговорил с собою некоторых молодых людей; вместе с Вышатою, сыном Новогородского Изяславова Посадника Остромира, ушел в Тмуторокань и выгнал юного Князя, Глеба Святославича, который управлял сею Азовскою областию. Святослав спешил туда с войском: племянник его, уважая дядю, отдал ему город без сопротивления; но когда Черниговский Князь удалился, Ростислав снова овладел Тмутороканем. Скоро народы горские, Касоги и другие, должны были признать себя данниками юного Героя, так, что его славолюбие и счастие устрашили Греков, которые господствовали в Тавриде: они подослали к сему Князю своего знатного чиновника, Катапана или Префекта, умевшего вкрасться к нему в доверенность; и в то время, как Ростислав, угощая мнимого друга, пил с ним вино, Катапан, имея под ногтем скрытый яд, впустил его в чашу, отравил Князя, уехал в Хер-

сон и торжественно объявил жителям, что завоеватель Тмутороканский умрет в седьмой день. Предсказание исполнилось; но Херсонцы, гнушаясь таким коварством, убили сего злодея камнями. Безвременная кончина мужественного Ростислава, отца трех сыновей, была в тогдашних обстоятельствах несчастием для России: он мог бы лучше других защитить отечество и сохранить по крайней мере воинскую его славу. Нестор описывает сего юношу, прекрасного и благовидного, не только храбрым в битвах, но и добрым, чувствительным, великодушным.

Приход Святослава Ярославича Черниговского в Тмутаракань и поставление им на княжеский престол своего сына Глеба Святославича. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Святослав не мог вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что в Государстве явился новый неприятель: Князь Полоцкий. Сей правнук Рогнедин ненавидел детей Ярославовых и считал себя законным наследником престола Великокняжеского: ибо дед его, Изяслав, был старшим сыном Св. Владимира. Современный Летописец называет Всеслава злым и кровожадным, суеверно приписывая сию жестокость какой-то волшебной повязке, носимой сим Князем для закрытия природной на голове язвины. Всеслав, без успеха осаждав Псков, неожидаемо завоевал Новгород; пленил многих жителей; не пощадил и святыни церквей, ограбив Софийскую. Оскорбленные такою наглостию, Ярославичи соединили силы свои и, несмотря на жестокую зиму, осадили Минск в Княжестве Полоцком; взяли его, умертвили граждан, а жен и детей отдали в плен воинам. Всеслав сошелся с неприятелями на берегах Немана, покрытых глубоким снегом. Множество россиян с обеих сторон легло на месте. Великий Князь победил; но, еще страшась племянника, вступил с ним в мирные переговоры и звал его к себе. Всеслав, поверив клятве Ярославичей, что они не сделают ему никакого зла, переехал Днепр на лодке близ Смоленска. Великий Князь встретил его, ввел в шатер свой и отдал в руки воинам: несчастного взяли вместе с двумя сыновьями, отвезли в Киев и заключили в темницу.

[1067–1068 гг.] Провидение наказало вероломных: там, где отец их одержал славную победу над Святополком и Печенегами, на берегах Альты, чрез несколько месяцев Изяслав и братья его в ночном сражении были наголову разбиты свирепыми Половцами. Великий Князь и Всеволод ушли в Киев, а Святослав в Чернигов. Воины первого, стыдясь своего бегства, требовали Веча; собрались на торговой площади, в Киевском Подоле, и прислали сказать Изяславу, чтобы он дал им оружие и коней для вторичной битвы с Половцами. Великий Князь, оскорбленный сим своевольством, не хотел исполнить их желания. Сделался мятеж, и недовольные, обвиняя во всем главного Воеводу Изяславова, именем Коснячка, окружили дом его. Воевода скрылся. Мятежники разделились на две толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другие на двор Княжеский. Изяслав, сидя с дружиною в сенях, смотрел в окно, слушал укоризны народа и думал усмирить бунт словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу к заточенному Всеславу; наконец, видя остервенение черни, советовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяслав не мог ни на что решиться, и бунтовщики действительно освобо-

дили Полоцкого Князя: тогда оба Ярославича в ужасе бежали из столицы, а народ объявил Всеслава Государем своим и разграбил Дом Княжеский, похитив великое множество золота, серебра, куниц и белок.

Изяслав удалился в Польшу; но его братья спокойно княжили в своих уделах, а племянник Глеб в области Воспорской, будучи снова призван ее жителями. Князь Черниговский имел случай отмстить Половцам, которые жгли и грабили в его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, он вступил с ними в битву: 3000 россиян, ободренных примером и словами Князя, стремительно ударили на 12000 Половцев, смяли их и пленили Вождя неприятельского; множество варваров утонуло в реке Снове. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцов своих, приученных к победе Мстиславом, знаменитым сыном Владимира Великого.

Король Польский, Болеслав II, сын Марии, Владимировой дочери, и супруг неизвестной нам Княжны Российской, приняв Изяслава со всеми знаками искреннего дружелюбия как Государя несчастного и ближнего родственника, охотно согласился быть ему помощником. Всеслав допустил его до самого Белагорода; наконец выступил с войском из Киева; но, устрашенный силою Поляков и, может быть, не веря усердию своих новых подданных, ночью ушел из стана в Полоцк. россияне, сведав о бегстве его, с ужасом возвратились в Киев. Все граждане собрались на Вече и немедленно отправили Послов к Святославу и Всеволоду объявить им, что Киевляне, изгнав Государя законного, признают вину свою; но как Изяслав ведет с собою врагов иноплеменных, коих жестокость еще памятна россиянам, то граждане не могут впустить его в столицу, и прибегают в сей крайности к великодушию достойных сынов Ярослава и отечества. «Врата Киева для вас отверсты, – говорили Послы: – идите спасти град великого отца своего; а ежели не исполните нашего моления, то мы, обратив в пепел столицу России, с женами и детьми уйдем в землю Греческую». Святослав обещал за них вступиться, но требовал, чтобы они изъявили покорность Изяславу. «Когда брат мой, – сказал Черниговский Князь, – войдет в город мирно и с малочисленною дружиною, то вам нечего страшиться. Когда же он захочет предать Киев в жертву Ляхам, то мы готовы мечом отразить Изяслава, как неприятеля». В то же самое время Святослав и Всеволод известили брата о раскаянии Киевлян, советуя, чтобы он удалил Поляков, шел в столицу и забыл мщение, если не хочет быть врагом России и братьев. Великий Князь, дав слово быть милосердым, послал в Киев сына своего, Мстислава, который, в противность торжественному договору, начал как зверь свирепствовать в столице: умертвил 70 человек, освободивших Всеслава; других ослепил и жестоко наказал множество невинных, без суда, без всякого исследования. Граждане не смели жаловаться и с покорностию встретили Изяслава, въехавшего в столицу с Болеславом и с малым числом Поляков [2 мая 1069 г.].

Историки Польские говорят, что Великий Князь, обязанный Королю счастливою переменою судьбы своей, взялся содержать его войско, давал ему съестные припасы, одежду и жалованье; что Болеслав, плененный красотою места, роскошными приятностями Киева и *любезностию россиянок*, едва мог выйти из сей новой Капуи, что он на возвратном пути, в Червенской области, или Галиции, осаждал Перемышль, который, будучи весьма укреплен искусством, каменными стенами и башнями, долгое время оборонялся. Ежели сие обстоятельство справедливо, то Болеслав вышел из России неприятелем: что же могло вооружить его против Великого Князя? Сказание Нестора служит объяснением: россияне, ненавидя Поляков, тайно убивали их, и Король, устрашенный сею народною местию, подобно его знаменитому прадеду, Болеславу I, спешил оставить наше отечество.

Изяслав, через семь месяцев снова Государь Киевский, не забыл, что бедственный для него мятеж сделался на торговой площади: сие место, отдаленное от дворца, казалось ему опасным, и для того он перевел торг из Подола в верхнюю часть города: осторожность малодушная и бесполезная! Едва учредив порядок в столице, Великий Князь спешил отмстить Всеславу и, жарким приступом взяв Полоцк, отдал сей важный город в удел Мстиславу: по внезапной же

его кончине Святополку, другому своему сыну. Но в то самое время бодрый Всеслав с сильным войском явился под стенами Новагорода, где начальствовал юный Глеб Святославич, переведенный туда отцом из Тмутороканя. Ненавидя Полоцкого Князя, новогородцы сразились отчаянно, разбили его и могли бы взять в плен, но великодушно дали ему спастися бегством. – Сия война кончилась ничем: ибо деятельный Всеслав умел снова овладеть своею наследственною областию, и хотя был еще побежден Ярополком, третьим сыном Великого Князя, однако ж удержал за собою Полоцк. – Между тем бедное отечество стенало от внешних неприятелей; требовало защитников и не находило их: Половцы свободно грабили на берегах Десны.

Союз Ярославичей казался неразрывным. Изяслав, соорудив новую церковь в Вышегороде, управляемом тогда Вельможею Чудиным, вздумал поставить в ней гробы Бориса и Глеба и призвал своих братьев на сие торжество. Оно совершилось в присутствии знаменитейшего Духовенства, Бояр и народа, 2 мая [1072 г.], день в который Великий Князь, за три года пред тем, вступил с Болеславом в Киев. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и митрополит Георгий признал святость Российских Мучеников, к удовольствию Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселым пиром: три Князя обедали за одним столом, вместе с своими Боярами, и разъехались друзьями.

Сия дружба скоро обратилась в злобу. Святослав, желая большей власти, уверил Всеволода, что старший брат тайно сговаривается против них с Князем Полоцким. Они вооружились, и несчастный Изяслав вторично бежал в Польшу, надеясь, что великие сокровища, увезенные им из Киева, доставят ему сильных помощников вне Государства. Но Болеслав уже не хотел искать новых опасностей в России: взял его сокровища и (по словам Летописца) *указал ему путь от себя*. Горестный изгнанник отправился к Немецкому Императору, Генрику IV; был ему представлен в Маинце Саксонским Маркграфом Деди; поднес в дар множество серебряных и золотых сосудов, также мехов драгоценных, и требовал его заступления, обещая, как говорят Немецкие Летописцы, признать себя данником Империи. Юный и храбрый Генрик, готовимый судьбою к бедствиям гораздо ужаснейшим Изяславовых, не отказался быть защитником угнетенного. Окруженный в собственном Государстве изменниками и неприятелями, он послал в Киев Бурхарда, Трирского духовного Чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, как вероятно, и велел объявить Князьям Российским, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, несмотря на отдаленность, мужественное войско Немецкое смирит хищников. В Киеве господствовал тогда Святослав, придав, может быть, Всеволоду некоторые из южных городов: он дружелюбно угостил Послов Императорских и старался уверить их в своей справедливости. Нестор пишет, что сей Князь, подобно Иудейскому Царю Езекии, величался пред Немцами богатством казны своей и что они, видя множество золота, серебра, драгоценных паволок, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто в сравнении с мужеством и великодушием*. «Следствие доказало истину их слов, – прибавляет Нестор: – по смерти Святослава исчезли *как прах* все его сокровища». – Бурхард возвратился к Императору с дарами, которые удивили Германию. «Никогда, – говорит современный Немецкий Летописец, – не видали мы столько золота, серебра и богатых тканей». Генрик, обезоруженный щедростью Святослава и не имея, впрочем, никакого способа воевать с россиянами, утешил изгнанника одним бесполезным сожалением.

Изяслав обратился к Папе, славному в Истории Григорию VII, хотевшему быть Главою всеобщей Монархии, или Царем Царей, и послал в Рим сына своего. Жертвуя властолюбию и православием Восточной Церкви и достоинством Государя независимого, он признавал не только духовную, но и мирскую власть Папы над Россиею; требовал его защиты и жаловался ему на Короля Польского. Григорий отправил Послов к Великому Князю и к Болеславу, написав к первому следующее: «Григорий Епископ, слуга слуг Божиих, Димитрию, Князю россиян (Regi Russorum), и Княгине, супруге его, желает здравия и посылает Апостольское благословение.

Сын ваш, посетив святые места Рима, смиренно молил нас, чтобы мы властию Св. Петра утвердили его на Княжении, и дал присягу быть верным Главе Апостолов. Мы исполнили сию благую волю – согласную с вашею, как он свидетельствует, – поручили ему кормило Государства Российского именем Верховного Апостола, с тем намерением и желанием, чтобы Св. Петр сохранил ваше здравие, княжение и благое достояние до кончины живота, и сделал вас некогда сопричастником славы вечной. Желая также изъявить готовность к дальнейшим услугам, доверяем сим Послам – из коих *один вам* известен *и друг верный – изустно* переговорить с вами о всем, что есть и чего нет в письме. Приимите их с любовию, как Послов Св. Петра; благосклонно выслушайте и несомненно верьте тому, что они предложат вам от имени нашего – и проч. Всемогущий Бог да озарит сердца ваши и да приведет вас от благ временных ко славе вечной. Писано в Риме, 15 мая, Индикта XIII» (то есть 1075 году).

Таким образом Изяслав, сам не имея тогда власти над Россиею, дал повод надменному Григорию причислить сию Державу ко мнимым владениям Св. Петра, зависящим от мнимого Апостольского Наместника!.. В письме к Болеславу говорит Папа: «Беззаконно присвоив себе казну Государя Российского, ты нарушил добродетель Христианскую. Молю и заклинаю тебя именем Божиим отдать ему все взятое тобою или твоими людьми: ибо хищники не внидут в Царствие Небесное, ежели не возвратят похищенного».

Заступление гордого Папы едва ли имело какое-нибудь действие, и в следующем [1076] году юные Князья Российские, Владимир Мономах и Олег – первый Всеволодов, а вторый Святославов сын, – заключив союз с Поляками, ходили с войском в Силезию помогать Болеславу против Герцога Богемского. Но скоро обстоятельства, к счастию Изяславову, переменились. Главный враг его, Святослав, умер от разрезания какой-то затверделости, или опухоли. Тогда изгнанник ободрился: собрал несколько тысяч Поляков и вступил в Россию. Добродушный Всеволод встретил его в Волынии и, вместо битвы, предложил ему мир. Братья клялися, забыв прошедшее, умереть друзьями, и старший въехал в Киев Государем, уступив меньшему Княжение Черниговское, а сыну его, Владимиру, Смоленск.

Опасаясь честолюбия беспокойных племянников и замыслов давнишнего врага своего, Всеслава, они хотели удалить первых от всякого участия в правлении и вторично изгнать последнего. Роман *Святославич* княжил в Воспорской области: сын *Вячеславов*, Борис в самое то время, когда Изяслав и Всеволод заключали мир на границе, овладел Черниговым; но предвидя, что дяди не оставят его в покое и накажут как хищника, чрез несколько дней ушел в Тмуторокань к Роману. Князь Новогородский, Глеб, юноша прекрасный и добродушный, к общему сожалению погиб тогда в отдаленном Заволочье: Изяслав отдал его Княжение Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегород. Олег Святославич господствовал в области Владимирской: он должен был, по воле дядей своих, выехать оттуда и жить праздно в Чернигове. Князь Полоцкий довольствовался независимостию и наследственным уделом: Ярославичи объявили ему войну. Всеволод ходил к его столице и ничего более не сделал. В следующий год Владимир Мономах и Святополк выжгли только ее предместие; но Мономах возвратился к отцу с богатою добычею, дал ему и печальному Олегу роскошный обед на *красном дворе* в Чернигове и поднес Всеволоду в дар несколько фунтов золота.

Сей Олег, рожденный властолюбивым, не мог быть обольщен ласками дяди и брата; считал себя невольником в доме Всеволодовом; хотел свободы, господства; бежал в Тмуторокань и решился, вместе с Борисом Вячеславичем, искать счастия оружием. Наняв Половцев, они вошли в пределы Черниговского Княжения и разбили Всеволода. Многие знаменитые Бояре лишились тут жизни. Победители взяли Чернигов и думали, что все Государство должно признать власть их; а несчастный Всеволод ушел в Киев, где Изяслав обнял его с нежностию и сказал ему сии достопамятные слова: «Утешься, горестный брат, и вспомни, что было со мною в жизни! Отверженный народом, всегда мне любезным; лишенный престола и всего законного достояния, мог ли я чем-нибудь укорять себя? Вторично изгнанный братьями единокровными

– и за что? свидетельствуюсь Богом в моей невинности – я скитался в землях чуждых; искал сожаления иноплеменников! По крайней мере ты имеешь друга. Если нам княжить в земле Русской, то обоим; если быть изгнанными, то вместе. Я положу за тебя свою голову…» Он немедленно собрал войско. Мужественный Владимир спешил также из Смоленска к отцу своему и едва мог пробиться сквозь многочисленные толпы Половцев. Великий князь, Всеволод, Ярополк и Мономах соединенными силами обступили Чернигов. Олег и Борис находились в отсутствии; но граждане хотели обороняться. Владимир взял приступом внешние укрепления и стеснил осажденных внутри города. Узнав, что племянники идут с войском к Чернигову, Изяслав встретил их. Олег не надеялся победить четырех соединенных Князей и советовал брату вступить в мирные переговоры; но гордый Борис ответствовал ему: «Останься спокойным зрителем моей битвы с ними», – сразился близ Чернигова и заплатил жизнию за свое властолюбие. Еще кровь лилась рекою. Изяслав стоял среди пехоты: неприятельский всадник ударил его копьем в плечо: Великий Князь пал мертвый на землю. Наконец Олег обратился в бегство и с малым числом воинов ушел в Тмуторокань. – Бояре привезли тело Изяслава в ладии: на берегу жители Киевские, знатные и бедные, светские и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (как говорит Летописец) заглушал священное пение. Ярополк с Княжескою дружиною шел за трупом, оплакивая несчастную судьбу и добродетели отца своего. – Положенное в мраморную раку, тело Великого Князя было предано земле в храме Богоматери, где стоял памятник Св. Владимира.

Нестор пишет, что Изяслав, приятный лицом и величественный станом, не менее украшался и тихим нравом, любил правду, ненавидел криводушие; что он истинно простил мятежных Киевлян и не имел ни малейшего участия в жестокостях Мстиславовых; помнил только любовь Всеволода, добровольно уступившего ему Великое Княжение, и забыл вражду его; сказал, что охотно умрет за брата, и, к несчастию, сдержал слово… Верим похвале современника благоразумного, любившего отечество и добродетель; но Изяслав был столь же малодушен, сколь мягкосердечен: хотел престола, и не умел твердо сидеть на оном. Своевольные злодеяния сына в Киеве – ибо казнь без суда и нарушение слова есть всегда злодеяние – изъявляют, по крайней мере, слабость отца, который в то же самое время сделал его Князем Владетельным. Наконец бедствие Минска и вероломное заточение Всеслава согласны ли с похвалами Летописца?

Изяслав оставил свое имя в наших древних законах. По кончине родителя он призвал на совет братьев своих, Святослава и Всеволода, также умнейших Вельмож того времени: Коснячка, Воеводу ненавистного Киевлянам, Перенита, Никифора, Чудина и совершенно уничтожил смертную казнь, уставив денежную пеню за всякие убийства: по излишнему ли человеколюбию, как Владимир? или для сохранения людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащения *Вирами* казны Государей?

При Изяславе был основан славный монастырь Киевопечерский, и сам Нестор рассказывает достопамятные обстоятельства сего учреждения. Некто, житель города Любеча, одушевленный Христианским усердием, захотел видеть Святую гору, возлюбил житие Монахов Афонских и, постриженный в их обители, был назван Антонием. Игумен, наставив его в правилах монастырских, дал ему благословение и велел идти в Россию, предвидя, что он будет в нашем отечестве светилом Черноризцев. Антоний возвратился еще при князе Ярославе, обходил тогдашние монастыри Российские и близ Киева, на высоком берегу Днепровском, увидел пещеру: Иларион, будучи еще простым Иереем Берестовским, ископал оную собственными руками и часто, окруженный безмолвием дремучего леса, молился в ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларион, в сане Митрополита, пас Церковь и жил в столице. Антоний пленился красотою сего дикого уединения, остался в пещере Илариоповой и посвятил дни свои молитве. Слух о пустыннике разнесся в окрестностях: многие люди желали видеть святого мужа; сам Великий Князь Изяслав приходил к нему с своею дружиною требовать благословения. Двенадцать

Монахов, отчасти Антонием постриженных, выкопали там подземную церковь с кельями. Число их беспрестанно умножалось: Великий Князь отдал им всю гору над пещерами, где они заложили большую церковь с оградою. Смиренный Антоний не хотел начальства: поручив новую Обитель Игумену Варлааму, уединился в пещеру, однако ж не избавился от гонения. Считая Антония другом Всеславовым, Великий Князь приказал воинам ночью схватить его и вывезти из области Киевской. Но добродетельный муж скоро возвратился с честию в любимую свою пещеру и жил в ней до самой кончины, имев удовольствие видеть Лавру Киевскую в самом цветущем состоянии. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и поместьями. Святослав дал 100 гривен, или 50 фунтов золота, на строение каменного великолепного храма Печерского, призвал художников из Константинополя и своими руками начал копать ров для основания церкви. Знаменитый Варяг Симон, Вельможа Всеволодов, подарил Антонию на украшение олтаря златую цепь в 50 гривен и венец драгоценный, наследие отца его, Князя Варяжского. Св. Феодосий, преемник Варлаамов, заимствовал от Цареградского Студийского монастыря устав Черноризцев, который сделался общим для всех монастырей российских. Сей благочестивый Игумен завел в Киеве первый дом странноприимства и питал несчастных в темницах. Добродетель Феодосиева была столь уважаема, что Великий Князь нередко приходил беседовать с ним наедине, оставался у него обедать, ел хлеб, сочиво и с улыбкою говаривал, что роскошная трапеза Княжеская ему не так приятна, как монастырская. Любя Изяслава, Феодосий великодушно обличал виновного брата, гонителя его, в беззаконии. Святослав терпел сии укоризны, оправдывался, и когда святой муж входил в шумный дворец его, где часто гремела музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертном одре, Феодосий благословил Святослава и сына его, Глеба. Монахи Печерские, возбуждаемые наставлением и примером своих достойных начальников, служили ревностно Богу и человечеству; некоторые из них прияли венцы Мучеников, обращая идолопоклонников: Леонтий в Ростове, Св. Кукша в земле Вятичей (в Орловской или Калужской Губернии). Самые Вельможи, отказываясь от света, искали душевного мира в Печерской Обители. Так Варлаам, первый Игумен, сын знаменитейшего боярина Иоанна и внук славного Вышаты, ослепленного Константином Мономахом, был пострижен Антонием. Сей юноша, плененный учением святого мужа, приехал к нему со многими Отроками, которые вели навьюченных лошадей; сошел с коня, бросил к ногам Антония свою одежду Боярскую и сказал: «Вот прелесть мира! Употреби, как тебе угодно, мое бывшее имение; хочу жить в уединении и бедности».

Изяслав и его братья соблюдали неразрывную дружбу с Греками и давали им войско, которое в частых внутренних неустройствах поддерживало слабых Императоров на троне. Знаменитый Алексий Комнин, еще не Государь, но только Полководец Империи, в 1077 году, смиряя мятежника Никифора Вриения, имел с собою множество судов Российских.

Ярославичи возвратили Константинопольскому Патриарху важное право ставить Киевских Митрополитов: Георгий, преемник Иларионов, родом Грек, был прислан из Царяграда; устрашенный, может быть, раздором Князей, он чрез несколько лет выехал из нашего отечества. С того времени Церковь Российская, до самого падения Восточной Империи, зависела от Патриарха Константинопольского, и в росписи Епископств, находившихся под его ведением, считалась *семидесятым*. В знак уважения к достоинству наших Митрополитов, Патриархи обыкновенно писали к ним грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью*: честь, которую они делали только Императорам, Королям и знаменитейшим сановникам.

Успехи Христианского благочестия в России не могли искоренить языческих суеверий и мнимого чародейства. К Истории тогдашних времен относятся следующие известия Несторовы:

В 1071 году явился в Киеве волхв, который сказывал народу, что Днепр скоро потечет вверх и все земли переместятся; что Греция будет там, где Россия, а Россия там, где Греция.

Невежды верили, а благоразумные над ним смеялись, говоря ему, чтобы он сам берегся. Сей человек (пишет Нестор) действительно пропал в одну ночь без вести.

Около того же времени сделался в Ростовской области голод. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля – основанного, думаю, Великим Князем Ярославом, – ходили по Волге и в каждом селении объявляли, что бабы причиною всего зла и скрывают в *самих себе* хлеб, мед и рыбу. Люди приводили к ним матерей, сестер, жен; а мнимые волхвы, будто бы надрезывая им плеча и высыпая из своего рукава жито, кричали: «Видите, что лежало у них за кожею!» Сии злодеи с шайкою помощников убивали невинных женщин, грабили имение богатых и дошли наконец до Белаозера, где Вельможа Янь, сын Вышатин, собирал дань для Князя Святослава: он велел ловить их, и чрез несколько дней белозерцы привели к нему двух главных обманщиков, которые не хотели виниться и, доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Диавол сотворил тело человека, гниющее в могиле, а Бог душу, парящую на небеса; что Антихрист сидит в бездне; что они веруют в его могущество и знают все сокровенное от других людей. «Но знаете ли собственную вашу участь?» – сказал Янь. «Ты представишь нас Святославу, – говорили кудесники: – а если умертвишь, то будешь несчастлив». Смеясь над сею угрозою, он велел их повесить на дубу, как государственных преступников.

Не только в Скандинавии, но и в России Финны и Чудь славились волшебством, подобно как в древней Италии Тосканцы. Нестор рассказывает, что новогородцы ходили в Эстонию узнавать будущее от тамошних мудрецов, которые водились с *черными крылатыми духами*. Один из таких кудесников торжественно осуждал в Новегороде Веру Христианскую, бранил Епископа и хотел идти пешком через Волхов. Народ слушал его как человека божественного. Ревностный Епископ облачился в святительские ризы, стал на площади и, держа крест в руках, звал к себе верных Христиан. Но ослепленные граждане толпились вокруг обманщика: один Князь Глеб и дружина его приложились к святому кресту. Тогда Глеб подошел ко мнимому чародею и спросил: предвидит ли он, что будет с ним в тот день? – Волшебник ответствовал: «Я сделаю великие чудеса». «Нет!» – сказал смелый Князь – и топором рассек ему голову. Обманщик пал мертвый к ногам его, и народ уверился в своем заблуждении.

Глава V
Великий князь Всеволод. 1078-1093

Не сын Изяслава, но Всеволод наследовал престол Великокняжеский. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уважению к семейственным связям, имел во всяком случае право старейшинства и заступал место отца для племянников. – Сей Государь утвердил Святополка на Княжении Новогородском: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдал Владимир и Туров, а Мономаху Чернигов.

Роман Святославич, Князь Тмутороканский, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно начал войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили мир со Всеволодом у Переяславля и на возвратном пути умертвили Романа; а брата его, Олега, неволею отправили в Константинополь. Пользуясь несчастием Святославичей, Великий Князь прислал в Тмуторокань наместника своего, Ратибора. Но сия область Воспорская, убежище Князей обделенных, скоро была завоевана Давидом *Игоревичем* и Володарем *Ростиславичем*, внуком и правнуком Великого Ярослава, которые также недолго в ней господствовали. Изгнанник Олег, жив два года на острове Родосе, славном в Истории своими древними мудрыми законами, Науками, великолепием зданий и Колоссом огромным, возвратился в Тмуторокань и, вероятно, с помощию Греков овладел им; казнил многих виновных Козаров, его личных неприятелей, давших совет Половцам умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустил в Россию.

Князь Всеволод I. Гравюра 1805 г.

Всеволод любил мир, и видел беспрестанное кровопролитие. Полоцкий Князь осадил Смоленск: Владимир спешил туда с Черниговскою конницею; не застал Всеслава, но Смоленск, зажженный неприятелем, еще дымился в пепле. Мономах, в наказание врагу своему, огнем и мечом опустошил его землю, и чрез несколько времени взяв Минск, отнял всех рабов и скот у жителей. Таким образом сей несчастный город вторично пострадал за своего Князя. – Мужественный сын Всеволодов не выпускал меча из рук: победил Торков, обитавших близ Переяславля; два раза ходил усмирять беспокойных Вятичей, и везде гнал неутомимых злодеев Рос-

сии, Половцев, на берегах Десны, Хороля; пленял их Вождей, отбивал добычу. Но сии успехи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Российские междоусобием своим усиливали внешних неприятелей.

Л. Тарасевич. Чудеса при основании церкви Печерской

[1084–1086] Ростиславичи, воспитанные, кажется, в доме у Ярополка, бежали от него и в отсутствие дяди, который гостил у Всеволода в неделю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владимир. Всякой знаменитый мятежник, обещая грабеж и добычу, мог собирать тогда шайки усердных помощников: доказательство, сколь правление было слабо и своевольство народа необузданно! Всеволод, оскорбленный несчастием племянника, велел Мономаху идти на Ростиславичей: их выгнали, и Ярополк возвратился в свой Удел с честию. – В то же время Давид Игоревич, скитаясь в южной России и вне пределов ее, завладел Олешьем, Греческим городом близ устья Днепровского, и нагло ограбил там многих купцов: Всеволод, призвав его к себе, дал ему Дорогобуж в Волынии.

Сам Ярополк, облагодетельствованный Всеволодом, не устыдился быть врагом его: Князь слабый, послушный коварным советникам и скоро наказанный за свою безрассудность. Дядя, сведав о злых намерениях сего неблагодарного, предупредил их опасное исполнение; и слух, что Мономах идет с войском, заставил Ярополка бежать в Польшу. Владимир нашел в Луцке мать его, супругу, дружину, казну; возвратился с ними в Киев, а владение Ярополково отдал Давиду Игоревичу. – Но Ярополк, не сыскав заступников вне России, скоро умилостивил Всеволода искренним раскаянием и, заключив мир с его сыном, Мономахом, в Волынии, получил обратно свое Княжение. Судьба не дала ему времени заслужить великодушие дяди или снова быть неблагодарным. Он чрез несколько дней погиб от руки злодея, на пути в *Червенский* Звенигород: сей преступник, именем Нерядец, ехал за ним верхом вместе с другими Княжескими Отроками и вонзил саблю в бок своему Государю, покойно лежавшему на колеснице. Ярополк встал, извлек из себя окровавленное железо, громко сказал: «Умираю от коварного врага» – и скончался. Летописец не объясняет тайной причины злодейства, сказывая только, что убийца бежал в Перемышль к Рюрику, старшему из Ростиславичей, которым Всеволод уступил сей город в Удел и которые, приняв изменника, навлекли на себя гнусное подозрение,

более несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тело убиенного в Киев, чтобы воздать ему честь погребения там, где лежали кости его родителя: Всеволод, Мономах, Ростислав (меньший сын Великого Князя), Духовенство и народ встретили оное с искренним изъявлением горести. – Летописец говорит, что Ярополк, добродушный подобно отцу своему, давал всегда церковную *десятину* в храм Богоматери, исполняя завещание Владимира Великого; завидовал святости Бориса и Глеба и желал также умереть мучеником. Давид Игоревич наследовал область Владимирскую.

[1088 г.] Между тем как Всеволод занимался восстановлением порядка и тишины в ближних областях, Камские Болгары взяли Муром. Не имея духа воинского, любя торговлю, земледелие и в случае неурожая питая восточный край России, они хотели, вероятно, отмстить жителям Муромской области за какую-нибудь обиду или несправедливость: по крайней мере сия война не имела дальнейшего следствия, и взятый ими город недолго был в их власти.

[1092 г.] Великий Князь не мог утешиться всеобщим спокойствием. Междоусобие прекратилось; но бедствия иного рода посетили Россию. От беспрестанных, неслыханных жаров везде иссохли поля, и леса в болотных местах сами собою воспламенялись, к ужасу сельских жителей; голод, болезни, мор свирепствовали во многих областях, и в одном Киеве умерло от 14 ноября до 1 февраля 7000 человек. Воображение несчастных видело во всем страшные знамения гнева Божеского: в самых обыкновенных метеорах, в затмении солнца, в легком бывшем тогда землетрясении. К сим случаям естественным суеверие прибавило нелепые чудеса: рассказывали, что огромный змей упал с неба в то время, как Великий Князь забавлялся ловлею зверей; что злые духи в Полоцке ночью и днем скакали на конях, невидимо уязвляя граждан, и что множество людей от того умерло. Народ стенал, Государь был в унынии, Половцы грабили; на обеих сторонах Днепра дымились села, обращенные в пепел сими жестокими варварами, которые взяли даже несколько городов: Песочен на реке Супое, Переволоку близ устья Ворсклы, и нигде, кажется, не находили сопротивления. Наконец Василько Ростиславич, правнук Ярославов, уговорил их оставить Россию и вместе с ним воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами. Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наследовал часть Перемышльской области: скоро увидим его великодушие и злосчастие.

Всеволод, огорчаемый бедствиями народными и властолюбием своих племянников, которые, желая господствовать, не давали ему покоя и беспрестанно требовали Уделов, – с завистию воспоминал то счастливое время, когда он жил в Переяславле, довольный жребием Удельного Князя и спокойный сердцем. Не имев никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный летами и недугами, впал в совершенное расслабление духа; удалил от себя Бояр опытных, слушал только юных любимцев и не хотел уже следовать древнему обычаю Государей Российских, которые сами, в присутствии Вельмож, судили народ свой на дворе Княжеском. Сильные утесняли слабых; Наместники и Тиуны грабили Россию как Половцы: Всеволод не внимал жалобам. – Чувствуя приближение конца, он послал за большим сыном в Чернигов и скончался [1093 г.] в объятиях Владимира и Ростислава, орошенный их искренними слезами: Христианин набожный, человеколюбивый, *трезвый* и целомудренный от самой юности; одним словом, достохвальный между частными людьми, но слабый и, следственно, порочный на степени Государей.

Выступление Ярополка Изяславича Волынского с дружиной против Всеволода Ярославича Киевского и Владимира Всеволодовича Мономаха (Черниговского); бегство Ярополка к полякам. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Великий Ярослав желал, чтобы любимый сын его, со временем наследовав законным образом Киевскую область, был и во гробе с ним неразлучен: воля нежного отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, там же, где лежали Ярославовы кости – в Софийском храме, – с обыкновенными торжественными обрядами и в присутствии народа, который погребал тогда Государей как истинных отцов своих, с чувствительностию и слезами, забывая их слабости и помня одни благодеяния.

Всеволод оставил супругу второго брака, мачеху Владимира, и трех дочерей, Янку, или Анну, Евпраксию и Екатерину; первые две отказались от света и заключились в монастыре. Мы знаем, что Император Генрик IV в 1089 году женился на Российской Княжне Агнесе, или Адельгейде, вдове Маркграфа Штаденского, которая после умерла Игуменьею: она могла быть дочерью Всеволода. В то же время другая россиянка, именем *Евпраксия*, была за сыном Болеслава, отравленным в цветущей юности; но Историки Польские называют сию Княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

При Всеволоде был Митрополитом Грек Иоанн, муж знаменитый ученостию и Христианскими добродетелями, ревностный наставник Духовенства и друг несчастных. «Никогда» (сказано в летописи) «не бывало у нас такого и не будет!» Мы имеем его сочинение, названное *Церковным правилом*, в коем он с великою ревностию осуждает тогдашнее обыкновение Князей Российских выдавать дочерей за Государей Латинской Веры; доказывает всякому гостю или купцу, сколь грешно торговать крещеными рабами в земле язычников (Половцев), даже ездить туда, и для выгод сребролюбия осквернять их нечистыми яствами; налагает епитимью на тех, которые совокупляются с правнучатными или женятся без венчания, думая, что сей обряд изобретен единственно для Князей и Бояр; отлучает от церкви иереев, благословляющих союз мужа с третьею женою; велит им и Монахам служить для всех людей примером трезвости; наконец, в дополнение к гражданским законам, уставляет *духовное покаяние* для преступников благонравия и целомудрия. Сей Митрополит, наименованный от современников *Пророком Христа*, святил церковь Феодосиева монастыря Печерского, о коей написано столь много чудесного в Патерике Киевском. Византийские художники, украсив оную, не захотели уже возвратиться в отечество и кончили жизнь свою в Печерской Обители: доныне показывают там гробы их. – В 1089 году, когда преставился Митрополит Иоанн, дочь Всеволодова, Янка, ездила в Константинополь и привезла с собою нового Митрополита, скопца, именем также Иоанна, но человека весьма обыкновенного, слабого здоровьем и столь бледного, что народ прозвал его *мертвецом*: он через год умер. Третий Митрополит Всеволодова княжения был Ефрем, Грек, по известию новейших летописцев; другие же называют его Монахом Печерским. Нестор сказывает только, что Ефрем, скопец подобно Иоанну, жил в *Переяславле, где*

находилась тогда Митрополия, и что он, создав многие храмы каменные, первый начал в России строить при церквах крестильницы. Сей Митрополит, как пишут, уставил торжествовать 9 маия пренесение мощей Св. Николая из Ликии в Италиянский город Бар: праздник Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имели тогда дружелюбное сношение с Римом. Нестор молчит, но Летописец средних времен говорит о каком-то Святителе Феодоре, приезжавшем к Великому Князю от Папы (Урбана II) в 1091 году. Властолюбивые Наместники Св. Петра без сомнения всячески старались подчинить себе Церковь Российскую.

Глава VI
Великий князь Святополк-Михаил. 1093-1112

Владимир мог бы сесть на престоле родителя своего; но сей чувствительный, миролюбивый Князь уступил оный Изяславову сыну и, сказав: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной», объявил Святополка Государем Российским; сам отправился в Чернигов, а брат его, Ростислав, в Переяславль.

Святополк, княжив несколько лет в Новегороде, еще в 1088 году выехал оттуда, будучи, как вероятно, недоволен его беспокойными гражданами (которые тогда же призвали к себе юного Князя, Мстислава, сына Владимирова) и жил в Турове: он с радостию прибыл в Киев [24 апреля 1093 г.], и народ также с радостию встретил нового Государя, обещая себе мир и тишину под его властию. Сия надежда не исполнилась, и начало Святополкова княжения ознаменовалось великими несчастиями.

Князь Святополк II. Гравюра 1805 г.

Половцы, узнав о кончине Всеволода, изъявили желание остаться друзьями России. Легкомысленный Святополк не посоветовался с Боярами отца своего и дяди: велел заключить Послов в темницу; но сведав, что мстительные варвары везде жгут и грабят в его области, вздумал сам просить их о мире. Половцы уже не хотели слушать сих предложений, и Великий Князь, собрав только 800 воинов, спешил выступить в поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что вопреки надменному самохвальству молодых людей, нужны не сотни, а тысячи для отражения врагов; что область Киевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустела и что надобно требовать помощи от мужественного Владимира. Князь Черниговский немедленно вооружился и призвал брата своего, Ростислава. Но Князья, соединив дружины, не могли согласиться в мыслях; стояли под Киевом и ссорились между собою. Наконец Бояре сказали им: «Ваша распря губит народ; смирите врагов и тогда уже думайте о своих несогласиях». Святополк и Владимир, приняв благой совет, обнялися братски и в знак искренней взаимной любви целовали святой крест, по тогдашнему обыкновению.

Неприятели осаждали Торческ, город, населенный Торками, которые, оставив жизнь кочевую, поддалися россиянам: Князья хотели освободить его, Святополк битвою, Моно-

мах миром. Остановясь близ Триполя, они призвали Бояр на совет. Янь, Воевода Киевский, друг блаженного Феодосия, и многие другие были одного мнения с Князем Черниговским. «Половцы (говорили они) видят блеск мечей наших и не отвергнут мира». Но Киевляне, желая победы, склонили большинство голосов на свою сторону, и войско Российское перешло за Стугну. Святополк вел правое крыло, Владимир левое: Ростислав находился в средине. Они поставили знамена между земляными укреплениями Трипольскими и ждали неприятеля, который, выслав наперед стрелков, вдруг устремился всеми силами на Святополка. Киевляне не могли выдержать сего удара и замешались. Великий Князь оказал примерную неустрашимость; бился долго, упорно и последний оставил место сражения. Средина и левое крыло, не умев искусным, быстрым движением спасти правого, еще несколько времени стояли, но также уступили превосходству неприятеля. Земля дымилась кровию. россияне, спасаясь от меча победителей, толпами гибли в реке Стугне, которая от дождей наполнилась водою. Мономах, видя утопающего брата, забыл собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его из волн – и сей Князь, оплакивая Ростислава, многих Бояр своих, отечество, с горестию возвратился в Чернигов, а Святополк в Киев. Несчастная мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тело сего юноши, коего безвременная смерть была предметом всеобщего сожаления.

Половцы снова осадили Торческ. Граждане оборонялись мужественно; но, изнуренные голодом и жаждою, напрасно требовали съестных припасов от Святополка: бдительный неприятель со всех сторон окружил город, который держался более двух месяцев. Половцы, оставив часть войска для осады, приближились к столице. Святополк хотел еще сразиться и, вторично разбитый под Киевом, ушел только с двумя воинами. Торческ сдался [23 июля 1093 г.]: стены и здания его обратились в пепел, а граждане были отведены в неволю.

[1094 г.]. Не имев счастия воинского, Святополк надеялся иным способом обезоружить Половцев и женился на дочери их Князя, Тугоркана. Но сей родственный союз, который мог быть оправдан одною государственною пользою, не защитил России от варваров: Князь Тмутороканский, Олег Святославич, в *третий раз* пришел с ними разорять отечество, осадил Мономаха в Чернигове и требовал сей области как законного наследия: ибо она принадлежала некогда его родителю. Владимир, любимый своею дружиною и народом, несколько дней оборонялся; но жалея крови, великодушно сказал: *Да не радуются враги отечества!* и добровольно уступил Княжение Олегу: вторая жертва, принесенная им общей пользе! Он выехал из Чернигова в Переяславль с женою и детьми, под щитами малочисленной, верной дружины, готовой отражать толпы хищных Половцев, которые, несмотря на мир, еще долгое время свирепствовали в Черниговской области: жестокий Олег, довольный их помощию, равнодушно смотрел на сии злодейства. – Вся южная Россия представляла тогда картину самых ужаснейших бедствий. «Города опустели, – пишет Нестор: – в селах пылают церкви, домы, житницы и гумны. Жители издыхают под острием меча или трепещут, ожидая смерти. Пленники, заключенные в узы, идут наги и босы в отдаленную страну варваров, сказывая друг другу со слезами: *Я из такого-то города русского, я из такой-то веси!* Не видим на лугах своих ни стад, ни коней; нивы заросли травою, и дикие звери обитают там, где прежде жили Христиане!» К умножению несчастий, Россия узнала в сие время новый бич естественный: саранча, дотоле неизвестная нашим предкам, покрыв землю, совершенно истребила жатву; тучи сих пагубных насекомых летели от юга к северу, оставляя за собою отчаяние и голод для бедных поселян.

[1095 г.] Наконец Великий Князь и Владимир ободрили победами унылый дух своего народа. Они, к сожалению, начались вероломством. Долговременные несчастия государственные остервеняют сердца и вредят самой нравственности людей. Вожди Половецкие, Итларь и Китан, заключив мир с Мономахом, взяли в тали, или в аманаты, сына его, Святослава. Китан безопасно жил в стане близ городского вала: Итларь гостил в Переяславле у Вельможи Ратибора. Тогда недостойные советники предложили Князю воспользоваться оплошностию нена-

вистных врагов, нарушить священный мир и не менее священные законы гостеприимства – одним словом, злодейски умертвить всех Половцев. Владимир колебался; но дружина успокоила его робкую совесть, доказывая, что сии варвары тысячу раз сами преступали клятву… В глубокую ночь россияне, вместе с Торками, им подвластными, вышли из города, зарезали сонного Китана, его воинов и с торжеством привели ко Владимиру освобожденного Святослава. Итларь, не зная ничего, спокойно готовился поутру завтракать у своих ласковых хозяев, когда сын Ратиборов, Олбег, пустил ему в грудь стрелу сквозь отверстие, нарочно для того сделанное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, был жертвою гнусного заговора, который лучшему из тогдашних Князей Российских казался дозволенною хитростию!

Ожидая справедливой мести за такое злодеяние, Владимир и Святополк хотели предупредить оную. *В первый раз* дерзнули россияне искать Половцев в их собственной земле; взяли множество скота, вельблюдов, коней, пленников и возвратились благополучно. – Но в то же самое лето Юрьев, город на берегу Роси, был сожжен Половцами: жители его ушли с Епископом в столицу, и Великий Князь населил ими, близ Киева, особенный новый городок, дав ему имя *Святополча*.

Олег Черниговский, вопреки данному слову, не ходил с Великим Князем на Половцев. Святополк и Владимир требовали от него, чтобы он хотя выдал им или сам велел умертвить знатного Половецкого юношу, сына Итларева, бывшего у него в руках; но Князь Черниговский отвергнул и сие предложение как злодейство бесполезное. С обеих сторон неудовольствие возрастало. Святополк и Владимир, действуя во всем согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленск, отданный ему, как вероятно, еще Всеволодом, и послали его княжить в Новгород, откуда Мономах перевел сына своего, Мстислава, в Ростов; но своевольные новогородцы чрез два года объявили Давиду, что он им не надобен, и вторично призвали к себе, на его место, Мстислава. Лишенный Удела, Давид прибегнул, может быть, к Олеговой защите: по крайней мере ему возвратили область Смоленскую. Юный сын Мономахов, Изяслав, Правитель Курска, подал новый ко вражде случай, нечаянно завладев Муромом, городом Черниговского Князя, и взяв в плен Олегова наместника.

В сих обстоятельствах Святополк и Владимир прислали звать Олега в Киев, на *съезд Княжеский*. «Там, в старейшем граде Русском, – говорили они, – утвердим безопасность Государства в общем совете с знаменитейшим Духовенством, с Боярами отцев наших и гражданами». Олег, не веря их доброму намерению, с гордостью им ответствовал: «Я – Князь, и не хочу советоваться ни с Монахами, ни с чернию». *Когда так,* сказали Святополк и Владимир: *когда не хочешь воевать с неприятелями земли Русской, ни советоваться с братьями, то признаем тебя самого врагом отечества, и Бог да судит между нами!* Взяв Чернигов, они приступили к Стародубу, где находился Олег, и более месяца проливали невинную кровь в жестоких битвах. Наконец Черниговский Князь, смиренный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом.

Святополк нетерпеливо хотел прекратить сию междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россию; одна толпа их сожгла в Берестове дом Княжеский, другая – местечко Устье, близ Переяславля, и тесть Святополков, Тугоркан, осадил сию Мономахову столицу. Великий Князь и Владимир умели скрыть свои движения от неприятеля, перешли Днепр, явились внезапно под стенами осажденного города. Обрадованные жители встретили их, и россияне бросились в Трубеж, ревностно желая битвы с Половцами, которые стояли на другой стороне сей реки. Напрасно осторожный Владимир хотел построить воинов: не внимая начальникам, они устремились на варваров и своим мужеством решили победу. Сам Тугоркан, сын его, знаменитейшие Половцы легли на месте. Святополк взял тело первого и с честию предал оное земле недалеко от своего Берестовского дворца. – В то самое время, когда россияне торжествовали свою победу, другой Князь Половецкий, Боняк, едва не овладел Киевом; выжег

предместие, *красный двор* Всеволодов на Выдобичах, монастыри; ворвался ночью в Обитель Печерскую, умертвил несколько безоружных Монахов, пробужденных шумом и воплем свирепого неприятеля; ограбил церковь, кельи и с добычею удалился, оставив деревянные здания в пламени.

Святополк, возвратясь в Киев, напрасно ждал Олега, который, не быв принят смоленскими жителями, пошел к Мурому. Изяслав, сын Мономахов, призвал к себе войско из Ростова, Суздаля, Белаозера и готовился отразить сего неприятеля. «Иди княжить в свою Ростовскую область, – велел сказать ему Олег: – отец твой отнял у меня Чернигов: неужели и в Муроме, наследственном моем достоянии, вы лишите меня хлеба? Я не хочу войны и желаю примириться с Владимиром». Олег имел с собою малочисленную дружину, набранную им в Рязани, которая зависела тогда от Черниговских Князей; но, получив гордый отказ, смело обнажил меч. Юный Изяслав пал в сражении, и войско его рассеялось. Победитель взял Муром (где была супруга Изяславова), Суздаль, Ростов и, следуя тогдашнему варварскому обыкновению, пленил множество безоружных граждан.

Мстислав Владимирович, Князь Новогородский, крестник Олегов, сведав о несчастной судьбе Изяславовой, велел привезти к себе тело его и с горестию погреб оное в Софийской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винил Олега в завоевании Мурома, но требовал, чтобы он вышел из Ростова и Суздаля; не упрекал его даже и смертию Изяслава, говоря ему чрез Послов: «Ты убил моего брата; но в ратях гибнут Цари и Герои. Будь доволен своим наследственным городом: в таком случае умолю отца моего примириться с тобою». Олег не хотел слушать никаких предложений, думая скоро взять самый Новгород. Тогда Мстислав, любимый народом, вооружился. Начальник отряда Новогородского, Добрыня Рагуйлович, захватил людей Олеговых, посланных для собрания дани и сбил его передовое войско на реке Медведице (в Тверской губернии). Олег не мог удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжег сей последний город, оставив в нем только один монастырь с церквами, и засел в Муроме. Добродушный Мстислав, уважая крестного отца, снова предложил ему мир, желая только, чтобы он возвратил пленных, и в то же время убедительно просил родителя своего забыть вражду Олегову. Мономах отправил в Суздаль меньшего сына, Вячеслава, с конным отрядом союзных Половцев, написав к Олегу красноречивое письмо такого содержания: «Долго печальное сердце мое боролось с законом Христианина, обязанного прощать и миловать: Бог велит братьям любить друг друга; но самые умные деды, самые добрые и блаженные отцы наши, обольщаемые врагом Христовым, восставали на кровных… Пишу к тебе, убежденный твоим крестным сыном, который молит меня оставить злобу для блага земли Русской и предать смерть его брата на суд Божий. Сей юноша устыдил отца своим великодушием! Дерзнем ли, в самом деле, отвергнуть пример Божественной кротости, данный нам Спасителем, мы, тленные создания? ныне в чести и в славе, завтра в могиле, и другие разделят наше богатство! Вспомним, брат мой, отцов своих: что они взяли с собою, кроме добродетели? Убив моего сына и твоего собственного крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядший цвет, ты не пожалел об нем; не пожалел о слезах отца и матери; не хотел написать ко мне письма утешительного; не хотел прислать бедной, невинной снохи, чтобы я вместе с нею оплакал ее мужа, не видав их радостного брака, не слыхав их веселых свадебных песней… Ради Бога отпусти несчастную, да сетует как горлица в доме моем; а меня утешит Отец Небесный. – Не укоряю тебя безвременною кончиною любезного мне сына: и знаменитейшие люди находят смерть в битвах; он искал чужого и ввел меня в стыд и в печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взяв Муром, не брал Ростова и тогда же примирился со мною. Рассуди сам, мне ли надлежало говорить первому или тебе? Если имеешь совесть; если захочешь успокоить мое сердце и с Послом или Священником напишешь ко мне грамоту без всякого лукавства: то возьмешь добрым порядком область свою, обратишь к себе наше сердце, и будем жить еще дружелюбнее прежнего. Я не враг тебе, и не хотел крови твоей у Стародуба» (где

Святополк и Мономах осаждали сего Князя): «но дай Бог, чтобы и братья не желали пролития моей. Мы выгнали тебя из Чернигова единственно за дружбу твою с неверными; и в том каюсь, послушав брата (Святополка). Ты господствуешь теперь в Муроме, а сыновья мои в области своего деда. Захочешь ли умертвить их? твоя воля. Богу известно, что я желаю добра отечеству и братьям. Да лишится навеки мира душевного, кто не желает из вас мира Христианам! – Не боязнь и не крайность заставляют меня говорить таким образом, но совесть и душа, которая мне всего на свете драгоценнее».

[1097 г.]. Олег согласился заключить мир, чтобы обмануть племянника; и когда Мстислав, распустив воинов по селам, беспечно сидел за обедом с Боярами своими, гонцы принесли ему весть, что коварный его дядя стоит уже на Клязьме с войском. Олег думал, что Мстислав, изумленный его внезапным нападением, уйдет из Суздаля; но сей юный Князь, в одни сутки собрав дружину Новогородскую, Ростовскую, Белозерскую, приготовился к битве за городским валом. Олег четыре дня стоял неподвижно, и Вячеслав, другой сын Мономахов, успел соединиться с братом. Тогда началось сражение. Олег ужаснулся, видя славное знамя Владимирово в руках Вождя Половецкого, заходившего к нему в тыл с отрядом Мстиславовой пехоты, и скоро обратился в бегство; поручил меньшему своему брату, Ярославу, Муром, а сам удалился в Рязань. Мстислав, умеренный в счастии, не хотел завладеть ни тем, ни другим городом, освободив единственно Ростовских и Суздальских пленников, там заключенных. Бегая от него, Олег скитался в отчаянии и не знал, где приклонить голову; но племянник велел ему сказать, чтобы он был спокоен. «Святополк и Владимир не лишат тебя земли Русской, – говорил сей чувствительный юноша: – я буду твоим верным ходатаем. Останься и властвуй в своем Княжении: только смирися». Мстислав сдержал слово: вышел из Муромской области, возвратился в Новгород и примирил Олега с Великим Князем и своим отцем.

Чрез несколько месяцев Россия в первый раз увидела торжественное собрание Князей своих на берегу Днепра, в городе Любече. Сидя на одном ковре, они благоразумно рассуждали, что отечество гибнет от их несогласия; что им должно наконец прекратить междоусобие, вспомнить древнюю славу предков, соединиться душою и сердцем, унять внешних разбойников, Половцев, – успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нет сомнения, что Мономах, друг отечества и благоразумнейший из Князей Российских, был виновником и душою сего достопамятного собрания. В пример умеренности и бескорыстия он уступил Святославичам все, что принадлежало некогда их родителю, и Князья с общего согласия утвердили за Святополком область Киевскую, за Мономахом частный удел отца его: Переславль, Смоленск, Ростов, Суздаль, Белоозеро; за Олегом, Давидом и Ярославом Святославичами – Чернигов, Рязань, Муром; за Давидом Игоревичем – Владимир Волынский; за Володарем и Васильком Ростиславичами – Перемышль и Теребовль, отданные им еще Всеволодом. Каждый был доволен; каждый целовал святой крест, говоря: *да будет земля Русская общим для нас отечеством; а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем*. Добрый народ благословлял согласие своих Князей: Князья обнимали друг друга как истинные братья.

Сей торжественный союз был в одно время заключен и нарушен самым гнуснейшим злодейством, коего воспоминание должно быть оскорбительно для самого отдаленнейшего потомства. Летописец извиняет главного злодея, сказывая, что клеветники обманули его; но так обманываются одни изверги. Сей недостойный внук Ярославов, Давид Игоревич, приехав из Любеча в Киев, объявил Святополку, что Мономах и Василько Ростиславич суть их тайные враги; что первый думает завладеть престолом Великокняжеским, а второй городом Владимиром; что убиенный брат их, Ярополк Изяславич, погиб от руки Василькова наемника, который ушел к Ростиславичам; что благоразумие требует осторожности, а месть жертвы. Великий Князь содрогнулся и заплакал, вспомнив несчастную судьбу любимого брата. «Но справедливо ли сие ужасное обвинение? сказал он: да накажет тебя Бог, если обманываешь меня от зависти и злобы». Давид клялся, что ни ему в Владимире, ни Святополку в Киеве не господствовать

мирно, пока жив Василько; и сын Изяславов согласился быть вероломным, подобно отцу своему. Не зная ничего; спокойный в совести, Василько ехал тогда мимо Киева, зашел помолиться в монастырь Св. Михаила, ужинал в сей Обители и ночевал в стане за городом. Святополк и Давид прислали звать его, убеждали остаться в Киеве до именин Великого Князя, то есть до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать с Поляками, спешил домой и не хотел исполнить Святополкова желания. «Видишь ли? – сказал Давид Великому Князю: – он презирает тебя в самой области твоей: что ж будет, когда приедет в свою? займет без сомнения Туров, Пинск и другие места, тебе принадлежащие. Вели схватить его и отдать мне, или ты вспомнишь совет мой, но поздно». Святополк вторично послал сказать Васильку, чтобы он заехал к нему хотя на минуту, обнять своих дядей и побеседовать с ними. Несчастный Князь дал слово; сел на коня и въезжал уже в город: тут встретился ему один из его усердных Отроков и с ужасом объявил о гнусном заговоре. Василько не верил. «Мы целовали крест, – сказал он, и клялися умереть друзьями; не хочу подозрением оскорбить моих родственников» – перекрестился и с малочисленною дружиною въехал в Киев. Ласковый Святополк принял гостя на дворе Княжеском, ввел в горницу и сам вышел, сказывая, что велит готовить завтрак для любезного племянника. Василько остался с Давидом: начал говорить с ним; но сей злодей, еще новый в ремесле своем, бледнел, не мог отвечать ни слова и спешил удалиться. По данному знаку входят воины, заключают Василька в тяжкие оковы. Мера злодейства еще не совершилась, и Святополк боялся народного негодования: в следующий день, созвав Бояр и граждан Киевских, он торжественно объявил им слышанное от Давида. Народ ответствовал: «Государь! безопасность твоя для нас священна: казни Василька, если он действительно враг твой; когда же Давид оклеветал его, то Бог отмстит ему за кровь невинного». Знаменитые духовные особы смело говорили Великому Князю о человеколюбии и гнусности вероломства. Он колебался; но снова устрашенный коварными словами Давида, отдал ему жертву в руки. Василька ночью привезли в Белгород и заперли в тесной горнице; в глазах его острили нож, расстилали ковер; взяли несчастного и хотели положить на землю. Угадав намерение сих достойных слуг Давида и Святополка, он затрепетал и, хотя был окован, но долгое время оборонялся с таким усилием, что им надлежало кликнуть помощников. Его связали; раздавили ему грудь доскою и вырезали обе зеницы… Василько лежал на ковре без чувства. Злодеи отправились с ним в Владимир, приехали в город Здвиженск обедать и велели хозяйке вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привел его в память. Он спросил: «Где я?», выпил свежей воды; ощупал свою рубашку и сказал: «начто вы сняли с меня окровавленную? я хотел стать в ней пред Судиею Всевышним»… Давид ожидал Василька в столице своей, Владимире, и заключил в темницу, приставив к нему двух Отроков и 30 воинов для стражи.

[1098 г.] Мономах, узнав о сем злодействе, пришел в ужас и залился слезами. «Никогда еще, – сказал он, – не бывало подобного в земле Русской!» – и немедленно уведомил о том Святославичей, Олега и Давида. «Прекратим зло в начале, – писал к ним сей добрый Князь: – накажем изверга, который посрамил отечество и дал нож брату на брата; или кровь еще более польется, и мы все обратимся в убийц; земля Русская погибнет: варвары овладеют ею». Олег и Давид, подвигнутые таким же великодушным негодованием, соединились с Мономахом, приближились к Киеву и грозно требовали ответа от Святополка. Послы их говорили именем Князей: «Ежели Василько преступник, то для чего же не хотел ты судиться с ним пред нами? и в чем состоит вина его?» Великий Князь оправдывался своим легковерием и тем, что не он, а Давид ослепил их племянника. «Но в твоем городе», – сказали послы и вышли из дворца. На другой день Владимир и Святославичи уже готовились идти за Днепр, чтобы осадить Киев. Малодушный Святополк думал бежать; но граждане не пустили его и, зная доброе сердце Мономаха, отправили к нему Посольство. Митрополит и вдовствующая супруга Всеволодова явились в стане соединенных Князей: первый говорил именем народа, вторая плакала и молила. «Князья великодушные! – сказал митрополит Владимиру и Святославичам: – не

терзайте отечества междоусобием, не веселите врагов его. С каким трудом отцы и деды ваши утверждали величие и безопасность государства! Они приобретали чуждые земли; а вы что делаете? губите собственную». Владимир пролил слезы: он уважал память своего родителя, вдовствующую Княгиню его и Пастыря Церкви; а всего более любил Россию. «Так! – ответствовал Мономах с горестию: – мы недостойны своих великих предков и заслуживаем сию укоризну». Князья согласились на мир, и Владимир простил Святополку собственную обиду; ибо сей неблагодарный, обязанный ему престолом, не устыдился поверить клевете и считать его своим тайным злодеем. Великий Князь, сложив всю вину на Давида, дал слово наказать его как общего недруга.

Давид сведал о том и хотел отвратить бурю. Здесь один из дополнителей Несторовой летописи, именем Василий – вероятно, инок или Священник, – представляет сам важное действующее лицо и рассказывает следующие обстоятельства: «Я был тогда в Владимире. Князь Давид ночью прислал за мною. Окруженный своими боярами, он велел мне сесть и сказал: *Василько говорит, что я могу примириться с Владимиром. Иди к заключенному; советуй ему, чтобы он отправил Посла к Мономаху и склонил сего Князя оставить меня в покое. В знак благодарности дам Васильку любой из городов Червенских: Всеволож, Шеполь или Перемиль*. Я исполнил Давидову волю. Несчастный Василько слушал меня со вниманием и с кротостию ответствовал: *Я не говорил ни слова; но сделаю угодное Давиду и не хочу, чтобы для меня проливали кровь россиян. Только удивляюсь, что Давид в знак милости дает мне собственный мой город Шеполь: я и в темнице Князь Теребовля. Скажи, что желаю видеть и послать ко Владимиру боярина моего, Кулмея.* Давид не хотел того, ответствуя, что сего человека нет в Владимире. Я вторично пришел к Васильку, который выслал слугу, сел со мною и говорил так: *Слышу, что Давид мыслит отдать меня в руки Ляхам; он еще не сыт моею кровию: ему надобна остальная. Я мстил Ляхам за отечество и сделал им много зла; пусть воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. Но любя истину, открою тебе всю мою душу. Бог наказал меня за гордость. Зная, что идут ко мне союзные Торки, Берендеи, Половцы и Печенеги, я думал в своей надменности:* «Теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мне только свою младшую дружину; а сами пейте и веселитесь. Зимою выступлю, летом завоюю Польшу. Земля у нас не богата жителями: пойду на Дунайских Болгаров и пленниками населю ее пустыни. А там буду проситься у Святополка и Владимира на общих врагов отечества, на злодеев Половцев; достигну славы или положу голову за Русскую землю». *В душе моей не было иной мысли. Клянуся Богом, что я не хотел сделать ни малейшего зла ни Святополку, ни Давиду, ни другим братьям любезным»*. Сей несчастный Князь, в стенах темницы открывая душу свою какому-нибудь смиренному иноку, не думал, что самое отдаленное потомство услышит его слова, достойные Героя!

Еще более месяца Василько томился в заключении: Владимир – озабоченный, как вероятно, набегами Половцев – не мог освободить его. Давид ободрился и хотел увеличить область свою завоеванием Теребовля; но, устрашенный мужеством Володаря Ростиславича, не дерзнул обнажить меча в поле и бежал в город Бужск. Володарь, осадив его, требовал единственно брата, и гнусный Давид, принужденный отпустить Василька, уверял, что один Святополк был виною злодеяния. «Не в моей области, – говорил он, – пострадал брат твой; я должен был на все согласиться, чтобы не иметь такой же участи». Володарь заключил мир; но как скоро освободил Василька, то снова объявил войну Давиду. Ослепленные злобою мести, Ростиславичи обратили в пепел город Всеволож, бесчеловечно умертвили жителей и, приступив ко Владимиру, велели сказать гражданам, чтобы они выдали им трех советников Давидовых, научивших его погубить Василька. Граждане созвали вече и рассуждали, что им делать. «Мы рады умереть за самого Князя, – говорил народ: – а слуги его не стоят кровопролития. Он должен исполнить нашу волю, или отворим городские ворота и скажем ему: *промышляй о себе!*» Давид хотел спасти наперсников; но, боясь возмущения, предал двух из них в жертву (третий ушел

в Киев). Злодеев повесили и расстреляли: Васильковы Отроки совершили сию месть в знак любви к своему князю.

[1099 г.] Ростиславичи удалились; но Давид не избавился от бедствия. Святополк, обязанный торжественною клятвою, шел наказать его и стоял уже в Бресте. Давид искал защиты у Короля Польского, Владислава: сей Государь, взяв от него 50 гривен золота, велел ему ехать с собою, расположился станом на Буге и вступил в переговоры с Великим Князем. Королю хотелось новых даров: получив их от Святополка, он советовал Давиду возвратиться в свою область, ручаясь за его безопасность. Но Великий Князь, с согласия Поляков, немедленно осадил Владимир. Обманутый Королем, Давид чрез семь недель примирился с Святополком, уступил ему Владимирскую область и выехал в Польшу.

Святополк не замедлил остыдить себя новым вероломством. Вступая в пределы Волыни, он торжественно клялся Ростиславичам, что будет им другом и желает единственно смирить их общего неприятеля, Давида; но, победив его, Великий Князь захотел овладеть Перемышлем и Теребовлем, объявляя, что сии города принадлежали некогда отцу его и брату. Святополк надеялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слепой Василько явился на месте битвы и, показывая в руках крест, громко кричал Святополку: «Видишь ли мстителя, клятвопреступник? Лишив меня зрения, хочешь отнять и жизнь мою. Крест святой да будет нам судиею!» Сражение было кровопролитное. Святополк не мог устоять и бежал в Владимир: поручил сей город сыну Мстиславу, прижитому с наложницею; другого сына, Ярослава, отправил в Венгрию за наемным войском; племянника, Святошу Давидовича, оставил в Луцке, а сам уехал в Киев. Ростиславичи гнались за побежденным только до границ своей области и возвратились, не желая никаких приобретений: умеренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими в Любече, и гнушались примерами вероломства.

Сын Великого Князя, Ярослав, склонил Государя Венгерского объявить войну Ростиславичам, и Коломан, собрав великие силы, вступил в Червенскую область. Володарь затворился в Перемышле. Давид Игоревич, напрасно искав друзей и союзников вне Государства, возвратился тогда из Польши: видя общую опасность, прибегнул к Ростиславичам и, в знак доверенности оставив жену свою у Володаря, отправился к Половцам. Хан Боняк, встретив его на границе, взялся действовать против врага России. Летописец говорит, что Половцев было 390 человек, а Давидовых воинов 100; что Боняк, искусный гадатель будущего, в темную глубокую ночь отъехал от стана и начал *выть*, что звери степные ответствовали ему таким же воем и что обрадованный Хан предсказал Давиду несомнительную победу. Суеверие бывает иногда счастливо: ободрив воинов, мужественный Боняк разделил их на три части; велел товарищу своему, Алтунопе, идти прямо на Венгров с 50 стрелками; поручил Давиду главный отряд, а сам засел впереди, по обеим сторонам дороги, имея не более ста человек. Алтунопа увидел вдали множество Венгров, коих оружие и латы блистали от первых лучей восходящего солнца и которые стояли рядами на великом пространстве. Он шел смело и, пустив несколько стрел, обратился в бегство. Когда же Венгры устремились вслед за ним без всякого порядка, Боняк ударил на них в тыл, Алтунопа спереди, Давид также. Володарь, осажденный в Перемышле, мог воспользовался сим случаем для удачной вылазки. Изумленные Венгры в ужасе, в смятении давили друг друга; бросались в реку Сан и тонули. Победители гнали их два дня. Сам Коломан едва спас жизнь свою, потеряв около 40000 воинов, многих Баронов и телохранителей; а сын Святополков ушел в Брест. Венгерские Летописцы рассказывают, что виною сего *беспримерного* несчастия была неосторожность их Государя, обманутого притворными слезами вдовствующей Российской Княгини *Ланки*, которая, стоя на коленах, умоляла его быть милосердным к ее народу; что Венгры, не ожидая сопротивления и битвы, спали крепким сном, когда Хан Половецкий напал в глубокую ночь на их стан и, не дав им опомниться, умертвил множество людей. Коломан без сомнения думал тогда завладеть Червенскою областию: с ним

были не только знаменитейшие светские чиновники, но и Епископы, готовые обращать россиян в свою Веру. Один из сих Епископов, именем Купан, погиб в сражении.

Давид Игоревич, желая употребить в свою пользу несчастие Святополка и союзников его, взял Червен и внезапно осадил Владимир, где сын Великого Князя, Мстислав, собственною неустрашимостию ободрял воинов; но, пораженный стрелою – в самое то мгновение, как он натягивал лук, – сей юноша пал на стене и чрез несколько часов умер. Три дня кончина его была тайною для народа: узнав оную, граждане в общем совете положили уведомить Святополка о своей крайности. С одной стороны, они боялись гнева его, с другой – неминуемого голода. Святополк отправил к ним Воеводу Путяту и велел ему соединиться в Луцке с дружиною Святоши. Сей юный племянник Великого Князя взял под стражу Давидовых Послов, которых он до того времени клятвенно уверял в дружбе, обещаясь известить их Государя о первом движении Святополкова войска. Обманутый Давид беспечно отдыхал в полдень, когда Путята и Святоша напали на его стан; в то же время осажденные сделали вылазку. Пробужденный шумом и криком битвы, Давид искал спасения в бегстве, и владимирцы с радостию приняли в город свой Посадника Святополкова; но обстоятельства переменились, как скоро Путята вывел оттуда войско. Боняк, славный победитель Венгров, вступился за Давида и возвратил ему область его, изгнав Святошу из Луцка и Посадника Киевского из Владимира.

Тогда Князья Российские, взаимно огорчаемые своим несогласием, вероломством, малодушным властолюбием, вторично собрались близ Киева: Святополк, Мономах и Святославичи; заключили [30 июня 1100 г.] новый союз между собою и звали Давида. Сей Князь Владимирский не дерзнул их ослушаться; но приехав, гордо сказал: «Я здесь: чего от меня хотите? кто недоволен мною?…» *Не ты ли сам,* – ответствовал ему Владимир, – *желал общего Княжеского собрания, чтобы представить нам свои неудовольствия? Теперь сидишь на одном ковре с братьями: говори, кто и чем оскорбил тебя?* Давид молчал. Князья встали и сели на коней. Отъехав в сторону, каждый советовался с своею дружиною. Давид сидел один. Наконец они снеслися между собою, и Послы их торжественно сказали ему: «Князь Давид! Объявляем волю наших Государей. Область Владимирская уже не твоя отныне: ибо ты был причиною вражды и злодейства, неслыханного в России. Но живи спокойно; не бойся смерти. Бужск остается твоим городом: Святополк дает тебе еще Дубно и Черторижск, Мономах 200 гривен, Олег и брат его тоже». Давид смирился, и Святополк чрез некоторое время уступил ему Дорогобуж Волынский, отдав Владимир сыну своему Ярославу. Соединенные Князья отправили также Послов к Ростиславичам, требуя, чтобы они выдали пленников, взятых ими в битве с коварным Святополком, и господствовали в одном Перемышле; чтобы Володарь взял к себе несчастного Василька или прислал к дядям, которые обязываются кормить его. Но Ростиславичи с гордостию отвергнули сие предложение, и великодушный слепец хотел умереть Теребовльским Князем. Святополк, испытав храбрость их, не смел уже воевать с ними; но строго наказал своего родного племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя в Бресте, вооружался и хотел завладеть другими городами. Его привезли в Киев окованного цепями. Митрополит и Духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бежав из Киева, попался в руки Владимирскому Князю, сыну Святополкову: снова был заключен, и чрез десять месяцев умер в темнице.

Князь Владимир Мономах. Гравюра 1805 г.

Разделение Государства, вообще ослабив его могущество, уменьшило и власть Князей. Народ, видя их междоусобие и частое изгнание, не мог иметь к ним того священного уважения, которое необходимо для государственного блага. Читатель заметил уже многие примеры тогдашнего своевольства граждан: следующее происшествие еще яснее доказывает оное. Великий Князь и Мономах согласились отдать Новгород сыну первого, а Мстиславу, в замену сей области, Владимир. Исполняя волю отца, Мстислав явился во дворце Киевском, сопровождаемый знатными Новогородцами и Боярами Мономаха. Когда Святополк посадил их, Бояре говорили ему: «Мономах прислал к тебе Мстислава, чтобы ты отправил его княжить в Владимир, а сына своего в Новгород». Нет! сказали послы новогородские: *объявляем торжественно, что сего не будет. Святополк! ты сам добровольно оставил нас: теперь уже не хотим ни тебя, ни сына твоего. Пусть едет в Новгород, ежели у него две головы! Мы сами воспитали Мстислава, данного нам еще Всеволодом.* Великий Князь долго спорил с ними; но, поставив на своем, они возвратились в Новгород со Мстиславом.

Между тем второй Княжеский съезд был счастливее первого, утвердив союз Святославичей с Великим Князем и Мономахом. Половцы, опасаясь следствий оного, именем всех Ханов своих требовали мира и, заключив его в городе Сакове, взяли и дали аманатов. Сей мир, как и прежние, только отсрочил войну, необходимую по мнению благоразумного Князя Владимира. В следующий год, весною, он и Святополк имели свидание близ Киева, на лугу, и, сидя в одном шатре, советовались с Боярами. Дружина Великого Князя говорила, что весна не благоприятна для военных действий; что если они для конницы возьмут лошадей у земледельцев, то поля останутся не вспаханы, и в селах не будет хлеба.

«Удивляюсь (ответствовал Мономах), что вы жалеете коней более отечества. Мы дадим время пахать земледельцу; а Половчин застрелит его на самой ниве, въедет в село, пленит жену, детей и возьмет все имение оратая». Бояре не могли оспоривать сего убедительного возражения, и Великий Князь, встав с места, сказал: *я готов*. Владимир с нежностию обнял брата, говоря ему, что земля Русская назовет его своим благодетелем. Они старались возбудить такую же ревность и в других Князьях, призывая их смирить варваров или умереть Героями. Олег Святославич отговорился болезнию; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкий, Всеслав, знаменитый враг племени Ярославова, скончался в 1101 году: меньший сын его, Давид, жертвуя наследственною злобою общему благу, прибыл в стан соединенных войск:

также Игорев внук, Мстислав, коего отец неизвестен и который вместе с дядею своим, Давидом Игоревичем, в 1099 году осаждав Владимир, искал потом добычи или славы на море. Великий Князь взял с собою родного племянника, Вячеслава, а Мономах сына своего, Ярополка. Грозное ополчение сухим путем и водою двинулось к югу. Флот остановился за Днепровскими порогами, у Хортицкого острова: там построилось войско и четыре дня шло степями к востоку до места, называемого *Сутень*. Встревоженные неприятели собирались многочисленными толпами к вежам своих Ханов, которые, видя опасность, советовались между собою, что им делать. Старший из них, именем Урособа, говорил товарищам, что надобно просить мира и что россияне, долгое время терпев от Половцев, будут сражаться отчаянно. Ко славе соединенных Князей, младшие Ханы отвергнули сей благоразумный совет, с гордостию ответствуя: «Старец! Ты боишься россиян! Но мы положим дерзких врагов на месте и возьмем все беззащитные города их».

В то время, когда Половцы уже делили в мыслях своих добычу нашего стана, россияне готовились к битве молитвою и благочестивыми обетами; одни давали клятву, в случае победы, наградить убогих; другие украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою Верою, они шли с бодростию и веселием. Алтунопа, славнейший из храбрецов Половецких, был впереди на страже: россияне, окружив его, совершенно истребили сей отряд неприятельский. Началося главное сражение. Летописец говорит, что многочисленные полки варваров казались на обширной степи дремучим, необозримым бором; но что Половцы, объятые тайным ужасом, были как сонные, едва могли править своими конями и, смятые первым ударом наших, бежали во все стороны. Никогда еще Российские Князья не одерживали такой знаменитой победы над варварами. Урособа и 19 других Ханов пали в сражении. Одного из них, именем Бельдюза, привели к Святополку: сей пленник хотел откупиться серебром, золотом и конями. Святополк велел отвести его к Владимиру, который сказал ему: «Ты не учил детей своих и товарищей бояться клятвопреступления. Сколько раз вы обещали мир и губили Христиан? *Да будет же кровь твоя на главе твоей!*» Бельдюза рассекли на части. Победители взяли в добычу множество скота, вельблюдов, коней; освободили невольников и в числе пленных захватили Торков и Печенегов, которые служили Половцам. Увенчанный славою Мономах, призывая россиян к торжеству и веселию, хвалил их мужество, но всего более славил Небо. «Сей день (говорил он) есть праздник для отечества. Всевышний избавил от врагов землю Русскую: они лежат у ног наших! Сокрушены главы змия, и мы обогатилися достоянием неверных». В надежде, что Половцы не дерзнут уже беспокоить Россию, Святополк старался загладить следы их прежних опустошений и возобновил город Юрьев, ими сожженный, на берегу Роси.

К несчастию, сии мирные попечения о гражданском благосостоянии Государства не могли тогда иметь успеха: княжение Святополка, от начала до конца, представляет цепь ратных действий. Россия была станом воинским, и звук оружия не давал успокоиться ее жителям.

[1104 г.] Ярослав Святославич, брат Олегов и Давидов, был побежден Мордвою в губернии Тамбовской или Нижегородской, где сей народ обитал издревле в соседстве с Казанскими Болгарами. – Следуя примеру отцев своих, Великий Князь и Мономах вооружились против наследников Всеславовых, которые независимо господствовали в Полоцкой области. Путята, Воевода Святополков, Олег и Ярополк, сын Владимиров, ходили осаждать Глеба Всеславича в Минске. Родной брат Глебов, Давид, находился с ними: вероятно, что он держал их сторону. Но войско соединенно возвратилось без успеха. – [1106 г.] Всеславичи, избавленные от сей опасности, хотели покорить Семигалию. Нестор называет ее жителей данниками России: быть может, что они прежде зависели от Князей Полоцких и вздумали тогда отложиться. Кровопролитная битва утвердила их свободу: Всеславичи, потеряв 9000 воинов, едва могли спасти остаток своей рати.

С другой стороны Половцы новым грабительством доказали Мономаху, что он еще не *сокрушил гидры* и что не все *главы* ее пали от меча Российского. Уже варвары с добычею и с

невольниками возвращались в свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли их за Сулою и выручили пленных. В следующий год отважный Боняк, захватив табуны Переяславские, приступил к Лубнам, вместе с знаменитым Вождем Половецким, старым Шаруканом. Великий Князь, Олег, Мстислав, Игорев внук, Мономах с двумя сынами перешли за Сулу и с грозным воплем устремились на варваров, которые не имели времени построиться, ни сесть на коней и, спасаясь бегством, оставили весь обоз свой в добычу победителю. россияне, гнав их до самого Хороля, многих убили и взяли в плен. – Сии успехи ни возгордили Олега и Мономаха, которые в том же году женили сыновей своих на дочерях Ханских. Омерзение к злобным язычникам уступало Политике и надежде успокоить Государство хотя на малое время. – Мир не продолжался ни двух лет: россияне уже в 1109 и в следующем году воевали близ Дона и брали вежи Половецкие. [1111 г.] Наконец Мономах снова убедил Князей действовать соединенными силами, и в то время, когда народ говел, слушая в храмах молитвы Великопостные, воины собирались под знаменами. Достойно замечания, что около сего времени были многие воздушные явления в России, и самое землетрясение; но благоразумные люди старались ободрять суеверных, толкуя им, что необыкновенные знамения предвещают иногда необыкновенное *счастие* для Государства, или победу: ибо россияне не знали тогда иного счастия. Самые мирные Иноки возбуждали Князей разить злобных супостатов, ведая, что Бог мира есть также и Бог воинств, подвигнутых любовию ко благу отечества. россияне выступили 26 февраля и в осьмой день стояли уже на Гольтве, ожидая задних отрядов. На берегах Ворсклы они торжественно целовали крест, готовясь умереть великодушно; оставили многие реки за собою и 19 марта увидели Дон. Там воины облеклися в брони и стройными рядами двинулись к югу. Сей знаменитый поход напоминает Святославов, когда отважный внук Рюриков шел от берегов Днепра сокрушить величие Козарской империи. Его смелые витязи ободряли, может быть, друг друга песнями войны и кровопролития: Владимировы и Святополковы с благоговением внимали церковному пению иереев, коим Мономах велел идти пред воинством со крестами. россияне пощадили неприятельский город Осенев (ибо жители встретили их с дарами: с вином, медом и рыбою); другой, именем Сугров, был обращен в пепел. Сии города на берегу Дона существовали до самого нашествия Татар и были, как вероятно, основаны Козарами: Половцы, завладев их страною, и сами уже обитали в домах. 24 марта Князья разбили варваров и праздновали Благовещение вместе с победою; но чрез два дня свирепые враги окружили их со всех сторон на берегах Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство россиян в искусстве воинском. Мономах сражался как истинный Герой и быстрым движением своих полков сломил неприятеля. Летописец говорит, что Ангел свыше карал Половцев и что головы их, *невидимою* рукою ссекаемые, летели на землю: Бог всегда *невидимо* помогает храбрым. – россияне, довольные множеством пленных, добычею, славою (которая, по уверению современников, разнеслася от Греции, Польши, Богемии, Венгрии до самого Рима), возвратились в отечество, уже не думая о своих древних завоеваниях на берегах Азовского моря, где Половцы без сомнения тогда господствовали, овладев Воспорским царством, или Тмутороканским Княжением, коего имя с сего времени исчезло в наших летописях.

[1112 г.] В числе многих Князей, ходивших на Дон с Владимиром и Святополком, был и Давид Игоревич Дорогобужский, памятный злодейством: он скоро умер; область его наследовал зять Мстислава Новогородского, Ярослав Святополкович, который ознаменовал свое мужество двукратною победою над ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества. Сею войною заключились подвиги россиян в бурное Княжение Святополка, умершего в 1113 году. Он имел все пороки малодушных: вероломство, неблагодарность, подозрительность, надменность в счастии и робость в бедствиях. При нем унизилось достоинство Великого Князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лет на престоле, даруя победы отечеству.

Святополк был набожен: готовясь к войне, к путешествию, он всегда брал молитву у печерского игумена, над гробом Феодосия, и там же благодарил Всевышнего за всякую победу;

украшал, строил церкви, – как-то Михаила Златоверхого в Киеве, где погребено тело сего Князя – и в 1108 году велел Митрополиту вписать Феодосиево имя в Синодик для поминовения во всех Российских Епископиях. Довольный наружностию благочестия, он явно преступал святые уставы нравственности, имея наложниц и равняя побочных детей с законными.

Святополк оставил супругу, которая по его смерти раздала великое богатство монастырям, Священникам и бедным (ибо он собрал множество золота, и притом всякими средствами: терпел Евреев в Киеве – вероятно, переехавших к нам из Тавриды, – и сам не стыдился, к утеснению народа, торговать солью, которую привозили купцы из Галича и Перемышля). – Сбыслава, дочь Великого Князя, в 1102 году сочеталась браком с Королем Польским, Болеславом Кривоустым. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвин, Епископ Краковский, исходатайствовал разрешение от Папы: ибо Княжна Российская была в свойстве с Королем. Брачное торжество совершилось в Кракове: Болеслав, в изъявление своего удовольствия, щедро одарил Вельмож Польских. Он уважал тестя и простил своего брата, мятежного Избыгнева, который, в 1106 году приехав в Киев, молил Великого Князя быть посредником между ими. Вторая дочь Святополкова, именем Передслава, в 1104 [году] вышла за Королевича Венгерского, сына Коломанова, Ладислава, или Николая. В то же самое время – в 1104 году – третья Княжна Российская, дочь знаменитого Володаря и племянница Василькова, была выдана за Царевича Греческого, сына Алексиева, Андроника, или Исаакия: первый убит на войне в цветущей юности; второй был родоначальником Императоров Трапезунтских. – Коломан, Государь Венгерский, уже престарелый женился в 1112 году на дочери Мономаховой, Евфимии; но сей брак имел несчастные следствия. Подозревая супругу в неверности, Коломан развелся с нею, и Евфимия беременная возвратилась в отечество, где родила сына, Бориса.

В княжение Святополково Митрополитами были Греки Николай и Никифор: первый ездил Послом к Мономаху от Киевских граждан в 1098 году и ходатайствовал за несчастного племянника Святополкова, Ярослава; при втором сын Давида Черниговского, Святослав, названный за его благочестие *Святошею*, отказался от мира и заключился в Обители Печерской, уважая монашеские добродетели более гражданских. Сей Князь, быв сперва слугою иноков и вратарем, долгое время смирял плоть свою трудами и воздержанием, беспрестанно работая в келье или в саду, им разведенном; отдавал бедным все, что имел, и способствовал в монастыре своем заведению библиотеки. – Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще в церковных летописях прибытием в Новгород Св. Антония Римского, ученого мужа, которому тамошние чиновники и Епископ Никита дали на берегу Волхова место и село для основания монастыря, одного из древнейших в России.

К достопамятностям века Святополкова принадлежит любопытное путешествие Российского Игумена Даниила к Святым Местам, уже завоеванным тогда Крестоносцами. Славный Бальдвин царствовал в Иерусалиме: Даниил в своих записках хвалит его добродетели, приветливость, смирение. Под защитою Королевской дружины сей игумен ходил к Дамаску, в Акру, и мог безопасно осмотреть всю Палестину, где еще скитались толпы неверных и грабили Христиан. Он выпросил дозволение у Бальдвина поставить лампаду над гробом Спасителя и записал в Обители Св. Саввы, для поминания на ектениях, имена Князей Российских: Святополка-Михаила, Владимира-Василия, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратия и Глеба Минского. Достойно замечания, что многие знатные Киевляне и новогородцы находились тогда в Иерусалиме. Алексей Комнин без сомнения приглашал и россиян действовать против общих врагов Христианства; отечество наше имело собственных: но вероятно, что сие обстоятельство не мешало некоторым витязям Российским искать опасностей и славы под знаменами Крестового воинства. Впрочем, быть может, что одно Христианское усердие и желание поклониться гробу Иисусову приводило их в Палестину: ибо мы знаем по иным современным и не менее достоверным свидетельствам, что россияне в XI веке часто давали Небу обет видеть ее места святые.

Описание времен Святополковых заключим известием, что Нестор при сем Князе кончил свою летопись, сказав нам в 1106 году о смерти *доброго* девяностолетнего *старца* Яня, славного Воеводы, жизнию подобного древним Христианским праведникам и сообщившего ему многие сведения для его исторического творения. Отселе путеводителями нашими будут другие, также современные Летописцы.

Глава VII
Владимир Мономах, названный в крещении Василием. 1113-1125

По смерти Святополка-Михаила граждане Киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из Князей Российских должен быть Великим Князем, отправили Послов к Мономаху и звали его властвовать в столице. Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивал его кончину и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести. Вероятно, что он боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи детьми старшего Ярославова сына, по тогдашнему обыкновению долженствовали наследовать престол Великокняжеский. Сей отказ имел несчастные следствия: Киевляне не хотели слышать о другом Государе; а мятежники, пользуясь безначалием, ограбили дом Тысячского, именем Путяты, и всех Жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка. Спокойные граждане, приведенные в ужас таким беспорядком, вторично звали Мономаха. «Спаси нас, говорили их Послы, от неистовства черни; спаси от грабителей дом печальной супруги Святополковой, собственные наши домы и святыню монастырей». Владимир приехал в столицу: народ изъявил необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя великодушного на главном престоле Российском.

Даже и Святославичи не противились общему желанию; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удельными и жили с ним в согласии до самой их кончины. Они счастливее отцев своих торжествовали вместе принесение [2 мая 1115 г.] мощей Св. Бориса и Глеба из ветхой церкви в новый каменный храм Вышегородский: сим действием Владимир изъявил, в начале своего правления, не только набожность, но и любовь к отечеству: ибо древняя Россия признавала оных Мучеников главными ее небесными заступниками, ужасом врагов и подпорою наших воинств. Еще будучи Князем Переяславским, он украсил серебряную раку святых золотом, хрусталем и резьбою столь хитрою, как говорит Летописец, что Греки дивились ее богатству и художеству. Из отдаленнейших стран России собрались тогда в Вышегороде Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; бесчисленное множество людей теснилось на улицах и стенах городских; всякий хотел прикоснуться к святому праху, и Владимир, чтобы очистить дорогу для клироса, велел бросать народу ткани, одежды, драгоценные шкуры зверей, сребреники. Олег дал роскошный пир Князьям; три дня угощали бедных и странников. – Сие торжество, и церковное и государственное, изображая дух времени, достойно замечания в истории.

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах. Титулярник 1672 г.

Мономах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного. Причиною Киевского мятежа было, кажется, лихоимство Евреев: вероятно, что они, пользуясь тогдашнею редкостию денег, угнетали должников неумеренными ростами. Мономах, желая облегчить судьбу недостаточных людей, собрал в Берестовском дворце своем знатнейших Бояр и Тысячских: Ратибора Киевского, Прокопия Белогородского, Станислава Переяславского, Нажира Мирослава и боярина Олегова, Иоанна Чудиновича: рассуждал, советовался с ними и наконец определил, что заимодавец, взяв три раза с одного должника так называемые *третные росты*, лишается уже истинных своих денег или капитала: ибо как ни велики были тогдашние годовые росты, но месячные и третные еще превышали их. Мономах включил сей закон в Устав Ярославов.

Сей Государь щадил кровь людей; но знал, что вернейшее средство утвердить тишину есть быть грозным для внешних и внутренних неприятелей. Сын его Мстислав, два раза победив чудь, завладел городом Оденпе, или *Медвежьею Головою, в Ливонии*. Призванный отцом княжить в Белегороде, он поручил Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовал воинский дух свой счастливым, но многотрудным походом в Финляндию. Худой зимний путь (ибо весна уже наступала) и бедность земли угрожали россиянам голодною смертию; недостаток был так велик, что они за каждый хлеб платили ногату. Меньший брат Мстиславов, Георгий, княживший в Суздале, ходил Волгою на судах в землю казанских болгаров, победил их и возвратился с добычею. Третий сын Мономахов, Ярополк, воевал в окрестностях Дона; взял три города в области Половецкой: Балин, Чешлюев, Сугров; пленил множество Ясов, там обитавших, и в числе их прекрасную девицу, на коей он женился. Около сего же времени Владимир выгнал из России Берендеев, Печенегов и Торков, новых пришельцев: утесняемые Половцами и разбитые ими близ Дона, они искали убежища в окрестностях Переяславля, но, любя грабеж, не могли кочевать там спокойно. Однако ж многие из них остались на Днепре, были известны под общим именем *Черных Клобуков, или Черкасов*, и служили россиянам. – Летопись Владимирова времени упоминает еще о Беловежцах, охотно принятых Великим Князем. Сии обитатели некогда знаменитой крепости Козарской на берегах Дона, взятой мужественным Святославом I, спасаясь от свирепости Половцев, основали новый город в верховье реки Остера и назвали его именем древнего, или Белою Вежею, коей известные разва-

лины (во 120 верстах от Чернигова) свидетельствуют, что в ней находились *каменные* стены, башни, ворота и другие здания. Козары, наученные Греками, строили лучше наших предков.

А. Д. Кившенко. Владимир Мономах: Долобский съезд в 1103 г.

Успехи Мономахова оружия так прославили сего Великого Князя на Востоке и Западе, что имя его, по выражению Летописцев, гремело в мире, и страны соседственные трепетали оного. Если верить новейшим повествователям, то Владимир ужасал и Греческую Империю. Они рассказывают, что Великий Князь, вспомнив знаменитые победы, одержанные его предками над Греками, со многочисленным войском отправил Мстислава к Адрианополю и завоевал Фракию; что устрашенный Алексий Комнин прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую августа Кесаря, венец, златую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимирова; что Неофит, Митрополит Ефесский, вручил сии дары Великому Князю, склонил его к миру, венчал в Киевском Соборном храме Императорским венцем и возгласил Царем Российским. В Оружейной Московской Палате хранятся так называемая *Мономахова златая шапка*, или корона, цепь, держава, скипетр и древние бармы, коими украшаются Самодержцы наши в день своего торжественного венчания и которые действительно могли быть даром Императора Алексия. Мы знаем, что и в X веке Государи Российские часто требовали Царской утвари от Византийских Императоров; знаем также, что Великие Князья Московские XIV столетия отказывали в завещаниях наследнику трона некоторые из сих вещей, сделанных в Греции (как то свидетельствуют надписи оных и самая работа). Но завоевание Фракии кажется сомнительным, и в древних летописях находятся только следующие известия о делах Владимира в отношении к Грекам:

«В 1116 году *супруг Мономаховой дочери Марии, Царевич Леон*, сын бывшего Императора Диогена, собрав войско на берегах Черного моря, вступил в северные области Империи и завладел городами Дунайскими; но Царь Алексий подослал к нему в Доростол двух Аравитян, которые злодейски умертвили его (Августа 15). Тогда Владимир, желая или отмстить за убийство зятя, или сохранить для юного сына Марии, именем Василия, взятые Леоном города, велел идти на Дунай Воеводе Иоанну Войтишичу и сыну своему, Вячеславу, с другим Боярином, Фомою Ратиборовичем; первый действительно занял некоторые из оных, а Вячеслав без успеха отступил от Доростола». Вопреки сему сказанию, Анна Комнина в истории отца ее, славного Императора Алексия, уверяет, что Леон, сын Диогенов, погиб в сражении с турками близ Антиохии. «Чрез некоторое время, – пишет Анна, – явился в Империи обманщик, принявший на себя его имя. Сосланный за то в Херсон, он был освобожден Половцами и, предводительствуя их толпами, шел во Фракию; но, взятый в плен Греками, испытал, что дерзость не остается без наказания: ему выкололи глаза» (в 1096 году). Сего несчастного и

другие Византийские Летописцы именуют самозванцем; но зять Мономахов, убитый в Доростоле, был, конечно, истинным Диогеновым сыном: ибо Владимир, находясь в тесных связях с Двором Константинопольским, не мог, кажется, дать себя в обман лжецу-бродяге. – Вдовствующая супруга Леонова, Мария, скончалась Монахинею в России, где сын ее, Василий, усердно служил Великим Князьям; а города дунайские были скоро возвращены Империи или силою оружия, или вследствие мирных договоров.

[1116–1123 гг.] Владимир, одолевая внешних неприятелей, смирял и внутренних. Князь Минский, Глеб, не хотел ему повиноваться, сжег город Слуцк, захватывал людей между Припятью и Двиною: за то сын Мономахов, Ярополк, опустошил Друцк и вывел жителей в новый городок, для них основанный. Сам Великий Князь, соединясь с Давидом Черниговским и с Ольговичами, взял город Вячеславль, Оршу, Копыс; осаждал Минск, смирил Глеба и, вновь им оскорбленный, привел его как пленника в Киев, где он и скончался. – Беспокойные новогородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнев Мономаха, который, призвав всех тамошних Бояр в Киев, велел им торжественно присягнуть в верности, удержал некоторых у себя, а других заточил. Правые или не столь виновные возвратились домой, узнав опытом, что самый человеколюбивый, но мудрый Государь не оставляет дерзких ослушников без наказания. Уже несколько времени Посадники Новогородские были, кажется, избираемы из тамошних граждан: Владимир, опасаясь их мятежного духа, дал сей сан Киевскому Вельможе Борису.

Сын Святополков Ярослав, или Ярославец, Князь Владимирский, ненавидел жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ее деда: Мономах выступил с войском, соединился с Ростиславичами, Князьями юго-западной России, около двух месяцев держал город Владимир в осаде и принудил Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянник снова оскорбил дядю, с презрением удалив от себя нелюбимую супругу: он бежал в Польшу. Никто из Бояр не хотел за ним следовать, и Великий Князь отдал Владимирский удел сыну своему, Роману, Володареву зятю, который в том же году умер. Мономах послал на его место другого сына, Андрея (женатого на внуке Половецкого Князя, Тугоркана) и велел ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустого, зная, что сей Король, свойственник изгнанного Князя Владимирского, ожидает только удобного случая для объявления войны россиянам. Андрей опустошил соседственные владения Королевские и возвратился с добычею. Ляхи, приведенные Ярославом, хотели взять Червен; но с великим уроном были отражены тамошним Наместником, Фомою Ратиборовичем. Тогда Ярослав прибегнул к Государю Венгерскому, Стефану, который, желая отмстить россиянам за отца своего, побежденного ими на берегах Сана, вступил в область Владимирскую вместе с Богемцами и Поляками. Великий Князь, не имев времени собрать войско, с малою дружиною отправил Мстислава к городу Владимиру, где юный Андрей, осажденный многочисленными неприятелями, не терял бодрости. Уже надменный Ярослав, подъехав к стенам, грозил сыну Мономахову и народу страшною местию в случае сопротивления; осматривал крепость и в уме своем назначал места для приступа, отложенного только до следующего дня. В одну минуту все переменилось. Два человека вышли тайно из крепости, засели на пути, между неприятельским станом и городом, и копьями пронзили неосторожного Ярослава, когда он сам-третий возвращался к союзному войску. Несчастный умер в ту же ночь; а союзники, изумленные его бедствием, спешили заключить мир с Великим Князем. Летописец Венгерский повествует, что Стефан, огорченный смертию Ярослава, клялся взять крепость или умереть; но что Воеводы его не хотели ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили Короля возвратиться в Венгрию.

В стане Владимировых неприятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: каким образом сии два брата, славные благородством и великодушием, могли присоединиться ко врагам России? В древнейших Летописцах Польских находим объяснение. Мужественный Володарь, ужас и бич соседственных Ляхов, не умел защитить себя от

их коварства. Они подослали к нему одного хитрого Вельможу, именем Петра, который вступил в его службу, притворно изъявлял ненависть к Болеславу, вкрался в доверенность к добродушному Князю Перемышльскому, ездил с ним на охоту и в лесу с помощию своих людей, внезапно схватив безоружного Володаря, увез его связанного к себе в замок: что случилось незадолго до осады Владимира. Брат и сын выкупили знаменитого пленника из неволи, отправив в Польшу на возах и вельблюдах множество золота, серебра, драгоценных одежд, сосудов. Сверх того Ростиславичи обязались жить в союзе с Болеславом и находились, кажется, в его стане под Владимиром, единственно для заключения сего договора или желая быть посредниками между изгнанником Ярославом и Великим Князем.

Завоеванием Минска и приобретением Владимира Мономах утвердил свое могущество внутри Государства, но не думал переменить системы наследственных Уделов, столь противной благу и спокойствию отечества. Долговременное обыкновение казалось тогда уже законом; или Владимир боялся отчаянного сопротивления Князей Черниговских, Полоцких и Ростиславичей, которые не уступили бы ему прав своих без страшного кровопролития. Он не имел дерзкой решительности тех людей, кои жертвуют благом современников неверному счастию потомства; хотел быть *первым*, а не *единственным* Князем Российским: покровителем России и Главою частных Владетелей, а не Государем Самодержавным. Справедливость вооружила его против хищника Глеба и Князя Владимирского (ибо сей последний хотел обесчестить семейство Мономахово разводом с дочерью Мстислава и звал иноплеменников грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законного достояния у Князей спокойных. – По кончине гордого Олега и кроткого Давида, вообще уважаемого за его правдивость, меньший их брат, Ярослав, мирно княжил в области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимирко, Ростислав, и Васильковичи, Григорий с Иоанном, наследовали Перемышль, Звенигород, Теребовль и другие места в юго-западной России, когда в 1124 году умерли отцы их, оставив навсегда в России память своих счастливых дел воинских, верности в обетах и любви к отечественной славе.

Княжив в столице 13 лет, Владимир Мономах скончался [19 мая 1125 г.] на 73 году от рождения, *славный победами за Русскую землю и благими нравами,* как говорят древние летописцы. Уже в слабости и недуге он поехал на место, орошенное святою кровию Бориса, и там, у церкви, им созданной, на берегу Альты, предал дух свой Богу в живейших чувствованиях утешительной Веры. Горестные дети и Вельможи привезли его тело в Киев и совершили обряд погребения в Софийском храме. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродетелию; но Владимир отличался Христианским сердечным умилением: слезы обыкновенно текли из глаз его, когда он в храмах молился Вседержителю за отечество и народ, ему любезный. Не менее хвалят Летописцы нежную его привязанность к отцу (которого сей редкий сын *никогда и ни в чем не ослушался*), снисхождение к слабому человечеству, милосердие, щедрость, незлобие: ибо он, по их словам, *творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами*. Но всего яснее и лучше изображает его душу *поучение*, им самим написанное для сыновей. К счастию, сей остаток древности сохранился в одной харатейной летописи и достоин занять место в Истории.

Великий Князь говорит вначале, что дед его, Ярослав, дал ему Русское имя Владимира и Христианское Василия, а отец и мать прозвание *Мономаха*, или *Единоборца*: для того ли, что Владимир действительно был по матери внук Греческого Царя Константина Мономаха, или в самой первой юности изъявлял особенную воинскую доблесть? – «Приближаясь ко гробу, – пишет он, – благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: *он говорит несправедливо!*

Страх Божий и любовь к человечеству есть основание добродетели. Велик Господь, чудесны дела Его!» Описав в главных чертах, и по большей части словами Давида, красоту творения и благость Творца, Владимир продолжает:

«О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не Монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных; кормите их, и мыслите, что всякое достояние есть Божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли: сие противно Христианству. Будьте отцами сирот: судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа Христианина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: *изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник!* Но я ответствовал: *не могу забыть крестного целования*, развернул Псалтырь и читал с умилением: *вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему. Не ревнуй лукавнующим ниже завиди творящим беззаконие*. – Не оставляйте больных; не страшитесь видеть мертвых: ибо все умрем. Принимайте с любовию благословение Духовных; не удаляйтесь от них; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: *мы тленны; ныне живы, а завтра во гробе.* – Бойтесь всякой лжи, пиянства и любострастия, равно гибельного для тела и души. – Чтите старых людей как отцов, любите юных как братьев. – В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на Отроков и Тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. – На войне будьте деятельны; служите примером для Воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапу: для того не слагайте с себя оружия, где может встретиться опасность, и рано садитесь на коней. – Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду Княжеским Отрокам; а где остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знаменитого и простого, и купца и Посла; если не можете одарить его, то хотя брашном и питием удовольствуйте: ибо гости распускают в чужих землях и добрую и худую об нас славу. – Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. – Любите жен своих, но не давайте им власти над собою. – Все хорошее, узнав, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил *пятью языками*: за что хвалят нас чужестранцы. Леность – мать пороков: берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне, не имея дела, вместо суетных мыслей читайте наизусть молитвы или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй*. Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славили господа с радостию и говорили: *Просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет Твои красный*. Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам Бог присудил отдыхать в час полуденный. – Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть Отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя; не надеялся на посадников и бирючей; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам назирал церковь и Божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов». – Исчислив свои дела воинские, уже известные Читателю, Владимир пишет далее: «Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомню. Я заключил с Половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их Князей и выпустил из неволи, а более двух сот казнил и потопил в реках. – Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве у родителя прежде Вечерен. – Любя охоту, мы часто ловили зверей с вашим дедом. Своими руками в густых лесах вязал я диких коней вдруг по нескольку. Два раза буйвол метал меня на рогах, олень бодал, лось топтала ногами; вепрь сорвал меч с бедры моей, медведь прокусил седло; лютый зверь однажды бросился и низвергнул коня подо мною. Сколько раз я падал с лошади! Дважды разбил себе голову, повреждал руки и ноги, не блюдя

жизни в юности и не щадя головы своей. Но Господь хранил меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни зверей свирепых; но являйтесь мужами во всяком случае, посланном от Бога. Если Провидение определит кому умереть, то не спасут его ни отец, ни мать, ни братья. Хранение Божие надежнее человеческого».

Без сего завещания, столь умно писанного, мы не знали бы всей прекрасной души Владимира, который не сокрушил чуждых государств, но был защитою, славою, утешением собственного; и никто из древних Князей Российских не имеет более права на любовь потомства: ибо он с живейшим усердием служил отечеству и добродетели. Если Мономах один раз в жизни не усомнился нарушить права народного и вероломным образом умертвить Князей Половецких, то можем отнести к нему слова Цицероновы: *век извиняет человека*. Считая Половцев врагами Христианства и Неба (ибо они жгли церкви), россияне думали, что истреблять их, каким бы то образом ни было, есть богоугодное дело.

К сожалению, древние Летописцы наши, рассказывая подробно воинские и церковные дела, едва упоминают о государственных или гражданских, коими Владимир украсил свое правление. Знаем только, что он, желая доставить народу все возможные удобности, сделал на Днепре мост; часто ездил в Ростовскую и Суздальскую землю, наследственную область Всеволодова Дому, для хозяйственных распоряжений; выбрал прекрасное место на берегу Клязьмы, основал город, назвал его *Владимиром Залесским*, окружил валом и построил там церковь Св. Спаса. Сын его, Мстислав, распространил в 1114 году укрепления новогородские, а Посадник, именем Павел, заложил каменную стену в Ладоге.

Во время Мономахова княжения, довольно спокойное и мирное в сравнении с другими, были некоторые бедствия: редкая засуха в 1124 году и сильный в Киеве пожар, который продолжался два дня, обратив в пепел большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*. Народ с ужасом видел еще одно совершенное затмение солнца и звезды на небе в самый полдень. В южной России случились два землетрясения, а в северной страшная буря, которая срывала домы и потопила множество скота в Волхове.

Мономах оставил пять сыновей и супругу третьего брака. Нет сомнения, что *первою* была Гида, дочь Английского Короля Гаральда, о коей мы упоминали и которая, по известию древнего Историка Датского, около 1070 года вышла за нашего Князя, именем Владимира. Норвежские Летописцы сказывают, что сын Гиды и сего Князя женился на Христине, дочери Шведского Короля Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владимировича действительно называлась Христиною. Ее дочери, внуки Мономаховы, вступили в знаменитые брачные союзы: одна с Норвежским Королем Сигурдом, а после с Датским Эриком Эдмундом; *вторая* с Канутом Святым, Королем Оботритским, отцом *Вальдемара*, славного Государя Датского, названного сим именем, может быть, в честь его великого прадеда, *Владимира* Мономаха; *третия* с Греческим Царевичем: думаю, сыном Императора Иоанна; Алексием, коего супруга именем и родом неизвестна по Византийским летописям.

В год сего бракосочетания (1120) приехал из Константинополя в Россию Митрополит Никита и заступил место умершего Никифора, мужа знаменитого сведениями и красноречием: чего памятником остались два письма его к Мономаху: первое *о разделении Церквей*, Восточной и Западной; второе о *посте*, особенно любопытное, ибо оно содержит в себе не только богословские, но и философические умствования, заключаемые хвалою добродетелей Мономаховых. – «*Разум,* – пишет Никифор, – *разум есть светлое око души, обитающей во главе*. Как ты, Государь мудрый, сидя на престоле, чрез Воевод своих управляешь народом, так душа посредством пяти чувств правит телом. Не имею нужды во многоречии: ибо ум твой летает быстро, постигая смысл каждого слова. Могу ли предписывать тебе законы для умеренности в чувственных наслаждениях, когда ты, сын Княжеской и Царской (Греческой) крови, Властитель земли сильныя, не знаешь дому, всегда в трудах и путешествиях, спишь на голой земле, единственно для важных дел государственных вступаешь во дворец светлый и, снимая с себя

любимую одежду простую, надеваешь Властительскую; когда, угощая других обедами Княжескими; сам только смотришь на яства роскошные?… Восхвалю ли тебе и другие добродетели? Восхвалю ли щедрость, когда десница твоя ко всем простерта; когда ты ни сребра ни злата не таишь, не считаешь в казне своей, но обеими руками раздаешь их, хотя оскудеть не можешь, ибо благодать Божия с тобою?… Скажу единое: как душа обязана испытывать или поверять действия чувств, зрения, слуха, ее всегдашних орудий, дабы не обмануться в своих заключениях: так и Государь должен поверять донесения Вельмож. Вспомни, кто изгнан, кто наказан тобою: ни клевета ли погубила сих несчастных?… Князь любезный! Да не оскорбит тебя искренняя речь моя! Не думай, чтобы я слышал жалобу осужденных и за них вступался; нет, пишу единственно на воспоминание тебе: ибо власть великая требует и великого отчета; а мы начинаем теперь пост, время душеспасительных размышлений, когда Пастыри церковные должны и Князьям смело говорить истину. Ведаю, что мы сами, может быть, в злом недуге; но слово Божие в нас здраво и цело: ежели оно полезно, то надобно ли входить в дальнейшее исследование? Человек в лице, Бог в сердце», и проч. – Таким образом древние учители нашей Церкви беседовали с Государями, соединяя усердную хвалу с наставлением Христианским. Слог сих писем ознаменован печатаю века: груб, однако ж довольно ясен, и многие выражения сильны.

Глава VIII
Великий князь Мстислав. 1125-1132

Мстислав Владимирович наследовал достоинство Великого Князя. Братья его господствовали в Уделах: Ярополк в Переяславле, Вячеслав в Турове, Андрей в Владимире, Георгий в Суздале; а сыновья, Изяслав и Ростислав, в Курске и Смоленске. – Новый Государь, уже давно известный мужеством и великодушием, явил добродетели отца своего на престоле России: имел ту же ревностную любовь к общему благу, ту же твердость, соединенную в нем, подобно как в Мономахе, с нежною чувствительностию души.

Княжение его, к несчастию кратковременное, прославилось разными успехами воинскими, которыми он желал единственно успокоить Государство и восстановить древнее величие оного.

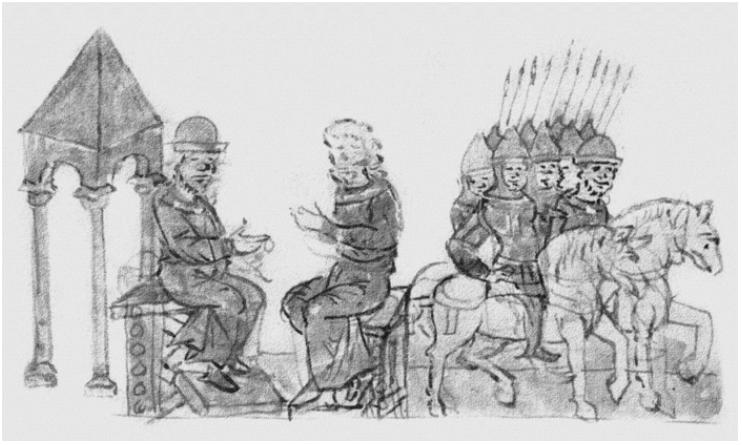
Половцы, сведав о кончине Мономаха, думали, что Россия осиротела и будет снова жертвою их грабительства. Они хотели соединиться с Торками, кочевавшими близ Переяславля; но Ярополк Владимирович, тамошний Князь, узнал о сем намерении: велел Торкам въехать в город и сам, не имев терпения дождаться помощи от своих братьев, с одною Переяславскою дружиною ударил на варваров, разбил их и множество потопил в реках.

[1127 г.] Мстислав, объявив себя покровителем утесненных Князей, должен был обнажить меч на Всеволода Ольговича, который выгнал из Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвил его Бояр верных и разграбил их домы. Мстислав клялся изгнанному Князю наказать сего мятежного сына Олегова. Следуя несчастному примеру отца, Всеволод заключил союз с Половцами: варвары, в числе семи тысяч, спешили к границам России, дав весть о том Черниговскому хищнику; но Послы их не могли уже возвратиться и были схвачены, в окрестностях реки Сейма, Посадниками Ярополка. Ожидав долгое время ответа и боясь измены, Половцы ушли наконец восвояси. Тогда Всеволод прибегнул к смирению; молил Великого Князя забыть вину его и между тем осыпал дарами Вельмож Киевских. Мстислав еще не колебался, однако ж медлил, и несчастный дядя сам приехал из Мурома, чтобы напомнить ему священный обет мести. Бояре, не ослепленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорий, Игумен Андреевской Обители, любимец покойного Мономаха, весьма уважаемый Великим Князем, говорил, что миролюбие есть должность Христианина. Митрополит Никита уже скончался, и Церковь Российская не имела главы: сей Игумен склонил на свою сторону всех духовных сановников, которые торжественно сказали Мстиславу: «Государь! Лучше преступить клятву, нежели убивать христиан. Не бойся греха: мы берем его на свою душу». Убежденный ими, Великий Князь примирился со Всеволодом, и бедный Ярослав с горестию возвратился в Муром (где и скончался через два года, оставив сию область и Рязанскую в наследие сыновьям). Мстислав забыл наставление отца: «Дав клятву, исполняйте оную!» Щадить кровь людей есть без сомнения добродетель; но Монарх, преступая обет, нарушает закон Естественный и Народный; а миролюбие, которое спасает виновного от казни, бывает вреднее самой жестокости. К чести Мстислава скажем, что он во всю жизнь свою оплакивал сей проступок.

Князь Мстислав I. Гравюра 1805 г.

Великий Князь, излишно снисходительный в отношении ко Всеволоду, отмстил по крайней мере варварам, его союзникам. Летописцы говорят, что войско Мстислава «загнало Половцев не только за Дон, но и за Волгу» и что они уже не смели беспокоить наших пределов.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владимирко и Ростислав, начали ссориться между собою: однако ж, боясь его, не смели воевать друг с другом. Исполняя завещание отца, первый господствовал в Звенигороде, а второй в Перемышле. Когда же Мономах скончался, Владимирко хотел изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Иоанн и Григорий; также и Великий Князь Мстислав, желая единственно отвратить зло насилия. Мирные убеждения, съезды и переговоры в Серете остались бесполезными: Владимирко уехал в Венгрию, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростислав осадил Звенигород, где 3000 Венгров и россиян оборонялись столь мужественно, что он должен был отступить. Но сия война не имела дальнейших следствий. Владимирко, возвратясь в отчизну, смирился; ибо Великий Князь решительно требовал, чтобы каждый из братьев довольствовался своим уделом.



Вокняжение в Киеве Мстислава Владимировича Великого; отъезд Ярополка Владимировича на княжение в Переяславль. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Важнейшее происшествие сего времени есть падение знаменитого дома Князей Полоцких, которые издавна отделились, так сказать, от России, желая быть Владетелями независимыми. Мстислав решился покорить сию древнюю область Кривичей и сделал то, чего напрасно хотели его деды. Он привел в движение силы многих Князей; велел идти братьям своим, Вячеславу из Турова, Андрею из Владимира, сыну Изяславу из Курска, дав ему собственный полк Княжеский; Ростиславу, другому сыну, из Смоленска; Всеволодку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, из Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, из Клецка. Все они долженствовали начать военные действия в один день. Всеволод Ольгович, послушный Великому Князю, и братья его вместе с отрядом верных Торков, отданных в начальство Боярину Ивану Войтишичу, в то же время шли к Минскому городу Борисову. Изяслав взял Логожск еще ранее назначенного Мстиславом дня и спешил соединиться с дядями, обступившими город Изяславль, Удел знаменитой Рогнеды, первой супруги Св. Владимира. Там находился Брячислав, сын Бориса Всеславича, зять Мстиславов: хотев бежать к отцу, он попался в руки к своему шурину, который вел с собою многих пленных Логожан. Узнав, что сии пленники и Брячислав довольны умеренностию победителя, осажденные граждане решились сдаться, но требовали клятвы от Вячеслава, сына Мономахова, что он защитит их от всякого насилия. Клятва была дана и нарушена. Ночью, вслед за дружиною Тысячских, посланною в город, бросились все воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотели остановить их; едва спасли имение дочери Мстиславовой, мечем удержав неистовых грабителей, а бедных граждан отдали им в жертву. Скоро и Всеволод, старший сын Великого Князя, вступил с Новогородцами в область Полоцкую: устрашенные жители не оборонялись и выгнали своего Князя, Давида, на место коего, согласно с их желанием, Мстислав дал им Рогволода, брата Давидова; а чрез два года [в 1129 г.] отправил всех Князей Полоцких в ссылку за то, как сказано в некоторых летописях, что они не хотели действовать вместе с ним против врагов нашего отечества, Половцев. Всеславичи Давид, Ростислав, Святослав, и племянники их Василько, Иоанн, сыновья Рогволодовы, с женами и детьми были на трех ладиях отвезены в Константинополь. Мстислав отдал Княжение Полоцкое и Минское сыну своего Изяславу.

[1130–1132 гг.] Князь Новгородский Всеволод, соединясь с братьями, два раза ходил на Чудь, или Эстонцев, зимою: обратил в пепел селения, умертвил жителей, взял в плен их жен и детей; но в другом походе сам лишился многих воинов. Сей народ ненавидел россиян как утеснителей, отрекался платить дань и сопротивлением отягчал свою долю. – Сам Великий Князь воевал Литву и привел в Киев великое число пленников. Тогдашние беспрестанные войны доставляли нашим Князьям и Боярам множество невольников, которые отчасти шли в продажу, отчасти (как надобно думать) были расселяемы по деревням.

Мстислав, по возвращении из Литвы, скончался [15 апреля 1132 г.] на 56 году от рождения, заслужив имя Великого. Он умел властвовать, хранил порядок внутри Государства, и если бы дожил до лет отца своего, то мог бы утвердить спокойствие России на долгое время. – Сей Великий Князь, вторично женатый на дочери знатного Новогородца, Димитрия Завидича, имел от нее двух сыновей: Святополка и Владимира (кроме дочерей, из коих одна была за Всеволодом Ольговичем Черниговским). Старшие их братья родились от Христины, первой супруги.

Сверх тогдашних мнимых ужасов, солнечных затмений и легкого землетрясения в южной России (Августа 1, 1126 года) действительным несчастием княжения Мстиславова был страшный голод в северных областях, особенно же в новогородской. От жестокого, совсем необыкновенного холода вымерзли озими, глубокий снег лежал до 30 апреля, вода затопила нивы, селения, и земледельцы весною увидели на полях, вместо зелени, одну грязь. Правительство не имело запасов, и цена хлеба так возвысилась, что осьмина ржи в 1128 году стоила нынешними серебряными деньгами около рубля сорока копеек. Народ питался мякиною, лошадиным мясом, липовым листом, березовою корою, мхом, древесною гнилью. Изнуренные голодом

люди скитались как привидения; падали мертвые на дорогах, улицах и площадях. Новгород казался обширным кладбищем; трупы заражали воздух смрадом тления, и наемники не успевали вывозить их. Отцы и матери отдавали детей купцам иноземным в рабство, и многие граждане искали пропитания в странах отдаленных. «Новгород опустел», говорят Летописцы: однако ж войско его чрез год уже разило неприятелей, торговля цвела по-прежнему, купеческие суда ходили в Готландию и Данию.

Заметим, что самая древнейшая из подлинных Княжеских грамот Русских, доныне нам известных, есть Мстиславова, данная им Новогородскому Юрьевскому монастырю, вместо крепости, на земли и судные пошлины, с приписью сына его, Всеволода, что он дарит тому же монастырю серебряное блюдо для употребления за братскою трапезою.

Глава IX
Великий князь Ярополк. 1132-1139

Превосходные достоинства Мстислава удерживали частных Князей в границах благоразумной умеренности: кончина его разрушила порядок. [1132 г.] Граждане Киевские объявили Ярополка Владимировича Государем своим и призвали его в столицу. Согласно с торжественным договором, заключенным между им и старшим братом, в исполнение Мономахова завещания, он уступил Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новогородский, приехав туда, чрез несколько часов был изгнан дядею, Георгием Владимировичем, Князем Суздальским и Ростовским, который заключил союз с меньшим братом Андреем и боялся, чтобы Ярополк не сделал Всеволода наследником Киевского престола. Великий Князь убедил Георгия выехать из Переяславля; но, чтобы успокоить братьев, отдал сию область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Таким образом слабость нового Государя обнаружилась в излишней снисходительности, и несчастные следствия доказали, сколь малодушие его было вредно для Государства. новогородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну область) уже не хотели принять Всеволода. «Забыв клятву умереть с нами (говорили они), ты искал другого княжения: иди же, куда тебе угодно!» Несчастный Князь должен был удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сделались их совместниками в могуществе, будучи с того времени избираемы народом. – Полочане также воспользовались отсутствием Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Князем своим Василька Рогволодовича, который возвратился тогда из Царяграда.

[1133–1134 гг.] Новые перемены служили только поводом к новым беспорядкам и неудовольствиям. Желая совершенно угодить братьям, Ярополк склонил Изяслава уступить Переяславль дяде своему, Вячеславу. Племянник в замену получил Туров и Пинск, сверх его прежней Минской области; был доволен и ездил в Уделы Мстиславичей, в Смоленск, в Новгород, собирать дары и налоги для Ярополка. Достойно примечания, что Новгород, владея отдаленными странами нынешней Архангельской губернии, платил за них Великим Князьям особенную дань, которая называлась *печорскою*. Но скоро верность Изяслава и братьев его поколебалась: легкомысленный Вячеслав, жалея о своем бывшем уделе, отнял у племянника Туров, а Георгий Владимирович взял Переяславль, отдав за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области. Огорченный Изяслав прибегнул ко Всеволоду: сей Новогородский Князь незадолго до того времени победил мятежную Чудь, взял Юрьев, или Дерпт, основанный Великим Ярославом, и в надежде на свою храбрость обещал брату завоевать для него область Суздальскую. Он не сдержал слова: дошел только до реки Дубны и возвратился. Между тем в Новегороде господствовало неустройство: народ волновался, избирал, сменял Посадников и даже утопил одного из главных чиновников своих, бросив его с моста, который служил Новогородцам вместо скалы Тарпейской. Недовольные худым успехом Всеволодова похода, они требовали войны и хотели снова идти к Суздалю. Напрасно Михаил, тогдашний Митрополит Киевский, приехав к ним, старался отвратить их от сего междоусобия: новогородцы считали оное нужным для своей чести; не пустили от себя Митрополита и, несмотря на жестокость зимы, выступили в поле 31 декабря [1133 г.]; с удивительным терпением сносили холод, вьюги, метели и кровопролитною битвою, 26 генваря, на долгое время прославили Жданову гору (в нынешней Владимирской губернии); потеряли множество людей, убили еще более Суздальцев, но не могли одержать победы; возвратились с миром и немедленно освободили Митрополита, который предсказал им несчастные следствия их похода.

Князь Ярополк II. Гравюра 1805 г.

И южная Россия была в сие время феатром раздора. Ольговичи, Князья Черниговские, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьям его; призвали Половцев; жгли города, села; грабили, пленяли россиян и заключили мир под Киевом. Изяслав был тут же. Он не ходил вторично с Новогородцами в область Суздальскую: Великий Князь уступил ему Владимир, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростов и Суздаль возвратил Георгию, который сверх того удержал за собою Остер в южной России. В сем случае новогородцы поступили как истинные, добрые сыны отечества: не хотев взять участия в междоусобии, они прислали своего Посадника Мирослава и наконец Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоразумия. Нифонт, муж строгой добродетели, сильными убеждениями тронул их сердца и более всех способствовал заключению мира.

[1135 г.] Но чрез несколько месяцев опять возгорелась война, и Князья Черниговские новыми злодействами устрашили бедных жителей Переяславской области. В жестокой битве, на берегах Супоя, Великий Князь лишился всей дружины своей; она гналась за Половцами и была отрезана неприятелями: ибо Ярополк с большею частию войска малодушно оставил место сражения. Пленив знатнейших Бояр, Ольговичи взяли и знамя Великого Князя. Василько, сын Мономаховой дочери, Марии, и Греческого Царевича Леона, находился в числе убитых. – Завоевав Триполь, Халеп, окрестности Белагорода, Василева, победители уже стояли на берегах Лыбеди, когда Ярополк, готовый ко вторичной битве, но ужасаясь кровопролития, вопреки мнению братьев предложил мир и согласился уступить Ольговичам Курск с частию Переяславской области. Митрополит ходил к ним в стан и приводил их к целованию креста, по тогдашнему обычаю.

[1136 г.] Между тем новогородцы, миря других, сами не умели наслаждаться внутреннею тишиною. Князь был жертвою их беспокойного духа. Собрав граждан Ладожских, Псковских, они торжественно осудили Всеволода на изгнание, ставя ему в вину, 1) что «он не *блюдет* простого народа и любит только забавы, ястребов и собак; 2) хотел княжить в Переяславле; 3) ушел с места битвы на Ждановой горе прежде всех и 4) непостоянен в мыслях: то держит сторону Князя Черниговского, то пристает ко врагам его». Всеволод был заключен в Епископском доме с женою, детьми и тещею, супругою Князя Святоши; сидел как преступник 7 недель за всегдашнею стражею тридцати воинов, и получил свободу, когда Святослав Ольгович, брат Князя Черниговского, избранный народом, приехал княжить в Новгород. Оставив там амана-

том юного сына своего, Владимира, Всеволод искал защиты Ярополковой, и добросердечный Великий Князь, забыв вину сего племянника (хотевшего прежде, в досаду ему, овладеть Суздальскою землею), дал изгнаннику Вышегород; но равнодушно смотрел на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояние Государей Киевских, уже не признавала над собою их власти.

[1137 г.] Мятеж продолжался в Новегороде. Всеволод имел там многих ревностных друзей, ненавистных народу, который одного из них, именем Георгия Жирославича, бросил в Волхов. Сии люди, не теряя надежды успеть в своем намерении, хотели даже застрелить Князя Святослава. Сам Посадник держал их сторону и наконец с некоторыми знатными Новогородцами и Псковитянами ушел ко Всеволоду, сказывая ему, что все добрые их сограждане желают его возвращения. Рожденный, воспитанный с ними, сей Князь любил Новогород как отчизну и неблагодарных его жителей как братьев; тосковал в изгнании и с сердечною радостию спешил приближиться к своей наследственной столице. На пути встретил его с дружиною Василько Рогволодович, Князь Полоцкий, в 1129 году сосланный Мстиславом в Константинополь: он имел случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько был великодушен: видел Всеволода в несчастии и клялся забыть древнюю вражду; желал ему добра и сам с честию проводил его чрез свои области.

Псковитяне с искренним усердием приняли Всеволода: новогородцы же не хотели об нем слышать и, сведав, что он уже во Пскове, разграбили домы его доброжелателей, а других обложили пенями, и собранные 1500 гривен отдали купцам на заготовление нужных вещей для войны. Святослав призвал брата своего, Глеба, из Курска; призвал самых Половцев. Уже варвары надеялись опустошить северную Россию, как они с жестоким отцом сего Князя грабили южную; но Псковитяне решились быть друзьями Всеволода: завалив все дороги в дремучих лесах своих, они взяли такие меры для обороны, что устрашенный Святослав не хотел идти далее Дубровны и возвратился. Таким образом город Псков сделался на время особенным Княжением: Святополк Мстиславич наследовал сию область по кончине брата своего, набожного, благодетельного Всеволода-Гавриила, коего гробницу и древнее оружие доныне показывают в тамошней соборной церкви.

новогородцы, избрав Святослава, объявили себя неприятелями Великого Князя, также Суздальского и Смоленского. Псковитяне не хотели иметь с ними сношения; ни Василько, Князь Полоцкий, верный союзник Всеволодов. Лишенные подвозов, они терпели недостаток в хлебе (которого осьмина стоила тогда в Новегороде 7 резаней), и неудовольствие народное обратилось на Князя невинного. Одно духовенство имело некоторую причину жаловаться на Святослава: ибо он сочетался каким-то незаконным браком в Новегороде, не уважив запрещения Епископского и велев обвенчать себя собственному или придворному Иерею. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростию, возобновить древний устав Владимиров о церковной дани, определив Епископу брать, вместо *десятины от Вир* и *продаж*, 100 гривен из казны Княжеской, кроме уездных оброков и пошлины с купеческих судов. Но Святослав не мог успокоить народа и был изгнан с бесчестием. Желая защитить себя от мести Ольговичей, граждане оставили в залог у себя его Бояр и Княгиню; сослали ее в монастырь Св. Варвары и призвали в Новгород Ростислава, внука Мономахова, сына Георгиева; заключили мир с Великим Князем, Псковитянами и хвалились своею мудрою Политикою. – Горестный Святослав, разлученный с женою, на пути своем в Чернигов был остановлен смоленскими жителями и заперт в монастыре Смядынском: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Сии беспокойные Князья вместе с Половцами ограбили селения и города на берегах Сулы. Андрей Владимирович не мог отразить их, ни иметь скорой помощи от братьев, которые, в надежде на мир, распустили войско. Он не хотел быть свидетелем бедствия своих подданных и спешил уехать из Переяславля, оставив их в добычу врагам и не менее хищным Наместни-

кам. Заключение Святослава еще более остервенило жестоких Ольговичей; пылая гневом, они как тигры свирепствовали в южной России, взяли Прилук, думали осадить Киев. Но Ярополк собрал уже сильную рать, заставил их удалиться и скоро приступил к Чернигову. Не только все Российские Князья соединились с ним, но и Венгры дали ему войско: в стане его находились еще около 1000 конных Берендеев или Торков. Жители Черниговские ужаснулись и требовали от своего Князя, Всеволода, чтобы он старался умилостивить Ярополка. «Ты хочешь бежать к Половцам, – говорили они: – но варвары не спасут твоей области: мы будем жертвою врагов. Пожалей о народе и смирися. Знаем человеколюбие Ярополково: он не радуется кровопролитию и гибели россиян». Черниговцы не обманулись: Великий Князь, тронутый молением Всеволода, явил редкий пример великодушия или слабости: заключив мир, утвержденный с обеих сторон клятвою и дарами, возвратился в Киев и скончался [18 февраля 1139 г.]. Сей Князь, подобно Мономаху, любил добродетель, как уверяют Летописцы; но он не знал, в чем состоит добродетель Государя. С его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая в течение целого века была главным несчастием России: ибо первые не хотели довольствоваться своею наследственною областию и не могли, завидуя вторым, спокойно видеть их на престоле Великокняжеском.

Вместе с другими россиянами находилась под Черниговом, в Ярополковом стане, и вспомогательная дружина *Галицкая*: так с сего времени называется в летописях юго-западная область России, где сын Володарев, честолюбивый Владимирко, господствуя вместе с братьями, перенес свою особенную столицу на берег Днестра, в Галич, и прославился мужеством. Он не мог забыть коварного злодеяния Ляхов, столь бесчестно плениших Володаря, и мстил им при всяком случае. Какой-то знатный Венгерец, Болеславов Вельможа, начальник города Вислицы, изменив Государю, тайно звал Галицкого Князя в ее богатую область. Владимирко без сопротивления завладел оною и сдержал данное Венгерцу слово: осыпал его золотом, ласкою, почестями; но, гнушаясь злодеянием, велел тогда же ослепить сего изменника и сделать евнухом. «Изверги не должны иметь детей, им подобных», – сказал Владимирко, хотев таким образом согласить природную ненависть к Полякам с любовию к добродетели. Он удовольствовался взятою добычею и не мог удержать за собою Вислицы. Польские Летописцы говорят, что Болеслав старался отмстить ему таким же грабежом в Галицкой области: свирепствовал огнем и мечом, плавал в крови невинных земледельцев, пастырей, жен, и возвратился *с честию*. Тогдашние ужасы войны без сомнения превосходили нынешние и казались не злодейством, но ее принадлежностию, обыкновенною и необходимою.

Владимирко – то враг, то союзник венгров – участвовал также в войне Бориса, сына Евфимии, Мономаховой дочери, с Королем Белою *Слепым*. Еще в утробе матери осужденный на изгнание и воспитанный в нашем отечестве, Борис, возмужав, хотел мечом доказать силу наследственных прав своих и вступил в Венгрию с россиян*ами*, его союзниками, и с Болеславом Польским; но в решительной битве не выдержал первого удара Немцев и бежал как малодушный, не умев воспользоваться благорасположением многих Венгерских Бояр, которые думали, что он был законный сын их Государя и что Коломан единственно по ненависти своей к Российской крови изгнал супругу, верную и невинную. Напрасно искав защиты Немецкого Императора, Борис чрез несколько лет явился в стане Людовика VII, когда сей Французский Монарх шел чрез Паннонию в Обетованную землю. Узнав о том, Гейза, Король Венгерский, требовал головы своего опасного неприятеля; но Людовик сжалился над несчастным и, призвав на совет Епископов, объявил Послам Гейзы, что требование их Короля не согласно ни с честию, ни с Верою Христианскою. Борис, женатый на родственнице Мануила, Греческого Императора, удалился в Царьград, выехав тайно из Французского стана на коне Людовиковом; воевал еще с Гейзою под знаменами Мануила и был застрелен изменником, Половецким воином, в 1156 году. Сын его, *младший* Коломан, известный храбростию, служил после Грекам и правительствовал в Киликии.

Глава X
Великий князь Всеволод Ольгович. 1139-1146

Вячеслав, Князь Переяславский, спешил в Киев быть наследником Ярополковым, и Митрополит, провождаемый народом, встретил его [22 февраля 1139 г.] как Государя. Но Всеволод Ольгович не дал ему времени утвердить власть свою: узнав в Вышегороде о кончине Ярополковой, немедленно собрал войско; обступил Киев и зажег предместие Копыревское. Устрашенный Вячеслав послал Митрополита сказать Всеволоду: «Я не хищник; но ежели условия наших отцев не кажутся тебе законом священным, то будь Государем Киевским: иду в Туров». Он действительно уехал из столицы, а Всеволод с торжеством сел на престоле Великокняжеском, дав *светлый* пир Митрополиту и Боярам; вино, мед, яства, овощи были развозимы для народа; церкви и монастыри получили богатую милостыню. – К неудовольствию брата своего, Игоря, Всеволод отдал Чернигов сыну Давидову, Владимиру.

Новый Великий Князь изъявил желание остаться в мире с сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотели ехать к нему, замышляя свергнуть его с престола. Тогда Всеволод решился отнять у них владения и послал Воевод на Изяслава Мстиславича. Сия рать, объятая ужасом прежде битвы, возвратилась с уничижением и стыдом. В намерении загладить первую неудачу, Всеволод приказал брату Князя Черниговского, Изяславу Давидовичу, вместе с Галицкими Князьями воевать область Туровскую и Владимирскую; а сам выступил против Андрея, гордо объявив ему, чтобы он ехал в Курск и что Переяславль должен быть уделом Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна не боялся врагов многочисленных. «Нет! – ответствовал сей Князь: – дед, отец мой княжили в Переяславле, а не в Курске; здесь моя отчина и дружина верная: живой не выйду отсюда. Пусть Всеволод обагрит свои руки моею кровию! Не он будет первый: Святополк, подобно ему властолюбивый, умертвил так же Бориса и Глеба; но долго ли пользовался властию?» Великий Князь стоял на берегах Днепра и велел Святославу изгнать Андрея: но мужественный сын Мономахов, обратив его в бегство, купил победою мир. К чести Всеволода сказано в летописи, что он во время договоров, видя ночью сильный пожар в Переяславле, не хотел воспользоваться оным. Сии два Князя, обещав забыть вражду, чрез несколько дней съехались в Малотине для заключения союза с Ханами Половецкими.

Между тем Владимирко Галицкий с Иоанном Васильковичем, брат Черниговского Князя с Половцами и Ляхи, союзники Всеволодовы, вошли в область Изяславову и Туровскую. Но гордый Владимирко, стыдясь быть слугою или орудием Государя Киевского, искал в юном, мужественном Изяславе Мстиславиче не врага, а достойного сподвижника в опасностях славы: они встретились в поле для того, чтобы расстаться друзьями. ляхи же и Половцы удовольствовались одним грабежом. Сим война кончилась. Благоразумный Всеволод не отвергнул мирных предложений Изяслава и дяди его, Вячеслава Туровского; дал слово не тревожить их в наследственных Уделах и желал согласить своечестолюбие с государственною тишиною.

[1140–1142 гг.] Еще Георгий Владимирович, Князь Суздальский, оставался его врагом, прибыл в Смоленск и требовал войска от Новогородцев, чтобы отмстить Всеволоду. Юный Князь их, Ростислав, представлял им обязанность вступиться за честь Мономахова Дому; но думая о выгодах мирной торговли более, нежели о чести Княжеской, они не хотели вооружиться. Ростислав ушел к отцу: Георгий в наказание отнял у Новогородцев Торжок. Сии люди выгоняли Князей, но не могли жить без них: звали к себе вторично Святослава и в залог верности дали аманатов Всеволоду. Святослав приехал; однако ж спокойствия и тишины не было. Распри господствовали в сей области. Князь и любимцы его также питали дух несогласия и мстили личным врагам: некоторых знатных Бояр сослали в Киев или заключили в оковы; другие бежали в Суздаль. Всеволод хотел послать сына своего на место брата, и граждане, в

надежде иметь лучшего Князя, отправили за ним Епископа Нифонта в Киев. Тогда, не уверенный в своей безопасности, Святослав уехал тайно из Новагорода вместе с Посадником Якуном. Народ озлобился; догнал несчастного любимца Княжеского, оковал цепями и заточил в область Чудскую, равно как и брата Якунова, взяв с них 1100 гривен пени. Сии изгнанники скоро нашли верное убежище там же, где и враги их: при Дворе Георгия Владимировича, и, благословляя милостивого Князя, навсегда отказались от своего мятежного отечества.

Уже сын Всеволодов был на пути с Нифонтом и доехал до Чернигова, когда ветреные новогородцы, переменив мысли, дали знать Великому Князю, что не хотят ни сына, ни ближних его и что один род Мономахов достоин управлять ими. Оскорбленный Всеволод задержал их Послов и самого Нифонта. Узнав о том, новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему как общему Государю России, желая *от его руки* иметь властителем своим брата Великой Княгини, Святополка или Владимира Мстиславичей. Однако же сия уклонность не смягчила Всеволода, который призвал к себе обоих меньших шурьев и дал им Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить в Новегороде и чтобы его беспокойные жители испытали все бедствия безначалия.

В самом деле, новогородцы, лишенные защиты Государя, были всячески притесняемы: никто не хотел везти к ним хлеба, и купцы их, остановленные в других городах Российских, сидели по темницам. Они терпели девять месяцев, избрав в Посадники врага Святославова, именем Судилу, который вместе с другими единомышленниками возвратился из Суздаля: наконец прибегнули к Георгию Владимировичу и звали его к себе правительствовать. Он не хотел выехать из своей верной области, но вторично дал им сына и скоро имел причину раскаяться: ибо Всеволод, в досаду ему, занял Остер (городок Георгиев), а новогородцы – сведав, что Великий Князь, в удовольствие супруге или брату ее, Изяславу Мстиславичу, согласился наконец исполнить их желание и что шурин его, Святополк, уже к ним едет – заключили, по обыкновению, Георгиева сына в Епископском доме. Капитолий граничил в Риме с Тарпейскою скалою: в Новегороде престол с темницею! Боялся ли народ остаться без властителя и на всякий случай берег смененного? Или, упоенный дерзостию, хотел явить его преемнику разительный пример своего могущества, поручая ему вывести бывшего Князя из темницы? Как скоро Святополк приехал, граждане отпустили Ростислава к отцу.

Князь Всеволод II. Гравюра 1805 г.

В сие время, к общей горести, преставился Андрей Владимирович, в летах мужества, заслужив имя *Доброго* и не уронив чести Мономахова Дому. Вячеслав был его наследником, но медлил выехать из Турова. «Иди в свою отчину, Переяславль, – говорили ему Послы Всеволодовы: – Туров есть древний город *Киевский*, отдаю его моему сыну». Тихий Вячеслав жил спокойнее и безопаснее в западной России: соседство с Половцами требовало деятельной осторожности, несогласной с его миролюбием. Принужденный исполнить требование Всеволодово, он увидел, что Россия имела *своих* Половцев: Игорь и Святослав Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тем, что Великий Князь наградил сына Уделом и не хотел отдать им ни Северского Новагорода, ни земли Вятичей, они вступили в тесный союз с Князьями Черниговскими, сыновьями Давида, и надеялись оружием приобрести себе выгодные Уделы; опустошили несколько городов Георгия Владимировича Суздальского, захватив везде скот и товары; напали на область Переяславскую и два месяца жгли села, травили хлеб, разоряли бедных земледельцев. Вячеслав слышал стон людей, смотрел на дым пылающих весей и сидел праздно в городе, ожидая защиты от Всеволода и своих храбрых племянников, Мстиславичей. Великий Князь действительно отрядил к нему Воеводу с конницею Печенежскою; с другой стороны пришел Изяслав Владимирский; а брат его, Князь Смоленский, завладел городами Черниговскими на берегах Сожа. Инок Святоша был еще жив: Всеволод послал его усовестить хищников. Наконец они смирились. Великий Князь отдал Игорю Юрьев и Рогачев, Святославу Чернориск и Клецк, а Давидовичам Брест и Дрогичин, хитрым образом уничтожив опасный союз сих Князей с его братьями. Но последние вторично изъявили досаду, когда Вячеслав, с согласия Всеволодова, уступил Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взяв себе Туров, и когда сын Великого Князя, юный Святослав, на обмен получил Владимирскую область. «Брат наш, – говорили Ольговичи, – думает только о сыне, дружится с своими ненавистными шурьями, окружил себя ими и не дает нам ни одного богатого города». Тщетно желали они поссорить его с добрыми Мстиславичами: Великий Князь не внимал злословию и хотел внутреннего спокойствия.

[1143–1144 гг] Утвердив себя на престоле Киевском, он велел сыну Святославу вместе с Изяславом Давидовичем и Владимирком Галицким идти в Польшу, где Герцог Владислав, зять Великого Князя, ссорился с меньшими братьями: с Болеславом (также зятем Всеволодовым) и с другими. К несчастию, россияне, призванные восстановить тишину Государства, действовали как враги оного и вывели множество пленных Ляхов, более мирных, нежели ратных.

Уверенный в искреннем дружелюбии Всеволода, Изяслав Мстиславич хотел, кажется, примирить его и с дядею, Георгием Владимировичем, и для того ездил к нему в Суздаль; но сии два Князя не согласились в мыслях и расстались врагами: что, ко вреду Государства, имело после столь кровопролитные следствия. В сем путешествии Изяслав виделся с верным братом своим, Ростиславом Смоленским, и пировал на свадьбе Князя Новогородского, Святополка, которого невеста была привезена из Моравии: вероятно, родственница Богемского Короля Владислава. Новгород успокоился: купеческие суда его ходили за море, привозили иноземные товары в Россию ив 1142 году мужественно отразили флот Шведского Короля, выехавшего на разбой с шестидесятью ладиями и с *Епископом*. Финляндцы, дерзнув грабить Ладожскую область, были побиты ее жителями и Корелами, Новогородскими данниками.

Желая прекратить наследственную вражду между потомством Рогнединым и Ярослава Великого, благоразумный Всеволод женил сына своего, юного Святослава, на дочери Василька Полоцкого; а Изяслав Мстиславич выдал свою за Рогволода Борисовича, позвав к себе, на свадебный пир, Всеволода, супругу его и Бояр Киевских. Но, веселясь и пируя, Князья рассуждали о делах государственных: Всеволод убедил их восстать общими силами на гордого Владимирка, который по смерти братьев, Ростислава и Васильковичей, сделался единовластителем в Галиче, хотел даже изгнать Всеволодова сына из Владимирской области и возвратил Великому Князю так называемую крестную, или присяжную грамоту в знак объявления войны. Ольговичи, Князь Черниговский с братом, Вячеслав Туровский с племянниками Изяславом, Рости-

славом Смоленским, Борисом и Глебом, сыновьями умершего Всеволодка Городненского, сели на коней и пошли к Теребовлю, соединясь с Новогородским Воеводою Неревиным и Герцогом Польским, Владиславом.

Владимирко услышал грозную весть: призвал в союз Венгров и выступил в поле с Баном, дядею Короля Гейзы. Река Серет разделяла войска, готовые к битве. Всеволод искал переправы: Князь Галицкий, не выпуская его из вида, шел другим берегом и в седьмой день стал на горах, ожидая нападения; но Всеволод не хотел сразиться: ибо место благоприятствовало его противнику. Когда же Изяслав Давидович, брат Черниговского Князя, с отрядом наемных Половцев взял Ушицу и Микулин в земле Галицкой: тогда Великий Князь приступил к Звенигороду. Вслед за неприятелем Владимирко сошел в долины. Видя стан его на другой стороне города, за мелкою рекою, Всеволод тронулся с места в боевом порядке и хитро обманул неприятеля: вместо того, чтобы вступить с ним в битву, зашел ему в тыл, расположился на высотах, отрезал его от Перемышля и Галича, оставив между собою и городом вязкие болота. Дружина Владимиркова оробела. «Мы стоим здесь, – говорили его Бояре и воины, – а враги могут идти к столице, пленить наши семейства». Князь Галицкий, не имея надежды сбить многочисленное войско с неприступного места, начал переговоры с братом Всеволодовым: склонил его на свою сторону; требовал мира и дал слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, в восшествии на престол Киевский. Великий Князь не соглашался. «Но ты хочешь сделать меня своим наследником, – сказал Игорь брату: – оставь же мне благодарного и могущественного союзника, столь нужного в нынешних обстоятельствах России!» Всеволод исполнил наконец его волю и в тот же день обнял Князя Галицкого как друга; взял с него за труд 1200 гривен *серебра*, роздал оные союзным Князьям и возвратился в столицу, доказав, что умеет счастливо воевать, а не умеет пользоваться воинским счастием.

[1145 г.] Мир не продолжился. Брат Владимирков, Ростислав, оставил сына, именем Иоанна, прозванного *Берладником*, у коего дядя отнял законное наследство: сей юноша жил в Звенигороде и снискал любовь народа. Пользуясь отсутствием Владимирка, уехавшего в Тисменицу для звериной ловли, Галичане призвали к себе Иоанна и единодушно объявили своим Князем. Гневный Владимирко приступил к городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Иоанн в ночной вылазке был отрезан от городских ворот: пробился сквозь неприятелей, ушел к Дунаю и, наконец, в Киев. Галичане сдалися. Склонный более к строгости, нежели к милосердию, Владимирко плавал в их крови и с досадою слышал, что Великий Князь взял его племянника под защиту как невинно гонимого.

Однако ж Всеволод еще не думал нарушить мира, слабый здоровьем и сверх того озабоченный неустройствами Польши, где любезный ему зять, Герцог Владислав, не мог ужиться в согласии с братьями. Созвав Князей во дворце Киевском, Всеволод сказал им, что он, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избирает наследника и что Игорь будет Государем России. Князья долженствовали присягнуть ему: Черниговские и Святослав Ольгович исполнили его волю. Изяслав Мстиславич долго колебался; однако же не дерзнул быть ослушником. Успокоенный сим торжественным обрядом, Всеволод начал говорить о делах Польских. «Пекись единственно о своем здравии, – ответствовал Игорь: – мы, верные твои братья, утвердим Владислава на троне». Игорь, предводительствуя войском, вступил в Польшу. Кровопролития не было: меньшие братья Владиславовы, стоявшие в укрепленном стане за болотом, не хотели обороняться и, прибегнув к суду наших Князей, уступили Владиславу четыре города, а России Визну. Несмотря на то, Игорь возвратился с добычею и с пленниками. Владислав же скоро утратил престол, заслужив ненависть народную гонением единокровных и несправедливою казнию знаменитого Вельможи Петра, коему он отрезал язык, выколол глаза и таким образом, по словам нашего летописца, отмстил за Российского Князя Володаря, в 1122 году коварно плененного сим Вельможею.

[1146 г.] Владислав бежал к тестю, в надежде на его помощь; но Всеволод, удостоверенный тогда в неприятельских замыслах Галицкого Князя, выступал в поход с дружинами Киевскою, Черниговскою, Переяславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимирскою и с союзными *дикими* Половцами, оставив Святослава Ольговича в столице. Успех не ответствовал ни силе войска, ни славе предводителя. Оно шло с трудом неописанным: ибо дожди согнали снег прежде времени; конница тонула в грязи. Всеволод осадил наконец Звенигород и сжег внешние укрепления, однако ж не мог овладеть крепостию: ибо там начальствовал мужественный Воевода, Иван Халдеевич, который, узнав, что жители в общем совете положили сдаться, умертвил трех главных виновников сего Веча и сбросил искаженные трупы их с городской стены. Народ ужаснулся, и страх имел действие храбрости: Звенигородцы с утра до вечера бились как отчаянные. Всеволод отступил и возвратился в Киев, где скоро начал готовиться к новой войне, сведав, что Владимирко взял Прилуку. Но жестокая болезнь похитила обнаженный меч из руки его. Отвезенный в Вышегород – место славное тогда чудесами Святых Мучеников, Бориса и Глеба, – Великий Князь напрасно ждал облегчения; объявил Игоря своим преемником, велел народу присягнуть ему в верности и послал зятя своего, Владислава Польского, напомнить Изяславу Мстиславичу данную им клятву. С таким же увещанием ездил Боярин, Мирослав Андреевич, к Князьям Черниговским, которые, согласно с Изяславом, ответствовали, что они, уступив старейшинство Игорю, не изменят совести. Тогда [1 августа 1146 г.] Всеволод спокойно закрыл глаза навеки: Князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобия, отчасти государственными благодеяниями! Достигнув престола Киевского, он хотел устройства тишины; исполнял данное слово, любил справедливость и повелевал с твердостию; одним словом, был лучшим из Князей Олегова мятежного рода.

Глава XI
Великий князь Игорь Ольгович

Игорь, предав земле тело Всеволода, собрал Киевлян среди двора Ярославова, требовал вторичного обета верности и распустил их. Но граждане еще не были довольны, открыли Вече и звали Князя. Приехал один брат его, Святослав, и спрашивал, чего они желают? «Правосудия, – ответствовал народ: – Тиуны Всеволодовы угнетали слабых: Ратша *опустошил* Киев, Тудор Вышегород. Святослав! дай клятву за себя и за брата, что вы сами будете нам судиями или вместо себя изберете Вельмож достойнейших». Он сошел с коня и целованием креста уверил граждан, что новый Князь исполнит все обязанности отца россиян; что хищники не останутся Тиунами; что лучшие Вельможи заступят их место и будут довольствоваться одною уставленною пошлиною, не обременяя судимых никакими иными налогами. «Мы благодарны, – сказали граждане: – теперь не сомневайтесь в нашей верности». То же обещал их Послам сам Великий Князь Игорь и, думая, что дело кончилось, сел спокойно за обед; но мятежная чернь устремилась грабить дом ненавистного, богатого Ратши. Святослав с дружиною едва мог восстановить порядок.

Такое начало не обещало хороших следствий. Игорь же, слушая злых Вельмож, которые в народном угнетении видели собственную пользу, не исполнил данного гражданам слова, и хищники остались Тиунами. Тогда Киевляне, думая, что Государь-клятвопреступник уже не есть Государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть Великим Князем. Любовь к Мономахову роду не угасла в их сердце, и сей внук его отличался доблестию воинскою. Взяв в церкви Св. Михаила благословение у Епископа Евфимия, он с верною дружиною выступил из Переяславля. На пути встретились ему Послы Черных Клобуков и городов Киевской области. «Иди, Князь добрый! – говорили они: – мы все за тебя; не хотим Ольговичей. Где увидим твои знамена, там и будем». Собрав на берегах Днепра войско многочисленное, бодрый Изяслав стал посреди оного и сказал: «Друзья и братья! Я не спорил о старейшинстве с достойным Всеволодом, моим зятем, чтив его как второго отца. Но Игорь и Святослав должны ли повелевать нами? Бог рассудит меня с ними. Или паду славно пред вашими глазами, или сяду на престоле моего деда и родителя!» Он повел войско к Киеву.

Уже новый Великий Князь знал опасность: ибо Изяслав, уведомленный им о восшествии его на престол, не только не ответствовал ему ни слова, но удержал и Посла неволею в Переяславле. Игорь требовал вспоможения от Князей Черниговских: они торговались; хотели многих городов; наконец, удовлетворенные во всем, готовились идти к брату. Их медленность и коварная измена знаменитейших чиновников погубили его.

Князь Игорь II. Гравюра 1805 г.

Тысячский Улеб пользовался доверенностию Всеволода и был утвержден Игорем в своем важном сане: также и первый Боярин, Иоанн Войтишич, верный слуга Мономахов, завоеватель городов дунайских. Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердие Игорю и в то же время тайно ссылались с его врагом, советуя ему спешить к Киеву. Изяслав приближился. Ольговичи, готовые к битве, и сын Всеволодов, Святослав, стояли вне города с своими дружинами; а Киевляне особенно, на *могиле Олеговой*. Вдруг открылась измена: Игорь увидел, что хоругвь Изяслава развевается в полках Киевских; что Тысячский сего Князя предводительствует ими; что Улеб, Иоанн Войтишич и многие единомышленники их, повергнув свои знамена, бегут под Изяславовы; что Берендеи пред самими Златыми вратами грабят обоз Великокняжеский. Еще Игорь не терял бодрости. «Враг наш есть клятвопреступник: Бог нам поможет», – говорил он и хотел ударить на Изяслава, стоявшего за озером. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стеснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заехали ей в тыл. Изяслав напал спереди, смял неприятеля, разил бегущих – и торжествуя вошел в Киев, где народ вместе с Иереями, облаченными в ризы, проводил его в храм Софийский благодарить Небо за победу и престол Великокняжеский. – Несчастного Игоря, слабого ногами, схватили [17 августа 1146 г.] в болоте, где увяз его конь; держали несколько дней в монастыре на Выдобичах и заключили в темнице Иоанновской Обители, в Переяславле. Сей Князь, за кратковременное удовольствие честолюбия наказанный неволею и стыдом, не имел и последнего утешения злосчастных: никто не жалел об нем – кроме верного брата, Святослава, который с малою дружиною ушел в Новгород Северский. Племянник их, Святослав Всеволодович, хотел скрыться в Киевской Обители Св. Ирины: представленный Изяславу, он был им обласкан как любимый сын; но верные слуги отца его, в особенности же Игоревы, не имели причины хвалиться великодушием победителя, дозволившего народу грабить их домы и села. С пленных Бояр взяли окуп.

Глава XII
Великий князь Изяслав Мстиславич. 1146-1154

Изяслав – по словам Летописцев, *благословенная отрасль доброго корня* – мог бы обещать себе и подданым дни счастливые, ибо народ любил его; но история сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество, которое оплакивало их победы, вредные для его могущества и гражданского образования.

Утвердив мир с Половцами – которые всякому новому Государю предлагали тогда союз, ибо хотели даров, – Великий Князь оказал, может быть, излишнюю строгость в рассуждении своего дяди. Обманутый советами Бояр, и в надежде на прежние ласки Изяславовы, на самые его обещания, миролюбивый Князь Туровский, Вячеслав, узнав о торжестве племянника, вообразил себя по старшинству Государем России: занял города Киевские и своевольно отдал Владимир сыну Андрееву, Мономахову внуку. Посланный братом, Смоленский Князь изгнал Вячеслава; велел ему княжить только в пересопнице или Дорогобуже Волынском; а Наместников его, окованных цепями, вместе с Туровским Епископом, Иоакимом, привел в Киев.

Назначив Туров в Удел меньшему сыну, именем Ярославу, Великий Князь обратил внимание на Игорева брата. Спасаясь бегством от победителя, Святослав хотел удостовериться в искренней дружбе Князей Черниговских, чтобы единодушно действовать с ними для освобождения Игорева. Они дали ему в том клятву; но Святослав, оставив у них своего боярина и поехав готовиться к войне, сведал от него, что сии коварные братья тайно дружатся с Великим Князем и наконец заключили с ним союз, предав Игоря в его волю, как недостойного ни власти, ни свободы. Скоро общие Послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что он может спокойно княжить в своей области, если уступит им Новгород Северский и клятвенно откажется от брата. Сей добрый, нежный родственник залился слезами и, сказав в ответ: «Возьмите все, что имею; освободите только Игоря», решился искать покровителя в сыне Мономаховом.

Георгий Владимирович Суздальский видел с досадою, что гордый Изяслав, вопреки древнему уставу, отняв старейшинство у дядей, сел на троне Киевском. Пользуясь сим расположением, Святослав обратился к Георгию и молил его освободить Игоря. «Иди в Киев, – говорил он: – спаси несчастного и властвуй в земле Русской. Бог помогает тому, кто вступается за утесненных». Георгий дал ему слово и начал готовить войско. – Святослав нашел и других защитников в Ханах Половецких, братьях его матери: они с тремя стами всадников немедленно явились в Новегороде Северском, куда прибыли также юный Князь Рязанский, Владимир, внук Ярославов, и Галицкий изгнанник, Иоанн Ростиславич *Берладник*.

Князь Изяслав Мстиславич. Гравюра 1805 г.

Уже Давидовичи, соединясь с сыном Великого Князя, Мстиславом, Вождем Переяславской дружины и Берендеев, вступили в область Северскую и грабили оную, тщетно хотев взять Новгород. В надежде усовестить их Духовник Святославов приехал к ним в стан и сказал именем Князя: «Родственники жестокие! Довольны ли вы злодействами, разорив мою область, взяв имение, стада; истребив огнем хлеб и запасы? Желаете ли еще умертвить меня?» Союзники вторично требовали, чтобы он навсегда отступился от несчастного Игоря. «Нет! – ответствовал Святослав: – пока душа моя в теле, не изменю единокровному!» Давидовичи заняли село Игорево, где сей Князь имел дворец и хранил свое богатство; нашли вино и мед в погребах, железо и медь в кладовых; отправили множество возов с добычею и, веселясь разрушением, сожгли дворец, церковь, гумно Княжеское, где было *девять сот* скирдов хлеба.

Великий Князь, сведав о воинских приготовлениях Георгия Владимировича, велел другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набегами тревожить Суздальскую область; сам же выступил из Киева и соединился с Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная их вероломство, жители не хотели договариваться с ними, но охотно сдались Великому Князю. Там находился собственный дом Святослава: Князья разделили его имение. Летописец сказывает, что они нашли в выходах 500 *берковцев* меду и 80 *корчаг* вина; ограбили славную церковь Вознесения, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварию, шитою золотом, коваными Евангелиями и книгами. Семь сот рабов Княжеских были также их добычею.

[1147 г.] Святослав ожидал Георгия: он действительно шел к нему в помощь; сведав же о нападении Князя Рязанского на Суздальскую область, возвратился из Козельска. Один сын его, Иоанн Георгиевич, приехал с дружескими уверениями к Святославу, который, в знак благодарности, отдал ему Курск и Посемье, но принужден был искать убежища в своих северных владениях. Многочисленная рать Великокняжеская шла к Новугороду. Старый Вельможа Черниговского Князя, бывший некогда верным слугою Олеговым, из сожаления тайно уведомил Святослава о предстоящей ему опасности. «Спасай жену, детей своих и супругу Игореву! – говорили его друзья и Бояре: – все запасы твои уже в руках неприятельских. Удалимся в *лесную* землю Карачевскую: ее дремучие боры и помощь Георгиева будут твоею защитою». Некоторые Вельможи говорили искренно; другие хотели только избавиться от кровопролития и сами остались в Новегороде, когда Святослав уехал в Карачев. За ним гнался Изяслав Давидович с 3000 всадников и Воеводою Киевским, Шварном. Уже бегство не могло спасти несчаст-

ного: надлежало отдаться в плен или сразиться. Отчаянный Святослав с верною дружиною и *дикими* Половцами ударил на врага; разбил его, опустошил Карачев и немедленно удалился в сопредельную землю Вятичей, которая зависела от Черниговских Владетелей. Великий Князь – напрасно желав победою загладить неудачу Изяслава – отдал Давидовичам всю завоеванную область, кроме Курска; исключительно присвоил себе одно Игорево достояние и возвратился в Киев.

В сие время Игорь был уже Монахом. Изнуренный печалию и болезнию, он изъявил желание отказаться от света, когда Великий Князь готовился идти на его брата. «Давно, и в самом счастии, я хотел посвятить Богу душу мою, – говорил Игорь: – ныне, в темнице и при дверях гроба, могу ли желать иного?» Изяслав ответствовал ему: «Ты свободен; но выпускаю тебя единственно ради болезни твоей». Его отнесли в келью: он 8 дней лежал как мертвый; но, постриженный Святителем Евфимием, совершенно выздоровел и в Киевской Обители Св. Феодора принял Схиму, которая не спасла его от гнева Судьбы: скоро увидим жалкий конец сего несчастного Олегова сына.

Князья Черниговские выгнали Святослава из Брянска, Козельска, Дедославля, но слыша, что Георгий прислал к нему 1000 Белозерских латников, отступили к Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить в стране Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава и что убийцы будут награждены его имением! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. В числе их находился Воевода, Князь Иоанн *Берладник*: он не захотел более с ним скитаться, взял у него за службу 200 гривен серебра, 6 фунтов золота и перешел к Смоленскому Князю. Только Владимир Рязанский и сын Георгиев, Иоанн, усердно делили труды и беспокойства с Святославом, который, имев несчастие лишиться последнего, изъявил достохвальную чувствительность: видя Иоанна больного, забыл войну и неприятелей; молился, думал единственно об нем; столь горестно оплакивал кончину сего юноши, что сам Георгий старался его утешить и, прислав богатые дары, обещал другим сыном заменить ему умершего верного сподвижника. Общая ненависть к Великому Князю утвердила союз между ими: Князь Суздальский изгнал Рязанского, союзника Изяславова, заставил его бежать к Половцам, взял Торжек и пленил жителей; а Святослав разорил часть Смоленской области, вокруг Протвы, или землю Голядскую.

Довольный злом, причиненным Уделу Изяславовых братьев, Георгий желал лично угостить Святослава, коего сын, Олег, подарил ему тогда редкого красотою парда. Летописец хвалит искреннее дружество, веселую беседу Князей, великолепие обеденного пиршества и щедрость Георгия в награждении Бояр Святославовых. Между сими Вельможами отличался девяностолетний старец, именем Петр; он служил деду, отцу Государя своего; уже не мог сесть на коня, но следовал за Князем, ибо сей Князь был несчастлив. Георгий, неприятель Ростислава Рязанского, осыпал ласками и дарами его племянника, Владимира, как друга и товарища Святославова.

Сие угощение достопамятно: оно происходило в *Москве*. К сожалению, Летописцы современные не упоминают о любопытном для нас ее начале, ибо не могли предвидеть, что городок бедный и едва известный в отдаленной земле Суздальской будет со временем главою обширнейшей Монархии в свете. По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, марта 28, и можем верить новейшим Летописцам в том, что Георгий был ее строителем. Они рассказывают, что сей Князь, приехав на берег Москвы-реки, в села зажиточного боярина *Кучка, Степана Ивановича*, велел умертвить его за какую-то дерзость и, плененный красотою места, основал там город; а сына своего, Андрея, княжившего в Суздальском Владимире, женил на прелестной дочери казненного боярина. «Москва есть *третий* Рим, – говорят сии повествователи, – и четвертого не будет. Капитолий заложен на месте, где найдена окровавленная голова человеческая: Москва также на крови основана и к изумлению врагов наших сделалась Царством знаменитым». Она долгое время именовалась *Кучковым*.

Ободренный Святослав возвратился к берегам Оки. Там соединились с ним Ханы Половецкие, его дяди, и так называемые *Бродники*, о коих здесь в первый раз упоминается. Сии люди были Христиане, обитали в степях Донских среди варваров, уподоблялись им дикою жизнию и, как вероятно, состояли большею частию из беглецов Русских: они за деньги служили нашим Князьям в их междоусобиях. Разорив многие селения в верховье Угры, в Смоленской области, Святослав завоевал всю страну Вятичей, от Мценска до Северского Удела, и вместе с Глебом, сыном Георгия, шел далее, когда Послы Давидовичей встретили его и сказали именем Князей: «Забудем прошедшее. Дай нам клятву союзника, и возьми свою отчину. Не хотим твоего имения». Успехи ли Ольговича склонили их к миру? Или сын Всеволодов, Святослав, который, в замену Владимиру получив в Удел от Великого Князя Бужск, Меджибож, Котельницу и другие города, держал его сторону, но жалел о дяде и тайно с ним пересылался? Как бы то ни было, Черниговские Князья, Святослав Ольгович и сын Всеволодов заключили союз, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу.

Еще Великий Князь не знал сего вероломства Давидовичей и спокойно занимался в Киеве важным делом церковным. Следуя примеру Великого Ярослава, он созвал шесть Российских Епископов и велел им без всякого сношения с Цареградом (где Духовенство не имело тогда Главы) на место скончавшегося Митрополита, Грека Михаила, поставить Климента, Черноризца, Схимника, знаменитого не только Ангельским Образом, но и редкою мудростию. Некоторые Епископы представляли, что благословение Патриарха для того необходимо; что нарушить сей древний обряд есть уклониться от православия Восточной Церкви и что умерший Святитель Михаил обязал их всех грамотою не служить без Митрополита в Софийском храме. Другие, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславову, согласную с пользою и честию Государства. Епископ смоленский, Онуфрий, выдумал посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владимиром из Херсона (так же, как Греческие Архиереи издревле ставили Патриархов рукою Иоанна Крестителя) и сим торжественным обрядом успокоил Духовенство. Один Нифонт, Святитель Новогородский, не признавал Климента Пастырем Церкви; осуждал Епископов как человекоугодников и заслужил благоволение Николая IV, который, чрез несколько месяцев заступив место изгнанного Цареградского Патриарха, Козьмы II, написал к Нифонту одобрительную грамоту и сравнивал его в ней с первыми Святыми Отцами.

В то время как Изяслав, распустив Собор и возобновив мир с Половцами, думал наслаждаться спокойствием, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святослав завоевал их область; что они желают выгнать его с помощию Великого Князя и смирить Георгия, их врага общего. Изяслав отпустил к ним племянника, Всеволодова сына, и скоро, убежденный вторичною просьбою Князей Черниговских, велел собираться войску, чтобы идти на Святослава и Георгия. «Пойдем с радостию и с детьми на Ольговича, – говорили ему Киевляне: – но Георгий твой дядя. Государь! Дерзнем ли поднять руку на сына *Мономахова*?» Столь народ любил память добродетельного Владимира! Изяслав не хотел слушать Бояр, которые сомневались в верности Князей Черниговских. «Мы дали взаимную клятву быть союзниками, – сказал он с твердостию: – иду – и пусть малодушные остаются!» Уже Великий Князь стоял на реке Супое, поручив столицу брату своему, Владимиру. К счастию, Боярин Киевский, Улеб, сведал в Чернигове тайный заговор и спешил уведомить Изяслава, что Давидовичи мыслят злодейски умертвить его или выдать Святославу, находясь в согласии с Георгием. Великий Князь не верил тому; но чрез Посла требовал от них новой клятвы в дружестве. «Разве мы нарушили прежнюю? – говорили они: – Христианин не должен призывать всуе имени Божия». Тогда Посол обличил их в гнусном злоумышлении. Безмолвствуя, Давидовичи смотрели друг на друга, выслали боярина, советовались и, наконец, призвав его, ответствовали: «Не запираемся; но можем ли спокойно видеть злосчастие брата своего Игоря? Он Чернец, Схимник, и все еще в неволе. Изяслав, сам имея братьев, снес ли бы их заключение? Да возвратит свободу

Игорю, и мы будем искренними друзьями!» Боярин Киевский напомнил им бескорыстие своего Князя, не хотевшего удержать за собою ни Северского Новагорода, ни Путивля, и сказав: «Бог да судит и сила животворящего креста да накажет клятвопреступников!»-бросил на стол *крестные*, или союзные *грамоты*. Война была объявлена, и гонцы Изяславовы в Киеве, Смоленске, Новегороде обнародовали вероломство Князей Черниговских, звали мстителей, воспаляли сердца праведным гневом.

Сия весть имела в Киеве следствие ужасное. Владимир Мстиславич собрал граждан на Вече к Св. Софии. Митрополит, Лазарь Тысячский и все Бояре там присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно: «Великий Князь целует своего брата, Лазаря и всех граждан Киевских, а Митрополиту кланяется»… Народ с нетерпением хотел знать вину Посольства. Вестник говорит: «*Так вещает Изяслав*: Князья Черниговские и сын Всеволодов, сын сестры моей, облаготворенный мною, забыв святость крестного целования, тайно согласились с Ольговичем и Георгием Суздальским. Они думали лишить меня жизни или свободы; но Бог сохранил вашего Князя. Теперь, братья Киевляне, исполните обет свой: идите со мною на врагов Мономахова роду. Вооружитесь от мала до велика. Конные на конях, пешие в ладиях да спешат к Чернигову! Вероломные надеялись, убив меня, истребить и вас». Все единогласно ответствовали: «Идем за тебя, и с детьми!» Но, к несчастию, сыскался один человек, который сие прекрасное народное усердие омрачил мыслию злодейства. «Мы рады идти, – говорил он: – но вспомните, что было некогда при Изяславе Ярославиче. Пользуясь народным волнением, злые люди освободили Всеслава и возвели на престол: деды наши за то пострадали. Враг Князя и народа, Игорь, не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре Св. Феодора: умертвим его; и тогда пойдем наказать Черниговских!» Сия мысль имела действие вдохновения. Тысячи голосов повторили: «Да умрет Игорь!» Напрасно Князь Владимир, устрашенный таким намерением, говорил народу: «Брат мой не хочет убийства. Игорь останется за стражею; а мы пойдем к своему Государю». Киевляне твердили: «Знаем, что добром невозможно разделаться с племенем Олеговым». Митрополит, Лазарь и Владимиров Тысячский, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народ не слушал и толпами устремился к монастырю. Владимир сел на коня, хотел предупредить неистовых, но встретил их уже в монастырских вратах: схватив Игоря в церкви, в самый час Божественной Литургии, они вели его с шумом и свирепым воплем. «Брат любезный! Куда ведут меня?» – спросил Игорь. Владимир старался освободить несчастного, закрыл собственною одеждою, привел в дом к своей матери и запер ворота, презирая ярость мятежников, которые толкали его, били, сорвали с боярина Владимирова, Михаила, крест и златые цепи. Но жертва была обречена: злодеи вломились в дом, безжалостно убили Игоря и влекли нагого по улицам до самой торговой площади; стали вокруг и смотрели как невинные. Присланные от Владимира Тысячские в глубокой горести сказали гражданам: «Воля народная исполнилась: Игорь убит! Погребем же тело его». Народ ответствовал: «Убийцы не мы, а Давидовичи и сын Всеволодов. Бог и Святая София защитили нашего Князя!» Труп Игорев отнесли в церковь; на другой день облачили в ризу Схимника и предали земле в монастыре Св. Симеона. Игумен Феодоровской Обители, Анания, совершая печальный обряд, воскликнул к зрителям: «Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким!» В то самое время загремел гром: народ изумился и слезами раскаяния хотел обезоружить гневное Небо. – Великий Князь, сведав о сем злодействе, огорчился в душе своей и говорил Боярам, проливая слезы: «Теперь назовут меня убийцею Игоря! Бог мне свидетель, что я не имел в том ни малейшего участия, ни делом, ни словом: он рассудит нас в другой жизни. Киевляне поступили неистово». Но, боясь строгостию утратить любовь народную, Изяслав оставил виновных без наказания; возвратился в столицу и ждал рати Смоленской.

Война началася. Святослав Ольгович, уведомленный о жалостной кончине брата, созвал дружину и, рыдая в горести, заклинал всех быть усердными орудиями мести справедливой. Он пошел к Курску, где находился сын Великого Князя, Мстислав, который, чтобы узнать вер-

ность жителей, спрашивал, готовы ли они сразиться? «Готовы, – ответствовали граждане: – но только не обнажим меча на внука Мономахова»: ибо Глеб, сын Георгия Владимировича, был с Святославом. Юный Мстислав уехал к отцу, а Курск и города на берегах Сейма добровольно поддалися Глебу; другие оборонялись и не хотели изменить государю киевскому: напрасно Святослав и Глеб грозили жителям вечною неволею и Половцами. Соединясь с дружиною Черниговскою, сии Князья взяли приступом только один город; сведав же, что Изяслав идет к Суле и что рать Смоленская выжгла Любеч, ушли в Чернигов, оставленные своими друзьями, Половцами. Великий Князь завоевал крепкий город Всеволож, обратил в пепел Белую Вежу и другие места в Черниговской области, но без успеха приступал к *Глеблю* (ибо жители, в надежде на Святого защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился в Киев торжествовать победу веселым пиром, отложив дальнейшие предприятия до удобного времени. Он велел брату своему, Ростиславу, идти в Смоленск и вместе с Новогородцами тревожить область Суздальскую.

[1148 г.] Скоро неприятельские действия возобновились. Глеб занял Остер и, дав слово Великому Князю ехать к нему в Киев для свидания, хотел нечаянно взять Переяславль; но был отражен. В то же время Черниговцы, дружина Святославова и Половцы, их союзники, опустошили Брагин. Изяслав, осадив Глеба в Городце, или Остере, принудил его смириться, и стал близ Чернигова на *Олеговом поле*, предлагая врагам своим битву. Они не смели, ибо видели рать многочисленную. Великий Князь пошел к Любечу, где находились их запасы. Давидовичи, Святослав и сын Всеволодов, соединясь с Князьями Рязанскими, решились наконец ему противоборствовать. Уже стрелки начали дело; но сильный, необыкновенный зимою дождь развел неприятелей. Река, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Днепр тронулся: Изяслав едва успел перейти на другую сторону; а Венгры, служившие ему как союзники, обломились на льду.

Тогда Святослав и Князья Черниговские отправили Посольство к Георгию. «Мы воюем, – говорили они, – а ты в бездействии. Неприятель обратил в пепел наши города за Десною и села в окрестностях Днепра, а помощи от тебя не видим. Исполни обет, утвержденный целованием креста: иди с нами на Изяслава, или мы прибегнем к великодушию врага сильного». Георгий все еще медлил. Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростислав, старший сын Георгиев, посланный отцом действовать заодно с Князьями Черниговскими, гнушался их вероломством и, сказав дружине: «Пусть гневается родитель, но злодеи Мономаховой крови не будут мне союзниками», приехал в Киев, где Изяслав встретил его дружелюбно, угостил, осыпал дарами. Сей юноша, не имея в Суздальской земле никакого Удела, предложил свои ревностные услуги Великому Князю, как старшему из внуков Мономаховых. Изяслав ответствовал: «Всех нас старее отец твой; но он не умеет жить с нами в дружбе, а я хочу быть для всех моих братьев нежным родственником. Георгий не дает тебе городов: возьми их у меня». Он дал ему бывший Удел своего неблагодарного племянника, Святослава Всеволодовича, вместе с Городцом Остерским, выслав оттуда коварного Глеба. «Спеши к друзьям, – сказал ему Великий Князь, – и требуй от них удела»: ибо Глеб, смирясь невольно, оставался единомышленником неприятелей Изяславовых и вторично хотел было завладеть Переяславлем. Думая, что искренний, чувствительный Ростислав может примирить отца с Великим Князем и страшася быть жертвою их союза, Давидовичи изъявили ему желание прекратить войну, говоря благоразумно: «*Мир стоит до рати, а рать до мира*, так слыхали мы от своих отцов и дедов. Не вини нас, хотевших войною освободить брата. Но Игорь уже в могиле, где и все будем. Бог да судит прочее; а нам не должно губить отечества». Изяслав хотел знать мысли брата. Смоленский Князь ответствовал: «Я Христианин и люблю Русскую землю: не хочу кровопролития; но если Давидовичи и Святослав не престанут злобиться на тебя за Игоря, то лучше явно воевать – и будет, что угодно Богу». Тогда Великий Князь отправил Послами в Чернигов Белогородского Епископа Феодора, Печерского Игумена Феодосия и Бояр, которые заключили торжественный

мир. Давидовичи, Святослав Ольгович и племянник его, сын Всеволодов, в соборном храме целовали крест, дав клятву оставить злобу и «блюсти Русскую землю заодно с Изяславом». Скоро Великий Князь позвал их на совет в Городец: Святослав и племянник его отказались от свидания; но Давидовичи, ответствуя за верность того и другого, условились там с Изяславом действовать против Георгия Суздальского, который отнимал дани у Новогородцев и беспокоил их границы. Союзники вместе пировали и разъехались, отложив войну до зимы: ибо реки, топи, болота затрудняли путь летом и медленность страшила Полководцев более, нежели морозы, снега и метели. – Черниговцы долженствовали идти к Ростову и встретить Великого Князя на берегах Волги.

Георгий, желая казаться великодушным защитником утесненных Ольговичей, в самом деле мыслил только о себе и ненавидел Изяслава единственно как похитителя достоинства Великокняжеского; не мог также простить и Новогородцам бесчестное изгнание своего сына, Ростислава. Князь их, Святополк, хотев в 1147 году отмстить Суздальскому за взятие Торжка, возвратился с дороги от распутья, и жители сего опустошенного города еще томились в неволе. Епископ Нифонт, друг народного благоденствия, ездил в Суздаль; был принят с отменным уважением, святил там храмы, освободил всех пленников, но не мог склонить Георгия к миру.

Князь Георгий (Юрий) Долгорукий. Гравюра 1805 г.

Оставив Владимира в столице, сына своего в Переяславле, а Ростислава Георгиевича послав в Бужск, чтобы охранять тамошние границы и спокойно ждать конца войны, Великий Князь отправился в Смоленск к брату, веселился с ним, праздновал, менялся дарами и расположил военные действия. Он поручил всю рать Смоленскому Князю, велел ему идти к берегам Волги, к устью Медведицы, и приехал в Новгород. Там начальствовал уже не брат его, а сын, Ярослав: ибо Святополк, утратив любовь народную, был переведен Изяславом в область Владимирскую. Граждане давно не видали у себя Великих Князей и встретили внука Мономахова с живейшею радостию. Многочисленные толпы провожали его до городских ворот, где стояли все Бояре с юным Князем. Отслушав Литургию в Софийском храме, Изяслав дал пир народу. Бирючи или Герольды ходили по улицам и звали граждан обедать с Князем. Так называемое *Городище*, доныне известное, было местом сего истинно великолепного пиршества: Государь веселился с народом, как добрый отец среди любезного ему семейства. На другой день ударили в Вечевой колокол, и граждане спешили на Двор Ярославов: там Великий Князь, в собрании

Новогородцев и Псковитян, произнес краткую, но сильную речь. «Братья! – сказал он. – Князь Суздальский оскорбляет Новгород. Оставив столицу Русскую, я прибыл защитить вас. Хотите ли войны? Меч в руке моей. Хотите ли мира? Вступим в переговоры». «*Войны! Войны!* – ответствовал народ: – ты наш Владимир, ты Мстислав! Пойдем с тобою все, от старого до младенца». Ратники надели шлемы. Псковитяне, Корелы собрали также войско, и Великий Князь на устье Медведицы соединился с братом своим, Ростиславом. Напрасно ждали они возвращения Посла, отправленного ими к дяде еще из Смоленска: Георгий задержал его и не хотел ответствовать на их жалобы. Напрасно ждали и Князей Черниговских, которые остановились в земле Вятичей и хотели прежде видеть, кому счастие войны будет благоприятствовать. [1149 г.] Мстиславичи вступили в область Суздальскую: села и города запылали на берегах Волги до *Углича* и Мологи; жители спасались бегством. новогородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась без сражения: ибо весна уже наступала, реки покрывались водою и кони худо служили всадникам. Изяслав, проводив Новогородцев, весновал в Смоленске и благополучно возвратился в столицу, к искренней радости народа. Семь тысяч пленников свидетельствовали его победу.

Скоро Великий Князь испытал превратность счастия и мог приписать оную собственной несправедливости. Ростислав Георгиевич был ему истинным другом; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, в его отсутствие, старался обольстить Днепровских Берендеев и самых Киевлян, хотел завладеть столицею и подобно отцу ненавидит род Мстислава. Люди, склонные к чистосердечной доверенности, легко верят и злословию: Великий Князь, упрекая Ростислава неблагодарностию, отнял у него все имение, оружие, коней; заключил в цепи дружину и самого отправил с тремя человеками в лодке к отцу, не дав ему суда и не хотев слушать оправданий. Георгий оскорбился бесчестием сына гораздо более, нежели опустошением Суздальской области. «Так платит Изяслав неосторожному юноше за безрассудную любовь и дружбу! – говорил он: – жестокий племянник совершенно отчуждает меня и детей моих от *земли Русской*» (сим именем преимущественно означалась тогда *Россия южная*). Георгий наконец выступил, соединясь с Половцами. Святослав Ольгович, видя беспрестанно в мыслях своих окровавленную тень брата и считая Великого Князя убийцею, обрадовался случаю мести: мир, клятвенно утвержденный в Черниговском храме, и брачный союз юной его дочери с сыном Князя Смоленского не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священным долгом. Но Давидовичи решительно отказались от дружбы Георгия, ответствуя: «Ты не спас городов наших; ныне, заключив союз с Изяславом, не хотим нарушить оного и *не можем играть душою*». Усердно помогая Великому Князю, они вместе с ним убеждали Святослава быть его другом, согласно с данною ими клятвою. «Буду (сказал Ольгович), когда Изяслав возвратит мне все имение моего брата». Уверенный, что Георгий действительно намерен идти к Киеву, Святослав выехал к нему на встречу близ Обояна; также и сын Всеволодов, единственно в угодность дяде. Георгий долго стоял у Белой Вежи, надеясь одним страхом победить Великого Князя. Но Изяслав, собрав верных братьев, готовился к битве. «Я отдал бы ему (говорил он) любую область, если бы Георгий пришел один с детьми своими; но с ним варвары Половцы и враги мои, Ольговичи». Киевляне хотели мира: «Заключим его (сказал Изяслав), но имея в руках оружие». Георгий осадил Переяславль: там находились Владимир и Святополк Мстиславичи. Великий Князь спешил защитить город и вошел в него; а Георгий, желая оказать умеренность, послал к нему боярина с такими словами: «Чтобы отвратить несчастное кровопролитие, забываю обиды, разорение моих областей и старейшинство, коего ты лишил меня несправедливо. *Царствуй* в Киеве: отдай мне только Переяславль, да господствует в нем сын мой!» Гордый Изяслав велел задержать Посла; отслушал Литургию у Св. Михаила и, готовясь обнажить меч, требовал благословения от Епископа Евфимия. Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолял его примириться. «Нет! – сказал Князь: – *я добыл Киева и Переяславля головою*: могу ли отдать их?» Умные Бояре советовали ему хотя помедлить, думая, что Георгий без сра-

жения удалится, с одним стыдом неудачи. Но Изяслав, следуя мнению других и порыву собственного, нетерпеливого мужества, расположил войско против неприятеля. Уже солнце спускалось к западу, и в Переяславле благовестили к Вечерне: Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась; одни стрелки были в действии. Георгий начал отступать: тогда Изяслав, как бы пробужденный от глубокого сна, быстро устремился вперед, вообразив, что неприятель бежит. Затрубили в воинские трубы; солнце закатилось, и шум битвы [23 августа 1149 г.] раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для Великого Князя. Берендеи обратили тыл; за ними Изяслав Давидович с дружиною Черниговскою; за ними Киевляне; а Переяславцы изменили, взяв сторону Георгия. Изяслав пробился сквозь полк Ольговича и Суздальский, прискакал сам-третий в Киев и, собрав жителей, спрашивал, могут ли они выдержать осаду? Граждане в унынии ответствовали ему и Ростиславу Смоленскому: «Отцы, сыновья и братья наши лежат на поле битвы; другие в плену или без оружия. Государи добрые! Не подвергайте столицы расхищению; удалитесь на время в свои частные области. Вы знаете, что мы не уживемся с Георгием: когда увидим ваши знамена, то все единодушно на него восстанем». Великий Князь, взяв супругу, детей, Митрополита Климента, поехал в Владимир, а Ростислав в Смоленск. Георгий вошел в Переяславль, через 3 дня в Киев и, дружелюбно пригласив туда Владимира Черниговского, в общем Княжеском совете распорядил Уделы: отдал Святославу Ольговичу Курск, Посемье, Сновскую область, Слуцк и всю землю Дреговичей, бывшую в зависимости от Великого Княжения; сыновьям же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегород, Борису Белгород, Глебу Канев, Васильку Суздаль. Знаменитый Епископ Нифонт находился тогда в Киеве: призванный Изяславом, он все еще не хотел покориться Митрополиту Клименту; называл его не Пастырем Церкви, а *волком*, и, заключенный в монастыре Печерском, великодушно сносил гонение. Георгий возвратил ему свободу и, с честию отпустив к Новогородцам сего любезного им Епископа, надеялся тем преклонить к себе сердца их, хотя в то же самое время Воевода Иоанн Берладник, оставив Смоленского Князя и вступив в Георгиеву службу, нападал на чиновников Новогородских, собиравших дань в уездах.

Изгнанный Великий Князь обратился к старшему дяде, Вячеславу, им оскорбленному; льстил ему именем второго отца, предлагал господствовать в Киеве. Но Вячеслав держал сторону Георгия, не веря ласкам, не боясь угроз племянника, который нашел союзников в Венгерском Короле Гейзе, Владиславе Богемском и в Ляхах. Первый незадолго до того времени женился на его меньшей сестре, Евфросинии – так она называется в Булле Папы Иннокентия IV – и дал шурину 10000 всадников. Летописец сказывает, что Государи Богемский и Польский, *сваты* Изяславовы, сами привели к нему войско, и что Болеслав Кудрявый, вместе с братом Генриком угощенный роскошным обедом в Владимире, *опоясал мечом* многих сыновей Боярских. Но сии иноземные союзники, узнав, что Георгий соединился с Вячеславом в Пересопнице и что мужественный Владимирко Галицкий идет к нему в помощь, не захотели битвы, остановились у Чемерина и советовали Изяславу примириться с дядею. Они, как посредники между ими, вступили в переговоры, уверяя, что равно доброхотствуют той и другой стороне. «Верю и благодарю вас, – ответствовал Георгий: – идите же домой и не тяготите земли нашей; тогда я готов удовлетворить требованиям моего племянника». Союзники вышли весьма охотно из России; но хитрый Георгий, удалив их, отвергнул мирные предложения, которые состояли в том„чтобы он, господствуя в столице Киевской или уступив оную старшему брату, клятвенно утвердил за Изяславом область Владимирскую, Луцкую и Великий Новгород со всеми данями. Князь Суздальский надеялся отнять у племянника все владения, а гордый Изяслав предпочитал гибель миру постыдному.

[1150 г.] Неприятельские действия начались в Волынии осадою Луцка, славною для сына Георгиева Андрея, ибо он имел случай оказать редкое мужество. В одну ночь, оставленный союзными Половцами – которые с воеводою своим, Жирославом, бежали от пустой тревоги, – сей Князь презрел общий страх, устыдил дружину и хотел лучше умереть, нежели сойти с

места. Видя же под стенами Луцка знамена отца своего (пришедшего к городу с другой стороны) и сильную вылазку осажденных, Андрей устремился в битву [8 февраля], гнал неприятелей и был на мосту окружен ими. Его братья, Ростислав, Борис, остались далеко, ничего не зная: ибо пылкий Андрей не велел распустить своей хоругви, не вспомнил сего обряда воинского и не приготовил их к сражению. Только два воина могли следовать за Князем: один пожертвовал ему жизнию. Камни сыпались с городских стен; уязвленный конь Андреев исходил кровию; острая рогатина прошла сквозь луку седельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадеду; изломив копье, вынул меч; призвал имя Св. Феодора (ибо в сей день торжествовали его память), сразил Немца, готового пронзить ему грудь, и благополучно возвратился к отцу. Георгий, дядя Вячеслав, Бояре, витязи с радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынес господина из опасности и пал мертвый: благодарный Андрей соорудил ему памятник над рекою Стырем.

Брат Изяславов, Владимир, начальствовал в Луцке. Три недели продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды в Стыре, и Великий Князь хотел отважиться на битву для спасения города. Тут Владимирко Галицкий оказал человеколюбие: стал между неприятелями, чтобы не допустить их до кровопролития, и взял на себя быть ходатаем мира. Юрий Ярославич, внук бывшего Великого Князя, Святополка-Михаила, и Ростислав, сын Георгиев, мешали оному; но Владимирко, кроткий Вячеслав и всех более добродушный Андрей склонили Георгия прекратить несчастную вражду. Весною заключили мир: Изяслав признал себя *виновным*, то есть *слабейшим*; съехался с дядями в Пересопнице и сидел с ними на одном ковре. Согласились, чтобы племянник княжил спокойно в области Владимирской и пользовался данями Новогородскими; обязались также возвратить друг другу всякое движимое имение, отнятое в течение войны. Изяслав сложил с себя достоинство Великого Князя; а Георгий, желая казаться справедливым, уступил Киев брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были следствием мира: одна дочь Георгиева, именем Ольга, вышла за Ярослава Владимирковича Галицкого, а другая за Олега, сына Святославова.

Все казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгия. В угодность ему, как вероятно, Бояре его представили, что тихий, слабый Вячеслав не удержит за собою Российской столицы: Георгий, согласный с ними, послал брата княжить в Вышегород, на место своего сына Андрея. Сверх того, будучи корыстолюбив, он не исполнил условий, и не возвратил Изяславу воинской добычи. Племянник жаловался: не получив удовлетворения, занял Луцк, Пересопницу, где находился Глеб Георгиевич. Дав ему свободу, Изяслав сказал: «У меня нет вражды с вами, братьями; но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который не любит ни правды, ни ближних». Уверенный в доброхотстве Киевлян, он с малочисленною дружиною пришел к берегам Днепра и соединился с Берендеями; а Князь Суздальский, изумленный нечаянною опасностию, бежал в Городец.

Надеясь воспользоваться сим случаем, слабодушный Вячеслав приехал в Киев и расположился во дворце. Но граждане стремились толпами навстречу к Изяславу. «Ты наш Государь! – восклицали они: – не желаем ни Георгия, ни брата его!» Великий Князь послал объявить дяде, чтобы он, не хотев добровольно принять от него чести старейшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства переменились. «Убей меня здесь, – ответствовал Вячеслав: – а живого не изгонишь». Сия минутная твердость была бесполезна. Провожаемый множеством народа из Софийской церкви, Изяслав въехал на двор Ярославов, где дядя его сидел в сенях. Бояре советовали Великому Князю употребить насилие; некоторые вызывались даже подрубить сени. «Нет! – сказал он: – я не убийца моих ближних; люблю дядю, и пойду к нему сам». Князья обнялися дружелюбно. «Видишь ли мятеж народа? – говорил племянник: – дай миновать общему волнению и для собственной безопасности иди в Вышегород. Будь уверен, что я не забуду тебя». Вячеслав удалился.

Торжество Великого Князя было не долговременно. Сын его, Мстислав, хотел взять Переяславль: там княжил Ростислав Георгиевич, который вместе с Андреем решился мужественною обороною загладить постыдное бегство отца, привел в город Днепровских кочующих Торков, готовых соединиться с Киевлянами, и ждал врага неустрашимо. Великий Князь не имел времени заняться сею осадою: сведав о приближении Владимирка Галицкого, друга Георгиева, также о соединении Давидовичей с Князем Суздальским, он поехал к Вячеславу и вторично предложил ему сесть на трон Мономахов. «Для чего же ты выгнал меня с бесчестием из Киева? – возразил дядя: – теперь отдаешь его мне, когда сильные враги готовы изгнать тебя самого». Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнял его с нежностью и, заключив с ним искренний союз над гробом святых Бориса и Глеба, отдал ему всю дружину свою, знаменитую мужеством, чтобы отразить Владимирка. Изяслав при звуке труб воинских бодро выступил из столицы; но счастие опять изменило его храбрости. Еще дружина Вячеслава не успела к нему присоединиться: Берендеи же и Киевляне, встретив Галичан на берегах Стугны, ужаснулись их силы и, пустив несколько стрел, рассеялись. Он удерживал бегущих; хотел умереть на месте; молил, заклинал робких; наконец, видя вокруг себя малочисленных Венгров и Поляков, сказал дружине с горестию: «Одни ли чужеземцы будут моими защитниками?» – и сам поворотил коня. Неприятель следовал за ним осторожно, боясь хитрости. Великий Князь нашел в Киеве Вячеслава и еще не успел отобедать с ним во дворце, когда им сказали, что Георгий на берегу Днепра и что Киевляне перевозят его войско в своих лодках. Исполняя совет племянника, Вячеслав уехал в Вышегород, а Великий Князь со всею дружиною в область Владимирскую, заняв крепости на берегах Горыни.

Георгий и Князь Галицкий сошлися под стенами Киева: с первым находились Святослав, племянник его (сын Всеволодов) и Давидовичи. Напрасно хотев догнать Изяслава, они вступили в город, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимирку. Сей Князь и Георгий торжествовали победу в монастыре печерском: новые дружественные обеты утвердили союз между ими. Владимирко выгнал еще Изяславова сына из Дорогобужа, взял несколько городов Волынских, отдал их Мстиславу Георгиевичу, с ним бывшему, но не мог взять Луцка и возвратился в землю Галицкую, довольный своим походом, который доставил ему случай видеть славные храмы Киевские и гроб Святых мучеников Бориса и Глеба.

Георгий, боясь новых предприятий Изяславовых, поручил Волынскую область свою надежнейшему из сыновей, храброму Андрею. Сей Князь более и более заслуживал тогда общее уважение: он смирил Половцев, которые, называясь союзниками отца его, грабили в окрестностях Переяславля и не хотели слушать Послов Георгия; но удалились, как скоро Андрей велел им оставить россиян в покое. Укрепив Пересопницу, он взял такие меры для безопасности всех городов, что Изяслав раздумал воевать с ним и в надежде на его добродушие предложил ему мир. «Отказываюсь от Киева (говорил Великий Князь), если отец твой уступит мне всю Волынию. Венгры и ляхи не братья мои: земля их мне не отечество. Желаю остаться Русским и владеть достоянием наших предков». Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгий отвергнул мирные предложения и заставил Изяслава снова обратиться к иноземным союзникам.

[1151 г.] Меньший его брат, Владимир Мстиславич, поехал в Венгрию и склонил Короля объявить войну опаснейшему из неприятелей Изяславовых, Владимирку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общий враг держав соседственных. В глубокую осень, чрез горы Карпатские, Гейза вошел в Галицию, завоевал Санок, думал осадить Перемышль. Желая без кровопролития избавиться от врага сильного, хитрый Владимирко купил золотом дружбу Венгерского Архиепископа, именем Кукниша, и знатнейших чиновников Гейзиных, которые убедили своего легковерного Монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы с Великим Князем еще более утвердилась: Владимир Мстиславич женился на дочери Бана, родственника Королевского, и, вторично посланный братом в Венгрию, привел к нему 10000

отборных воинов. Тогда Изяслав, нетерпеливо ожидаемый Киевлянами, Берендеями и преданною ему дружиною Вячеслава, смело выступил в поле, миновал Пересопницу и, зная, что за ним идут полки Владимирковы, спешил к столице Великого Княжения. Бояре говорили ему: «У нас впереди неприятель, за нами другой». Князь ответствовал: «Не время страшиться. Вы оставили для меня домы и села Киевские; я лишен родительского престола: умру или возьму свое и ваше. Достигнет ли нас Владимирко, сразимся; встретим ли Георгия, также сразимся. Иду на суд Божий».

Граждане Дорогобужа встретили Изяслава со крестами, но боялись венгров. «Будьте покойны, – сказал Великий Князь: – я предводительствую ими. Не вы, люди моего отца и деда, а только одни враги мои должны их ужасаться». Другие города изъявляли ему такую же покорность. Он нигде не медлил; но войско его едва оставило за собою реку Уш, когда легкий отряд Галицкого показался на другой стороне. Сам Владимирко, вместе с Андреем Георгиевичем, стоял за лесом, в ожидании своей главной рати. Началась перестрелка. Великий Князь хотел ударить на малочисленных неприятелей: Бояре ему отсоветовали. «Река и лес перед нами, – говорили они: – пользуясь ими, Владимирко может долго сопротивляться; задние полки его приспеют к битве. Лучше не тратить времени, идти вперед и соединиться с усердными Киевлянами, ждущими тебя на берегах Тетерева». Изяслав велел ночью разложить большие огни и, тем обманув неприятеля, удалился; шел день и ночь, отрядил Владимира Мстиславича к Белугороду и надеялся взять его внезапно. Так и случилось. Борис Георгиевич, пируя в Белогородском дворце своем с дружиною и с Попами, вдруг услышал громкий клик и воинские трубы: сведал, что полки Изяславовы уже входят в город, и бежал к отцу, не менее сына беспечному. Георгий жил спокойно в Киеве, ничего не зная: приведенный в ужас столь нечаянною вестию, он бросился в лодку и уехал в Остер; а Великий Князь, оставив в Белегороде Владимира Мстиславича для удержания Галичан, вошел в столицу, славимый, ласкаемый народом, как отец детьми. Многие Бояре Суздальские были взяты в плен. Великий Князь, изъявив в Софийском храме благодарность Небу, угостил обедом усердных Венгров и своих друзей Киевских: а друзьями его были все добрые граждане. За роскошным пиром следовали игры: ликуя среди обширного двора Ярославова, народ с особенным удовольствием смотрел на ристание искусных Венгерских всадников.

Еще Киевляне опасались Владимирка; но, изумленный бегством Георгия, он сказал Андрею, который шел вместе с ним: «Сват мой есть пример беспечности; господствует в России и не знает, что в ней делается; один сын в Пересопнице, другой в Белегороде, и не дают отцу вести о движениях врага! Когда вы так правите землею, я вам не товарищ. Мне ли одному ратоборствовать с Изяславом, теперь уже сильным? Иду в область свою». И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всех городов Волынских. Обитатели, угрожаемые пленом, сносили ему серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей с печальным сердцем приехал к отцу в Городец Остерский.

Утвердясь в столице, Великий Князь призвал дядю своего, Вячеслава, из Вышегорода. «Бог взял моего родителя, – говорил он: – будь мне вторым отцем. Два раза я мог посадить тебя на престоле и не сделал того, ослепленный властолюбием. Прости вину мою, да буду спокоен в совести. Киев твой: господствуй в нем подобно отцу и деду». Добрый Вячеслав, тронутый сим великодушием, с чувствительностию ответствовал: «Ты исполнил наконец долг собственной чести своей. Не имея детей, признаю тебя сыном и братом. Я стар; не могу один править землею; будь моим товарищем в делах войны и мира; соединим наши полки и дружину. Иди с ними на врагов, когда не в силах буду делить с тобою опасностей!» Они целовали крест в Софийском храме; клялися быть неразлучными во благоденствии и злосчастии. Старец, по древнему обыкновению, дал пир Киевлянам и добрым союзникам, Венграм. Одарив последних конями, сосудами драгоценными, одеждами, тканями, Изяслав отпустил их в отечество; а вслед за ними отправил сына своего благодарить Короля Гейзу. Сей Посол именем отца дол-

жен был сказать ему следующие выразительные слова: «Да поможет тебе Бог, как ты помог нам! Ни сын отцу, ни брат единокровному брату не оказывал услуг важнейших. Будем всегда заодно. Твои враги суть наши: не златом, одною кровию своею можем заплатить тебе долг. Но соверши доброе дело: еще имеем врага сильного. Ольговичи и Князь Черниговский, Владимир, в союзе с Георгием, который сыплет злато и манит к себе диких Половцев. Не зовем тебя самого: ибо Царь Греческий имеет рать с тобою. Но когда наступит весна, мирная для Венгрии, то пришли в Россию новое войско. И мы в спокойную чреду свою придем к тебе с дружиною вспомогательною. Бог нам поборник, народ и Черные Клобуки друзья». – Великий Князь звал также в помощь к себе брата, Ростислава Смоленского, который всегда думал, что старший их дядя имеет законное право на область Киевскую. Вячеслав, уверяя сего племянника в дружбе, назвал его вторым сыном и с любовию принял Изяслава Черниговского, который, вопреки брату, Владимиру Давидовичу, отказался от союза с Князем Суздальским.

Георгий имел время собрать войско и стал против Киева вместе с Ольговичами – то есть двумя Святославами, дядею и племянником – Владимиром Черниговским и Половцами, разбив шатры свои на лугах восточного берега Днепровского. Река покрылась военными ладиями; битвы начались. Летописцы говорят с удивлением о хитром вымысле Изяслава: ладии сего Князя, сделанные о двух рулях, могли *не обращаясь* идти вверх и вниз; одни весла были видимы: гребцы сидели под защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрелки. Отраженный Георгий вздумал переправиться ниже Киева; ввел ладии свои в *Долобское озеро* и велел их тащить оттуда берегом до реки Золотчи, впадающей в Днепр. Изяслав шел другою стороною, и суда его вступили в бой с неприятелем у *Витичевского брода*. Князь Суздальский и тут не имел успеха; но Половцы тайным обходом расстроили Изяславовы меры: у городка Заруба, близ Трубежского устья, они бросились в Днепр на конях своих, вооруженные с головы до ног и закрываясь щитами. Святослав Ольгович и племянник его предводительствовали ими. Береговая стража Киевская оробела. Напрасно Воевода Шварн хотел остановить бегущих: «С ними не было Князя (говорит Летописец), а боярина не все слушают». Половцы достигли берега, и Георгий спешил в том же месте переправиться через Днепр.

Великий Князь отступил к Киеву и вместе с дядею стал у *Златых* врат; Изяслав Давидович между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подле него Князь Смоленский; Борис Всеволодкович Городненский, внук Мономахов, у врат *Лятских*, или Польских. Ряды Киевлян окружили город. Черные Клобуки явились также под его стенами с своими вежами и многочисленными стадами, которые рассыпались в окрестностях Киевских. Деятельность, движение, необозримый строй людей вооруженных и самый беспорядок представляли зрелище любопытное. Пользуясь общим смятением, хищные друзья, Берендеи и Торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяслав, чтобы унять грабителей, велел брату своему, Владимиру, соединить их и поставить у *могилы Олеговой*, между оврагами. Воины, граждане, народ с твердостию и мужеством ожидали неприятеля.

Но старец Вячеслав еще надеялся убедить брата словами мирными и в присутствии своих племянников дал Послу наставление. «Иди к Георгию, – сказал он: – целуй его моим именем и говори так: Сколько раз молил я вас, тебя и племянника, не проливать крови Христиан и не губить земли Русской! Изяслав, восстав на Игоря, велел мне объявить, что ищет престола Киевского единственно для меня, второго отца своего; а после завладел собственными моими городами, Туровом и Пинском! Равно обманутый и тобою – лишенный Пересопницы, Дорогобужа – не имея ничего, кроме Вышегорода, я молчал; имея Богом данную мне силу, полки и дружину, терпеливо сносил обиды, самое уничижение и, думая только о пользе отечества, унимал вас. Напрасно: вы не хотели внимать советам человеколюбия; отвергая их, нарушали устав Божий. Ныне Изяслав загладил вину свою: почтил дядю вместо отца; я назвал его сыном. Боишься ли унизиться предо мною? Но кто из нас старший? Я был уже брадат, когда ты родился. Опомнись, или, подняв руку на старшего, бойся гнева Небесного!» – Посол Вячеславов нашел Георгия

в Василеве: Князь Суздальский, выслушав его, отправил собственного боярина к брату; признавал его своим отцом; обещал во всем удовлетворить ему, но требовал, чтобы Мстиславичи выехали из области Киевской. Старец ответствовал: «У тебя *семь* сыновей: отгоняю ли их от родителя? У меня их только два: не расстанусь с ними. Иди в Переяславль и Курск; иди в *Великий* Ростов или в другие города свои; удали Ольговичей, и мы примиримся. Когда же хочешь кровопролития, то Матерь Божия да судит нас в сем веке и будущем!» Вячеслав, говоря сии последние слова, указал на Златые врата и на образ Марии, там изображенный.

Георгий ополчился и подступил к Киеву от Белагорода. Стрелы летали чрез Лыбедь. Пылкий Андрей устремился на другую сторону реки и гнал стрелков неприятельских к городу; но был оставлен своими: один Половчин схватил коня его за узду и принудил Героя возвратиться. Юный Владимир Андреевич, внук Мономахов, спешил разделить с братом опасность: пестун силою удержал сего отрока. Дружина их шла на полк Вячеславов и Великого Князя за Лыбедью; прочее войско Георгиево сразилось с Борисом у врат Лятских. Изяслав наблюдал все движения битвы: он велел братьям, не расстроивая полков, с избранными отрядами и Черными Клобуками ударить вдруг на неприятеля. Смятые ими, Половцы, Суздальцы бежали, и трупы наполнили реку Лыбедь. Тут вместе со многими пал мужественный сын Хана славного, Боняка, именем Севенч, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечом врата Златые. С того времени Суздальцы не дерзали переходить чрез Лыбедь, и Георгий скоро отступил, чтобы соединиться с Владимирком: ибо Галицкий Князь, забыв прежнюю досаду, шел к нему в помощь.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпением гнаться за врагом. Согласно с характером своим, Вячеслав говорил, что они могут не спешить и что Всевышний дает победу не скорому, а справедливому; но, убежденный их представлениями, и сам немедленно сел на коня, вместе с племянниками совершив молитву в храме Богоматери. Никогда народ Киевский не вооружался охотнее; никогда не изъявлял более усердия к своим Государям. «Всякий, кто может двигаться и владеть рукою, да идет в поле! – сказали граждане: – или да лишится жизни ослушник!» Борис Городненский был отправлен лесом вслед за Георгием, который думал взять Белгород; но видя жителей готовых обороняться, пошел на встречу к Галичанам. Изяслав, стараясь предупредить сие опасное соединение, настиг его за Стугною. Сделалась ужасная буря и тьма; дождь лился рекою, и ратники не могли видеть друг друга. Как бы устрашенные несчастным предзнаменованием, оба войска желали мира: Послы ездили из стана в стан, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгий, приняв их совет, решился на кровопролитие; однако ж убегал битвы, ожидая Владимирка, и ночью перешел за реку Рут (ныне Роток). Изяслав не дал ему идти далее: надлежало сразиться. Андрей устроил Суздальцев; объехал все ряды; старался воспламенить мужество в Половцах, и в своей дружине. С другой стороны, Великий Князь, Полководец искусный, также наилучшим образом распорядил войско и требовал благословения от Вячеслава. Сей старец, утомленный походом, должен был остаться за строем. «Неблагодарный Георгий отвергнул мир, столь любезный душе твоей, – говорили ему племянники: – теперь мы готовы умереть за честь нашего отца и дяди». Вячеслав ответствовал: «Суди Бог моего брата; я от юности гнушался кровопролитием». – Битва началася. Изяслав приказал всем полкам смотреть на его собственный, чтобы следовать ему в движениях. Андрей встретил их и сильным ударом изломил свое копие. Уязвленный в ноздри конь его ярился под всадником; шлем слетел с головы, щит Андреев упал на землю: но Бог сохранил мужественного Князя. Изяслав также был впереди; также изломил копие: раненный в бедро и руку, не мог усидеть на коне и плавал в крови своей. Битва продолжалась. Дикие варвары, союзники Георгиевы, решили ее судьбу: пустив тучу стрел, обратились в бегство; за Половцами Ольговичи и, наконец, Князь Суздальский. Многие из его воинов утонули в грязном Руте; многие легли на месте или отдались в плен. Георгий с малым числом ушел за Днепр в Переяславль.

Между тем Великий Князь, несколько времени лежав на земле, собрал силы, встал и едва не был изрублен собственными воинами, которые, в жару битвы, не узнали его. «Я князь», – говорил он. «Тем лучше», – сказал один воин и мечом рассек ему шлем, на коем блистало златое изображение Святого Пантелеймона. Изяслав, открыв лицо, увидел общую радость киевлян, считавших его мертвым; исходил кровию, но слыша, что Владимир Черниговский убит, велел посадить себя на коня и везти к его трупу; искренно сожалел об нем и с чувствительностию утешал горестного Изяслава Давидовича, который, взяв тело брата, союзника Георгиева, спешил защитить свою столицу: ибо Святослав Ольгович хотел незапно овладеть ею; но тучный, дебелый и до крайности утомленный бегством, сей Князь принужден был отдыхать в Остере, где, сведав, что в Чернигове уже много войска, он решился ехать прямо в Новгород Северский; а после дружелюбно разделился с Изяславом Давидовичем: каждый из них взял часть отцовскую.

Мстиславичи осадили Переяславль. Утратив лучшую дружину в битве и слыша, что Владимирко Галицкий, достигнув Бужска, возвратился, Георгий принял мир от снисходительных победителей. «Отдаем Переяславль любому из сыновей твоих, – говорили они, – но сам иди в Суздаль. Не можем быть с тобою в соседстве, ибо знаем тебя. Не хотим, чтобы ты снова призвал друзей своих, Половцев, грабить область Киевскую». Георгий дал клятву выехать и нарушил оную под видом отменного усердия к Св. Борису: праздновал его память, жил на берегу Альты, молился в храме сего Мученика и не хотел удалиться от Переяславля. Один сын его, Андрей, гнушаясь вероломством, отправился в Суздаль. Узнав, что коварный дядя зовет к себе Половцев и Галичан, Великий Князь грозно требовал исполнения условий: Георгий оставил сына в Переяславле, но выехал только в Городец и ждал благоприятнейших обстоятельств.

[1152 г.] Надеждою его был мужественный Владимирко. Мстислав, сын Великого Князя, вел к родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы и своею неосторожностию лишился оного. Вступив в Волынию, он пировал с Венграми, угощаемый дядею, Владимиром Мстиславичем; слышал о приближении Галицкого Князя, но беспечно лег спать, в надежде на стражу и самохвальство Венгров. «Мы всегда готовы к бою», – говорили они и пили без всякой умеренности. В полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его села на коней; но упоенные вином союзники лежали как мертвые. Владимирко ударил на них пред рассветом: бил, истреблял – и Великий Князь получил известие, что сын его едва мог спастися один с своими Боярами. Тогда Изяслав призвал союзников: Князя Черниговского и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святослав Ольгович, повинуясь необходимости, дал ему вспомогательную дружину. Сие войско осадило Городец. Теснимый со всех сторон, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальский должен был чрез несколько дней смириться: уступив Переяславль Мстиславу Изяславичу, возвратился в наследственный Удел свой и поручил Городец сыну Глебу. Но скоро Изяслав отнял у Георгия и сие прибежище в южной России: сжег там все деревянные здания, самые церкви и сравнял крепость с землею.

Наказав главного неприятеля, Великий Князь желал отмстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгиеву, Владимирку: Король Венгерский хотел того же. Им надлежало соединиться у подошвы гор Карпатских. Летописцы славят взаимную искреннюю дружбу сих Государей: сановники Гейзы от его имени приветствовали Великого Князя на дороге; сам Король, провожаемый братьями, Ладиславом и Стефаном, всем Двором, всеми Баронами, выехал встретить Изяслава, который вел за собою многочисленное стройное войско. С любовью обняв друг друга, они, в шатре Королевском, условились не жалеть крови для усмирения врага – и на рассвете, ударив в бубны, семьдесят полков Венгерских двинулись вперед; за ними шли россияне и конные Берендеи; вступив в землю Галицкую, расположились близ реки Сана, ниже Перемышля. Владимирко стоял на другой стороне, готовый к бою, и схватил несколько *зажитников* Королевских. Тогда было Воскресенье; Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложил битву до следующего. По данному знаку союзное войско приступило к реке. Изяслав находился

в средине, и так говорил ратникам: «Братья и дружина! Доселе Бог спасал от бесчестия землю Русскую и сынов ее: отцы наши всегда славились мужеством. Ныне ли уроним честь свою пред глазами союзников иноплеменных? Нет, мы явим себя достойными их уважения». В одно мгновение ока россияне бросились в Сан: Венгры также, и смяли Галичан, стоявших за валом. Побежденный Владимирко, проскакав на борзом коне между толпами Венгров и Черных Клобуков (один, с каким-то Избыгневом), заключился в Перемышле. Союзники могли бы тогда взять крепость; но воины их, грабя Княжеский богатый дворец на берегу Сана, дали время многим рассеянным битвою Галичанам собраться в городе. Владимирко хотел мира: ночью отправил к Архиепископу и Боярам Венгерским множество серебра, золота, драгоценных одежд и вторично склонил их быть за него ходатаями. Они представили Гейзе, что Галицкий Князь, тяжело раненный, признается в вине своей; что Небо милует кающихся грешников; что он служил копием своим отцу Гейзину, Беле *Слепому*, против Ляхов; что Владимирко, зная великодушие Короля и готовясь скоро умереть, поручает ему юного сына и боится единственно злобы Изяславовой. Великий Князь не хотел слышать о мире. «Если умрет Владимирко, – говорил он, – то безвременная кончина его будет справедливою Небесною казнию. Сей вероломный, клятвенно обещав нам приязнь свою, разбил твое и мое войско. Забудем ли бесчестие? Ныне Бог предает Владимирка в руки наши: возьмем его и землю Галицкую». Мстислав, сын Великого Князя, еще ревностнее отца противился миру: напрасно Владимирко старался молением и ласками обезоружить их. Но Гейза ответствовал: «Не могу убить того, кто винится», и простил врага, с условием, чтобы он возвратил чужие, занятые им города Российские (Бужск, Тихомль, Шумск, Выгошев, Гнойни) и навсегда остался другом Изяславу, или, по тогдашнему выражению, *не разлучался с ним ни в добре, ни в зле*. Из шатра Королевского послали ко мнимо больному Владимирку чудотворный крест Св. Стефана: сей Князь дал присягу. «Если он изменит нам (сказал Гейза), то или мне не царствовать или ему не княжить». Услужив шурину и смирив надменного Владимирка, бывшего в тесном союзе с Греками, Король спешил к берегам Сава отразить Императора Мануила, хотевшего отмстить ему за обиду своего Галицкого друга. Изяслав, возвратяся в Киев с торжеством, изъявил благодарность Всевышнему, праздновал с дядею Вячеславом, уведомил брата своего, Князя Смоленского, о счастливом успехе похода и советовал ему остерегаться Георгия, слыша, что он вооружается в Ростове.

КнязьСуздальский еще более возненавидел Мстиславичей за разрушение Городца, который был единственным его достоянием в полуденных, любезных ему странах Государства. Там он жил духом и мыслями; там лежал священный прах древних Князей Российских, славились храмы чудесами и жители благочестием. Георгий в наследственном восточном Уделе своем видел небо суровое, дикие степи, дремучие леса, народ грубый; считал себя как бы изгнанником и, презирая святость клятв, думал только о способах удовлетворить своему властолюбию. Он призвал Князей Рязанских и Половцев, кочевавших между Волгою и Доном; занял область Вятичей и велел Князю Новагорода Северского, Святославу Ольговичу, также быть к нему в стан под Глухов. Владимирко, сведав о походе Георгия, думал вместе с ним начать военные действия против Мстиславичей; но Изяслав успел отразить его и заставил возвратиться. Князь Галицкий, мужеством достойный отца, не хотел уподобляться ему в верности слова: не боялся клятвопреступления и доказал ошибку снисходительного Гейзы, не исполнив обещания, то есть силою удержав за собою города Великокняжеские, Шумск, Тихомль и другие. Видя, что Георгий намерен осадить Чернигов, Князь Смоленский, по сделанному условию с братом, вошел в сей город защитить Изяслава Давидовича, их союзника. Тут находился и Святослав Всеволодович, который уже знал характер Георгиев и не любил его. С душевным прискорбием они говорили друг другу: «Будет ли конец нашему междоусобию?» Набожный Князь Суздальский, подступив к Чернигову в день Воскресный, не хотел обнажить меча для праздника; но велел Половцам жечь и грабить в окрестностях! Двенадцать дней продолжались битвы, знаменитые мужеством Андрея Георгиевича: он требовал, чтобы Князья, союзники

Георгиевы, сами по очереди ходили на приступ, для ободрения войска; служил им образцом и собственною храбростию воспламенял всех. Осажденные не могли защитить внешних укреплений, сожженных Половцами, и город был в опасности; но Великий Князь спас его. Услышав только, что Изяслав перешел Днепр, робкие Половцы бежали: Георгий также отступил за Снов, и Князь Черниговский встретил своего избавителя на берегу реки Белоуса.

Святослав Ольгович, удерживая Георгия, говорил: «Ты принудил меня воевать; разорил мою область, везде потравил хлеб и теперь удаляешься! Половцы также ушли в степные города свои. Мне ли одному бороться с сильными?» Но Князь Суздальский, оставив у Святослава только 50 человек дружины с сыном Васильком, вышел из области Северской, чтоб овладеть всею страною Вятичей, где ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень: Изяслав дождался зимы, поручил Смоленскому Князю наблюдать за Георгием, осадил Новгород Северский и дал мир Святославу Ольговичу; а сын Великого Князя, Мстислав, с Киевскою дружиною и с Черными Клобуками воевал землю Половецкую: [в феврале 1153 г.] разбил варваров на берегах Орели и Самары, захватил их вежи, освободил множество Российских пленников. Но сей успех не мог утвердить безопасности восточных пределов Киевских: скоро Мстислав должен был вторично идти к берегам Псла для отражения Половцев.

Тогда, желая покоя, Великий Князь отправил боярина, Петра Бориславича, с крестными грамотами к Владимирку Галицкому. «Ты нарушил клятву, – говорил ему Посол, – данную тобою нашему Государю и Королю Венгерскому в моем присутствии. Еще можешь загладить преступление: возврати города Изяславовы и будь его другом». Владимирко ответствовал: «Брат мой Изяслав нечаянно подвел на меня Венгров: никогда не забуду того; умру или отмщу». Посол напоминал ему целование креста. «Он был не велик!» – сказал Владимирко в насмешку. «Но сила оного велика, – возразил Петр: – Вельможа Королевский объявлял тебе, что если, целовав сей чудесный крест Св. Стефана, преступишь клятву, то жив не будешь». Владимирко не хотел слушать и велел Послу удалиться. Изяславов Боярин положил на стол грамоты клятвенные, в знак разрыва. Ему не дали даже и подвод. Петр отправился на собственных конях; а Владимирко, пошедши в церковь к Вечерне и видя его едущего из города, смеялся над ним с своими Боярами. – В ту же ночь Отрок Княжеский, догнав сего Посла, велел ему остановиться. Петр ожидал новой для себя неприятности, беспокоился, и на другой день, вследствие вторичного повеления, возвратился в Галич. Слуги Владимирковы встретили его пред дворцом в *черных* одеждах. Он вошел в сени: там юный Князь Ярослав сидел на месте отца, в черной мантии и в клобуке, среди Вельмож и Бояр, также одетых в печальные мантии. Послу дали стул. Ярослав заливался слезами; царствовало глубокое молчание. Изумленный Боярин Изяславов хотел знать причину сей общей горести и сведал, что Владимирко, совершенно здоровый накануне, отслушав Вечерню в церкви, не мог сойти с места, упал и, принесенный во дворец, скончался. «Да будет воля Божия! – сказал Петр: – все люди смертны». Ярослав отер слезы. «Мы желали известить тебя о сем несчастии, – говорил он Послу: – скажи от меня Изяславу: *Бог взял моего родителя, быв Судиею между им и тобою. Могила прекратила вражду. Будь же мне вместо отца. Я наследовал Княжение; воины и дружина родительская со мною: одно его копие поставлено у гроба: и то будет в руке моей. Люби меня как сына своего, Мстислава: пусть он ездит с одной стороны подле твоего стремени, а я с другой, окруженный всеми полками Галицкими*».

Великий Князь изъявил сожаление о внезапной кончине знаменитого, умного Владимирка, основателя могущественной Галицкой области, но требовал доказательств искреннего дружелюбия от Ярослава – то есть, возвращения городов Киевских, и видя, что ему хотят удовлетворить только ласковыми словами, а не делом, прибегнул к оружию. Войско Галицкое стояло на берегах Серета: Изяслав, пользуясь густым утренним туманом, перешел за сию реку. Мгла исчезла, и неприятели увидели друг друга. Юный Князь Галицкий сел на коня. Усердные

Вельможи сказали ему: «Ты у нас один: что будет, если погибнешь? Заключись в Теребовле: мы сразимся; и кто останется жив, тот придет умереть с тобою». В сражении упорном и кровопролитном победа казалась сомнительною. Сын и братья Изяславовы не могли устоять; но Великий Князь одолел на другом крыле. С обеих сторон гнались и бежали; обе стороны взяли пленников, но Изяслав более. Он поставил на месте битвы знамена неприятельские и схватил многих рассеянных Галичан, которые толпами к ним собирались, обманутые сею хитростию. Видя малое число своей дружины и боясь вылазки из Теребовля, Изяслав велел ночью умертвить всех несчастных пленников, кроме Бояр, и с покойною совестию возвратился в Киев, торжествовать второй брак свой. Невестою его была Княжна Абазинская, без сомнения Христианка: ибо в отечестве ее и в соседственных землях Кавказских находились издавна храмы истинного Бога, коих следы и развалины доныне там видимы. Мстислав, отправленный отцом, встретил сию Княжну у порогов Днепровских и с великою честию привез в Киев.

Готовясь к новому междоусобному кровопролитию (ибо непримиримый Князь Суздальский стоял уже с войском в земле вятичей, близ Козельска), Изяслав с прискорбием видел бесчестие своего меньшего сына, Ярослава, изгнанного Новогородцами, которые – в 1149 году положив на месте 1000 Финляндцев, хотевших ограбить Водскую область, – в течение пяти лет не имели иных врагов, кроме самих себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный сим легкомысленным народом, Ростислав Смоленский, в угодность ему, отправился княжить в Новгород, а Ярослав в Владимир Волынский, на место умершего Святополка Мстиславича.

Малочисленность союзных Половцев и конский падеж заставили Георгия отложить войну. Между тем Изяслав, не дожив еще до глубокой старости, скончался, к неутешной горести Киевлян, всех россиян и самых иноплеменников, Берендеев, Торков. Они единогласно называли его своим *Царем* славным, *господином* добрым, *отцем* подданных. Старец Вячеслав, проливая слезы, говорил: «Сын любезный! Сему гробу надлежало быть моим; но Бог творит, что ему угодно!» – Княжение Изяслава описано в летописях с удивительною подробностию. Мужественный и деятельный, он всего более искал любви народной и для того часто пировал с гражданами; говорил на Вечах, подобно Великому Ярославу; предлагал там дела Государственные и хотел, чтобы народ, исполняя волю Государя, служил ему охотно и врагов его считал собственными. Разделив престол с дядею, добродушным и слабым, Изяслав в самом деле не уменьшил власти своей, но заслужил похвалу современников; обходился с ним как нежный сын с отцом; один брал на себя труды, опасности, но приписывал ему честь побед своих и жил сам в нижней части города, уступив Вячеславу дворец Княжеский.

Готовый умереть за Киев, Изяслав удалялся от иных случаев проливать кровь россиян: не вступился за сына, оскорбленного Новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, которого Полочане в 1151 году свергнули с престола, избрав на его место Ростислава Глебовича, Князя Минского, и признав Святослава Ольговича покровителем их области. Так граждане своевольствовали в нашем древнем отечестве, употребляя во зло правило, что *благо народное священнее всех иных законов*.

Тело Изяслава было погребено в монастыре Св. Феодора, основанном Великим Мстиславом.

Глава XIII
Великий князь Ростислав-Михаил Мстиславич. 1154-1155

Узнав о кончине Великого Князя, Изяслав Черниговский приплыл к Киеву, чтобы оросить слезами гроб умершего; но старец Вячеслав и Бояре, справедливо опасаясь его коварных намерений, не позволили ему въехать в столицу. Они ждали Князя Новогородского и Смоленского. Граждане, Торки, Берендеи с изъявлением усердия встретили Ростислава (который оставил в Новегороде сына своего, Давида), и добродушный дядя сказал ему: «Я стою у дверей гроба; суды, расправа и беспокойства ратные уже не мое дело. Подобно Изяславу будь мне сыном и Государем россиян. Отдаю тебе полк и дружину свою». Бояре вместе с народом требовали от нового Князя, чтобы он, следуя примеру старшего брата, всегда уважал дядю как отца, и в таком случае обещались служить ему верно. – В Киеве находился тогда Святослав Всеволодович: призванный Вячеславом, он уехал тайно от своих дядей и взял сторону Великого Князя, отдавшего ему за то Пинск и Туров.

С другой стороны Изяслав Черниговский и Святослав Ольгович заключили союз с Георгием, которого сын Глеб, наняв Половцев, осадил Переяславль: Мстислав Изяславич отразил их с помощию Киевской дружины. Великий Князь, чтобы предупредить Суздальского, хотел воспользоваться сею первою удачею и шел к Чернигову; но печальная весть настигла его в Вышегороде. Добрый Вячеслав скоропостижно умер [в 1155 г.]: ввечеру пировал с Боярами и ночью заснул навеки. Искренно сожалея о кончине его, Ростислав спешил в Киев предать земле тело старца в Софийском храме и быть свидетелем общей горести: ибо народ любил кроткие, Христианские добродетели сего Мономахова сына. В похвалу Великому Князю летописцы сказывают, что он, созвав во дворце Вельмож, Тиунов, Казначеев, Ключников умершего дяди, велел принести его имение: одежды, золото, серебро; все роздал по монастырям, церквам, темницам, богадельням и, поручив исполнить сие распоряжение вдовствующей супруге отца своего, взял себе на память один крест.

Когда Ростислав возвратился к войску, Бояре не советовали ему идти далее. «Ты еще слаб на престоле, – говорили они: – утверди власть свою, заслужи любовь народную, и тогда не бойся Георгия». Великий Князь отвергнул благоразумный совет; он приближался к Чернигову, требуя, чтобы Изяслав дал ему клятву верного союзника. «Кто вступил в мою область неприятелем, с тем не хочу дружиться», – ответствовал Изяслав и, соединясь с Глебом Георгиевичем, расположился станом на берегах реки Белоуса. Тут открылось малодушие Ростислава, который, будучи устрашен множеством Половцев, в самом начале перестрелки дал знать Черниговскому Князю, что уступает ему Киевскую область с Переяславлем, желая одного мира. С негодованием видя малодушие дяди, Мстислав Изяславич поворотил коня и, сказав: «Не будь же ни мне Переяславля, ни тебе Киева!» – удалился с своею дружиною. Войско расстроилось; свирепые Половцы гнали, рубили бегущих и схватили, в числе пленных, Святослава Всеволодовича. Мстислав, взяв в Переяславле жену, детей, ушел в Луцк, а бывший Великий Князь в Смоленск, лишась в то же время и Новагорода: ибо тамошние жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Послом в Суздаль и призвали Мстислава Георгиевича княжить в их области.

Князь Ростислав Мстиславич. Гравюра 1805 г.

Киевляне, услышав с горестию о несчастии Ростислава, должны были обратиться к победителю. Епископ Каневский, Дамиан, их именем сказал Изяславу: «Государь! Иди управлять нами, да не будем жертвою варваров!», ибо в сие время Половцы свирепствовали в окрестностях Днепра и долго не могли быть усмирены Глебом Георгиевичем, которому Изяслав Давидович отдал Переяславль. Между тем Георгий уже шел с войском и близ Смоленска получил весть о новой, благоприятной для него перемене обстоятельств; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился с ним и спешил к Киеву; простил и. Святослава Всеволодовича, уважив ходатайство его дяди, Северского Князя, и послал объявить Черниговскому, чтобы он выехал из столицы Мономаховой. Изяслав колебался, медлил; говорил, что Киевляне добровольно возвели его на престол; но, убежденный Святославом Ольговичем, и не имея надежды отразить силу силою, отправился в Чернигов. Георгий, вступив в Киев, с общего согласия принял сан Великого Князя [20 марта 1155 г.].

Глава XIV
Великий князь Георгий, или Юрий Владимирович, прозванием Долгорукий. 1155-1157

Следуя обыкновению, он назначил сыновьям Уделы: Андрею Вышегород, Борису Туров, Глебу Переяславль, Васильку окрестности Роси, где жили Берендеи и Торки; а Святослав Ольгович поменялся городами с своим племянником, сыном Всеволода, взяв у него Снов, Воротынск, Карачев и дав ему за них другие.

Опасаясь смелого, пылкого Мстислава, Великий Князь послал Юрия Ярославича, внука Святополкова, с Воеводами на Горынь: они взяли Пересопницу. В то же время зять Георгиев, Князь Галицкий, и Владимир, брат Смоленского, осадили Луцк. Мстислав отправился искать союзников в Польше; но меньший брат его, Ярослав, заставил неприятелей снять осаду.

Достигнув главной цели своей, обремененный летами и желая спокойствия, Георгий призвал Ростислава Смоленского, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянников, и хотел видеть их в Киеве. Ярослав повиновался; но Мстислав, боясь обмана, не ехал: Георгий послал к нему крестную грамоту, в доказательство искренней дружбы. Узнав о сем союзе и прибытии в Киев Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговский, недовольный Георгием, также смирился и выдал дочь свою за его сына, Глеба. Великий Князь уступил Изяславу Корческ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанские новыми крестными обетами утвердили связь с Ростиславом Смоленским, коего они признавали их отцом и покровителем.

[1156 г.] Россия наслаждалась тишиною, говорят Летописцы: сия тишина была весьма непродолжительна. Мстислав принял крестную грамоту от деда, но не дал ему собственной и выгнал Георгиева союзника, Владимира, родного дядю своего, из Владимирской области; пленил его семейство, жену; ограбил Бояр и мать, которая с богатыми дарами возвратилась тогда от Королевы Венгерской, ее дочери. Оскорбленный Георгий, в надежде смирить внука с помощию одного Галицкого Князя, не хотел взять с собою ни Черниговской, ни Северской дружины и выступил с Берендеями. Напрасно искав защиты в Венгрии, изгнанник Владимир Мстиславич прибегнул к Великому Князю, но Георгий в самом деле не думал об нем, а хотел, пользуясь случаем, завоевать область Волынскую для другого племянника, Владимира Андреевича, чтобы исполнить обещание, некогда данное отцу его. Жестокое сопротивление Мстислава уничтожило сие намерение: десять дней кровь лилась под стенами Владимирскими, и Георгий, как бы подвигнутый человеколюбием, снял осаду. «Изяславич веселится убийствами и враждою, – сказал он детям и Боярам: – желаю не погибели его, а мира, и, будучи старшим, уступаю». – Владимир Андреевич ходил к Червену с мирными предложениями: напоминал тамошним гражданам о своем родителе, великодушном их Князе Андрее; обещал быть ему подобным, справедливым, милостивым; но, уязвленный в горло стрелою, удалился, отмстив жителям опустошением земли Червенской. Георгий наградил его Пересопницею и Дорогобужем; а Мстислав, следуя за дедом, жег селения на берегах Горыни.

Великий Князь щадил старинных друзей своих, Половцев. Они тревожили окрестности Днепра и были наказаны мужественными Берендеями, которые многих хищников умертвили, других взяли в плен и, в противность Георгиеву желанию, не хотели их освободить, говоря: «Мы умираем за Русскую землю, но пленники наша собственность». Георгий, два раза ездив в Канев для свидания с Ханами Половецкими, не мог обезоружить их ни ласкою, ни дарами; наконец заключил с ними новый союз, чтобы в нужном случае воспользоваться помощию сих варваров: ибо он, по тогдашним обстоятельствам, не мог быть уверен в своей безопасности.

[1157 г.] Ростислав Мстиславич имел преданных ему людей в Новегороде, которые с единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотят повиноваться Мстиславу Геор-

гиевичу. Сделалось смятение; граждане разделились на две стороны: Торговая вооружилась за Князя, Софийская против него, и мост Волховский, с обеих сторон оберегаемый воинскою стражею, был границею между несогласными. Но сын Георгиев бежал ночью, узнав о прибытии детей Смоленского Князя, и таким образом уступил Княжение Ростиславу, который, чрез два дня въехав в Новгород, восстановил совершенную тишину.

Сие происшествие долженствовало оскорбить Георгия: у него были и другие враги. Изяслав Давидович с завистию смотрел на престол Киевский; искал друзей; примирился с Ростиславом и для того оставил без мести неверность своего племянника, Святослава Владимировича, который, вдруг заняв на Десне города Черниговские, передался к Смоленскому Князю. Мстислав Изяславич Волынский также охотно вступил в союз с Давидовичем, чтобы действовать против Георгия, и сии Князья, напрасно убеждав Северского взять их сторону, готовились идти к Киеву в надежде на свое мужество, неосторожность и слабость Георгиеву. Судьба отвратила кровопролитие: Георгий, пировав у боярина своего, Петрила, ночью занемог и чрез пять дней [15 мая 1157 г.] умер. Сведав о том, Изяслав Давидович пролил слезы и, воздев руки на небо, сказал: «Благодарю тебя, Господи, что ты рассудил меня с ним внезапною смертию, а не кровопролитием!»

Георгий властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив там Веру Христианскую, сей Князь строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; умножил число духовных Пастырей, тогда единственных наставников во благонравии, единственных просветителей разума; открыл пути в лесах дремучих; оживил дикие, мертвые пустыни знамениями человеческой деятельности; основал новые селения и города: кроме Москвы, Юрьев Польский, Переяславль Залесский (в 1152 году), украшая их для своего воображения сими, ему приятными именами и самым рекам давая названия южных. Дмитров, на берегу Яхромы, также им основан и назван по имени его сына, Всеволода-Димитрия, который (в 1154 году) родился на сем месте. – Но Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Скромные Летописцы наши редко говорят о злых качествах Государей, усердно хваля добрые; но Георгий, без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном Князя столь любимого, не умел заслужить любви народной. Мы видели, что он играл святостию клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгод своего честолюбия: к бесславию его нам известно также следующее происшествие. Князь Иоанн Берладник, изгнанный Владимирком из Галича, служил Георгию, и вдруг, без всякой вины (в 1156 году), был окован цепями и привезен из Суздаля в Киев: Георгий согласился выдать его, живого или мертвого, зятю своему, Владимиркову сыну. Заступление Духовенства спасло жертву: убежденный человеколюбивыми представлениями Митрополита, Георгий отправил Берладника назад в Суздаль; а люди Князя Черниговского, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастного узника. – Одним словом, народ Киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом Княжеский за Днепром, называемый Раем, также имение Суздальских Бояр, и многих из них умертвил в исступлении злобы. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оное вне города, в Берестовской Обители Спаса.

Церковные дела сего времени достойны замечания. Георгий не желал оставить Митрополитом Климента, избранного по воле ненавистного ему племянника, и согласно с мыслями Нифонта, Епископа Новогородского, им уважаемого, требовал иного Пастыря от Духовенства Цареградского. Святитель Полоцкий и Мануил Смоленский, враг Климентов, (в 1156 году) с великою честию приняли в Киеве сего нового Митрополита, именем Константина, родом Грека; вместе с ним благословили Великого Князя, кляли память Изяслава Мстиславича и

в первом совете уничтожили все церковные действия бывшего Митрополита; наконец, рассудив основательнее, дозволили отправлять службу Иереям и Диаконам, коих посвятил Климент. Ревностный Нифонт не имел удовольствия видеть свое полное торжество: он спешил встретить Константина, но еще до его прибытия скончался в Киеве, названный славным именем поборника всей земли Русской. Сей знаменитый муж, друг Святослава Ольговича, имел и неприятелей, которые говорили, что он похитил богатство Софийского храма и думал с оным уехать в Константинополь: современный Летописец Новогородский опровергает такую нелепую клевету и, хваля Нифонтовы добродетели, говорит: «Мы только за грехи свои лишились сладостного утешения видеть здесь гроб его!» – новогородцы на место Нифонта в общем совете избрали добродетельного Игумена Аркадия и еще непоставленного ввели в дом Епископский: ибо избрание главного духовного сановника зависело там единственно от народа.

Глава XV
Великий князь Изяслав Давидович Киевский. Князь Андрей Суздальский, прозванный Боголюбским. 1157-1159

Киевляне, изъявив ненависть к умершему Великому Князю, послали объявить врагу Георгиеву, Изяславу Давидовичу, чтобы он шел мирно властвовать в столице Российской. Изяслав, при восклицаниях довольного народа, въехал в Киев [19 мая 1157 г.], оставив в Чернигове племянника своего, Святослава Владимировича, с дружиною воинскою: ибо Князь Северский, хотя и миролюбивый, замышлял незапно овладеть сею удельною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяслав, желая иметь в нем благодарного союзника, добровольно отдал ему Чернигов; а племянник их, Святослав Всеволодович, получил в Удел Княжение Северское. Они заключили мир на берегах Свини (где ныне Березна) в присутствии Мстислава, Владимирского Князя, который, одобрив условия, спокойно возвратился в Волынию.

Таким образом Изяслав Давидович остался повелителем одной Киевской области и некоторых городов Черниговской. Переяславль, Новгород, Смоленск, Туров, область Горынская и вся западная Россия имели тогда Государей особенных, независимых, и достоинство Великого Князя, прежде соединенное с могуществом, сделалось одним пустым наименованием. Киев еще сохранял знаменитость, обязанный ею, кроме своего счастливого положения, торговле, множеству избыточных обитателей, богатству храмов, монастырей: скоро утратит он и сию выгоду, лишенный сильных защитников. Но в то время, как *древняя* столица наша клонится к совершенному падению, возникает *новая* под сению Властителя, давно известного мужеством и великодушием.

Еще при жизни Георгия Долгорукого сын его, Андрей, в 1 155 году уехал из Вышегорода (не предуведомив отца о сем намерении). Феатр алчного властолюбия, злодейств, грабительств, междоусобного кровопролития, Россия южная, в течение двух веков опустошаемая огнем и мечом, иноплеменниками и своими, казалась ему обителию скорби и предметом гнева Небесного. Недовольный, может быть, правлением Георгия и с горестию видя народную к нему ненависть, Андрей, по совету шурьев своих, Кучковичей, удалился в землю Суздальскую, менее образованную, но гораздо спокойнейшую других. Там он родился и был воспитан; там народ еще не изъявлял мятежного духа, не судил и не менял государей, но повиновался им усердно и сражался за них мужественно. Сей Князь набожный вместо иных сокровищ взял с собою Греческий образ Марии, украшенный, как говорят Летописцы, пятнадцатью фунтами золота, кроме серебра, жемчуга и камней драгоценных; избрал место на берегу Клязьмы, в прежнем своем Уделе: заложил каменный город Боголюбов, распространил основанный Мономахом Владимир, украсил зданиями каменными, *Златыми* и *Серебряными* вратами. Как нежный сын оплакав кончину родителя, он воздал ему последний долг торжественными молитвами, строением новых церквей, Обителей в честь умершему, или для спасения его души; и между тем, как народ Киевский злословил память Георгия, священный Клирос благословлял оную в Владимире. Суздаль, Ростов, дотоле управляемые Наместниками Долгорукого, единодушно признали Андрея Государем. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнейший добродетелями, мог бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной, благоустройства в своем наследственном Уделе; основал новое *Великое Княжение Суздальское*, или *Владимирское*, и приготовил Россию северо-восточную быть, так сказать, истинным сердцем Государства нашего, оставив полуденную в жертву бедствиям и раздорам кровопролитным.

Золотые ворота во Владимире

Борис Георгиевич, княжив при отце в Турове, или добровольно выехал оттуда в Суздальскую область, или был изгнан Юрием Ярославичем, Святополковым внуком, который, происходя от старшей ветви Княжеского Дому, имел право на самую область Киевскую. Изяслав, желая доставить Удел Владимиру Мстиславичу, соединился с Князьями Волынскими, Галицким, Смоленским и приступил к Турову. Юрий искал мира, но мужественно оборонялся, и чрез 10 недель многочисленное войско осаждающих удалилось, потеряв большую часть коней своих от заразы.

[1158 г.] В числе Изяславовых союзников находились и Полочане, которые едва ли уступали тогда Новогородцам в своевольстве. Мы упоминали о несчастии князя Рогволода Борисовича, изгнанного ими без всякой основательной причины: Святослав Черниговский дал ему вспомогательную дружину, и жители Друцка с великою радостию приняли его, выслав Глеба Ростиславича, ограбив дом, Бояр, друзей сего последнего. Отец Глебов, видя опасное волнение и в самом Полоцке, старался задобрить граждан ласками, дарами и, взяв с них новую присягу, осадил Друцк. Сильный отпор жителей заставил сего Князя искать мира: Рогволод дал клятву жить с ним в братстве и нарушил оную вместе с вероломными Полочанами, которые, думая загладить измену изменою, послали сказать ему: «Князь добрый! Мы виновны, свергнув тебя с престола и разграбив твое имение: не помни зла и возвратися к нам: выдадим тебе Ростислава Глебовича». Он согласился с ними; но Ростислав, уведомленный об их замысле, ходил вооруженный, носил латы под одеждою и смелостию вселял боязнь в злодеев. Наконец они устыдились своей робости и звали Князя, жившего за городом, в собрание народное, будто бы для дел государственных. «Вчера я был у вас, – ответствовал Ростислав: – для чего же вы не говорили о делах?» – однако ж поехал в город. Верный Отрок Княжеский остановил его: ибо народ уже снял с себя личину, грозно вопил на Вече и лил кровь Бояр, преданных Глебовичам. Ростислав, соединив дружину, удалился в Минск к брату Володарю; а Рогволод, подкрепленный силою Князя Смоленского, отнял Изяславль у Всеволода Глебовича и предписал мир его брату: остался Князем Полоцким, дал Всеволоду Стрежев, Изяславль Брячиславу Васильковичу и восстановил тишину кратковременную. Володарь, третий сын Глебов, воевал тогда с Литвою: братья присягнули за него в верном исполнении мирных условий.

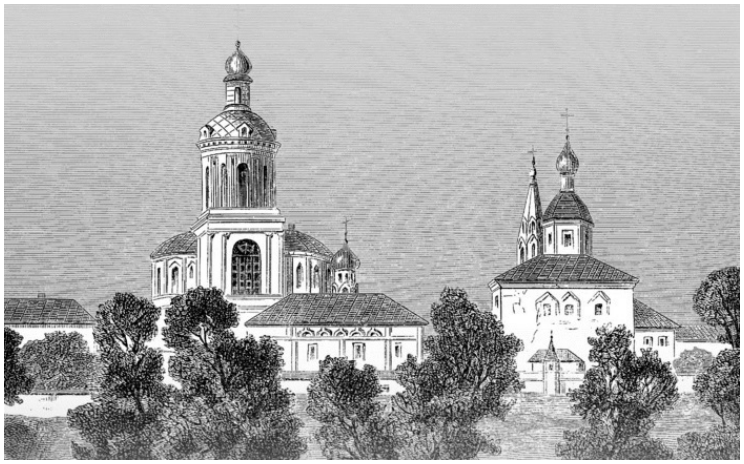
Князь Андрей Боголюбский. Гравюра 1805 г.

Изяслав Давидович не долго жил в союзе с Галицким и Волынскими Князьями. Поводом к сему разрыву служил знаменитый Воевода первого, Иоанн Берладник. Князь Галицкий, ненавидя и боясь сего брата двоюродного, изгнанного Владимирком, умел склонить на свою сторону не только Венгерского Короля с Поляками, но и многих Князей Российских, желая, чтобы они вместе с ним убедили Изяслава выдать ему Иоанна. Гнушаясь делом столь жестоким, великий князь отвечал их Послам в Киеве, что он никогда на то не согласится. Иоанн же, бесчеловечно гонимый, хотел мстить Ярославу Владимирковичу: ограбил несколько богатых судов на Дунае, нанял 6000 Половцев и вступил в Галицию; но скоро был оставлен сими хищниками, ибо не дозволял им опустошать земли и щадил доброхотствующих ему жителей. Сведав, что Ярослав вооружается, Великий Князь предложил Святославу Ольговичу тесный союз и два города, Мозырь и Чечерск. Тут Святослав оказал бескорыстие великодушное. «Признаюсь, – говорил он, – что я досадовал, когда ты не отдал мне всей области Черниговской; но сердце мое ненавидит злобу между родными. Если враги несправедливые угрожают тебе войною, то они будут и моими врагами. Сохрани меня Бог от мздоимства в таком случае: не хочу никаких городов и вооружаюсь». Пировав три дня, они дали знать Князю Галицкому, что готовы соединенными силами отразить его нападение. Ярослав успокоился; но Великий Князь вздумал сам объявить ему войну за Иоанна Берладника: ибо многие Галичане звали сего Воеводу в землю свою, уверяя, что народ толпами устремится под его знамена и что сын Владимирков не любим гражданами. Святослав Ольгович не хотел идти; удерживал Великого Князя; представлял ему, что Иоанн не сын, не брат их; но пылкий Изяслав с угрозами ответствовал в Василькове Послу Черниговскому: «Скажи брату, что он, по возвращении моем из Галича, волею и неволею может отправиться назад в Новгород Северский!» Добродушный Святослав с горестию видел несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира Государству. «Богу открыто смирение души моей, – сказал он Вельможам: – я не искал управы мечом, когда Изяслав, вместо целой области Черниговской, дал мне только семь городов, опустошенных Половцами и населенных *псарями*. Он еще не доволен, и за миролюбивый, благоразумный совет грозится, вопреки святой клятве, выгнать меня из Чернигова! Но Провидение карает вероломных». Оно в самом деле наказало брата его. Галицкий, соединясь с Волынскими Князьями, Изяславичами и дядею их, Владимиром Андреевичем, предупредил Великого Князя и

занял Белгород. Изяслав обступил их с войском многочисленным: одних Половцев было у него с лишком 20000. Указывая на сильные полки свои, он с гордостию требовал, чтобы союзники вышли из города. Но Берендеи и Торки изменили ему; начальники их тайно велели сказать Мстиславу: «Князь! От нас все зависит. Если будешь нам другом, как отец твой, и дашь каждому по доброму городу, мы оставим Изяслава». Они сдержали слово: в глубокую полночь зажгли шатры свои и с грозным воплем ускакали в город. Пробужденный ночною тревогою, Великий Князь сел на коня; увидел измену и бежал за Днепр вместе с Владимиром Мстиславичем, его другом; Половцы также: многие из них утонули в Роси; других пленили Юрьевцы и Берендеи.

Великий князь Изяслав Давыдович. Гравюра 1805 г.

Союзники вошли в столицу, послав объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престол Киевский и будут ему послушны как старшему. Мстислав требовал только, чтобы низверженный Митрополит Климент снова управлял церковию Российскою: «ибо Константин (говорил он) клял память отца моего». Но Ростислав не хотел слышать о Клименте, избранном, по его мнению, беззаконно. Наконец согласились, чтобы не быть Митрополитом ни тому, ни другому и призвать нового из Царяграда. Изгнанный Мстиславом, Константин уехал в Чернигов и скоро преставился, удивив современников и потомство странностию своего завещания. Он вручил запечатанную духовную Святителю Черниговскому, Антонию, и требовал, чтобы сей Епископ клятвенно обязался исполнить его последнюю волю. Антоний в присутствии Князя Святослава срезал печать и с изумлением читал следующее: «Не погребайте моего тела: да будет оно извлечено из града и повержено псам на снедение!» Епископ не дерзнул нарушить клятвы; но Князь, страшась гнева Небесного, велел на третий день привезти тело Митрополита в Чернигов и с честию предать земле в Соборной церкви, подле гроба Игоря Ярославича. Летописцы рассказывают, что в сии три дня, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молния в Киеве; что одним громовым ударом убило там семь человек и ветер сорвал шатер Ростислава, стоявшего тогда в поле близ Вышегорода; что сей Князь старался молитвами в церквах умилостивить Небо и что вдруг настала тишина, когда совершилось погребение Митрополитова тела.



Боголюбов монастырь близ Владимира-на-Клязьме

В княжение Изяслава Новгород вторично испытал бедствие мора: не успевали хоронить ни людей, ни скота; от смрада бесчисленных трупов нельзя было ходить по городу, ни в окрестностях. Летописцы не говорят о происхождении, свойстве и наружных знаках сей язвы, которая свирепствовала единственно в Новегороде.

Глава XVI
Великий князь Ростислав-Михаил вторично в Киеве. Андрей в Владимире Суздальском. 1159-1167

Ростислав – оставив сыновей княжить, Святослава в Новегороде, Давида в Торжке, Романа в Смоленске – был с честию и радостию принят [12 апреля 1159 г.] от всех жителей Киевских. Племянник его, Мстислав, возвратился в юго-западную Россию с богатою добычею, взяв имение Изяславовых Вельмож, множество серебра, золота, рабов и всякого скота.

Бывший Великий Князь ушел в Сожскую область, ему принадлежавшую, и съехался в Гомье, или нынешнем Гомеле, с женою, которая вслед за ним бежала из Киева. Приписывая свое несчастие брату Ольговичу, не хотевшему дать ему помощи, Изяслав завоевал его область, землю Вятичей, пленил жителей одного местечка, бывшего собственностию или веном Княгини Черниговской, и тревожил города Курские. Тогда Святослав, захватив имение и семейства многих Бояр сего злобного родственника, вступил в союз с Государем Киевским. Они съехались в Моровске, обедали друг у друга и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростислав подарил Черниговскому Князю несколько соболей, горностаев, черных куниц, песцов, волков белых и рыбьих зубов; а Святослав Великому Князю парда и двух коней с окованными седлами.

Сии два Князя, быв от юности неприятелями, искренно клялися умереть друзьями и согласились общими силами действовать против Изяслава. Надлежало прежде защитить южные пределы Государства от внешних хищников. В Молдавии, между реками Прутом и Серетом, находился тогда город многолюдный и крепкий, именем Берлад (ныне местечко), основанный близ развалин древней дакийской Зузидавы: он был гнездом своевольных бродяг, людей разного племени и закона, коих главное ремесло состояло в грабеже по Черному морю и Дунаю. Шайки их взяли Олешье (знаменитое торговое место при устье Днепра, где складывались Греческие товары, отправляемые в Киев): Воевода Великокняжеский, Георгий Нестерович, настиг сих разбойников и выручил многих взятых ими пленников вместе с богатою добычею. – Надлежало еще отразить набег Половцев: сын Святославов в Черниговской области, а дружина Галицкая, Князья Волынские и Берендеи на западном берегу Днепра побили и гнали их до границы.

Сии хищники явились с другой стороны, нанятые Изяславом Давидовичем, который, не теряя времени, осадил с ними Чернигов, где Святослав и племянник его, Князь Северский, едва успели изготовиться к обороне, требуя войска от Ростислава. Но Киевляне и Берендеи, веря искреннему союзу дяди, не верили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить их, Святослав Всеволодович прислал сына в залог к Ростиславу, и полки Великокняжеские спасли Чернигов. Изяслав, устрашенный силою оных, бежал в степи. Там услышал он, что неосторожный Святослав отпустил союзников и сам болен: чем желая воспользоваться, Изяслав снова перешел за Десну с Половцами. Князь Черниговский действительно был нездоров; однако ж с супругою и детьми стоял в поле, успел возвратить Киевлян и мужественно отразил варваров. Союзники, гонясь за Изяславом, приступили к Вырю, где оставалась его Княгиня с казною. Тут воевода Иоанн Берладник имел случай доказать ему свое усердие; защитил город и принудил осаждающих удалиться. Изяслав отмстил им ужасным разорением Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, пленили в ней более десяти тысяч людей безоружных, кроме множества убитых; но, видя превосходство сил на стороне врагов, он искал союзника в могущественном Князе Суздальском.

Вокняжение Мстислава Изяславича в Киеве; отъезд Мстислава во Владимир-Волынский после передачи Киевского княжения Ростиславу Мстиславичу. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Андрей Георгиевич, не заботясь о России южной, желал господствовать в северной единовластно и присвоить себе древнюю столицу Рюрикову, то есть выгнать оттуда сыновей Великого Князя: Святослава Ростиславича из Новагорода, а Давида из Торжка. Не доброхотствуя отцу их, Андрей вступился за Изяслава и помолвил дочь свою за его племянника, Святослава Владимировича, осаждаемого тогда Князем Черниговским в городе Вщиже. Роман и Рюрик, сыновья Великого Князя, Владетель Северский с братом, Полочане и дружина Галицкая была с Святославом Ольговичем; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идет отразить их от Вщижа, союзники склонились к миру, и Святослав Черниговский снял осаду, клятвенно обязав племянника чтить его как старшего в роде. – Андрей съехался с Изяславом в Волоке Ламском, праздновал там свадьбу дочери и послал сказать Новогородцам, что он намерен искать их Княжения, не любит кровопролития, но готов воевать в случае сопротивления. Чиновники объявили о том народу. Слава Андреева давно гремела в России: новогородцы пленились мыслию повиноваться столь знаменитому Князю; однако ж, не имея причин жаловаться на своего, не вдруг прибегнули к средствам насилия: сперва сказали, что область Новогородская никогда не имела двух Князей и что Давид должен оставить Торжок; когда же Святослав Ростиславич, угождая им, велел брату выехать оттуда в Смоленск, они решились, без дальнейших околичностей, взять его под стражу. Уведомленный о сем намерении, Святослав не хотел верить. «Вчера (говорил он Боярам) граждане любили меня; вчера я слышал их клятвы, видел общее усердие». В самое то время народ вломился во дворец, неволею послал Князя в Ладогу, запер его жену в монастырь, разграбил казну, оковал дружину. Андрей отправил племянника, Мстислава, Наместником в Новгород; а Святослав Ростиславич ушел из Ладоги к отцу, который, в первую минуту гнева, велел заключить в душную темницу всех купцев Новогородских, бывших в Киеве; но выпустил и разослал их по городам, сведав с прискорбием, что некоторые из них скоропостижно умерли в оной. Хотя Великий Князь досадовал на Андрея Суздальского, однако ж не думал мстить ему кровопролитием и желал спокойствия.

К несчастию, он не мог удовлетворить своему искреннему миролюбию. Видя, что Андрей, довольный приобретением Новагорода, не расположен воевать с Великим Князем, беспокойный Изяслав снова обратился к Половцам и нашел единомышленника в непостоянном Святославе Всеволодовиче; их сторону взяли также некоторые Бояре Киевские и Черниговские, хотевшие неустройства: ибо зло общее бывает иногда частною выгодою. Святослав Ольгович послал сына своего, Олега, в Киев, где Великий Князь желал дружелюбно угостить его. Клеветники уверили сего юношу, что Ростислав тайно готовит ему темницу, и легкомысленный Олег, не сказав ни слова отцу, пристал к Изяславу Давидовичу и Князю Северскому. Святослав душевно оскорбился вероломством сына и племянника в рассуждении Великого

Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. «Знай (говорили они своему Князю), что Духовник Ростиславича ездил из Смоленска к Изяславу и предлагал ему Чернигов: Государь Киевский притворяется другом твоим, но помогает тебе *лениво*, и до сего времени ты не видал никакой пользы от его союза». Обманутый клеветою, Черниговский Князь взял сторону брата; однако ж сам не хотел участвовать в войне. Изяслав с союзниками ополчился; стоял две недели под стенами Переяславля, убеждая зятя своего, Глеба Георгиевича, вооружиться против Великого Князя; не успел в том и, видя Ростислава готового к битве, удалился. Но вторичное его предприятие было счастливее: в течение зимы [1161 г.] усиленный множеством Половцев, он переправился за Днепр выше Киева и приступил к Подолу, огражденному высоким тыном. Тут началось сражение. Половцы во многих местах рассекли ограду, ворвались в улицы и зажгли домы. Окруженные пламенем, дымом и мечами варваров, Киевляне с Берендеями в ужасе бежали на гору к Златым вратам каменной стены. Тогда Великий Князь, приняв совет дружины, оставив Киев и заключился в Белегороде, ожидая скорой помощи.

Изяслав вступил в Киев, освободил там многих друзей своих, бывших под стражею, и спешил осадить Белгород. Великий Князь сжег деревянные укрепления, или *острог*, и четыре недели оборонялся в крепости. Напрасно Святослав Черниговский склонял брата к общему миру, советуя ему снять осаду, возвратиться за Днепр и ждать всего от справедливости. Изяслав ответствовал его Послам: «Ежели уйду за Днепр, то союзники оставят меня. Что ж будет со мною? В степях ли Половецких найду для себя область? Лучше умру здесь от меча, нежели от голода на берегах Сейма». Он говорил смело, но действовал малодушно: ибо, услышав, что Торки, Берендеи, Печенеги Росьские, Мстислав Волынский и Галичане идут в помощь к Великому Князю, Изяслав бежал и погиб без мужественной обороны: неприятельский всадник, именем Выйбор, рассек ему саблею голову. Великий Князь и Мстислав нашли его плавающего в крови и не могли удержаться от слез искренней горести. «Вот следствие твоей несправедливости! – сказал первый: – недовольный областию Черниговскою, недовольный самым Киевом, ты хотел отнять у меня и Белгород!» Изяслав не ответствовал, но просил воды; ему дали вина – и сей несчастный Князь, взглянув дружелюбно на врагов сострадательных, скончался [6 марта 1161 г.]. Пишут, что он в битвах обыкновенно носил власяницу брата своего, Николая Святоши, а в сей день почему-то не хотел надеть ее. Разбив Половцев, Олегову дружину, Черниговскую и Князя Северского, взяв их обозы, победители отослали в Чернигов тело Изяслава, искренно оплаканного братом Святославом и еще искреннее Иоанном Берладником. Сей злополучный Галицкий Князь, утратив в Изяславе единственного своего покровителя, уехал в Грецию и кончил горестную жизнь в Фессалонике, отравленный ядом, как думали современники. Великий Князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнейшему Северскому Владетелю, некогда им облаготворенному, удовольствовался их новою присягою и нашел способ дружелюбно разделаться с Андреем, который добровольно уступил ему Новгород, изведав беспокойную строптивость его жителей. Обузданные согласием двух сильных Государей, они молчали, и Святослав Ростиславич возвратился управлять ими.

[1162–1163 гг.] Мирясь с неприятелями, Ростислав оскорбил знаменитейшего друга своего и племянника, Мстислава Волынского, который возвел его на престол и удержал на оном. Великий Князь отдал ему в поместье Белгород, Триполь, Торческ, как будущему наследнику всей Киевской области. Но пылкий Мстислав начал, кажется, прежде времени господствовать в оной самовластно, не хотел слушать выговоров дяди и, с гневом уехав в Волынию, старался угрозами преклонить к себе Владимира Андреевича, княжившего в Пересопнице. Сей последний отвечал ему: «Ты властен завоевать мою область, и я готов скитаться в бедности с детьми своими по землям чуждым; но буду всегда душою и сердцем за Ростислава». Огорченный злобою племянника, Великий Князь отнял у него города днепровские, но с радостию возвратил ему оные, когда Мстислав одумался и прибегнул к дяде с извинениями. – Столь же великодушно поступал Великий Князь и с другими, ближними и дальними родственниками. Мень-

ший его брат, Владимир Мстиславич, упорный союзник Изяслава Давидовича, самовольно властвовал в Слуцке: Ростислав принудил Владимира выехать оттуда, но дал ему пять городов Киевских; а внуку Вячеславову, именем Роману, два города в Смоленской области, Васильев и Красный. Мы говорили о Туровском Владетеле, Юрии Ярославиче, внуке Святополка-Михаила: отверженный от союза двух тогда господствующих Домов Княжеских, Мономахова и Черниговского, он держался единственно своим мужеством и счастливо отразил приступ соединенных Князей Волынских, хотевших, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его из Турова. Великий Князь, любя справедливость, заключил с ним мир. – Тишина внутренняя была тем нужнее, что внешние неприятели, Ляхи, в сие время беспокоили западную Россию и грабили в окрестностях Червена.

Андрей Георгиевич, ревностно занимаясь благом Суздальского Княжения, оставался спокойным зрителем отдаленных происшествий. Имея не только доброе сердце, но и разум превосходный, он видел ясно причину государственных бедствий и хотел спасти от них по крайней мере свою область: то есть отменил несчастную Систему Уделов, княжил единовластно и не давал городов ни братьям, ни сыновьям. Может быть, Бояре первых осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать в правлении Князей юных, грабить землю и наживаться. Некоторые думали также, что он незаконно властвует в Суздале, ибо Георгий назначил сие Княжение для меньших детей; и что народ, обязанный уважать волю покойного Государя, не мог без вероломства избрать Андрея. Может быть, и братья сего Князя, следуя внушению коварных Бояр, изъявляли негодование и мыслили рано или поздно воспользоваться своим правом. Как бы то ни было, Андрей, дотоле кроткий во всех известных случаях, решился для государственного спокойствия на дело несправедливое, по мнению наших предков: он выгнал братьев: Мстислава, Василька, Михаила; также двух племянников (детей умершего Ростислава Георгиевича) и многих знатнейших Вельмож Долгорукого, тайных своих неприятелей. Мстислав и Василько Георгиевичи, вместе с их вдовствующею родительницею, мачехою Андрея, удалились в Константинополь, взяв с собою меньшего брата, осьмилетнего Всеволода (столь знаменитого впоследствии). Там Император Мануил принял изгнанников с честию и с любовию; желал их утешить благодеяниями и дал Васильку, по известию Российских Г греческих Летописцев, область Дунайскую.

[1164–1166 гг.] В России южной кончина Святослава Черниговского произвела несогласие между сыном его и племянником. Святослав, достопамятный своею привязанностию к несчастному брату Игорю и миролюбием, оставил наследникам великое богатство. Старший его сын, Олег, находился в отсутствии. Черниговский Епископ Антоний и Вельможи собрались к горестной овдовевшей Княгине и, боясь хищного Владетеля Северского, решились таить смерть Святослава до Олегова возвращения. Все дали в том клятву, и во-первых Епископ, хотя Бояре говорили ему: «Нужно ли целовать крест Святителю? Любовь твоя к Дому Княжескому известна». Но Святитель был Грек, по словам Летописца: хитер и коварен. Он в тот же час написал к Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нет в городе; что Княгиня с меньшими детьми в изумлении от горести и что Святослав найдет у нее сокровища несметные. Сей Князь немедленно отправил сына занять Гомель, а Бояр своих в другие Черниговские области; и сам хотел въехать в столицу. Олег предупредил его; однако ж добровольно уступил ему Чернигов, взяв Новгород Северский. Святослав клялся наградить братьев Олеговых иными Уделами, и забыв обет, присвоил себе одному города умершего внучатного брата, сына Владимирова, Князя Вщижского. С обеих сторон готовились к войне. Святослав уже звал Половцев; но Великий Князь, будучи тестем Олеговым, примирил ссору и заставил Святослава уступить Олегу четыре города.

Ростислав не мог успокоить одних Владетелей Кривских, или Полоцких. Глебовичи, нарушив мир, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошних Князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, в оковы. Рогволод Полоцкий, требуя защиты Государя Киевского,

осадил Минск и, стояв там шесть недель, освободил Васильковичей мирным договором; а после, желая отнять Городок у Володаря Глебовича, сам утратил Полоцк, где народ признал своим Владетелем его племянника двоюродного, Всеслава Васильковича. Сын Великого Князя, Давид, господствуя в Витебске, должен был вступиться за Всеслава, изгнанного мятежным Володарем, и снова ввел его в Полоцк, к удовольствию народа. В сих ничтожных, однако ж кровопролитных распрях Литовцы служили Кривским Владетелям как их подданные.

Давно россияне, притупляя мечи в гибельном междоусобии, не имели никакой знаменитой рати внешней: Андрей, несколько лет наслаждавшись мирным спокойствием, вспомнил наконец воинскую славу юных лет своих и выступил в поле, соединясь с дружиною Князя Муромского, Юрия Ярославича. Оскорбленный соседственными Болгарами, он разбил их войско многочисленное, взял знамена и прогнал Князя. Возвратясь с конницею на место битвы, где пехота Владимирская стояла вокруг Греческого образа Богоматери, привезенного из Вышегорода, Андрей пал пред святою иконою, слезами изъявил благодарность Небу и, желая сохранить память сей важной победы, уставил особенный праздник, доныне торжествуемый нашею Церковию. россияне завладели на Каме *славным* Болгарским городом Бряхимовом и несколько других городов обратили в пепел.

В сие же лето новогородцы одержали победу над Шведами, которые, овладев тогда Финляндиею, хотели завоевать Ладогу и пришли на судах к устью Волхова. Жители сами выжгли загородные домы свои, ждали Князя и под начальством храброго Посадника, Нежаты, оборонялись мужественно, так, что неприятель отступил к реке Вороной, или Салме. В пятый день приспел Святослав с Новогородским Посадником Захариею, напал на Шведов и взял множество пленников; из пятидесяти пяти судов их спаслись только двенадцать.

В окрестностях Днепра Половцы не переставали злодействовать и грабить: чтобы унять их, Ростислав призвал многих Князей с дружинами. Казалось, что он хотел, подобно деду, Мономаху, прославить себя важным предприятием и надолго смирить варваров; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днепру и, несколько времени стояв у Канева, разошлося, когда флот купеческий благополучно прибыл из Греции. – Зато Северский Князь и брат Черниговского при наступлении зимы, отменно жестокой, с малочисленною дружиною дерзнули углубиться в степи Половецкие; взяли станы двух Ханов и возвратились с добычею, серебром золотом.

Ростислав, уже престарелый, всего более заботился тогда о судьбе детей своих: несмотря на слабое здоровье, он поехал в область Новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ее престоле. Угощенный зятем Олегом в Чечерске, Великий Князь имел удовольствие видеть искреннюю любовь Смолян, которых Послы встретили его верст за 300 от города. Сын Роман, внуки, Епископ Мануил, вместе с народом, приветствовали доброго старца: Вельможи, купцы, по древнему обыкновению, сносили дары Государю. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и, призвав туда знатнейших Новогородцев, взял с них клятву забыть прежние неудовольствия на сына его, никогда не искать иного Князя, *разлучиться с ним одною смертию*. Щедро одаренный ими и Святославом, успокоенный их согласием, Великий Князь возвратился в Смоленск, где Рогнеда, дочь Мстислава Великого, видя изнеможение брата, советовала ему остаться, чтоб быть погребенным в церкви, им сооруженной. «Нет, – сказал Ростислав: – я хочу лежать в Киевской Обители Св. Феодора, вместе с нашим отцом; а ежели бог исцелит меня, то постригуся в монастыре Феодосиевом». Он скончался [14 марта 1167 г.] на пути, тихим голосом читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христианского умиления.

Сей внук Мономахов принадлежал к числу тех редких Государей, которые в своем блестящем верховном сане находят более тягости, нежели удовольствия. Он не искал Великого Княжения и, дважды возведенный на престол оного, искренно желал отказаться от власти. Любя Печерского Игумена, Поликарпа, Ростислав имел обыкновение всякую субботу и вос-

кресенье Великого Поста обедать во дворце с сим благочестивым мужем и с двенадцатью братьями Феодосиевой обители; беседовал о добродетелях Христианских и часто говорил им о намерении удалиться от суетного мира, чтобы краткую, *мимотекущую* жизнь посвятить Небу в безмолвии монастырском, особенно после кончины Святослава Ольговича; но разумный Игумен всегда ответствовал: «Князь! Небо требует от тебя иных подвигов; делай правду и блюди землю Русскую». Нет сомнения, что Государь истинно набожный скорее иного может быть отцем народа, если одарен свыше умом и твердостию. Ростислав не отличался великими свойствами отца и деда; но любил мир, тишину отечества, справедливость и боялся запятнать себя кровию россиян.

Сей Великий Князь был другом Императора Мануила и помогал ему, как Государю единоверному, против Короля Венгерского, Стефана III. Мануил тогда же заключил союз и с Галицким Князем, Ярославом. Узнав о намерении последнего выдать дочь свою за Стефана, Император писал к нему, что сей Король есть изверг вероломства, и что супруга такого человека без сомнения будет несчастлива. Письмо имело действие, и хотя Ярослав, уже отправив невесту в Венгрию, не мог отменить брака, однако ж взял сторону греков. Стефан – кажется, досадуя на тестя – развелся с молодою супругою и женился на дочери Австрийского Герцога. – Несмотря на союз с Императором, Галицкий Князь дружески принял врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакиева, бежавшего из темницы Константинопольской, и дал ему в Удел несколько городов. Андроник, как пишут Византийские Историки, всегда ездил на охоту с Ярославом, присутствовал в его Совете Государственном, жил во дворце, обедал за столом Княжеским и собирал для себя войско. Изъявив неудовольствие Ярославу, Мануил прислал наконец в Галич двух Митрополитов, которые уговорили Андроника возвратиться в Царьград: Епископ Галицкий, Козьма, и бояре Ярославовы с честию проводили его за границу. – Сей изгнанник чрез несколько лет достиг сана Императорского: будучи признательным другом россиян, он подражал им во нравах: любил звериную ловлю, бегание взапуски и, низверженный с престола, хотел вторично ехать в наше отечество; но был пойман и замучен в Константинополе.

Ростислав в 1160 году призвал из Греции нового Митрополита, Феодора, умершего чрез три года. Великий Князь, отдавая наконец справедливость достоинствам изгнанного Святителя, Климента, желал возвратить ему сан Архипастыря нашей Церкви и для того послал Вельможу, Юрия Тусемковича, в Грецию; но сей Боярин встретил в Ольше нового Митрополита, Иоанна, поставленного в Константинополе без согласия Великокняжеского. Ростислав был весьма недоволен; однако ж, смягченный дружеским письмом Мануила и дарами, состоявшими в бархатах и тканях драгоценных, принял Греческого Святителя, с условием, чтобы впредь Император и Патриарх не избирали Митрополитов России без воли ее государей. – Исполняя требование честолюбивых Новогородцев, Иоанн позволил их Епископу, именем также Иоанну, мужу добродетельному, называться *Архиепископом*. Сей Митрополит, умерший незадолго до кончины Великого Князя, славился ученостию и, слыша о желании Папы, Александра III, знать особенные догматы нашей Церкви, писал к нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языке Латинском и достойно Пастыря Христианского. «Не знаю (говорит сочинитель), каким образом произошли ереси в Вере Божественной; не понимаю, как могут Римляне именовать нас лже-Христианами. Мы не следуем такому примеру и считаем их своими братьями, хотя и видим, что они во многом заблуждаются». Предложив учение обеих Церквей и доказав согласие нашего с Апостольским, добрый Митрополит убеждает Папу восстановить древнее единство Веры; кланяется ему от имени всего Духовенства и желает, чтобы любовь братская обитала в сердцах Христиан.

Глава XVII
Великий князь Мстислав Изяславич Киевский. Андрей Суздальский, или Владимирский. 1167-1169

Сыновья Ростислава, брат его Владимир, народ Киевский и Черные Клобуки – исполняя известную им последнюю волю умершего Великого Князя – звали на престол Мстислава Волынского. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряжениями в своем частном Уделе, поручил Киев племяннику, Васильку Ярополковичу, прислал нового Тиуна в Киев и скоро узнал от них, что дядя его, брат Ярослав, Ростиславичи и Князь Дорогобужский Владимир Андреевич, заключив тесный союз, думают самовольно располагать областями: хотят присвоить себе Брест, Торческ и другие города. Мстислав оскорбился; призвал Галичан, ляхов и выступил к Днепру с сильною ратию. Усердно любив отца, Киевляне любили и сына, знаменитого делами воинскими; народ ожидал Мстислава с нетерпением, встретил с радостию, и Князья смирились. Только Владимир Мстиславич, малодушный и вероломный, дерзнул обороняться в Вышегороде: Великий Князь мог бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступил ему Котелницу и чрез несколько дней сведал о новых злых умыслах сего дяди. Владимир хотел оправдаться. Свидание их было в Обители Печерской. «Еще *не обсохли* уста твои, которыми ты целовал крест в знак искреннего дружества!» – говорил Мстислав, и требовал вторичной присяги от Владимира. Дав оную, бессовестный дядя за тайну объявил Боярам своим, что Берендеи готовы служить ему и свергнуть Мстислава с престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И так отроки будут моими Боярами!» – сказал он и приехал к Берендеям, подобно ему вероломным: ибо сии варвары, быв действительно с ним в согласии, но видя его оставленного и Князьями и Боярами, пустили в грудь ему две стрелы. Владимир едва мог спастися бегством. Гнушаясь сам собою, отверженный двоюродным братом, Князем Дорогобужским, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился к Андрею Суздальскому, который принял его, но не хотел видеть; обещал ему Удел и велел жить в области Глеба Рязанского. Мать Владимирова оставалась в Киеве: Мстислав сказал ей: «Ты свободна: иди куда хочешь! но могу ли быть с тобою в одном месте, когда сын твой ищет головы моей и смеется над святостию крестных обетов?»

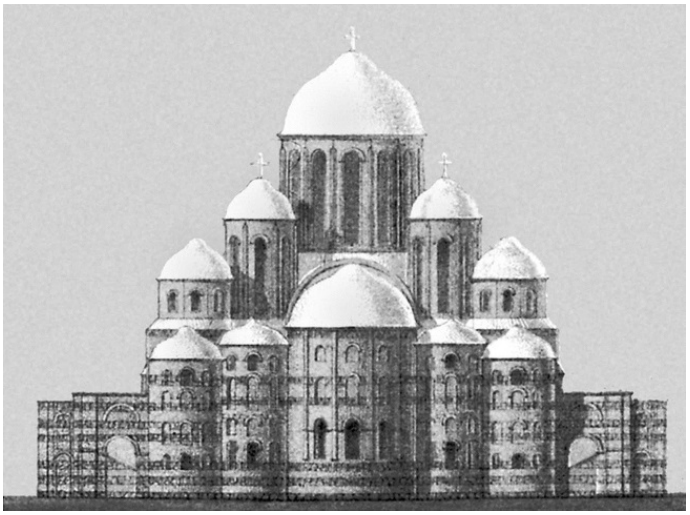
Князь Мстислав Изяславич

Андрей тогда же принял к себе и другого изгнанника, Святослава Ростиславича. новогородцы – думая, что смерть отца Святославова разрешила их клятву – в тайных ночных собраниях умыслили изгнать своего Князя. Сведав заговор, Святослав уехал в Великие Луки и велел объявить Новогородцам, что не хочет княжить у них. «А мы не хотим иметь тебя князем», – ответствовали граждане, клялися в том иконою Богоматери и выгнали его из Лук. Святослав бежал в Суздальскую область и, с помощию Андрея обратив в пепел Торжок, грабил окрестности. С другой стороны Князь Смоленский, отмщая за брата, выжег Луки. Бедные жители стремились толпами в Новгород, требуя защиты. Могущественный Андрей, действуя согласно с Романом Смоленским и Всеславом Полоцким, хотел, чтобы новогородцы смирились пред Святославом. «Вам не будет иного Князя», – говорил он с угрозами. Но упрямый народ презирал оные; убил Посадника и двух иных друзей Святославовых; готовился к обороне и просил сына у Великого Князя Мстислава, обещаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новогородские могли проехать в Киев: ибо на всех дорогах стерегли их и ловили как злодеев. Между тем в Новогороде начальствовал умный Посадник Якун и заставил Святослава удалиться от Русы: сей Князь, имев сильное войско союзное, не дерзнул вступить в битву, довольный разорением многих селений, и чрез два года умер, хвалимый в летописях за его добродетель, бескорыстие и любовь к дружине.

[1168 г.] Несколько месяцев Новгород сиротствовал без Князя, с нетерпением ожидая его из Киева. В сие время Мстислав был занят воинским предприятием. В торжественном собрании всех Князей союзных он сказал им: «Земля Русская, наше отечество, стенает от половцев, которые не пременили доныне их древнего обычая: всегда клянутся быть нам друзьями, берут дары, но пленяют Христиан и множество невольников отводят в свои вежи. Нет безопасности для купеческих судов наших, ходящих по Днепру с богатым грузом. Варвары думают совершенно овладеть торговым *путем Греческим*. Время прибегнуть к средствам действительным и сильным. Друзья и братья! Оставим междоусобие; воззрим на Небо, обнажим меч и, призвав имя Божие, ударим на врагов. Славно, братья, искать чести в поле и следов, проложенных там нашими отцами и дедами!» Все единодушно изъявили согласие умереть за Русскую землю, и каждый привел свою дружину: Святослав Черниговский, Олег Северский, Ростиславичи, Глеб Переяславский, Михаил, брат его, Князья Туровский и Волынские. Бояре радовались согласию Государей, и народ благословлял их ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями: Половцы услышали, и бежали от Днепра, бросая жен и детей. Князья, оставив назади обоз, гнались за ними, разбили их, взяли многие вежи на берегах Орели, освободили Российских невольников и возвратились с добычею, с табунами и пленниками, потеряв не более трех человек. Сию добычу, следуя древнему обыкновению, разделили между собою Князья, Бояре и воины. Народ веселился и торжествовал победу в день Пасхи. Скоро, к общему удовольствию, прибыл благополучно и богатый купеческий флот из Греции: Князья ходили с войском на встречу к оному, чтобы защитить купцов от нападения Половцев, еще не совсем усмиренных.

Ни Мстислав, пируя тогда с союзниками под Каневом, ни Киевляне, радуясь победе и товарам Греческим, не предвидели близкого несчастия. Одна из причин оного была весьма маловажна: Князья жаловались на Мстислава, что он, будучи с ними на берегах Орели, тайно посылал ночью дружину свою вслед за бегущими врагами, чтобы не делиться ни с кем добычею. Два боярина, удаленные Великим Князем от двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьев, уверяя Давида и Рюрика, что Мстислав намерен заключить их в темницу. Легковерие свойственно нравам грубым. Бояре Киевские, знавшие чистосердечие Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословия; но Ростиславичи остались в подозрении и не согласились выдать клеветников брату, говоря: «кто ж захочет впредь остерегать нас?» В то же время дядя Мстислава, Владимир

Андреевич, несправедливо требуя от него новых городов, сделался ему врагом и с негодованием уехал в Дорогобуж. Таким образом Великий Князь лишился друзей и сподвижников, столь нужных в опасности.



Киевский Софийский собор. Реконструкция

Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание Новогородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть их мстителем; разорил часть Полоцкой области, сжег Смоленский городок Торопец, пленил многих людей. Андрей Суздальский вступился за союзников и не мог простить Мстиславу, что он, как бы в досаду ему, объявил себя покровителем Новогородцев. Может быть, Андрей с тайным удовольствием видел случай уничтожить первенство Киева и сделаться главою Князей Российских: по крайней мере, оставив на время в покое Новгород, он думал только о средствах низвергнуть Мстислава, издавна им нелюбимого; тайно согласился с Ростиславичами, с Владимиром Дорогобужским, Олегом Северским, Глебом Переяславскими с Полоцким Князем; взял дружину у Владетелей Рязанского и Муромского, ему покорных; собрал многочисленную рать; поручил ее сыну Мстиславу и воеводе Борису Жидиславичу; велел им идти к Вышегороду, где княжил тогда Давид Ростиславич и где надлежало соединиться всем союзникам. Сие грозное ополчение *одиннадцати* Князей (в числе коих был и юный Всеволод Георгиевич, приехавший из Царяграда) шло с разных сторон к Днепру; а неосторожный Мстислав ничего не ведал и в то же время послал верного ему Михаила Георгиевича, Андреева брата, с отрядом Черных Клобуков к Новугороду: Ростиславичи схватили сего Князя на пути вместе с купцами Новогородскими. Мстислав едва успел призвать Берендеев и Торков, когда неприятели стояли уже под стенами города; два дня оборонялся мужественно: в третий [8 марта 1169 г.] союзники взяли Киев *приступом,* чего не бывало дотоле. Сия, по слову древнего Олега, мать городов Российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них *силою*. Победители, к стыду своему, забыли, что они россияне: в течение трех дней грабили, нетолько жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола – и добродушный Летописец, желая извинить грабителей, сказывает нам, что Киевляне были тем наказаны за грехи их и за некоторые ложные церковные учения тогдашнего Митрополита Константина!.. Мстислав ушел с братом Ярославом в Волынию, оставив жену, сына, Бояр пленниками в руках неприятельских и едва не был на пути застрелен изменниками, Черными Клобуками.

Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицею отечества. Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным *Великим Князем России*, и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место, обязанный своею знаменитостию нелюбви Андреевой к южной России.

Том III

Глава I
Великий князь Андрей. 1169-1174

Андрей властвовал тогда в четырех нынешних Губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; *отчасти*, в новогородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагал областию Киевскою; повелевал Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговские и Галицкий оставались независимы: Новгород также.

Мстислав Андреевич, утвердив дядю на престоле Киевском, спешил поздравить отца с сим важным завоеванием. Оставленный союзниками, Глеб с беспокойством услышал о множестве Половцев, вступивших в область Днепровскую. Изъявляя миролюбие, Послы их говорили: «Мы не хотим страшить вас; не хотим и вас страшиться. Присягнем же друг другу в любви и согласии!» Но когда Глеб осыпал дарами Половцев на левой стороне Днепра, чтобы скорее удалить опасность от двенадцатилетнего сына своего, Владимира, княжившего в Переяславле, в то самое время другие толпы сих варваров, бывшие у Корсуня, жгли и грабили церковные села, приписанные к Десятинному храму Богоматери. Глеб, не имея готового войска, хотел с малым числом гнаться за разбойниками, которые уже бежали к степям своим; но Берендеи не пустили его. «Государь Киевский (сказали они) не выходит в поле без сильной рати и без союзников. У тебя есть меньший брат и мы, верные слуги». Князь Михаил Георгиевич, взяв 100 Переяславцев и 1500 Берендеев, настиг Половцев; умертвил их стражу и начал битву. Берендеи и тут оказали усердие: схватили за узду коня Михаилова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идут вперед, оставляя его за собою как твердую опору. «Враги (по словам Летописца) превосходствовали числом, а наши мужеством: на всякое копие Русское было десять Половецких». Знаменоносец Михаилов пал в рядах, и неприятели сорвали его хоругвь с древка. Воевода Княжеский, наткнув на оное шлем свой, бросился вперед и сразил знаменоносца неприятельского. Михаила ранили двумя копьями в бедро, а третьим в руку: Князь не думал о своих ранах, победил и привел в Киев 1500 пленных, освободив великое число Русских невольников.

Еще Глеб не мог княжить спокойно. Изгнанный из Киева Мстислав Изяславич, гордый, воинственный подобно родителю, считал свое изгнание минутным безвременьем и думал так же управиться с сыновьями Долгорукого, как Изяслав II управлялся с их отцем. Будучи союзником Ярослава Галицкого, он вступил с его полками в область Дорогобужскую, чтобы наказать ее Князя, Владимира Андреевича, ему изменившего. Владимир лежал на смертном одре: города пылали, жителей тысячами отводили в плен; в числе их попался в руки неприятелю и знаменитый пестун Княжеский, Боярин Пук. Напрасно ждав обещанного вспоможения от Глеба, несчастный Владимир умер, и разоренная область его досталась Владимиру Мстиславичу, столь известному вероломством. Сей недостойный внук Мономахов, ознаменованный стыдом и презрением, отверженный Князьями и народом, долго странствовал из земли в землю, был в Галиче, в Венгрии, в Рязани, в степях Половецких; наконец прибегнул к великодушию своего гонителя, Мстислава; вымолил прощение и с его согласия въехал в Дорогобуж, дав обет вдовствующей Княгине и тамошним Боярам не касаться их имения. На другой же день он преступил клятву, отнял у них все, что мог, и выгнал горестную невестку, которая, взяв тело супруга, повезла оное в Киев. Туда шел и Мстислав, усиленный дружинами Князей Городненских, Туровскою и Владимира Мстиславича; а нерадивый Глеб, в одно время сведав о кончине Владимира Андреевича и приближении Мстислава, отправил Игумена Поликарпа встретить гроб первого и спешил уехать в Переяславль, ибо сомневался в верности Киевлян. Но Давид бодрствовал в Вышегороде. К нему привезли тело Дорогобужского Князя, оставленное Боярами, которые не смели явиться в Киев, где они недавно злодействовали вместе с Суз-

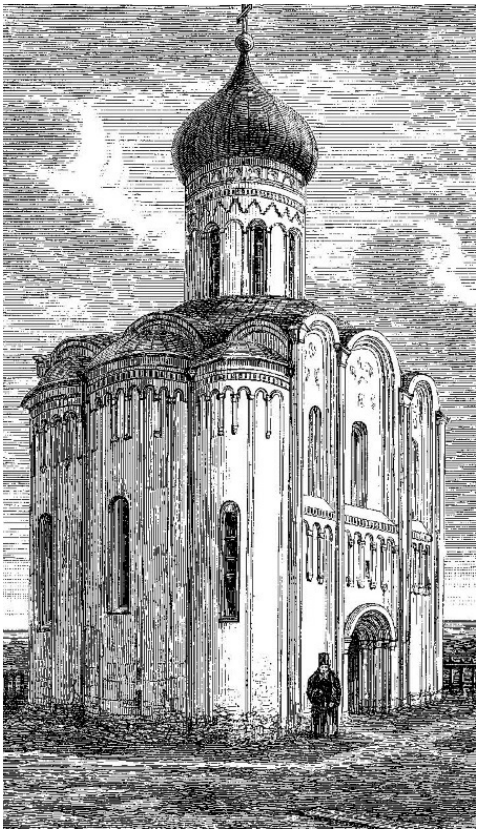
дальцами. Игумен Лавры, Поликарп, требовал воинов у Давида, чтобы вести за гробом коней Княжеских и держать знамя над оным. «Мертвым нет нужды ни в чести, ни в знаменах, – ответствовал Князь: – неприятель идет; моя дружина готовится к битве: даю тебе только Игуменов и Священников». Зная, что Мстислав уже близко и что народ волнуется в Киеве, Давид не пустил туда горестной супруги Владимировой, для ее безопасности; сам выжег окрестности своего города и ждал неприятеля.

Мстислав без сопротивления вошел в Киев. Граждане столицы и Берендеи встретили его как друга: первые искренно, вторые лицемерно, доброхотствуя Глебу. Не теряя времени, Мстислав приступил к Вышегороду; стал пред Златыми вратами, в садах; бился с утра до вечера, не жалея крови; хотел непременно взять крепость. Но союзники изменили ему. Воевода Галицкий объявил мнимое повеление своего Князя щадить людей и не стоять долго под Вышегородом. Другие также охладели в усердии; а Берендеи и Торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшение войска, силу неприятеля и слыша, что Глеб идет с Половцами к Киеву, Мстислав снял осаду; удалился в Волынию с горестию, однако ж не без надежды быть впредь счастливее. Он действительно не замедлил снова ополчиться, узнав, что его племянник, Василько Ярополкович, разбитый Половцами, теснимый в Михайлове (близ Киева) и принужденный искать мира, выехал в Чернигов к Святославу Всеволодовичу (деду своему по матери); что Глеб и Давид с братьями разрушили до основания городок Михайлов, истребляя все памятники Мстиславова княжения в странах Днепровских. Но внезапная болезнь обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, он поручил сыновей брату Ярославу, взял с него клятву не касаться их Уделов и преставился в Владимире с именем властителя умного, бодрого. Летописцы Польские, согласно с нашими, называют Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустого.

Россия северная в то же время была феатром важного происшествия. Могущественный Андрей, покорив древнюю южную столицу Государства, думал смирить Новогородцев и тревожил их чиновников, которые ездили собирать подати за Онегою. Первые непрятельские действия еще более возгордили сих надменных друзей вольности: они с малым числом разбили на Белеозере сильный отряд Суздальский и взяли дань с Андреевской области. Тогда Великий Князь решился одним ударом сразить их гордыню. Князья Смоленский, Рязанский, Муромский, Полоцкий вторично соединили свои дружины с его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная летами, уже не пылала воинским славолюбием: он не хотел сам предводительствовать ратию и в надежде на счастие или мужество сына своего, Мстислава, снова вверил ему начальство. Вся Россия с любопытством ожидала следствий предприятия грозного, справедливого, по мнению современников беспристрастных. «Правда (говорили они), что Ярослав Великий, желая изъявить Новогородцам вечную благодарность за их усердие, даровал им свободу *избирать* себе Князей из его достойнейших потомков; но сей Князь бессмертный предвидел ли все злоупотребления свободы? Предвидел ли, что народ, упоенный самовластием, будет ругаться над священным саном Государей, внуков и правнуков своего незабвенного благотворителя; будет давать клятву с намерением преступить оную; будет заключать Князей в темницу, изгонять их с бесчестием? Злоупотребление уничтожает право, и Великий Князь Андрей был избран Небом для наказания вероломных». Читая в летописях такие рассуждения, можем заключить, что современники желали успеха Андрею: одни по уважению и любви к достоинству Князей Российских, уничижаемых тогда Новогородцами; другие, может быть, от зависти к избытку и благосостоянию сего народа торгового. Падение Киева предвещало гибель и новогородской независимости: шло то же войско; тот же Мстислав вел оное. Но Киевляне, приученные менять Государей и жертвовать победителю побежденным, сражались только за честь Князя; а новогородцы за права собственные, за уставы отцев, которые бывают не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вместо того, чтобы грозить казнию одним главным виновникам последнего мятежа (ибо целый народ никогда сам собою не действует) или врагам изгнанного Святослава, за коего Великий Князь вступался, Мстислав Андреевич в области новогородской жег села, убивал земледельцев, брал жен и детей в рабство. Слух о таких злодействах, вопль, отчаяние невинных жертв воспламенили кровь Новогородцев. Юный Князь их, Роман Мстиславич, и посадник Якун взяли все нужные меры для защиты: укрепили город тыном; вооружили множество людей. Неприятели, на трех стах верстах оставив за собою один пепел и трупы, обступили Новгород, требуя, чтобы мятежники сдалися. Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; в четвертый день [25 февраля 1170 г.] началася битва, кровопролитная, ужасная. новогородцы напоминали друг другу о судьбе Киева, опустошенного союзным войском; о церквах разграбленных, о святынях и древностях похищенных; клялися умереть за вольность, за храм Софии, и бились с остервенением. Архиепископ Иоанн, провождаемый всем Клиросом, вынес икону Богоматери и поставил на внешнем деревянном укреплении, или остроге: Игумены, Иереи пели святые песни; народ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй*. Стрелы сыпались градом: рассказывают, что одна из них, пущенная воином Суздальским, ударилась в икону; что сия икона в то же мгновение обратилась лицом к городу; что слезы капали с образа на фелон Архиепископа и что гнев Небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих. новогородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, уставили ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздник благодарности. Чувство живой Веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием Духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо, то есть вселить в сердца мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу. новогородцы видели в Андреевых воинах не только своих злодеев, но и святотатцев богопротивных: мысль, что за нас Небо, делает храброго еще храбрее. Победители, умертвив множество неприятелей, взяли столько пленных, что *за гривну отдавали десять Суздальцев* (как сказано в новогородской летописи), более в знак презрения, нежели от нужды в деньгах. – Бегущий Мстислав был наказан за свою лютость; воины его на возвратном пути не находили хлеба в местах, опустошенных ими, умирали с голода, от болезней, и древний Летописец говорит с ужасом, что они тогда, в *Великий пост*, ели *мясо* коней своих.

Казалось, что новогородцы, столь озлобленные Боголюбским, долженствовали навеки остаться его врагами; но (к удивлению современников), чрез несколько месяцев изгнав Князя своего, Романа, они вошли в дружелюбное сношение с Андреем: ибо терпели недостаток в хлебе и других вещах необходимых, получаемых ими из соседственных областей Российских. Четверть ржи стоила тогда в Новегороде около рубля сорока трех копеек нынешними серебряными деньгами. Довольные славою одержанной победы, не желая новых бедствий войны и щадя народ, чиновники, Архиепископ, люди нарочитые предложили мир Боголюбскому, по тогдашнему выражению, *на всей воле своей*, то есть не уступая прав Новогородских: Великий Князь принял оный с тем условием, чтобы вместо умершего Святослава княжил в Новегороде брат его, Рюрик Ростиславич, который господствовал в Овруче, не хотел перемены и, единственно в угодность Андрею выехав оттуда, приказал сей Удел Волынский брату Давиду.



Церковь Покрова на Нерли близ Боголюбова

Северные области успокоились: в южных снова свирепствовали Половцы, которые на сей раз пришли из-за реки Буга, от берегов Черного моря. Глеб Киевский, отягченный болезнию, не мог защитить бедных земледельцев; но храбрый Михаил и юный брат его, Всеволод Георгиевич, с Торками и Берендеями разбили хищников. Воевода Михаилов, Володислав, дал Князю совет умертвить пленных: ибо другие толпы неприятелей были еще впереди. Сия жестокость казалась тогда спасительною мерою безопасности. Освободив 400 россиян, сыновья Георгиевы возвратились оплакать кончину Глеба, благонравного (по сказанию летописцев), верного в слове и милосердого.

Еще Андрей не имел времени назначить преемника Глебова, когда Ростиславичи, Давид и Мстислав, послали в Волынию за дядею своим, Владимиром Дорогобужским, желая, чтобы он, как старший в роде Мономаховом, господствовал в Киеве или в самом деле зависел от них, господствуя только именем. Будучи союзником Ярослава Луцкого и сыновей его брата, Владимир, не сказав им ни слова, уехал из Дорогобужа и был [15 февраля 1171 г.] возведен племянниками на Киевский престол, к неудовольствию граждан и Боголюбского, который, хотя унизил сию столицу, однако ж думал, что Князь, славный только вероломством, не достоин именоваться наследником ее древних самодержцев. Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавших дядю, Андрей велел ему немедленно выехать из Киева; но Владимир, княжив менее трех месяцев, умер, памятный криводушием и всеми презираемый: ибо не имел блестящих свойств, смелости и мужества, коими другие Князья, столь часто ему подобные в вероломстве, закрашивали свои преступления. Тогда Андрей, соединяя честолюбие с благородным бескорыстием и как бы желая великодушием устыдить Ростиславичей, объявил им, что они, дав слово быть ему послушными как второму отцу, имеют право ждать от него милости и что он уступает Киев брату их, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностию Великого Князя, Роман поручил Смоленск сыну Ярополку и въехал в столицу Киевскую при изъявлениях всеобщей радости жителей, любивших в нем добродетели отца его:

справедливость и незлобие. Он торжествовал вместе и свое восшествие на престол и победу, одержанную Игорем Святославичем Северским (близ урочища Олтавы и реки Ворсклы) над Кобяком и Кончаком, Ханами Половецкими. Юный Игорь сам вручил ему *сайгат*, или трофеи, в знак уважения; был одарен Ростиславичами и весело праздновал с ними в Вышегороде день Святых Бориса и Глеба.

Не уважая Киева, Андрей старался подчинить себе Новгород уже не силою, но дружбою и справедливостию. Рюрик не долго был там Князем: выгнав Посадника Жирослава (ушедшего к Боголюбскому), он не мог жить с гражданами в мире и скоро уехал к братьям. На его место Андрей с удовольствием дал Новогородцам юного сына своего, Георгия, и сам решил их важнейшие дела гражданские, по коим Архиепископ Иоанн ездил на совет к нему в Владимир. Народ, в угодность Великому Князю, снова признал Жирослава главным своим чиновником; а Великий Князь, в угодность народу согласился чрез год на избрание другого Посадника.

В то время Андрей имел опять войну с Болгарами, желая ли отмстить им за какие обиды или обогатиться добычею в стране торговой. Рязанцы и муромцы соединились с его сыном, Мстиславом, на устье Оки и зимою пришли к берегам Камы, но в малом числе: ибо люди отбывали от зимнего похода, трудного в местах, большею частию ненаселенных, где лежат глубокие снега и часто свирепствуют метели. Главный воевода Андреев, Борис Жидиславич, взяв шесть Болгарских деревень и седьмый городок, умертвив жителей, пленив жен и детей, советовал Князьям идти назад. 6000 Болгаров гнались за ними и едва не настигли Мстислава близ границы, верстах в 20 от устья Оки. Сей Князь, возвратясь в столицу, кончил жизнь в юности. Пользуясь доверенностию отца в делах ратных, он без сомнения отличался мужеством.

Горестный Андрей, оплакивая смерть достойного сына, не терял бодрости в делах государственных, ни властолюбия. Вероятно, что Рюрик, принужденный отказаться от Новагорода, винил в том не одну строптивость его жителей, но и хитрость Великого Князя, столь охотно взявшего на себя быть их главою. Вероятно, что и Великий Князь, изведав гордость Ростиславичей, в особенности Давида и Мстислава, искал случая унизить оную без явного нарушения справедливости. По крайней мере, счастливое согласие между ими не продолжилось. Веря, искренно или притворно, какому-то ложному внушению, Андрей дал знать Ростиславичам, что Глеб умер в Киеве не естественною смертию и что тайным убийцею его был Вельможа Григорий Хотович, коего они, вместе с другими участниками сего злодеяния, должны прислать к нему в Владимир для казни. Роман не сделал того из жалости к людям невинным, бессовестно оклеветанным; а гневный Андрей, велев Ростиславичам выехать из областей южных, отдал Киев храброму Михаилу, княжившему в Торческе. Тихий Роман не спорил и возвратился в Смоленск; но его братья, Рюрик, Давид, Мстислав, жаловались на сию несправедливость и, видя, что Великий Князь презирает их жалобы, вступили ночью в Киев, захватили там Всеволода Георгиевича вместе с племянником Андреевым, Ярополком; осадили Михаила в Торческе и заключили с ним особенный мир, уступив ему Переяславль, а себе взяв столицу Киевскую, где Рюрик, возведенный братьями на ее престол, хотел господствовать независимо от Андрея. В сие время жил у Михаила юный Князь Галицкий, Владимир Ярославич, сын его сестры, Ольги Георгиевны. Ярослав, имея слабость к одной злонравной женщине, именем Анастасии, не любил супруги и так грубо обходился с нею, что она решилась бежать с сыном в Польшу. Многие Бояре Галицкие, доброхотствуя им, дерзнули на явный бунт: вооружили народ, умертвили некоторых любимцев Княжеских, сожгли Анастасию, заточили ее сына и невольно примирили Ярослава с супругою. Мир, вынужденный угрозами и злодейством, не мог быть искренним: усмирив или обуздав мятежных Бояр, Ярослав новыми знаками ненависти к Княгине Ольге и к Владимиру заставил их вторично уйти из Галича. Владимир искал покровительства Ярослава Изяславича Луцкого и его племянников, обещав им со временем возвратить Волынские города, Бужск и другие; но Князь Галицкий требовал, чтобы они выдали ему сего несчастного, и грозился опустошить пламенем всю область Луцкую. Тогда Владимир прибег-

нул к своему дяде Михаилу; а Михаил, не пустив его ни к Святославу Черниговскому (тестю Владимирову), ни к Андрею, велел ему, в угодность Ростиславичам, друзьям Князя Галицкого, возвратиться к отцу, готовому простить сына. За то Рюрик освободил Всеволода Георгиевича, удержав одного Ярополка пленником в Киеве: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну с Андреем, хотели иметь важного аманата в руках своих. Брат Ярополков, высланный ими из Триполя, должен был уехать в Чернигов.

Святослав Черниговский и все Олеговы внуки радовались междоусобию Мономахова потомства. «Неужели не вступишься за честь свою! – говорили их Послы Великому Князю: – враги твои суть наши; мы все готовы к войне». Андрей, еще более подвигнутый ими на злобу, отправил Княжеского Мечника, именем Михна, сказать Ростиславичам: «Вы мятежники. Область Киевская есть мое достояние. Да удалится Рюрик в Смоленск к брату, а Давид в Берлад: не хочу терпеть его в земле Русской, ни Мстислава, главного виновника злу». Сей последний, как пишут современники, навык от юности не бояться никого, кроме Бога единого. В пылкой досаде он велел остричь голову и бороду Послу Андрееву. «Теперь иди к своему Князю, – сказал Мстислав: – повторил ему слова мои: доселе мы уважали тебя как отца; но когда ты не устыдился говорить с нами как с твоими *подручниками* и людьми простыми, забыв наш Княжеский сан, то не страшимся угроз; исполни оные: идем на суд Божий». Сведав бесчестие своего Посла и сей гордый ответ, Андрей, по выражению Летописца, омрачился гневом и, собрав 50000 воинов Суздальских, Белозерских, Новогородских, Муромских, Рязанских, вручил предводительство юному Георгию Новогородскому, тогда уже единственному его сыну, и Вельможе Борису Жидиславичу. Он велел им изгнать Рюрика с Давидом, а дерзкого Мстислава привести в Владимир. Рать, столь многочисленная, была еще усилена дружинами всех иных Князей, подчиненных Андрею: Кривских, или Полоцких, Туровского, Городненского, Пинского, даже и Смоленского: ибо Роман не смел ослушаться Великого Князя, сколько ни любил братьев. Все полки соединились в Черниговской области, и старший из Князей, Святослав, внук Олегов, принял главное начальство. Михаил и Всеволод Георгиевичи, вместе с тремя племянниками, встретили их на берегу Днепра. Они вступили в Киев без сопротивления: ибо Рюрик удалился оттуда в Белгород, а Мстислав с Давидовым полком заключился в Вышегороде; сам же Давид уехал в Галич требовать вспоможения от Ярослава Владимирковича. Взяв с собою еще множество Киевлян, Берендеев, Торков, Святослав Черниговский и более двадцати князей осадили Вышегород. Шумный, необозримый стан их был предметом удивления для жителей Днепровских. Ничтожная крепость, обороняемая горстию людей, казалась целию, недостойною такого великого ополчения, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но в сей ничтожной крепости бодрствовал Герой, а в стане осаждающих недоставало ни усердия, ни согласия. Одни Князья не любили самовластия Андреева, другие коварства Святославова; некоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичам. Стояли девять недель, от 8 сентября [1173 г.] до самой глубокой осени; бились ежедневно, с обеих сторон теряя немало людей. Вдруг показались вдали знамена: Мстислав ожидал Галичан; но пришел Ярослав Изяславич Луцкий, также союзник Андреев. Сей Князь решил судьбу осады. Думая только о собственной пользе, он хотел столицы Киевской; узнав же, что Ольговичи намерены присвоить оную себе, вступил в тайные переговоры с Рюриком и Мстиславом, которые охотно согласились на все его требования. Когда же Ярослав явно взял их сторону и с полками своими двинулся к Белугороду, чтобы соединиться с Рюриком, стан осаждающих представил зрелище удивительной тревоги и наконец всеобщего бегства. Не слушая ни Воевод, ни Князей, малодушные вопили: «Мы гибнем! Ярослав изменил, Берендеи изменят, Галичане идут; будем окружены, побиты наголову!» – и ночью бросались толпами в реку. Герой Мстислав стоял на стене: при свете утренней зари видя сие непонятное бегство войска многочисленного, как бы сверхъестественною силою гонимого, низвергаемого во глубину Днепра, он едва верил глазам – поднял руки к небу; восхвалил святых заступников Вышегорода, Бориса и Глеба; сел

на коня и спешил довершить удар; топил, пленял людей; взял стан неприятельский, обозы – и с того времени считался храбрейшим из Князей Российских. Летописцы, осуждая надменность Андрея и союз его с Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносят хвалами Мстислава, ознаменованного чудесным покровительством Неба в ратоборстве с сильными.

Ярослав Луцкий въехал в Киев, а сын Андреев возвратился в Суздальский Владимир с неописанным стыдом, без сомнения, весьма чувствительным для отца; но, умея повелевать движениями своей души, Андрей не изъявил ни горести, ни досады и снес уничижение с кротостию Христианина, приписывая оное, может быть – равно как и бедственную осаду Новагорода – гневу Божию на Суздальцев за опустошение святых церквей Киевских в 1169 году. Сия мысль смирила, кажется, его гордость. Он не хотел упорствовать в злобе на Ростиславичей, не думал мстить Ярославу за измену и не мешал ему спокойно властвовать в Киеве, к прискорбию Святослава Черниговского, коего искусство государственное состояло в том, чтобы ссорить Мономаховых потомков. [1174 г.] Сей Князь, не имея надежды вооружить Андрея, начал требовать удела от Ярослава, говоря: «Ты обещал под Вышегородом дать мне область, когда сядешь на престоле Святого Владимира; ныне, сидя на оном – право ли, криво ли, не знаю, – исполни обещание. У нас одни предки: я не Лях, не Угрин». Ярослав сухо ответствовал, что он господствует в Киеве не по милости Ольговичей и что род их должен искать Уделов только на левом берегу Днепра. Князь Черниговский замолчал; но в тишине собрал войско, внезапно изгнал Ярослава, пленил его жену, сына, Бояр и, ограбив дворец, ушел назад. Киевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя в ожидании, кто захочет быть их Князем. Ярослав возвратился; и, думая, что они сами тайно призвали Святослава, обложил данию всех граждан, даже Попов, Монахов, иноземных купцов, Католиков. «Мне надобно серебро, чтобы выкупить жену и сына», говорил озлобленный Князь и, наказав Киевлян, виновных единственно своею к нему холодностию, заключил мир с Святославом, который жег тогда область брата, Олега Северского.

Сей мир казался Ростиславичам малодушием, а тягостная дань, возложенная на Киев, несправедливостию. Огорченные Андреем, но внутренно уважая в нем старейшего из Князей, достойного быть их Главою, они изъявили ему желание забыть прошедшее и взаимным искренним согласием успокоить южную Россию: для того хотели, чтобы Великий Князь, как ее законный покровитель, снова уступил Киев Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, не любимого народом и неспособного блюсти древнюю столицу Государства. Андрей, довольный их уважением, обещал посоветоваться с братьями, Михаилом, Всеволодом; писал к ним в Торческ и не дождался ответа, кончив жизнь от руки своих любимцев.

Великий Князь, женатый – по известию новейших Летописцев – на дочери убиенного боярина Кучка, осыпал милостями ее братьев. Один из них приличился в каком-то злодействе и заслужил казнь. Другой, именем Иоаким, возненавидел Государя и благотворителя за сие похвальное действие правосудия; внушал друзьям своим, что им будет со временем такая же участь; что надобно умереть или умертвить Князя, ожесточенного старостию; что безопасность есть закон каждого, а мщение должность. Двадцать человек вступили в заговор. Никто из них не был лично оскорблен Князем; многие пользовались его доверенностию: зять Иоакимов, Вельможа Петр (у коего в доме собирались заговорщики), Ключник Анбал Ясин, чиновник Ефрем Моизович. В глубокую полночь [29 июня 1174 г.] они пришли ко дворцу в Боголюбове (ныне селе в 1 1 верстах от Владимира), ободрили себя вином и крепким медом в Княжеском погребе, зарезали стражей, вломились в сени, в горницы и кликали Андрея. С ним находился один из его Отроков. Услышав голос Великого Князя, злодеи отбили дверь *ложницы* или спальни. Андрей напрасно искал меча своего, тайно унесенного Ключником Анбалом: сей меч принадлежал некогда Святому Борису. Два человека бросились на Государя: сильным ударом он сшиб первого с ног, и товарищи в темноте умертвили его вместо Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорил извергам: «За что проливаете кровь мою?

Рука Всевышнего казнит убийц и неблагодарных!»… Наконец упал на землю. В страхе, в замешательстве они схватили тело своего товарища и спешили удалиться. Андрей в беспамятстве вскочил, бежал за ними, громко стеная. Убийцы возвратились; зажгли свечу и следом крови Андреевой дошли в сенях до столпа лестницы, за коим сидел несчастный Князь. Петр отрубил ему правую руку; другие вонзили мечи в сердце; Андрей успел сказать: «Господи! В руце Твои предаю дух мой!» и скончался.

Умертвив еще первого любимца Княжеского, Прокопия, заговорщики овладели казною государственною, золотом, драгоценными каменьями; вооружили многих Дворян, приятелей, слуг и послали объявить Владимирской дружине или тамошним Боярам о смерти Великого Князя, называя их своими единомышленниками. «Нет, – ответствовали Владимирцы: – мы не были и не будем участниками вашего дела». Но граждане Боголюбские взяли сторону убийц; расхитили дворец, серебро, богатые одежды, ткани. – Тело Андрееве лежало в огороде: Киевлянин, именем Козма, усердный слуга несчастного Государя, стоял над оным и плакал. Видя Ключника Анбала, он требовал ковра, чтобы прикрыть обнаженный труп. Анбал отвечал: «Мы готовим его на снедение псам». *Изверг!* сказал сей добродушный слуга: *Государь взял тебя в рубище, а ныне ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова.* Ключник бросил ему ковер и мантию. Козма отнес тело в церковь, где крилошане долго не хотели отпереть дверей: на третий день отпели его и вложили в каменный гроб. Через шесть дней Владимирский Игумен Феодул привез оное в Владимир и погреб в Златоверхом храме Богоматери.

Неустройство, смятение господствовали в областях Суздальских. Народ, как бы обрадованный убиением Государя, везде грабил домы Посадников и Тиунов, Отроков и Мечников Княжеских; умертвил множество чиновников, предавался всякого рода неистовству, так, что Духовенство, желая восстановить тишину, прибегнуло наконец к священным обрядам: Игумены, Иереи, облаченные в ризы, ходили с образами по улицам, моля Всевышнего, чтобы он укротил мятеж. Владимирцы оплакивали Андрея, но не думали о наказании злодейства, и гнусные убийцы торжествовали.

Одним словом, казалось, что Государство освободилось от тирана: Андрей же, некогда вообще любимый, по сказанию Летописцев, был не только набожен, но и благотворителен; щедр не только для Духовных, но и для бедных, вдов и сирот: слуги его обыкновенно развозили по улицам и темницам мед и брашна стола Княжеского. Но в самых упреках, делаемых Летописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находим объяснение на сию странность: *вы не рассудили*. (говорят они современникам), *что Царь, самый добрый и мудрый, не в силах искоренить зла человеческого; что где закон, там и многие обиды*. Следственно, общее неудовольствие происходило от худого исполнения законов или от несправедливости судей: столь нужно ведать Государю, что он не может быть любим без строгого, бдительного правосудия; что народ за хищность судей и чиновников ненавидит Царя, самого добродушного и милосердого! Убийцы Андреевы знали сию ненависть и дерзнули на злодеяние.

Впрочем, Боголюбский, мужественный, трезвый и прозванный за его ум *вторым Соломоном*, был, конечно, одним из мудрейших Князей Российских в рассуждении Политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное. Он явно стремился к спасительному единовластию и мог бы скорее достигнуть своей цели, если бы жил в Киеве, унял Донских хищников и водворил спокойствие в местах, облагодетельствованных природою, издавна обогащаемых торговлею и способнейших к гражданскому образованию. Господствуя на берегах Днепра, Андрей тем удобнее подчинил бы себе знаменитые соседственные Уделы: Чернигов, Волынию, Галич; но, ослепленный пристрастием к северо-восточному краю, он хотел лучше основать там *новое* сильное Государство, нежели восстановить могущество *древнего* на Юге.

Летописцы всего более хвалят Андрея за обращение многих Болгаров и Евреев в Христианскую Веру, за его усердие к церквам и монастырям, за уважение и любовь к сану Духовных. Подражая Святому Князю, крестившему Россию, он наделил в Владимире новую *Епископ-*

скую Соборную церковь Богоматери (им в 1158 году заложенную) поместьями и купленными слободами; отдал ей также десятую часть из торговых доходов своих и Княжеских стад; призвал художников из разных земель, чтобы украсить оную великолепно; и драгоценные сосуды ее, златые двери, паникадила, серебряный амвон, живопись, богатые оклады икон, осыпанных жемчугом, были тогда предметом удивления для россиян и купцов иностранных. В сем новом Десятинном храме стоял Палладиум Великого Княжения Суздальского: образ Богоматери, с коим Андрей прибыл из Вышегорода на берега Клязьмы и победил в 1164 году Болгаров. Не менее славилась великолепием церковь Боголюбская, украшенная золотом и финифтью. Такую же хотел Андрей соорудить и в Киеве, на *Дворе Ярослава* – в память, как говорил он, древнему отечеству его предков; уже отправил туда зодчих, строивших Владимирские Златые врата, но не успел исполнить своего набожного обета. В некоторых летописях сказано, что сей Великий Князь думал учредить Митрополию в Владимире, но что Патриарх Цареградский отказал ему в том, желая оставить Киевского Митрополита единственным в России.

Со времен Владимира Святого до Георгия Долгорукого мир и тишина царствовали в недрах Российской благословенной Церкви. При Изяславе II сей мир был нарушен несогласием Епископов о посвящении Митрополита Климента: при Великом же Князе Боголюбском открылась первая ересь в нашем отечестве, важная, по мнению тогдашних Христиан. Ростовский Епископ Леон, изгнанный народом за его корыстолюбие и грабеж, утверждал, что ни в какие Господские праздники, буде они случатся в Среду или в Пятницу, не должно есть мяса. Новый Епископ Суздальский, Феодор, в присутствии Великого Князя опровергал Леона, который решился искать суда в Греции. Послы Киевский, Андреев, Переяславский и Черниговский отправились вслед за ним ив ставке Императора Мануила, бывшего тогда на Дунае, с великим благоговением слушали, как Святитель Болгарский, Адриан, уличал Леона в заблуждении. Император думал согласно с Адрианом; но Леон противоречил, и столь дерзко, что Вельможи Греческие схватили нескромного еретика и хотели утопить в реке. Митрополит Российский и Черниговский Епископ Антоний держались мнения Леонова: за что Князь Святослав Всеволодович изгнал Антония из Чернигова. Сие странное прение несколько лет волновало умы и совесть людей простодушных.

Гораздо удивительнее и важнее то, что Летописцы рассказывают нам о другом Ростовском Епископе. Великий Князь, признав монаха Феодора достойным Святительского сана, посылал его ставиться в Киев; но Феодор, уже приняв на себя звание Епископа, не хотел ехать к Митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбив и злобен, он мучил людей в подвластных Епископу селах, Иноков, Игуменов, Священников; брил им головы и бороды; даже распинал некоторых, выжигал глаза, резал языки, единственно для того, чтобы присвоить себе их достояние. Князь терпел изверга, довольствуясь, может быть, одними угрозами. Еще более тем озлобленный, лжепастырь вздумал наконец запереть все церкви в Владимире и взял от них ключи. Народ взволновался. Великий Князь, низвергнув Феодора, предал его на суд Митрополиту, который велел отрезать ему язык, отсечь правую руку и выколоть глаза: «ибо сей еретик (прибавляют Летописцы) злословил Богоматерь!» Такие происшествия могут быть изъяснены одним тогдашним невежеством и грубостию нравов.

К последнему году княжения Андреева относится любопытное известие *Хлыновского Летописца о* первом населении Вятки россиянами. В 1174 году некоторые жители области новогородской, отчасти наскучив внутренними раздорами, отчасти теснимые возрастающим многолюдством в их пределах, решились выехать из отечества и, Волгою доплыв до Камы, завели селение на берегу ее. Зная, что далее к Северу обитают народы дикие в стране лесной, изобильной дарами природы, многие из сих выходцев отправились вверх до устья Осы; обратились к Западу; дошли до Чепцы и, плывя ею вниз, покорили бедные жилища Вотяков; наконец, вошли в реку Вятку и на правом берегу ее, на горе высокой, увидели красивый городок, окруженный глубоким рвом и валом. Место полюбилось россиянам: они захотели овла-

деть им и навсегда там остаться; несколько дней говели, молились и, призвав в помощь святых защитников своего отечества, Бориса и Глеба, на память их, июля 24, взяли город. Жители скрылись в лесах. Сие укрепленное селение называлось *Болванским* (вероятно, от капища, там бывшего): завоеватели дали ему имя Никулицына и построили в нем церковь Бориса и Глеба. Между тем оставленные на Каме товарищи – может быть, опасаясь соседственных Болгаров – решились также искать другого жилища; пришли на судах к устью Вятки; плыли сею рекою вверх до *Черемисского* города *Кокшарова* (ныне Котельнича) и завладели оным. Утвердясь в стране Вятской, россияне основали новый город близ устья речки Хлыновицы, назвали его *Хлыновом* и, с удовольствием приняв к себе многих Двинских жителей, составили маленькую республику, особенную, независимую в течение двухсот семидесяти осми лет, наблюдая обычаи Новогородские, повинуясь сановникам избираемым и Духовенству. Первобытные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набегами беспокоили их, но были всегда отражаемы с великим уроном, и память сих битв долго хранилась там в торжественных церковных обрядах: два раза в год из села Волкова с образом Св. Георгия носили в Вятку *железные стрелы*, кои были оружием Чуди или Вотяков и напоминали победу россиян. новогородцы также от времени до времени старались делать зло Хлыновским поселенцам, именовали их своими беглецами, рабами и не могли простить им того, что они хотели жить независимо.

Глава II
Великий князь Михаил II [Георгиевич]. 1174-1176

Скоро по кончине Великого Князя съехались Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и все люди воинские в город Владимир на Вече, следуя примеру Новогородцев, Киевлян и других Российских знаменитых граждан, которые, по словам Летописцев, издревле обыкли решить дела государственные в собраниях народных и давали законы жителям городов уездных. «Всем известно, каким образом мы лишились Князя, – говорили Бояре на Вече: – он не оставил детей кроме сына, княжащего в Новегороде. Братья Андреевы в южной России. Кого же изберем в Государи? Кто защитит нас от соседственных Князей, Рязанского и Муромского, да не будем жертвою их коварства или силы? Обратимся к зятю Ростислава Георгиевича, Глебу Рязанскому; скажем ему: *Бог взял нашего Князя: зовем шурьев твоих на престол Андреев; отец их жил с нами и пользовался любовию народною*». Сия мысль была внушена Боярам Послами Рязанскими: граждане одобрили оную; утвердили выбор крестным целованием и, согласясь с Глебом, отправили посольство в Чернигов, где находились тогда, Ярополк и Мстислав Ростиславичи, племянники Андреевы. Обрадованные честию такого избрания, но желая быть великодушными, сии два Князя предложили дядям своим, Михаилу и Всеволоду Георгиевичам, господствовать вместе с ними; признали Михаила старшим, уверили друг друга клятвою в искренности союза и целовали крест из рук Епископа Черниговского. Обряд бесполезный! Ярополк по совету Ростовцев, недовольных прибытием Михаила, оставив его в Москве, тайно уехал в Переяславль Залесский, собрал Бояр, воинов и взял с них клятву верности. Ростовцы призвали туда и 1150 Владимирцев; но сограждане сих последних, которые оставались дома, отворили ворота Михаилу и с радостию назвали его Князем своим, помня, что Георгий Долгорукий хотел отдать Суздальское Княжение ему и Всеволоду. Началось междоусобие. Ярополк осадил Владимир; союзники его, Муромцы, Рязанцы, жгли села в окрестностях. Семь недель граждане крепко стояли за Михаила и мужественно оборонялись; наконец, изнуренные голодом, объявили Князю, чтобы он дал им мир или сам удалился. Храбрый, добродушный Михаил не думал укорять их. «Вы правы, – сказал он им: – могу ли желать вашей погибели?» – и немедленно выехал. Граждане, проводив сего достойного Князя с искренними слезами, вступили в переговоры с Ярополком и Мстиславом; уверяли их в своей покорности, но боялись злобы Ростовцев, которые, завидуя новой знаменитости Владимира, желали его унизить. Города считались тогда между собою в летах, как роды дворянские в поколениях: Ростовцы славились древностию; именовали Владимир *пригородом*, его жителей своими *каменщиками*, слугами, недостойными иметь Князя, и хотели дать им Посадника. Владимирцы, напротив того, утверждали, что их город, основанный Владимиром Великим, имеет право на знаменитость. Обнадеженные Ярополком и братом его в справедливой защите, они встретили их со крестами и ввели торжественно в храм Богоматери, где Ярополк был объявлен Князем Владимирским, а Мстислав Ростовским и Суздальским. Народ успокоился, однако ж ненадолго.

Торжественная встреча жителями и духовенством города Владимира Михалка Юрьевича и Всеволода Юрьевича. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Мстислав и Ярополк, неопытные в деле государственного правления, скоро утратили любовь народную. Отроки, пришедшие с ними из южной России, сделались Посадниками, отягощали граждан судебными налогами; думали о корысти гораздо более, нежели о расправе. Князья зависели от Бояр и во всем исполняли их волю; а Бояре, наживаясь сами, советовали и Князьям обогащаться. Ярополк отнял у Соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреем; в самый первый день княжения своего взяв ключи от сего богатого храма, присвоил себе казну оного, серебро, золото и дерзнул наконец самую победоносную вышегородскую икону Марии отдать зятю, Глебу Рязанскому. Общее негодование обнаружилось. «Мы не рабы (говорили Владимирцы) и приняли Князей добровольно; они же грабят нас как иноплеменных, опустошая не только домы, но и святые храмы. И так *промышляйте*, братья!» Слово важное: оно значило, что надобно Князей унять или сбыть с рук. [1175 г.] Видя же, что все Бояре держат сторону слабых Государей – видя, что Ростовцы и Суздальцы нечувствительны к народным обидам или терпеливы до излишества, – граждане Владимирские тайно призвали Михаила из Чернигова. «Ты внук Мономахов и старший из Князей его рода, – говорили ему Послы: – иди на престол Боголюбского; а ежели Ростов и Суздаль не захотят тебя, мы на все готовы, и с Божиею помощию никому не уступит». Михаил с братом Всеволодом и сыном Князя Черниговского был уже в Москве, где ожидали их усердные Владимирцы и сын Андрея Боголюбского (скоро по смерти отца принужденный выехать из Новагорода): тогда Ярополк сведал о грозящей ему опасности; хотел встретить Георгиевичей, но разошелся с ними в дремучих лесах и написал к брату, Мстиславу Суздальскому: «Михалко болен; его несут на носилках: спеши отразить малочисленных неприятелей от Владимира, я пленю их задний отряд». Михаил, будучи действительно весьма нездоров, приближался к Владимиру, когда полк Суздальский, выступив из-за горы в блестящих латах и распустив знамя, с воплем устремился на его дружину. Устроенная Михаилом, она изготовилась к сражению; стрелки с обеих сторон начали битву; но Суздальцы – изумленные стройным ополчением неприятелей – вдруг обратили тыл, бросив хоругвь Княжескую. Летописцы говорят, что ни те, ни другие воины не отличались никаким особенным знаком и что сие обстоятельство спасло многих Суздальцев: ибо победители не могли распознавать своих и неприятелей. Михаил [15 июня 1175 г.] с торжеством въехал в город Владимир: пред ним вели пленников. Духовенство и все жители встретили его с живейшею радостию. Ярополк ушел к зятю своему в Рязань, а Мстислав в Новгород (где княжил юный сын его, Святослав, после Георгия Андреевича); но мать и жены их остались пленницами в Владимире.

Князь Михаил. Гравюра 1805 г.

Скоро Послы от Суздаля и Ростова явились во дворце Михаиловом и сказали именем всех граждан: «Государь! Мы твои душою и сердцем. Одни Бояре, преданные Мстиславу, были тебе врагами. Повелевай нами как отец добродушный!» Таким образом Михаил наследовал Великое Княжение Андреево; объехал разные области; везде учредил порядок; везде пекся о народном спокойствии. Осыпанный дарами Суздальцев и Ростовцев, награжденный за свой труд благословениями довольных граждан, он возвратился в Владимир, оставив Всеволода княжить в Переяславле Залесском.

Народ требовал мести: Глеб Рязанский пользовался слабостию шурьев, обирал их, обогатился драгоценностями и святынею храмов Владимирских. Михаил шел наказать его: но Глеб, не дерзая оправдываться, требовал милосердия; прислал Вышегородскую икону Богоматери, все драгоценности, даже книги, им похищенные, и тем обезоружил Великого Князя. Народ, с восхищением встретив образ Марии, снова поставил его в Соборной церкви Владимирской: Михаил возвратил ей поместья, оброки и десятину.

Торжество Владимирцев было совершенно: город их сделался опять столичным; и Князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцем Неба, ибо счастие ему благоприятствовало. Они хвалились своим выбором и говорили, что Бог, унизив гордость *древнего* Ростова, прославил *новый* Владимир, ознаменовав его жителей мудростию в совете и мужеством в деле; что они, вопреки Боярам, даже вопреки народу Суздальскому и Ростовскому, единственно в надежде на свою правду, дерзнули изгнать злых Князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской. К несчастию, сей Государь властвовал только один год и скончался [20 июня 1170 г.], оставив в летописях память своей храбрости и добродетели. Жив в веке суровом, мятежном, он не запятнал себя ни жестокостию, ни вероломством и любил спокойствие народа более власти. Новейшие Летописцы уверяют, что Михаил казнил многих убийц Андреевых; но современные не говорят о том. Некогда изгнанный Боголюбским, он мог еще питать в сердце своем неприятное воспоминание сей обиды; и тем более достоин хвалы, ежели действительно наказал злодеев.

Михаил, занимаясь единственно благом Суздальского или Владимирского Княжения, не хотел или не имел времени думать о России южной, где господствовало междоусобие. Олег Северский, зять и союзник Ростиславичей, вместе с ними воевал область Черниговскую, осаждал Стародуб и, сам осажденный Святославом в Новегороде Северском, должен был молить

о мире. Киев более и более унижался. Видя нечаянное прибытие Романа Смоленского и догадываясь, что братья намерены возвести его на Киевский престол, слабый Ярослав Изяславич не захотел подвергнуть себя стыду изгнания и добровольно уехал в Луцк. Роман также не мог утвердиться на сем престоле, от зависти и козней Святослава. Имея тайные сношения с Киевлянами и с Черными Клобуками, волнуя умы лестию, злословием и скоро обрадованный несчастною битвою сыновей Романовых с Половцами, в коей легло на месте множество лучших воинов, Святослав начал торжественно жаловаться на Давида. «Я ничего не требую кроме справедливости, – говорил он Роману: – Брат твой, помогая Олегу, жег города мои. Согласно с древним уставом Боярин в вине ответствует головою, а Князь уделом. Изгони же беспокойного Давида из областей Днепровских». Не получив удовлетворения, Святослав прибегнул к оружию и к изменникам. Зять его, сын Владимира Мстиславича, внука Мономахова, именем Мстислав, жил в Триполе с Ярополком Романовичем и предал сей город тестю. Узнав еще измену Берендеев, Роман удалился в крепкий Белгород и ждал братьев. Хотя Князь Черниговский, более властолюбивый, нежели храбрый, заняв Киев, малодушно бежал от них и перетопил часть своего войска в Днепре; однако ж Ростиславичи, сведав о впадении Половцев, призванных Святославом, добровольно уступили ему древнюю столицу, уже незавидную. «Господствуй в ней, – сказали они, – но с согласия нашего: не насилием и не обманом; мы не хотим тешить иноплеменных варваров междоусобием». Роман возвратился в Смоленск.

Глава III
Великий князь Всеволод III Георгиевич. 1176-1212

Владимирцы, еще не осушив слез о кончине Государя любимого, собралися пред Златыми вратами и присягнули его брату Всеволоду Георгиевичу, исполняя тем волю Долгорукого, который назначал область Суздальскую в Удел меньшим сыновьям. Но Бояре и Ростовцы не хотели Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали к себе Мстислава, его племянника, из Новагорода, и сей Князь, оставив там сына своего, уже находился в Ростове; собрал многочисленную дружину, Бояр, Гридней, так называемых Пасынков, или Отроков Боярских, и шел с ними ко Владимиру. Жители сего города пылали ревностию сразиться; но Всеволод, умеренный, благоразумный, предлагал мир. "За тебя Ростовцы и Бояре, – говорил он Мстиславу: – за меня Бог и Владимирцы. Будь Князем первых; а Суздальцы да повинуются из нас, кому хотят". Но Вельможи Ростовские, надменные гордостию, сказали Мстиславу: "Мирися один, если тебе угодно, мы оружием управимся с чернию Владимирскою". Присоединив к себе в Юрьеве дружину Переяславскую, Всеволод объявил воинам о непримиримой злобе их врага общего. Все единодушно ответствовали: "Государь! Ты желал добра Мстиславу, а Мстислав ищет головы твоей и, не дав еще исполниться девяти дням по кончине Михаиловой, жаждет кровопролития. Иди же на него с Богом! Если будем побеждены, то пусть возьмут Ростовцы жен и детей наших!" Всеволод, оставив за собою реку Кзу, среди Юрьевского поля [27 июня 1176 г.] ударил на неприятеля, рассеял его и с торжеством возвратился в столицу. Дружина Княжеская и Владимирцы вели связанных Вельмож Ростовских, виновников междоусобия; за ними гнали множество коней и скота, взятого в селах Боярских. Суздаль, Ростов покорились Всеволоду.

Мстислав напрасно желал быть вторично Князем Новогородским. "Нет! – сказали ему жители: – Ты ударил пятою Новгород: иди же от нас вместе с сыном!" Они искали дружбы победителя и требовали себе Князя от Всеволода, который отправил к ним племянника своего, Ярослава. Мстислав, уехав к зятю, Глебу Рязанскому, склонил его к несчастной войне, бедственной для них обоих. Сия война началась в конце лета пожарами: Глеб обратил в пепел Москву и все окрестные слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянник его, Владимир Глебович, Князь южного Нереяславля, и сыновья Святослава Черниговского.

Князь Всеволод III. Гравюра 1805 г.

Новогородцы обещали ему также дружину вспомогательную, называя его своим отцем и властителем; однако ж не сдержали слова. Будучи в Коломне, Великий Князь сведал, что Глеб Рязанский, наняв Половцев, с другой стороны вступил в область Суздальскую, взял Боголюбов, ограбил там церковь, богато украшенную Андреем, жжет селения Боярские, плавает в крови беззащитных, отдает жен и детей в плен варварам. Таким образом, междоусобие Князей открыло путь сим иноплеменным хищникам и в северные земли России… [1177 г.] Всеволод сошелся с неприятелями; но те и другие стояли праздно целый месяц в ожидании мороза: река Колокша находилась между ими и не перепускала их; лед ее был слишком тонок. Раздраженный злодействами Глеба, Великий Князь отказался от мирных его предложений и, наконец – видя, что река замерзла – отправил на другую сторону обоз свой с частию войска. Мстислав первый напал на сей отряд и первый обратился в бегство: Глеб также, смятый полком Всеволода. Дружина Великого Князя гналась за малодушными и, пленив самого Глеба, сына его Романа, Мстислава, множество Бояр, истребила Половцев. В числе пленников находился старый воевода Андрея Боголюбского, Борис Жидиславич, который держал сторону Мстислава. Все они были предметом народной ненависти, и граждане Владимирские, посвятив два дня на общую радость, хотели ознаменовать третий злобною местию: обступили дворец Княжеский и говорили Всеволоду: "Государь! Мы рады положить за тебя свои головы; но казни злодеев, или ослепи, или выдай нам в руки". Изъявляя человеколюбие, Всеволод желал спасти несчастных и велел заключить их в темницу, чтобы успокоить народ. Глеб имел заступников. Будучи ему зятем, храбрый Мстислав, брат Романа Смоленского, вместе с горестною своею тещею убеждал Святослава Черниговского, как Всеволодова союзника, освободить пленников усердным ходатайством. Порфирий, Черниговский Епископ, ездил для того в Владимир. Глебу предложили свободу, с условием отказаться навсегда от Княжения и ехать в южную Россию. Он гордо ответствовал: "Лучше умру в неволе" – и действительно умер чрез несколько дней. Когда же Рязанцы, устрашенные бедствием их Князя, в угодность Всеволоду взяли под стражу Ярополка Ростиславича в Воронеже и привезли в город Владимир, тогда мятеж возобновился. Бояре, купцы пришли с оружием на двор Княжеский, разметали темницу и, к горести Великого Князя, ослепили его племянников, Ростиславичей. Он только уступил народному остервенению, по словам Летописца Владимирского, не имев никакого участия в сем злодействе (которое древние россияне заимствовали от просвещенных Греков); другие же Летописцы обвиняют в том Всеволода, может быть несправедливо; но Великий Князь, не наказав злодеев, заслужил подозрение, бесславное для его памяти. Чтобы оправдать себя Великодушием в глазах всей России, он выпустил из темницы Глебова сына, Романа. Несчастные слепцы были также освобождены, и на пути в южную Россию, к общему удивлению, прозрели в Смоленске, с усердием моляся в Смядынской церкви Св. Глеба, по известию Летописцев.

[1178–1180 гг.] Чудо разгласилось и благоприятствовало властолюбию сих Князей: новогородцы призвали их как мужей богоугодных; оставили Мстислава начальствовать в столице, Ярополку дали Торжок, а бывшего Князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волоком Ламским. Мстислав чрез несколько месяцев умер; Ярополк заступил его место, но скоро был изгнан народом, в угодность Великому Князю, который захватил многих купцов Новогородских, с неудовольствием видя злодея своего Главою сей области. Всеволод еще не был обезоружен: приступил к Торжку и требовал дани. Граждане обещались заплатить оную; но воины сказали Великому Князю: "Мы пришли сюда не за тем, чтобы целовать их и слушать пустые клятвы", сели на коней и взяли город; зажгли его, пленили жителей. Всеволод с отборною дружиною спешил к Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами; нашел там одного племянника своего, Ярослава; истребил огнем пустые домы, самый хлеб в окрестностях, и сею безрассудною жестокостию так озлобил Новогородцев, что они реши-

лись не иметь с ним никакого дружелюбного сношения, призвав к себе Романа Смоленского. Потомки Св. Владимира все еще верили их ненадежным обетам и прельщались знаменитостию древнейшего в Государстве Княжения.

Роман властвовал там не долее многих своих предместников; по крайней мере выехал добровольно и с честию. Тогда новогородцы, желая иметь Князя, известного воинскою доблестию, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитого мужеством, что ему в целой России не было имени кроме Храброго. Он колебался, ответствуя их Послам, что не может расстаться ни с верными братьями, ни с южною своею отчизною; но братья и дружина сказали Мстиславу: "Новгород есть также твое отечество" – и сей бодрый Князь поехал искать славы на ином феатре: ибо душа его, как пишут современники, занималась одними Великими делами. Весь Новгород, чиновники, Бояре, Духовенство с крестами вышли к нему навстречу. Возведенный [1 ноября 1179 г.] на престол в Софийской церкви, Мстислав дал слово ревностно блюсти честь, пользу Новагорода, и сдержал оное. Узнав, что Эстонцы (в 1176 году) дерзнули осаждать Псков и не престают беспокоить границ, он в несколько дней собрал 20000 воинов и веселяся предводительством рати столь многочисленной, нетерпеливо хотел битвы; но Эстонцы, думая только о спасении жизни, скрывались. Опустошив их землю до самого моря, взяв в добычу множество скота, пленников, Мстислав на возвратном пути усмирил во Пскове мятежных чиновников, не хотевших повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился к иным предприятиям. Еще в 1066 году прадед Всеслава Полоцкого ограбил Софийскую церковь в Новегороде и захватил один из его уездов: Мстислав, как ревностный витязь новогородской чести, вздумав отметить за то Всеславу, своему зятю, уже шел к Полоцку. Едва Роман Смоленский мог обезоружить брата, представляя ему, что сей Князь, супруг их сестры, не должен ответствовать за прадеда, давно истлевшего во гробе; что воспоминание обид древних не достойно ни Христианина, ни Князя благоразумного. Мстислав уважил братний совет и возвратился из Великих Лук, обещая себе, гражданам и дружине новым походом навсегда смирить Ливнию. Но среди блестящих надежд пылкого славолюбия и в силе мужества сраженный внезапною болезнию, он увидел суету гордости человеческой и, жив Героем, хотел умереть Христианином: велел нести себя в церковь, причастился Святых Таин после Литургии и закрыл глаза навеки [4 июня 1180 г.] в объятиях неутешной супруги и дружины, поручив детей, в особенности юного Владимира, своим братьям. Таким образом, новогородцы в два года погребли у себя двух Князей: чего уже давно не бывало: ибо, непрестанно меняя Властителей, они не давали им умирать на троне. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храброго, всеми любимого, величая его красоту мужественную, победы, Великодушные намерения для славы их отечества, младенческое добродушие, соединенное с пылкою гордостию сердца благородного. Сей Князь, по свидетельству современников, был украшением века и России. Другие воевали для корысти: он только для славы и, презирая опасности, еще более презирал золото, отдавая всю добычу Церкви или воинам, коих всегда ободрял в битвах словами: за нас Бог и правда; умрем ныне или завтра, умрем же с честию. "Не было такой земли в России (говорит Летописец), которая не хотела бы ему повиноваться и где бы об нем не плакали". Народная любовь к сему Князю была столь Велика, что граждане Смоленские в 1175 году единогласно объявили его, в отсутствие Романа, своим Государем, изгнав Ярополка Романовича; но Мстислав согласился властвовать над ними единственно для того, чтобы усмирить их и возвратить престол старшему брату. новогородцы погребли Мстислава в гробнице Владимира Ярославича, строителя Софийской церкви. Надлежало избрать преемника: в досаду Всеволоду Георгиевичу они призвали [17 августа 1180 г.] к себе Княжить Владимира, сына Святославова, из Чернигова.

Сей юноша незадолго до того времени гостил у Всеволода и женился на его племяннице, дочери Михаиловой. Святослав имел случай оказывать услуги Великому Князю, когда он жил в южной России, не имея Удела и не дерзая требовать оного от брата, Андрея Боголюбского, сво-

его бывшего гонителя. Между тем как Михаил и Всеволод с помощию Святослава искали престола Владимирского, супруги их оставались в Чернигове. Сия дружба, основанная на одолжениях, благодарности и свойстве, не устояла против обоюдного властолюбия. Святослав, охотно пославший сына господствовать в Новегороде, мог предвидеть, что Всеволод тем оскорбится, считая сию область законным достоянием Мономахова рода. Новые неудовольствия ускорили явное начало вражды. Меньшие сыновья умершего Глеба Рязанского жаловались Всеволоду на старшего брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что он, следуя внушению тестя, отнимает их Уделы и презирает Великого Князя. Всеволод, уже не доброхотствуя Князю Черниговскому, вступился за них, встреченный ими в Коломне, пленил там Святославова сына, Глеба; разбил передовой отряд Романов на берегах Оки, взял город Борисов, осадил Рязань и заключил мир. Роман и братья его признали Всеволода общим их покровителем, довольные Уделами, которые он назначил для каждого из них по верховной воле своей.

Князь Черниговский, раздраженный пленением сына, хотел не только отмстить за то, но и присвоить себе, счастливым успехом оружия, лестное первенство между Князьями Российскими. Еще Всеволод не имел прав Андреевых, утвержденных долговременною славою; не имел и силы Боголюбского: ибо Смоленск, область Кривская и Новгород не помогали ему. Святослав надеялся смирить его, но желал прежде вытеснить Рюрика и Давида из области Киевской, чтобы господствовать в ней единовластно. Смерть Мстислава Храброго и Олега Северского, их зятя, казалась ему случаем благоприятным: уверенный в дружелюбии Олеговых братьев, Игоря и Всеволода; выдав племянницу за Князя Переяславского, Владимира Глебовича, и называясь покровителем сего юноши, он дерзнул на гнусное коварство, рассуждая, что все способы вредить Мономаховым потомкам согласны с уставом праведной мести и что ближайшие из них должны быть ее первым предметом. Не имея в самом деле никаких причин жаловаться на Ростиславичей – которые жили с ним мирно и вместе отразили набег Хана Половецкого, Кончака – Святослав вздумал схватить Давида на звериной ловле в окрестностях Днепра; сказал о том единственно жене и главному из любимцев, именем Кочкарю; тайно собрал воинов и нечаянно ударил на стан Давидов. Сей Князь, изумленный злодейством, бросился в лодку с супругою и едва мог спастися, осыпаемый с берега стрелами. Он ушел в Белгород к Рюрику; а Святослав, неудачно обнаружив свой умысел, призвал всех родственников на совет в Чернигов. "Вижу теперь горестную необходимость войны, – сказал ему Игорь Северский: – но ты мог бы прежде сохранить мир. Впрочем, мы готовы повиноваться тебе, как нашему отцу, желая усердно твоего блага". Между тем Рюрик, слыша, что Святослава нет в Киеве, занял сию столицу, требовал помощи от Князей Волынских и велел Давиду ехать в Смоленск к Роману, чтобы вместе с ним взять нужные меры для безопасности сего Княжения. Но Давид уже не застал брата живого. Роман скончался, известный более мирными, кроткими свойствами, нежели воинским духом. Летописцы сказывают, что он имел наружность величественную и редкое милосердие; терпел от граждан Смоленских многие досады и мстил им только благодеяниями; не обманывал Князей, нежно любил братьев, славился набожностию: соорудил Великолепную церковь Св. Иоанна, украсил оную золотом и финифтью. Давид наследовал престол Смоленский.

[1181 г.] В надежде управиться и с Ростиславичами и с Великим Князем Святослав, наняв множество Половцев, оставил часть войска с братом своим Ярославом в Чернигове, чтобы действовать против Рюрика и Давида; а сам с главною силою вступил в область Суздальскую, соединился с Новогородцами на устье Тверцы, опустошил берега Волги и шел к Переяславлю. За 40 верст от сего города стоял Всеволод с полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими в стане, укрепленном природою: между крутоберегою Вленою, ущельями и горами. Неприятели видели друг друга и пускали чрез реку стрелы. Воины Святославовы желали битвы, Суздальские также: последние были удерживаемы Великим Князем, а первые неприступностию места. Прошло более двух недель. Чтобы сделать тревогу в стане Чернигов-

цев, Всеволод послал Князей Рязанских ударить на них сбоку. Внезапность нападения имела успех только мгновенный: брат Игоря Северского принудил Рязанцев бежать и взял у них немалое число пленников. Напрасно ожидав нового нападения, Святослав отправил к Великому Князю своего Духовника с такими словами: "Брат и сын мой! Имев искреннее удовольствие служить тебе советом и делом, мог ли я ожидать столь жестокой неблагодарности? В возмездие за сии услуги ты не устыдился злодействовать мне и схватил моего сына. Для чего же медлишь? Я близ тебя: решим дело судом Божиим. Выступи в поле, и сразимся на той или другой стороне реки". Всеволод не ответствовал, задержал Послов и велел отвезти их в Владимир, желая, чтобы Князь Черниговский в досаде своей отважился на битву, для себя невыгодную, и перешел за реку. Святослав не трогался с места. Весна наступила: боясь распутья, он решился оставить часть обоза и стан в добычу неприятелю, впрочем, не хотевшему за ним гнаться; сжег Дмитров, место Всеволодова рождения, и прибыл весновать в Новгород, где жители встретили его как победителя, называя именем Великого. Ярополк, прежде изгнанный ими в удовольствие Всеволоду, находился с Черниговским Князем: они вторично приняли его к себе и дали ему в Удел Торжок, чтобы охранять их восточные области.

Святослав, изведав воинскую осторожность Всеволода, уже не хотел возобновить неприятельских действий в Великом Княжении Суздальском: он велел брату, Ярославу, выступить из Чернигова и соединился с ним в областях Кривских, где Васильковичи, Всеслав Полоцкий и Брячислав Витебский вместе с другими Князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава; каждый привел к нему свою дружину, а Всеслав Литву и Ливонцев. Ростиславичи и Киев были предметом сего ополчения. Один Князь Друцкий, Глеб, сын умершего Рогволода, не изменил Давиду Смоленскому, который думал защитить его, но, видя превосходную силу врагов, удалился от битвы. Святослав обратил в пепел внешние укрепления Друцка и, не теряя времени, шел к Киеву, сопровождаемый толпами Половцев. Сие-то гибельное обыкновение, в войнах междоусобных дружиться с иноплеменными хищниками и призывать их для ужасных злодейств в недра государства, всего более обесславило Князей Черниговских в нашей древней истории и было одною из причин народной любви к Мономаховым потомкам, которые дотоле гнушались оным (если исключим Георгия Долгорукого) и, следуя наследственным правилам, отличались Великодушием. Так поступил и Рюрик. Не имея способов защитить Киев, он выехал в Белгород, умел внезапно разбить Половцев, предводимых Игорем Северским, и воспользовался робостию Святослава для заключения мира: признал его старейшим; отказался от Киева, удержав за собою все другие города Днепровские, и клялся искренно быть верным другом Черниговских Князей с условием, чтобы они, подобно ему, служили щитом для южной России и не давали варварам пленять Христиан.

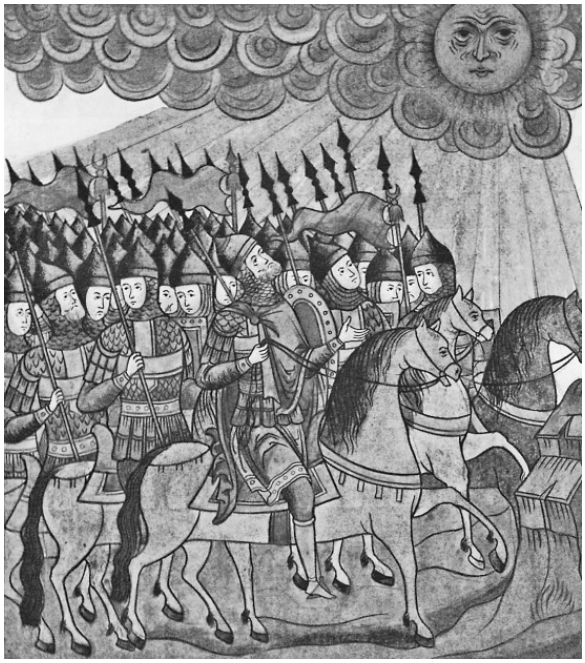
Вероятно, что Рюрик старался примирить Святослава с Великим Князем: Новгород, быв основанием их вражды, подал им и способ прекратить оную. Ярополк, ненавидя Всеволода, не мог жить спокойно в Торжке и беспрестанно тревожил границы Суздальские. Всеволод осадил его. Предвидя свою участь, граждане оборонялись мужественно долее месяца; не имея хлеба, питались кониною: наконец голод заставил их сдаться. Ярополк, раненный стрелою во время осады, был заключен в цепи, а город сожжен вторично; жителей отвели пленниками в Владимир. Войско Новогородское находилось тогда с Святославом в земле Кривской: оно спешило назад защитить собственную. Но чиновники и граждане, переменив мысли, уже хотели искать милости Всеволодовой. Рассуждая, что дружба Государя соседственного, юного, могущественного, твердого душою, выгоднее дружбы Черниговского Князя, слабодушного, легкомысленного и притом удаленного от пределов Новогородских, они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всеволод, оставив вражду, дал им правителя. Он немедленно возвратил свободу пленным жителям Торжка, и свояк его, Ярослав Владимирович, внук Мстислава Великого, приехал из Суздаля Княжить в Новгород. Достигнув, таким образом, цели своей – то есть присоединив область Новогородскую ко владениям Мономахова дома – Всеволод с честию отпу-

стил Глеба Святославича к отцу, не мешал последнему господствовать в Киеве и, возобновив старую с ним дружбу, выдал своячину, Княжну Ясскую, за его меньшего сына; а Глеб Святославич женился на дочери Рюриковой. Внутреннее междоусобие прекратилось: начались войны внешние. Подобно Андрею смотря с завистию на цветущую художествами и торговлею Болгарию, Всеволод желал овладеть ею и звал других Князей к содействию. Война с неверными казалась тогда во всяком случае справедливою: Святослав прислал сына своего, Владимира, к Великому Князю, радуясь, что он замыслил дело столь благоприятное для чести Российского оружия. Князья Рязанские, Муромский и сын Давида Смоленского также участвовали в сем походе. Рать союзников плыла Волгою до Казанской Губернии, оставила ладии близ устья Цывили, под стражею Белозерских воинов, и шла далее сухим путем. Передовой отряд, увидев вдали конницу, готовился к битве; но мнимые неприятели оказались Половцами, которые также воевали Болгарию и хотели служить Всеволоду. Вместе с ними россияне осадили так называемый Великий город в земле Серебряных Болгаров, как сказано в летописи. Юный племянник Всеволодов, Изяслав Глебович, брат Князя Переяславского, не хотел ждать общего приступа и между тем, как Бояре советовались в шатре у Великого Князя, один с своею дружиною ударил на Болгарскую пехоту, стоявшую в укреплении пред городом; пробился до ворот, но, уязвленный стрелою в сердце, пал на землю. Воины принесли его в стан едва живого. Сей случай спас город: ибо Великий Князь, видя страдание любимого, мужественного племянника, не мог ревностно заниматься осадою и в десятый день, заключив мир с жителями, отступил к ладиям, где Белозерцы до его прибытия одержали победу над соединенными жителями трех городов Болгарских, хотевших истребить суда россиян. Там Изяслав скончался, и Всеволод с горестию возвратился в столицу, отправив конницу в Владимир чрез землю Мордвы (нынешнюю Симбирскую и Нижегородскую губернии).

В сие время Россия западная узнала новых врагов, опасных и жестоких. Народ Литовский, в течение ста пятидесяти лет подвластный ее Князьям, дикий, бедный, платил им дань шкурами, даже лыками и вениками. Непрестанные наши междоусобия, разделение земли Кривской и слабость каждого Удела в особенности дали способ Литовцам не только освободиться от зависимости, но и тревожить набегами области Российские. Трубя в длинные свои трубы, они садились на борзых лесных коней и, как лютые звери, стремились на добычу: жгли селения, пленяли жителей и, настигаемые отрядами воинскими, не хотели биться стеною: рассыпаясь во все стороны, пускали стрелы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Так сии грабители, несмотря на зимний холод, ужасно опустошили Псковскую область. новогородцы, не успев защитить ее, винили в том своего Князя, Ярослава Владимировича, и на его место – кажется, с согласия Всеволодова – призвали к себе из Смоленска Давидова сына, Мстислава.

В России южной Князья соединили силы, чтобы смирить Половцев: Святослав Киевский, Рюрик с двумя племянниками, Владимир Нереяславский (внук Долгорукого), Глеб Юрьевич Туровский (правнук Святополка-Михаила) с братом Ярославом Пинским, Всеволод и Мстислав, сыновья Ярослава Луцкого, Мстислав Всеволодкович Городненский и дружина Галицкого. Они пять дней искали варваров за Днепром. Князь Владимир, начальник передового отряда, вступил в битву с Половцами. "Мне должно наказать их за разорение моей Переяславской области", – сказал он старейшему из Князей, Святославу Киевскому, и смело устремился на многочисленные толпы неприятелей, которые заранее объявили его и всех наших Воевод своими пленниками; но, устрашенные одним грозным видом полку Владимирова, бежали в степи. россияне на берегах Угла или Орели взяли 7000 пленных (в том числе 417 Князьков), множество коней Азиатских и всякого оружия. Славный свирепостию Хан Половецкий, Кончак, был также разбит ими близ Хороля, несмотря на его самострельные, необыкновенной величины луки (едва натягиваемые пятьюдесятью воинами) и на искусство бывшего с ним бессерменина, или Харасского Турка, стрелявшего живым огнем, как сказано в летописи; веро-

ятно, Греческим, а может быть, и порохом. Киевляне догнали сего хитреца в бегстве и представили Святославу со всеми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными.



Миниатюра к «Слову о полку Игореве». Список 1912 г.

[1185 г.] Чрез несколько месяцев торжество россиян обратилось в горесть. Князья Северские, Игорь Новогородский, брат его Всеволод Трубчевский и племянник их, не имев участия в победах Святослава, завидовали им и хотели еще важнейших; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговского так называемых Ковуев – единоплеменных, как вероятно, с Черными Клобуками – и пошли к Дону. Случившееся тогда затмение солнца казалось их Боярам предзнаменованием несчастным. "Друзья и братья! – сказал Игорь: – Тайны Божественные никому не сведомы, а нам не миновать своего рока". Он переправился за Донец. Всеволод, брат Игорев, шел из Курска иным путем: соединясь на берегах Оскола, войско обратилось к югу, к рекам Дону и Салу, феатру блестящих побед Мономаховых. Кочующие там варвары известили своих единоплеменников о сей новой грозе, представляя им, что россияне, дерзнув зайти столь далеко, без сомнения хотят совершенно истребить весь род их. Половцы ужаснулись и бесчисленными толпами двинулись от самых дальних берегов Дона навстречу смелым Князьям. Люди благоразумные говорили Игорю: "Князь! Неприятели многочисленны; удалимся; теперь не наше время". Игорь ответствовал: "Мы будем осмеяны, когда, не обнажив меча, возвратимся; а стыд ужаснее смерти". В первой битве россияне остались победителями, взяли стан неприятелей, их семейства; ликовали в завоеванных вежах и говорили друг другу: "Что скажут теперь наши братья и Святослав Киевский? Они сражались с Половцами еще смотря на Переяславль и не смели идти в их землю; а мы уже в ней, скоро будем за Доном, и далее в странах приморских, где никогда не бывали отцы наши; истребим варваров и приобретем славу вечную". Сия гордость витязей мужественных, но малоопытных и неосторожных, имела для них самые гибельные следствия. Разбитые Половцы соединились с новыми толпами, отрезали россиян от воды и в ожидании еще большей помощи не хотели сразиться копьями, три дня действуя одними стрелами. Число варваров беспрестанно умножалось. Наконец войско наших Князей открыло себе путь к воде: там Половцы со всех сторон окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникам: предводители спешились вместе с воинами. Один раненый Игорь ездил на коне, ободряя их и сняв с себя шлем, чтобы они видели его лицо и тем

Великодушнее умирали. Всеволод, брат Игорев, оказал редкое мужество и наконец остался без оружия, изломив свое копие и меч. Почти никто не мог спастися: все легли на месте или с Князьями были отведены в неволю. В России узнали о сем бедствии, случившемся на берегах Каялы (ныне Кагальника), от некоторых купцов, там бывших. "Скажите в Киеве (говорили им Половцы), что мы теперь можем обменяться пленниками". Князья, Вельможи, народ оплакивали несчастных; многие лишились братьев, отцов, ближних сродников. Святослав Киевский ездил тогда в Карачев: на возвратном пути услышав печальную весть, залился слезами и сказал: "Я жаловался на легкомыслие Игоря: теперь еще более жалуюсь на его злосчастие". Он собрал Князей под Каневом, но распустил их, когда Половцы, боясь сего ополчения, удалились от границ России. Не хотев идти по следам Владетелей Северских, чтобы не иметь той же участи, Святослав был причиною новых бедствий: ибо варвары, успокоенные его робостию, снова явились, взяли несколько городов на берегах Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владимир Глебович встретил их под стенами и бился как Герой; кровь текла из ран его; дружина ослабевала. Видя опасность Князя любимого, все граждане вооружились и едва спасли Владимира, уязвленного тремя копьями. Половцы, взяв город Рим, или нынешний Ромен, опустошив множество сел близ Путивля и напомнив россиянам бедственные времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные пленниками, в свои вежи. Но к утешению Северян, Игорь Святославич возвратился. Он жил в неволе под надзиранием благосклонного к нему Хана Кончака; имел при себе слуг, Священника и мог забавляться ястребиною охотою. Один из Половцев, именем Лавер, вызвался бежать с ним в Россию. Князь Игорь ответствовал: "Я мог уйти во время битвы, но не хотел обесславить себя бегством; не хочу и теперь". Однако ж, убежденный советом верного своего Конюшего, Игорь воспользовался темнотою ночи и сном варваров, упоенных крепким кумысом; сел на коня и в 11 дней приехал благополучно в город Донец. Сын его Владимир, оставленный им в плену, женился там на дочери Хана Кончака и возвратился к отцу через два года вместе с дядею Всеволодом (коего называют Летописцы Героем, или, по их словам, удалейшим из всех Ольговичей, величественным наружностию, любезным душою). Сия гибель дружины Северской, плен Князей и спасение Игоря описаны со многими обстоятельствами в особенной древней, исторической повести, украшенной цветами воображения и языком стихотворства.

В течение следующих осьми лет Половцы то мирились, то воевали с россиянами, имея успех и неудачи. Сии маловажные сшибки не представляют ничего достопамятного для истории. Один сын Рюриков, юный Ростислав, отличался в оных мужеством и был грозою варваров, предводительствуя Торками и Берендеями, иногда верными стражами областей Киевских, иногда изменниками: так их знаменитый чиновник, или Князек, именем Кунтувдей, оскорбленный Святославом, ушел к Половцам и долго грабил с ними села днепровские. Чтобы обезоружить сего храброго наездника, Рюрик дал ему городок Дверен на берегах Роси. Народ благословлял согласие Рюрика с Святославом, которые единодушно действовали для его внешней безопасности. Первый, женатый на сестре Князей Пинских, или Туровских, правнуке Святополка-Михаила, старался быть защитником и сего края: он ходил с войском на Литву, как бы предвидя, что она будет для нашего отечества еще опаснее Половцев.

[1186–1187 гг.] Междоусобие Князей Рязанских нарушило внутренний мир и спокойствие в России восточной. Глебовичи Роман, Игорь, Владимир умышляли на жизнь меньших братьев, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконец осадили их в Пронске. Великий Князь был занят тогда новым походом рати своей на Болгаров; когда же Воеводы его возвратились оттуда с добычею и с пленниками, он решился прекратить вражду злобных братьев. Напрасно Послы его благоразумно представляли им, что добрые россияне и единокровные должны извлекать меч только на врагов иноплеменных. Роман, Игорь, Владимир ответствовали гордо, что они не имеют нужды в советах и хотят быть независимы. Обольщенный ими, Святослав изменил меньшему брату, Всеволоду, бывшему у Великого Князя, и сдал им Пронск,

где находилось 300 человек дружины Владимирской. Роман взял их в плен вместе с женою, детьми, Боярами Всеволода Глебовича. Сии безрассудные мятежники скоро увидели опасность и старались умилостивить Великого Князя. Они склонили Черниговского Епископа Порфирия (коего Епархия заключала в себе и Рязанскую область) быть их ходатаем; Послы Святослава Киевского и брата его также находились в Владимире для сего дела. Но Порфирий худо исполнил священную обязанность миротворца; действовал как переветник, раздражил Всеволода Георгиевича коварством своим и тем умножил зло: ибо Великий Князь огнем и мечом опустошил землю Рязанскую, держась правила, как говорят Летописцы, что "война славная лучше мира постыдного".

Сей год [1187] достопамятен кончиною Ярослава Владимирковича Галицкого и важными ее следствиями. Подобно отцу господствуя от гор Карпатских по устья Серета и Прута, он имел истинные государственные добродетели, редкие в тогдашние времена: не искал завоеваний, но, довольствуясь Своею немалою областию, пекся о благоденствии народа, о цветущем состоянии городов, земледелия; для того любил тишину, вооружался единственно на обидящих и посылал рать с Боярами, думая, что дела гражданские еще важнее воинских для Государя; нанимал полки иноплеменников и, спасая тем подданных от кровопролития, не жалел казны. В 1173 году он нанял у Поляков войско за 3000 гривен серебра: успехи торговли и мирной промышленности доставляли ему способ быть щедрым в таких случаях. Союзник Греческого Императора Мануила, покровитель изгнанного Андроника, Ярослав считался одним из знаменитейших Государей своего времени, хвалимый в летописях вообще за мудрость и сильное, убедительное красноречие в советах, по коему россияне прозвали его Осьмомыслом. Сей миролюбивый Князь не находил мира только в недрах семейства и не мог жить в согласии ни с супругою, ни с сыном: первая решилась навсегда с ним расстаться и (в 1181 году) скончалась Монахинею в Владимире Суздальском у Всеволода, ее брата; а сын Ярославов, в третий раз изгнанный отцом, напрасно искав пристанища у Князей Волынских, Смоленского, даже у Великого Князя, жил два года в Путивле у своего зятя, Игоря Северского, и хотя наконец, посредством Игорева старания, примирился с отцом, но, имея склонности развратные, непрестанно огорчал его. Тем более Ярослав любил меньшего, побочного сына, именем Олега, прижитого им с несчастною Анастасиею. Готовясь к смерти, он три дня прощался со всеми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищие теснились во Дворце к одру умирающего. Изъявив чувства набожные и Христианские, смирение пред Богом и людьми; назначив богатые вклады в церкви, в монастыри и велев раздать часть казны бедным, Ярослав объявил своим наследником Олега: Владимира же наградил только Перемышлем, взяв с него и с Бояр клятву исполнить сие завещание. Но Бояре, едва предав земле тело Государя, изгнали Олега (ушедшего к Рюрику в Овруч) и возвели Владимира на престол.

Они раскаялись: ибо новый Государь, имея отвращение от дел, пил день и ночь, презирал уставы Церкви и нравственности, женился вторым браком на Попадье; сверх того, удовлетворяя гнусному любострастию, бесчестил девиц и супруг Боярских. Негодование сделалось общим; в домах, на улицах и площадях народ жаловался громогласно. В соседственной области Владимирской господствовал тогда Князь, известный мужеством, умом, деятельностию, Роман Мстиславич, который еще в летах нежной юности, под стенами Новагорода, смирив гордость Андрея Боголюбского, заслужил тем внимание россиян. Многими блестящими свойствами достойный своего предка, Мономаха, он, к несчастию, жертвовал властолюбию правилами добродетели и, будучи сватом Владимиру, веселился его распутством и народным озлоблением, ибо думал воспользоваться следствиями оного. Имея тайную связь с Галицкими Вельможами, Роман хотел открыть себе путь к тамошнему престолу и советовал им свергнуть Князя, столь порочного. Сии внушения не остались без действия. Волнение и шум в столице пробудили усыпленного негою Владимира. Двор Княжеский наполнился людьми; но заговорщики, не уверенные в согласии добрых, терпеливых граждан, опасались возложить руку на

Государя и, зная его малодушие, послали сказать ему, чтобы он избрал супругу достойнейшую, выдал им Попадью для казни, правительствовал как должно или готовился к следствиям весьма несчастным. Их желание исполнилось: то есть устрашенный Владимир бежал в Венгрию с женою, двумя сыновьями и наследственными сокровищами. Бояре призвали Романа Княжить в Галиче.

Плоды льстивых внушений и коварства оказались непрочными для сего властолюбивого Князя. Бела, Король Венгерский, не уступая ему в коварстве, осыпал Владимира ласками, дружескими увериниями и немедленно выступил к Галичу со всеми силами, чтобы смирить мятежных подданных, как говорил он, и возвратить престол изгнаннику. Давно Короли Венгерские, быв и друзьями и неприятелями мужественных, умных Князей Галицких, от Василька до Ярослава, завидовали их стране плодоносной, богатой также минералами и в особенности солью, которая издревле шла в южную Россию и в соседственные земли. Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область к Венгрии. Еще Роман не утвердился на новом престоле; многие граждане и Вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крутого нрава и гордого самовластия. Сведав, что Венгры сходят с гор Карпатских, он успел только захватить казну и выехал из Галича с Боярами, ему преданными. Король без сопротивления вошел в столицу. Уже Владимир, изъявляя благодарность добрым союзникам, думал, что они могут идти обратно; но вероломный Бела вдруг объявил своего сына, Андрея Королем Галицким, с согласия легкомысленных Бояр, обольщенных его увериниями, что Андрей будет царствовать по их уставам и воле. Сего не довольно: Бела, отняв у Владимира и сокровища и свободу, возвратился с ним в Венгрию как с пленником.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей Князь, отправляясь господствовать в Галиче, уступил всю область Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотел впустить его в город Владимир: затворил ворота и сказал: "Я здесь Князь, а не ты!" Изумленный Роман – лишась таким образом и приобретенной и наследственной области – искал защиты у Рюрика и ляхов. Первый был ему тестем, а Государь Польский, Казимир Справедливый, дядею по матери. Брат Казимиров, Мечислав Старый, без успеха приступал к Владимиру, желая возвратить сей город любимому ими племяннику. Без успеха также ходил Роман с дружиною тестя в землю Галицкую: жители и Венгры отразили его. Наконец Рюрик угрозами принудил Всеволода Мстиславича отдать Владимирское Княжение старшему брату.

[1189 г.] Князья наши не думали вступиться за несчастного Владимира Галицкого – посаженного Королем Белою в каменную башню, – но с прискорбием видели иноплеменников господами прекраснейшей из областей Российских. Между тем хитрый Бела, имея дружелюбные сношения с Святославом Киевским, старался уверить его в своем бескорыстии и даже обещал со временем отдать ему Галич; а Святослав, вопреки условиям тесного союза, заключенного им с Рюриком, тайно послал одного из сыновей к Королю для переговоров. Рюрик сведал и досадовал. Приняв совет Митрополита, они согласились было изгнать Венгров из Галича; но Святослав, уступая Рюрику сие Княжение, требовал Овруча, Белагорода и всех других областей Днепровских. Рюрик не хотел того, и Галич остался за Венграми, впрочем, ненадолго.

Сын Князя Иоанна Берладника, умершего в Фессалонике, двоюродный племянник Ярослава Галицкого, именем Ростислав, подобно отцу скитался из земли в землю и нашел пристанище в Смоленске. Он имел друзей в отечестве, где народ, неохотно повинуясь иноземным властителям, и некоторые Бояре желали видеть его на престоле. По согласию с ними Ростислав, уехав от Давида Смоленского, с малым числом воинов явился пред стенами Галича, в надежде, что все граждане к нему присоединятся. Но Андрей оградил себя полками Венгерскими, взял с жителей, волею и неволею, присягу в верности и вообще такие меры, что сын Берладников вместо друзей встретил там одних врагов многочисленных. Видя неудачу, измену или робость Галичан, Ростислав не думал спасаться бегством; сказал дружине: "Лучше уме-

реть в своем отечестве, нежели скитаться по чужим землям; предаю суду Божию тех, которые меня обманули" – и бросился в средину неприятелей. Тяжело раненный, он упал с коня и был привезен в столицу, где народ, тронутый его жалостною судьбою, хотел возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятеж, Венгры, как сказано в летописи, приложили смертное зелие к язве Ростислава, и сей несчастный Князь, достойный лучшей доли, скончался, имев только время удостовериться в народной к нему любви; а граждане, изъявив оную, раздражили своего Короля. Правление Андреево, дотоле благоразумное, снисходительное, обратилось в насилие. Венгры мстили Галичанам как изменникам, нагло и неистово: отнимали жен у супругов, ставили коней в домы Боярские, в самые церкви; позволяли себе всякого рода злодейства. Народ вопил, с нетерпением ожидая случая избавиться от ига: он представился.

Владимир Галицкий, заключенный с женою и с детьми у Короля Венгерского, нашел способ уйти: изрезал шатер, поставленный для него в башне, свил из холста веревки, спустился по оным вниз и бежал к Немецкому Императору, Фридерику Барбаруссе. Так сын Ярослава Великого искал некогда покровительства Императора Генрика IV; но привез сокровища в Германию, а Владимир мог только обещать и действительно вызвался ежегодно платить Фридерику 2000 гривен серебра, буде его содействием отнимет Галич у Венгров. Император – неизвестно, каким образом – знал Великого Князя Суздальского и весьма ласково принял Владимира, слыша, что он сын Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важным намерением ратоборствовать в Палестине с Героем Востока, Саладином, Фридерик не мог послать войска к берегам Днестра, однако ж дал Владимиру письмо к Казимиру Справедливому, которое имело счастливое для изгнанника действие: ибо сей Монарх Польский, завидуя Венграм в приобретении земли Галицкой и ведая, сколь их господство противно ее жителям, не отказался от предлагаемой ему чести быть покровителем несчастного Князя, вероломно обманутого Белою; надеялся на Галичан и не обманулся. Быв недовольны правлением Владимировым, они еще гораздо более ненавидели Венгров; и когда услышали, что сей Князь с Воеводою Краковским, знаменитым Николаем, идет к их границам: то все единодушно восстали, изгнали Андрея и встретили Владимира с радостию; а Беле остался стыд и титул Короля Галицкого, с 1190 года употребляемый в его грамотах. Еще не миновались опасности для Владимира: худо веря бескорыстию Поляков, боясь Венгров, Романа Волынского и собственного народа, он прибегнул к дяде, Великому Князю, не хотев дотоле искать в нем милости; смиренно винился, обещал исправиться и писал к нему: "Будь моим отцом и Государем: я Божий и твой со всем Галичем; желаю тебе повиноваться, но только тебе одному". Сие покровительство, согласное с долгом родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взяв оное на себя, известил о том всех Князей Российских и Казимира: после чего Владимир мог безопасно господствовать до самой смерти.

Чтимый внутри и вне России, Всеволод хотел искреннего взаимного дружелюбия Князей и старался утвердить оное новым свойством, выдав дочь свою за племянника Святославова, – другую, именем Верхуславу, за Рюриковича, мужественного Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилетнего, женив на внуке умершего Романа Смоленского. Юность лет не препятствовала брачным союзам, коих требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила в возраст отроковицы, когда родители послали ее к жениху в Белгород. Сия свадьба была одною из Великолепнейших, о коих упоминается в наших древних летописях. За невестою приезжали в Владимир шурин Рюриков, Глеб Туровский, и знатнейшие Бояре с супругами, щедро одаренные Всеволодом. Отменно любя Верхуславу, отец и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилетнюю дочь до третьего стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который должен был, вместе с первыми Боярами Суздальскими, везти невесту. В Белогороде Епископ Максим совершал обряд венчания, и более двадцати Князей пировали на свадьбе. Рюрик, следуя древнему обычаю, в знак любви отдал снохе город Брагин. Сей Князь, тесть Игорева сына, жил в мире со всеми Ольгови-

чами и в случае споров о границах или Уделах прибегал к посредству Всеволодову. Так, Святослав (в 1190 году) желал присвоить себе часть Смоленских владений; но Рюрик и Давид вместе с Великим Князем обезоружили его, представляя, что он взял Киев с условием не требовать ничего более и забыть споры, бывшие при Великом Князе Ростиславе; что ему остается или исполнить договор, или начать войну. Святослав дал им слово впредь не нарушать мира и сдержал оное, довольный честию первенства между Князьями южной России. Уступив Чернигов брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть Киевской области, не имея ни Переяславля, ни Волыни, он не мог равняться силою с древними Великими Князьями, но подобно им именовался Великим и восстановил независимость Киева. Всеволод Георгиевич уважал в Святославе опытного старца (власы седые были тогда правом на почтение людей); предвидя его близкую кончину, удерживал до времени свое властолюбие и терпел некоторую зависимость могущественной области Суздальской от Киева по делам церковным. Вместе с народом или знаменитыми гражданами избирая Епископов для Ростова, Суздаля, Владимира, но посылая их ставиться к Митрополиту Никифору, преемнику Константинову, он всегда отправлял Послов и к Святославу, требуя на то его Княжеского соизволения: ибо власть Духовная была тесно связана с гражданскою, и Митрополит действовал согласно с желанием Государя. Никифор хотел нарушить сей устав в России, самовластно посвятив в Епископы Суздалю одного Грека; но Всеволод не принял его, и Митрополит поставил иного, назначенного Великим Князем и одобренного Святославом. – Между тем, желая приближиться к древней столице, Всеволод возобновил город Остер, разрушенный Изяславом Мстиславичем: Тиун Суздальский приехал туда властвовать именем Князя. Южный Переяславль также зависел от Всеволода, который отдал его, по смерти Владимира Глебовича, другому племяннику, Ярославу Мстиславичу. Вся Украина, по словам Летописца, оплакала сего мужественного Владимира, ужасного для Половцев, доброго, бескорыстного, любившего дружину и любимого ею.

Когда почти вся Россия наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляют нам ужасы мятежа и картину воинской деятельности. Давид Ростиславич, господствуя в Смоленске, не был любим народом. Не имея твердых государственных законов, основанных на опыте веков, Князья и подданные в нашем древнем отечестве часто действовали по внушению страстей; сила казалась справедливостию: иногда Государь, могущественный усердием и мечами дружины, угнетал народ; иногда народ презирал волю Государя слабого. Неясность взаимных прав служила поводом к мятежам, и Смоляне, однажды изгнав Князя, хотели и вторично утвердить народную власть таким же делом. Но Давид был смел, решителен; не уступил гражданам и не жалел их крови; казнил многих и восстановил порядок.

Сын Давидов, Мстислав, года два Княжил спокойно в Новегороде; вместе с отцом ходил воевать Полоцкую область и заключил мир с ее жителями, которые встретили их на границе с дарами. При сем же Князе новогородцы, опустошив часть Финляндии, привели оттуда многих пленников. Но дух раздора не замедлил обнаружиться в республике: народ возненавидел некоторых знатных граждан, осудил на смерть, бросил с моста в Волхов. Юный Мстислав не предупредил зла и казался слабым. В вину ему поставили, может быть, и гибель чиновников, ездивших тогда для собрания дани в Заволочье в страну Нечерскую и Югорскую, где Новгород господствовал и давал законы народам полудиким, богатым драгоценными звериными кожами: сии чиновники и товарищи их были убиты жителями, хотевшими освободиться от ига россиян. Вследствие того и другого происшествия новогородцы изгнали Мстислава, прибегнули опять ко Всеволоду и желали вторично иметь Князем свояка его, Ярослава Владимировича. Теснейшая связь с могущественным Государем Суздальским обещала им столь важные выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава и целые девять лет терпели его как в счастливых, так и в неблагоприятных обстоятельствах. Первый год Ярославова Княжения, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлебною дороговизною (четверть ржи стоила более двух нынешних серебряных рублей) и важною ссорою с Варя-

гами, Готландцами и другими народами Скандинавскими. новогородцы задержали их купцов, разослали по темницам; не пустили своих за море; отправили назад Послов Варяжских и не хотели с ними договариваться о мире. Шведские Летописцы сказывают, что в сей год россияне, соединясь с жителями Эстонии и Корелами, приходили на судах в окрестности Стокгольма, убили Архиепископа Упсальского, взяли 14 июля древний торговый город Шведский Сигтуну, опустошили его так, что он уже навеки утратил свое прежнее цветущее состояние, и вместе со многими драгоценностями похитили серебряные церковные врата, которыми украсилась Соборная церковь Новогородская. Недовольные тогда Варягами, новогородцы могли возбудить Эстонцев к опустошению приморской Швеции; могли дать им и некоторых воинов: но участие россиян в сем предприятии, без сомнения, было не важно, когда современные Летописцы наши о том не упоминают, описывая обстоятельно малейшие военные действия их времени; например, как Псковитяне (в 1190 году) разбили сих самых Эстонцев, которые на семи шнеках, или судах, приходили грабить в окрестностях тамошнего озера; как новогородцы с Корелами (в 1191 году) воевали бедную землю Финнов, жгли там селения, истребляли скот. Тогда же Ярослав Владимирович, имев на границе свидание с Князьями Кривскими, или Полоцкими, согласился вместе с ними идти зимою на Литву или Чудь; богато одаренный союзниками, возвратился в Новгород и, по условию вступив в Ливонскую землю, взял Дерпт, множество пленников и всякого роду добычи. В следующий год, летом, сей Князь сам остался во Пскове, а двор его, или дружина, с отрядом Псковитян завоевали Медвежью Голову, или Оденпе, распространив огнем и мечом ужас в окрестностях. Тогдашнее состояние Чудского народа было самое несчастное: россияне, ссылаясь на древние права свои, требовали от него дани, а Шведы перемены закона. Папа Александр III торжественно обещал Северным Католикам вечное блаженство, ежели язычники Эстонские признают в нем Апостольского Наместника: с Латинскою Библиею и с мечем Шведы выходили на восточные берега моря Балтийского и наказывали идолопоклонников за их упорство в заблуждениях язычества. россияне – новогородцы, Кривичи – изъявили менее ревности к обращению неверных и не хотели насилием просвещать людей; но считали жителей Эстонии и Ливонии своими подданными, наказывая их как мятежников, когда они желали независимости. В сие время, по сказанию древнейшего Летописца Ливонского, славился могуществом Князь Полоцкий Владимир: он господствовал до самого устья Двины, и власть его над южною Чудскою землею была вообще столь известна, что благочестивый старец Меингард, усердный Немецкий Католик, приехав около 1186 года с купцами Немецкими в Ливонию, просил у него дозволения мирно обращать тамошних язычников в Христианство: на что Владимир охотно согласился и даже отпустил Меингарда с дарами из Полоцка, не предвидя вредных следствий, которым скоро надлежало открыться для россиян от властолюбия Пап и Духовенства Римского. Меингард имел успех в важном деле своем: основал первую Христианскую церковь в Икскуле вместе с маленькою крепостию (недалеко от нынешней Риги); учил язычников Закону и военному искусству для их безопасности; крестил волею и неволею; одним словом, утвердил там Веру Латинскую.

новогородцы, желая отмстить народу Югорскому за убиение их собирателей дани, в 1193 году послали туда Воеводу с дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирепые обычаем и дикие нравами, имели уже города. Воевода, взяв один из оных, пять недель стоял под другим, терпя нужду в съестных припасах. Осажденные уверяли его в своей покорности, называли себя Новогородскими слугами и несколько раз обещали вынести обыкновенную дань: соболей, серебро (что, как надобно думать, получали они меною от дальнейших народов Сибирских). Неосторожный Воевода, приглашенный ими, въехал в город с двенадцатью чиновниками и был изрублен в куски; такую же участь имели и другие 80 россиян, вошедшие за ними. На третий день, Декабря 6, жители сделали вылазку и почти совсем истребили осаждающих, изнуренных голодом. Спаслося менее ста человек, которые, долгое время скитаясь по снежным пустыням, не могли дать о себе никакой вести Новогородцам, беспокойным о

судьбе их, и возвратились уже чрез 8 месяцев. Вместо того, чтобы идти в храм и благодарить Небо, спасшее их от погибели, сии несчастные вздумали судиться пред народом, обвиняли друг друга в измене, в тайном сношении со врагами во время осады города Югорского. Дело, весьма неясное, кончилось убиением трех граждан и взысканием пени с иных, мнимых преступников.

[1194–1195 гг.] Всеволод Суздальский и Святослав Киевский держали равновесие Государства: Новгород, Рязань, Муром, Смоленск, некоторые области Волынские и Днепровские, подвластные Рюрику, признавали Всеволода своим главою: Ольговичи и Владетели Кривские повиновались Святославу, который, несмотря на то, чувствовал превосходство сил на стороне Великого Князя и, следуя внушениям благоразумия, свойственного опытной старости, не дерзал явно ему противоборствовать. Так, имея ссору о границах с Князьями Рязанскими и готовый вместе с другими Ольговичами объявить им войну, он не мог начать ее без дозволения Всеволодова: требовал оного, не получил и должен был мирно возвратиться из Карачева. На сем пути Святослав занемог: чувствуя сильную боль в ноге, летом ехал в санях до реки Десны, где сел в лодку; из Киева немедленно отправился в Вышегород: облил слезами раку Святых Мученников, Бориса и Глеба; хотел поклониться там гробу отца своего, но видя дверь сего придела запертою, спешил возвратиться к супруге. Он жил только неделю; мог еще однажды выехать из дворца к обедне; слабел, едва говорил и лежал наконец в усыплении; за несколько же часов до смерти вдруг поднялся на одре и спросил у супруги: когда будут Маккавеи? – день, в который умер отец его. В Понедельник, ответствовала Княгиня. "Итак, мне не дожить!" – сказал он. Княгиня думала, что ему привиделся сон, и хотела знать оный. Святослав не ответствовал ей, громко читая: верую во единого; отправил гонца за Рюриком, велел постричь себя в Монахи и преставился… Непостоянный от юности, некогда друг и предатель Мстиславичей, Мономаховых внуков; то враг, то союзник Долгорукого и дядей своих, Черниговских Владетелей; жертвуя истинными государственными добродетелями, справедливостию, честию, выгодам политики личной; бессовестный в отношении не только к Мономахову потомству, но и к своим единокровным, сей Князь имел однако ж достоинства: ум необыкновенный, целомудрие, трезвость, всю наружность усердного Христианина и щедрость к бедным. Имя Государя Киевского, напоминая знаменитость древних Князей Великих, доставляло ему уважение от Монархов соседственных. Бела Венгерский искал его дружбы: сильный Казимир также. Женив сына, именем Всеволода Чермного, на дочери Казимировой, Марии (скоро умершей Инокинею в Киевском, ею основанном монастыре Св. Кирилла), Святослав помолвил внуку, Евфимию, дочь Глебову, за Греческого Царевича (может быть, Исаакиева сына, Алексия IV) и не дожил до ее брака, успев единственно выслать Бояр навстречу к Императорским сановникам, ехавшим за невестою.

Князь Рюрик II. Гравюра 1805 г.

Вероятно, что Рюрик уступил Святославу Киев единственно по его смерти и что Всеволод утвердил сей договор, известный Князьям, Вельможам и гражданам. Любимый вообще за свою приветливость, Рюрик был встречен народом и Митрополитом со крестами; а Великий Князь прислал Бояр возвести его на трон Киевский, желая тем ознаменовать зависимость оного от Государей Суздальских, хотя Рюрик, подобно Святославу, также назывался Великим Князем и самовластно располагал городами Днепровскими. Он звал к себе брата, Давида Смоленского, чтобы вместе с ним назначить Уделы своим сыновьям и Владимировичам, внукам Мстислава Великого. Давид провел для того несколько дней в Киеве, посвященных делам государственным и весельям. Рюрик, сын его Ростислав Белогородский и Киевляне давали ему пиры. Давид также угостил их. Берендеи, Торки, самые Монахи пировали у сего Князя; и между тем, как роскошь изливала свой тук на Княжеских трапезах, благотворительность не забывала и нищих. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатых без милостыни для бедных. Вообще сии народные угощения, обыкновенные в древней России, установленные в начале гражданских обществ и долго поддерживаемые благоразумием государственным, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, как истинный хозяин, подчивал граждан, пил и ел вместе с ними; Вельможи, Тиуны, Воеводы, знаменитые Духовные особы смешивались с бесчисленными толпами гостей всякого состояния; дух братства оживлял сердца, питая в них любовь к отечеству и к Венценосцам.

Признав Всеволода старшим и главою Князей, Рюрик имел в нем надежного покровителя; однако ж искал еще другой опоры и, будучи тестем Романа Мстиславича Волынского, отдал ему пять городов Киевских: Торческ, Канев, Триполь, Корсунь и Богуслав. Всеволод оскорбился. "Я старший в Мономаховом роде, – велел он сказать Рюрику: – кому обязан ты Киевом? Но забывая меня, отдаешь города иным младшим Князьям. Не оспориваю власти твоей: господствуй и делись оною с друзьями! Увидим, могут ли они защитить тебя!" Желая умилостивить Всеволода, сват его предлагал ему особенный Удел в Киевской области; но Великий Князь требовал для себя городов, отданных Мстиславичу. В сомнении и нерешимости Рюрик призвал на совет Никифора Митрополита; с одной стороны не хотел нарушить слова своего в рассуждении зятя, а с другой боялся Всеволода. "Мы поставлены от Бога мирить Государей в земле Русской, – ответствовал Митрополит: – всего ужаснее кровопролитие. Исполни волю старейшего Князя. Если Мстиславич назовет тебя клятвопреступником, то я беру грех

на себя; а ты можешь удовольствовать зятя иными городами". Сам Роман изъявил согласие взять другую область или деньги в замену Удела, и распря прекратилась; но когда Всеволод, отправив Наместников в города Днепровские, подарил Торческ зятю своему, Рюрикову сыну: Волынский Князь вознегодовал на тестя, считая себя обманутым; не хотел жить с его дочерью; принуждал бедную супругу удалиться в монастырь и вступил в дружбу с Ярославом Черниговским, советуя ему завоевать Киев. Тогда Рюрик, обличив зятя в умыслах неприятельских и велев повергнуть пред ним грамоты крестные, обратился к Всеволоду Георгиевичу. "Государь и брат! – сказали Послы его. – Романко изменил нам и дружится со врагами Мономахова племени. Вооружимся и сядем на коней!" Предвидя, что Великий Князь вступится за Рюрика, Мстиславич искал союзников в Польше, где юные сыновья Казимировы готовились отразить дядю, властолюбивого Мечислава. Они сами имели нужду в помощи, и мужественный Роман за них ополчился, говоря дружине своей, что услуга дает право на взаимную услугу и что, победив дядю, он будет располагать силами благодарных племянников. Уже войска стояли друг против друга. Мечислав требовал мира, предлагая нашему Князю быть посредником. Бояре Российские также не хотели кровопролития; но пылкий Князь, вопреки их совету, дал знак битвы. Польские Историки пишут, что он повелевал только одним крылом, а Воевода Краковский, Николай, другим и срединою. Сражались с утра до вечера. Мечислав победил, и Роман, жестоко уязвленный, велел нести себя к пределам Волынии. Знаменитый Епископ Краковский, Фулько, ночью догнал его и заклинал возвратиться, боясь, чтобы неприятель не взял столицы. "Не имея ни силы в руках, ни воинов, отчасти убитых, отчасти рассеянных, могу ли быть вам полезен?" – сказал ему Мстиславич; а на вопрос Епископа: что ж делать? – ответствовал: "Защищать столицу, пока соберемся с силами". Роман отправил из Владимира Послов в Киев; обезоружил тестя смиренным признанием вины своей и чрез ходатайство Митрополита получил от Рюрика два города в награждение.

Великий Князь, Рюрик и брат его, Давид Смоленский, требовали от Черниговского и всех Князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за детей своих никогда не искать ни Киева, ни Смоленска и довольствовались левым берегом Днепра, отданным их прадеду, Святославу. Ольговичи не хотели того. "Мы готовы, – говорили они чрез Послов Всеволоду Георгиевичу, – блюсти Киев за тобою или за Рюриком; но если желаешь навсегда удалить нас от престола Киевского, то знай, что мы не Венгры, не Ляхи, а потомки Государя единого. Властвуйте, пока вы живы; когда ж вас не будет, древняя столица да принадлежит достойнейшему, по воле Божией!" Всеволод грозил им: они на все согласились; а Рюрик отпустил наемных Половцев и в доказательство своего миролюбия обещал Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебск, где Княжил Василько Брячиславич, зять Давидов, племянник Всеслава Полоцкого.

[1196 г.] Но Ольговичи нарушили клятвенный обет мира: не дождавшись Послов ни Всеволодовых, ни Давидовых, с коими надлежало им во всем условиться, в конце зимы выступили с войском к Витебску и начали грабить Смоленскую область. Племянник Давида, Мстислав Романович, сват Великого Князя, хотел отразить их. Ольговичи имели время изготовиться к битве, соединились с Князьями Полоцкими, Васильком Володаревичем и Борисом Друцким; заняли выгодное место и притоптали снег вокруг себя, чтобы тем удобнее действовать оружием. Мстислав вышел с полками из леса, напал стремительно и смял рать Черниговскую, над коею начальствовал Олег Святославич; но Воевода Смоленский, Михалко, в то же время бежал, не дерзнув сразиться с Полочанами, которые, видя Олега разбитого, ударили с тылу на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнав Черниговцев, увидел себя окруженного новыми рядами неприятелей и должен был сдаться. Зять Давидов, юный Князь Рязанский, и Ростислав Владимирович, внук Мстислава Великого, едва могли спастися. Они принесли Смоленскому Князю весть о сем несчастии; а Ярослав Черниговский, обрадованный блестящим успехом своего племянника и слыша, что жители Смоленска не любят Давида, хотел с новыми

полками идти прямо к сему городу. Рюрик остановил его. "Ты не имеешь совести, – писал он к нему из Овруча: – и так возвращаю тебе грамоты крестные, тобою нарушенные. Иди к Смоленску: я пойду к Чернигову. Увидим, кто будет счастливее". Ярослав оправдывался, жалуясь на Давида и Князя Витебского; обещал без выкупа освободить пленного Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрик отступил от союза с Великим Князем. "У нас дела общие, – ответствовал Рюрик: – буде искренно желаешь мира, то дай свободный путь моим Послам чрез твою область ко Всеволоду и Давиду; мы все готовы примириться". Но Ярослав, будучи коварным, считал и других таковыми; не верил ему; занял все дороги; препятствовал сообщению между областями Киевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство в пределах Днепровских. Отвергнув Великодушные правила Мономахова дому, Рюрик не устыдился нанять диких Половцев для опустошения Черниговских владений и полнил руки варварам, как сказано в летописи.

Ольговичи имели союзников в Князьях Полоцких: те и другие считали себя угнетенными и старейшими Мономаховых наследников. Они нашли друга и между последними: мужественного Романа Волынского, который искал всех способов возвыситься; следуя одному правилу быть сильным, не уважал никаких иных, ни родства, ни признательности. Обязанный благодеяниями тестя, он забыл их: помнил только, что Рюрик взял у него назад города Днепровские. Отдохнув после несчастной битвы с Мечиславом Старым, Роман снова предложил союз Ольговичам и послал рать свою воевать область Смоленскую и Киевскую. Сие нечаянное нападение уменьшило на время затруднение Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бедствиям опустошения: с одной стороны Ростислав, сын Рюриков, а с другой племянник его, Мстислав, сын Мстислава. Храброго, вместе с Владимиром Галицким пленили множество людей в окрестностях Каменца и Перемиля. Сам Рюрик остался в Киеве: ибо узнал, что Всеволод наконец решительно действует против Ольговичей, соединился с Давидом, с Князьями Рязанскими, Муромскими, с Половцами, – завоевал область Вятичей и думает вступить в Черниговскую. Ярослав видел себя в крайней опасности; но, скрывая боязнь, изготовился к сильному отпору: укрепил города, нанял степных Половцев, оставил в Чернигове двух Святославичей, и расположился станом близ темных лесов, сделав вокруг засеки, подрубив все мосты. Впрочем, ему легче было поссорить врагов своих хитростию, нежели силою одолеть их: так он и действовал.

Изъявляя вместе и миролюбие и неустрашимость, Ярослав послал сказать Всеволоду: "Любезный брат! Ты взял нашу отчину и достояние. Желаешь ли загладить насилие дружбою? Мы любви не убегаем и готовы заключить мир согласно с твоею верховною волею. Желаешь ли битвы? Не убегаем и того. Бог и Святый Спас рассудят нас в поле". Всеволод хотел знать мнение Князей Смоленского, Рязанских и Бояр. Давид противился миру, говоря: "Ты дал слово моему брату соединиться с ним под Черниговом и там или разрушить власть коварных Ольговичей, или заключить мир общий; а теперь думаешь один вступить в переговоры? Рюрик не будет доволен тобою. Ты велел ему начать войну; для тебя он предал огню и мечу свою область. Можешь ли без него мириться?" То же говорили и Князья Рязанские; но Всеволод, недовольный их смелыми представлениями, велел сказать Ольговичам, что соглашается забыть их вину, если они возвратят свободу Мстиславу Романовичу, откажутся от союза с Романом Волынским и выгонят мятежного Ярополка, сего славного чудесным прозрением слепца, который, будучи взят в плен Великим Князем, ушел из неволи и жил в Чернигове. Ярослав не принял только одного условия, касательно Романа Волынского, желая быть и впредь его другом. Согласились во всем прочем и с обыкновенными священными обрядами утвердили мир, к Великому огорчению Рюрика. Хотя Всеволод дал ему знать, что Ольговичи клялись никогда не тревожить ни Киевских, ни Смоленских областей; но Рюрик осыпал его укоризнами. "Так поступают одни вероломные, – ответствовал сей Князь Всеволоду: – для тебя я озлобил зятя, отдав тебе города его; ты же заставил меня воевать с Ярославом, который лично не сделал мне

зла и не искал Киева. В ожидании твоего содействия прошли лето и зима; наконец, выступаешь в поле и миришься сам собою, оставив главного врага, Романа, в связи с Ольговичами и господином области, им от меня полученной". Следуя внушению досады, Рюрик отнял у Всеволода города Киевские и, тем оскорбив его, приготовил для себя важные несчастия, лишенный ВеликоКняжеского покровительства. Всеволод без сомнения поступил в сем случае несправедливо. Имея тайные намерения, он не хотел совершенного падения Черниговских Князей, чтобы не усилить тем Киевского и Смоленского, равно противных замышляемому им единовластию. Равновесие их сил казалось ему до времени согласнее с его пользою.

Смирив Ольговичей и по-видимому защитив союзников, Великий Князь с торжеством возвратился в столицу как Государь, любимый народом, и победитель. В Смоленске, в Чернигове сделались важные перемены, благопрятные для его властолюбия. Давид, благородный, мужественный, предчувствуя свой конец, уступил трон племяннику, Мстиславу Романовичу, постригся вместе с супругою, отправил юного сына, именем Константина, на воспитание к брату Рюрику и велел нести себя, уже больного, из дворца в обитель Смядынскую, где и преставился [23 апреля 1197 г.] в молитвах (пятидесяти семи лет от рождения), оплакиваемый дружиною, Иноками, мирными гражданами (ибо строптивые не любили его). Летописцы, уважая дела набожности более государственных, сказывают, что никто из Князей Смоленских не превзошел Давида в украшении храмов; что церковь Св. Михаила, им созданная, была Великолепнейшею в странах полунощных и что он ежедневно посещал ее. Но сей Князь, Христианин усердный, слыл грозою мятежников и злых: набожность не ослабляла в нем строгости правосудия, ни веледушной гордости Княжеской, противной Андрею Боголюбскому, неприятной и Всеволоду, который тем более любил Давидова наследника, своего добродушного свата, ему преданного. – [1198 г.] В Чернигове умер Ярослав, верный последователь братней, коварной системы, и Великий Князь с удовольствием сведал, что Игорь Северский, старейший в роде, сел на тамошнем знаменитом престоле: ибо сей внук Олегов менее других славился кознодейством.

Не имея опасных совместников внутри России; Всеволод старался утвердить безопасность границ своих. Половцы за деньги служили ему, но в то же время, кочуя от нынешней Слободской Украинской до Саратовской Губернии, беспокоили его южные владения, особенно же пределы Рязанские: он сильным ополчением устрашил варваров, ходил с юным сыном, Константином, во глубину степей, везде жег зимовья Половецкие, и Ханы, сняв свои многочисленные вежи, от берегов Дона с ужасом бежали к морю.

[1196–1201 гг.] Чего Андрей желал напрасно, то сделал хитрый Всеволод: он на несколько лет совершенно подчинил себе мятежную первобытную столицу наших Князей. Во время раздора его с Ольговичами, повинуясь ему, лучшие новогородцы, не только военные люди, но и самые купцы, ходили с Ярославом в Великие Луки, чтобы удерживать Кривских Владетелей и препятствовать их соединению с Черниговцами. Ярослав Владимирович уже имел тогда многих неприятелей в Новегороде: Посадник, чиновники ездили ко Всеволоду, прося его, чтобы он вывел от них свояка и дал им сына. Великий Князь задержал сих Послов, а новогородцы, тем оскорбленные, изгнали Ярослава, к сожалению добрых, миролюбивых людей, которых сторона редко бывает сильнейшею. Народ, обольщенный безрассудными, хотел доказать свою независимость, и сын Князя Черниговского, избранный большинством голосов, приехал в Новгород, не господствовать, но быть игралищем своевольных. Между тем Ярослав, с согласия жителей, остался в Торжке; брал дань в окрестностях Мсты и за Волоком. Новогородцев везде ловили как неприятелей, толпами приводили в Владимир. Действуя осторожнее Андрея, Всеволод не думал осаждать их столицы: мешал им только купечествовать в России и собирать налоги в Двинской земле, зная, что любостяжание скоро одержит верх над упрямством людей торговых. В самом деле, чрез шесть месяцев сын Князя Черниговского должен был ехать назад к отцу: Сотники Новогородские явились во дворце у Всеволода, изви-

нялись, молили, обещали, и Ярослав к ним возвратился, провождаемый множеством их освобожденных сограждан. Народ торжествовал прибытие сего Князя как отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблуждению. Тишина восстановилась: Князь властвовал благоразумно, судил справедливо, взял нужные меры для защиты границ и смирил Половчан, дерзнувших вместе с Литвою злодействовать вокруг Великих Лук. Но Всеволод, недовольный свояком, призвал его к себе, и чего прежде не хотел сделать в угодность народу, то народ сделал в угодность Великому Князю: Архиепископ мартирий и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повеление Государя, ехать в Владимир и требовать Всеволодова сына на престол Новогородский. Послы сказали: "Господин Князь Великий! Область наша есть твоя отчина: молим, да повелевает нами родной внук Долгорукого, правнук Мономахов!" Всеволод изъявил притворную нерешимость; хотел еще советоваться с дружиною и как бы из снисхождения дал Новогородцам сына, именем Святослава-Гавриила, еще младенца, предписав им условия, согласные с честию Княжескою. Сей Государь, обласкав, угостив чиновников, без сомнения не мог уверить их, что славная воля Новогородская остается в древней силе своей; однако ж хотя наружным образом почтив устав ее, скрыл действие самовластия от простых граждан. Они думали, что Святослав ими избран, и встретили его с радостию. Другие видели повелителя, но молчали, ибо надеялись жить спокойнее или боялись сильного Всеволода. Согласясь с Посадником, он дал Новугороду и Архиепископа на место мартирия, который, не доехав до Владимира, умер близ Осташкова. – Вероятно, что Великий Князь окружил юного Святослава опытными Боярами и чрез них управлял областию Новогородскою, так же, как и южным Переяславлем, где другой, десятилетний сын Всеволодов, Ярослав-Феодор, властвовал по кончине своего двоюродного брата, Ярослава Мстиславича.

В сие время Роман Волынский обратил на себя общее внимание приобретением сильной области и тиранством удивительным, если сказание Польских Историков справедливо. Знаменитый род Володаря Галицкого пресекся: сын Ярославов, Владимир, освободив наследственную область свою от ига Венгров, чрез несколько лет умер и не оставил детей. Вся южная Россия пришла в движение: каждый Князь хотел овладеть землею богатою, торговою, многолюдною. Но Роман Мстиславич предупредил совместников: воспитанный при дворе Казимира Справедливого, связанный ближним родством с его юными сыновьями и вдовствующею супругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бельзского, которая участвовала в важнейших делах государственных, он прибегнул к Ляхам и с их помощию вступил в страну Галицкую. Народ уже знал и не любил сего Князя, жестокого нравом. Вельможи, Бояре явились в стане Польском, моля Казимирова сына, герцога Лешка, "чтобы он сам управлял ими или чрез своего Наместника и таким образом избавил бы их от бедственного участия в междоусобии Князей Российских". Бояре предлагали дары, серебро, золото, ткани драгоценные; а граждане вооружались. Однако ж Поляки силою возвели Романа на престол Галицкий. Тогда сей Князь, озлобленный общею к нему ненавистию Вельмож, начал свирепствовать как второй Бузирис в своих новых владениях. Так пишет современный Историк, Епископ Кадлубек, повествуя, что Роман умертвил лучших Бояр Галицких, зарывал их живых в землю, четверил, расстреливал, изобретал неслыханные муки. Многие спаслися бегством в другие земли: он старался возвратить их, обещая им всякие милости, и не обманывал; но чрез несколько времени вымышлял клевету, обвинял сих легковерных во мнимом злоумышлении, казнил и присвоивал себе их достояние, говоря в пословицу: "чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел".

Может быть, злословие, легковерие или пристрастие излишне очернили свойство Государя, ужасного для строптивых, мятежных Галичан; когда же он действительно, играя жизнию людей, следовал в своем правлении сей гнусной пословице, сохраненной и в наших летописях: то Князья Российские могли свержением тирана услужить человечеству. [1202 г.] Рюрик, Ольговичи, быв дотоле в дружбе с Романом, хотели отнять у него державу Галицкую, снисканную им помощию иноплеменников, и соединились в Киеве, чтобы идти к Днестру. Но дея-

тельный Мстиславич не терял времени: они еще не вышли в поле, когда знамена Романовы уже развевались на берегах Днепра. Сей хитрый Князь, имев время снестися с могущественным Всеволодом, с Черными Клобуками, с Наместниками многих южных городов, удостоверился в их доброжелательстве. Берендеи, Торки приехали к нему в стан; города не оборонялись; жители прежде битвы встречали его как победителя, и самые Киевляне без малейшего сопротивления отворили Копыревские ворота Подола. Рюрик, Ольговичи трепетали за каменною стеною в верхней части города; с радостию приняли мир и выехали из Киева: Рюрик в Овруч, Черниговские в их наследственную область. – По условию, сделанному с Великим Князем, отдав Киев двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому, Роман спешил, ко славе нашего древнего оружия, защитить Греческую Империю. Половцы опустошали Фракию: Алексий Комнин III и Митрополит Российский молили его быть спасителем Христиан единоверных. Мужественный Роман вступил в землю Половецкую, завоевал многие вежи, освободил там пленных россиян, отвлек варваров от Константинополя и, принудив оставить Фракию, с торжеством возвратился в Галич.

[1204 г.] Страшный Князь Галицкий ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрик не дерзнут нарушить мира. Не жалея казны своей, не жалея отечества, они наняли множество Половцев и взяли приступом Киев [1 января]. Варвары опустошили домы, храм Десятинный, Софийский, монастыри; умертвили старцев и недужных; оковали цепями молодых и здоровых; не щадили ни знаменитых людей, ни юных жен, ни Священников, ни Монахинь. Одни купцы иноземные оборонялись в каменных церквах столь мужественно, что Половцы вселили с ними в переговоры: удовольствовались частию их товаров и не сделали им более никакого зла. Город пылал; везде стенали умирающие; невольников гнали толпами. Киев никогда еще не видел подобных ужасов в стенах своих: был взят, ограблен сыном Андрея Боголюбского; но жители, лишенные имения, остались тогда по крайней мере свободными. Все добрые россияне, самые отдаленные, оплакивали несчастие древней столицы и жаловались на его виновников. Мало-помалу она снова наполнилась жителями, которые укрылись от меча Половцев и спаслись от неволи; но сей город, дважды разоренный, лишился своего блеска. В церквах не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы с окладом. Варвары похитили и драгоценные одежды древних Князей Российских, Св. Владимира, Ярослава Великого и других, которые на память себе вешали оные в храмах.

Рюрик и Черниговские Владетели, довольные злодеянием, вышли из Киева: судьба наказала первого. Роман пришел с войском к Овручу и сверх чаяния предложил тестю мир, убеждая его отказаться от союза Ольговичей; склонил даже и Всеволода Георгиевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Киев, как бы в награду за разорение оного. Такое удивительное Великодушие было одною хитростию: Князь Галицкий желал только отвлечь легковерного тестя от Черниговских Владетелей (которые тогда счастливо воевали с Литвою); примирил их со Всеволодом и в доказательство своей мнимой дружбы к Рюрику ходил с ним, в жестокую зиму, на Половцев; взял немало пленников, скота – и вдруг, будучи в Триполе, без всякой известной причины велел дружине схватить сего несчастного Князя, отвезти в Киев, заключить в монастырь. Рюрик, жена его и дочь, супруга Романова, в одно время были пострижены; а сын его, зять Всеволодов, отведен пленником в Галич, вместе с меньшим братом. Наказав тестя, Роман возвратился в свою область, и хотя, в угодность Великому Князю, отпустил Рюриковых сыновей, но бедный отец остался Монахом. Довольный освобождением зятя, Всеволод посадил его на престол Киевский.

Тогда пылкий, неутомимый Роман, уступив Великому Князю честь располагать судьбою Киева, обратил свое внимание на Польшу, где коварный Герцог Мечислав, обманув юного Лешка, присвоил себе единовластие. Князь Галицкий весною вступил в область Сендомирскую, взял два города и прекратил военные действия, услышав о смерти старого Герцога, врага своего и победителя; но возобновил их, сведав, что сын Мечиславов объявил себя Государем

в Кракове. Беззащитные села были жертвою пламени вокруг Сендомира, и Послы Лешковы молили Романа оставить их землю в покое. Соглашаясь на мир, он требовал денег за убытки, им понесенные, и за кровь россиян, убитых в сражении с Мечиславом; отсрочил платеж, но хотел, чтобы ему отдали в залог область Люблинскую. – В то же самое время прибыл к Галицкому Князю посол Иннокентия III, властолюбивого Папы Римского. Уже давно ревностные проповедники Латинской Веры желали отвратить наших предков от Восточной церкви: знаменитый Епископ Краковский Матфей около половины XII века торжественно возлагал на аббата Клервоского, Миссионария, именем Бернарда, обязанность вывести их из мнимого заблуждения, говоря в письме к нему, что "Россияне живут как бы в особенном мире, бесчисленны подобно звездам небесным, и в хладных, мрачных странах своих ведая Спасителя единственно по имени, ожидают теплотворного света истинной Веры от Наместника Апостольского; что Бернард, смягчив их грубые сердца, будет новым Орфеем, Амфионом", и проч. Сии усердные домогательства Римских фанатиков не имели успеха, и Папа, слыша о силе Мстиславича, грозного для Венгров и Ляхов, надеялся обольстить его честолюбие. Велеречивый посол Иннокентия доказывал нашему Князю превосходство Закона Латинского; но, опровергаемый Романом, искусным в прениях богословских, сказал ему наконец, что Папа может его наделить городами и сделать Великим Королем посредством меча Петрова. Роман, обнажив собственный меч свой, с гордостию ответствовал: "Такой ли у Папы? Доколе ношу его при бедре, не имею нужды в ином и кровию покупаю города, следуя примеру наших дедов, возвеличивших землю Русскую". – [1205 г.] Сей Князь умный скоро погиб от неосторожности: снова объявив войну Ляхам, стоял на Висле; с малою дружиною отъехал от войска, встретил неприятелей и пал в неравной битве. Галичане нашли его уже мертвого. Роман, называемый в Волынской летописи Великим и Самодержцем всея Руси, надолго оставил память блестящих воинских дел своих, известных от Константинополя до Рима. Жестокий для Галичан, он был любим, по крайней мере отлично уважаем, в наследственном Уделе Владимирском, где народ славил в нем ум мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную и ревность Мономахову в усмирении варваров, под щитом Героя не боясь ни хищных Ятвягов, диких обитателей Подляшья, ни свирепых Литовцев, коих Историк пишет, что сей Князь, одерживая над ними победы, впрягал несчастных пленников в соху для обработывания земли и что в отечестве их до самого XVI века говорили в пословицу: Романе! Худым живеши, Литвою ореши. Летописцы Византийские упоминают об нем с похвалою, именуя его мужем крепким, деятельным. Одним словом, ему принадлежит честь знаменитости между нашими древними Князьями. – Даниил и Василько, сыновья Романовы, второго брака, остались еще младенцами под надзиранием матери: Галичане волновались, однако ж присягнули в верности Даниилу, имевшему не более четырех лет от рождения.

Постриженный Рюрик, услышав о смерти зятя и врага, ободрился: скинул одежду Инока и сел на престоле в Киеве; хотел расстричь и жену свою, которая вместо того немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомыслие. Он возобновил союз с Князьями Черниговскими и спешил к Галичу в надежде, что младенец Даниил не в состоянии ему противиться и что тамошние Бояре не захотят лить крови своей за сына, терпев много от жестокости отца. Но мать Даниилова взяла меры. Андрей, Государь Венгерский, все еще именовался Королем Галиции, не спорил об ней с мужественным Романом и даже был его названным братом: однако ж не переставал жалеть о сем утраченном Королевстве и брал живейшее участие в происшествиях оного. Вдовствующая Княгиня виделась с Андреем в Саноке; напомнила ему дружбу Романову, представила Даниила, говорила с чувствительностию матери и сделала в нем, по-видимому, столь глубокое впечатление, что он искренно дал слово быть ее сыну вторым нежным отцом. Действия соответствовали обещаниям. Сильная дружина Венгерская окружила Дворец Княжеский, заняла крепости; повелевая именем малолетнего Даниила, грозила казнию внутренним изменникам и распорядила защиту от неприятелей внешних, так что Рюрик, вступив с Ольговичами в Галицкую землю, встретил войско благоустроенное, сражался без успеха, не

мог взять ни одного укрепленного места и возвратился с Великим стыдом. Сын Рюриков, зять Великого Князя, выгнал только Ярослава Владимировича, свояка Всеволодова, из Вышегорода, и союзники распустили войско. Рюрик уступил Белгород своим друзьям Черниговским, которые отдали его Глебу Святославичу.

Князь Всеволод III

Между тем Всеволод Георгиевич спокойно господствовал на Севере: отряды его войска тревожили Болгаров, Князья Рязанские отражали Донских хищников, а новогородцы Литву. Жители Великих Лук с воеводою, именем Нездилою, ходили в Летгалию, или в южную часть нынешней Лифляндской губернии, и привели оттуда пленников. Новая ссора россиян с Варягами – вероятно, по торговле – не имела никакого следствия: последние должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать в наших северо-западных областях. Но Всеволод, будто бы желая защитить Новгород от внешних опасных неприятелей, велел объявить тамошним чиновникам, что он дает им старшего сына своего, Константина, ибо отрок Святослав еще не в силах быть их покровителем. Надобно думать, что Бояре Владимирские, пестуны юного Святослава, не могли обуздывать народного своевольства и что Великий Князь хотел сею переменою еще более утвердить власть свою над Новымгородом. Двадцатилетний Константин уже славился мудростию, Великодушием, Христианскими добродетелями: граждане Владимирские с печалию услышали, что сей любимый юноша, благотворитель бедных, должен их оставить. Отец вручил ему крест и меч. "Иди управлять народом, – сказал Всеволод: – будь его судиею и защитником. Новгород Великий есть древнейшее Княжение в нашем отечестве: Бог, Государь и родитель твой дают тебе старейшинство между всеми Князьями Русскими. Гряди с миром; помни славное имя свое и заслужи оное делами". Братья, Вельможи, купцы провожали Константина: толпы народные громогласно осыпали его благословениями. [20 марта 1206 г.] новогородцы также встретили сего Князя с изъявлением усердия: Архиепископ, чиновники ввели в церковь Софийскую, и народ присягнул ему в верности. Угостив Бояр в доме своем, Константин ревностно начал заниматься правосудием; охраняя народ, охранял и власть Княжескую: хотел действительно господствовать в своей области. Мирные граждане засыпали спокойно: властолюбивые и мятежные могли быть недовольны.

Всеволод не имел войны с Черниговскими Князьями, однако ж не дозволял друзьям своим искать их союза. Несмотря на то, сват его, Мстислав Смоленский, в угождение Рюрику

вступил с ними в тесную связь, и хотя, боясь утратить приязнь Великого Князя, посылал к нему Епископа Смоленского, Игнатия, с дружескими уверениями, но не хотел отстать от Князей Черниговских. Главою их, по смерти Игоря и старшего брата, Олега, был тогда Всеволод Чермный, сын Святослава, подобный отцу в кознях, гордый, властолюбивый: наняв толпы Половцев, соединясь с Рюриком, Мстиславом Смоленским и с Берендеями, он вторично предпринял завоевать Галицкую область и для вернейшего успеха призвал ляхов. Уведомленный о том Король Венгерский Андрей спешил защитить юных сыновей Романовых. Уже полки его спустились с гор Карпатских; но Даниил и Василько не дождались прибытия Андреева. Слыша, что с одной стороны идут россияне, с другой ляхи; видя также страшное волнение в земле Галицкой, вдовствующая Княгиня бежала с детьми в наследственный Удел ее супруга, Владимир Волынский. Андрей не дал соединиться Полякам с Ольговичами: стал между ими близ Владимира и вступил с первыми в мирные переговоры, коих следствием было то, что Венгры, Ляхи, россияне вышли из Галича; а жители, с согласия Андреева, послали в Переяславль за сыном Великого Князя, юным Ярославом, желая, чтобы он в их земле господствовал. Может быть, сама вдовствующая супруга Романова убедила Короля Венгерского согласиться на сие избрание, в надежде, что отец Ярославов сильный Всеволод Георгиевич, вообще уважаемый, обуздает там народ мятежный и со временем возвратит Даниилу достояние его родителя. Но Черниговские Князья имели в Галиче доброхотов, в особенности Владислава, знатного Вельможу, бывшего изгнанником в Романово время. Он вместе с другими единомышленниками представлял согражданам, что Ярослав слишком молод, а Великий Князь слишком удален от их земли; что им нужен защитник ближайший; что Ольговичи без сомнения не оставят Галицкой области в покое и что лучше добровольно поддаться одному из них. Галичане, тайно отправив Послов в стан Российский, предложили Владимиру Игоревичу Северскому быть их Государем. Обрадованный Владимир ночью укрылся от своих родных, друзей, союзников, не сказав им ни слова, и прискакал в Галич тремя днями ранее Ярослава, который должен был с досадою ехать назад в Переяславль.

Константин Всеволодович

Еще гонение на семейство Романова тем не кончилось. Владимир Игоревич, исполняя совет злопамятных Галицких Бояр, велел объявить гражданам Владимирским, чтобы они выдали ему младенцев, Даниила и Василька, приняли к себе княжить брата его, Святослава

Игоревича, или готовились видеть разрушение их столицы. Усердный народ хотел убить сего посла, спасенного только заступлением некоторых Бояр; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичан, измены собственных Вельмож и легкомыслия народного, по совету Мирослава, пестуна Даниилова решилась удалиться и представила трогательное зрелище непостоянной судьбы в мире. Любимая супруга Князя сильного, союзника Императоров греческих, уважаемого Папою, Монархами соседственными, в темную ночь бежала из дворца как преступница, вместо сокровищ взяв с собою одних милых сыновей. Мирослав вел Даниила, Священник Юрий и кормилица несли Василька на руках; видя городские ворота уже запертые, они пролезли сквозь отверстие стены, шли во мраке, не зная куда; наконец достигли границ Польских и Кракова. Там Лешко Белый, умиленный несчастием сего знаменитого семейства, не мог удержаться от слез; осыпал ласками Княгиню и, послав Даниила в Венгрию с Вельможею Вячеславом Лысым, писал к Андрею: "Ты был другом его отца: я забыл вражду Романову. Вступимся за изгнанников; введем их с честию в области наследственные". Андрей также принял сего младенца со всеми знаками искренней любви, но более ничего не сделал, охлажденный, может быть, в своем великодушном покровительстве дарами Владимира Игоревича, коего Послы, не жалея ни золота, ни льстивых обещаний, усердно работали в Венгрии и в Польше. Сей бывший Князь Удела Северского, вдруг облагодетельствованный счастием, едва верил своему величию, опасному и ненадежному. Без сопротивления заняв всю область Владимирскую, он уступил ее Святославу Игоревичу, а Звенигород другому брату, именем Роману.

Хитрый Всеволод Чермный, имев надежду сам господствовать на плодоносных берегах Днестра и Сана, без сомнения завидовал Игоревичам; однако ж скрыл неудовольствие, остался им другом и хотел иначе удовлетворить своему властолюбию. Все способы казались ему позволенными: быв союзником Рюрика и Мстислава, он стал их врагом; вооруженною рукою занял Киев и разослал своих наместников по всей области Днепровской. Рюрик ушел в Овруч; сын его, зять Великого Князя, в Вышегород, а Мстислав Смоленский заключился с дружиною в Белегороде. Они уже не имели права требовать защиты от Великого Князя; но Чермный сам дерзнул оскорбить его. "Иди к отцу, – велел он сказать юному Ярославу Всеволодовичу: – Переяславль да будет Княжением моего сына! Если не исполнишь сего повеления или будешь домогаться Галича, где властвует теперь род нашего славного предка, Олега: то я накажу дерзкого, слабого юношу". Ярослав выехал из Переяславля; а Всеволод Чермный скоро бежал из Киева, нечаянно увидев пред стенами оного знамена Рюрика и Мстислава Смоленского. Он нанял Половцев: Рюрик сперва отразил его; но Чермный призвал союзников, Владимира Игоревича Галицкого и Князей Туровских, потомков Святополка-Михаила, неблагодарно изменивших своему зятю. Ничто не могло им противиться. Рюрик вторично удалился в Овруч; Мстислав, осажденный в Белегороде, просил только свободы возвратиться в Смоленск. Триполь, Торческ сдалися, и Святославич сел опять на престоле Киевском. Половцы торжествовали счастливый успех союзника своего грабежом и злодействами в окрестностях Днепра: бедный народ, стеная, простирал руки к Великому Князю.

Всеволод Георгиевич наконец вооружился. "Южная Россия есть также мое отечество", – сказал он и выступил к Москве, где ожидал его Константин с войском Новогородским. На берегу Оки соединились с ним Князья Муромский и Рязанские. Все думали, что целию сего ополчения будет Киев: случилось, чего никто не ожидал. Великому Князю донесли, что Рязанские Владетели суть изменники и тайно держат сторону Черниговских: он поверил и сказав словами Давида: ядый хлеб мой возвеличил есть на мя препинание, решился наказать их строго. Не предвидя своего бедствия, они собрались [22 сентября 1207 г.] в ставке у Всеволода, чтобы веселиться за Княжеским столом его. Всеволод, в знак дружбы обняв несчастных, удалился: тогда Боярин его и Давид Муромский явились уличать действительных или мнимых изменников, которые тщетно именем Бога клялися в своей невинности: двое из Князей же Рязанских, Олег и Глеб Владимировичи, пристали к обвинителям, или клеветникам, по выра-

жению Новогородского Летописца, и Всеволод осудил Романа Глебовича, Святослава (брата его) с двумя сыновьями и племянниками (детьми Игоря), также некоторых Бояр; велел отвезти их в Владимир, окованных тяжкими цепями, и вступил с войском в область Рязанскую. Жители Пронска, усердные к своим Государям, отвергнули мирные его предложения. Юный Князь их, Михаил, бежал к тестю, Всеволоду Чермному: но граждане, призвав к себе другого Князя Рязанского, Изяслава Владимировича, брата Олегова и Глебова, оборонялись мужественно. Неприятель стоял на берегу реки: не имея колодезей, изнемогая от жажды, они ночью выходили из города и в тишине наполняли сосуды водою: узнав о том, Великий Князь поставил стражу пред городскими воротами. Кровь лилася ежедневно в течение трех недель. Остервенение граждан уступило наконец крайности, ибо многие люди умирали от жажды. Пронск сдался: Всеволод наградил им Олега Владимировича, может быть, за гнусную клевету его; взял множество добычи и пленил жену Михаилову. Во время сей осады Рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившие Окою съестные припасы войску; но быв отражены, изъявили покорность. Епископ их, Арсений, встретил Великого Князя с молением. "Государь! – сказал он: – удержи руку мести; пощади храмы Всевышнего, где народ приносит жертвы Небу и где мы за тебя молимся. Верховная воля твоя будет нам законом". Не имея надежды с успехом противиться Всеволоду, народ Рязанский прислал к нему остальных Князей своих, с их детьми и женами, в Владимир, куда сей Государь возвратился, сведав, что Рюрик опять выгнал Чермного из Киева.

Всеволод Георгиевич уже не хотел расстаться с Константином; довольный Новогородцами, милостиво одарил их в Коломне и велел им идти с миром в свою отчизну, сказав торжественно: "Исполняю желание народа доброго; возвращаю вам все права людей свободных, все уставы Князей древних. Отныне управляйте сами собою: любите своих благодетелей и казните злодеев!" Сия удивительная речь Князя властолюбивого была хитростию: он знал неудовольствие граждан, которые жаловались на отяготительные подати и разные действия Княжеского самовластия. Современный Летописец сказывает одно из оных: Всеволод, обманутый ложным доносом, за несколько времени до Рязанского похода прислал в Новгород боярина своего и велел, без всякого исследования, умертвить знатного гражданина, Алексея Сбыславича, торжественно, на Вече двора Ярославова. Сие насилие произвело всеобщее негодование: сожалели о невинной жертве; видели, что Константин есть только орудие самовластного отца и что истинный Государь Новагорода живет в Владимире. Опасаясь следствий такого впечатления, Великий Князь хотел польстить народу мнимым восстановлением прежней свободы; хотел казаться единственно великодушным его покровителем, а в самом деле остаться Государем Новогородцев; отпустил их войско, но удержал в Владимире Посадника Димитрия (раненного в битве) и семь знаменитейших граждан в залог верности. Между тем народ спешил воспользоваться древнею вольностию, ему объявленною, и на шумном Вече осудил Димитрия, доказывая, что он и братья его были виновниками многих беззаконных налогов. Судьи обратились в мятежников, разграбили, сожгли домы обвиняемых; продали их рабов, села; разделили деньги: каждому гражданину пришлось по нескольку гривен; а Князю оставили право взыскивать платеж с должников Димитрия по счетам и письменным обязательствам. Многие чиновники разбогатели, тайно присвоив себе большую часть взятого имения. Еще волнение не утихло, когда привезли из Владимира в Новгород тело умершего Димитрия Посадника: озлобленный народ хотел бросить его с моста; но Архиепископ Митрофан удержал неистовых и велел предать оное земле в Георгиевском монастыре, подле могилы отца Димитриева. [1208 г.] Сын Великого Князя, Святослав, вторично приехал управлять Новогородскою областию; взял оставленную ему часть из имения осужденных и согласился довершить народную месть ссылкою их детей и родственников в Суздаль. Не достигнув еще и юношеского возраста, он повелевал только именем и не мог предводительствовать войском, которое сражалось тогда с Литвою под начальством Владимира Мстиславича: сей юный Князь, сын Мстислава Храброго, господствовал во Пскове с согласия Новогородцев или Князя их.

Поручив область Рязанскую Наместникам и Тиунам, Всеволод скоро отправил туда княжить сына своего, Ярослава-Феодора. Народ повиновался ему неохотно, жалея о собственных Князьях, заключенных в Владимире. Летописец Суздальский обвиняет Рязанцев даже в явном бунте, сказывая, что они уморили в темнице многих Бояр Владимирских: сею ли дерзостию или чем другим оскорбленный, Всеволод пришел с войском к Рязани. Ярослав выехал к нему навстречу вместе с послами, которые именем народа предложили свои оправдания или требования, но столь нескромно, что Великий Князь, еще более разгневанный, явил пример излишней строгости: велел жителям выйти с детьми из города и зажечь его. Напрасно хотели они молением смягчить грозного судию: сия столица Удела знаменитого обратилась в кучу пепла, и бедные граждане, лишенные отечества, были расселены по отдаленным местам Суздальского Княжения. Ту же участь имел и Белгород Рязанский. Самый Епископ Арсений как пленник был привезен в Владимир. – Князь Изяслав Владимирович, который спасся от неволи, и Михаил, зять Чермного, мстили Всеволоду опустошением Московских окрестностей; но сын Великого Князя, Георгий, разбил их наголову.

[1209 г.] В сие время дерзнул Владетель ничтожного Удела объявить себя врагом Государя, страшного для иных, сильнейших Князей. Мстислав, старший сын Мстислава Храброго, племянник Рюрика, служил ему усердно, прославил себя мужественною, упорною защитою Торческа и, принужденный выехать оттуда, получил от Смоленского Князя Удел Торопецкий. Зная, сколь память отца его любезна Новугороду; зная, что многие чиновники и самый народ не любят там опеки Всеволодовой, он смело предпринял воспользоваться их тайным расположением; вступил с дружиною в Торжок, пленил дворян Святославовых, оковал цепями Наместника его, взял их имение. Посол Мстиславов явился в Новегороде и сказал народу следующие слова от имени Князя: "Кланяюся Святой Софии, гробу отца моего и всем добрым гражданам. Я сведал, что Князья угнетают вас и что насилие их заступило место прежней вольности. Новгород есть моя отчина: я пришел восстановить древние права любезного мне народа". Сия речь пленила Новогородцев: они прославили великодушие Мстислава, единогласно объявили его своим Князем и заключили Святослав с Боярами Владимирскими в доме Архиерейском. Мстислав, встреченный с громкими восклицаниями радости, немедленно собрал войско, желая предупредить Великого Князя; но сей Государь, или опасаясь, чтобы новогородцы в озлоблении не умертвили Святослава, или зная их легкомыслие и надеясь управиться с ними без кровопролития, не хотел битвы; предложил мир, назвался отцем Мстислава и, довольный освобождением сына, отпустил всех купцов Новогородских, задержанных в Суздальской области. Обе рати возвратились, не обнажив меча, и Константин, начальник полков Владимирских, привез Святослава к родителю.

[1210 г.] Великий Князь, завоевав берега Пры, где еще держались Изяслав и Михаил Рязанский, доказал любовь свою к общему спокойствию миром с Ольговичами. Глава Духовенства, Митрополит Матфей, был посредником и сам приехал в Владимир, к удовольствию народа; угощенный, обласканный всем Княжеским домом, склонил Всеволода предать забвению наглое, обидное изгнание сына его из Переяславля. Новые клятвы утвердили союз. Всеволод Чермный столь любил Киев, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наследственной области: Рюрик взял Чернигов, а южный Переяславль, где злодействовали тогда Половцы, остался Уделом Великого Княжения. Митрополит исходатайствовал свободу Княгиням Рязанским, но не мог избавить Князей от неволи. Все были довольны, и Чермный в залог верности прислал в Владимир дочь свою, которая совокупилась браком с Георгием, вторым сыном Великого Князя [10 апреля 1211 г.].

В сии дни общего мира земля Галицкая была позорищем неустройства, жертвою коварных иноплеменников и собственных врагов спокойствия. Несмотря на внешние и внутренние опасности, на угрозы Венгров и Ляхов, на строптивость народа и мятежный дух Бояр, безрассудные Игоревичи искали неприятелей друг в друге. Роман Звенигородский, озлобленный

старшим братом, ушел в Венгрию и, с помощию Короля Андрея изгнав Владимира Игоревича, сел на престоле Галицком, к изумлению Данииловой матери, которая надеялась, что Андрей отдаст сие Княжение сыну ее. Другой покровитель Даниилов также изменил своему обету. Видя междоусобие Игоревичей, Лешко Белый соединился с Александром Бельзским, сыном умершего Всеволода Мстиславича, и приступил к городу Владимиру. Жители не хотели обороняться, отворили ворота и сказали Полякам: "Вы – друзья наши; с вами племянник Великого Романа". Сии мнимые друзья ограбили домы, церкви; пленили Святослава Игоревича; отдали Владимир Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславе; и чтобы не оставить сыновей Романовых совершенно без Удела, отпустил малолетнего Василька княжить в Брест, исполняя требование тамошних граждан: Александр уступил ему после и Бельз.

Таким образом ясно обнаружилось намерение Венгров и Ляхов: они имели случай и не захотели восстановить сильного дому Романова, опасаясь его могущества; разделение областей Галицкой и Владимирской (в самое сие время опустошаемой Ятвягами и Литвою) казалось благоприятным для политики Андрея и Лешка. Вероятно также, что самый Роман Игоревич и не менее слабый Александр, обязанные милостию сих Монархов, долженствовали господствовать только в качестве их данников, или подручников. Первый не сдержал, кажется, слова: для того Андрей прислал войско в Галич с Вельможею Бенедиктом, который, схватив Романа (беспечно мывшегося в бане), отправил в Венгрию, а сам начал свирепствовать как антихрист, по выражению Летописца, удовлетворяя гнуснейшим вожделениям своего развратного сердца, тесня чиновников и граждан. Кто имел богатство или прекрасную жену, не мог быть спокоен; кто обличал тиранство, подвергался казни или заточению. В числе смелых Бояр находился Тимофей Книжник, родом Киевлянин: он дерзнул укорять злого властелина и едва мог спастися бегством. Так и во время Андреева правления в Галиче насильствовали Венгры: по крайней мере Андрей имел право Государя; сей же Бенедикт не имел никакого законного. Народ и Вельможи искали способа избавиться от иноплеменного злодея. Первый опыт был неудачен. Мстислав, прозванием Немой, сын Ярослава Луцкого, господствуя в Пересопнице, взял на себя изгнать Бенедикта: он приехал с дружиною к Галичу; но Венгры остереглися: стражи их стояли у ворот; тишина царствовала в городе, и Мстислав, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здесь летописец прибавляет, что близ Днестра находилась древняя могила, именуемая Галичиною, от коей произошло имя Галиции, что один Боярин, смеясь Мстиславу, возвел его на сию могилу и сказал: "Князь! Теперь без стыда можешь ехать назад: ты был на Галичине".

В сие время Роман Игоревич бежал из Венгрии и примирился с братом Владимиром: к ним обратился несчастный народ Галицкий, обвиняя себя в том, что не умел прежде ценить благословенного их княжения. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти в Карпатские горы. Спокойствие восстановилось. Роман удовольствовался Звенигородом; Святослав Игоревич, освобожденный Поляками, взял себе Перемышль; Владимир, как старший, остался княжить в столице, отдав сыну Теребовль, а другого сына послав с дарами к Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорят, что бедствие есть учитель: оно имеет сию выгоду только для умов основательных; другие, испытав несчастие, хотят руководствоваться в делах новыми правилами и впадают в новые заблуждения. Желая утвердиться на шатком троне Галицком, обвиняя прежнюю слабость свою в излишнем самовольстве тамошних Вельмож и приписывая блестящее государствование Романа Мстиславича одной его строгости, Игоревичи вздумали казнию первостепенных Бояр обуздать народ и погубили себя невозвратно: без явной, особенной вины, без улики, без суда исполнители Княжеской воли хватали знатнейших людей, убивали и произвели всеобщий ужас. Но многие из обреченных на смерть имели время спастися, и в том числе Боярин Владислав, которому Игоревичи обязаны были престолом Галицким. Сей Вельможа, вместе с другими бежав в Венгрию, молил Андрея, чтобы он дал им отрока Даниила и войско для изгнания жестоких Игоревичей, неблагодарных забывших милость Королевскую. Непре-

станно лаская Даниила – обещая то усыновить, то женить его на своей дочери, – Андрей до сего времени благодетельствовал ему одними словами. Тогда еще не имея сыновей, по крайней мере взрослых; рассудив, что гораздо надежнее управлять Галициею именем ее законного Князя, нежели собственным, чрез Венгерских Баронов, ненавистных россиянам; думая, что юный Даниил, отчасти им воспитанный, охотнее Игоревичей может быть его подручником, Андрей исполнил требование Галицких Бояр, и Владислав, окруженный полками Венгров, вступил с Князем-отроком в пределы отечества. Города сдавались. "За кого вам сражаться? – говорил одушевленный местию Владислав: – за убийц ли, которые злодейски умертвили ваших отцев и братьев, похитили их имение, женили рабов на дочерях Боярских?" Граждане Перемышля выдали ему Святослава Игоревича. Роман в Звенигороде оборонялся, призвав Половцев. Но все соседственные Князья восстали на Игоревичей: Александр Владимирский, Ярославичи, – Ингварь Луцкий и Мстислав Немой; малолетний Василько прислал из Бельза к брату Даниилу свою дружину; самые ляхи соединились с Венграми, чтобы участвовать в выгодах сего ополчения. Романа Звенигородского пленили в бегстве: Владимир ушел. Юному Даниилу вручили державу Княжескую. Родительница спешила обнять его: он не узнал матери, быв долго в разлуке с нею; но тем более изъявил чувствительности, услышав от нее имя сына и видя ее радостные слезы. Среди Вельмож и народа сей величественный отрок уже казался повелителем, благородною наружностию предвещая свою будущую знаменитость.

Но еще не мог он властвовать действительно: Венгры, Ляхи, Князья соседственные и гордые Бояре надеялись пользоваться его малолетством. Ему отдали Галич, но Владимир остался за Александром, Червен за Всеволодом, Александровым братом. В самом Галиче Даниил находился под опекою своевольных недостойных Вельмож и не мог спасти Русского имени от поношения, будучи свидетелем гнуснейшего злодеяния. Воеводы Андреевы, Великий Дворецкий, именем Пот, и другие, пленив Игоревичей, хотели отвезти их к Королю; но Бояре Галицкие, движимые злобою, требовали сих несчастных для торжественной казни. Венгры колебались: наконец, убежденные дарами, выдали им жертвы, и Галичане редким неистовством заслужили в древней России имя безбожных, данное им в современной летописи: били, терзали и повесили своих бывших Князей. Сие государственное преступление долженствовало бы вооружить всех потомков Св. Владимира: к сожалению, кончина Великого Князя и новые междоусобия отвлекли их внимание от мятежной земли Галицкой.

Всеволод, призвав к себе Константина из Новагорода, назначил ему в Удел Ростов с пятью городами; за несколько же времени до смерти назвал его преемником Великокняжеского достоинства с тем, чтобы он уступил Ростовскую область брату Георгию. Константин не хотел выехать из своего Удела, желая наследовать целое Великое Княжение Суздальское. Раздраженный столь явным неповиновением, отец созвал Бояр из всех городов, Епископа Иоанна, Игуменов, Священников, купцов, Дворян и в их многочисленном собрании объявил, что наследником его должен быть второй сын Георгий; что он ему поручает и Великую Княгиню и меньших братьев. Константина любили, уважали; но безмолвствовали пред священною властию отца: сын ослушный казался преступником, и все, исполняя волю Великого Князя, присягнули избранному наследнику. Константин оскорбился, негодовал и, как говорят Летописцы, со гневом воздвиг брови свои на Георгия. Добрые сыны отечества с горестию угадывали следствия.

Всеволод Георгиевич, Княжив 37 лет, спокойно и тихо преставился на пятьдесят осьмом году жизни [15 апреля 1212 г.], оплакиваемый не только супругою, детьми, Боярами, но и всем народом: ибо сей Государь, называемый в летописях Великим, княжил счастливо, благоразумно от самой юности и строго наблюдал правосудие. Не бедные, не слабые трепетали его, а Вельможи корыстолюбивые. Не обинуяся лица сильных, по словам Летописца, и не туне нося меч, ему Богом данный, он казнил злых, миловал добрых. Воспитанный в Греции, Всеволод мог научиться там хитрости, а не человеколюбию: иногда мстил жестоко, но хотел все-

гда казаться справедливым, уважая древние обыкновения; требовал покорности от Князей, но без вины не отнимал у них престолов и желал властвовать без насилия; повелевая Новогородцами, льстил их любви к свободе; мужественный в битвах и в каждой – победитель, не любил кровопролития бесполезного. Одним словом, он был рожден царствовать (хвала, не всегда заслуживаемая царями!) и хотя не мог назваться самодержавным Государем России, однако ж, подобно Андрею Боголюбскому, напомнил ей счастливые дни единовластия. Новейшие Летописцы, славя добродетели сего Князя, говорят, что он довершил месть, начатую Михаилом: казнил всех убийц Андреевых, которые еще были живы; а главных злодеев, Кучковичей, велел зашить в короб и бросить в воду. Сие известие согласно отчасти с древним преданием: близ города Владимира есть озеро, называемое Пловучим; рассказывают, что в нем утоплены Кучковичи, и суеверие прибавляет, что тела их доныне плавают там в коробе!

Доказав свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооружением храмов, Всеволод оставил и другие памятники своего княжения: кроме города Остера, им возобновленного, он построил крепости в Владимире, Переяславле Залесском и Суздале.

Всеволод в 1209 году сочетался вторым браком с дочерью Витебского Князя Василька Брячиславича. Первою его супругою была Мария, родом Ясыня, славная благочестием и мудростию. В последние семь лет жизни страдая тяжким недугом, она изъявляла удивительное терпение, часто сравнивала себя с Иовом и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала их жить в любви, напомнив им мудрые слова Великого Ярослава, что междоусобие губит Князей и отечество, возвеличенное трудами предков; советовала детям быть набожными, трезвыми, вообще приветливыми и в особенности уважать старцев, по изречению Библии: во мнозем времени премудрость, во мнозе житии ведение. Летописцы хвалят ее также за украшение церквей серебряными и золотыми сосудами; называют Российскою Еленою, Феодорою, второю Ольгою. Она была материю осьми сыновей, из коих двое умерли во младенчестве. Летописец Суздальский, упоминая о рождении каждого, сказывает, что их на четвертом или пятом году жизни торжественно постригали и сажали на коней в присутствии Епископа, Бояр, граждан; что Всеволод давал тогда пиры роскошные, угощал Князей союзных, дарил их золотом, серебром, конями, одеждами, а Бояр тканями и мехами. Сей достопамятный обряд так называемых постриг, или первого обрезания волосов у детей мужеского полу, кажется остатком язычества: знаменовал вступление их в бытие гражданское, в чин благородных всадников, и соблюдался не только в России, но и в других землях Славянских: например, у Ляхов, коих древнейший Историк пишет, что два странника, богато угощенных Пиастом, остригли волосы его сыну-младенцу и дали имя Семовита. В историю сего времени входит следующее любопытное известие, хотя, может быть, и не совсем достоверное. После 1175 года не упоминается в наших летописях о сыне Андрея Боголюбского, Георгии; но он является важным действующим лицом в истории Грузинской. "В 1171 году юная Тамарь, дочь царя Георгия III, наследовала престол родителя. Духовенство и Бояре искали ей жениха: тогда один Вельможа Тифлисский, именем Абуласан, предложил собранию, что сын Великого Князя Российского Андрея, дядею Всеволодом изгнанный и заточенный в Савалту, ушел оттуда в Свинч к Хану Кипчакскому (или Половецкому) и что сей юноша, знаменитый родом, умом, храбростию, достоин быть супругом их Царицы. Одобрили мысль Абуласанову; послали за Князем, и Тамарь сочеталась с ним браком. Несколько времени быв счастием супруги и славою Государства, он переменился в делах и нраве: Тамарь, исполняя волю совета, долженствовала изгнать его, но щедро наградила богатством. Князь удалился в Черноморские области, в Грецию; вел жизнь странника, скучал, возвратился опять в Грузию, преклонил к себе многих жителей и хотел взять Тифлис; но, побежденный Тамарию, с ее дозволения, безопасно и с честию выехал, неизвестно куда". Сия Тамарь славилась победами, одержанными ею над Персиянами и Турками; завоевала разные города и земли; любила науки, историю, стихотворство,

и время ее считалось златым веком Грузинской словесности. Сын Тамарин, Георгий Лаш, по кончине матери царствовал от 1198 до 1211 года.

Дмитриевский собор во Владимире

Заметим некоторые бедственные случаи долговременного княжения Всеволодова. Два раза горел при нем Владимир: в 1185 году огонь разрушил там 32 церкви каменные и Соборную, богато украшенную Андреем; ее серебряные паникадила, златые сосуды, одежды служебные, вышитые жемчугом, драгоценные иконы, парчи, куны, или деньги, хранимые в тереме, и все книги были жертвою пламени. Чрез пять лет случилось такое же несчастие для целой половины Владимира: едва могли отстоять дворец Княжеский; а в Новегороде многие люди, устрашенные беспрестанными пожарами, оставили домы и жили в поле: в один день сгорело там 4300 домов. Многие другие города: Руса, Ладога, Ростов обратились в пепел. В 1187 году свирепствовала какая-то общая болезнь в городах и селах: Летописцы говорят, что ни один дом не избежал заразы, и во многих некому было принести воды. В 1196 году вся область Киевская чувствовала землетрясение: домы, церкви колебались, и жители, не приученные к сему обыкновенному в жарких климатах явлению, трепетали и падали ниц от страха.

В княжение Всеволода был завоеван крестоносцами Царьград: происшествие важное и горестное для тогдашних россиян, тесно связанных с Греками по Вере и торговле! Взятие Царяграда и Киева случилось в один год (1204): суеверные Летописцы наши говорят, что многие страшные явления в ту зиму предвещали бедствие; что небо казалось в огне, метеоры сверкали в воздухе и снег имел цвет крови. Французы, Венециане, ограбив богатые храмы, похитив драгоценности искусства и мощи Святых, избрали не только собственного Императора, но и Патриарха Латинского: Греческий, оставив им в добычу казну Софийскую, в одном бедном хитоне уехал на осле во Фракию. Папа Иннокентий III, желая воспользоваться сим случаем, писал к духовенству нашему, что Вера истинная торжествует; что вся Греческая империя уже ему повинуется; что одни ли россияне захотят быть отверженными от паствы Христовой; что Церковь Римская есть ковчег спасения и что вне оного все должно погибнуть; что кардинал Г., муж ученый, благородный, Посол Наместника Апостольского, уполномочен от него быть просветителем России, истребителем ее заблуждений, и проч. Сие Пастырское увещание не имело

никакого следствия, и Митрополиты наши были оттоле поставляемы в Никее, новой столице Греческих Константинопольских Патриархов, до самого изгнания Крестоносцев из Царяграда.

Тогда же другие Крестоносцы сделались опасны для северозападной России. Мы упоминали о Меингарде, проповеднике Латинской Веры в Ливонии: преемники его, утверждаемые Главою Бременской Церкви в сане Епископов, для вернейшего успеха в деле своем прибегнули к оружию, и Папа отпускал грехи всякому, кто под знамением креста лил кровь упрямых язычников на берегах Двины. Ежегодно из Немецкой земли толпами отправлялись туда странствующие богомольцы, но не с посохом, а с мечом, искать спасения души в убийстве людей. Третий Епископ Ливонский, Альберт, избрав место, удобное для пристани, в 1200 году основал город Ригу, а в 1201 Орден Христовых воинов, или Меченосцев, которым папа Иннокентий III дал устав славных Рыцарей Храма, подчинив их Епископу рижскому: крест и меч были символом сего нового братства. россияне назывались господами Ливонии, имели даже крепость на Двине, Кукенойс (ныне Кокенхузен), однако ж, собирая дань с жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонников. Сей хитрый Епископ от времени до времени дарил Князя Полоцкого, Владимира, уверяя его, что немцы думают единственно о распространении истинной Веры. Но Альберт говорил как Христианин, а действовал как Политик: умножал число воинов, строил крепости, хотел и духовного и мирского господства. Бедные жители не знали, кому повиноваться, россиянам или Немцам: единоплеменники Финнов, Ливь, желали, чтобы первые освободили их от тиранства Рыцарей, а Латыши изъявляли усердие к последним. Наконец Князь Владимир объявил войну опасным пришельцам: осаждал Икскуль и не мог в 1200 году взять Кирхгольма, ибо россияне, искусные стрелки, по сказанию Ливонского древнего Летописца, не умели действовать пращою; хотя и переняли сие орудие у Немцев; но, худо бросая камни, били ими своих. Владимир снял осаду – услышав, что многие чужеземные корабли приближаются к берегам Ливонии – и Двиною возвратился в Полоцк. Флот, испугавший россиян, был Датский: Король Вольдемар в угодность Папе шел оборонить новую Церковь Ливонскую; пристал к Эзелю, хотел основать там крепость, но вдруг, переменив мысли, удалился, отправив в Ригу Лунденского Архиепископа, знаменитого ученостию Андрея, который в сане Римского Посла должен был способствовать успехам Католической Веры в сих пределах. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видели, что их ничтожные идолы, разрушаемые секирами Христиан, не могли защитить себя. Современный Летописец рассказывает случай любопытный: Латыши бросили жребий, какую Веру принять им, Немецкую или Русскую, и согласно с волею судьбы избрали первую. Впрочем, они долго еще с некоторою благодарностию хранили в памяти имена ложных богов: Перкуна, или громовержца, Земинника, или дарователя земных плодов, Тора, или северного Марс, и проч. Ливь и Чудь назвали самого Творца вселенной именем главного их идола, Юммала, были уже Христианами, но ходили еще молиться в леса священные, приносили жертвы древам, ежегодно торжествовали праздник усопших с обрядами язычества и клали в могилу оружие, пищу, деньги, говоря мертвому: "Иди, несчастный, в мир лучший, где Немцы уже не могут господствовать над тобою, а будут твоими рабами!" Сей бедный народ в течение веков не забывал насилия своих жестоких просветителей! – Довольный услугами Рыцарей, Епископ Альберт уступил им третию часть покоренной Ливонии; старался более и более утверждать там свое владычество; выгнал россиян из укрепленного замка Кукенойса, принудив Удельного Князя Двинского, именем Всеволода, быть данником Рижской Церкви. Сей Князь, женатый на дочери одного знатного Литовца, господствовал в Герсике (нынешнем Крейцбурге): он делал много зла не только Немцам, но и россиянам, свободно пропуская Литовских грабителей чрез Двину и доставляя им съестные припасы. Епископ Альберт сжег столицу Всеволода, пленил его Княгиню, многих жителей и с тем условием возвратил им свободу, чтобы сей Князь отказался от союза с Литовцами и навсегда подарил свою область Богородице, то есть Епископу. Всеволод под тремя знаменами клялся верно служить Матери Божией; торжественно назвал Альберта отцом; признал

себя его Наместником в Герсике! Но северная часть Ливонии оставалась еще независимою от немцев: там хотел господствовать храбрый Мстислав Новогородский. Взяв меры для безопасности границ своих, укрепив южные новыми городами и поручив охранять Великие Луки брату, Князю Владимиру Псковскому, он ходил с войском (в 1212 году) на западные берега Чудского озера собирать дань и смирять непокорных; осаждал крепость Медвежью Голову, или Оденпе, и взял с жителей 400 гривен ногатами или кунами. Немецкий Летописец прибавляет, что Князь Новогородский, крестив тогда некоторых язычников, обещал прислать к ним своих Попов, но что Альбертовы Миссионарии предупредили россиян и скоро ввели там Веру Латинскую.

Заключая описание достопамятных времен Всеволода III, упомянем о случае, принадлежащем вместе и к церковной и к светской Истории нашего отечества. В 1212 году новогородцы, недовольные Святителем Митрофаном, без всякого сношения с главою Духовенства, Митрополитом Киевским, изгнали своего Архиепископа и выбрали на его место бывшего знаменитого гражданина, Добрыню Ядренковича, который незадолго до того времени ездил в Царьград и постригся в монастыре Хутынском, основанном в конце XII века Св. Варлаамом, близ Волхова. Так новогородцы судили и Князей и Святителей, думая, что власть мирская и духовная происходит от народа.

Глава IV
Георгий, князь Владимирский. Константин Ростовский. 1212-1216

Совершив погребение отца, Георгий, с одобрения Вельмож, возвратил свободу Князьям Рязанским, всем их подданным и Епископу Арсению. Великое Княжение Суздальское разделилось тогда на две области: Георгий господствовал в Владимире и Суздале, Константин в Ростове и Ярославле; оба желали единовластия и считали друг друга хищниками. Братья их также разделились: Ярослав-Феодор, начальствуя в Переяславле Залесском, взял сторону Георгия, равно как и Святослав, получив в Удел Юрьев Польский; Димитрий-Владимир остался верным Константину. Ростовский Князь обратил в пепел Кострому, пленил жителей; Георгий два раза приступал к Ростову и, заключив весьма неискренний мир с Константином, выслал Димитрия из Москвы. «Даю тебе (сказал он) южный Переяславль, нашу отчину; господствуй в нем и блюди землю Русскую». Димитрий, как бы предчувствуя бедствие, неохотно поехал в сей Удел, некогда знаменитый и столь любезный для его деда; женился там на племяннице Всеволода Чермного и, едва отпраздновав свадьбу, долженствовал сразиться с Половцами; не мог одолеть варваров и, плененный ими, был отведен в вежи. Он года чрез три освободился и княжил после в Стародубе на Клязьме.

Великий князь Георгий. Гравюра 1805 г.

Рюрик скончался: Князь трезвый, набожный, усердный строитель церквей, впрочем не имевший доброй славы братьев своих: ни кротости Романовой, ни твердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храброго. Всеволод Чермный, желая один начальствовать в южной России и не боясь уже никого по смерти Великого Князя, изгнал сыновей и племянников Рюриковых из Уделов Киевской области. К сему насилию он прибавил клевету: «Вы (говорил Всеволод) хотели овладеть Галичем, возмутили там народ, повесили моих братьев как разбойников; вы гнусным злодеянием посрамили имя отечества!» Изгнанники, удалясь в область Смоленскую, требовали защиты от Мстислава Новогородского. Сей мужественный Князь был тогда стражем северо-западной России: с одной стороны тревожили оную Литовцы, с другой – властолюбие Немцев угрожало ей великими опасностями. Первые дерзнули ворваться в самый

Псков, который жители – изгнав Князя своего, Владимира Мстиславича, за его дружескую связь с Рижским Епископом – ходили тогда в Чудскую землю для собрания дани. Литовцы не могли завладеть городом, но выжгли его и разорили окрестности. Мстислав Новогородский дал Псковитянам иного Князя, своего племянника двоюродного, Всеволода Борисовича, а Владимир удалился в Ригу, будучи верным союзником Ордена и тестем Епископова брата, Дитриха. Принятый им как друг и свойственник, он имел случай оказать Немцам важную услугу. Современный Летописец Ливонский рассказывает, что Князь Полоцкий, Владимир, желая объясниться с Епископом Альбертом, назначил ему свидание на берегу Двины; близ нынешнего Крейцбурга. Альберт приехал туда с Рыцарями, старейшинами ливонскими, купцами Немецкими и с Владимиром Мстиславичем. Князь Полоцкий говорил Альберту, чтобы он не тревожил язычников и не принуждал их креститься; что Немцы должны следовать примеру россиян, которые довольствуются подданством народов, оставляя им на волю верить Спасителю или не верить. «Нет! – ответствовал с жаром Епископ: – совесть обязывает меня крестить идолопоклонников: так угодно Богу и папе!» Князь грозился обратить в пепел Ригу и в гневе обнажил меч: Рыцари также изготовились к битве; но Владимир Мстиславич встал между ими, молил, убеждал и сделал наконец то, что Князь Полоцкий, отдавая справедливость неустрашимости Рыцарей, совершенно уступил им всю южную Ливонию. Сей Князь чрез несколько лет думал поправить свою ошибку и выгнать Немцев; но упал мертвый в самую ту минуту, как хотел сесть на ладию и плыть к устью Двины, чтобы осадить Ригу. Господствуя в южной Ливонии, Рыцари желали покорить и северную, вместе с Эстониею: узнав, что отряды их грабят тамошних жителей, Мстислав Новгородский собрал 15000 воинов; вместе с Князем Псковским и Давидом Торопецким, братом своим, выступил в поле; доходил до самого моря. Не встретив нигде Немцев, которые заблаговременно ушли назад в Ригу, он требовал дани с Чуди, осаждал Воробьин, или Верпель, взял с граждан 700 гривен *ногатами* и разорил многие окрестные селения. Сия западная часть нынешней Эстляндской Губернии находилась тогда в цветущем состоянии; земледельцы жили в изобилии, и деревни были хорошо выстроены; к несчастию, Альбертовы Рыцари скоро огнем и мечом опустошили всю Эстонию.

Мстислав, отдав две части взятой дани Новогородцам, а третью своим дворянам, или дружине, спешил от берегов Балтийского моря к Днепру; прибыв в Новгород, собрал Вече на *Дворе Ярослава* и предложил народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо он старался им угождать) и единодушно ответствовали: «Князь! Куда обратишь свои очи, там будут наши головы!» Сие усердие вдруг охладело на пути. Новогородские воины поссорились с Смоленскими, убили одного человека в драке и торжественно объявили, что не хотят идти далее. Напрасно Князь звал их на Вече; напрасно думал усовестить неблагодарных: никто не слушал его повеления. «Итак, мы должны расстаться», – сказал Мстислав без всякой укоризны; дружески простился с ними и вышел с братьями из Смоленска. новогородцы изумились: тогда Посадник Твердислав напомнил им, что предки их гордились усердием к добрым Князьям, охотно умирали за Ярослава Великого и служили примером для других россиян. Сия речь тронула Новогородцев, легкомысленных, однако ж чувствительных к народной чести, ко славе великодушных подвигов. Они догнали Князя и, пылая ревностию, нетерпеливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два Князя отдалися в плен. Всеволод Святославич бежал из Киева, заключился в Чернигове и с горести умер; а брат его, Глеб, видя опустошение земли своей, покорностию и дарами купил мир. Победители отдали Киев Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступил его Князю Смоленскому.

[1215 г.] Храбрый Мстислав, учредив порядок в завоеванной Днепровской области, возвратился в Новгород, но скоро объявил жителям на Вече, что дела отзывают его в южную Россию; что он будет всегда защитником Новогородцев, однако ж дает им волю избрать себе иного Князя. Народ сожалел об нем; долго рассуждал, кем заменить Князя столь великодушного;

наконец отправил Посадника, Тысячского и десять старейших купцов звать Феодора Всеволодовича, Мстиславова зятя. Ярослав-Феодор начал свое правление строгостию и наказаниями, сослав в Тверь некоторых окованных цепями чиновников, велел разграбить двор Тысячского, оклеветанного врагами, взяв под стражу сына и жену его. Возбужденный самим Князем к действиям своевольным, народ искал жертв, новых преступников; умертвил сам собою двух знаменитых граждан; а Князь с досады на сих мятежников уехал в Торжек. Между тем в окрестностях Новагорода сделался неурожай: Ярослав, ослепленный злобою, захватил весь хлеб в изобильных местах и не пустил ни воза в столицу. Тщетно послы убеждали Князя возвратиться: он задерживал их в Торжке, призвав к себе жену из Новагорода, где уже свирепствовал голод. Четверть ржи стоила около трех рублей шестидесяти копеек нынешними серебряными деньгами, овса рубль 7 копеек, воз репы два рубля 86 копеек. Бедные ели сосновую кору, липовый лист и мох; отдавали детей всякому, кто хотел их взять, – томились, умирали. Трупы лежали на улицах, оставленные на снедение псам, и люди толпами бежали в соседственные земли, чтобы избавиться от ужасной смерти. В последний раз новогородцы молили Ярослава утешить их своим присутствием. «Иди к Св. Софии, – говорили они: – или скажи, что не хочешь быть нашим Князем». Он задержал и сих Послов, вместе с купцами Новогородскими. Чиновники скорбели; граждане воплем изъявляли отчаяние; а Наместник Ярославов и Дворяне его были равнодушными зрителями народного бедствия. [11 февраля 1216 г.]. В то время явился утешитель: Мстислав великодушный. новогородцы с восторгом увидели его на *Дворе Ярослава*. Сей Князь говорил, что он помнит свое обещание быть всегда их другом; что освободит невинных граждан, заключенных в Торжке, восстановит благоденствие Новагорода или положит свою голову. Народ клялся жить и умереть с добрым Мстиславом, который, взяв под стражу Бояр Ярославовых, чрез одного умного Священника объявил зятю, чтобы он, если желает остаться ему сыном, выехал из Торжка и немедленно возвратил свободу всем Боярам и купцам Новогородским. С гордостию отвергнув мирное предложение, Ярослав изготовился к войне; сделал на пути засеки, укрепления и прислал сто знаменитых Новогородцев в отчизну их с приказанием выпроводить оттуда его тестя. Но сии люди, видя единодушие сограждан, пристали к ним с радостию. Тогда озлобленный Ярослав собрал на поле всех бывших у него Новогородцев, числом более двух тысяч; оковал цепями и послал в свой город, Переяславль Залесский, отняв у них коней, деньги, все имение. В надежде на могущество брата, Георгия Владимирского, он грозился наказать тестя и смело поднял руку на кровопролитие междоусобное. Состояние Новагорода было достойно жалости: голод, болезни истребили немалую часть его жителей; другие скитались по землям чуждым; знатнейшие люди стенали в темницах Суздальской области; домы и целые улицы опустели. Мстислав, собрав Вече, ободрял граждан своим мужеством. «Оставим ли братьев в заключении и постыдной неволе? – говорил он народу: – Да воскреснет величие столицы! Да не будет она презрительным Торжком, ни Торжек ею! Новгород там, где Святая София. Рать наша малочисленна; но Бог заступник правых, и сильного и слабого!» Все казались единодушными; однако ж некоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бежали к нему в Торжек. Мстислав выступил с остальными и с братом, Князем Владимиром Псковским (который, быв несколько времени начальником маленькой области в Немецкой Ливонии, снова господствовал тогда во Пскове).

Сия война имела важное следствие: Князь Новогородский, хотев прежде дружелюбно разделаться с Ярославом, но принужденный искать управы мечом, взял свои меры как искусный Военачальник и Политик. Предвидя, что Георгий Всеволодович будет всеми силами помогать меньшему брату, Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол Владимирский. Неприятельские действия начались в Торопецкой области. Святослав Всеволодович, присланный Георгием к Ярославу, с десятью тысячами осадил Ржевку, где находилось только 100 воинов; но Князь Новогородский подоспел с 500 всадниками, заставил осаждающих удалиться и взял укрепленный Зубцов. Дружина Мстиславова

хотела прямо идти к Торжку; но Князь, призвав Владимира Рюриковича из Смоленска, вдруг обратился к Переяславлю Залесскому, чтобы удалить феатр войны от новогородской области. Наконец обе рати сошлися близ Юрьева. Константин с полками своими находился в стане Новогородском: Георгий, Ярослав и Князья Муромские, действуя заодно, вооружили самых поселян и в необозримых рядах стали на берегу Кзы. Летописцы сказывают, что Князь Владимирский и меньший брат его имели 30 знамен, или полков, 140 труб и бубнов. Благоразумный Мстислав еще надеялся отвратить кровопролитие. Послы Новогородские говорили Георгию, что они не признают его врагом своим, будучи готовы заключить мир и с Ярославом, если он добровольно отпустит к ним всех их сограждан и возвратит Торжек с Волоком Ламским. Но Георгий ответствовал, что враги его брата суть его собственные; а Ярослав, надменный и мстительный, не хотел слушать никаких предложений. «Не время думать о мире, – говорил он Послам: – вы теперь как рыба на песке; зашли далеко и видите беду неминуемую». Мстислав вторично представлял Георгию и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для Государства; что он желает примирить их с большим братом, который уступит им всю область Суздальскую, буде Георгий отдаст ему, как старшему, город Владимир. «Ежели сам отец наш (сказал Георгий) не мог рассудить меня с Константином, то Мстиславу ли быть нашим судиею? Пусть Константин одолеет в битве: тогда все его». Послы с горестию удалились, и Князь Владимирский, пируя в шатре с Вельможами, желал знать их мнение. Один Боярин советовал не отвергать мира и признать Константина старейшим Государем земли Суздальской, представляя, что Князья Ростиславова племени мудры и храбры. а воины Новогородские и Смоленские дерзки в битвах; что Мстислав в деле ратном не имеет совместника и что превосходные силы уступают иногда превосходному искусству. Князья слушали боярина с неудовольствием. Другие Вельможи, льстя их самолюбию, говорили, что никогда еще враги не выходили целы из сильной земли Суздальской; что жители ее могли бы с успехом противоборствовать соединенному войску всех россиян и *седлами закидают* Новогородцев. Одобрив сию безрассудную надменность и собрав военачальников, Князья дали им приказ не щадить никого в битве: убивать даже и тех. на коих увидят шитое золотом оплечье. «Вам брони, одежда и кони мертвых, – сказали они: – в плен возьмем одних Князей и решим после судьбы их». Отпустив воевод, Георгий с меньшими братьями заперся в шатре и вздумал уже делить всю Россию: назначил Ростов для себя, Новгород для Ярослава, Смоленск для третьего брата, а Киев для Ольговичей, оставляя Галич на свое дальнейшее распоряжение. Написав договорную грамоту и взаимною клятвою утвердив оную, сии Князья послали сказать неприятелям, что желают биться с ними на обширном Липецком поле. Мстислав принял вызов: долго советовался с Константином, обязал его торжественными обетами верности и ночью выступил из стана к назначенному для битвы месту, с трубным звуком, с грозным кликом воинским. Встревоженные полки Георгиевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть вооруженные и в боевом порядке, ожидая нападения, и едва было не обратились в бегство. На рассвете Мстислав и Константин приближились к неприятелю, который зашел за дебрь и расположился на горе, окруженной плетнем. Напрасно Мстислав предлагал Георгию или мир, или битву на равнине. Сей Князь ответствовал: «Не хочу ни того, ни другого; и когда вы уже не боялись дальнего пути, то можете перейти и за дебрь, где мы вас ожидаем». Мстислав стал на другой горе, велев отборным молодым людям ударить на полки Ярославовы. Бились с утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастливо. На другой день Мстислав думал идти прямо ко Владимиру, но Константин не советовал оставлять неприятеля назади и боялся, чтобы миролюбивые Ростовцы, пользуясь случаем, не разбежались по городам. Между тем Георгиевы полки, видя движение в стане Новогородцев и Смолян, вообразили, что Мстислав хочет отступить, и бросились с горы, в намерении гнаться за ним; но Георгий и Ярослав удержали их. Тогда Князь Новогородский, сказав: «гора не защитит и не победит нас; пойдем с Богом и с чистою совестию», велел своим готовиться к битве. На одном крыле стоял Владимир Рюрикович Смоленский, на

другом Константин, в средине Мстислав с Новогородцами и Князь Псковский. Учредив строй, обозрев все ряды, Мстислав ободрил воинов краткою речью. «Друзья и братья! – говорил он: – Мы вошли в землю сильную: станем крепко, призвав Бога помощника. Да никто не озирается вспять: бегство не спасение. Кому не умереть, тот будет жив. Забудем на время жен и детей своих. Сражайтесь, как хотите: пешие или на конях». новогородцы ответствовали: «Сразимся пешие, как отцы наши под Суздалем». [21 апреля 1216 г.] Оставив коней, они сбросили с себя одежду, даже сняли сапоги, и с громким кликом устремились вперед; за ними Мстислав и дружина конная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать их стремления. Смоляне также пешие вступили в бой, не хотев ждать Воеводы своего, который упал с коня в дебри. Князь Новогородский, видя кровопролитие, сказал Владимиру Псковскому: «не выдадим добрых людей!» – и мгновенно опередил всех; имея в руке топор, три раза с дружиною проехал сквозь полки неприятельские, сек головы, оставлял за собою кучи трупов. Летописцы живо представляют ужас сей битвы, говоря, что сын шел на отца, брат на брата, слуга на господина: ибо многие новогородцы сражались за Ярослава; многие единокровные стояли друг против друга под знаменами Георгия и Константина. Победа не была сомнительною. новогородцы, Смоляне дружным усилием расстроили, смяли врагов и, торжествуя, показывали в руках своих хоругви Ярославовы. Еще Георгий стоял против Константина; но скоро обратился в бегство за Ярославом. «Друзья! – сказал Князь Новогородский своим храбрым воинам: – не время думать о корысти; надобно довершить победу», – и новогородцы, ему послушные, не хотели прикоснуться к добыче, с жаром гнали Суздальцев, топили их в реках, осуждая Смолян, которые обдирали мертвых и грабили обозы неприятеля.

Урон был велик только со стороны побежденных: их легло на месте 9233 человека. В остервенении своем не двая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не более 60 пленников; а Смоляне нашли в Георгиевом стане и договорную грамоту сего Князя, по коей он хотел делить всю Россию с братьями. Ярослав, главный виновник кровопролития, ушел в Переяславль и, пылая гневом, задушил там многих Новогородских купцов в темнице; а Георгий, утомив трех коней под собою, на четвертом прискакал в Владимир, где оставались большею частию одни старцы и дети, жены и люди духовного сана. Видя вдали скачущего всадника, они думали, что Князь их одержал победу и шлет к ним гонца; но сей мнимый радостный вестник был сам Георгий: в бегстве своем он сбросил с себя одежду Княжескую и явился в рубашке пред вратами столицы; ездил вокруг стены и кричал, что надобно укреплять город. Жители ужаснулись. Ночью пришли в Владимир многие раненые; а на другой день Георгий, созвав граждан, молил их доказать ему свое усердие мужественною защитою столицы. «Государь! Усердием не спасемся; – ответствовали граждане: – братья наши легли на месте битвы; другие пришли, но без оружия: с кем отразить врага?» Князь упросил их не сдаваться хотя несколько дней, чтобы он мог вступить в переговоры.

Великодушный Мстислав не велел гнаться за Георгием и Ярославом, долго стоял на месте битвы и шел медленно ко Владимиру. Чрез два дня окружив город, сей Князь в первую ночь увидел там сильный пожар: воины хотели идти на приступ, чтобы воспользоваться сим случаем; но человеколюбивый Мстислав удержал их. Георгий уже не думал обороняться и, на третий день приехав в стан к Новогородскому Князю с двумя юными сыновьями, сказал ему и Владимиру Смоленскому: «Вы победители: располагайте моею жизнию и достоянием. Брат мой Константин в вашей воле». Мстислав и Владимир, взяв от него дары, были посредниками между им и Константином. Принужденный выехать из столицы, Георгий омочил слезами гроб родителя, в душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастной войны; сел в ладию с женою и поехал в Городец Волжский, или Радилов. В числе немногих друзей отправился с ним Епископ Симон, знаменитый не только описанием жизни святых Иноков Киевских, но и собственными добродетелями; обязанный Георгию саном Святителя, он не изменил

благотворителю своему в злополучии. Сей Князь в 1215 году учредил особенную Епархию для Владимирской и Суздальской области, не хотев, чтобы они зависели от Ростова.

Глава V
Константин, Великий князь Владимирский и Суздальский. 1216-1219

Мстислав возвел Константина на престол Великого Княжения Владимирского и шел смирить своего зятя, который, оставив гордость, прибегнул к великодушию старшего брата. «Будь моим отцем, – говорил он Константину: – я в твоих руках и прошу у тебя хлеба: неужели выдашь меня Князьям Новогородскому и Смоленскому?» Мстислав в угодность Константину согласился на мир и принял дары от Ярослава; но не хотел, чтобы дочь его жила с Князем столь жестокосердым: взял ее к себе и возвратился с честию в Новгород, освободив всех жителей оного, бывших в Переяславле.

[1217–1218 гг.] Достигнув цели своей, Константин захотел утешить изганного Георгия, призвал его к себе, объявил наследником Великого Княжения и дал ему Суздаль. С искреннею дружбою обняв брата, Георгий клялся забыть прошедшее. Константин чувствовал слабость здоровья своего и желал в случае смерти оставить юным сыновьям второго отца в их старшем дяде.

Мстислав, Герой сего времени, совершив одно дело и ревнуя ознаменовать свое мужество новым, еще важнейшим подвигом, удалился в южную Россию. Пользуясь его отсутствием, Литовцы разорили несколько селений в области Шелонской; а Рыцари Немецкие, заняв Оденпе, старались укрепить сие место. Владимир Псковский находился тогда в Новегороде и, приняв начальство над войском, осадил прежних друзей своих, Немцев, в оденпском замке. В то время как жители города коварно предлагали мир россиянам, отошедшим далеко от стана, Немцы напали на обозы Новогородцев: однако ж, потеряв многих людей и в том числе двух Воевод, должны были спасаться бегством в замок. Сам Великий Магистр Ордена, Вольквин, едва ушел с Дитрихом, братом Епископа рижского, Альберта, и зятем Владимира Псковского. Теснимые осаждающими, терпя голод, не смея вторично вступить в бой, они требовали мира. Дитрих, в залог верности, остался в руках у Новогородцев, которые дали Рыцарям свободный пропуск, взяв в добычу 700 коней Немецких. – Мстислав, возвратясь из Киева, объехал Новогородскую область, наказал некоторых ослушных или нерадивых чиновников, созвал граждан столицы на *Дворе Ярослава* и сказал им: «Кланяюся Святой Софии, гробу отца моего и вам, добрые новогородцы. Иноплеменники господствуют в знаменитом Княжении Галицком: я намерен изгнать их. Но вас не забуду и желаю, чтобы кости мои лежали у Святой Софии, там же, где покоится мой родитель». Тщетно граждане, искренно огорченные, молили Князя великодушного, любимого не оставлять их. Он дружески простился с народом и спешил в Киев к своим братьям, пылая нетерпением собрать войско в южной России и вести оное к берегам Днестра.

Немецкие рыцари

Честь и Вера предписывали Мстиславу сей подвиг. Мы оставили юного Даниила на престоле Галицком с одним именем Князя: Бояре всем управляли и, находя вдовствующую супругу Романову опасною для их своевольства, принудили ее выехать в Бельз. Даниил проливал слезы, не хотел разлучиться с нею и в гневе ударил мечом одного из Вельмож, взявшего за узду коня его; однако ж Княгиня умолила сына остаться. Оскорбленный сею дерзостию Бояр, Андрей, Король Венгерский, пришел сам с войском, смирил мятежников и виновнейшего из них, Владислава, оковал цепями. Но скоро бедствия Романова семейства возобновились. Тайно призванный Галичанами, Мстислав Немой заставил Даниила бежать в Венгрию; а Лешко Белый отнял у Василька Бельз для своего тестя, Александра Владимирского (Василько, провождаемый многими Боярами, удалился в Каменец). Уже Андрей вторично шел защитить Даниила; уже Мстислав Немой, слабый, хотя и властолюбивый, бежал от страха, когда ужасный бунт открылся в самой Венгрии. Свирепые Бароны, враги Королевы Гертруды, умертвили ее, готовив такую же участь и Королю. В сих обстоятельствах он мог думать единственно о собственной безопасности: чем Боярин Галицкий, Владислав (тогда освобожденный), умел воспользоваться, представляя ему, как вероятно, что отрок Даниил, сын отца, ненавистного народу, не в состоянии мирно управлять Княжением, или, возмужав, не захочет быть данником Венгрии; что Андрей поступит весьма благоразумно, ежели даст Наместника Галиции, не природного Князя и не иноплеменника, но достойнейшего из тамошних Бояр, обязав его в верности клятвою и еще важнейшими узами столь великого благодеяния. Желание Владислава исполнилось: предпочтенный другим Боярам, он с дружиною Венгерскою приехал господствовать в свое отечество, назвался Князем и думал равняться саном с потомками Св. Владимира; а Даниил и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились к Лешку Белому. Видя с завистию, что богатая Галиция сделалась почти областию Венгрии, сей Государь усердно взял Даниилову сторону, одержал верх в битве с Владиславом и хотя не мог завоевать Галича, однако ж услужил сыновьям Романовым, принудив своего тестя, Александра, уступить им Тихомль и Перемиль. Там могли они несколько времени жить спокойно вместе с родительницею, печально смотря на башни Владимирские, наследственную столицу Романову. Туда съехались все верные Бояре, сподвижники их храброго отца, готовые усердно служить и сыновьям, которые в нежном цвете юности обещали зрелые плоды мужества, ум необыкновенный, душевное благородство. россияне и чужеземцы с удивлением

видели в ничтожном городке двор блестящий, составленный из витязей и Бояр опытных, особенно уважаемых Государем Польским. Воевода Сендомирский, именем Пакослав, доброжелательствуя Романову семейству, хотел согласить выгоды оного с выгодами Венгров и Ляхов, бывших тогда явными врагами за Галич; ездил к Андрею и без труда склонил его к миру. Положили, чтобы малолетний сын Андреев, Коломан, женился на малолетней дочери герцога Лешка, Саломее, и княжил в Галиче; чтобы Король уступил Перемышль Ляхам и чтобы Владимир отдать Даниилу с братом, а Любачев миротворцу Пакославу. Условия были исполнены: Александра выслали из Владимирской области, а Владислава, как хищника, заточили. Таким образом (говорит Летописец) сей гордый Боярин безрассудным честолюбием погубил себя и детей, коих никто из Князей Российских, оскорбленных его дерзким самозванством, не хотел призреть. Может быть, утомленные смятениями и переменами Галичане удовольствовались бы тогдашним своим жребием, если бы новое Правительство Венгерское наблюдало умеренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумал утеснять нашу Церковь. Уже в первый год Коломанова властвования, в 1214 [году], он писал к папе Иннокентию III, что народ и Князья Галицкие, *подданные Венгрии*, испросив себе сына его в Государи, желают присоединиться к Римской Церкви, единственно с тем условием, чтобы Папа не отменял их древних обрядов священных и дозволил им отправлять Богослужение на языке Славянском. Когда же Архиепископ Гранский именем преемника Иннокентиева, Гонория III, возложил в Галиче венец Королевский на сына Андреева и Саломею, сей новый Государь, исполняя волю отца и Папы, изгнал Епископа Российского, Священников наших и хотел обратить всех жителей в веру латинскую. Народ, уничиженный мятежами, преступлениями и кознями Бояр запутанный в противоречиях своей системы политической, не смел восстать на тиранов совести, довольствуясь бесполезными жалобами. К несчастию Венгров, Андрей поссорился с герцогом Лешком, отнял у него Перемышль с Любачевом и возбудил в нем столь великую злобу, что он, вопреки узам крови, искал в России сильных неприятелей зятю. Таковым представился ему Мстислав Новогородский. «Ты мне брат, – писал Лешко к сему храброму Князю: – иди прославиться знаменитым подвигом мужества: Галич, достояние твоих предков, стенает под игом утеснителей». Мстислав, подобно отцу *готовый всегда на дела великие,* не отказался от предложения, столь лестного для его славолюбия.

Великий князь Константин. Гравюра 1805 г.

В то время как он занимался в древней южной столице воинскими приготовлениями, тишина Царствовала в пределах Великого Княжения Владимирского. Константин наслаждался спокойствием подданных и любовию братьев; не следовал примеру дяди и родителя: не требовал повиновения от слабейших Князей соседственных и думал, что каждый из них обязан давать отчет в делах своих единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостию, двое из Владетелей Рязанских дерзнули на гнусное злодеяние.

Коварный Глеб, при великом Князе Всеволоде, хотевший погубить своих родственников доносом, условился с братом, Константином Владимировичем, явно лишить их жизни, чтобы господствовать над всею областию Рязанскою. Они съехались в поле для общего совета, и Глеб дал им роскошный пир в шатре своем. Князья, Бояре пили и веселились, не имев ни малейшего подозрения. Хозяин ласкал, приветствовал беспечных гостей; лицо и голос злодея не изменяли адской тайне его сердца. В одно мгновение Глеб и Константин Владимирович извлекают мечи: вооруженные слуги и Половцы стремятся в шатер. Начинается кровопролитие. Ни один из шести несчастных Князей, ни один из верных Бояр их не мог спастися. Утомленные смертоубийством изверги выходят из шатра и спокойно влагают в ножны мечи свои, дымящиеся кровию. В числе убиенных находился и родной брат Глебов, добродушный Изяслав.

[1218 г.] Злодейство было ужасно: еще ужаснее то, что виновники остались без наказания. Великий Князь Константин-изнуренный, может быть, недугами – довольствовался сожалением о несчастных; строил церкви, раздавал милостыню и с восторгом лобызал святые мощи, привозимые к нему из Греции. Незадолго до кончины своей он послал старшего сына, именем Василька, княжить в Ростов, а другого, Всеволода, в Ярославль, приказав им жить согласно, быть во нравах подобными ему, благотворить сиротам, вдовицам, Духовенству и чтить Георгия как второго отца. Константин преставился на 33 году от рождения [2 февраля 1218 г.], оплакиваемый Боярами, слугами, нищими, Монахами. Хваля его мудрость и добродетель, Летописец Суздальский говорит, что сей Князь не только читал многие душеспасительные книги, но и жил по их правилам; был исполнен Апостольской Веры и столь кроток, что старался не опечалить ни одного человека, любя делом и словом утешать всякого. – Супруга Константинова немедленно постриглась над его гробом и, названная Агафиею, чрез два года кончила дни свои в уединении монастырском.

Глава VI
Великий князь Георгий II Всеволодович. 1219-1224

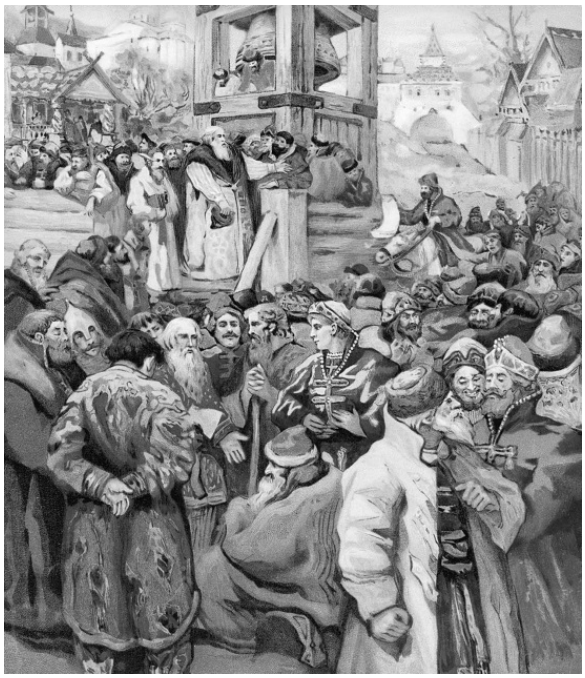
По отбытии Мстислава новогородцы призвали к себе его двоюродного племянника, Святослава Мстиславича, из Смоленска. Сей Князь не мог обуздать своевольства чиновников и народа. Посадник Твердислав, муж, отличный достоинствами, взяв под стражу какого-то мятежного боярина, вооружил против себя многих его друзей и единомышленников. Началось междоусобие: одни стояли за Твердислава, другие за боярина; прочие оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась в явную войну. Целую неделю были шумные Веча при звуке колоколов; граждане, надев брони и шлемы, в исступлении своем обнажили мечи. Напрасно увещевали старцы, напрасно плакали жены и дети: казалось, что новогородцы не имели ни законов, ни Князя, ни человечества. Чтобы еще более воспалить усердие своих друзей, Твердислав, устремив глаза на храм Софийский, громогласно обрек себя в жертву смерти, если совесть его не чиста пред Богом и согражданами. «Да паду в битве первый (говорил он), или Небо да оправдает меня победою моих братьев!» Наконец злоба утолилась кровию десяти убитых граждан; народ образумился, требовал мира и, целуя крест, клялся быть единодушным. Тишина восстановилась; но Князь, недовольный Твердиславом, прислал своего Тысячского объявить на вече, что сей Посадник властию Княжескою сменяется. Граждане хотели знать вину его. Святослав гордо ответсвтовал: *без вины*. «Я доволен, – сказал Твердислав: – честь моя остается без пятна: а вы, братья сограждане, вольны избирать и Посадников и Князей». Народ вступился за него. «Вспомни условие, – говорили Святославу Послы Веча: – ты дал нам клятву не сменять чиновников безвинно. Когда же забываешь оную, то мы готовы с поклоном указать тебе путь; а Твердислав будет нашим Посадником». Святослав, видя упрямство народа, не хотел спорить; но скоро уехал в Киев по воле отца своего, Мстислава Романовича, уступив престол Новогородский меньшему брату, Всеволоду. [1219–1221 гг.]. Правление сего Князя ознаменовалось также внутренними беспокойствами. Люди, посланные Новогородцами в Двинскую землю для собрания дани, к удивлению народа, возвратились с дороги, сказывая, что великий Князь Георгий и Ярослав Всеволодович не хотели пропустить их чрез область Белозерскую, имея будто бы тайное сношение с Новогородским Посадником и Тысячским. Народ взволновался и сменил главных чиновников; однако ж чрез некоторое время снова возвел Твердислава на степень Посадника. Всеволод без всякой основательной причины возненавидел и хотел убить сего знаменитого человека, вооружив своих Дворян и многих граждан на *Дворе Ярослава*. Твердислав был тогда болен: усердные друзья вывезли его на санях из дому и поручили великодушной защите народа, который стекался к нему толпами, готовый умереть за своего любимого чиновника. Жители трех концов стали в ряды и ждали Князя как неприятеля. Но Всеволод не дерзнул на кровопролитие. Архиепископ примирил врагов; а Твердислав, желая спокойствия отечеству, добровольно сложил с себя чин Посадника, тайно ушел в монастырь Аркадьевский и навсегда отказался от света.

Самые церковные дела Всеволодова времени изъявляют легкомыслие Новогородцев: выгнав прежде Архиепископа Митрофана, народ раскаялся и хотел загладить сию несправедливость; дозволил ему возвратиться и послал сказать его преемнику, Антонию, осматривавшему тогда свою Епархию, чтобы он ехал, куда хочет, и что Новгород имеет уже иного Святителя. Однако ж Антоний не послушался и признавал себя единственным законным пастырем. Граждане были в крайнем затруднении и, не зная, что делать с двумя Архиепископами, отправили их в Киев на суд к Митрополиту, который, решив тяжбу в пользу Митрофана, послал Антония Епископом в Перемышль Галицкий.

Воинские подвиги Новогородцев были удачны: хотя Всеволод не мог взять Пертуева, или нынешнего Пернау, однако ж разбил Немцев за рекою Эмбахом. Древний Летописец Ливон-

ский повествует, что Рыцари в битве с нашим передовым отрядом имели успех и даже отняли знамя Князя Новогородского; но союзники их, Латыши, видя многочисленность россиян, обратились в бегство. Сей Летописец к чести единоземцев своих прибавляет, что их было только 200, а наших 16000; что Немцы, отделенные от Новогородцев глубоким ручьем, сражались от 9 часов утра до захождения солнечного, убили около пятидесяти неприятелей, в целости отступили и шли назад с веселыми песнями.

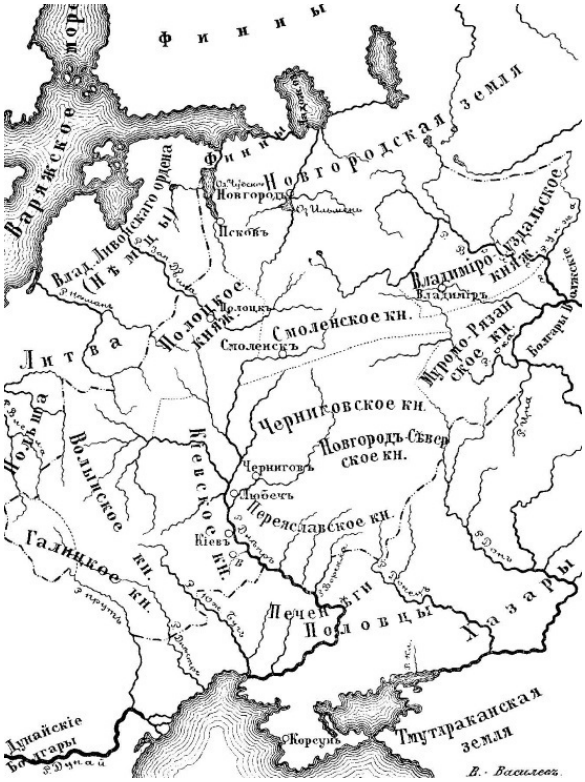
В России восточной были также воинские действия. Глеб Владимирович, убийца Князей Рязанских, хотел еще довершить свое гнусное злодеяние. Провидение спасло одного из сих Князей, Ингваря, сына Игорева, который господствовал в Старой Рязани и мог рано или поздно отмстить смерть братьев: наняв Половцев, Глеб шел осадить его столицу; но Ингварь победил варваров. Ненавидимый всеми добрыми россиянами и самому себе ненавистный (обыкновенная мука злодеев!), Глеб бежал в степи, подобно древнему братоубийце Святополку гонимый Небесным гневом, и там в безумии скончал гнусную жизнь свою [в 1219 г.]. – Ингварь наследовал всю область Рязанскую и с дружиною великого Князя вторично разбил Половцев.



Н. Некрасов. Вече в Новгороде

Вероятно, что Камские Болгары издревле торговали с Чудским народом, обитавшим в Вологодской и Архангельской губернии: с неудовольствием видя новое господство россиян в сих мирных странах, они хотели также быть завоевателями и – более обманом, нежели силою – взяли Устюг, неизвестно когда и кем основанный. Он имел прежде собственных Князей; стоял, как сказывают, на высокой горе, верстах в четырех от нынешнего, и назывался, по имени ее, *Гледеном*, а название устюжан произошло от устья реки Юга, сливающего там воды свои с рекою Сухоною. Жители – вероятно, смесь россиян с Чудью – зависели от великого Князя Георгия и в особенности от Ростовского. Чтобы утвердиться в сем городе, Болгары в то же время старались овладеть берегами Унжи; но были отражены и скоро увидели войско россиян в собственной земле своей. Брат Георгиев, Святослав, с сыновьями Муромских Князей и с сильным ополчением приплыл туда Волгою, вышел на берег ниже устья Камы и, для безопасности судов оставив стражу, приближился к городу Ошелу, укрепленному высоким дубовым тыном с двумя оплотами, между коими находился вал. Впереди шли люди с огнем и топорами; за ними стрелки и копейщики. Одни подсекли тын, другие зажгли оплоты; но сильный ветер

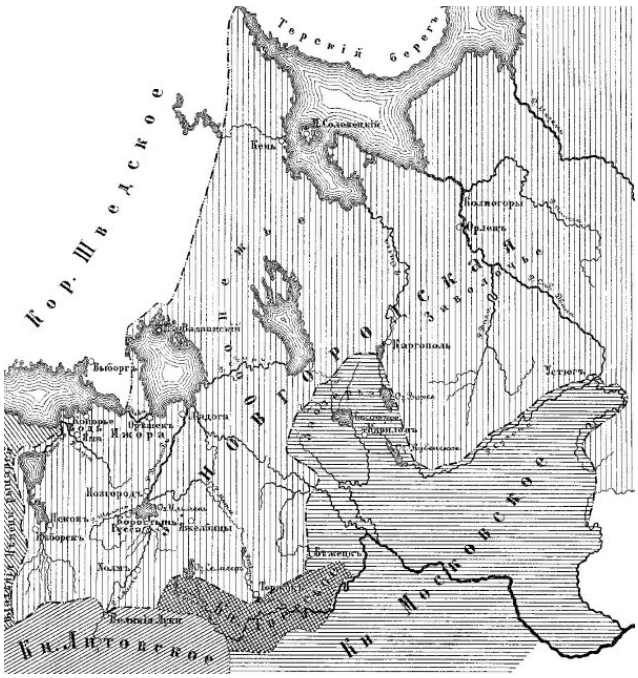
дул им прямо в лицо: задыхаясь от густого дыма, воины Святославовы, ободренные речью Князя, приступили с другой стороны и зажгли город по ветру. Зрелище было ужасно: целые улицы пылали; огонь, раздуваемый бурею, лился быстрою рекою; отчаянные жители с воплем бежали из города и не могли уйти от меча россиян; только Князь Болгарский и некоторые его всадники спаслися бегством. Другие, не требуя пощады, убивали жен, детей своих и самых себя или сделались жертвою пламени, вместе со многими россиянами, искавшими добычи в городе. Святослав, видя там наконец одни кучи дымящегося пепла, удалился, провождаемый толпами пленников, большею частию жен и младенцев. Напрасно Болгары хотели отмстить ему, стекаясь отовсюду к берегам Волги! россияне, готовые к битве, сели на ладии, распустили знамена и при звуке бубнов, труб, свирелей плыли медленно вверх по Волге в стройном ополчении. Болгары только смотрели на них с берега. Святослав близ устья Камы сошелся с Ростовцами, устюжанами и с воеводою Георгиевым, который ходил опустошать ее берега, и взял несколько городков Болгарских. Сей успех казался столь важным Великому Князю, что он встретил брата за несколько верст от столицы, благодарил его, осыпал дарами; три дня угощал всех воинов. Зимою явились во Владимир послы Болгарские, требуя мира; но Георгий отвергнул их предложение и готовился к новому походу. Испытав многократно превосходную силу россиян, Болгары всячески старались отвратить бедствие войны; наконец, посредством богатых даров, обезоружили Великого Князя. Послы наши ездили к ним в землю, где народ утвердил сей мир клятвою по Закону Магометанскому. Георгий, будучи тогда сам на берегах Волги, имел случай снова осмотреть их, выбрал место и чрез несколько месяцев [в 1221 г.] заложил Нижний Новгород, там, где сливаются две знаменитые реки нашего отечества и где скоро поселилось множество людей, привлеченных выгодами торговли и судоходства.



Русские княжества до XIII в.

В сие время Князь Черниговский, брат Всеволода Чермного, разбил Литовцев, которые искали добычи в его области. – Но важнейшим успехом Российского оружия было тогда освобождение Галича от ига чужеземцев. Кажется, «что бывший Князь Новогородский, Мстислав,

занимаясь в Киеве ратными приготовлениями, умел скрыть цель оных: по крайней мере Вельможи Андреевы, именем Коломана господствовавшие на берегах Днестра, не взяли никаких мер для обороны и бежали в Венгрию, как скоро Мстислав приближился. Столь легкий успех не мог ослепить сего Князя: он знал, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступит ему сыновнего Королевства мирно и что победа должна решить судьбу оного. Тамошние граждане желали снова повиноваться Даниилу: вопреки им, Мстислав сел на троне Галицком, но в угождение народу выдал дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотел быть ему отцом; старался также сохранить любовь Герцога Польского и не мешал ему владеть частию западной России: ибо Лешко, передав Владимир сыновьям Романовым, занял Брест со многими другими наследственными их городами в окрестностях Буга. Напрасно Даниил жаловался тестю на хищность Герцога. Мстислав ответствовал: «Лешко мой друг». Но когда неуступчивый Даниил осмелился искать управы силою; когда, выехав в поле с собственною дружиною, отнял у ляхов все области Российские: тогда оскорбленный Герцог, считая Мстислава тайным наставником юного зятя, обвиняя того и другого в неблагодарности, в вероломстве, возобновил союз с Андреем Венгерским. «Отказываюсь от всякого участия в Галиции, – велел он сказать Королю: – пусть властвует в оной сын твой. Изгоним только россиян». Андрей не мог желать иного. Венгры и Ляхи, вступив в Галицкую землю, одержали победу над Димитрием, Воеводою Мстислава. Сам Коломан предводительствовал ими и с удовольствием видел головы наших Бояр, повергаемые к его ногам вместе с их золотыми цепями. Оставив зятя в Галиче, Мстислав удалился к пределам Киевским. Неприятели осадили Даниила: хотя сей юноша смелыми, счастливыми вылазками делал им много вреда, однако ж, исполняя повеление тестя, должен был наконец выйти из города, очистил себе путь мечом и за Днестром соединился с Мстиславом, который, обняв его как витязя достойного, в знак особенной дружбы подарил ему любимого своего коня и сказал: «Храбрый Князь! Теперь иди в Владимир: я пойду за Половцами. Мы отмстим врагам, и стыд наш падет на них». Он сдержал слово.



Новгородская земля в XII–XIII вв.

Союзники, Венгры, Ляхи, завоевав Галич, не дремали; первые усилились новыми полками своими и Богемскими, присланными Андреем к Коломану с знаменитым Воеводою Фильнием. Сей надменный Барон изъявлял величайшее презрение к россиянам и часто говорил в

пословицу: «Один камень избивает множество глиняных сосудов. Острый меч, борзый конь и Русь у моих ног». ляхи непрестанными впадениями тревожили область Владимирскую. К счастию, Даниил успел заключить мир с Князьями Литовскими, Жмутскими, Латышскими и мог наемным их войском устрашить собственные владения Лешковы. – Между тем деятельный Мстислав изготовился и двинул рать свою, усиленную Половцами, к берегам Днестра. Воевода Андреев, гордый Фильний, не хотев подвергнуть юного Коломана опасностям битвы, оставил его в укрепленном Галиче и ждал россиян в поле. ляхи стояли на правом крыле: Венгры и Галичане на левом; легкое войско их находилось впереди. россияне показались: шли медленно и стройно; за ними Половцы. Владимир Рюрикович предводительствовал одною частию войска, другою Мстислав, который, вдруг отделяся от полков, стал на высоком холме и долго смотрел на движения неприятелей, так что Владимир, встревоженный его отсутствием, велел с неудовольствием напомнить ему, сколь время дорого и сколь нужно действовать, не теряя оного. «Не забывай (говорил он), что ты военачальник, а не зритель. Твое бездействие может погубить нас». Мстислав съехал с холма и спешил оживить храбрость воинов, именем Св. Креста обещая им победу. Уже битва началася. Владимир не устоял против Ляхов: они гнали россиян, брали пленников, добычу и древними песнями отцов своих торжествовали победу. Венгры, Галичане также имели успех, и бедствие наших казалось совершенным. Но Мстислав в самое то время с отборною дружиною и с Половцами ударил в тыл неприятелю: изумленные, расстроенные Венгры падали мертвые целыми рядами; сам предводитель их отдался в плен, и скоро ляхи к отчаянию своему увидели, что победа им изменила; окруженные россиянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бегством и все легли на месте. Одни Половцы брали пленников, ловили коней, обнажали мертвых: россияне, исполняя волю Князя, старались только о совершенном истреблении неприятеля. Еще многие ляхи оставались назади, не ведали о гибели своих и, видя издали государственное знамя Польское, толпами стремились к оному; но сие знамя, с изображением Белого орла, развевалось уже в руках победителя: они находили там смерть. Кровопролитие было ужасно; вопль, стон несчастных жертв достигал до Галича; трупы лежали кучами на пространстве необозримом. россияне, торжествуя победу, все единодушно превозносили хвалами Мстислава храброго, называя его, по тогдашнему обыкновению, *красным солнцем* отечества.

Сей Князь осадил Галич. Боясь измены граждан (ибо жители всех окрестных мест с радостию принимали Мстислава), Венгры и ляхи выгнали их из крепости, чтобы обороняться до последней возможности; но россияне, ночью сделав подкоп, вошли в город. Тогда Коломан заключился в укрепленном храме Богоматери и еще с гордостию отвергнул свидание, предложенное ему Мстиславом. Чрез несколько дней, изнуренные голодом и жаждою, Венгры сдалися. Князь Российский уже не хотел слышать о милосердии. Ему представили несчастного Коломана и юную супругу его, в слезах, в глубокой горести: он велел за крепкою стражею отвезти их в Торческ, а Баронов Венгерских с женами и детьми отдал, как пленников, своей дружине и Половцам, в награду за оказанное ими мужество. Только славный Архиепископ Краковский, Летописец Кадлубко, и Канцлер Польский Ивон, бывшие в Галиче, успели заблаговременно спастися от неволи бегством. Герцог Лешко воспрепятствовал Даниилу соединиться с тестем до битвы: сей юноша славолюбивый успел только видеть свежие трофеи россиян на ее месте. Новейшие Историки пишут, что гордый, счастливый Мстислав, торжествуя оную, принял на себя имя *Царя Галицкого* и что Российские Епископы венчали его златым венцем Коломановым, доставшимся ему в руки.

Андрей, Король Венгерский, был в отчаянии и немедленно отправил Вельможу своего, именем Яроша, сказать Мстиславу, чтобы он прислал к нему сына и всех пленников, или скоро увидит в России многочисленное победоносное войско Венгров. Мстислав не испугался угрозы, но хладнокровно ответствовал, что победа зависит от Неба; что он ждет Короля, надеясь с Божиею помощию смирить гордость его. Андрей, изнуренный тогда в силах похо-

дом Иерусалимским, не имел желания воевать и прибегнул к доброхотствующим ему Боярам Галицким. Один из них, Судислав, плененный вместе с Коломаном, умев снискать особенную доверенность Мстислава, склонил его к миру, неожиданно выгодному для Короля. Согласились, чтобы меньший сын Андреев, именем также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей в приданое отец назначил спорную Галицию. Следственно, Мстислав освободил сию землю от иноплеменников единственно для того, чтобы добровольно уступить им оную, взяв, может быть, только меры для безопасности Церкви Греческой! Не любя тамошних Бояр мятежных и нелюбимый ими, он хотел сначала, как мы сказали, возвратить Галицию Даниилу, желаемому народом; но хитрые Вельможи, тайные друзья Венгрии, представили ему, что Даниил возьмет ее, как наследственное достояние Романовых детей, без всякой особенной признательности и, с летами возрастая в силах, в честолюбии, не уважит благотворителя; а юный сын Андреев, всем обязанный милости тестя, не дерзнет ни в чем его ослушаться или в противном случае легко может быть лишен Княжения. Мстислав – более воин, нежели политик – принял мнение Бояр и, с радостию назвав Андрея сватом, освободил Коломана. Брак отложили за малолетством жениха и невесты, с обеих сторон утвердив договор клятвами. Между тем совесть Андреева находилась в затруднении: жених был прежде помолвлен на Царевне Арменской, единственной наследнице родительского престола. Боясь греха, Король требовал разрешения от Папы Гонория III. Вероятно, что Герцог Лешко также писал в Рим и жаловался Папе на условия мира, заключенного Венграми с россиянами: ибо Гонорий (в 1222 году) ответствовал Андрею, что Галиция принадлежит Коломану, зятю Герцога Польского, возведенному на ее трон Апостольскою властию; что обязательство несправедливое, вынужденное бедствием Коломановым, само собою уничтожается; что малолетство жениха и невесты дает время отцам размыслить основательнее о выгодах или невыгодах такого союза; что надобно подождать, и проч. Однако ж Андрей не хотел нарушить договора, и Мстислав чрез некоторое время отдал будущему зятю Перемышль, к неудовольствию жителей и Герцога Лешка, который долженствовал, обманутый Венграми, сам примириться с Князьями Российскими. Сей мир имел несчастные следствия для Александра, Князя Бельзского, взявшего сторону Венгров и ляхов во время их первого успеха. Даниил и Василько, озлобленные коварством Александра, омрачили добрую славу юности своей разорением окрестностей Бельза, где народ долго помнил оное и называл *злою ночью*: ибо воины сыновей Романовых, свирепствуя там от заката до восхождения солнечного, не оставили камня на камне. Одно великодушие Мстислава спасло Александра: уважив ходатайство тестя, Даниил прекратил жестокое действие мщения и возвратился к матери, которая, видя его уже способного править землею, обуздывать Вельмож, смирять неприятелей, удалилась от света в тишину монастырскую.

[1221–1222 гг.] В сих происшествиях юго-западной России участвовали слабые тогда Ольговичи как союзники Мстислава. Великий же Князь Георгий занимался единственно внутренним правлением собственной земли и внешнею безопасностию Новогородцев, послав к ним осьмилетнего сына, Всеволода, на место Мстиславича, внука Романова, изгнанного народом. Опаснейшими их врагами были тогда Альбертовы Рыцари: новогородцы требовали сильной помощи от Георгия и, с братом его, Святославом, вступив в Ливонию, опустошили берега реки Аа. Летописец Немецкий говорит, что россияне своими жестокостями возбудили тогда гнев Рижской Богоматери: изъявляя ненависть к ее новым храмам, разрушали Латинские церкви, монастыри, пленяли жен, детей и жгли хлеб на полях. Сын Владимира Псковского, Ярослав, с войском Литовских союзников встретил Святослава близ Кеси, или нынешнего Вендена: россияне осадили сей город. С утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Немцы всего удачнее действовали пращами и тяжело ранили многих из наших Бояр под стеною. На другой день, узнав, что сам великий магистр Ордена, Вольквин, ночью вошел в крепость и что к осажденным скоро прибудет новая помощь, Святослав отступил. Но военные действия не прекратились: Латыши, послушные Немцам, беспрестанно злодействовали в окрестностях Пскова

и не могли насытиться кровию людей безоружных; оставив домы и работы сельские, жили в наших лесах, грабили, убивали путешественников, земледельцев, уводили женщин, лошадей и скот. Дабы наказать сих разбойников, граждане псковские ходили осенью в землю Латышей, где истребили все, что могли. – Несмотря на мирные, весьма неискренние предложения с обеих сторон, Немцы и россияне не давали покоя друг другу. Первые, собрав Ливь и Латышей, дерзнули вступить в собственные наши пределы: обошли Псков и в окрестностях Новагорода, по сказанию Ливонского Летописца, обратили в пепел несколько деревень. Латыши ограбили церковь близ самого предместия столицы, взяв иконы, колокола и другие вещи. Довольные сею местию, Немцы спешили уйти без сражения и, боясь россиян, старались укрепиться в восточной Ливонии: строили замки, рыли в них колодези на случай осады, запасались хлебом, а всего более оружием и пращами. Возбуждаемые Рыцарями, толпы Чуди два раза зимою приходили внезапно из-за реки Наровы в Ижорскую землю, издавна область Новогородскую; пленили множество людей и побили весь скот, которого не могли взять с собою.

В то время малолетний сын Георгиев, по желанию своих Бояр, не находивших для себя ни выгод, ни удовольствия в Новегороде, тайно собрался ночью и со всем двором уехал к отцу. Народ опечалился; сиротствуя без главы, желал иметь Князем хотя брата Георгиева; забыл свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть к Ярославу-Феодору и принял его с живейшими знаками удовольствия: ибо надеялся, что он будет грозою внешних неприятелей. Ярослав, выгнав хищных Литовцев из южных пределов Новогородских и Торопецкой области, хотел отличить себя важнейшим подвигом и быть защитником северных Ливонцев, утесненных тогда новыми пришельцами.

Вальдемар II, мужественный Король Датский, желая (как говорит современный Летописец) «очиститься от грехов своих и доказать усердие к Рижской Богоматери», высадил многочисленное войско на берега Эстонии, заложил Ревель и в кровопролитной битве одержал над жителями победу, которая служила поводом к основанию Данеброгского Ордена: ибо рассказывают басню, что во время сражения красное знамя с белым крестом упало из облаков в руки к Датчанам и что Небо сим чудом оживило их мужество. Король возвратился в Данию, но оставил в Ревеле воинов и Епископов, чтобы утвердить там Христианскую Веру и власть свою, к неудовольствию Рижских Немцев, которые считали себя господами Эстонии. Шведы также прибыли в сию несчастную землю, также хотели крестить язычников. Бедные жители не знали, кого слушаться: ибо их мнимые просветители ненавидели друг друга, и Датчане повесили одного Чудского старейшину за то, что он дерзнул принять крещение от Немцев! В сей крайности народ Эзельский вооружился, побил Шведов, взял приступом новую крепость, основанную Датчанами на Эзеле. Скоро мятеж сделался общим в разных областях Ливонских: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе согласно изъявляли ненависть к Немцам; умертвили многих Рыцарей, Священников, купцов, и мечи, обагренные их кровию, были посылаемы из места в место в знак счастливого успеха. Уже все жители северной Ливонии торжественно отреклись от Христианства, вымыли свои домы, как будто бы осквернённые его обрядами, разрушили церкви и велели сказать Рижскому Епископу, что они возвратились к древней Вере отцев и не оставят ее, пока живы. В сих обстоятельствах старейшины их призвали россиян в города свои, уступили им часть богатства, отнятого у Немцев, и послали дары к Новогородскому Князю, моля его о защите.

Новгородская торговля

Ярослав, собрав около 20 000 воинов, вступил в Ливонию. Жители встретили его с радостию, выдавали ему всех Немцев, заключенных ими в оковы, и приняли россиян как друзей в Юрьеве, Оденпе и других местах. Князь Новогородский хотел идти к Риге; но убежденный Послами Эзельскими, обратился к Эстонии, чтобы освободить сию землю от ига Датчан. Близ Феллина он к изумлению своему увидел трупы многих россиян повешенных: Рыцари, предупредив его, снова завладели сею крепостию и бесчесловечно умертвили бывших там Новогородских воинов. Огорченный Ярослав клялся жестоким образом отмстить за такое злодейство, но вместо Рыцарей наказал одних невинных жителей Феллинской области: лил их кровь, жег домы; довершил бедствие сих несчастных, которые искали убежища в диких лесах, стеная от Немцев, россиян и болезней. – Удовлетворив своему гневу, Ярослав соединился с приморскими жителями Эстонии, осадил Ревель, или Колывань, и стоял под его стенами четыре недели без всякого важного успеха. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно действуя пращами, что утомленный бесполезными приступами Князь снял осаду и возвратился в Новгород, хотя без славы, однако ж с пленниками и добычею. В летописи именно сказано, что наши воины принесли тогда с собою немало *золота*.

[1224 г.] Народ охотно повиновался Ярославу: но сей Князь – не известно для чего – сам не захотел остаться в Новегороде, и Георгий вторично прислал на его место юного сына своего, Всеволода. Надлежало обуздывать Литву, бороться с властолюбивыми Немцами в Ливонии, наблюдать Датчан: а Князь Новогородский был десятилетний отрок! его именем правили чиновники: чтобы удержать за Россиею Дерпт, они уступили сей город одному из Владетелей Кривских, мужественному Вячку, который начальствовал прежде в двинском замке Кукенойсе. Имея у себя не более двух сот воинов, он утвердил свое господство в северной Ливонии: брал дань с жителей, строго наказывал ослушников, беспрестанно тревожил Немцев и счастливо отразил приступ их к Юрьеву. Тогда Епископ Альберт созвал всех Рыцарей, странствующих богомольцев, купцов, Латышей и сам выступил из Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сие войско расположилось в шатрах около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрел на все приготовления Немцев. Они сделали огромную деревянную башню, равную в вышине с городскими стенами, и придвинули оную к самому замку, подкопав часть вала; но Князь Российский еще не терял бодрости. Напрасно Альберт предлагал ему мир и свободу выйти из

крепости со всеми людьми, с их имуществом и с конями: Вячко не хотел о том слышать, надеясь, что новогородцы не оставят его без помощи. Стрелы и камни летали с утра до вечера из города и в город: Немцы бросали туда и раскаленное железо, чтобы зажечь деревянные здания. Осажденные не имели покоя ни в самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работе осаждающих, которые, разводя большие огни, копали землю с песнями и музыкою: Латыши гремели щитами, Немцы били в литавры; а россияне также играли на трубах, стоя беспрестанно на стене. Утомленные трудами, ежедневными битвами, Немцы собрались на общий совет. «Не будем терять времени (сказал один из них) и возьмем город приступом. Доселе мы излишно щадили врагов своих: ныне да погибнут все без остатка! Кто первый из нас войдет в крепость, тому честь и слава; тому лучший конь и знаменитейший пленник. Но опасный Князь Российский должен быть повешен на дереве». Одобрив сие предложение, Рыцари устремились на приступ. Хотя жители и россияне бились мужественно; хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающих и несколько часов отражали Немцев: однако ж принуждены были уступить превосходному числу врагов. Вслед за Рыцарями ворвались в крепость и Латыши, убивая своих единоземцев, жен, детей без разбора. Долее всех оборонялись россияне. Никто из них не мог спастися от меча победителей, кроме одного Суздальского боярина: пленив его, Немцы дали ему коня и велели ехать в Новгород, чтобы объявить там о бедствии россиян. Храбрый Вячко находился в числе убитых.

новогородцы шли к Юрьеву и стояли близ Пскова: Рыцари не хотели ждать их; над кучами мертвых тел с веселою музыкою отпели благодарный молебен, сожгли крепость и спешили удалиться. Ливонский Летописец прибавляет, что россияне, не имея тогда надежды воевать счастливо, предложили мир Епископу Рижскому; что Альберт заключил оный с их Послами и выдал им из казны своей часть дани, которую они прежде собирали в земле Латышей: ибо сей хитрый Епископ иногда еще признавал россиян господами Ливонии, чтобы, обманывая их, тем спокойнее властвовать над оною.

новогородцы, примирясь с Рижским Орденом, должны были вооружиться для защиты южных границ своих. Посадник города Русы вышел с войском против Литовцев и не мог устоять в битве с ними: сии мужественные разбойники одержали победу, взяли в добычу множество коней и бежали назад в свою землю: ибо никогда не думали о завоеваниях, желая только вредить россиянам и грабить селения.

Доселе, в течение двух столетий и более, мы видели древнее отечество наше беспрестанно терзаемое войнами междоусобными и нередко хищными иноплеменниками; но сии времена – столь, кажется, несчастные – были златым веком в сравнении с последующими. Настало время бедствия общего, гораздо ужаснейшего, которое, изнурив Государство, поглотив гражданское благосостояние оного, унизило самое человечество в наших предках и на несколько веков оставило глубокие, неизгладимые следы, орошенные кровию и слезами многих поколений. *Россия* в 1224 *году услышала о Татарах*…

Готовясь описывать редкое народное несчастие, гибель воинств и Княжений Российских, порабощение Государства, утрату лучших областей его, считаем за нужное обозреть тогдашнее состояние России, от времен Ярослава Великого до нашествия сих грозных иноплеменников.

Глава VII
Состояние России с XI до XIII века

Ярослав, могущественный и самодержавный подобно Св. Владимиру, разделив Россию на Княжения, хотел, чтобы старший сын его называясь великим Князем, был главою отечества и меньших братьев и чтобы Удельные Князья, оставляя право наследства детям, всегда зависели от Киевского, как присяжники и знаменитые слуги его. Отдав ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россию и Новгород, он думал, что Изяслав и наследники его, сильнейшие других Князей, могут удерживать их в границах нужного повиновения и наказывать ослушников. Ярослав не предвидел, что самое Великое Княжение раздробится, ослабеет и что Удельные Владетели, чрез союзы между собою или с иными народами, будут иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволод I долженствовал воевать с частным Князем его собственной области, а Святослав II ответствовать как подсудимый на запросы Князей Удельных. Одаренные мужеством и благоразумием, Мономах и Мстислав I еще умели повелевать Россиею; но преемники их лишились сей власти, основанной на личном уважении, и Киев зависел наконец от Суздаля. Если бы Всеволод III, следуя правилу Андрея Боголюбского, отменил систему Уделов в своих областях; если бы Константин и Георгий II имели государственные добродетели отца и дяди: то они могли бы восстановить Единовластие. Но Россия, по кончине Всеволода Георгиевича, осиротела без Главы, и сыновья его совсем не думали быть Монархами.

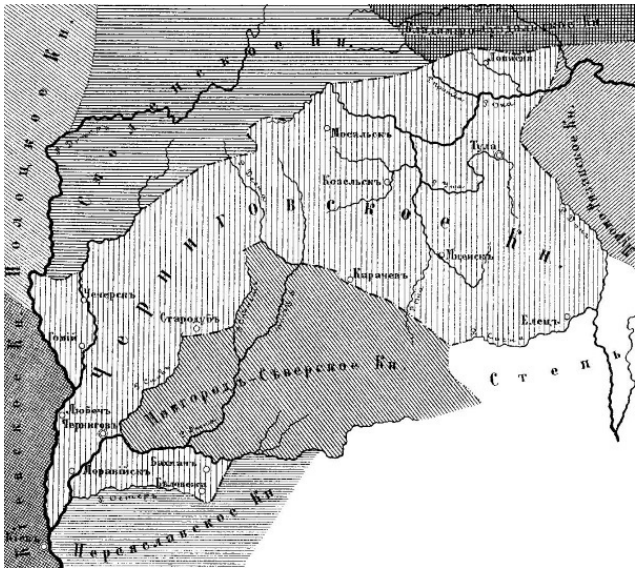
Ярослав разделил Государство на четыре области, кроме Полоцкой, оставленной им в наследие роду старшего брата его: в течение времени каждая из оных разделилась еще на особенные Уделы – и Князья первых стали после называться *Великими* в отношении к частным, *или Удельным*, от них зависевшим. Волыния, Галиция, земля Дреговичей отошли от Киева. Княжение Переяславское, весьма знаменитое при Всеволоде I и Мономахе, утратило Суздаль, Ростов, Курск; а Черниговское – Рязань и Муром (кроме Тмутороканя, завоеванного Половцами); Новгород Северский, Стародуб, иногда земля Вятичей во XII веке принадлежали разным Владетелям, нередко обнажавшим меч друг на друга. Смоленское также имело частные Уделы: Торопецкий и Красенский. Самый Новгород, древнее достояние Государей Киевских, славный храбростию и богатством жителей, присвоив себе власть избирать Князей, не мог сохранить целости владений своих. Псковитяне действовали иногда как независимые от него и свободные граждане.

Мономах, еще не будучи Великим Князем, видя с горестию безначалие и неустройство в России, хотел уменьшить сие великое зло учреждением общих Княжеских Советов, или Съездов, которые иногда воспаляли в сердцах любовь к отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вредного междоусобия. Вследствие такого Съезда несчастный Василько был ослеплен, а Глеб Рязанский обагрил руки свои кровию братьев.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наследства. Мы уже заметили выше, что по древнему обычаю не сын, но брат умершего Государя или старший в роде долженствовал быть его преемником. Мономах, убежденный народом властвовать в столице по кончине Святополка-Михаила, нарушил сей обычай; а как родоначальник Владетелей Черниговских был старее Всеволода I, то они в сыновьях и внуках Мономаховых ненавидели похитителей Великокняжеского достоинства и воевали с ними. Но истинными наследниками Киевского престола, согласно с тогдашним обыкновением, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя в Уделах Туровском и Пинском.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внешних? Одному особенному счастию надлежит приписать то, что Россия в течение двух веков не утратила своей народной независимости, от времени до времени имея Князей мужественных, бла-

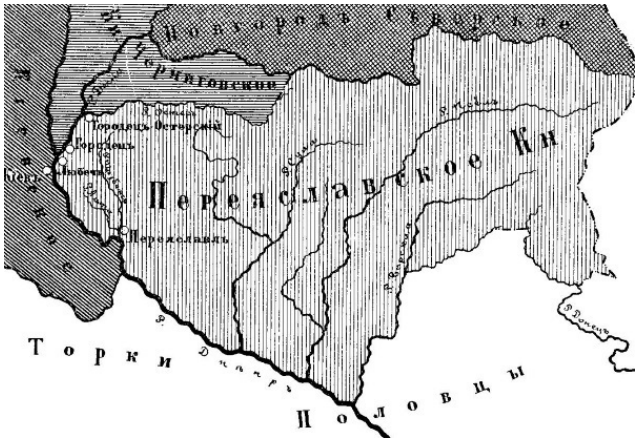
горазумных. Как Ярослав Великий решительным ударом навсегда избавил отечество от свирепости Печенегов, так Мономах блестящими победами, в княжение Святополка II, ослабил силу жестоких Половцев: они все еще тревожили Днепровскую область набегами, но уже не столь гибельными, как прежде; в отношении к своим диким нравам чувствовали превосходство россиян, любили называться Славянскими именами и даже охотно крестились. Два раза Поляки были господами нашей древней столицы, но испытав ужасную месть россиян и стеная от собственных бедствий внутри Государства, волнуемого мятежами, оставляли нас в покое. Мужественные Князья Галицкие: Владимирко, Ярослав, Роман – служили для России щитом на юго-западе и держали Венгров в страхе. Дунайские Болгары, с 1185 года свободные от ига Греков, были тогда сильным народом; в 1205 году разбили Латинского Императора Балдвина, взяли его в плен и доходили до врат Константинополя; но жили мирно с нами. Сын их героя Асана, именем Иоанн, принужденный выехать из отечества, искал защиты россиян и с помощию сих верных друзей – вероятно, знаменитого Мстислава Галицкого – в 1222 году восшел на престол своего дяди. – Болгары Камские не имели духа воинского. Рыцари Немецкие вытеснили Новогородцев и Кривичей из Ливонии, но далее не могли распространить своих завоеваний; а Литовцы были не что иное, как смелые грабители. Других, опаснейших врагов отечество наше тогда не знало и, несмотря на развлечение внутренних сил его, еще славилось могуществом в отношении к соседям, наблюдая законы предков в своем правлении, успевая в делах воинских, в торговле, в гражданском образовании.



Черниговское княжество в XII–XIII вв.

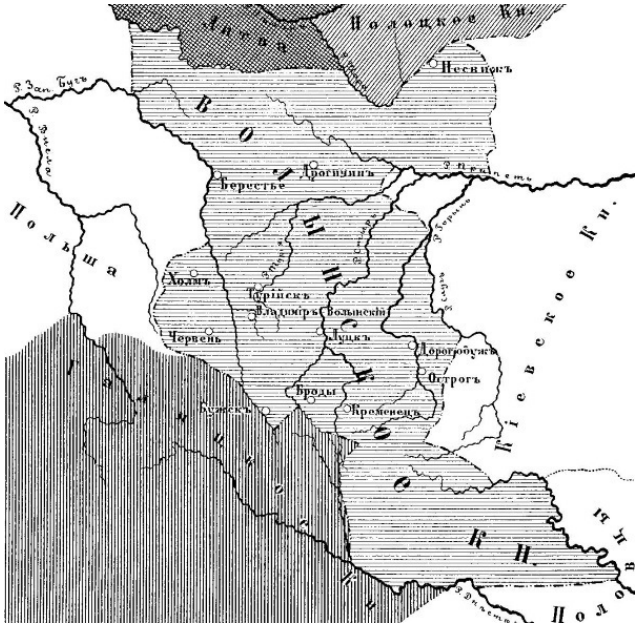
Что касается собственно до правления, то оно в сии времена соединяло в себе выгоды и злоупотребления двух, один другому противных, государственных уставов: самовластия и вольности. Когда Олег, Святослав, Владимир, окруженные славою побед, величием завоевателей, силою единодержавия в целой России, повелевали народу: народ смиренно и безмолвно исполнял их волю. Но когда Государство разделилось; когда лучи славы угасли над престолом Св. Владимира и вместо одного явились многие Государи в России: тогда народ, видя их слабость, захотел быть сильным, стеснял пределы Княжеской власти или противился ее действию. Самовластие Государя утверждается только могуществом Государства, и в малых областях редко находим Монархов неограниченных. Между тем древний устав Рюриковых времен не был отменен: везде, и в самом Новегороде, Князь судил, наказывал и сообщал власть свою Тиунам; объявлял войну, заключал мир, налагал дани. Но граждане столицы, пользуясь свободою веча, нередко останавливали Государя в делах важнейших: предлагали ему советы, требо-

вания; иногда решили собственную судьбу его как вышние законодатели. Жители других городов, подведомых областному и называемых обыкновенно *пригородами*, не имели сего права. Вероятно, что и в столицах не все граждане могли судить на Вечах, а только старейшие или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало в делах правления. Святополк-Михаил и Мономах звали Олега на совет с Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополит Киевский присутствовал на Вече Софийском. Архиепископ Новогородский ездил с судными делами к Андрею Боголюбскому. Подобно Князьям, Вельможам, богатым купцам владея селами, Епископы пользовались в оных исключительным правом судебным без сношения с гражданскою властию; под главным ведомством Митрополита судили Иереев, Монахов и все церковные преступления, наказывая виновных эпитимиями. россияне в XIII веке уже имели перевод Греческого Номоканона, или Кормчей Книги: она хранилась в Новогородском соборе и служила правилом для разбирательства случаев, относящихся к совести Христиан. – Духовным же особам были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убеждения рассудка, подкрепляемые гласом Веры, тем сильнее действовали на сердца людей. – Но Епископы, избираемые Князем и народом, в случае неудовольствия могли ими быть изгнаны. В отношениях гражданских Святитель совершенно зависел от суда Княжеского: так Ярослав Феодор (в 1229 году) судил какую-то важную тяжбу Епископа Ростовского, Кирилла, обвинил его и лишил почти всего имения. (К чести сего Кирилла, славного необыкновенным богатством, скажем, что он, вместо жалоб, принес благодарность Небу; раздал остаток своего достояния друзьям, нищим и, подобно Иову страдая тогда от недуга телесного, постригся в Схиму.)



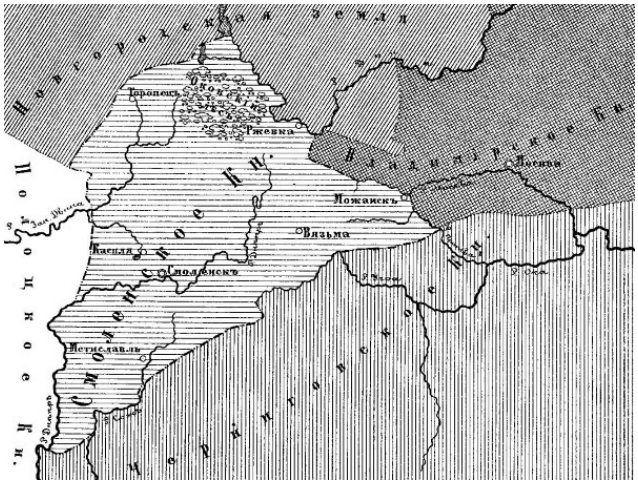
Переяславское княжество в XII–XIII вв.

Восшествие Государя на трон соединено было с обрядами священными: Митрополит торжественно благословил Долгорукого властвовать над южною Россиею; Киевляне, новогородцы сажали Князей на престол в Софийском храме. Князь в самой церкви, во время Литургии, стоял с покровенною главою, в шапке или клобуке (может быть, в венце); украшал Вельмож своих златыми цепями, крестами, гривнами; жаловал придворных в Казначеи, Ключники, Постельники, Конюшие и проч. Что прежде называлось *дружиною* Государей, то со времен Андрея Боголюбского уже именуется в летописях *Двором*: Бояре, Отроки и Мечники Княжеские составляли оный.



Волынское княжество в XII–XIII вв.

Сии Дворяне, первые в России, были лучшею частию войска. Каждый город имел особенных ратных людей, Пасынков, или Отроков Боярских (названных так для отличия от Княжеских) и Гридней, или простых Мечников, означаемых иногда общим именем воинской дружины. Только в чрезвычайных случаях вооружались простые граждане или сельские жители; но последние обязаны были давать лошадей для конницы. Совершив поход – большею частию в конце зимы – Князь обирал у воинов оружие, чтобы хранить его до нового предприятия. Войско разделялось на полки, конные и пехотные, на копейщиков и стрелков; последние обыкновенно начинали дело. Главный Воевода именовался Тысячским: Князья имели своих Тысячских, города также. Если сказания Нестора о числе Олеговых и Игоревых воинов, справедливы, то древнейшие ополчения Российские были многолюднее, нежели в XI, XII и XIII столетии; ибо сильнейшее *известное* нам войско в течение сих веков состояло только из 50000 ратников. Воины надевали латы единственно в то время, когда уже готовились к битве; самое оружие, для облегчения людей, возили в телегах: отчего неприятель, пользуясь нечаянностию, иногда нападал на безоружных. Войско робкое или малочисленное ограждало себя в поле кольями и плетнем; такие же ограды деревянные, или *остроги*, служили внешнею защитою для крепостей, замков, или *детинцев*. Немецкий Летописец, хваля меткость наших стрелков, говорит, что россияне могли учиться у Ливонских Рыцарей искусству города: но стенобитные орудия, или *пороки*, уже давно были у нас известны.

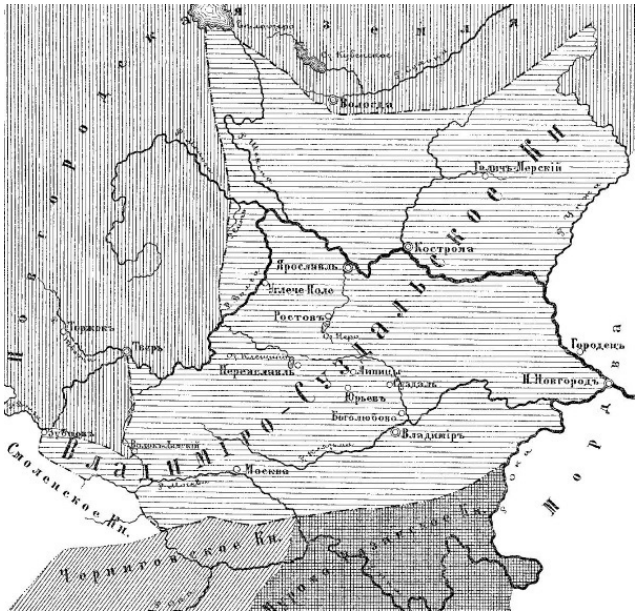


Смоленское княжество в XII–XIII вв.

Ни внутренние раздоры, ни внешние частые войны не препятствовали в России мирным успехам торговли, благодетельным для гражданского образования народов. В сие время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили в Киев купеческие флоты из Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что Князья, ожидая их, из самых дальних мест присылали войско к Каневу для обороны судов от хищных Половцев. Днепр в течении своем от Киева к морю назывался обыкновенно *путем Греческим*. Мы уже говорили о предметах сей торговли. россияне, покупая соль в Тавриде, привозили в Сурож, или Судак, богатый и цветущий, горностаевые и другие меха драгоценные, чтобы обменивать их у купцов восточных на бумажные, шелковые ткани и пряные коренья. Половцы, овладев Тмутороканем и едва не всем Крымом, для собственных выгод не мешали торговле и первые, кажется, впустили Генуэзцев в южную часть Тавриды. По крайней мере сии корыстолюбивые, хитрые Италиянцы еще за несколько лет до нашествия Татар имели торговые заведения в Армении, следственно, уже господствовали на Черном море. В самое то время, когда войско Российское сражалось с Половцами в земле их, купцы мирно там путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу в торговле, для ее безопасности наблюдают законы просвещенных народов. Греки, Армяне, Евреи, Немцы, Моравы, Венецияне жили в Киеве, привлекаемые выгодною меною товаров и гостеприимством россиян, которые дозволяли Христианам Латинской церкви свободно и торжественно отправлять свое богослужение, но запрещали им спорить о Вере: так Владимир Рюрикович Киевский выгнал (в 1233 году) какого-то мартина, приора Латинского храма Св. Марии в Киеве, вместе с другими Монахами Католическими, боясь – как говорит Польский Историк – *чтобы сии проповедники не доказали, сколь Вера Греческая далека от истины.*

Новгород-Северское княжество в XII–XIII вв.

Подобно Черному морю и Днепру, Каспийское и Волга служили другим важным путем для торговли. Болгары, в случае неурожая питая хлебом Суздальское Великое Княжение, могли доставлять нам и ремесленные произведения образованного Востока. В развалинах города Болгарского, в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги, нашлися Арменские надписи XII века: вероятно, что Армяне, издавна славные купечеством, выменивали там Русские меха и *кожи* на товары Персидские и другие. Доныне под именем *Болгар* разумеется в Турции восточные сафьяны, а в Бухарии юфть: из чего заключают, что Азия получала некогда сей товар от Болгаров. Достойно примечания, что в древнем их отечестве, в Казани, и ныне делаются лучшие из Русских сафьянов. В упомянутых развалинах найдены также Арабские надписи от 1222 до 1341 года по Христианскому летосчислению, вырезанные отчасти над могилами *Ширванских* и *Шамаханских* уроженцев. – Земледельцы находят иногда в окрестностях сего места золотые мелочи, женские украшения, серебряные арабские монеты и другие без всякой надписи, ознаменованные единственно произвольными изображениями, точками, звездочками и без сомнения принадлежавшие народу безграмотному (может быть, Чудскому). Такие любопытные памятники свидетельствуют о древнем цветущем состоянии Российской Болгарии.



Владимиро-Суздальское княжество в XII–XIII вв.

Новгород, серебром и мехами собирая дань в Югре, посылал корабли в Данию и в Любек. В 1157 году, при осаде Шлезвига, Король Датский, Свенд IV, захватил многие суда Российские и товары их роздал, вместо жалованья, воинам. Купцы Новогородские имели свою церковь на острове Готландии, где цвел богатый город Визби, заступив место Винеты, и где до XVII века хранилось предание, что некогда товары Индейские, Персидские, Арабские шли чрез Волгу и другие наши реки в пристани Балтийского моря. Известие вероятное: оно изъясняет, каким образом могли зайти на берега сего моря древние монеты Арабские, находимые там в большом количестве. – Готландцы, Немцы издавна живали в Новегороде. Они разделялись на два общества: *зимних* и *летних гостей*. Правительство обязывалось за установленную плату высылать к Ижере, навстречу им, лодошников: ибо сии купцы, боясь порогов Невских и Волховских, обыкновенно перегружали товары в легкие лодки, внося в казну с каждого судна гривну кун, а с нагруженного хлебом полгривны. В Новегороде отведены были особенные дворы Немецким и Готландским купцам, где они пользовались совершенною независимостию и ведались собственным судом, избирая для того старейшин; один Посол Княжеский мог входить к ним. Обиженный россиянином гость жаловался Князю и Тиуну Новогородскому; обиженный гостем россиянин – старейшине иноземцев. Сии тяжбы решились на дворе Св. Иоанна. Готландцы имели в Новегороде божницу Св. Олава, Немцы храм Св. Петра, а в Ладоге Св. Николая, с кладбищами и лугами. Когда же, в течение XIII столетия, вольные города германские Любек, Бремен и другие, числом наконец до семидесяти, вступили в общий, тесный союз, славный в истории под именем Ганзы, утвержденный на правилах взаимного дружества и вспоможения, нужный для их безопасности и свободы, для успехов торговли и промышленности – союз столь счастливый, что он, господствуя на двух морях, мог давать законы народам и венценосцам, – когда Рига и Готландия присоединились к сему братству: тогда Новгород сделался еще важнее в купеческой системе Европы северной: Ганза учредила в нем главную контору, называла ее *материю* всех иных, старалась угождать россиянам, пресекая злоупотребления, служившие поводом к раздорам; строго подтверждала купцам своим, чтобы товары их имели определенную доброту, и чтобы купля в Новегороде производилась всегда меною вещей без всяких долговых обязательств, из коих выходили споры. Немцы привозили тонкие сукна, в особенности Фламандские, соль, сельди и хлеб в случае неурожая, покупая у нас меха, воск, мед, кожи, пеньку, лен. Ганза торжественно запрещала ввозить в Россию серебро и золото; но купцы не слушались устава, противного их личным выгодам, и доставляли Новугороду немало драгоценных металлов, привлекаемые туда славою его изобилия и рассказами, почти баснословными, о пышности двора Княжеского, Вельмож, богатых граждан. – Псков участвовал в сей знаменитой торговле, и правительство обоих городов, способствуя успехам ее, довольствовалось столь умеренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрым бескорыстием.

Древняя Биармия, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли Шведские, Норвежские не преставали до самого XIII века ходить к устью Северной Двины. Летописцы Скандинавские повествуют, что в 1216 году знаменитый купец их, Гелге Богрансон, имев несчастную ссору с Биармским начальником, был там умерщвлен вместе со всеми товарищами, кроме одного, именем Огмунда, ушедшего в Новгород. Сей Огмунд ездил из России в Иерусалим и, возвратясь в отечество, рассказал о жалостной кончине Богрансона. Норвежцы хотели мстить за то Биармским жителям и, в 1222 году прибыв к ним на четырех кораблях, ограбили их землю, взяли в добычу множество *клейменого* серебра, мехов *бельих*, и проч.

Смоленск имел также знатную торговлю с Ригою, с Готландиею и с Немецкими городами: чему доказательством служит договор, заключенный с ними смоленским Князем Мстиславом Давидовичем в 1228 году. – Предлагаем здесь главные статьи оного, любопытные в отношении к самым нравам и законодательству древней России.

«1. Мир и дружба да будут отныне между Смоленскою областию, Ригою, *Готским* берегом (Готландиею) и всеми Немцами, ходящими по *Восточному морю*, ко взаимному удовольствию той и другой стороны. А если – чего Боже избави – сделается в ссоре убийство, то за жизнь вольного человека платить десять гривен серебра, *пенязями* (деньгами) или кунами, считая оных (кун) 4 гривны на одну гривну серебра. Кто ударит холопа, платит гривну кун; за повреждение глаза, отсечение руки, ноги и всякое увечье 5 гривен серебра; за вышибенный зуб 3 гривны (серебра же); за окровавление человека посредством дерева 1 1/3 гривны, за рану без увечья то же; кто ударит палицею, батогом или схватит человека за волосы, дает 2/3 гривны. Если россиянин застанет Немца или Немец россиянина у своей жены; также если Немец или россиянин обесчестит девицу или вдову хорошего поведения, то взыскать с виновного 10 гривен серебра. Пеня за обиду Посла и Священника должна быть двойная. Если виновный найдет поруку, то не заключать его в оковы и не сажать в темницу; не приставлять к нему и стражи, пока истец не дал знать о своей жалобе старейшему из единоземцев обидчика, предполагаемому миротворцу. – С вором, пойманным в доме или у товара, хозяин волен поступить, как ему угодно.

2. Заимодавец чужестранный удовлетворяется прежде иных; он берет свои деньги и в таком случае, когда должник осужден за уголовное преступление лишиться собственности. Если холоп Княжеский или Боярский умрет, заняв деньги у Немца, то наследник первого – или кто взял его имение – платит долг.

3. И Немец и россиянин обязаны в тяжбах представлять более двух свидетелей из своих единоземцев. Испытание невинности посредством раскаленного железа дозволяется только в случае обоюдного на то согласия; принуждения нет. Поединки не должны быть терпимы; но всякое дело разбирается судом по законам той земли, где случилось преступление. Один Князь судит Немцев в Смоленске; когда же они сами захотят идти на *суд общий*, то их воля. Сею же выгодою пользуются и россияне в земле Немецкой. Те и другие увольняются от судных пошлин: разве люди добрые и нарочитые присоветуют им что-нибудь заплатить судье.

4. Пограничный Тиун, сведав о прибытии гостей Немецких на волок, немедленно дает знать тамошним жителям, чтобы они везли на возах товары сих гостей и пеклись о личной их безопасности. Жители платят за товар Немецкий или Смоленский, ими утраченный. Немцы на пути из Риги в Смоленск и на возвратном увольняются от пошлины: также и россияне в земле Немецкой. Немцы должны бросить жребий, кому ехать наперед; если же будет с ними купец Русский, то ему остаться позади. – Въехав в город, гость Немецкий дарит Княгине кусок полотна, а Тиуну Волокскому перчатки Готские; может купить, продать товар или ехать с оным из Смоленска в иные города. Купцы Русские пользуются такою же свободою на *Готском береге* и вольны ездить оттуда в Любек и другие города Немецкие. – Товар, купленный и вынесенный из дому, уже не возвращается хозяину, и купец не должен требовать назад своих денег. – Немец дает весовщику за две *капи*, или 24 пуда, куну *смоленскую*, за гривну *купленного золота* ногату, за гривну серебра 2 векши, за серебряный сосуд от гривны куну; в случае *продажи металлов* ничего не платит; когда же покупает вещи на серебро, то с гривны вносит куну смоленскую. – Для поверки весов хранится одна *капь* в церкви Богоматери на горе, а другая в Немецкой божнице (следственно и в Смоленске была католическая церковь): с сим весом должны и Волочане сверять пуд, данный им от Немцев.

5. Когда Смоленский Князь идет на войну, то ему не брать Немцев с собою: разве они сами захотят участвовать в походе. И россиян не принуждать к военной службе в земле Немецкой.

6. Епископ Рижский, Мастер Фолкун (Volquin) и все другие Рижские Властители признают Двину вольною, от устья до вершин ее, для судоходства россиян и Немцев. Если – чего Боже избави – ладия Русская или Немецкая повредится, то гость может везде пристать к берегу,

выгрузить товар и нанять людей для вспоможенид; но им более договорной цены с него не требовать.

Сия грамота имеет для Полоцка и Витебска то же действие, что и для Смоленска. Она писана при Священнике Иоанне, Мастере Фолкуне и многих купцах Рижского *царства*, приложивших к ней свои печати; а свидетели подписались»… Следуют имена некоторых жителей Готландии, Любека, Минстера, Бремена, Риги; а внизу сказано: «Кто из россиян или Немцев нарушит наш устав, будет противен Богу».

О сем договоре упоминается и в Немецкой летописи, где он назван весьма благоприятным для купцов Ливонских; но предки наши, давая им свободу и права в России, не забывали собственных выгод: таким образом, увольняя чужеземных гостей, *продавцов* серебра и золота, от всякой пошлины, хотели чрез то умножить количество ввозимых к нам металлов драгоценных. В рассуждении цены серебра заметим, что она со времен Ярослава до XIII века, кажется, не возвысилась относительно к *Смоленской* ходячей или кожаной монете: Ярослав назначает в *Правде* 40 гривен пени кунами за убийство, а Мстислав Давидович в уставе своем 10 гривен серебром, полагая 4 гривны кун на одну гривну серебра, следственно, ту же самую пеню: напротив чего Новогородские куны унизились.

Не только купцов, но и других чужеземцев, полезных знаниями и ремеслом, россияне старались привлекать в свою землю: строителей, живописцев, лекарей. От Ярослава Великого до времен Андрея Боголюбского знаменитейшие церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами; нов 1194 году Владимирский Епископ Иоанн, для возобновления древнего Суздальского храма Богоматери, нашел между собственными церковниками искусных мастеров и литейщиков, которые весьма красиво отделали сию церковь снаружи и покрыли оловом, не взяв к себе в товарищи ни одного *Немецкого* художника. Тогда же славился в Киеве зодчий, именем Милонег-Петр, строитель каменной стены на берегу Днепра под монастырем Выдубецким, столь удивительной для современников, что они говорили об ней как о великом чуде. Греческие живописцы, украсив образами Киевскую лавру, выучили своему художеству добродетельного Монаха Печерского Св. Алимпия, бескорыстного и трудолюбивого: не требуя никакой мзды, он писал иконы для всех церквей и, занимая деньги на покупку красок, платил долги своею работою. Сей Алимпий есть древнейший из всех известных нам живописцев Российских. Кроме икон церковных, они изображали на хартиях в священных книгах разные лица, без особенного искусства в рисунке, но красками столь хорошо составленными, что в шесть или семь веков свежесть оных и блеск золота нимало не помрачились. – Заметим также, касательно рукоделий, что древние Бояре Княжеские обыкновенно носили у нас *шитые золотом оплечья*: итак, искусство золотошвеев – сообщенное нам, как вероятно, от Греков – было известно в России прежде, нежели во многих других землях европейских.

Мы упомянули о лекарях: ибо врачевание принадлежит к самым первым и необходимейшим наукам людей. Во времена Мономаховы славились в Киеве Арменские врачи: один из них (как пишут), взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, и в противном случае обыкновенно предсказывал день его смерти. Врач Николы Святоши был Сирианин. Многие лекарства составлялись в России: лучшие и драгоценнейшие привозились чрез Константинополь из Александрии. Желая всеми способами благодетельствовать человечеству, некоторые из наших добрых Монахов старались узнавать силу целебных трав для облегчения недужных и часто успехами своими возбуждали зависть в лекарях чужеземных. Печерский Инок Агапит самым простым зелием и молитвою исцелил Владимира II, осужденного на смерть искусным врачом Арменским.

Таким образом, художества и науки, быв спутниками Христианства на Севере, водворялись у нас в мирных обителях уединения и молитвы. Те же благочестивые иноки были в России первыми наблюдателями тверди небесной, замечая с великою точностию явления комет, солнечные и лунные затмения; путешествовали, чтобы видеть в отдаленных странах знамени-

тые святостию места и, приобретая географические сведения, сообщали оные любопытным единоземцам; наконец, подражая Грекам, бессмертными своими летописями спасли от забвения память наших древнейших Героев, ко славе отечества и века. Митрополиты, Епископы, ревностные проповедники Христианских добродетелей, сочиняли наставления для мирян и Духовных. Суздальский Святитель, блаженный Симон, и друг его, Поликарп, Монах Лавры Киевской, описали ее достопамятности и жития первых Угодников слогом уже весьма ясным и довольно чистым. Вообще Духовенство наше было гораздо просвещеннее мирян; однако ж и знатные светские люди учились. Ярослав I, Константин отменно любили чтение книг. Мономах писал не только умно, но и красноречиво. Дочь Князя Полоцкого, Святая Евфросиния, день и ночь трудилась в списывании книг церковных. Верхуслава, невестка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученых мужей своего времени, Симона и Поликарпа. – *Слово о полку Игореве* сочинено в XII веке и без сомнения мирянином: ибо Монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные. Вероятно, что оно в рассуждении слога, оборотов, сравнений есть подражание древнейшим Русским сказкам о делах Князей и богатырей: так, сочинитель хвалит *соловья* старого времени, стихотворца Бояна, которого *вещие персты*, летая по *живым струнам, рокотали* или гласили *славу* наших витязей. К несчастию, песни Бояновы и, конечно, многих иных стихотворцев исчезли в пространстве семи или осьми веков, большею частию памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь – здания и хартии. Тем достойнее внимания *Слово о полку Игореве*, будучи в своем роде единственным для нас творением: предложим содержание оного и места значительнейшие, которые дают понятие о вкусе и пиитическом языке наших предков.

В.М. Васнецов. После побоища Игоря Святославича с половцами

Игорь, Князь Северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на Половцев и говорит: «Хочу преломить копие свое на их дальнейших степях, положить там свою голову или *шлемом испить Дону*». Многочисленная рать собирается: «Кони ржут за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новегороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата Всеволода». Всеволод изображает своих мужественных витязей: «Они под звуком труб повиты, концом копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле как волки серые; ищут чести самим себе, а Князю славы». Игорь, *вступив в златое стремя*, видит глубокую тьму пред собою; небо ужасает его грозою, звери ревут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы *клектом* своим предвещают ему гибель, и лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены; их девицы красные взяты в плен, злато и ткани в добычу; одежды и наряды Половецкие лежат на болотах, вместо мостов для россиян. Князь Игорь берет себе одно багряное знамя неприятельское с древком сребряным. Но идут с юга черные тучи или новые полки варваров: «Ветры, Стрибоговы внуки, веют от моря стрелами на воинов Игоревых». Всеволод впереди с своею дружиною: «сыплет на врагов стрелы, гремит о шлемы их

мечами булатными. Где сверкнет златой шишак его, там лежат головы Половецкие». Игорь спешит на помощь к брату. Уже два дня пылает битва, неслыханная, страшная: «земля облита кровию, усеяна костями. В третий день пали наши знамена: *кровавого вина* не достало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли за отечество». Киев, Чернигов в ужасе: Половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их «поют веселые песни на берегу синего моря, звеня Русским золотом». Сочинитель молит всех Князей соединиться для наказания Половцев и говорит Всеволоду III: «Ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а Дон вычерпать шлемами», – Рюрику и Давиду: «Ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровию; ваши мужественные витязи ярятся как дикие волы, уязвленные саблями каленными», – Роману и Мстиславу Волынским: «Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, склоняют головы под ваши мечи булатные», – сыновьям Ярослава Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: «О вы, славного гнезда *шестокрильцы!* заградите поле врагу стрелами острыми». Он называет Ярослава Галицкого *Осмомыслом*, прибавляя: «сидя высоко на престоле златокованом, ты *подпираешь* горы Карпатские *железными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные». В то ж время Сочинитель оплакивает гибель одного Кривского Князя, убитого Литовцами: «Дружину твою, Князь, птицы хищные приодели крыльями, а звери кровь ее полизали. Ты сам выронил *жемчужную* душу свою из мощного тела чрез златое ожерелье». В описании несчастного междоусобия Владетелей Российских и битвы Изяслава I с Князем Полоцким сказано: «На берегах Немана стелют они снопы головами, молотят цепами булатными, веют душу от тела… О времена бедственные! Для чего нельзя было *пригвоздить* старого Владимира к горам Киевским» (или сделать бессмертным)!.. Между тем супруга плененного Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря в чистое поле: «Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими навеял ты стрелы Ханские на воинов моего друга? Разве мало. тебе волновать синее море и *лелеять* корабли на зыбях его?… О Днепр славный! Ты пробил горы каменные, стремяся в землю Половецкую; ты нес на себе ладии Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих в синее море!.. О солнце светлое! Ты для всех тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?…» Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзом коне к пределам отечества, стреляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомив коня, садится в ладию и плывет Донцом в Россию. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет оную приветствовать Князя: «Немало тебе, Игорь, величия, Хану Кончаку досады, а Русской земле веселия». Князь ответствует: «Немало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах *сребряных*, одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах». Игорь, прибыв в Киев, едет благодарить Всевышнего в храм Пирогощей Богоматери, и Сочинитель, повторив слова Бояновы: «худо голове без плеч, худо плечам без головы», восклицает: «Счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игорево. Слава Князьям и дружине!» Читатель видит, что сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными Стихотворству юных народов.

Со времен Владимира Святого нравы долженствовали измениться в древней России от дальнейших успехов Христианства, гражданского общежития и торговли. Набожность распространялась: Князья, Вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри и нередко сами укрывались в них от сует мира. Достойные Святители и Пастыри Церкви учили Государей стыдиться злодеяний, внушаемых дикими, необузданными страстями; были ходатаями человечества и вступались за утесненных. россияне, по старинному обыкновению, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость как добродетель; явно имели наложниц, но оскорбитель целомудренной жены наказывался как убийца… Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народ жаловался на корыстолюбие Тиунов и

Князей. Летописцы XIII века с отменным жаром хвалят умеренность древних Владетелей Российских: «Прошли те благословенные времена (говорят они), когда Государи наши не собирали имения, а только воевали за отечество, покоряя чуждые земли; не угнетали людей налогами и довольствовались одними справедливыми Вирами, отдавая и те своим воинам, на оружие. Боярин же твердил Государю: *мне мало двух сот гривен*, а кормился жалованьем и говорил товарищам: *станем за Князя, станем за Русскую землю*. Тогда жены Боярские носили не златые, а просто *серебряные* кольцы. Ныне „другие времена!» – Однако ж ни миролюбивые правила Христианства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратного духа наших предков: даже самые уставы церковные питали оный: так, воин накануне похода освобождался от всякой эпитимии. Сыновья Княжеские возрастали в поле и в станах воинских; еще не достигнув лет юношества, уже садились на коней и мечом грозили врагу. К сожалению, сей дух воинственный не был управляем благоразумием человеколюбия в междоусобиях Князей: злобствуя друг на друга, они без стыда разоряли отечество, жгли селения беззащитные, пленяли людей безоружных.

Наконец скажем, что если бы Россия была единодержавным Государством (от пределов Днестра до Ливонии, Белого моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы в могуществе никакой державе сего времени; спаслась бы, как вероятно, от ига Татарского и, находясь в тесных связях с Грециею, заимствуя художества ее, просвещение, не отстала бы от иных земель Европейских в гражданском образовании. Торговля внешняя, столь обширная, деятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства с домами многих знаменитейших государей Христианских – Императоров, Королей, Принцев Германии – делали наше отечество известным в отдаленных пределах Востока, Юга и Запада. К дошедшим до нас чужестранным известиям о тогдашней России принадлежит сказание Испанского Еврея Вениамина, сына Ионы, о многих Азиатских и Европейских землях, им виденных. В 1173 году выехав из Сарагоссы, он долго путешествовал и записывал свои примечания, иногда с довольною подробностию; но, упомянув о России, говорит только, что она весьма пространна; что в ней много лесов и гор; что жители от чрезмерного холода зимою не выходят из домов, ловят соболей и торгуют людьми.

Таким образом, предложив читателю известия и некоторые мысли, служащие к объяснению наших древностей, обратимся к описанию важных происшествий.

Глава VIII
Великий князь георгий всеволодович. 1224-1238

В нынешней Татарии Китайской, на юг от Иркутской Губернии, в степях, неизвестных ни Грекам, ни Римлянам, скитались орды Моголов, единоплеменных с Восточными Турками. Сей народ дикий, рассеянный, питаясь ловлею зверей, скотоводством и грабежом, зависел от Татар *Ниучей*, господствовавших в северной части Китая, но около половины XII века усилился и начал славиться победами. Хан его, именем Езукай Багадур, завоевал некоторые области соседственные и, скончав дни свои в цветущих летах, оставил в наследие тринадцатилетнему сыну, Темучину, 40000 подвластных ему семейств, или данников. Сей отрок, воспитанный материю в простоте жизни Пастырской, долженствовал удивить мир геройством и счастием, покорить миллионы людей и сокрушить Государства, знаменитые сильными воинствами, цветущими Искусствами, Науками и мудростию своих древних законодателей.

По кончине Багадура многие из данников отложились от его сына. Темучин собрал 30000 воинов, разбил мятежников и в семидесяти котлах, наполненных кипящею водою, сварил главных виновников бунта. Юный Хан все еще признавал над собою власть Монарха Татарского и служил ему с честию в разных воинских предприятиях; но скоро, надменный блестящими успехами своего победоносного оружия, захотел независимости и первенства. Ужасать врагов местию, питать усердие друзей щедрыми наградами, казаться народу человеком сверхъестественным было его правилом. Все особенные начальники Могольских и Татарских орд добровольно или от страха покорились ему: он собрал их на берегу одной быстрой реки, с торжественным обрядом пил ее воду и клялся делить с ними все *горькое* и *сладкое* в жизни. Но Хан Кераитский, дерзнув обнажить меч на сего второго Аттилу, лишился головы, и череп его, окованный серебром, был в Татарии памятником *Темучинова гнева*. В то время как многочисленное войско Могольское, расположенное в девяти станах близ источников реки Амура, под шатрами разноцветными, с благоговением взирало на своего юного Монарха, ожидая новых его повелений, явился там какой-то святый пустынник, или мнимый пророк, и возвестил собранию, что бог отдает Темучину всю землю и что сей Владетель мира должен впредь именоваться *Чингисханом*, или Великим Ханом. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудиями воли Небесной: народы следовали их примеру. Киргизы южной Сибири и славные просвещением Игуры или Уйгуры, обитавшие на границах Малой Бухарии, назвалися подданными Чингисхана. Сии Уйгуры, обожая идолов, терпели у себя Магометан и Христиан Несторианских; любили Науки, художества и сообщили грамоту всем другим народам Татарским. Царь Тибета также признал Чингисхана своим повелителем.

Достигнув столь знаменитой степени величия, сей гордый Хан торжественно отрекся платить дань Монарху Ниучей и северных областей Китая, велев сказать ему в насмешку: «Китайцы издревле называют своих Государей *сынами Неба*, а ты *человек* – и смертный!» Большая каменная стена, служащая оградою для Китая, не остановила храбрых Моголов: они взяли там 90 городов, разбили бесчисленное войско неприятельское, умертвили множество пленных старцев, как людей бесполезных. Монарх Ниучей обезоружил своего жестокого врага, дав ему 500 юношей и столько же девиц прекрасных, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисхан, вторично вступив в Китай, осадил столицу его или нынешний Пекин. Отчаянное сопротивление жителей не могло спасти города: Моголы овладели им (в 1215 году) и зажгли дворец, который горел около месяца. Свирепые победители нашли в Пекине богатую добычу и мудреца, именем Иличуцая, родственника последних Императоров Китайских, славного в Истории благодетеля людей: ибо он, заслужив любовь и доверенность Чингисхана, спас миллионы несчастных от погибели, умерял его жестокость и давал ему мудрые советы для образования диких Моголов.

Еще Татары-Ниучи противоборствовали Чингисхану: оставив сильную рать в Китае, под начальством мужественного предводителя, он устремился к странам западным, и сие движение войска его сделалось причиною бедствий для России. Мы говорили о Турках Альтайских: хотя они, утесненные с одной стороны Китайцами, а с другой Аравитянами (во XII веке завладевшими Персиею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники их, служив долгое время Калифам, освободились наконец от ига и были основателями разных государств могущественных. Так, в исходе XI века Монарх Турков-Сельчуков, именем Челаддин, господствовал от моря Каспийского и Малой Бухарии до реки Гангеса, Иерусалима, Никеи и давал повеления Багдадскому Калифу, Папе Магометан. Сие Государство исчезло, ослабленное распрями частных его Владетелей и завоевателями Крестоносцев в Азии: на развалинах его, в конце XII столетия, возвеличилась новая Турецкая Династия Монархов Харазских, или Хивинских, которые завладели большею частию Персии и Бухариею. В сие время там царствовал Магомет II, гордо называясь вторым Александром Великим: Чингисхан имел к нему уважение, искал его дружбы, хотел заключить с ним выгодный для обоих союз: но Магомет велел умертвить послов Могольских…

Тогда Чингисхан прибегнул к суду Неба и меча своего; три ночи молился на горе и торжественно объявил, что Бог в сновидении обещал ему победу устами Епископа Христианского, жившего в земле Игуров. Сие обстоятельство, вымышленное для ободрения суеверных, было весьма счастливо для Христиан: ибо они с того времени пользовались особенным благоволением Хана Могольского. Началась война, ужасная остервенением варварства и гибельная для Магомета, который, имея рать бесчисленную, но видя мужество неприятелей, боялся сразиться с ними в поле и думал единственно о защите городов. Сия часть Верхней Азии, именуемая Великою Бухариею (а прежде Согдианою и Бактриею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лесов и вод, но и просвещением народным, художествами, торговлею, многолюдными городами и цветущею столицею, доныне известною под именем Бохары, где находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Веры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисхан, приняв городские ключи из рук старейшин, въехал на коне в главную мечеть и, видя там лежащий Алкоран, с презрением бросил его на землю. Столица была обращена в пепел. Самарканд, укрепленный искусством, заключал в стенах своих около ста тысяч ратников и множество слонов, главную опору древних воинств Азии: несмотря на то, граждане прибегнули к великодушию Моголов, которые, взяв с них 200000 золотых монет, еще не были довольны: умертвили 30000 пленников и такое же число оковали цепями вечного рабства. Хива, Термет, Балх (где находилось 1200 мечетей и 200 бань для странников) испытали подобную же участь, вместе со многими иными городами, и свирепые воины Чингисхановы в два или три года опустошили всю землю от моря Аральского до Инда так, что она в течение шести следующих веков уже не могла вновь достигнуть до своего прежнего цветущего состояния. Магомет, гонимый из места в место жестоким, неумолимым врагом, уехал на один остров Каспийского моря и там в отчаянии кончил жизнь свою.

В сие время – около 1223 года – желая овладеть западными берегами моря Каспийского, Чингисхан отрядил двух знаменитых военачальников, Судая Баядура и Чепновиана; с повелением взять Шамаху и Дербент. Первый город сдался, и Моголы хотели идти самым кратчайшим путем к Дербенту, построенному, вместе с Каспийскою стеною, в VI веке славным Царем Персидским Хозроем I, или Нушірваном, для защиты Государства его от Козаров. Но обманутые путеводителями Моголы зашли в тесные ущелия и были со всех сторон окружены Аланами – Ясами, жителями Дагестана – и Половцами, готовыми к жестокому бою с ними. Видя опасность, Военачальник Чингисханов прибегнул к хитрости, отправил дары к Половцам и велел сказать им, что они, будучи *единоплеменниками* Моголов, не должны восставать на своих братьев и дружиться с Аланами, которые совсем иного рода. Половцы, обольщенные ласковым приветствием или дарами, оставили союзников; а Моголы, пользуясь сим благоприятным слу-

чаем, разбили Алан. Скоро главный Хан Половецкий, именем Юрий Кончакович, раскаялся в своей оплошности: узнав, что мнимые братья намерены господствовать в его земле, он хотел бежать в степи; но Моголы умертвили его и другого Князя, Данила Кобяковича; гнались за их товарищами до Азовского моря, до вала Половецкого или до самых наших границ; покорили Ясов, Абазинцев, Касогов или Черкесов и вообще семь народов в окрестностях азовских.

Многие Половцы ушли в Киевскую область с своими женами, скотом и богатством. В числе беглецов находился знаменитый Котян, тесть Мстислава Галицкого: сей Хан взволновал Россию вестию о нашествии Моголов; дарил Князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами и говорил: «Ныне они взяли нашу землю; завтра возьмут вашу». россияне ужаснулись и в изумлении спрашивали друг у друга, кто сии пришельцы, до того времени неизвестные? Некоторые называли их Таурменами, другие Печенегами, но вообще Татарами. Суеверные рассказывали, что сей народ, еще за 1200 лет до Рождества Христова побежденный Гедеоном и некогда заключенный в пустынях Северо-Востока, долженствовал пред концом явиться в Азии, в Европе и завоевать всю землю. Храбрый Князь Галицкий, пылая ревностию отведать счастия с новым и столь уже славным врагом, собрал Князей на совет в Киеве и представлял убедительно, что благоразумие и государственная польза обязывает их вооружиться; что утесненные Половцы, будучи оставлены ими, непременно соединятся с Татарами и наведут их на Россию; что лучше сразиться с опасным неприятелем вне отечества, нежели впустить его в свои границы. Мстислав Романович Киевский (называемый в летописях Старым и Добрым), Князь Черниговский того же имени (брат Всеволода Чермного) и Мстислав Галицкий председательствовали в совете, где находились также пылкие юноши, Даниил Романович Волынский, – Михаил, сын Чермного, и бывший Князь Новогородский, Всеволод Мстиславич. Они долго рассуждали: наконец единодушно положили искать неприятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и Хан их Батый принял тогда же Веру Христианскую.

Уже войско наше стояло на Днепре у Заруба и *Варяжского* острова: там явились десять Послов Татарских. «Слышим, – говорили они Князьям Российским, – что вы, обольщенные Половцами, идете против нас; но мы ничем не оскорбили россиян: не входили к вам в землю; не брали ни городов, ни сел ваших, а хотим единственно наказать Половцев, своих рабов и *конюхов*. Знаем, что они издревле враги России: будьте же нам друзьями; пользуясь случаем, отмстите им ныне, истребите злодеев и возьмите их богатство». Сие благоразумное миролюбие показалось нашим Князьям или робостию, или коварством: забыв правила народной чести, они велели умертвить Послов; но Татары еще прислали новых, которые, встретив войско Российское, в семнадцатый день его похода, на берегах Днепра, близ Олешья, сказали Князьям: «Итак, вы, слушаясь Половцев, умертвили наших Послов и хотите битвы? Да будет! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: Он нас рассудит». Князья, как бы удивленные великодушием Татар, отпустили сих Послов и ждали остального войска. Мстислав Романович, Владимир Рюрикович и Князья Черниговских Уделов привели туда, под своими знаменами, жителей Киева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. С ними соединились Волынцы и Галичане, которые на 1000 ладиях плыли Днестром до моря, вошли в Днепр и стали у реки Хортицы. Половцы также стекались к россиянам толпами. Войско наше расположилось станом на правом берегу Днепра. Услышав, что отряд Татарский приближается, юный Князь Даниил с некоторыми любопытными товарищами поскакал к нему навстречу. Осмотрев сие новое для них войско, они возвратились с донесением ко Мстиславу Галицкому. Но вести были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что Татары суть худые ратники и не достойны уважения; а Воевода, пришедший из Галича с ладиями, именем Юрий Домаречич, уверял, что сии враги кажутся опытными, знающими и стреляют лучше Половцев. Молодые Князья нетерпеливо хотели вступить в бой: Мстислав Галицкий, с тысячею воинов ударив на отряд неприятельский, разбил его совершенно. Стрелки наши оказали в сем деле искусство и мужество. Летописцы

говорят, что Татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его в яме, но что россияне нашли, а Половцы, с дозволения Мстиславова, умертвили сего Могольского чиновника.

Надменные первым успехом и взяв в добычу множество скота, все россияне переправились за Днепр и шли девять дней до реки Калки (ныне Калеца в Екатеринославской Губернии, близ Мариуполя), где была легкая сшибка с неприятелем. Мстислав Галицкий, поставив войско свое на левом берегу Калки, велел Яруну, начальнику Половцев, и Даниилу с Российскою дружиною идти вперед; а сам ехал на коне за ними и скоро увидел многочисленное войско Татар. [31 мая 1223 г.] Битва началася. Пылкий Даниил изумил врагов мужеством; вместе с Олегом Курским теснил густые толпы их и, копием в грудь уязвленный, не думал о своей ране. Мстислав *Немой*, брат Ингваря Луцкого, спешил дать ему помощь и крепкою мышцею разил неприятелей. Но малодушные Половцы не выдержали удара Моголов: смешались, обратили тыл; в беспамятстве ужаса устремились на россиян, смяли ряды их и даже отдаленный стан, где два Мстислава, Киевский и Черниговский, еще не успели изготовиться к битве: ибо Мстислав Галицкий, желая один воспользоваться честию победы, не дал им никакой вести о сражении. Сие излишнее славолюбие Героя столь знаменитого погубило наше войско: россияне, приведенные в беспорядок, не могли устоять. Юный Даниил вместе с другими искал спасения в бегстве; прискакав к реке, остановил коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовал свою рану. Татары гнали россиян, убив их множество, и в том числе шесть Князей: Святослава Яновского, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумского, Мстислава Черниговского с сыном, Юрия Несвижского; также отличного Витязя, именем Александра Поповича, и еще 70 славных *богатырей*. Земля Русская, по словам Летописцев, от начала своего не видала подобного бедствия: войско прекрасное, бодрое, сильное совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; одних Киевлян легло на месте 10000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастия, убивали россиян, чтобы взять их коней или одежду. Мстислав Галицкий, испытав в первый раз ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился в ладию, переехал за Днепр и велел истребить все суда, чтобы Татары не могли за ним гнаться. Он уехал в Галич; а Владимир Рюрикович Смоленский в Киев.

Между тем Мстислав Романович Киевский еще оставался на берегах Калки в укрепленном стане, на горе каменистой; видел бегство россиян и не хотел тронуться с места: достопамятный пример великодушия и воинской гордости! Татары приступали к сему укреплению, три дня бились с россиянами, не могли одолеть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если он даст им окуп за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода *Бродников*, именем Плоскиня, служа тогда Моголам, от имени их клялся в верном исполнении условий; но обманул россиян и, связав несчастного Мстислава вместе с двумя его зятьями, Князем Андреем и Александром Дубровецким, выдал их Полководцам Чингисхановым. Остервененные жестоким сопротивлением великодушного Мстислава Киевского и вспомнив убиение своих Послов в нашем стане, Моголы изрубили всех россиян, трех Князей задушили под досками и сели пировать на их трупах! – Таким образом заключилась сия первая кровопролитная битва наших предков с Моголами, которые, по известию Татарского историка, умышленно заманили россиян в опасную степь и сражались с ними целые семь дней.

Полководцы Чингисхановы шли за бегущим остатком Российского войска до самого Днепра. Жители городов и сел, в надежде смягчить их свирепость покорностию, выходили к ним навстречу со крестами; но Татары безжалостно убивали и граждан и земледельцев, следуя правилу, что побежденные не могут быть друзьями победителей, и что смерть первых нужна для безопасности вторых. Вся южная Россия трепетала: народ, с воплем и стенанием ожидая гибели, молился в храмах – и Бог на сей раз услышал его молитву. Татары, не находя ни малейшего сопротивления, вдруг обратились к Востоку и спешили соединиться с Чингисханом в Великой Бухарии, где сей дикий Герой, собрав всех Полководцев и Князей, на общем сейме давал законы странам завоеванным. Он с удовольствием встретил свое победоносное войско,

возвратившееся от Днепра: с любопытством слушал донесение вождей, хвалил их и щедро наградил за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественным Царем Тангутским, Чингисхан пошел сокрушить его величие.

Россия отдохнула: грозная туча как внезапно явилась над ее пределами, так внезапно и сокрылась. «Кого Бог во гневе своем насылал на землю Русскую? – говорил народ в удивлении: – откуда приходили сии ужасные иноплеменники? куда ушли? известно одному Небу и людям искусным в книжном учении». – Селения, опустошенные Татарами на восточных берегах Днепра, еще дымились в развалинах: отцы, матери, друзья оплакивали убитых: но легкомысленный народ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему последним.

Э. Соколовский. Битва русских дружин с татарами

Князья южной России, готовясь идти на Моголов, требовали помощи от Великого Князя Георгия. Племянник его, Василько Константинович, шел к ним с дружиною Ростовскою и стоял уже близ Чернигова: там сведал он о несчастии их и возвратился к дяде, благодаря Небо за спасение жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущего, Владимирцы утешались мыслию, что Бог избавил их от бедствия, претерпенного другими россиянами. Георгий, некогда уничиженный Мстиславом Галицким, мог даже с тайным удовольствием видеть его в злополучии: долговременная слава и победа сего Героя возбуждала зависть. – Но скоро несчастные для суеверных знамения произвели общий страх в России (и во всей Европе). Явилась комета, звезда величины необыкновенной, и целую неделю в сумерки показывалась на Западе, озаряя небо лучем блестящим. В сие же лето сделалась необыкновенная засуха: леса, болота воспламенялись; густые облака дыма затмевали свет солнца; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению людей, падали мертвые на землю. Вспомнили, что в княжение Всеволода I было такое же лето, в России, и что отечество наше стенало тогда от врагов иноплеменных, голода и язвы.

Провидение, действительно готовое искусить Россию всеми возможными для Государства бедствиями, еще на несколько лет отложило их; а россияне как бы спешили воспользоваться сим временем, чтобы свежую рану отечества растравить новыми междоусобиями. Юный сын Георгиев, исполняя тайное повеление отца, вторично уехал из Новагорода со всем двором своим и занял Торжок, куда скоро прибыл и сам Георгий, брат его Ярослав, племянник Василько и шурин Михаил, Князь Черниговский. Они привели войско с собою, грозя Новугороду: ибо Великий Князь досадовал на многих тамошних чиновников за их своевольство. новогородцы отправили к Георгию двух Послов и хотели, чтобы он выехал из Торжка, отпустив к ним сына; а Великий Князь требовал, чтобы они выдали ему некоторых знаменитых граждан, и сказал: «Я поил коней своих Тверцою: напою и Волховом». Воспоминая с гордостию, что сам Андрей Боголюбский не мог их смирить оружием, новогородцы укрепили стены свои, заняли войском все важные места на пути к Торжку и чрез новых Послов ответствовали Георгию: «Князь! Мы тебе кляняемся; но своих братьев не выдадим. Дерзнешь ли на кровопролитие? У тебя меч, у нас головы: умрем за Святую Софию». Георгий смягчился; вступили в переговоры, и шурин его, Михаил Черниговский, поехал княжить в Новгород.

[1225 г.] Правление сего Князя было мирно и счастливо. «Вся область наша, – говорит Летописец Новогородский, – благословляла свой жребий, не чувствуя никакой тягости». Георгий вышел из Торжка, захватив казну Новогородскую и достояние многих честных людей: Михаил, провождаемый знаменитыми чиновниками, ездил в Владимир и согласил Георгия возвратить сию незаконную добычу. Народ любил Князя; но Михаил считал себя пришельцем в северной России. Выехав из Чернигова в то время, когда Татары приближались к Днепру, он стремился душою к своей отчизне, где снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные новогородцы доказывали ему, что Князь, любимый народом, не может с покойною совестию оставить его: Михаил на *Дворе Ярослава* простился с ними, сказав им, что Чернигов и Новгород должны быть как бы единою землею, а жители братьями и друзьями; что свободная торговля и гостеприимство свяжут их узами общих выгод и благоденствия. Нередко задерживая у себя Князей ненавистных, новогородцы давали волю добрым жить с ними, или, говоря тогдашним языком, *поклониться Святой Софии*: изъявили благодарность Михаилу, отпустили его с великою честию и послали за Ярославом-Феодором.

[1226 г.] В то время Литовцы, числом до 7000, ворвались в наши пределы; грабили область Торопецкую, Новогородскую, Смоленскую, Полоцкую; убивали купцов и пленяли земледельцев. Летописцы говорят, что сии разбойники никогда еще не причиняли столь великого зла Государству Российскому. Ярослав, предводительствуя своею дружиною Княжескою, соединился с Давидом Мстиславичем Торопецким, с братом его, Владимиром Псковским, и настиг неприятеля близ Усвята; положил на месте 2000 Литовцев, взял в плен их Князей, освободил всех наших пленников. Князь Давид и любимый Меченосец Ярославов находились в числе убитых россиян. новогородцы не были в сражении: доходили только до Русы и возвратились. Однако ж Ярослав, приехав к ним и выслушав их оправдание, не изъявил ни малейшего гнева; а в следующий год [1227] ходил с войском в северную, отдаленную часть Финляндии, где никогда еще не бывали россияне; не обогатился в сей бедной стране ни серебром, ни золотом, но отнял у многих жителей самое драгоценнейшее благо: отечество и вольность. новогородцы взяли столько пленников, что не могли всех увести с собою: некоторых бесчеловечно умертвили, других отпустили домой. – Ярослав в сей же год отличился делом гораздо полезнейшим для человечества: отправил Священников в Корельскую землю и, не употребив никаких мер насильственных, крестил большую часть жителей, уже давно подданных Новагорода и расположенных добровольно к принятию Христианства. Представив действие благоразумного усердия к Вере, не скроем и несчастных заблуждений суеверия: в то время, как наши церковные учители проповедывали Корелам Бога истинного и человеколюбивого, ослепленные новогородцы сожгли четырех мнимых волшебников на *Дворе Ярослава*. К чести Духовен-

ства и тогдашнего Новогородского Архиепископа Антония – который в 1225 году возвратился из Перемышля Галицкого – заметим, что в сем жалостном безумии действовал один народ, без всякого внушения со стороны Церковных Пастырей.

[1228 г.] россияне думали, что, грозно опустошив Финляндию, они уже на долгое время будут с сей стороны покойны; но месть дает силы. Лишенные отцев, братьев, детей и пылая справедливою злобою, Финляндцы разорили селения вокруг Олонца и сразились с Посадником Ладожским. Их было около двух тысяч. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагав мир, они умертвили всех пленников, бросили лодки свои и бежали в густые леса, где Ижеряне и Корелы истребили их всех до одного человека. Между тем Ярослав, не имев времени соединиться с Ладожанами, праздно стоял на Неве и был свидетелем мятежа воинов Новогородских, хотевших убить какого-то чиновника, именем Судимира: Князь едва мог спасти несчастного, скрыв его в собственной ладии своей.

Вообще Ярослав не пользовался любовию народною. Желая иметь Псков в своей зависимости, он поехал туда с Новогородскими чиновниками; но Псковитяне не хотели принять его, думая, что сей Князь везет к ним оковы и рабство. Огорченный Ярослав, возвратясь в Новгород, собрал жителей на дворе Архиепископском и торжественно принес им жалобу. «Небо свидетель, – говорил он, – что я не хотел сделать ни малейшего зла Псковитянам и вез для них не оковы, а дары, овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя требует мести». Недовольный холодностию граждан, Князь призвал войско из Переславля Залесского, и новогородцы с изумлением увидели шатры его полков вокруг дворца. Славянский конец также наполнился толпами сих ратников, с головы до ног вооруженных и страшных для народа своевольного. Ярослав сказывал, что хочет идти против Немецких Рыцарей; но граждане не верили ему и боялись его тайных замыслов. К тому же бедные жаловались на дороговизну; от прибытия многочисленного войска цена на хлеб и на мясо возвысилась: осьмина ржи стоила нынешними серебряными деньгами 53 1/2 копейки, пшеницы 89 1/2, а пшена рубль 25 копеек. Ярослав требовал от Псковитян, чтобы они выдали ему клеветников его, а сами шли с ним к Риге; но Псковитяне уже заключили особенный тесный союз с Рижским Орденом и, будучи обнадежены в помощи Рыцарей, прислали в Новгород одного Грека с таким ответом: «Князь Ярослав! Кланяемся тебе и друзьям Новогородцам; а братьев своих не выдадим и в поход нейдем, ибо Немцы нам союзники. Вы осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венден) и Медвежью Голову, но брали везде не города, а деньги; раздражив неприятелей, сами ушли домой, а мы за вас терпели: наши сограждане положили свои головы на берегах Чудского озера; другие были отведены в плен. Теперь восстаете против нас: но мы готовы ополчиться с Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите в плен жен и детей: вы не лучше поганых». Сии укоризны относились вообще к Новогородцам; однако ж народ взял сторону Псковитян: решительно объявил Князю, что не хочет воевать ни с ними, ни без них с Орденом Немецким, и требовал, чтобы рать Переславская удалилась. Ярослав велел полкам выступить, но в досаде и гневе сам уехал из Новагорода, оставив там юных сыновей, Феодора и Александра, под надзиранием двух Вельмож. Псковитяне торжествовали; отпустили Немцев, Чудь, Латышей, уже призванных ими для защиты, и выгнали из города друзей Ярославовых, сказав им: «Подите к своему Князю; вы нам не братья». Тогдашний союз россиян с Ливонским Орденом и дружелюбные их сношения с Послом Гонория III в Риге, Епископом Моденским, столь обрадовали Папу, что он в 1227 году написал весьма благосклонное письмо ко всем нашим Князьям, обещая им мир и благоденствие в объятиях Латинской Церкви и желая видеть их Послов в Риме. «Ваши заблуждения в Вере (говорил он) раздражают Небо и причиною всех зол в России: бойтесь еще ужаснейших, если не обратитесь к истине. Увещаем и молим, чтобы вы письменно изъявили на то добрую волю чрез надежных Послов, а между тем жили мирно с Христианами Ливонскими».

С сего времени Новгород был несколько лет жертвою естественных и гражданских бедствий. От половины августа до самого декабря месяца густая тьма покрывала небо и шли

дожди беспрестанные; сено, хлеб гнили на лугах и в поле; житницы стояли пустые. Народ, желая кого-нибудь обвинить в сем несчастии, восстал против нового Владыки Новогородского, Арсения (ибо Антоний, слабый здоровьем, лишился языка и добровольно заключился в монастыре Хутынском). «Бог наказывает нас за коварство Арсения, – говорили безрассудные: – он выпроводил Антония в Хутынскую Обитель и несправедливо присвоил себе его сан, подкупив Князя». Добрый, смиренный Пастырь молился денно и нощно о благе сограждан; но дожди не переставали, и народ, после шумного Веча, извлек Архиепископа из дому, гнал, толкал, едва не умертвил его как преступника. Арсений искал убежища в Софийском храме, наконец, в монастыре Хутынском, откуда немой Антоний должен был возвратиться в дом Святителей. новогородцы дали ему в помощники двух светских чиновников и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили дом Тысячского, Стольников Архиерейского и Софийского, хотели повесить одного Старосту и кричали, что сии люди наводят Князя на зло. Избрав нового Тысячского, Вече послало сказать Ярославу, чтобы он немедленно ехал в Новгород, снял налог церковный, запретив Княжеским судьям ездить по области и, наблюдая в точности льготные грамоты Великого Ярослава, действовал во всем сообразно с уставом новогородской вольности. «Или, – говорили ему Послы Веча, – наши связи с тобою навеки разрываются». Еще Князь не дал ответа, когда юные сыновья его, Феодор и Александр, устрашенные мятежом Новогородским, тайно уехали к отцу с своими Вельможами. «Одни виновные могут быть робкими беглецами (сказали новогородцы): не жалеем об них. Мы не сделали зла ни детям, ни отцу, казнив своих братьев. Небо отмстит вероломным; а мы найдем себе Князя. Бог по нас: кого устрашимся?» Они клялися друг другу быть единодушными и звали к себе Михаила Черниговского; но Послы их были задержаны на дороге Князем Смоленским, другом Ярославовым.

Доселе, описав несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествиях северной России: обратим взор на полуденную. Михаил, возвратясь (в 1225 году) из Новагорода в Чернигов, нашел опасного неприятеля в Олеге Курском и требовал помощи от Георгия, своего зятя, который сам привел к нему войско. К счастию, там был Киевский Митрополит Кирилл, родом Грек, присланный Константинопольским Патриархом из Никеи. Сей муж ученый, благонамеренный, отвратил воину и примирил врагов: после чего Михаил княжил спокойно, будучи союзником Георгия, который, женив племянника, Василька, на его дочери, отдал южный Переяславль, как Удел Великого Княжения Суздальского, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрез год брату Святославу. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховых потомков казалась усыпленною. Те и другие равно уважали знаменитого Мстислава Галицкого, их главу и посредника. Сей герой, долго называемый *Удатным* или счастливым, провел остаток жизни в беспокойствах и в раскаянии. Обманутый злобными внушениями Александра Бельзского, он возненавидел было доброго зятя своего, мужественного Даниила, союзника Поляков, и хотел отнять у него владение; узнав же клевету Александрову, спешил примириться с Даниилом, и, вопреки совету других Князей, оставил клеветника без наказания. Нечаянное бегство всех знатнейших Бояр Галицких и ссора с Королем Венгерским были для него также весьма чувствительным огорчением. Один из Вельмож, именем Жирослав, уверил первых, что Князь намерен их, как врагов, предать на избиение Хану Половецкому Котяну: они ушли со всеми домашними в горы Карпатские и едва могли быть возвращены Духовником Княжеским, посланным доказать им неизменное праводушие, милосердие Государя, который велел обличенному во лжи, бесстыдному Жирославу только удалиться, не сделав ему ни малейшего зла. Столь же невинен был Мстислав и в раздоре с Венграми. Нареченный его зять, юный сын Короля Андрея, послушав коварных наушников, уехал из Перемышля к отцу с жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущего тестя. Андрей вооружился; завоевал Перемышль, Звенигород, Теребовль, Тихомль и послал войско осадить Галич, боясь сам идти к оному: ибо волхвы Венгерские, как говорит Летописец, предсказали ему, что он не будет жив, когда увидит сей город. Воевода Сендомирский находился с Королем: сам Герцог Лешко хотел

к ним присоединиться; но Даниил, верный тестю, убеждениями и хитростию удалил Поляков; а Мстислав разбил Венгров, и Король Андрей мог бы совершенно погибнуть, если бы Вельможа Галицкий, Судислав, вопреки Даниилову мнению не склонил победителя к миру и к исполнению прежних заключенных с Андреем условий, так что Мстислав не только прекратил военные действия, не только выдал дочь свою за Королевича, но и возвел зятя на трон Галицкий, оставив себе одно *Понизье*, или юго-восточную область сего Княжения. Случай беспримерный в нашей истории, чтобы Князь Российский, имея наследников единокровных, имея даже сыновей, добровольно уступал владение иноплеменнику, согласно с желанием некоторых Бояр, но в противность желанию народа, не любившего Венгров. Легкомысленный Мстислав скоро раскаялся, и внутреннее беспокойство сократило дни его. Он считал себя виновным перед Даниилом, тем более, что сей юный Князь изъявлял отменное к нему уважение и вообще все качества души благородной. «Льстецы обманули меня, – говорил Мстислав Боярам Данииловым: – но если угодно Богу, то мы поправим сию ошибку. Я соберу Половцев, а сын мой, ваш Князь, свою дружину: изгоню Венгров, отдам ему Галич, а сам останусь в Понизье». Он не успел сделать того, занемог и нетерпеливо желал видеть Даниила, чтобы поручить ему свое семейство; но кознями Вельмож лишенный и сего утешения, преставился в Торческе Схимником, подобно отцу заслужив имя *Храброго*, даже Великого, впрочем, слабый характером, во многих случаях неблагоразумный, игралище хитрых Бояр и виновник первого бедствия, претерпенного Россиею от Моголов. Смертию его воспользовался Королевич Венгерский, Андрей, немедленно завладев Понизьем как Уделом Галицким: Князья же юго-западной России, лишенные уважаемого ими посредника, возобновили междоусобие. Мстислав Немой, умирая, объявил Даниила наследником городов своих: Пересопницы, Черторижска и Луцка (где прежде княжил Ингварь, брат Немого); но Ярослав, сын Ингварев, насильственно занял Луцк, а Князь Пинский Черторижск. Сие случилось еще при жизни Мстислава Храброго. Даниил с согласия тестя доставил себе управу мечом, имев случай показать свое великодушие: он встретил Ярослава Луцкого на богомолье, почти одного и безоружного; дал ему свободный путь и сказал дружине: «Пленим его не здесь, а в столице». Осажденный им в Луцке, Ярослав искал милости в Даниле и получил от него в Удел Перемиль с Межибожьем. Взяв Черторижск, Даниил пленил сыновей Князя Пинского, Ростислава, который, будучи союзником Владимира Киевского и Михаила Черниговского, требовал от них вспоможения, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даниил по кончине Мстислава Храброго не присвоил себе власти над другими Князьями. Владимир Рюрикович вздумал мстить сыну за отца: известно, что Роман Галицкий силою постриг некогда Рюрика. Тщетно Митрополит старался прекратить сию вражду. «Такие дела не забываются», – говорил Владимир и собрал многочисленное войско. Хан Половецкий, Котян, Михаил Черниговский, Князья Северские, Пинский, Туровский, вступив в дружественную связь с Андреем, Королевичем Венгерским, осадили Каменец, город Даниилов; но возвратились с одним стыдом и долженствовали сами просить мира: ибо Даниил склонил Котяна на свою сторону, призвал ляхов и с Воеводою Сендомирским Пакославом готовился осадить Киев.

[1229 г.] Михаил, по заключении сего общего мира, сведал о задержании Послов Новогородских в Смоленске: видя Чернигов со всех сторон безопасным, он немедленно поехал в Новгород, где народ принял его с восклицаниями единодушной радости. Желая еще более утвердить общую к себе любовь, Михаил клялся ни в чем не нарушать прав вольности и грамот Великого Ярослава; бедных поселян, сбежавших на чужую землю, освободили на пять лет от дани, а другим велел платить легкий оброк, уставленный древними Князьями. Народ, как бы из великодушия, оставил друзей ненавистного Ярослава в покое – то есть не грабил их домов, но хотел, чтобы они на свои деньги построили новый мост Волховский, ибо старый был разрушен наводнением минувшей осени. Сию пеню собрали в особенности с жителей городища, где находился Княжеский дворец и где многие люди держали сторону Ярослава.

Михаил, восстановив тишину, предложил Новогородцам избрать иного Святителя на место Антония, неспособного, по его недугу, управлять Епархиею. Одни хотели иметь Владыкою Епископа Волынского, Иоасафа; другие Монаха и Диакона Спиридона, славного благочестием, а некоторые – Грека. Судьба решила выбор: положили три жеребья на алтарь Св. Софии; младенец, сын Михаилов, снял два: третий остался Спиридонов. Таким образом Диакон сделался Главою Новогородского Духовенства и попечителем Республики: ибо Архиепископ, как мы уже заметили, имел важное участие в делах ее. – Михаил поехал в Чернигов, оставив в Новегороде юного сына, Ростислава; и взяв с собою некоторых из людей нарочитых, для совета или в залог народной верности. «Дай Бог, – сказал он гражданам, – чтобы вы с честию возвратили мне сына и чтобы я мог быть для вас посредником истины и правосудия». Между тем Ярослав овладел Волоком Ламским и задержал у себя Послов Михаиловых, которые жаловались на сию несправедливость. Отвергнув все их мирные предложения, Ярослав ждал случая еще более утеснить Новогородцев. Сей Князь в то же время поссорился и с братом своим Георгием; тайными внушениями удалил от него племянников, сыновей Константиновых, и замышлял войну междоусобную: но Георгий старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съехались наконец в Суздале, где Великий Князь говорил столь благоразумно, столь убедительно, что Ярослав склонился к искреннему миру, обнял брата и вместе с племянниками назвал его своим отцем и Государем.

[1230 г.] новогородцы, озабоченные набегом Литовцев в окрестностях Селигерского озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили неприятелей в поле, но скоро увидели гораздо ужаснейшее зло в стенах своих. Предтечею его было землетрясение [3 мая], общее во всей России, и еще сильнейшее в южной, так что каменные церкви расседались. Удар почувствовали в самую Обедню, когда Владимир Рюрикович Киевский, Бояре и Митрополит праздновали в Лавре память Св. Феодосия; трапезница, где уже стояло кушанье для Монахов и гостей, поколебалась на своем основании: кирпичи падали сверху на стол. Чрез десять дней необыкновенное затмение солнца и разноцветные облака на небе, гонимые сильным ветром, также устрашили народ, особенно в Киеве, где суеверные люди ждали конца своего, стенали на улицах и прощались друг с другом.

Михаил, как бы желая ободрить Новогородцев, подобно другим изумленных сими явлениями, приезжал к ним на несколько дней, совершил обряд торжественных *постриг* над юным Ростиславом и возвратился в Чернигов. Посадником Новогородским был тогда Водовик, человек свирепого нрава, мстительный, злобный. Вражда его с сыном знаменитого Твердислава, чиновника гордого, друга буйной вольности, а после смиренного Инока Аркадьевской Обители, произвела междоусобие в городе. Народ волновался, шумел на Вечах: то Посадник, то неприятели его одерживалил верх; дрались, жгли домы, грабили. Свирепый Водовик собственною рукой убил наконец одного из главных его врагов и бросил в Волхов; другие скрылись или бежали к Ярославу. «Небо, – говорил Летописец, – оскорбленное сими беззакониями, от коих Ангелы с печалию закрывают лица свои крылами, наказало мое отечество». Жестокий мороз 14 сентября побил все озими; цена на хлеб сделалась неслыханная: за четверть ржи платили в Новегороде пять гривен или около семи нынешних рублей (серебром), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубля 65 копеек. Хотя жители славились богатством, но сия неумеренная дороговизна истощила все средства пропитания для города. Открылись голод, болезни и мор. Добрый Архиепископ, как истинный друг отечества, не имея способов прекратить зло, старался по крайней мере уменьшить действие оного. Трупы лежали на улицах: он построил скудельницу, или убогий дом, и выбрал человеколюбивого мужа, именем Станила, для скорого погребения мертвых, чтобы тление их не заражало воздуха. Станил с утра до вечера вывозил трупы и в короткое время схоронил их 3030. С нетерпением ожидали Князя: ибо он дал слово возвратиться к ним в сентябре месяце и выступить в поле для защиты их областей; но Михаил переменил мысли и желал мира с Ярославом, готовым объявить ему войну за Новгород. Мит-

рополит Кирилл, Порфирий, Епископ Черниговский, и Посол Владимира Рюриковича Киевского приехали к великому Князю Георгию, моля его, для общей пользы Государства, быть миротворцем. Ярослав упрекал Черниговского Князя *вероломством*. «Коварные его внушения, – говорил он, – возбудили против меня Новогородцев». Однако ж Митрополит и Георгий успели в благом деле своем, и Послы возвратились смирною грамотою.

Узнав о том, новогородцы велели сказать юному Михаилову сыну, уехавшему в Торжок с Посадником Водовиком, что отец его изменил им и не достоин уже быть их Главою; чтобы Ростислав удалился и что они найдут себе иного Князя. Народ избрал нового Посадника и Тысячского, разграбил домы и села прежних чиновников, умертвил одного славного корыстолюбием гражданина и взял себе найденное у них богатство. Водовик ушел с друзьями своими к Михаилу в Чернигов, где скоро умер в бедности; а новогородцы призвали Ярослава, который дал им на Вече торжественную клятву действовать во всем согласно с древними обыкновениями их вольности; но чрез две недели уехал в Переславль Залесский, вторично оставив в Новегороде двух сыновей, Феодора и Александра.

Между тем голод и мор свирепствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривен кунами. Бедные ели мох, желуди, сосну, ильмовый лист, кору липовую, собак, кошек и самые трупы человеческие; некоторые даже убивали людей, чтобы питаться их мясом: но сии злодеи были наказаны смертию. Другие в отчаянии зажигали домы граждан избыточных, имевших хлеб в житницах, и грабили оные; а беспорядок и мятеж только увеличивали бедствие. Скоро две новые скудельницы наполнились мертвыми, которых было сочтено до 42 000; на улицах, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенных тел и самых живых оставленных младенцев; родители, чтобы не слыхать вопля детей своих, отдавали их в рабы чужеземцам. «Не было жалости в людях, – говорит Летописец: – казалось, что ни отец сына, ни мать дочери не любит. Сосед соседу не хотел уломить хлеба!» Кто мог, бежал в иные области; но зло было общее для всей России, кроме Киева: в одном Смоленске, тогда весьма многолюдном, умерло более тридцати тысяч людей.

[1231 г.] новогородцы весною испытали еще иное бедствие: весь богатый конец Славянский обратился в пепел; спасаясь от пламени, многие жители утонули в Волхове; самая река не могла служить преградою для огня. «Новгород уже кончался», по словам летописи… Но великодушная дружба иноземных купцов отвратила сию погибель. Сведав о бедствии Новогородцев, Немцы из-за моря спешили к ним с хлебом и, думая более о человеколюбии, нежели о корысти, остановили голод, скоро исчезли ужасные следы его, и народ изъявил живейшую благодарность за такую услугу.

Михаил Черниговский, несмотря на заключенный мир в Владимире, дружелюбно принимал Новогородских беглецов, врагов Ярославовых, обещая им покровительство. Сам Великий Князь Георгий оскорбился сим криводушием и выступил с войском к северным пределам Черниговским: он возвратился с дороги; но Ярослав, предводительствуя Новогородцами, и сыновья Константиновы выжгли Серенск (в нынешней Калужской Губернии), осаждали Мосальск и сделали много зла окрестным жителям. Таким образом древняя семейственная вражда возобновилась. [1232 г.] Беглецы уверяли, что Ярослав ненавидим большею частию их сограждан, готовых взять сторону Ольговичей: для того Князь Трубчевский Святослав, родственник Михаилов, отправился в Новгород с дружественными предложениями; но сведал противное и с великим стыдом уехал назад. Последнею надеждою Новогородских изгнанников оставался Псков, где они действительно были приняты как братья. Там находился сановник Ярославов: они заключили его в цепи и, пылая злобою, желали кровопролития. Граждане стояли за них усильно, однако ж недолго. Ярослав, сам прибыв в Новгород, не пускал к ним купцов, ни товаров. Нуждаясь во многих вещах – платя за берковец соли около 10 нынешних рублей серебряных, – Псковитяне смирились. Ярослав не хотел дать им в наместники сына, юного Князя

Феодора, а дал шурина своего, Георгия, которого они приняли с радостию, выгнав беглецов Новогородских.

[1233 г.] Сии мятежные изгнанники ушли в Медвежью Голову, или Оденпе, к сыну бывшего Князя Псковского Владимира, именем Ярославу, и с помощию Ливонских Рыцарей взяли Изборск: но Псковитяне схватили их всех и выдали Князю Новогородскому. В числе пленников находился и Ярослав Владимирович: подобно отцу то враг, то союзник Немцев, он считал Псков своим наследием и, хотев завоевать его с беглецами Новогородскими, был вместе с ними заточен в Переславль Суздальский. Чрез несколько лет супруга его, жившая в Оденпе, приняла смерть мученицы от руки злобного пасынка и, погребенная в монастыре Псковском Св. Иоанна, славилась в России памятию своих добродетелей и чудесами.

Присутствие Ярослава Всеволодовича было нужно для Новогородцев; но пораженный внезапною кончиною старшего сына, он уехал в Переяславль. Юный Феодор, цветущий красотою, готовился к счастливому браку; невеста приехала; Князья и Вельможи были созваны и вместо ожидаемого мира, вместо общего веселия положили жениха во гроб. Народ изъявил искреннее участие в скорби нежного отца; а Князь, едва осушив слезы, извлек меч для защиты Новогородцев и привел к ним свои полки многочисленные.

[1234 г.] Ливонские Рыцари, пристав к Российским мятежникам и захватив близ Оденпе одного чиновника Новогородского, дали повод Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Немцы, требуя мира, заключили его на условиях, выгодных для россиян. Совершив сей поход, Ярослав спешил настигнуть Литовцев, которые едва было не взяли Русы, опустошив церкви и монастыри в окрестности: он разбил их в Торопецком Княжении; загнал в густые леса; взял в добычу триста коней, множество оружия и щитов. Сей народ беспрестанными набегами более и более ужасал соседов: занимался единственно земледелием и войною; презирал мирные искусства гражданские, но жадно искал плодов их в странах образованных и хотел приобретать оные не меною, не торговлею, а своею кровию. Общая польза государственная предписывала нашим Князьям истребить гнездо разбойников и покорить их землю: вместо чего они только гонялись за Литовцами, которые чрез несколько времени одержали совершенную победу над сильною ратию Ливонских Рыцарей; сам Великий Магистр, старец Вольквин, положил голову в битве, вместе со многими витязями Немецкими и Псковитянами, бывшими в их войске.

Изобразив бедствия Новагорода, опишем несчастия и перемены, бывшие в других княжениях Российских. Смоленск, опустошенный мором, по кончине Князя Мстислава Давидовича (в 1230 году) не хотел покориться двоюродному его брату, Святославу Мстиславичу, внуку Романову. Предводительствуя Полочанами, Святослав взял Смоленск (в 1232 году) и без жалости лил кровь граждан.

В России юго-западной война и мятежи не преставали. Главным действующим лицом был Даниил мужественный. Потеряв союзника в Лешке Белом, злодейски убитом изменниками, он предложил услуги свои брату его, Конраду, и вместе с ним осаждал Калиш, где господствовал один из главных убийц Лешка, Герцог Владислав, сын Оттонов. Сей город, окруженный лесами и болотами, мог долго обороняться, несмотря на усильные приступы, в коих россияне оказывали гораздо более воинской ревности, нежели Конрадовы Ляхи; но граждане хотели мира. Здесь Летописец рассказывает случай довольно любопытный в отношении к характеру Даниилову. Конрад, уверенный в искренней дружбе сего Князя, желал, чтобы он был свидетелем переговоров. Сендомирский Воевода, Пакослав, подъехал к стенам крепости; а Даниил, в простой одежде и закрыв шлемом лицо свое, стал за ним. Городские чиновники надеялись ласковыми словами смягчить посла. «В нас течет одна кровь, – сказали они: – ныне служим брату Конрадову, а завтра будем служить самому Конраду. Может ли он мстить нам как изменникам или врагам и видеть спокойно ляхов невольниками россиян? Какая будет ему честь, если возьмет сей город? Жестокий иноплеменник, Даниил, присвоил ее себе одному». Пакослав

ответствовал: «Мой и ваш Государь расположен к милости; но Князь Российский не хотел о том слышать. Говорите с ним сами: вот он!» Даниил снял шлем и, видя изумление городских чиновников, которые столь неосторожно его злословили, засмеялся от доброго сердца; успокоил их, доставил им выгодный мир и дал клятву, что россияне, участвуя в Польских междоусобиях, никогда не будут впредь тревожить безоружных земледельцев, с условием, чтобы и ляхи таким же образом поступали в России. При сем случае сказано в летописи, что никто из наших древних Князей, кроме Святого Владимира, так далеко не заходил в землю Польскую, как Даниил.

Возвратясь в отечество, он совершил еще важнейший подвиг: завоевал Галицкую область, пленил Королевича Андрея и, помня старую дружбу его отца, дозволил ему ехать в Венгрию вместе с Боярином Судиславом, который управлял Понизьем, имея в Галиче великолепный дом с арсеналом. Народ метал камнями в сего мятежного боярина, восклицая: «Удались, злодей, навеки!» Но Судислав, нечувствительный к великодушию Даниилову, думал только о мести, и Король Андрей, им возбужденный, послал старшего сына, Белу, снова завоевать Галич. Сей поход имел весьма горестное следствие для Венгров. *Хляби небесные*, по словам летописи, *отверзлись на них* в горах Карпатских: от сильных дождей ущелья наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достиг наконец Галича, в надежде взять его одною угрозою: видя же твердую решительность тамошнего начальника; слыша, что ляхи и Половцы идут с Даниилом защитить город; приступав к оному несколько раз без успеха и страшась быть жертвою собственного упрямства, он спешил удалиться, гонимый судьбою и войском Данииловым. Множество Венгров погибло в Днестре, который был от дождей в разливе, так что в Галицкой земле осталась пословица: *Днестр сыграл злую игру Уграм*. Множество их пало от меча россиян или отдалося в плен, другие умирали от изнурения сил или от болезней.

Но время спокойного или бесспорного владычества над Княжением Галицким было еще далеко от Даниила. Начались заговоры между Боярами под тайным руководством Александра Бельзского: они хотели сжечь Даниила и Василька во дворце или убить их на пиру. Сей ков уничтожился странным образом. Юный Василько, однажды играя с придворными, в шутку обнажил меч: заговорщики в ужасе, думая, что их намерение открылось, бежали из дворца и города. Сам Александр, не успев захватить казны с собою, ушел из Бельза в Венгрию к своим единомышленникам, коим удалось снова вооружить Короля Андрея против Даниила. На сей раз Венгры были счастливее. Город Ярослав сдался им от неверности тамошнего Воеводы. Они приступили ко Владимиру, где начальствовал Боярин, дотоле известный мужеством, имея дружину сильную. Видя крепкие башни и стены, блестящие оружием многочисленных воинов, Король, по словам Летописца, сказал, что таких городов мало и в земле Немецкой. Венгры не могли бы взять Владимира; но Боярин Даниилов изменил правилам великодушия, оробел и, без воли Княжеской заключил мир с Королем, отдал Бельз и Червен союзнику его, Александру. С другой стороны, Вельможи Галицкие, не чувствительные к редкому милосердию Даниила, простившего им два заговора, бежали из его стана к неприятелю и довершили торжество Венгров, которые заняли Галич, где сын Андреев, утвержденный отцем на престоле, господствовал уже до самой кончины своей, несмотря на покушения Данииловы и Васильковы изгнать его. Две кровопролитные битвы ничего не решили, оказав только впоследствии вероломство двух недостойных Князей Российских. Изяслав Владимирович, внук Игоря Северского, быв другом, сделался врагом Даниилу; союзник же Андреев, Александр Бельзский, оставив Венгров, взял сторону своих братьев, чтобы снова изменить им. Наконец внезапная смерть Королевича (в 1234 году) и единодушное желание народа возвратили Галич Даниилу. Бояре не дерзнули противиться: главный из них, известный мятежник Судислав, спешил уехать за Карпатские горы, а Князь Бельзский, злобный Александр, в Киевскую область. Сей последний не избавился от

заслуженного им наказания и, схваченный на пути Данииловыми воинами, умер, как вероятно, в неволе.

Даниил мог еще опасаться Венгров; но бедствие встретилось ему там, где он не ожидал его. Вместе с братом Васильком смирив хищных Ятвягов и Литовцев, которые в особенности тревожили тогда область Пинскую, сей деятельный Князь вмешался в ссору зятя своего, Михаила Черниговского, с Владимиром Киевским. Последний, желая быть его другом, уступил ему Торческ: Даниил великодушно отдал сей город сыновьям Мстислава Храброго, сказав: «за благодеяния вашего отца». Тщетно желав примирить враждующих, он взял несколько городов Черниговских и, заключив мир с двоюродным братом Михаиловым, Мстиславом Глебовичем, думал возвратиться в свое Княжение; но Владимир, слыша о нашествии Половцев, ведомых к Киеву Изяславом, внуком Игоря Северского, умолил Даниила идти к ним навстречу. Когда же они сошлись с неприятелем близ Торческа, Владимир, испуганный многочисленностью варваров, хотел удалиться от битвы. «Нет! – сказал Даниил: – ты заставил меня против воли с дружиною утомленною искать врагов в поле, теперь, видя их пред собою, могу единственно или победить, или умереть». Хотя Даниил долго сражался как Герой, однако ж принужден был спасаться бегством; а Половцы, усиленные Черниговцами, взяв Киев, пленили самого Князя Владимира с его супругою. Бедные граждане откупились деньгами от свирепости варваров. Князья же, Изяслав и Михаил, обложили данию всех иноземцев, там обитавших. Первый взял себе Киев; второй спешил вступить в область Галицкую и занял ее столицу, откуда горестный Даниил, сведав новые опасные умыслы тамошних Бояр, долженствовал выехать.

В сие время не стало Андрея, Короля Венгерского: Бела IV восшел на престол, и Даниил, поручив брату Васильку оберегать Владимир, решился лично искать покровителя в бывшем враге своем. Вероятно, что он тогда, надеясь с помощию Андреева преемника удержать за собою Галич, дал ему слово быть данником Венгрии: ибо, участвуя в совершении торжественных обрядов Белина коронования, вел его коня (что было тогда знаком подданства). Уничижение бесполезное! Даниил возвратился к брату с одними льстивыми обещаниями. Политика Венгров не изменилась: Бела хотел, чтобы юго-западная Россия принадлежала разным, следственно, бессильным Владетелям, и явно поддерживал Михаила вместе с Конрадом, неблагодарным Герцогом Польским, забывшим услуги сыновей Романовых. Напрасно Даниил зимою и летом не сходил с коня, добывая Галича: хотя иногда одолевал неприятелей и пленил так называемых Князей Болоховских, подручников Галицкого (имевших свой Удел на Буге, недалеко от Бреста): однако ж не мог изгнать Михаила и, наконец, согласился на мир, взяв от него область Перемышльскую. – Кроме сей войны междоусобной, кроме непрестанных сшибок с Ятвягами, добрый Даниил ратоборствовал еще с Немецким Орденом, занявшим какие-то из наших древних владений: отнял их и пленил Немецкого чиновника Бруно; хотел даже вести полки свои в Германию, чтобы защитить Герцога Австрийского, его союзника, утесненного Императором Фридериком: но возвратился из Венгрии, уважив совет Короля Белы не мешаться в дела Империи.

Таким образом, не будучи всегда счастливым, Даниил превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмевал других современных Князей Российских. Один Ярослав Всеволодович Новогородский мог спорить с ним в способностях ума и в душевной твердости, которая скоро обнаружится в бедствиях нашего отечества. Сии два Князя, связанные дружбою и новым свойством (ибо Василько Романович женился на Великой Княжне, дочери Георгия Всеволодовича), сблизились тогда в своих владениях. [1236 г.] Союзник и родственник Михаилов, Изяслав, недолго величался на троне Киевском: Владимир Рюрикович изгнал его, выкупив себя из плена; но вследствие переговоров Данииловых с великим Князем Георгием долженствовал уступить Киев Ярославу Всеволодовичу, который, оставив в Новегороде сына своего, юного Александра, поехал княжить в древней столице Российской; а Владимир кончил жизнь в Смоленске.

Великое Княжение Суздальское, или Владимирское, наслаждалось внутренним спокойствием. Георгий от времени до времени посылал войско и сам ходил на Мордву жечь села и хлеб, пленять людей и брать скот в добычу. Жители обыкновенно искали убежища в густых лесах: но и там редко спасались от россиян; иногда же заманивали наших в сети и не давали им пощады: так Отроки, или молодые воины, Ростовской и Переяславской дружины были однажды жертвою их мести и своей неосторожности. Князь Мордовский, именем Пургас, осмелился даже приступить к Нижнему Новугороду, хотя и не имел порядочного войска: другие Князья Мордовские были ротниками, или присяжными данниками Георгия, и многие россияне селились в их земле, несмотря на то, что Болгары и Половцы тревожили оную. – Болгары искали дружбы Георгиевой после шестилетнего несогласия: разменялись пленниками, с обеих сторон дали аманатов и клятвенно утвердили мир. Летописец сказывает, что их *Труны*, или знатные люди, и чернь присягнули в верном исполнении условий. Впрочем, мир не препятствовал сим ревностным Магометанцам изъявлять ненависть к нашей Вере: они тогда же бесчеловечно умертвили одного Христианина, богатого купца, приехавшего для торговли в их так называемый Великий Град и не хотевшего поклониться Магомету. Купцы Российские, быв свидетелями убийства, взяли тело сего мученика, именем Аврамия, и с честью отвезли в Владимир, где Великий Князь, супруга его, дети, Епископ, Духовенство, народ встретили оное со свещами и погребли в монастыре Богоматери.

После несчастной Калкской битвы россияне лет шесть не слыхали о Татарах, думая, что сей страшный народ, подобно древним Обрам, как бы исчез в свете. Чингисхан, совершенно покорив Тангут, возвратился в отчизну и скончал жизнь – славную для истории, ужасную и ненавистную для человечества – в 1227 году, объявив наследником своим Октая, или Угадая, старшего сына. и предписав ему давать мир одним побежденным народам: важное правило, коему следовали Римляне, желая повелевать вселенною! Довершив завоевание северных областей Китайских и разрушив Империю Ниучей, Октай жил в глубине Татарии в великолепном дворце, украшенном Китайскими художниками; но, пылая славолюбием и ревностию исполнить волю отца – коего прах, недалеко от сего места, лежал под сению высочайшего дерева, – новый Хан дал 300000 воинов Батыю, своему племяннику, и велел ему покорить северные берега моря Каспийского с дальнейшими странами. Сие предприятие решило судьбу нашего отечества.

Уже в 1229 году какие-то *Саксины* – вероятно, единоплеменные с киргизами – Половцы и стража Болгарская, от берегов Яика гонимые Татарами, или Моголами, прибежали в Болгарию с известием о нашествии сих грозных завоевателей. Еще Батый медлил; наконец, чрез три года, пришел зимовать в окрестностях Волги, недалеко от Великого Города; в 1237 году, осенью, обратил в пепел сию Болгарскую столицу и велел умертвить жителей. россияне едва имели время узнать о том, когда Моголы, сквозь густые леса, вступили в южную часть Рязанской области, послав к нашим Князьям какую-то *жену чародейку* и двух чиновников. Владетели Рязанские – Юрий, брат Ингворов, Олег и Роман Ингворовичи, также Пронский и Муромский – сами встретили их на берегу Воронежа и хотели знать намерение Батыево. Татары уже искали в России не друзей, как прежде, но данников и рабов. «Если желаете мира, – говорили Послы, – то десятая часть всего вашего достояния да будет наша». Князья ответствовали великодушно: «Когда из нас никого в живых не останется, тогда все возьмете», и велели Послам удалиться. Они с таким же требованием поехали к Георгию в Владимир; а Князья Рязанские, дав ему знать, что пришло время крепко стать за отечество и Веру, просили от него помощи. Но Великий Князь, надменный своим могуществом, хотел один управиться с Татарами и, с благородною гордостию отвергнув их требование, предал им Рязань в жертву. Провидение, готовое наказать людей, ослепляет их разум.

Некоторые Летописцы новейшие рассказывают следующие обстоятельства. «Юрий Рязанский, оставленный Великим Князем, послал сына своего, Феодора, с дарами к Батыю,

который, узнав о красоте жены Феодоровой, Евпраксии, хотел видеть ее; но сей юный Князь ответствовал ему, что Христиане не показывают жен злочестивым язычникам. Батый велел умертвить его; а несчастная Евпраксия, сведав о погибели любимого супруга, вместе с младенцем своим, Иоанном, бросилась из высокого терема на землю и лишилась жизни. С того времени сие место, в память ее, называлось *зарезом*, или убоем. Отец Феодоров, Юрий, имея войско малочисленное, отважился на битву в поле, где легли все витязи Рязанские, вместе с Князьями Пронским, Коломенским, Муромским. Только одного Князя, Олега Ингворовича *Красного*, привели живого к Батыю, который, будучи удивлен его красотою, предлагал ему свою дружбу и Веру: Олег с презрением отвергнул ту и другую; исходил кровию от многих ран и не боялся угроз, ибо не страшился смерти». – В летописях современных нет о том ни слова: последуем их достовернейшим известиям.

Дешалыт. Осада Рязани

Батый двинул ужасную рать свою к столице Юриевой, где сей Князь затворился. Татары на пути разорили до основания Пронск, Белгород, Ижеславец, убивая всех людей без милосердия и, приступив к Рязани, оградили ее тыном, или острогом, чтобы тем удобнее биться с осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы переменялись, а граждане, не выпуская оружия из рук, едва могли стоять на стенах от усталости. В шестой день, Декабря 21 [1237 г.], поутру, изготовив лестницы, Татары начали действовать стенобитными орудиями и зажгли крепость; сквозь дым и пламя вломились в улицы, истребляя все огнем и мечем. Князь, супруга, мать его, Бояре, народ были жертвою их свирепости. Веселяся отчаянием и муками людей, варвары Батыевы распинали пленников или, связав им руки, стреляли в них как в цель для забавы; оскверняли святыню храмов насилием юных Монахинь, знаменитых жен и девиц в присутствии издыхающих супругов и матерей; жгли Иереев или кровию их обагряли олтари. Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Несколько дней продолжались убийства. Наконец исчез вопль отчаяния: ибо уже некому было стенать и плакать. На сем ужасном феатре опустошения и смерти ликовали победители, снося со всех сторон богатую добычу. – «Один из Князей Рязанских, Ингорь, по сказанию новейших Летописцев, находился тогда в Чернигове с Боярином Евпатием Коловратом. Сей Боярин, сведав о нашествии иноплеменников, спешил в свою отчизну; но Батый уже выступил из ее пределов. Пылая ревностию отмстить врагам, Евпатий с 1700 воинов устремился вслед за ними, настиг и быстрым ударом смял их полки задние. Изумленные Татары думали, что мертвецы Рязанские восстали, и Батый спросил у пяти взятых его войском пленников, кто они? *Слуги Князя Рязанского, полку Евпатиева*, ответствовали сии люди: *нам велено с честию проводить тебя, как Государя знаменитого, и как россияне обыкновенно провождают от себя иноплеменников: стрелами и копьями* . Горсть великодушных не могла одолеть рати бесчисленной: Евпатий и смелая дружина его имели только славу умереть за отечество; немногие отдалися в плен живые, и Батый, уважая

столь редкое мужество, велел освободить их. Между тем Ингорь возвратился в область Рязанскую, которая представилась глазам его в виде страшной пустыни или неизмеримого кладбища: там, где цвели города и селения, остались единственно кучи пепла и трупов, терзаемых хищными зверями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи достойных витязей лежали рядом на мерзлом ковыле, занесенные снегом. Только изредка показывались люди, которые успели скрыться в лесах и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собрав Иереев, с горестными священными песнями предал земле мертвых. Он едва мог найти тело Князя Юрия и привез его в Рязань; а над гробами Феодора Юрьевича, нежной его супруги Евпраксии и сына поставил каменные кресты, на берегу реки Осетра, где стоит ныне славная церковь Николая Заразского».

Батый близ Коломны встретил сына Георгиева, Всеволода. Сей юный Князь соединился с Романом Ингоровичем, племянником Юрия Рязанского, и неустрашимо вступил в битву, весьма неравную. Знаменитый Воевода его, Еремей Глебович, Князь Роман и большая часть из дружины погибли от мечей Татарских; а Всеволод бежал к отцу в Владимир. Батый в то же время сжег Москву, пленил Владимира, второго сына Георгиева, умертвил тамошнего Воеводу, Филиппа Няньку, и всех жителей. Великий Князь содрогнулся: увидел, сколь опасны сии неприятели, и выехал из столицы, поручив ее защиту двум сыновьям, Всеволоду и Мстиславу. Георгий удалился в область Ярославскую с тремя племянниками, детьми Константина, и с малою дружиною; расположился станом на берегах Сити, впадающей в Мологу; начал собирать войско и с нетерпением ждал прибытия своих братьев, особенно бодрого, умного Ярослава.

2 февраля [1238 г.] Татары явились под стенами Владимира: народ с ужасом смотрел на их многочисленность и быстрые движения. Всеволод, Мстислав и Воевода Петр Ослядюкович ободряли граждан. Чиновники Батыевы, с конным отрядом подъехав к Златым вратам, спрашивали, где Великий Князь, в столице или в отсутствии? Владимирцы вместо ответа пустили несколько стрел; неприятели также, но кричали нашим: *не стреляйте*, и россияне с горестию увидели пред стеною юного Владимира Георгиевича, плененного в Москве Батыем. «Узнаете ли вашего Князя?» – говорили Татары. Владимира действительно трудно было узнать: столь он переменился в несчастии, терзаемый бедствием России и собственным! Братья его и граждане не могли удержаться от слез; однако ж не хотели показывать слабости и слушать предложений врага надменного. Татары удалились, объехали весь город и поставили шатры свои против Златых врат, в виду. Пылая мужеством, Всеволод и Мстислав желали битвы. «Умрем, – говорили они дружине, – но умрем с честию и в поле». Опытный Воевода Петр удержал их, надеясь, что Георгий, собрав войско, успеет спасти отечество и столицу.

Батый немедленно отрядил часть войска к Суздалю. Сей город не мог сопротивляться: взяв его, Татары по своему обыкновению истребили жителей, но кроме молодых Иноков, Инокинь и церковников, взятых ими в плен. февраля 6 Владимирцы увидели, что неприятель готовит для приступа орудия стенобитные и лестницы; а в следующую ночь огородили всю крепость тыном. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милует только рабов или данников и любя честь более жизни, решились умереть великодушно. Открылось зрелище достопамятное, незабвенное: Всеволод, супруга его, Вельможи и многие чиновники собрались в храме Богоматери и требовали, чтобы Епископ Митрофан облек их в Схиму, или в великий Образ Ангельский. Священный обряд совершился в тишине торжественной: знаменитые россияне простились с миром, с жизнью, но, стоя на праге смерти, еще молили Небо о спасении России, да не погибнет навеки ее любезное имя и слава! февраля 7, в Воскресенье Мясопустное, скоро по Заутрене, начался приступ: Татары вломились в Новый Город у Златых врат, Медных и Святыя Ирины, от речки Лыбеди; также от Клязьмы у врат Волжских. Всеволод и Мстислав с дружиною бежали в Старый, или так называемый Печерный город; а супруга Георгиева, Агафия, дочь его, снохи, внучата, множество Бояр и народа

затворились в Соборной церкви. Неприятель зажег оную: тогда Епископ, сказав громогласно: «Господи! Простри невидимую руку Свою и приими в мире души рабов Твоих», благословил всех людей на смерть неизбежную. Одни задыхались от дыма; иные погибали в пламени или от мечей неприятеля: ибо Татары отбили наконец двери и ворвались в святый храм, слышав о великих его сокровищах. Серебро, золото, драгоценные каменья, все украшения икон и книг, вместе с древними одеждами Княжескими, хранимыми в сей и в других церквах, сделались добычею инопленников, которые, плавая в крови жителей, немногих брали в плен; и сии немногие, будучи нагие влекомы в стан неприятельский, умирали от жестокого мороза. Князья Всеволод и Мстислав, не видя никакой возможности отразить неприятелей, хотели пробиться сквозь их толпы и положили свои головы вне города.

Завоевав Владимир, Татары разделились: одни пошли к Волжскому Городцу и костромскому Галичу, другие к Ростову и Ярославлю, уже нигде не встречая важного сопротивления. В феврале месяце они взяли, кроме слобод и погостов, четырнадцать городов Великого Княжения – Переславль, Юрьев, Дмитров – то есть опустошили их, убивая или пленяя жителей. Еще Георгий стоял на Сити: узнав о гибели своего народа и семейства, супруги и детей, он проливал горькие слезы и, будучи усердным Христианином, молил Бога даровать ему терпение Иова. Чрезвычайные бедствия возвеличивают душу благородную: Георгий изъявил достохвальную твердость в несчастии; забыл свою печаль, когда надлежало действовать; поручил Воеводство дружины Боярину Ярославу Михалковичу и готовился к решительной битве. Передовой отряд его, составленный из 3000 воинов под начальством Дорожа, возвратился с известием, что полки Батыевы уже обходят их. Георгий, брат его Святослав и племянники сели на коней, устроили войско и встретили неприятеля. россияне били мужественно и долго [4 марта]; наконец обратили тыл. Георгий пал на берегу Сити. Князь Василько остался пленником в руках победителя.

Сей достойный сын Константинов гнушался постыдною жизнию невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбию и голодом, он не хотел принять пищи от руки врагов. «Будь нашим другом и воюй под знаменами великого Батыя!» – говорили ему Татары. «Лютые кровопийцы, враги моего отечества и Христа не могут быть мне друзьями, – ответствовал Василько: – о темное царство! Есть Бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера твоих злодеяний». Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами от ярости: великодушный Князь молил Бога о спасении России, Церкви Православной и двух юных сыновей его, Бориса и Глеба. – Татары умертвили Василька и бросили в Шеренском лесу. – Между тем Ростовский Епископ Кирилл, возвращаясь из Белаозера и желая видеть место несчастной для россиян битвы на берегах Сити, в куче мертвых тел искал Георгиева. Он узнал его по Княжескому одеянию; но туловище лежало без головы. Кирилл взял с благоговением сии печальные остатки знаменитого Князя и положил в Ростовском храме Богоматери. Туда же привезли и тело Василька, найденное в лесу сыном одного сельского Священника: вдовствующая Княгиня, дочь Михаила Черниговского, Епископ и народ встретили оное со слезами. Сей Князь был искренно любим гражданами. Летописцы хвалят его красоту цветущую, взор светлый и величественный, отважность на звериной ловле, благодетельность, ум, знания, добродушие и кротость в обхождении с Боярами. «Кто служил ему, – говорят они: – кто ел хлеб его и пил с ним чашу, тот уже не мог быть слугою иного Князя». Тело Василька заключили в одной раке с Георгиевым, вложив в нее отысканную после голову великого Князя.

Многочисленные толпы Батыевы стремились к Новугороду и, взяв Волок Ламский, Тверь (где погиб сын Ярославов), осадили Торжок. Жители две недели оборонялись мужественно, в надежде, что новогородцы усердною помощию спасут их. Но в сие несчастное время всякий думал только о себе; ужас, недоумение царствовали в России; народ, Бояре говорили, что отечество гибнет, и не употребляли никаких общих способов для его спасения. Татары взяли наконец Торжок [5 марта] и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться. Вой-

ско Батыя шло далее путем Селигерским; села исчезали; головы жителей, по словам Летописцев, падали на землю как трава скошенная. Уже Батый находился в 100 верстах от Новагорода, где плоды цветущей, долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу; но вдруг – испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края – к радостному изумлению тамошних жителей, обратился назад к Козельску (в Губернии Калужской). Сей город весьма незнаменитый, имел тогда особенного Князя еще в детском возрасте, именем Василия, от племени Князей Черниговских. Дружина его и народ советовались между собою, что делать. «Наш Князь младенец, – говорили они: – но мы, как верные россияне, должны за него умереть, чтобы в мире оставить по себе добрую славу, а за гробом принять венец бессмертия». Сказали и сделали. Татары семь недель стояли под крепостию и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стены и взошли на вал: граждане резались с ними ножами и в единодушном порыве геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многие стенобитные орудия Татарские и, положив 4000 неприятелей, сами легли на их трупах. Хан велел умертвить в городе всех людей безоружных, жен, младенцев и назвал Козельск *Злым* городом: имя славное в таком смысле! Юный Князь Василий пропал без вести: говорили, что *он утонул в крови*.

Битва русских дружин с войском хана Батыя. Миниатюра XVII в.

Батый, как бы утомленный убийствами и разрушением, отошел на время в землю Половецкую, к Дону, и брат Георгиев, Ярослав – в надежде, что буря миновалась, – спешил из Киева в Владимир принять достоинство великого Князя.

Том IV

Глава I
Великий князь Ярослав II Всеволодович. 1238-1247

Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. В таких обстоятельствах Государь чувствительный мог бы возненавидеть власть; но сей Князь хотел славиться деятельностию ума и твердостию души, а не мягкосердечием. Он смотрел на повсеместное опустошение не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорейшими средствами загладить следы оного. Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла – одним словом, совершенно обновить Государство. Еще на дорогах, на улицах, в обгорелых церквах и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел: Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием. Восстановив тишину и благоустройство, Великий Князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну. Народ, по счастливому обыкновению человеческого сердца, забыл свое горе; радовался новому спокойствию и порядку, благодарил Небо за спасение еще многих Князей своих; не знал, что Россия уже лишилась главного сокровища государственного: независимости – и слезами искреннего умиления оросил гроб Георгиев, перевезенный из Ростова в Владимир. [1239 г.] Георгий в безрассудной надменности допустил Татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты Государства; но он имел добродетели своего времени: любил украшать церкви, питал бедных, дарил Монахов – и граждане благословили его память.

Ко славе Государя, попечительного о благе народном, Великий Князь присоединил и славу счастливого воинского подвига. Литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области: Ярослав, разбив их, пленил Князя Литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившего прежде в Новегороде.

Великий князь Ярослав Всеволодович. Гравюра 1850 г.

Между тем Князья южной России, не имев участия в бедствиях северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего особенного властолюбия. Как скоро Ярослав выехал из Киева, Михаил Черниговский занял сию столицу, оста-

вив в Галиче сына, Ростислава, который, нарушив мир, овладел Даниловым Перемышлем. Чрез несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со всеми Боярами на Литву; нечаянно обступил Галич; подъехал к стенам и, видя на них множество стоящего народа, сказал: «Граждане! Доколе вам терпеть державу Князей иноплеменных? Не я ли ваш Государь законный, некогда вами любимый?» Все ответствовали единодушным восклицанием: «ты, ты – наш отец, Богом данный! Иди: мы твои!» Воевода Ростислава и Галицкий Епископ Артемий хотели удержать народ, но не могли и должны были встретить Даниила, скрывая внутреннюю досаду под личиною притворного веселия. Никогда в сем городе, славном мятежами, изменами, злодействами, не являлось зрелища столь умилительного: граждане, по выражению Летописца, стремились к Даниилу, *как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному*, поздравляя друг друга с Князем любимым. Даниил принес благодарность Всевышнему в Соборной церкви Богоматери, поставил свою хоругвь на Немецких воротах и, восхищенный знаками народного усердия, говорил, что никто уже не отнимет у него Галича. Сведав о происшедшем, Ростислав бежал в Венгрию, будучи женихом Королевы, Белиной дочери; а Бояре Галицкие упали к ногам Даниловым. Редкое милосердие сего Князя не истощилось их злодеяниями; он сказал только «исправьтесь!» и надеялся великодушием обезоружить мятежников. В самом деле они усмирились; но тишина, восстановленная Даниилом в сих утомленных междоусобиями странах, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходил из России единственно для того, чтобы овладеть землею Половцев. Знаменитейший из их Ханов, Котян, тесть храброго Мстислава Галицкого, был еще жив и мужественно противился Татарам; наконец, разбитый в степях Астраханских, искал убежища в Венгрии, где Король, приняв его в подданство с 40000 единоплеменников, дал им земли для селения. Покорив окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границах России; завоевали Мордовскую землю, Муром и Гороховец, принадлежавший Владимирскому храму Богоматери Тогда жители Великого Княжения снова обеспамятели от ужаса: оставляя домы свои, бегали из места в место и не знали, где найти безопасность. Но Батый шел громить южные пределы нашего отечества. Взяв Переяславль, Татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолепно украшенная серебром и золотом, заслужила их особенное внимание: они сравняли ее с землею, убив Епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Чернигов, славный мужеством граждан во времена наших междоусобий. Сии добрые россияне не изменили своей прежней славе и дали отпор сильный. Князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаилов, предводительствовал ими. Бились отчаянно в поле и на стенах. Граждане с высокого вала разили неприятелей огромными камнями. Одержав наконец победу, долго сомнительную, Татары сожгли Чернигов; но хотели отдыха и, через Глухов отступив к Дону, дали свободу плененному ими Епископу Порфирию. Сим знаком отличного милосердия они хотели, кажется, обезоружить наше Духовенство, ревностно возбуждавшее народ к сопротивлению. – Князь Мстислав Глебович спас жизнь свою и бежал в Венгрию.

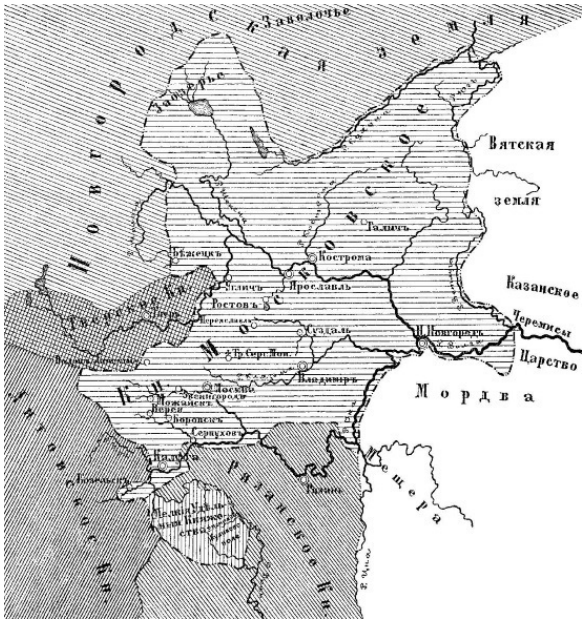
[1240 г.] Уже Батый давно слышал о нашей древней столице Днепровской, ее церковных сокровищах и богатстве людей торговых. Она славилась не только в Византийской Империи и в Германии, но и в самых отдаленных странах восточных: ибо Арабские Историки и Географы говорят об ней в своих творениях. Внук Чингисхана, именем Мангу, был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны Днепра и, по словам Летописца, не мог надивиться красоте оного. Живописное положение города на крутом берегу величественной реки, блестящие главы многих храмов, в густой зелени садов, – высокая белая стена с ее гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художеством Византийским в счастливые дни Великого Ярослава, действительно могли удивить степных варваров. Мангу не отважился идти за Днепр: стал на Трубеже, у городка Песочного (ныне селения Песков), и хотел лестию склонить жителей столицы к подданству. Битва на Калке, на Сити, – пепел Рязани, Владимира, Чернигова

и столь многих иных городов, свидетельствовали грозную силу Моголов: дальнейшее упорство казалось бесполезным; но честь народная и великодушие не следуют внушениям боязливого рассудка. Киевляне все еще с гордостию именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю и требовать цепей, когда другие россияне, гнушаясь уничижением, охотно гибли в битвах? Киевляне умертвили Послов Мангухана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее Князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть Татар, бежал в Венгрию, вслед за сыном своим. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич, хотел овладеть престолом Киевским; но знаменитый Даниил Галицкий, сведав о том, въехал в Киев и задержал Ростислава как пленника. Даниил уже знал Моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился, подобно Михаилу, ехать к Королю Венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров. Надлежало оставить в столице Вождя искусного и мужественного: Князь не ошибся в выборе, поручив оную Боярину Димитрию.

Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Скрып бесчисленных телег, рев вельблюдов и волов, ржание коней и свирепый крик неприятелей, по сказанию Летописца, едва дозволяли жителям слышать друг друга в разговорах. – Димитрий бодрствовал и распоряжал хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен Татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева со всеми Воеводами Могольскими; что знатнейшие из них суть Гаюк (сын Великого Хана), Мангу, Байдар (внуки Чингисхановы), Орду, Кадан, Судай-Багадур, победитель Ниучей Китайских, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгарии и Княжения Суздальского. Сей пленник сказывал о Батыевой рати единственно то, что ей нет сметы. Но Димитрий не знал страха. Осада началася приступом к вратам Лятским, к коим примыкали дебри: там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда, и Киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: «стрелы омрачили воздух; копья трещали и ломались»; мертвых, издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе; но Татары ввечеру овладели стеною. Еще воины Российские не теряли бодрости; отступили к церкви Десятинной и, ночью укрепив оную тыном, снова ждали неприятеля; а безоружные граждане с драгоценнейшим своим имением заключились в самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однако ж не было слова о переговорах: никто не думал молить лютого Батыя о пощаде и милосердии; великодушная смерть казалась и воинам и гражданам необходимостию, предписанною для них отечеством и Верою. Димитрий, исходя кровию от раны, еще твердою рукою держал свое копие и вымышлял способы затруднить врагам победу. Утомленные сражением Моголы отдыхали на развалинах стены: утром возобновили оное и сломили бренную ограду россиян, которые бились с напряжением всех сил, помня, что за ними гроб Св. Владимира и что сия ограда есть уже последняя для их свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного Димитрия и привели к Батыю. Сей грозный завоеватель, не имея понятия о добродетелях человеколюбия, умел ценить храбрость необыкновенную и с видом гордого удовольствия сказал Воеводе Российскому: «Дарую тебе жизнь!» Димитрий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

Моголы несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения, истреблением людей и всех плодов долговременного гражданского образования. Древний Киев исчез, и навеки: ибо сия, некогда знаменитая столица, *мать градов Российских*, в XIV и в XV веке представляла еще развалины; в самое наше время существует единственно тень ее прежнего величия. Напрасно любопытный путешественник ищет там памятников, священных для россиян: где гроб Ольгин? где кости Св. Владимира? Батый не пощадил и самых могил: варвары давили ногами черепы наших древних Князей. Остался только надгробный памятник Ярославов, как бы в знак того, что слава мудрых гражданских законодателей есть самая долговечная

и вернейшая… Первое великолепное здание греческого зодчества в России, храм Десятинный был сокрушен до основания: после, из развалин оного, воздвигли новый, и на стенах его видим отрывок надписи древнего. – Лавра Печерская имела ту же участь. Благочестивые Иноки и граждане, усердные к святыне сего места, не хотели впустить неприятелей в ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили все сокровища и, сняв *златокованный* крест с главы храма, разломали церковь до самых окон, вместе с кельями и стенами монастырскими. Если верить Летописцам XVII века, то первобытное строение Лавры красотою и величием превосходило новейшее. Они же повествуют, что некоторые Иноки Печерские укрылись от меча Батыева и жили в лесах; что среди развалин монастыря уцелел один малый придел, куда сии пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную, извещаемые о том унылым и протяжным звоном колокола.



Великое княжество Московское в XIV–XV вв.

Батый – узнав, что Князья южной России находятся в Венгрии, – пошел в область Галицкую и Владимирскую; осадил город Ладыжин и, не умев двенадцатью орудиями разбить крепких стен его, обещал помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему поверили, и ни один из них не остался жив: ибо Татары не знали правил чести и всегда, обманывая неприятелей, смеялись над их легковерием. Завоевав Каменец, где господствовал друг Михаилов, Изяслав Владимирович, внук Игорев, Татары отступили с неудачею от Кременца, Даниилова города; но взяли Владимир, Галич и множество иных городов. Великодушный Воевода Киевский, Димитрий, находился с Батыем и, сокрушаясь о бедствиях России, представлял ему, что время оставить сию землю, уже опустошенную и воевать богатое Государство Венгерское; что Король Бела есть неприятель опасный и готовит рать многочисленную; что надобно предупредить его, или он всеми силами ударит на Моголов. Батый, уважив совет Димитриев, вышел из нашего отечества, чтобы злодействовать в Венгрии: таким образом сей достойный Воевода Российский и в самом плене своем умел оказать последнюю, важную услугу несчастным согражданам. Благоденствие и драгоценная народная независимость погибли для них на долгое время: по крайней мере они могли возвратиться из лесов на пепелище истребленных жительств; могли предать земле кости милых ближних и в храмах, немедленно возобновленных их общим усердием, молиться Всевышнему с умилением. Вера торжествует в бедствиях и смягчает оные.

Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их, от берегов Оки до Сана. Летописцы наши, сетуя над развалинами отечества о гибели городов и большой части народа, прибавляют: «Батый, как лютый зверь, пожирал целые области, терзая когтями остатки. Храбрейшие Князья Российские пали в битвах; другие скитались в землях чуждых; искали заступников между иноверными и не находили; славились прежде богатством и всего лишились. Матери плакали о детях, пред их глазами растоптанных конями Татарскими, а девы о своей невинности: сколь многие из них, желая спасти оную, бросались на острый нож или в глубокие реки! Жены Боярские, не знавшие трудов, всегда украшенные златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженные толпою слуг, сделались рабами варваров, носили воду для их жен, мололи жерновом и белые руки свои опаляли над очагом, готовя пищу неверным… Живые завидовали спокойствию мертвых». Одним словом, Россия испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою Империею от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнствуют между собою только в силе.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов в ратном деле: древние россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины Князей и города не хотели соединиться, действовали особенно, и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева: ибо сей завоеватель беспрестанно умножал рать свою, присоединяя к ней побежденных. Еще Европа не ведала искусства огнестрельного, и неравенство в числе воинов было тем решительнее. Батый предводительствовал целым вооруженным народом: в России жители сельские совсем не участвовали в войне, ибо плодами их мирного трудолюбия питалось государство и казна обогащалась. Земледельцы, не имея оружия, гибли от мечей Татарских как беззащитные жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать в битвах одной славы и смерти, а не победы. Впрочем, Моголы славились и храбростию, вселенною в них умом Чингисхана и сорокалетними победами. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волах свои кибитки и семейства, жен, детей и везде находили отечество, где могло пастися их стадо. В свободное от человекоубийств время занимались звериною ловлею: видя же неприятеля, бесчисленные толпы сих варваров как волны стремились одна за другою, чтобы со всех сторон окружить его, и пускали тучу стрел, но удалялись от ручной схватки, жалея своих людей и стараясь убивать врагов издали. Ханы и главные начальники не вступали в бой: стоя назади, разными маяками давали повеления и не стыдились иногда общего бегства; но смертию наказывали того, кто бежал один и ранее других. Стрелы Моголов были весьма остры и велики, сабли длинные, копья с крюками, щиты ивовые или сплетенные из прутьев.

В то время, как сии губители свирепствовали в южной России, ее Князья находились в Польше. Король Венгерский, видя Михаила изгнанником, не хотел выдать дочери за его сына и велел им удалиться. Даниил, готовый тогда ехать к Беле IV, имел случай оказать свое великодушие: убедил Великого Князя, Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествия Батыева плененную им в Каменце; возвратил ее супругу и, забыв вражду, обещал навсегда уступить ему Киев, если благость Всевышнего избавит Россию от иноплеменников; а Ростиславу отдал Луцк. Чтобы в общей опасности действовать согласнее с Белою, Даниил, прибыв в Венгрию, изъявил намерение вступить с ним в свойство и сына своего, юного Льва, женить на дочери Королевской; но спесивый Бела отвергнул сие предложение, думая, что Батый не дерзнет идти за Карпатские горы и что несчастие Российских Княжений есть счастие для Венгрии: мысль ума слабого, внушаемая обыкновенно взаимною завистию держав соседственных! Предсказав Королю гибельное следствие такой системы, Даниил спешил защитить свое Княжение,

но поздно: толпы беглецов известили его о жалостной судьбе Киева и других наших городов знаменитых. Уже Татары стояли на границе. Даниил, окруженный малочисленною дружиною, искал убежища в земле Конрадовой; там нашел он супругу, детей и брата, которые едва могли спастися от меча варваров; вместе с ними оплакал бедствие отечества и, слыша о приближении Моголов, удалился в Мазовию, где Болеслав, сын Конрадов, дал ему на время Вышегород и где Даниил с Васильком оставались до самого того времени, как Батый вышел из юго-западной России. Получив сию утешительную весть, они возвратились в отечество; не могли от смрада въехать ни в Брест, ни в Владимир, наполненный трупами, и решились жить в Холме, основанном Даниилом близ древнего Червена и, к счастию, уцелевшем от Могольского разорения. Сей городок, населенный отчасти Немцами, Ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалин всей окрестной страны казался тогда очаровательным, имея веселые сады, насажденные рукою его основателя, новые здания и церкви, им украшенные (в особенности церковь Св. Иоанна, поставленную на четырех, искусно изваянных головах человеческих, с медным помостом и с *Римскими* стеклами в окнах). Как бы следуя указанию Неба, столь чудесно защитившего сие приятное место, Даниил назвал Холм своим любимым городом и, подобно Ярославу, Суздальскому Великому Князю, неутомимо старался воскресить жизнь и деятельность в областях юго-западной России. Ему надлежало не только вызвать людей из лесов и пещер, где они скрывались, но и сражаться с буйностию легкомысленных Бояр, которые думали, что внук Чингисханов опустошил наше государство для их пользы и что им настало время царствовать. Воевода Дрогичинский не впустил Князя в сей город, а Бояре Галицкие хотя и называли Даниила своим Государем, однако ж самовольно повелевали областями, явно над ним смеялись, присвоили себе доходы от соли Коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье так называемым Княжеским *Оружникам*, и тайно сносились с Михаиловым сыном, Ростиславом. Долго бегав от Татар из земли в землю, Михаил, ограбленный Немцами близ Сирадии, возвратился в Киев и жил на острове против развалин сей древней столицы, послав сына в Чернигов. Он уже не помнил благодеяний шурина и старался ему злодействовать. Ростислав хотел овладеть Бакотою в Понизье; был отражен Данииловым Печатником, но занял Галич и Перемышль. Столь мало Князья Российские научились благоразумию в несчастиях, с бессмысленным властолюбием споря между собою о бедных остатках Государства растерзанного! Несмотря на измены Бояр и двух Епископов, Галицкого и Перемышльского, друзей Михаилова сына; несмотря на изнурение своего Княжества и малочисленность войска, большею частию истребленного Татарами, Даниил смирил мятежников и неприятелей; изгнал Ростислава из Галича и пленил его союзников, Князей Болоховских, прежде облаготворенных им и Васильком. Достойно замечания, что сии Князья умели спасти их землю от хищности Батыевой, обязавшись сеять для Татар пшеницу и просо. – В то же время оскорбленный Поляками Даниил осаждал и взял бы Люблин, если бы жители не испросили у него мира. Восстановив свою державу, он ждал с беспокойством, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще некоторые отряды Моголов не выходили из России, довершая завоевание восточных Уделов Черниговских, и Князь Мстислав, потомок Святослава Ольговича Северского, был умерщвлен Татарами.

Великий князь Александр Невский. Гравюра 1850 г.

Один Новгород остался цел и невредим, благословляя милость Небесную и счастие своего юного Князя, Александра Ярославича, одаренного необыкновенным разумом, мужеством, красотою величественною и крепкими мышцами Самсона. Народ смотрел на него с любовию и почтением; приятный голос сего Князя *гремел как труба* на Вечах. Во дни общих бедствий России возникла слава Александрова. Достигнув лет юноши, он женился на дочери Полоцкого Князя, Брячислава, и, празднуя свадьбу, готовился к делам ратным; велел укрепить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область от внезапных нападений Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что мир в сии времена общих разбоев не мог быть продолжителен.

Ливонские Рыцари, Финны и Шведы были неприятелями Новагорода. Первые сделались тогда гораздо сильнее и для россиян опаснее: ибо, лишася Магистра своего, Вольквина, и лучших сподвижников в несчастной битве с Литвою, присоединились к славному Немецкому Ордену Св. Марии. Скажем несколько слов о сем достопамятном братстве. Когда Государи Европейские, подвигнутые и славолюбием и благочестием, вели кровопролитные войны в Палестине и в Египте; когда усердие видеть Святые места ежегодно влекло толпы людей из Европы в Иерусалим: многие Немецкие Витязи, находясь в сем городе, составили между собою братское общество, с намерением покровительствовать там своих единоземцев, бедных и недужных, служить им деньгами и мечем, – наконец быть защитниками всех богомольцев и неутомимыми врагами Сарацинов. Сие общество, в 1191 году утвержденное Папскою Буллою, назвалося Орденом Св. Марии Иерусалимской, и Рыцари его ознаменовали белые свои мантии черным крестом, дав торжественный обет целомудрия и повиновения начальникам. Великий Магистр говорил всякому новому сочлену: «Если вступаешь к нам в общество с надеждою вести жизнь покойную и приятную, то удалися, несчастный! Ибо мы требуем, чтобы ты отрекся от всех мирских удовольствий, от родственников, друзей и собственной воли: что ж в замену обещаем тебе? хлеб, воду и смиренную одежду. Но когда придут для нас времена лучшие, тогда Орден сделает тебя участником всех своих выгод». Сии лучшие времена настали: Орден Св. Марии, переселясь в Европу, был уже столь знаменит, что великий магистр его, Герман Зальца, мог судить Папу, Гонория III, с Императором Фридериком II; завоевал Пруссию – ревностно обращая ее жителей в Христианство, то есть огнем и мечем – принял Ливонских Рыцарей под свою защиту, дал им магистра, одежду, правила Ордена Немецкого и, наконец, слово, что ни Литовцы, ни Датчане, ни россияне уже не будут для них опасны.

В сие время был Магистром Ливонским некто Андрей Вельвен, муж опытный и добрый сподвижник Германа Зальцы. Желая, может быть, прекратить взаимные неудовольствия Ливонских Рыцарей и Новогородцев, он имел свидание с юным Александром: удивился его красоте, разуму, благородству и, возвратясь в Ригу, говорил, по словам нашего Летописца: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новогородского с изумлением». Сей юный Князь скоро имел случай важным подвигом возвеличить свою добрую славу.

Король Шведский, досадуя на россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом Шведов, Норвежцев, Финнов. Сей Вождь опытный, дотоле счастливый, думал завоевать Ладогу, самый Новгород, и велел надменно сказать Александру: «Ратоборствуй со мною, если смеешь; я стою уже в земле твоей». Александр не изъявил ни страха, ни гордости Послам Шведским, но спешил собрать войско; молился с усердием в Софийской церкви, принял благословение Архиепископа Спиридона, отер на Праге слезы умиления сердечного и, вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим Князем!» Он не имел времени ждать помощи от Ярослава, отца своего; самые Новогородские воины не успели все собраться под знамена: Александр выступил в поле и 15 июля [1240 г.] приближился к берегам Невы, где стояли Шведы. Там встретил его знатный Ижерянин, Пелгуй, начальник приморской стражи, с известием о силе и движениях неприятеля. Здесь современный Летописец рассказывает чудо. Ижеряне, подданные Новогородцев, большею частию жили еще в идолопоклонстве; но Пелгуй был Христианин, и весьма усердный. Ожидая Александра, он провел ночь на берегу Финского залива во бдении и молитве. Мрак исчез, и солнце озарило необозримую поверхность тихого моря; вдруг раздался шум: Пелгуй содрогнулся и видит на море легкую ладию, гребцов, *одеянных мглою*, и двух лучезарных Витязей в ризах червленных. Сии Витязи совершенно походили на Святых Мучеников Бориса и Глеба, как они изображались на иконах, и Нелгуй слышал голос старшего из них: «Поможем родственнику нашему Александру!» По крайней мере так он сказывал Князю о своем видении и предзнаменовании столь счастливом; но Александр запретил ему говорить о том и как молния устремился на Шведов. Внезапность, быстрота удара привела их в замешательство. Князь и дружина оказали редкое мужество. Александр собственным копием *возложил печать на лице* Биргера. Витязь Российский, Гавриил Олексич, гнал Принца, его сына, до самой ладии; упал с конем в воду, вышел невредим и бодро сразился с Воеводою Шведским. Новогородец Сбыслав Якунович с одним топором вломился в середину неприятелей; другой, именем Миша, с отрядом пехоты истребил шнеки их, или суда. Княжеский ловчий Яков Полочанин, предводительствуя горстию смелых, ударил на целый полк и заслужил отменное благоволение Александра, который везде был сам и все видел. Ратмир, верный слуга Князя, не уступал никому в храбрости: бился пеший, ослабел от ран и пал мертвый, к общему сожалению наших. Еще стоял златоверхий шатер Биргеров; Отрок Александров, Савва, подсек его столп; шатер упал, и россияне возгласили победу. Темная ночь спасла остатки Шведов. Они не хотели ждать утра: нагрузили две шнеки телами чиновников, зарыли прочих в яму и спешили удалиться. Главный Воевода их, Спиридон, и Епископ, по рассказам пленников, находились в числе убитых. Урон с нашей стороны был едва заметен, и сия достопамятная битва, обрадовав тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозвание *Невского*. Обстоятельства ее тем для нас любопытнее, что Летописец, служа сему Князю, слышал их от него самого и других очевидцев.

Г.И. Угрюмов. Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами

Рыцари Ливонские не помогали Шведам, однако ж старались вредить Новугороду. Ярослав, сын Владимира Псковского, в 1233 году сосланный в область Суздальскую, получил свободу, жил тогда у Немцев в Эстонии и питал их ненависть к россиянам. Во Пскове были также некоторые изменники – чиновник Твердило и другие, – склонявшие Рыцарей овладеть сим городом. Обнадеженные ими в верном успехе, Немцы собрали войско в Оденпе, Дерпте, Феллине и с Князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск. Псковитяне сразились с ними; но, претерпев великий урон и желая спасти город, зажженный неприятелем, должны были согласиться на мир постыдный. Рыцари хотели аманатов: знатнейшие люди представили им своих детей, и гнусный изменник, Твердило, начал господствовать во Пскове, деляся властию с Немцами, грабя села Новогородские. Многие добрые Псковитяне ушли с семействами к Александру и требовали его защиты. К несчастию, сей Князь имел тогда распрю с Новогородцами: досадуя на их неблагодарность, он уехал к отцу в Переславль Залесский, с материю, супругою и всем Двором.

Между тем Немцы вступили в область Новогородскую, обложили данию Вожан и построили крепость на берегу Финского залива, в Копорье, чтобы утвердить свое господство в нынешнем Ораниенбаумском уезде; взяли на границах Эстонии Российский городок Тесов и грабили наших купцов верст за 30 до Новагорода, где чиновники дремали или тратили время в личных ссорах. Народ, видя беду, требовал себе защитника от Ярослава Всеволодовича и признал второго сына его, Андрея, своим Князем; но зло не миновалось. Литва, Немцы, Чудь опустошали берега Луги, уводили скот, лошадей, и земледельцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибегнуть к Герою Невскому: Архиепископ со многими Боярами отправился к Александру; убеждал, молил Князя и склонил его забыть вину Новагорода.

[1241 г.] Александр прибыл, и все переменилось. Немедленно собралось войско: новогородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы весело шли под его знаменами к Финскому заливу; взяли Копорье и пленили многих Немцев. Александр освободил некоторых; но Вожане и Чудские изменники, служившие неприятелю, в страх другим были повешены.

[1242 г.] Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась от власти предателя, Твердила, и чужеземцев. Александр завоевал Псков, возвратил ему независимость и прислал в Новгород скованных Немцев и Чудь. Летописец Ливонский сказывает, что 70 мужественных Рыцарей положили там свои головы и что Князь Новогородский, пленив 6 чиновников, велел умертвить их. Победитель вошел в Ливонию, и когда воины наши рассеялись для собрания съестных припасов, неприятель разбил малочисленный передовой отряд Новогородский. Тут Александр оказал искусство благоразумного Военачальника: зная силу Немцев, отступил

назад, искал выгодного места и стал на Чудском озере [5 апреля 1242 г.]. Еще зима продолжалась тогда в апреле месяце, и войско могло безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды; но мужественный Князь, ударив на неприятелей сбоку, замешал их; сломил, истреблял Немцев и гнал Чудь до самого темного вечера. 400 Рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен, и в том числе один, который в надменности своей хотел пленить самого Александра; тела Чуди лежали на семи верстах. Изумленный сим бедствием, магистр Ордена с трепетом ожидал Александра под стенами Риги и спешил отправить посольство в Данию, моля Короля спасти Рижскую Богоматерь от *неверных*, жестоких россиян; но храбрый Князь, довольный ужасом Немцев, вложил меч в ножны и возвратился в город Псков. Немецкие пленники, потупив глаза в землю, шли в своей Рыцарской одежде за нашими всадниками. Духовенство встретило Героя со крестами и с песнями священными, славя Бога и Александра; народ стремился к нему толпами, именуя его отцем и спасителем. Счастливый делом своим и радостию общею, сей добрый Князь пролил слезы и с чувствительностию сказал гражданам: «О Псковитяне! Если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не найдут у вас верного пристанища в злополучии: то вы будете примером неблагодарности!» – новогородцы радовались не менее Псковитян, и скоро послы Ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили псковских аманатов, отказавшись не только от Луги и Водской области, но уступив Александру и знатную часть Летгаллии.

[1243–1245 гг.] В сие время Литовцы разбили Ярослава *Владимировича*, который, оставив Немцев, с изволения Александрова начальствовал в Торжке. Соединясь с Тверскою дружиною, Ярослав гнался за хищниками до Торопца, где они считали себя уже в безопасности, овладев крепостию; но Герой Невский приспел, взял город, истребил их всех, одних на стенах, других в бегстве, и в том числе 8 Князьков Литовских. Совершив подвиг, Александр отпустил войско, ехал с малочисленною дружиною и вдруг увидел себя окруженного новыми толпами неприятелей: ударил неустрашимо, рассеял оные, благополучно возвратился в Новегород. – Одним словом, Александр, в несколько дней, семь раз победил Литовцев; воины его, ругаясь над ними, привязывали пленников к хвостам конским.

Сии частные успехи не могли переменить общей судьбы россиян, уже данников Татарских. Батый, завоевав многие области Польские, Венгрию, Кроацию, Сервию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию и приведши в ужас Европу, вдруг, к общему удивлению, остановил бурное стремление Моголов и возвратился к берегам Волги. Там, именуясь Ханом, утвердил он свое владычество над Россиею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всеми от устья Дона до реки Дуная. Никто не дерзал ему противиться: народы. Государи старались смягчить его смиренными Посольствами и дарами. Батый звал к себе великого Князя. Ослушание казалось Ярославу неблагоразумием в тогдашних обстоятельствах России, изнуренной, безлюдной, полной развалин и гробов: презирая собственную личную опасность, Великий Князь отправился со многими Боярами в стан Батыев, а сына своего, юного Константина, послал в Татарию к Великому Хану Октаю который в сие время, празднуя блестящие завоевания Моголов в Китае и в Европе, угощал всех старейшин народа. Никогда, по сказанию Историка Татарского, мир не видал праздника столь роскошного, ибо число гостей было несметно. – Батый принял Ярослава с уважением и назвал главою всех Князей Российских, отдав ему Киев (откуда Михаил уехал в Чернигов). Так Государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров. Поступок Ярослава служил примером для Удельных Князей Суздальских: Владимир Константинович, юный Борис Василькович, Василий Всеволодович (внук Константинов) также *били челом* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать в областях своих.

[1246 г.] Сын Ярославов чрез два года возвратился из Китайской Татарии; а Великий Князь, вторично принужденный ехать в Орду со всеми родственниками, должен был сам отпра-

виться к берегам Амура, где Моголы, по смерти Октая, занимались избранием нового Великого Хана. Ярослав простился навеки с любезным отечеством: сквозь степи и пустыни достигнув до Ханского стана, он в числе многих иных данников смирялся пред троном Октаева наследника, оправдал себя в каких-то доносах, сделанных на него Хану одним Российским Вельможею, и, получив милостивое дозволение ехать обратно, кончил жизнь на пути [30 сентября]. Таким образом, сей Князь несчастный, быв свидетелем и жертвою народного уничижения России, не имел и последнего утешения сомкнуть глаза в недрах святого отечества! Верные Бояре привезли его тело в столицу Владимирскую. Говорили, что он был отравлен; что мать нового хана Гаюка, как бы в знак особенного благоволения предложив Ярославу пищу из собственных рук, дала ему яд, который в седьмой день прекратил его жизнь и ясно обнаружился пятнами на теле умершего. Но Моголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых. Мог ли Князь Владимирской области казаться страшным Монарху, повелевавшему народами от Амура до устья Дунайского?

Ярослав, в юности жестокий и непримиримый от честолюбия, украшался и важными достоинствами, как мы видели: благоразумием деятельным и бодростию в государственных несчастиях, быв возобновителем разрушенного Великого Княжения; гибкостию и превосходством ума своего снискал почтение варваров, Батыя и Гаюка, но не заслужил *ревностной* похвалы наших Летописцев, ибо не раздавал имения церквам и Монахам, отличаясь, может быть, Верою просвещенною, а не суесвятством. – Супруга его, именем Феодосия, оставленная им в Новегороде, скончалась там в 1244 году; за малое время до смерти постриглась в Георгиевском монастыре и была схоронена в оном подле ее сына, Феодора.

Россия, огорченная смертию Ярослава, почти в то же время сведала ужасные обстоятельства кончины Михаиловой. Узнав, что сын его, Ростислав, принят весьма дружелюбно в Венгрии и что Бела IV, в исполнение прежнего обязательства, наконец выдал за него дочь свою, Михаил вторично поехал туда советоваться с Королем о средствах избавить себя от ига Татарского; но Бела изъявил к нему столь мало уважения и сам Ростислав так холодно встретил отца, что сей Князь с величайшим неудовольствием возвратился в Чернигов, где сановники Ханские переписывали тогда бедный остаток народа и налагали на всех людей дань поголовную, от земледельца до боярина. Они велели Михаилу ехать в Орду. Надлежало покориться необходимости. Приняв от Духовника благословение и запасные Святые Дары, – ободренный, утешенный его Христианскими наставлениями, он с Вельможею Феодором и с юным внуком, Борисом Васильковичем Ростовским, прибыл в стан к Моголам и хотел уже вступить в шатер Батыев; но волхвы, или жрецы сих язычников, блюстители древних суеверных обрядов, требовали, чтобы он шел сквозь разложенный перед ставкою священный огнь и поклонился их кумирам. «Нет! – сказал Михаил: – я могу поклониться Царю вашему, ибо Небо вручило ему судьбу Государств земных; но Христианин не служит ни огню, ни глухим идолам». Услышав о том, свирепый Батый объявил ему чрез своего Вельможу, именем Эльдега, что должно повиноваться или умереть. «Да будет!» – ответствовал Князь; вынув Запасные Дары, вместе с любимцем своим, Феодором, причастился Святых Таин и, пылая ревностию Христианских мучеников, пел громогласно святые Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борис хотел его смягчить молением и слезами; напрасно Вельможи Ростовские брали на себя грех и торжественное покаяние, если Михаил исполнит волю Батыеву, следуя примеру других Князей наших. «Для вас не погублю души, – говорил он и, свергнув с себя мантию Княжескую, примолвил: – Возьмите славу мира; хочу Небесной». По данному знаку убийцы бросились, как тигры, на Михаила, били его в сердце, топтали ногами: Бояре Российские безмолвствовали от ужаса. Один Феодор стоял покойно и с веселым лицом ободрял терзаемого Князя, говоря, что он умирает, как должно Христианину; что муки земные непродолжительны, а награда Небесная бесконечна. Желая, может быть, прекратить Михаилово страдание, какой-то отступник Веры Христианской, именем Доман, житель Путивля, отсек ему голову и слышал последние, тихо

произнесенные им слова: Христианин *есмь*! Пишут, что сам Батый, удивляясь твердости сего несчастного Князя, назвал его великим мужем. Боярин Феодор приял также венец Мученика и доказал, что он, утешая Михаила, не лицемерил: ибо, раздираемый на части варварами, славил благость Небесную и свою долю. Тела их, поверженные на снедение псам, были сохранены усердием россиян; а Церковь признала Святыми и великодушного Князя и верного слугу его, которые, не имев сил одолеть Моголов в битве, редкою твердостию доказали по крайней мере чудесную силу Христианства. – Юный Борис Василькович, оплакав жребий деда, должен был ехать к Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границах России, и получил дозволение возвратиться в свой Удел; о Князьях же Черниговских с того времени почти совсем не упоминается в наших летописях: знаем единственно, что там около 1261 года властвовал Андрей Всеволодович, зять Даниилова брата, Василька. Сыновья Михаиловы, по кончине отца, княжили в Уделах: Роман в Брянске, Мстислав в Карачеве, Симеон в Глухове, Юрий в Торуссе; а старший их брат, Ростислав, зять Короля Белы, остался в Венгрии и, получив в Удел от своего тестя Банат Маховский (в Сервии), назывался Государем сей области, Герцогом Болгарии и повелителем Славонии (Rex de Madschau, dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae). От сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховские и Боснийские; сестра же их совокупилась браком с Лешком Черным, Герцогом Польским.

Счастливее Князя Черниговского был Даниил в своих первых сношениях с Ордою. Послы за Послами являлись у него от имени Ханского, требуя, чтобы он искал милости Батыевой раболепством или отказался от земли Галицкой. Наконец Даниил поехал к сему завоевателю чрез Киевскую столицу, управляемую Боярином Ярослава Суздальского, Димитрием Ейковичем; встретил Татар за Переяславлем, гостил у Куремсы, их Темника, и в окрестностях Волги нашел Батыя, который в знак особенного благоволения, немедленно впустил его в свой шатер без всяких суеверных обрядов, ненавистных для православия наших Князей. «Ты долго не хотел меня видеть (сказал Батый), но теперь загладил вину повиновением». Горестный Князь пил кумыс, преклоняя колена и славя величие Хана. Батый хвалил Даниила за соблюдение Татарских обычаев; однако ж велел дать ему кубок вина, говоря: «Вы не привыкли к нашему молоку». Сия честь стоила недешево: Даниил, пробыв 25 дней в улусах, выехал оттуда с именем слуги и данника Ханского. – Далее откроется, что сей Князь, лаская Моголов, хотел единственно усыпить их на время и думал о средствах избавить отечество от ига. Между тем Государи соседственные, устрашенные его дружественною связию с Ордою, начали оказывать к нему гораздо более уважения. Незадолго до того времени Король Бела имел с ним новую вражду. Ростислав Михайлович, зять Королевский, предводительствуя Венграми, осаждал Ярославль; с обеих сторон изъявляли остервенение и казнили знатнейших пленников; в том числе россияне умертвили славного гордостию Полководца Венгерского, Фильнию, и в кровопролитной битве одержали верх. Боясь, чтобы Моголы, как покровители Даниила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложил ему тесный союз и выдал меньшую дочь, именем Констанцию, за его сына, Льва, чему способствовал Митрополит Кирилл, избранный Даниилом и Васильком на место Иосифа; он ехал ставиться в Константинополь через Венгрию, говорил с Белою и ручался своим Князьям за искренность сего Монарха. Утвердив вечный с ним мир, Даниил жил согласно и с Поляками. Конрад умер его другом: Болеслав Мазовский также. Последний, женатый на дочери Александра Бельзского, Анастасии, в угодность Даниилу отказал Мазовию брату своему, Самовиту.

Описав случаи времен Ярославовых, мы должны упомянуть о любопытном путешествии Иоанна План-Карпина, Монаха Францисканского, в Татарию к Великому Хану. Европа, приведенная в ужас нашествием Батыевым, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгрии: ибо Татары могли возвратиться. Немецкий Император писал ко всем Государям, чтобы они собрали войско для спасения Царств и Веры. Беспокойство, волнение было общее; народ постился; Духовенство день и ночь молилось в храмах. Один Св. Людовик, мужественный

Король Французский, не терял бодрости и спокойно ответствовал матери, что он, в надежде на Бога и меч свой, смело встретит варваров. Но Папа, Иннокентий IV, желая миром удалить бурю, отправил к Хану Монахов с дружелюбными письмами. Иоанн Карпин, один из сих Послов, в 1246 году проезжал из Италии чрез Россию и сообщает следующие известия о тогдашнем ее состоянии и Моголах. Увидим, что Папа, думая о Татарах, не забывал и наших предков, усильно домогаясь подчинить нас Латинской Церкви. Несчастия россиян давали ему тем более надежды успеть в сем важном деле.

«В Мазовии, – пишет Карпин, – встретили мы Князя Российского Василька (брата Даниилова, ходившего тогда с мазовским Герцогом на Ятвягов), который рассказал нам весьма много любопытного о Татарах. Узнав, что не должно ехать в Орду с пустыми руками, мы купили несколько бобровых и других шкур. Конрад, Герцог Краковский, Епископ и Бароны Польские снабдили нас также всякими мехами, прося Князя Василька быть нашим покровителем. Вместе с ним приехали мы в его столицу (Владимир Волынский), где, отдохнув, желали беседовать с Российскими Епископами и предложили им письма от Папы, который убеждал их присоединиться к Латинской Церкви; но Епископы и Василько ответствовали, что они не могут ничего сказать нам без Князя Даниила, брата Василькова, бывшего тогда в Орде. После чего Василько отправил нас с вожатым в Киев, куда мы и прибыли благополучно, несмотря на глубокий снег, холод и многие опасности: ибо Литовцы беспрестанными набегами тревожат сию часть России. Жителей везде мало: они истреблены Моголами или отведены ими в плен. В Киеве наняли мы Татарских лошадей, а своих оставили: ибо они могли бы умереть с голода в дороге, где нет ни сена, ни соломы; а Татарские, разбивая копытами снег, питаются одною мерзлою травою.

Первое место, в коем живут Моголы (близ Киева), называется Хановым. Они со всех сторон окружили нас, спрашивая, зачем и куда едем? Я отвечал, что мы послы отца и владыки всех Христиан, который, ничем не оскорбив Государей Татарских, с крайним изумлением сведал о разорении Венгрии и Польши, где живут *его подданные*, что он, желая мира, в письмах своих убеждает Ханов принять Веру Христианскую, без коей нет спасения. Моголы удовольствовались некоторыми подарками и дали нам вожатым до Орды главного их начальника. Он называется Куремсою, предводительствует шестидесятью тысячами воинов и хранит западные пределы Могольских владений. – Куремса отправил нас к Батыю, первейшему из Ханов после Великого.

Мы проехали всю землю Половецкую, обширную равнину, где текут реки Днепр, Дон, Волга, Яик и где летом кочуют Татары, повинуясь разным Воеводам, а зимою приближаются к морю *Греческому* (или Черному). Сам Батый живет на берегу Волги, имея пышный, великолепный двор и 600000 воинов, 160000 Татар и 450000 иноплеменников, Христиан и других подданных. В пятницу Страстной недели провели нас в ставку его между двумя огнями, для того, как говорили Татары, что огонь есть чистилище для всяких злых умыслов, отнимая даже силу у скрываемого яда. Мы должны были несколько раз кланяться и вступить в шатер, не касаясь порога. Батый сидел на троне с одною из жен своих; его братья, дети и Вельможи на скамьях; другие на земле, мужчины на правой, а женщины на левой стороне. Сей шатер, сделанный из тонкого полотна, принадлежал Королю Венгерскому: никто не смеет входить туда без особенного дозволения, кроме семейства Ханского. Нам указали место на левой стороне, и Батый с великим вниманием читал письма Иннокентиевы, переведенные на языки Славянский, Арабский и Татарский. Между тем он и Вельможи его пили из золотых или серебряных сосудов: причем всегда гремела музыка с песнями. Батый имеет лицо красноватое; ласков в обхождении с своими, но грозен для всех; на войне жесток, хитр и славится опытностью. – Он велел нам ехать к Великому Хану.

Хотя мы были весьма слабы, ибо питались во весь пост одним просом и пили только снежную воду, однако ж ехали скоро, пять или шесть раз в день меняя лошадей, где находили их. Земля Половецкая во многих местах есть дикая степь: жители истреблены Татарами или

бежали; другие признали себя их подданными. Она граничит к северу с Россиею, Мордвою, Болгариею, Башкириею (pays des Bastarques), отечеством Венгров, и с Самоедами (Samogedes), обитающими на пустынных берега Океана; к югу с Аланами (Оссетинцами), Черкесами, Козарами и Грециею. За Половцами начинается страна Кангитов (Канглей или Хвалисов), совершенно безводная и малонаселенная. В сей печальной степи (ныне Киргизской) умерли от жажды Бояре Ярослава, Князя Российского, посланные им в Татарию: мы видели их кости. Вся земля опустошена Моголами; жители, не имея домов, обитают в шатрах и так же, как Половцы, не знают хлебопашества, а кормятся одним скотоводством.

Около Вознесения Христова въехали мы в страну Бесерменов (Харазов или Хивинцев), говорящих языком Половцев, не исповедующих веру Сарацинскую. Там представилось нам множество сел и городов опустошенных. Владетель их, называемый Великим Султаном, погиб со всем родом от меча Татарского. Сия земля имеет большие горы и сопредельна к Северу (Востоку) с Черными Китанами (в Малой Бухарии), где живет Сибан, брат Батыев и где находится дворец Ханский. Далее мы увидели обширное озеро (Байкал), оставили его на левой стороне и чрез землю кочующих Найманов в исходе июня прибыли в отечество Моголов, которые суть истинные Татары.

Уже несколько лет они готовились к избранию Великого Хана; но Гаюк еще не был торжественно возглашен Октаевым преемником: он велел нам ждать сего времени и послал к матери, вдовствующей супруге Октаевой, именем Туракане, у коей собирались все чиновники и старейшины: ибо она была тогда правительницею. Ее ставка, обнесенная тыном, могла вместить более 2000 человек. Воеводы сидели на конях, богато украшенных серебром, и советовались между собою. Одежда их в первый день была *пурпуровая белая*, на другой день красная, на третий синеватая, а на четвертый алая. Народ толпился вне ограды. У ворот стояли воины с обнаженными мечами; в другие ворота, хотя оставленные без стражи, никто не смел входить, кроме Гаюка. Вельможи беспрестанно пили кумыс и хотели нас также поить; но мы отказались. Они везде давали первое место нам и Российскому Князю Ярославу; тут же находились два сына Грузинского Царя, Посол Калифа Багдадского и многие другие Послы Сарацинские, числом до четырех тысяч: одни с дарами, иные с данию.

Таким образом мы жили целый месяц в сем шумном стане, называемом Сыра Орда, и часто видели Гаюка. Когда он выходил из шатра своего, певцы обыкновенно шли впереди и громко пели его славу. Наконец Двор переехал в другое место и расположился на берегу ручья, орошающего прекрасную долину, где стоял великолепный шатер, называемый *Златая Орда*. Столпы сего шатра, внутри и снаружи украшенного богатыми тканями, были окованы золотом. Там надлежало Гаюку торжественно воссесть на престол в день Успения Богоматери. Но ужасная непогода, град и снег препятствовали совершению обряда до 24 августа. В сей день собрались Вельможи и, смотря на Юг, долго молились Всевышнему: после чего возвели Гаюка на златой трон и преклонили колена; народ также. Князья и Вельможи говорили Императору: *мы хотим и требуем, чтобы ты повелевал нами.* Гаюк спросил: *желая иметь меня Государем, готовы ли вы исполнять мою волю; являться, когда позову вас; идти, куда велю, и предать смерти всякого, кого наименую?* Все ответствовали: *готовы!.. Итак* (сказал Гаюк), *слово мое да будет отныне мечем*! Вельможи взяли его за руку, свели с трона и посадили на войлок, говоря Императору: *Над тобою Небо и Всевышний; под тобою земля и войлок. Если будешь любить наше благо, милость и правду, уважая Князей и Вельмож по их достоинству, то Царство Гаюково прославится в мире, земля тебе покорится и Бог исполнит все желания твоего сердца. Но если обманешь надежду подданных, то будешь презрителен и столь беден, что самый войлок, на котором сидишь, у тебя отнимется*. Тогда Вельможи, подняв Гаюка на руках, возгласили его Императором и принесли к нему множество серебра, золота, камней драгоценных и всю казну умершего Хана; а Гаюк часть сего богатства роздал чиновникам в

знак ласки и щедрости. Между тем готовился пир для Князей и народа; пили до самой ночи и развозили в телегах мясо, варенное без соли.

Гаюк имеет от роду 40 или 45 лет, росту среднего, отменно умен, догадлив и столь важен, что никогда не смеется. Христиане, служащие ему, уверяли нас, что он думает принять Веру Спасителеву, ибо держит у себя Христианских Священников и дозволяет им всенародно перед своим шатром отправлять Божественную службу по обрядам Греческой Церкви. Сей Император говорит с иностранцами только через переводчиков, и всякий, кто подходит к нему, должен стать на колена. У него есть гражданские чиновники и Секретари, но нет стряпчих: ибо Моголы не терпят ябеды, и слово Ханское решит тяжбу. Что скажет Государь, то и сделано; никто не смеет возражать или просить его дважды об одном деле. Гаюк, пылая славолюбием, готов целый мир обратить в пепел. Смерть Октаева удержала Моголов в их стремлении сокрушить Европу: ныне, имея нового Хана, они ревностно желают кровопролития, и Гаюк, едва избранный, в первом совете с Князьями своими положил объявить войну Церкви нашей, Империи Римской, всем Государям Христианским и народам Западным, если Св. Отец – чего Боже избави – не исполнит его требований, то есть не покорится ему со всеми Государями Европейскими: ибо Моголы, следуя завещанию Чингисханову, непременно хотят овладеть вселенною.

Гаюк чрез несколько дней принял нас, равно как и других Послов. Секретарь его сказывал ему имя каждого; однако ж не многие из них были впущены в ставку Императорскую. Дары, поднесенные ими Хану, состояли в шелковых тканях, поясах, мехах, седлах, также вельблюдах и лошаках, богато украшенных. Между сими бесчисленными дарами мы заметили один зонтик, весь осыпанный драгоценными камнями. В некотором расстоянии от шатров стояло более пяти сот телег, наполненных золотом, серебром, шелковыми одеждами: что все было отдано хану, Князьям и Вельможам, которые после дарили тем своих чиновников. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имели.

В намерении завоевать Запад Гаюк не хотел вступить с нами в переговоры, и мы около месяца жили праздно, в скуке, в недостатке, получая от Моголов на пять дней не более того, что надлежало издержать в один день; а купить было нечего. К счастию, добрый россиянин, золотарь, именем Ком, любимец Гаюков, наделял нас всем нужным. Он сделал печать для Хана и трон из слоновой кости, украшенный золотом и камнями драгоценными с разными изображениями, и с удовольствием показывал нам свою работу. – Наконец Гаюк, призвав нас, спросил, есть ли у Папы люди, знающие язык Татарский, Русский или Арабский? Нет, отвечали мы: хотя в Европе и находятся некоторые Арабы, но далеко от того места, где живет Папа. Впрочем, мы брались сами перевести на Латинский язык, что будет угодно Хану написать к Св. Отцу. Вследствие того пришел к нам Кадак, государственный Министр, с тремя Ханскими Секретарями для сочинения грамоты, которую мы, слушая их, писали на Латинском языке и толковали им каждое слово: ибо они боялись ошибки в переводе и спрашивали, ясно ли разумеем, что пишем? Приставы наши говорили, что Хан отправит с нами собственных послов в Европу, если будем о том просить его; но сего мы не хотели: во-первых, для того, что они увидели бы несогласие и междоусобие Государей Христианских, столь благоприятное для неверных; во-вторых, ежели бы с послами Гаюка сделалось какое несчастие в Европе, то он еще более остервенился бы против Христиан. К тому же Хан не уполномочил бы сих Послов для заключения надежного мира, а велел бы им единственно вручить письма Св. Отцу такого же содержания, как и данные нам за его печатию.

Откланявшись Гаюку и матери его, которая дала нам по шубе лисей и по красному кафтану, мы отправились в обратный путь, 14 ноября, чрез необозримые пустыни; не видали ни селений, ни лесов; ночевали в степях, на снегу, и приехали к Вознесению в стан Батыев, чтобы взять у него письма к Папе. Но Батый сказал, что он не может ничего прибавить к ответу Хана, и дал нам пропуск, с коим мы благополучно доехали до Киева, где считали нас уже мертвыми, равно как и в Польше. Князь Российский Даниил и брат его, Василько, оказали нам много

ласки в своем владении и, собрав Епископов, Игуменов, знатных людей, с общего согласия объявили, что они *намерены признать Св. Отца Главою их Церкви, подтверждая все сказанное ими о том прежде чрез особенного Посла, бывшего у Папы*».

Сие важное известие согласно с грамотами Иннокентия IV, с летописями Польскими и нашими собственными. Занимаясь великим намерением свергнуть иго Батыево, Даниил с горестию видел слабость России, уныние Князей и народа; не мог надеяться на их содействие и долженствовал искать способов вне отечества. Единоверная Греция, стесненная Аравитянами, Турками, Крестоносцами, едва существовала: Даниил обратил глаза на Запад, где Рим был душею и средоточием всех государственных движений. Сей Князь (в 1245 или 1246 году) дал знать Иннокентию, что желает соединить Церковь нашу с Латинскою, готовый под ее знаменами идти против Моголов. Началось дружелюбное сношение с Римом. Папа, называя Даниила Королем и любезнейшим сыном, велел Архиепископу Прусскому ехать в Галицию и выбрать там Святителей из ученых Монахов Католических; объявил снисходительно, что все обряды Греческой Веры, не противные Латинской, могут и впредь быть у нас соблюдаемы невозбранно (как то служение на квасных просфирах), и в знак особенной благосклонности утвердил супружество Князя Василька, женатого на родственнице *в третьем и четвертом колене* (так сказано в письме Иннокентиевом, где сия дочь Георгия Суздальского именована Добравою), наконец, чтобы обольстить Даниилово честолюбие, предложил ему венец Королевский. Разумный Князь ответствовал: «Требую войска, а не венца, украшения суетного, пока варвары господствуют над нами». Иннокентий обещал и войско: но Даниил в ожидании того медлил объявить себя Католиком; оба хитрили, досадовали, и в 1249 году Легат Папский с неудовольствием выехал из Галиции. Посредничество Короля Венгерского утушило сию явную ссору: в залог милости Иннокентий (в 1253 или 1254 году) прислал к Даниилу венец с другими Царскими украшениями. Достойно замечания, что Князь Галицкий, нечаянно встретив послов Римских в Кракове, не хотел видеть их, сказав: «Мне, как Государю, непристойно беседовать с вами в земле чуждой». Он вторично не хотел принять и короны; но, убежденный материю, вдовствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентий взял действительные меры для обороны Христиан от Батыя и до всеобщего Собора не осуждал догматов Греческой Церкви: вследствие чего Даниил признал Папу *своим отцем* и Наместником Св. Петра, коего властию Посол Иннокентиев, Аббат Мессинский, в присутствии народа и Бояр возложил венец на главу его. Сей достопамятный обряд совершился в Дрогичине, и Князь Галицкий с того времени именовался *Королем*, а папа написал грамоту к Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другим народам, чтобы они вместе с Галичанами *под знамением креста* ударили на Моголов; но как от безрассудного междоусобия Христианских Государей сие ополчение не состоялось, то Даниил снял с себя личину, отрекся от связи с Римом и презрел гнев папы, Александра IV, который (в 1257 году) писал к нему, что «он забыл *духовные и временные* благодеяния Церкви, венчавшей и помазавшей его на царство; не исполнил своих обетов и погибнет, если с новым раскаянием не обратится на путь истины; что клятва церковная и булат мирской готовы наказать неблагодарного». В надежде смирять Моголов Посольствами и дарами новый Король Галицкий, богатый казною, сильный войском, окруженный соседами или несогласными или слабыми, уже смеялся над злобою Папы и, строго наблюдая уставы Греческой Церкви, доказал, что мнимое присоединение его к Латинской было одною государственною хитростию.

Обращаясь к путешествию Карпина, предложим сказанное им о свойстве, нравах и вере Моголов: сии известия также достойны замечания, сообщая нам ясное понятие о народе, который столь долгое время угнетал Россию.

«Татары (повествует Карпин) отличны видом от всех иных людей, имея щеки выпуклые и надутые, глаза едва приметные, ноги маленькие; большею частию ростом не высоки и худы; лицом смуглы и рябы. Они бреют волосы за ушами и спереди на лбу, отпуская усы,

бороду и длинные косы назади; выстригают себе также гуменцо, подобно нашим Священникам. Мужчины и женщины носят кафтаны парчовые, шелковые и клееношные или шубы навыворот (получая ткани из Персии, а меха из России, Болгарии, земли Мордовской, Башкирии) и какие-то странные высокие шапки. Живут в шатрах, сплетенных из прутьев и покрытых войлоками; вверху делается отверстие, чрез которое входит свет и выходит дым: ибо у них всегда пылает огонь в ставке. Стада и табуны Могольские бесчисленны: в целой Европе нет такого множества лошадей, вельблюдов, овец, коз и рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная каша есть главная пища сих дикарей, довольных малым ее количеством. Они не знают хлеба; едят все нечистыми руками, обтирая их об сапоги или траву; не моют ни котлов, ни самой одежды своей; любят кумыс и пьянство до крайности, а мед, пиво и вино получают иногда из других земель. Мужчины не занимаются никакими работами: иногда присматривают только за стадами или делают стрелы. Младенцы трех или двух лет уже садятся на лошадь; женщины также ездят верхом и многие стреляют из лука не хуже воинов; в хозяйстве же удивительно трудолюбивы; стряпают, шьют платье, сапоги; чинят телеги, навьючивают вельблюдов. Вельможи и богатые люди имеют до ста жен; двоюродные совокупляются браком, пасынок с мачехою, невестки с деверем. Жених обыкновенно покупает невесту у родителей, и весьма дорогою ценою. Не только прелюбодеяние, но и блуд наказывается смертию, равно как и воровство, столь необыкновенное, что Татары не употребляют замков; боятся, уважают чиновников и в самом пьянстве не ссорятся или по крайней мере не дерутся между собою; скромны в обхождении с женщинами и ненавидят срамословие; терпеливо сносят зной, мороз, голод и с пустым желудком поют веселые песни; редко имеют тяжбы и любят помогать друг другу; но зато всех иноплеменных презирают, как мы видели собственными глазами: например, Ярослав, Великий Князь Российский, и сын Царя Грузинского, будучи в Орде, не смели иногда сесть выше своих приставов. Татарин не обманывает Татарина; но обмануть иностранца считается похвальною хитростию.

Что касается до их Закона, то они веруют в Бога, Творца Вселенной, награждающего людей по их достоинству; но приносят жертвы идолам, сделанным из войлока или шелковой ткани, считая их покровителями скота; обожают солнце, огонь, луну, называя оную великою царицею, и преклоняют колена, обращаясь лицом к Югу; славятся терпимостию и не проповедуют Веры своей; однако ж принуждают иногда Христиан следовать обычаям Могольским: в доказательство чего расскажем случай, которому мы были свидетелями. Батый велел умертвить одного Князя Российского, именем Андрея, будто бы за то, что он, вопреки Ханскому запрещению, выписывал для себя лошадей из Татарии и продавал чужеземцам. Брат и жена убитого Князя, приехав к Батыю, молили его не отнимать у них княжения: он согласился, но принудил деверя к брачному совокуплению с невесткою, по обычаю Моголов.

Не ведая правил истинной добродетели, они вместо законов имеют какие-то предания и считают за грех бросить в огонь ножик, опереться на хлыст, умертвить птенца, вылить молоко на землю, выплюнуть из рта пищу; но убивать людей и разорять государства кажется им дозволенною забавою. О жизни вечной не умеют сказать ничего ясного, а думают, что они и там будут есть, пить, заниматься скотоводством и проч. Жрецы их суть так называемые волхвы, гадатели будущего, коих совет уважается ими во всяком деле. (Глава их, или Патриарх, живет обыкновенно близ шатра Ханского. Имея астрономические сведения, они предсказывают народу солнечные и лунные затмения).

Когда занеможет Татарин, родные ставят перед шатром копье, обвитое черным войлоком: сей знак удаляет от больного всех посторонних. Умирающего оставляют и родные. Кто был при смерти человека, тот не может видеть ни Хана, ни Князей до новой луны. Знатных людей погребают тайно, с пищею, с оседланным конем, серебром и золотом; телега и ставка умершего должны быть сожжены, и никто не смеет произнести его имени до третьего поколения. – Кладбище Ханов, Князей, Вельмож неприступно: где бы они ни скончали жизнь свою,

Моголы отвозят их тела в сие место; там погребены многие, убитые в Венгрии. Стражи едва было не застрелили нас, когда мы нечаянно приближились к гробам.

Таков сей народ, ненасытимый в кровопролитии. Побежденные обязаны давать Моголам десятую часть всего имения, рабов, войско и служат орудием для истребления других народов. В наше время Гаюк и Батый прислали в Россию Вельможу своего, с тем, чтобы он брал везде от двух сыновей третьего; но сей человек нахватал множество людей без всякого разбора и переписал всех жителей как данников, обложив каждого из них шкурою белого медведя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а не платящие должны быть рабами Моголов. Сии жестокие завоеватели особенно стараются искоренять Князей и Вельмож; требуют от них детей в аманаты и никогда уже не позволяют им выехать из Орды. Так *сын Ярославов*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.